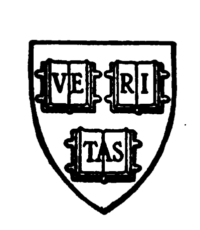
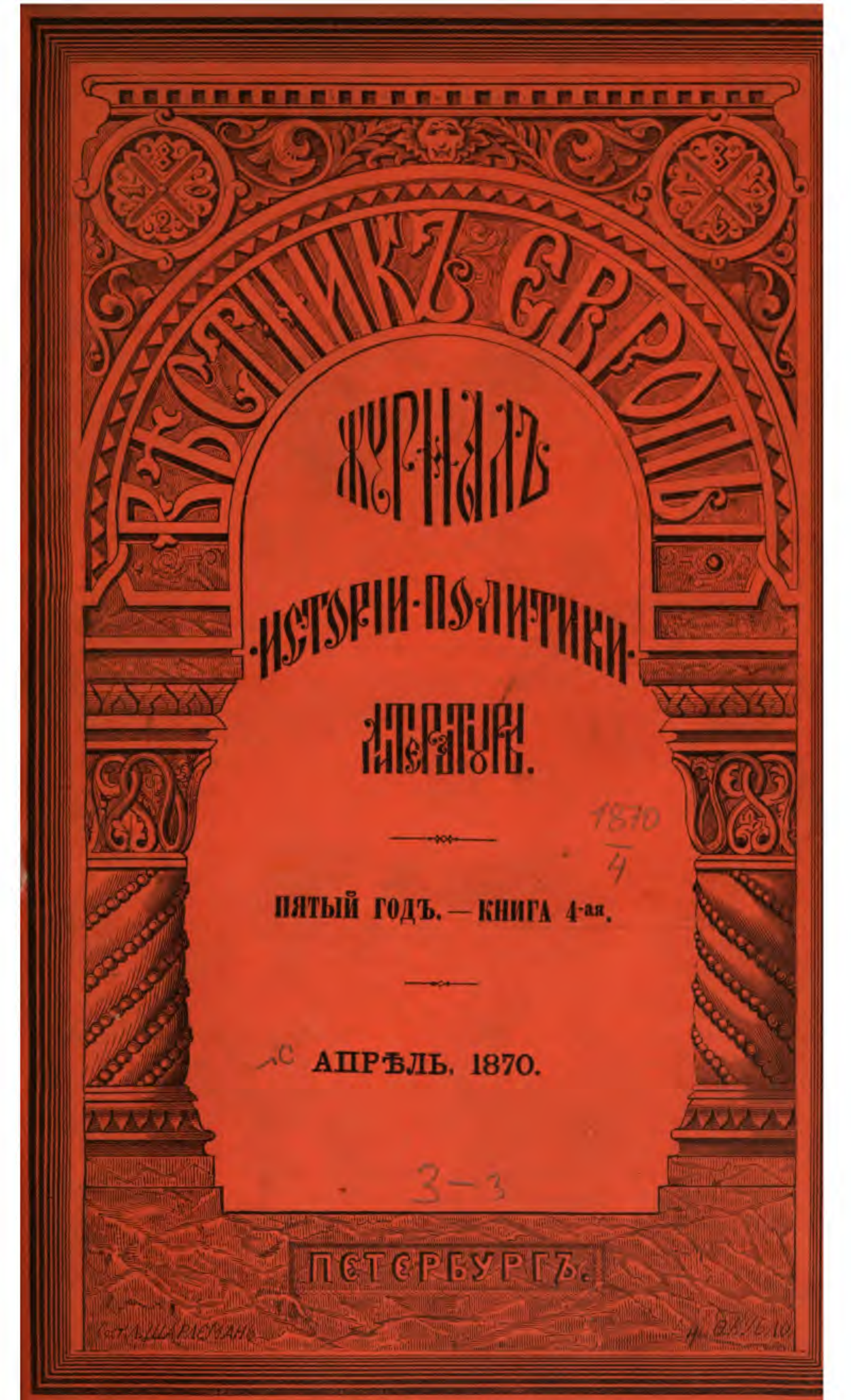

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго. Могилевская, 7.

КНИГА 4-ая. — АПРѢЛЬ, 1870.

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ

КРИТИКА ВЪ XVII-мъ ВѢКѢ.

Извѣстно, какое важное значеніе имѣли у насъ въ старину мѣстные святые, покровители городовъ и земель. Они были однимъ изъ обычныхъ явленій, поддерживавшихъ удѣльно-вѣчевой строй нашей общественной жизни. Уваженіе къ святымъ возвышало достоинство тѣхъ мѣстностей, гдѣ они проявляли данную имъ благодать; край гордился своимъ патрономъ, имя его призывалось въ битвахъ, на него полагали упованіе во время грозившихъ краю бѣдствій. Лица, удостоившіяся послѣ смерти сдѣлаться мѣстными патронами, во время земной жизни своей иногда были духовные сановники, иногда отшельники, нерѣдко особы княжескаго дома. Послѣднимъ особенно было кстати получить значеніе покровителей города и земли. При жизни они правили этимъ самымъ городомъ и землей, защищали мѣстные интересы противъ другихъ князей и земель, охраняли благочестивое жительство отъ иноземцевъ и иноплеменниковъ; сподобившись за свою добродѣтель святости и нетлѣнію, они ощутительно для вѣры, въ вѣрованіи народа продолжали и за гробомъ оказывать прежнюю любовь къ своей землѣ, были на небесахъ представителями и помощниками нѣкогда управляемаго ими народа. Память мужей церкви, отшельниковъ отъ міра возбуждала въ благочестивыхъ поклонникахъ думы о суетѣ міра, о превосходствѣ духовной жизни; особы княжескаго рода были ближе къ земному порядку: они не убѣгали отъ міра въ дебри и лѣса, они вращались съ людьми, несли семейныя и общественныя обязанности, не чуждались житейскихъ радостей, боролись наравнѣ съ другими противу треволненій житейскаго моря. Оттого

и послѣ смерти они казались ближе къ земнымъ потребностямъ чѣмъ тѣ, которые во время земного своего поприща пренебрегали ими и покидали ихъ для высшей сферы. Не было почти земли русской, гдѣ бы не являлось благоговѣйнаго уваженія къ памяти о лицѣ изъ мѣстнаго княжескаго рода. Въ Новгородѣ чтили Владиміра, строителя св. Софіи, и Мстислава Храбраго, распространившаго предѣлы владѣній Великаго Новгорода; Псковъ возвышался и пріобрѣталъ независимость отъ Новгорода подъ благословеніемъ князя Всеволода-Гавріила, изгнаннаго новгородцами и съ честью принятаго псковитянами;—тотъ-же Псковъ, въ своей нескончаемой брани съ нѣмцами, воодушевлялся мужествомъ, надѣясь на святого Довмонта-Тимоѳея, богатыря, охранявшаго освященнымъ у св. Троицы мечемъ и православіе и русскую народность противъ покушеній нѣмецкаго католичества; Полоцку покровительствовала св. Евфросинія; Кіевъ помнилъ Ольгу, Владиміра, страстотерпцевъ Бориса и Глѣба; замученный клеветами Игорь нашелъ себѣ посмертный покой въ родномъ ему Черниговѣ. Муромъ пребывалъ подъ покровительствомъ своего просвѣтителя князя Константина съ сыновьями, и добродѣтельной четы—Петра и Февроніи. Татарское насиліе украсило княжескіе роды черниговской и рязанской земель страдальческими именами князей черниговскихъ Михаила и Ѳеодора, и рязанскаго Романа Ольговича; суздальско-ростовско-владимірская земля, издавна стремившаяся стать во главѣ русскихъ земель, явила рядъ святыхъ княжескаго происхожденія по плоти: Евфросинія Суздальская въ Суздалѣ, во Владимирѣ Андрей и Александръ Невскій, въ Ростовѣ Юрій и Василько, погибшіе въ борьбѣ противъ татаръ, въ Переяславѣ Андрей, въ Угличѣ Романъ, въ Ярославлѣ Ѳеодоръ и дѣти его Давидъ и Константинъ. Москва вела Русь къ единодержавію подъ благословеніемъ родоначальника своихъ князей Даніила, а ея соперница Тверь отстаивала свою самобытность, призывая въ помощь страдальца Михаила, погибшаго въ Ордѣ по проискамъ московскаго князя. Когда единовластіе замѣнило удѣльность и Москва стала головою восточной Руси, уваженіе къ мѣстнымъ патронамъ не охладѣвало долго. Многіе угодники, мѣстно чтимые въ древнихъ городахъ, получили общецерковное значеніе только въ московскій періодъ.

Явленіе новой святыни чаще всего происходило въ эпохи бѣдствій. Просіявшая въ горькіе часы испытанія, благодать утверждала и упрочивала вѣру въ мѣстную святыню. Не было ни одного сколько-нибудь значительнаго города, гдѣ-бы не находилось мощей или чудотворной иконы, и всегда при такой святынѣ сохранялось преданіе объ избавленіи мѣстности отъ

бѣдствій — преимущественно отъ непріятельскаго нашествія. Такія чудеса составляли славу святыни на будущіе вѣка. Въ болѣе отдаленныя отъ насъ времена преданіе легко получало значеніе несомнѣнной религіозной истины отъ простоты вѣрующаго сердца. Впрочемъ, православная церковь никогда не признавала правильнымъ безъ разсужденія и изслѣдованія допускать всякому преданію, хотя-бы благочестивому и сообразному съ духомъ религіи, вступать въ область непогрѣшительныхъ истинъ. Въ XVII вѣкѣ, церковная критика дѣйствовала гораздо рѣшительнѣе и сильнѣе чѣмъ прежде. Тогда была эпоха Никона, эпоха пересмотра богослужебныхъ книгъ, обрядовъ, религіозныхъ обычаевъ и преданій, эпоха смѣлой реформы всего того, что послѣ пересмотра оказалось лишеннымъ достаточныхъ основаній для своего освященія церковнымъ авторитетомъ. Тогда-то церковная власть не утвердила своимъ авторитетомъ многія жизнеописанія, составленныя по неосновательнымъ изустнымъ преданіямъ, иногда съ явными слѣдами собственнаго вымысла составителя, который, за недостаткомъ самобытнаго творчества, часто дѣлалъ осколокъ съ прежнихъ житій. Какъ искренно и неуклонно поступала тогда церковь, показываетъ то, что на соборѣ 1667 (Д. М. V. 563) рѣшились отвергнуть между прочимъ житіе Евфросина Псковскаго (въ той части, которую нашли погрѣшительною), даромъ что стоглавый соборъ, имѣвшій въ виду это житіе и на немъ основываясь, утвердилъ-было сугубое аллилуіа.

Кашинъ былъ нѣкогда княжескимъ удѣльнымъ городомъ, имѣлъ свою волость, всегда составлялъ часть тверской земли, но въ тоже время стремился удержать свою мѣстную автономію. Въ XIV вѣкѣ, родъ тверскихъ князей раздѣлился на двѣ линіи, и одна изъ нихъ избрала себѣ Кашинъ. Въ удѣльно-вѣчевыя времена новыя княжества возникали и упрочивались въ такихъ городахъ, которые, по какимъ-либо благопріятнымъ географическимъ условіямъ и историческимъ обстоятельствамъ, будучи пригородами главнаго города земли, получали болѣе, чѣмъ другіе пригороды, значенія, силы и достоинства. Во всѣхъ русскихъ земляхъ видимъ мы одно и тоже явленіе: города, бывшіе нѣкогда только пригородами, возвышались до того, что достигали до извѣстной степени равенства съ главнымъ городомъ, а иногда совсѣмъ выдѣлялись изъ одной съ ними земли и дѣлались средоточіемъ земли собственной. Примѣры перваго рода встрѣчаются въ суздальско-ростовской землѣ, гдѣ еще въ XII вѣкѣ Суздаль и Ростовъ были два равные города въ одной землѣ; потомъ тамъ возвысился изъ пригородовъ Владиміръ и взялъ первенство надъ

старыми городами; за нимъ города Переяславль-Залѣскій, Городецъ, Кострома, Угличъ, Бѣлоозеро, Нижній-Новгородъ, хотя долго составляли вмѣстѣ совокупность одной земли, но имѣли равное значеніе независимыхъ городовъ и поддерживали до извѣстной степени автономію тянувшихъ къ нимъ территорій. Тоже въ рязанской землѣ; Пронскъ, бывши пригородомъ Рязани, возвышается до равенства съ Рязанью, хотя не выступаетъ изъ сферы рязанской земли. Въ землѣ кривичей тоже явленіе представляетъ городъ Витебскъ, возвышавшійся до равенства съ Полоцкомъ, какъ это показываетъ договоръ Герденя съ нѣмцами; на Волыни точно также, кромѣ Владимира Волынскаго поднялся Луцкъ; въ Червонной Руси, кромѣ Галича,—Перемышль. Можно тоже сказать въ большей или меньшей степени и о многихъ другихъ городахъ, которыхъ возвышеніе передъ прочими своей земли нѣсколько замѣтно; напр., въ Новгородской землѣ поднялись болѣе другихъ Ладога, Руса и Торжокъ; послѣдній оказывалъ, при случаѣ, стремленіе къ выдѣленію изъ новгородской земли. Примѣрами второго рода совершеннаго выдѣленія могутъ теперь служить нѣкогда бывшіе только пригородами, которые въ землѣ суздальско-ростовской впослѣдствіи пріобрѣли главенство надъ своими отдѣльными землями и пригородами и выдѣлились изъ прежней земли, такова Тверь, которая нѣкогда принадлежала къ суздальско-ростовской землѣ, а послѣ выдѣлилась изъ нея и образовала вокругъ себя свою собственную землю съ пригородами; тоже явленіе на сѣверѣ со Псковомъ, который былъ нѣкогда пригородомъ Новгорода, а потомъ достигъ независимости и сдѣлался главою своихъ десяти пригородовъ. Отдѣленіе двинской земли отъ Новгорода подобно Пскову висѣло, такъ сказать, на волоскѣ.

Въ тверской землѣ въ XIV вѣкѣ сталъ возвышаться Кашинъ. Въ 1326 году, лѣтописецъ, разсказывая о нападеніи Ивана Даниловича московскаго на тверскую землю съ татарами, говоритъ: *идоша по повелѣнію Цареву и взяша градъ, Тверь и Кашинъ и протчая грады тверской волости* (Ник. 138). Здѣсь Кашинъ упомянутъ одинъ только въ ряду *протчихъ* градовъ: видно, что онъ тогда болѣе другихъ пользовался значеніемъ въ тверской землѣ; иначе-бы лѣтописецъ кромѣ города Твери, не назвалъ-бы никакого города или же поименовалъ бы еще другіе, считавшіеся тверскими пригородами. Междоусобія князя Василія Кашинскаго съ другими князьями тверской земли должны были пріучить кашинцевъ къ сознанію отдѣльныхъ интересовъ, особыхъ отъ прочихъ тверской земли. Междоусобія эти начались съ 1347 года. Племянникъ Василія Кашинскаго, сынъ Александра Михайловича, получилъ отъ хана Чанибека право на Тверь, слѣ-

довательно и старѣйшинство въ тверской землѣ. Дядя оскорбился этимъ. Кашинцы, защищая права своего князя, должны были стоять во враждебномъ отношеніи къ тверичамъ. Отъ этого возсталъ Кашинъ на Тверь, и по выраженію лѣтописца, была *людемъ тверскимъ тягость и мнози люди тверскіе того ради нестроенія разидошася* (Никон. 130). На слѣдующій годъ племянникъ уступилъ дядѣ и самъ удовольствовался прежнимъ своимъ удѣломъ въ Холмѣ. Это событіе подѣйствовало счастливо на состояніе тверской земли: *и поидоша къ нимъ людіе отовсюду въ грады ихъ, во власти ихъ, во всю землю тверскую и умножишася людіе и возрадовавшася радостію великою* (Ник. 192). Это извѣстіе, со многими подобными въ нашихъ лѣтописяхъ, указываетъ на ту подвижность русскаго населенія, которая шла рядомъ съ междоусобіями и часто какъ отъ нихъ зависѣла, такъ и способствовала ихъ учащенію. Когда въ землѣ безпокойно, люди не затруднялись съ своимъ несложнымъ имуществомъ переходить въ другія русскія земли; а гдѣ водворялось болѣе или менѣе продолжительное спокойствіе, туда приливало и народонаселеніе. Москва обязана вначалѣ своимъ возвышеніемъ умѣнію Ивана Даниловича Калиты обезопасить московскую землю отъ татарскихъ вторженій и внутреннихъ междоусобій: отъ этого московская земля стала заселяться болѣе другихъ и притягивала съ себѣ сочувствіе жителей другихъ земель, не пользовавшихся такимъ спокойствіемъ. Но обратимся къ Кашину.

Кашинъ черезъ переходъ своего князя въ Тверь не слился съ Тверью, не потерялъ своей доли автономіи; это показываетъ, что эта автономія явилась не случайно, вслѣдствіе передвиженій, а имѣла основанія поглубже. Василій Михайловичъ, сдѣлавшись тверскимъ княземъ, старѣйшимъ между всѣми князьями тверской земли, оставилъ въ Кашинѣ своего сына Василія (Ник. IV, 5), слѣдовательно призналъ за Кашиномъ почетное право имѣть своего князя. Возведеніе Василія Михайловича въ достоинство старѣйшаго не надолго успокоило тверскую землю. Тверскую землю постигло значительное междоусобіе въ 1364 году. Передъ тѣмъ только отъ свирѣпствовавшей моровой язвы вымерло много князей тверского рода. Между тверскимъ Василіемъ Михайловичемъ и Михаиломъ Александровичемъ микулинскимъ княземъ (однимъ изъ удѣльныхъ князей тверской земли), возникъ споръ о наслѣдствѣ послѣ умершаго князя Семена. По благословенію митрополита, спорившіе отдались на судъ тверского владыки. Тотъ оправдалъ Михаила Александровича. Вслѣдъ затѣмъ послѣдній сталъ княземъ въ Твери, т.-е. старѣйшимъ или великимъ княземъ тверской земли. Василій Михайловичъ долженъ

былъ оставаться въ Кашинѣ, который передъ тѣмъ не задолго лишился своего особаго князя, Василіева сына; но Василій Михайловичъ не думалъ повиноваться этой судьбѣ; кашинцы пошли на тверичей за своего князя. Два города, Тверь и Кашинъ, сдѣлались двумя враждебными станами въ тверской землѣ. Кашинскій князь, вмѣстѣ съ оскорбленнымъ подобно ему братомъ покойнаго Семена Іереміею Константиновичемъ, навелъ на Тверь вспомогательныя силы изъ Вологды и изъ Москвы, постоянной соперницы Твери. Тверскую землю постигло обычное при войнахъ разореніе. Церковныя волости должны были особенно пострадать за своего владыку, котораго князья Василій и Іеремія считали зачинщикомъ смуты: *эти волости плѣнили, пожгли, пусто все сотворили.* Кашинцы, по выраженію лѣтописца, тверичамъ дѣлали досады безчестіемъ и муками и разграбленіемъ имѣнія и продажею безъ милованія. На ту пору Михаилъ Александровичъ былъ въ Литвѣ, куда поѣхалъ просить помощи на враговъ. Осенью 1366 года, онъ воротился съ литовскою силою и пошелъ на Кашинъ, тогда кашинская земля должна была испытать возмездіе за то, что кашинцы натворили въ тверской. Василій Михайловичъ не имѣлъ довольно силы, чтобъ дать отпоръ литовской силѣ, и послалъ просить мира. Замѣчательно, что вмѣстѣ съ нимъ находился тогда тотъ самый владыка, который рѣшилъ дѣло не въ его пользу, теперь онъ присталъ къ тѣмъ, кого прежде обвинялъ: не даромъ, видно, пустыми сотворили его волости. И онъ просилъ мира у Михаила Александровича. Все сталось по волѣ послѣдняго. Воевать было не за что. Только Іеремія не хотѣлъ мириться и уѣхалъ въ Москву поджигать противъ Михаила Александровича московскаго князя. Въ 1367 году, Василій Михайловичъ скончался; но распри Кашина съ Тверью не порѣшились съ его смертью.

Открылась упорная и кровавая борьба Михаила Александровича съ Димитріемъ Ивановичемъ Московскимъ, возбужденная, между прочимъ, Іереміею Константиновичемъ. Ольгердъ Литовскій, помогая шурину своему тверскому князю, опустошилъ московскую землю; московская сила взяла и сожгла Зубцовъ и Микулинъ и разорила тверскія волости — и вся власти и села повоева и позже и пусто сотвори. Въ Кашинѣ былъ княземъ сынъ Василія Михайловича, Михаилъ Васильевичъ, о которомъ сохранилось извѣстіе, что Богъ наказывалъ его и супругу его тяжелою болѣзнію за перенесеніе церкви изъ монастыря Богородицы во внутрь города; впрочемъ, онъ умилостивилъ гнѣвъ божій тѣмъ, что поставилъ иную церковь на прежнемъ мѣстѣ,

гдѣ стояла перенесенная въ городъ церковь. До 1371 года этотъ князь не былъ участникомъ въ дѣлѣ вражды Твери съ Литвою, но въ этомъ году принялъ сторону Москвы. Михаилъ Александровичъ повелъ на Кашинъ литовское войско подъ предводительствомъ Кестута; повоевали кашинскую волость, людей въ плѣнъ набрали, взяли *окупъ* съ самого города Кашина (Ник. IV. 83). Кашинскій князь принужденъ былъ отдаться въ волю тверского и утвердилъ съ нимъ союзъ крестнымъ цѣлованіемъ. Но видно тяжело было Кашину такое подчиненіе. Въ слѣдующую затѣмъ зиму кашинскій князь сложилъ съ себя крестное цѣлованіе тверскому князю, убѣжалъ въ Москву, а оттуда въ Орду. Въ Ордѣ онъ не могъ найти себѣ много полезнаго, потому что въ Ордѣ происходила тогда страшная неурядица. Кашинскій князь воротился ни съ чѣмъ. Михаилъ Александровичъ былъ занятъ укрѣпленіемъ своей Твери, вѣроятно ожидая на нее нападенія. Въ 1372 году кашинскій князь умеръ. Сынъ его Василій Михайловичъ по единому слову,—говоритъ лѣтописецъ,—пріѣхалъ въ Тверь съ бабкою своею Еленою и съ кашинскими боярами: онъ принесъ Михаилу челобитіе и отдался въ его волю. Вслѣдъ затѣмъ помирились и заклятые враги, тверской и московскій князья; христіанамъ стало отъ узъ разрѣшеніе, христіане радостью возрадовались, говоритъ лѣтописецъ. Не надолго была и на этотъ разъ радость мира. Невыносимо было для кашинскаго князя властолюбіе старѣйшаго, онъ убѣжалъ въ Москву. Тверской князь отправилъ двухъ московскихъ перебѣжчиковъ въ Орду направить татаръ на враждебный Кашинъ.

Въ 1373—1374 годахъ, призванная Тверью Орда налетѣла на него и сожгла: Кашинъ оставался тогда безъ князя, жившаго въ Москвѣ; Кашиномъ управлялъ вмѣсто князя бояринъ Парфеній Θеодоровичъ: его убили татары. Они завоевали все Запенье, много погибло народа, много въ полонъ взято. Въ августѣ 1375, Димитрій Московскій съ силами подручныхъ ему князей въ союзѣ съ новгородцами и кашинцами, обложилъ Тверь и стоялъ подъ городомъ четыре недѣли. Правда, Тверь отсидѣлась, да тверская волость страшно пострадала. Одни союзники Москвы—новгородцы вмѣстѣ съ новоторжцами, мстили тверской землѣ за разореніе Торжка, другіе—кашинцы не уступали имъ въ жестокостяхъ за недавнія опустошенія своихъ селъ и за истребленіе своего города.

Города: Микулинъ, Зубцовъ, Старица, Бѣлгородъ были сожжены, сгорѣло много селъ; жители гибли отъ оружія; безоружныхъ, лишенныхъ жилищъ гнали въ плѣнъ; истребляли и хлѣбъ на поляхъ и на гумнахъ. Михаилу Александровичу оставалось

покориться. Онъ просилъ мира. Ему дали миръ на условіяхъ, выгодныхъ для побѣдителей. Михаилъ призналъ надъ собою первенство московскаго князя, и удовлетворилъ его союзниковъ новгородцевъ. Кашинъ выигралъ вполнѣ. Въ договорѣ, заключенномъ Михаиломъ Александровичемъ съ Дмитріемъ, тверской великій князь отступался отъ права вмѣшиваться въ Кашинъ (А въ Кашинъ ти ся не вступати, а что потягло къ Кашину, вѣдаетъ то вотчичь князь Василій.—С. Г. Гр. и Д. 1.—46). Михаилъ Александровичъ обязался возвратить свободу кашинцамъ, захваченнымъ въ плѣнъ въ теченіи прошедшей вражды и терялъ на будущее время право суда надъ ними. (А что еси изъималъ бояръ или слугъ и людей Кашинскихъ да подавалъ на поруку, съ тѣхъ ти поруку свести и ихъ отпустити, и кому чего на нихъ искати, ино тому судъ, т.-е. общій судъ). Изъ послѣдняго мѣста въ грамотѣ видно, что тогда происходили важныя недоразумѣнія и распри между тверичами и кашинцами, и тверской князь, какъ старѣйшій въ землѣ, присвоилъ себѣ право суда надъ кашинцами, рѣшалъ (по мнѣнію послѣднихъ, пристрастно) въ пользу своихъ, и такія столкновенія, безъ сомнѣнія, давали пищу княжескимъ распрямъ, и возбуждали и поддерживали ихъ. Теперь Кашинъ съ своею волостью пріобрѣталъ признанную автономію, хотя не выходилъ однако изъ предѣловъ тверской земли. Если представить себѣ горькое положеніе жителей тверской земли въ эпоху междоусобій двухъ ея главныхъ городовъ, что легко понять, какъ эти междоусобія, обезсиливая Тверскую землю, способствовали возвышенію сосѣдней московской, гдѣ въ тоже время жители пользовались относительно гораздо большею безопасностію. Со смертію Василія не продолжалась въ Кашинѣ линія Василія Михайловича перваго. Неизвѣстно, умеръ-ли Василій Михайловичъ второй бездѣтнымъ, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ Кашинъ не оставался въ его родѣ. Тѣмъ не менѣе, Кашинъ не терялъ своей поземельной самобытности, разъ пріобрѣвши ея; она выражалась въ потребности имѣть отдѣльнаго князя съ своею автономіею, онъ подчинился Твери. Тверской князь, какъ старшій въ землѣ, назначилъ туда сына Бориса Михайловича. Замѣчательно, что по смерти его, случившейся въ 1395 году (Ник.—IV 257), тѣло его погребено не въ Кашинѣ, а въ Твери у св. Александра (вѣрно въ память его дѣда). Послѣ него въ Кашинѣ былъ княземъ Василій Михайловичъ, братъ предыдущаго (Ник. IV—298). Послѣ смерти отца его, Михаила Александровича (л. Ник. 1399), старѣйшимъ тверскимъ княземъ сталъ одинъ изъ его сыновей Иванъ Михайловичъ и выпросилъ въ ордѣ у Темиръ-Кутлука

ярлыкъ на великое княженіе въ тверской землѣ. Съ перваго же раза возникли у него недоразумѣнія съ Кашиномъ, старѣйшій князь требовалъ отъ всѣхъ бояръ тверской земли, чтобъ они цѣловали крестъ ему, какъ великому князю, а не всѣмъ братьямъ, дѣтямъ бывшаго стариннаго тверского князя вмѣстѣ.

Это имѣло тотъ смыслъ, что во всѣхъ удѣлахъ одной и той же земли у бояръ—представителей удѣльной частности,—было сознаніе, что они члены всей своей земли, и слѣдовательно должны всегда жертвовать ей мѣстными интересами, и въ случаѣ разлада великаго князя своей общей земли съ братьями, считали-бы себя обязанными идти за великимъ княземъ, а не за своими удѣльными. Но Кашинъ давно сталъ себя считать въ этомъ отношеніи самостоятельною землею и воспротивился: кашинскій князь Василій Михайловичъ побуждалъ на старѣйшаго прочихъ братьевъ и самую мать свою. Кашинъ опять сталъ пунктомъ противодѣйствующимъ Твери. Несогласія нѣсколько времени вспыхивали, утишались, опять возобновлялись. Въ 1401 году, тверской князь отнялъ у Кашина какія-то урочища (езеро Луское и входъ Еросалима). Василій Михайловичъ обратился къ посредству владыки Арсенія, общаго епархіальнаго начальника всей тверской земли и просилъ общаго суда, т.-е. чтобы равнымъ образомъ разсудили это дѣло сшедшись вмѣстѣ: и судьи со стороны Твери и судьи со стороны Кашина, слѣдовательно, чтобъ Кашинъ имѣлъ въ этомъ случаѣ значеніе независимой земли; тверской князь не соглашался. Суда ти о томъ не дамъ,—говорилъ онъ; т.-е. онъ считалъ себя, какъ старѣйшаго князя всей тверской земли, вправѣ вообще распоряжаться всѣмъ тѣмъ, что входитъ въ область тверской земли, а слѣдовательно и Кашиномъ (Ник., IV, 299). Въ 1403 году, споръ между братьями дошелъ до междоусобія. Иванъ Михайловичъ пошелъ съ ратью принуждать Кашинъ повиноваться своей волѣ; кашинскій князь убѣжалъ въ Москву подъ защиту такого князя, который претендовалъ на старѣйшинство и надъ тѣмъ, кто считалъ себя старѣйшимъ въ тверской землѣ. Московскій князь Василій Дмитріевичъ усмирилъ ихъ (Ник. 307), но плохо и не надолго. Василій Михайловичъ, въ 1405 г., съ кашинскими боярами пріѣхалъ въ Тверь, по какому-нибудь общественному дѣлу; Иванъ Михайловичъ задержалъ его и всѣхъ бояръ съ нимъ (Ник. 313). Это было зимой. На страстной недѣлѣ въ пятницу братья помирились. Василій Михайловичъ былъ отпущенъ на святой недѣлѣ во вторникъ. Но чрезъ короткое время, именно въ Петровскій постъ между тверскими и кашинскими князьями опять вспыхнуло несогласіе. Василій убѣжалъ въ Москву, а Иванъ Михайловичъ овладѣлъ Кашиномъ и поставилъ тамъ сво-

ихъ начальниковъ. Понятно, что для кашинцевъ эта перемѣна была тяжела: — намѣстники, говоритъ лѣтописецъ, — много зла сотвориша христіанамъ продажей и грабежемъ (Ник. 314). На слѣдующій годъ Василій Михайловичъ помирился со старѣйшимъ и отправился въ свой Кашинъ (Ник. 317). Въ 1412 году, Иванъ Михайловичъ приказалъ взять (изымать) своего брата, его бояръ и его слугъ и послалъ въ Кашинъ намѣстниковъ. Даже супругу Василія Михайловича велѣно было доставить въ Тверь. Это случилось 28 іюня. На другой день, въ четвертокъ, послѣ вечерни Иванъ Михайловичъ отправилъ своего брата подъ стражей въ свой новый городокъ; когда кашинскій князь былъ на Переволокѣ и нужно было всѣмъ сойти съ лошадей, сторожа сошли, а князь пришпорилъ свою лошадь, переѣхалъ въ бродъ рѣку Тмаку и ускакалъ не по дорогѣ. На немъ не было верхней одежды, онъ былъ въ терликѣ; на немъ не было кивера. Въ одномъ селеніи ему удалось найти человѣка, который принялъ въ немъ участіе, скрылъ его въ лѣсу; съ нимъ онъ убѣжалъ въ Москву. Долго за нимъ гонялись, искали его, но не нашли (Ник. V, 43).

Кашиномъ стали управлять невыносимые намѣстники тверскіе, и кашинцы вспоминали, что не даромъ предъ ихъ несчастіемъ были зловѣщія предзнаменованія. 8 декабря, князь былъ въ своемъ селѣ Страшковѣ въ церкви, на храмовомъ праздникѣ на вечерни. Вдругъ пролетѣлъ по воздуху изъ Кашина великій и страшный огненный змѣй, по направленію отъ востока къ западу; и князь и бояре и всѣ люди видѣли это знаменіе, а уже послѣ того, какъ князя взяли изъ Кашина, показалось другое знаменіе: увидали люди серпъ изъ облака.

Неизвѣстно когда рѣшилось кашинское дѣло. Въ лѣтописяхъ оно исчезаетъ, конечно случайно, какъ многое изъ событій старины; у насъ не вошло оно въ исторію, потому что не попалось подъ руки тѣмъ, которые собирали лѣтописныя сказанія и сводили ихъ вмѣстѣ. Только подъ 1425 (Ник. С, 85) говорится о смерти Ивана Михайловича Тверского, потомъ о преемничествѣ сына его Александра. И сяде по немъ на великомъ княженіи Тверскомъ сынъ его князь Александръ, мѣсяца мая въ 1 день. Потомъ говорится: А въ Кашинѣ дядя его князь Василій Михайловичъ. Но здѣсь отсутствіе глагола дѣлаетъ двусмысліе. Въ то время какъ Александръ заступилъ мѣсто своего отца въ Твери, въ Кашинѣ пребывалъ ли уже Василій Михайловичъ или же онъ сталъ княземъ кашинскимъ разомъ какъ Александръ сталъ тверскимъ? Тотъ Александръ княжилъ не долго, братъ его Юрій заступилъ его мѣсто, умеръ также скоро, и

великимъ княземъ тверской земли сдѣлался сынъ Александра — Борисъ.

Этотъ новый князь окончилъ долгую борьбу Твери съ Кашиномъ. Онъ схватилъ Василія Кашинскаго и лишилъ его княженія. Неизвѣстно, какъ кончилъ свое существованіе этотъ князь, упорный борецъ за самостоятельность Кашина, терпѣвшій всю жизнь столько потрясеній; послѣ него въ Кашинѣ уже не было отдѣльныхъ князей. Но Кашинъ и въ соединеніи съ Тверью все еще считался единицею, имѣющею нѣкоторую автономію. Въ договорной грамотѣ Бориса Александровича и тверской земли съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ и удѣльными князьями московской земли, пересчитываются удѣльные князья тверского рода Иванъ Юрьевичъ (Зубцовскій), Андрей Ивановичъ (Холмскій), Θеодоръ Θедоровичъ (Микулинскій) (А. А. Э. 1. 25. — Родосл. кн. Временн. X. 51—52); но удѣлы упоминаемыхъ князей вовсе не называются, потому что пригороды, гдѣ жили эти князья по отношенію къ собирательной единицѣ, тверской земли, не имѣли важнаго значенія и князья въ нихъ находились независимо отъ какого-нибудь права быть князю именно въ этихъ пригородахъ, и князья въ нихъ были случайно, тогда какъ о Кашинѣ говорится какъ о единицѣ, составляющей половину тверской земли (а имать вамъ (татары) давать, домъ св. Спаса и нашу отчину великое княженіе Тверь и Кашинъ, и вамъ ся, брате, не имать за домъ святого Спаса и за нашу отчину великое княженіе Тверь и Кашинъ). Извѣстно, что удѣлы княжескіе не всегда были единственнымъ условіемъ автономіи города и земли; удѣльное княженіе исчезало, а значеніе земли оставалось. Также точно появленіе удѣльнаго князя въ какомъ-нибудь незначительномъ городкѣ не давало ему сразу автономіи, если этому не способствовали другія условія. Въ 1485 г. пала независимость тверской земли; князь Михаилъ Борисовичъ убѣжалъ въ Литву и умеръ въ изгнаніи; другіе князья тверской земли поступили въ ряды московскихъ слугъ, потомъ и холоповъ. Тогда кашинская земля, наравнѣ съ волостями другихъ пригородовъ (Старицы, Зубцова, Опокъ, Холма, Клина, Новгородка), была разбита на сохи Василіемъ Карамышевымъ, — обыкновенное распоряженіе московскаго правительства въ присоединенныхъ къ Москвѣ русскихъ земляхъ. Московское единовластіе, поразивъ древнее удѣльное вѣчевое начало, прекративъ автономію земель, не могло, однако, вдругъ лишить ихъ преданій, укорененныхъ въ обычаяхъ и нравахъ.

Мы привели вкратцѣ очеркъ прежней судьбы Кашина, чтобъ показать, что этотъ городъ имѣлъ свою исторію, наравнѣ съ та-

кими городами, у которыхъ отъ подобной мѣстной исторіи оставалась мѣстная религіозная святыня, поддерживавшая честь своего города съ ея землею. При той вѣрѣ, какую въ старыя времена имѣлъ народъ къ вещественнымъ предметамъ святости, какъ-то къ св. иконамъ, мощамъ, православнымъ церквамъ и обителямъ, понятно, что присутствіе подобной святыни создало нравственную потребность. Въ болѣзняхъ и скорбяхъ обращались къ своемѣстной святынѣ, какъ къ единственному средству врачеванія; въ случаѣ когда угрожало мѣстамъ какое-нибудь общественное бѣдствіе, жители прибѣгали къ ней подъ защиту. Городъ, гдѣ почивалъ угодникъ, особенно такой, который (какъ напр., лицо княжескаго рода) при жизни любилъ и охранялъ его, считалъ себя болѣе безопаснымъ, чѣмъ тотъ, который не имѣлъ такого мѣстнаго защитника.

Двѣсти сорокъ три года почивала вѣчнымъ сномъ одна княгиня древняго Кашина, подъ полусогнившею кровлею ветхой церкви. Никто ея не помнилъ, никто не думалъ о ней. Въ царствованіе Шуйскаго литовская рать нападаетъ на Кашинъ. Не до него было царю. Царь Василій самъ чуть держался въ своей Москвѣ, въ виду тушинскаго лагеря. Около Кашина не было острога. Враги ограбили посадскіе дворы, нѣкоторыхъ жителей убили, другихъ поранили и ушли. Кашинцы, изъ опасенія, чтобъ ихъ не посѣтили непріятели болѣе многочисленные чѣмъ прежніе, построили вблизи своего посада острогъ. Ихъ опасеніе сбылось. Черезъ нѣсколько времени явилась густая толпа враговъ: она ничего не сдѣлала Кашину и отошла прочь. Приходили литовцы въ третій разъ, и также не взяли Кашина; приходили въ четвертый, и также ушли безуспѣшно. Кашинцамъ, по тогдашнему образу понятій, стало ясно, что это не съ-проста, что ихъ защищаетъ какая-то особая божественная благодать. *Разумѣвше яко не отъ своей силы градъ соблюдается обаче не вѣдяху кто по нихъ побораетъ и избавляетъ ихъ отъ плѣненія сопротивныхъ, понеже вся грады плещи своя вдаша воюющимъ.* Тутъ Господь показалъ кашинцамъ кто ихъ защищаетъ. Въ церкви, о которой сказано выше, помостъ въ одномъ мѣстѣ совершенно сгнилъ: виднѣлась земля, а въ землѣ вкопанъ былъ гробъ; на это не обращали вниманія, не слишкомъ любопытствовали когда и кто положенъ былъ въ этомъ гробѣ. Нѣкоторые люди, приходя въ церковь, клали на гробъ свои шапки. Въ это время пономарь церкви, по имени Герасимъ, лежалъ больной. Вдругъ къ нему явилась женщина въ иноческомъ одѣяніи. Ея внезапное появленіе подѣйствовало на него благопріятно; онъ поднялся съ постели и сталъ здоровъ. Она говорила ему: *Почто гробъ мой ни во что вмѣняете и мене*

презираете, и яко просту вмѣняете гробу быти? Не видите ли людей приходящихъ и шапки свои помѣщающихъ на гробъ мой и садящихся? Она объявила пономарю, что молится за кашинцевъ Богу и соблюдаетъ ихъ отъ многихъ пакостей; она велѣла ему сказать пресвитеру, чтобъ съ этихъ поръ соблюдали съ честью ея гробъ, не садились бы на него, не клали шапокъ и чтобъ надъ ея гробомъ, предъ образомъ Нерукотвореннаго Спаса, зажгли свѣчу. Пономарь объявилъ о своемъ видѣніи священнику. Скоро вѣсть о видѣніи разнеслась по городу. Зажгли свѣчу предъ образомъ Нерукотвореннаго Спаса и горѣла она негасимо и стали люди приходить и поклоняться гробу. Больные получали предъ нимъ исцѣленіе, и такъ *тотъ гробъ преподобныя княгини Анны и поклоняемъ честно и велелѣпно.* Но мощи ея оставались неоткрытыми даже до дней Алексѣя Михайловича. *Лукавый сатана*, говоритъ жизнеописатель, — *не хощетъ ни единымъ божественнымъ мощемъ въ видѣніи быти всѣмъ человѣкомъ.* Наконецъ, нашлись благочестивые кашинцы, которые отправились въ Москву и повѣдали патріарху и царю о томъ, что гробъ княгини обрѣтается поверхъ земли и многія чудеса надъ нимъ творятся. Повѣствующій объ этой депутаціи изъ Кашина вложилъ ей въ уста высокопарный плачь церкви о томъ, что такое великое сокровище сокрывается напрасно. Царское писаніе повелѣваетъ тверскому архіепископу Іонѣ ѣхать въ Кашинъ созвать духовенство. Архіепископъ со всѣмъ клиромъ пріѣхалъ на мѣсто, и послѣ совершенія богослуженія въ церкви Успенія Богоматери, даетъ приказъ вскрыть гробъ: *обрѣтше его-же не надѣяшася мощи цѣлы и не разрушимы и никако же тлѣнію причастна быша ниже ризамъ ея.* Какъ часто бываетъ при вскрытіи святыхъ мощей: *благоуханія неизреченнаго воздухъ наполнися отъ мощей преподобныя и всѣхъ услаждая и возвеселяя, сердце подвизая на благодареніе и славословіе въ святыхъ чудодѣйствующему Богу.* Совершивъ достодолжное цѣлованіе святыхъ мощей, тверской владыка уѣхалъ въ Тверь и тотчасъ возвѣстилъ царю. Алексѣй Михайловичъ обрадовался и рѣшилъ, что *мощи* должны быть перенесены въ соборную каменную церковь, до тѣхъ поръ пока на томъ мѣстѣ, гдѣ лежала св. княгиня, построится храмъ въ ея имя. Написалъ царь къ ростовскому архіепископу Варлааму, чтобы тотъ ѣхалъ на перенесеніе мощей. Самъ государь прибылъ въ Кашинъ съ супругою своею царицею Маріею Ильинишною, съ сестрами и братьями; царское семейство сопровождали по обычаю князья, съ нимъ были бояре, жильцы. Царь съ боярями *на рамена своя возложше*, изнесъ гробъ въ соборную церковь, отстоявшую отъ прежней на разстояніи выстрѣла (*яко единымъ стрѣленіемъ*). Множе-

ство народа стекалось съ разныхъ сторонъ и придавало торжественный видъ благочестивому событію. Когда гробъ внесли въ соборную церковь — совершилось чудо: гробъ вдругъ сталъ такъ тяжелъ, что многіе не могли не только нести его далѣе, но даже двинуть съ мѣста; то былъ чудодѣйственный знакъ, что святая княгиня не желаетъ почивать въ этой церкви. Тогда государь обратился къ святой съ мольбою и просилъ побыть въ этой церкви только до тѣхъ поръ, пока по своему обѣту не воздвигнетъ храма въ ея честное имя. Гробъ по прежнему сталъ легокъ; его внесли въ соборную церковь Воскресенія Христова и поставили на правой сторонѣ у столпа. Царь приказалъ священнику Василію созидать каменную церковь во имя святой княгини Анны, и въ непродолжительное время храмъ былъ оконченъ.

Кто-жъ была нѣкогда въ земной своей жизни эта божія угодница? Житіе говоритъ, что то была супруга Михаила Ярославича, того самаго, который пострадалъ въ Ордѣ по проискамъ московскаго князя и пріобщился къ лику святыхъ. Родомъ она была изъ Кашина, боярская дочь. Въ общихъ чертахъ, жизнеописатель прославляетъ добродѣтели святыхъ супруговъ, возстаетъ противъ княжескихъ враговъ, и особенно хана *Озбяка* и его безсовѣстныхъ совѣтниковъ. Когда Михаилъ собрался въ Орду, гдѣ онъ ожидалъ себѣ мученической кончины, супруга уговаривала его не ѣздить, но доблестный князь не измѣнилъ своего рѣшенія и совѣтовалъ ей уповать на Бога. Послѣ смерти Михаила Ярославича, вдова его жила съ юнѣйшимъ сыномъ Константиномъ въ Твери, отличалась благочестіемъ и нищелюбіемъ, а потомъ оставила суету міра сего и поселилась въ монастырѣ св. Софіи, гдѣ былъ храмъ премудрости Божія слова. Она была доблестная постница. Сынъ ея Константинъ приходилъ къ ней и она поучала его всему благому. По смерти Константина, его братъ, кашинскій князь Василій Михайловичъ, упросилъ мать свою перейти въ Кашинъ; она отрекалась, но сынъ представилъ ей, что всѣ кашинцы хотятъ, чтобъ она окончила дни свои въ ихъ предѣлѣ, ибо Тверь уже имѣетъ въ своихъ стѣнахъ прахъ ея достойнаго супруга. Она, наконецъ, согласилась, простилась съ тверскими жителями, и осталась доживать въ Кашинѣ; тамъ она вызвала къ себѣ всеобщее уваженіе постническимъ воздержаніемъ, добродушіемъ и назидательными поученіями. Она умерла въ лѣто 6846, октября во второй день.

По открытіи мощей рядомъ чудесъ подтверждалась ихъ святость; исцѣлялись преимущественно разбитые параличомъ, разслабленные, бѣснующіеся и *помутившіеся* въ умѣ. Земля подъ гробомъ святой княгини получила цѣлебное свойство: бѣсную-

щаяся дворянская жена Скобнева избавилась отъ терзавшаго ея бѣса, питіемъ воды, смѣшанной съ этой землей. Одному страждущему падучею болѣзнію сама святая явилась во снѣ и приказала идти къ ея гробу; страждущій какъ только пришелъ, такъ и сталъ здоровъ; уже самое изображеніе святой источало чудотворныя исцѣленія; одинъ юноша отъ болѣзни лежалъ весь опухлый, принесли къ нему образъ Анны Кашинской: «надо мной свѣтло», сказалъ онъ, выздоровѣлъ и жилъ потомъ такъ здоровъ, какъ будто съ нимъ ничего не было.

Послѣ общаго вѣрованія, послѣ разсказовъ, записанныхъ и незаписанныхъ о чудесахъ прослывшей въ Кашинѣ святой, послѣ того, наконецъ, какъ самъ царь присутствовалъ при открытіи ея мощей, странно должно было бы показаться, что въ свое время церковь заподозритъ чудеса, совершавшіяся при гробѣ Анны Кашинской, объявитъ несостоятельнымъ жизнеописаніе ея, наконецъ остановитъ чествованіе святой, сокроетъ подъ спудъ ея мощи. А такъ именно и случилось.

При Алексѣѣ Михайловичѣ она пользовалась чествованіемъ, какъ святая; но при Θеодорѣ Алексѣевичѣ въ 1677 году, былъ при патріархѣ Іоакимѣ написанъ соборный приговоръ, гдѣ церковная критика показывала, что умѣетъ отличать истинную вѣру отъ легковѣрія.

Были посланы въ Кашинъ для дознанія слѣдующіе духовные сановники: преосвященный митрополитъ Іосифъ рязанскій, съ нимъ архимандритъ и протопопъ. Неизвѣстно, что подало поводъ къ посылкѣ ихъ въ Кашинъ и къ осмотру мощей. Мы не имѣли въ рукахъ начала этого дѣла. Когда эта духовная коммиссія воротилась и представила свой досмотръ патріарху Іоакиму, первосвятитель собралъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ свою крестовую патріаршую палату митрополитовъ: Іосифа казанскаго и свіяжскаго, сарскаго и подонскаго, Іосифа рязанскаго и муромскаго, архіепископовъ: Стефана суздальскаго и юрьевскаго, Арсенія псковскаго и изборскаго, Симеона бывшаго сибирскаго, да Чудова монастыря архимандрита Павла. Этотъ соборъ слушалъ досмотръ сдѣланный архіереями, ѣздившими въ Кашинъ, разсмотрѣлъ житіе Анны Кашинской, и нашелъ его несогласнымъ съ лѣтописями. Замѣчателенъ тогдашній способъ критики, правду сказать, очень здравый; мы познакомимъ съ нимъ читателей въ оригиналѣ. Соборъ нашелъ въ житіи тринадцать несообразностей (несогласій):

1-е несогласіе.

Написано въ житіи: яко благовѣрная княгиня Анна была родомъ города Кашина, дщи славныхъ бояръ.

А въ лѣтописцахъ: дщи князя Дмитрія Борисовича Ростовскаго.

2-е несогласіе.

Въ житіи написано: великій князь Михаилъ Ярославичъ шедъ въ орду, взя съ собою сына своего князя Дмитрія.

А въ лѣтописцахъ написано: былъ въ ордѣ съ княземъ Михаиломъ Ярославлевичемъ, сынъ его князь Константинъ.

3-е несогласіе.

Въ житіи написано: великій князь Михаилъ кончину пріялъ мечемъ усѣченъ бысть.

А въ лѣтописцахъ: ножемъ въ ребро въ десную сторону ударенъ и тако духъ испустити.

4-е несогласіе.

Въ житіи написано: тѣло князя Михаила Ярославлевича привезено изъ орды сыномъ его княземъ Дмитріемъ въ Тверь.

А въ лѣтописцахъ: великій князь Юрій Даниловичъ въ ордѣ повелѣ взяти тѣло его и привезоша въ Москву и положиша въ монастырь церкви святаго Преображенія. Потомъ же по прошенію великой княгини Анны и сыновъ ея, князь великій Юрій Даниловичъ отпусти тѣло его съ Москвы.

5-е несогласіе.

Въ житіи написано: пребывала великая княгиня съ сыномъ своимъ Константиномъ въ Твери, тому бо градъ Тверь въ отчее достояніе въ наслѣдіе достася.

А въ лѣтописцахъ: Константинъ и Дмитрій, а не единъ князь Константинъ, понеже въ лѣто 6834, еще живу сущу князю Константину, пріиде изъ орды князь Александръ Михаиловичъ, съ пожалованіемъ отъ царя и сѣде на великое княженіе въ Твери. Егда же князь Александръ со татарскаго насилія отъиде въ Псковъ, тогда царь Азбекъ даде великое княженіе тверское князю Константину Михайловичу. По немъ же царь Азбекъ паки даде великое княженіе Александру Михаиловичу, а по убіенію его въ ордѣ князя Александра, князь Константинъ шедъ въ орду, тамо и преставися.

6-е несогласіе.

Въ житіи написано: по смерти князя Константина зваше князь Василій матерь свою изъ Твери въ Кашинъ. Зане рече: аще бы и хотѣлъ оставити городъ той и переселитися сѣмо по смерти брата моего, но на кого же оставить вельможъ моихъ и градъ весь.

А въ лѣтописцахъ: по смерти князя Константина въ лѣто

6858, князь Василій сѣде на великомъ княженіи въ Твери, въ лѣто 6865. Князь Василій Михайловичъ ѣздилъ въ орду; въ лѣто 6866, пріиде изъ орды въ Тверь.

7-е несогласіе.

Въ житіи написано: преставися преподобная великая княгиня Анна въ лѣто 6846.

А въ лѣтописцахъ: въ лѣто 6867 (6) еще жива бяша великая княгиня Софія и живши въ Софійскомъ монастырѣ. (А при Софіи въ монастырь созывается преосвященный Іосифъ митрополитъ, что стоитъ въ Твери, а не въ Кашинѣ) и преставилася въ лѣто 6876, а гдѣ преставилася въ Твери или въ Кашинѣ, того въ лѣтописяхъ не написано, и оттуда числа преставленія въ житіи не написано, такъ и не сыскано.

8-е несогласіе.

Въ житіи написано: прежде преставленія княгини Анны въ лѣто 6846, октября во 2-ой день, потомъ того-же лѣта сына ея князя Василія, Іулія въ 27 д., а въ Троицкомъ лѣтописцѣ писано, преставленіе князя Василія Михайловича въ лѣто 6874, а въ прочихъ лѣтописцахъ въ лѣто 6876, прежде писано о преставленіи князя Василія Михайловича.

9-е несогласіе.

Въ житіи въ трехъ мѣстахъ написано: мощи никако-же тлѣнію причастны; а по осмотру и свидѣтельству преосвятителя Іосифа митрополита рязанскаго и муромскаго, преосвятителя Симеона архіепископа тверскаго и кашинскаго и архимандрита и протопопа, мощи въ разныхъ мѣстахъ истлѣша и разрушишася.

10-е несогласіе.

По сказкѣ попа Василія и отца его старца Варлама написано: рука правая лежитъ на персяхъ согбенна яко благословящая.

А по нынѣшнему архіерейскому досмотру: правая рука въ завитіи погнулася, а длань и персты прямо, а не благословящи.

11-е несогласіе.

Въ допросныхъ рѣчахъ попа Василія написано: андреевскій архимандритъ Сильвестръ, взявъ благовѣрныя княгини руку, распростиралъ персты ея и паки сгибалъ.

А старецъ Варламъ отецъ его сказалъ: архимандритъ же Сильвестръ княгини Анны руку персты разгибалъ, а какъ опустилъ, и они такожды согбенны учинилися по прежнему.

И то свидѣтельство и досмотръ на Москвѣ не сысканъ.

А нынѣшняго году въ досмотрѣ архіереевъ написано: согнути длани и перстовъ или разгнути ни у которыя руки невозможно, для того, что засохли на крѣпко, только кости сухія да къ нимъ присохла кожа.

12-е несогласіе.

Въ житіи въ двохъ мѣстахъ написано: тлѣнію ни токмо мощи, но и ризы непричастны быша.

А по досмотру нынѣшнему архіерейному риза, во что скутана, и схима истлѣли, только въ остаткѣ части креста что былъ вышитъ на куколь шолкомъ, да часть плетей схимническихъ, и то истлѣло все, лежитъ на персяхъ, только знакъ, а принятися не мощно, а на бедрахъ свивальникъ, какъ поясъ, да нить лежатъ истлѣли, принятися не мощно. Калиги обѣ по швамъ распоролися, а кожа не развалилася, а истлѣла.

Въ сказкѣ Никифора Варламова сына написано: житіе-же благовѣрныя княгини Анны писано въ Соловецкомъ монастырѣ изъ Степенныя книги, и по его Никифоровыхъ словахъ, въ то время какъ бывшій Никонъ патріархъ ходилъ въ Соловецкій монастырь по мощи святаго Филиппа митрополита.

А въ Степенной книгѣ и въ лѣтописяхъ про житіе благовѣрной княгини не обрѣтается, а его Никифоровымъ баснямъ вѣрить нечему.

13-е несогласіе.

Въ явленіи пономарю Герасиму великая княгиня сказала имя свое Анна, а по лѣтописцамъ имя ей отеческое (т.-е. полученное при постриженіи. Мірское имя супруги тверского князя Михаила Ярославича дѣйствительно было Анна). Софія, не бо можеше имя свое монашеское забыти, или соврещи и зватися именемъ мірскимъ, еже самовольно остави съ постриженіемъ власъ главы своея. Такожде и въ чудесахъ обрѣтошася нѣкія несогласія и неприличія.

И мы смиренный Іокимъ М. Бож. П. М. и в. Рос. съ сыны и сослужители архіерейства нашего, соборно слышавше, судихомъ житіе великой княгини и о чудесахъ списаніе оставити за недостовѣрное ихъ и упразднити я до времени великаго собранія всѣхъ архіереевъ и до подлиннаго извѣщенія, егда ащечимъ впередъ Богъ объявитъ и утвердитъ, понеже нынѣ обрѣтошася многая несходства въ житіи ея съ книгами лѣтописными и степенными.

Гробу съ мощами благовѣрныя княгини стояти въ той же соборной церкви, гдѣ и нынѣ стоитъ по прежнему запечатанну

архіерейскими печатями. Празднества ей не творити, и молебновъ ей не пѣти до совершеннаго великаго собора разсужденія, а пѣти нынѣ панихиды.

Съ гроба шитый покровъ, на немъ-же шитъ образъ ея, и нынѣ писанныя ея иконы взяти къ Москвѣ для разсмотрѣнія, а впредь, до великаго собора разсужденія и до подлиннаго извѣщенія, образовъ ея не писати, а когда будетъ великій соборъ и объ ней достовѣрное свидѣтельство и усужденіе, тогда и о написаніи образовъ ея будетъ изрѣченье. Въ церкви во имя великой княгини Анны, безъ извѣстнаго испытанія освященной, божественныя службы никаковы же исправляти, но заключити ю и запечатати до великаго соборнаго разсужденія, зане аще бы и извѣстно было яко свята есть и житіе бы ея съ лѣтописцы и съ нынѣшнимъ архіерейскимъ досмотрѣніемъ разноты не имѣло, обаче безъ великаго собора свидѣтельства святости ей, намъ не возможно, понеже правило бывшаго собора въ днехъ благоч. велик. госуд. ц. и в. кн. Алекс. Мих. всея в. и м. и б. Рос. сам. въ лѣто 6175, при святѣйшія натріарсѣхъ Паисіи Александрійскомъ и Макаріи Антіохійскомъ и Іосафѣ Московскомъ и всея Россіи съ преосв. митрополиты и со архіепископы и епископы россійскими и съ прилучившимися архіереями, со всѣмъ освященнымъ соборомъ великороссійскаго государства заповѣдаетъ сице: нетлѣнныхъ тѣлесъ, обрѣтающихся въ нынѣшнемъ времени, да не дерзаете, кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства и соборнаго повелѣнія, въ святыя почитати, а кого въ святые хощете почитати и о таковыхъ обрѣтающихся тѣлесѣхъ достоитъ всячески испытати и свидѣтельствовати достовѣрными свидѣтельствы предъ великимъ и освященнымъ соборомъ архіерейскимъ.

Сего ради всѣхъ вышеписанныхъ благословенныхъ винъ, сей судъ нашъ сотворши, руками нашими подписахомъ.

На слѣдующій годъ опять разсуждали объ Аннѣ Кашинской и соборъ составилъ новыя постановленія въ такомъ видѣ: «генваря въ день по указу великаго государя царя и вел. князя Ѳеодора Алексѣевича вс. В. и М. и Б. Р. сам. и по благословенію вел. господина святѣйшаго Іоакима патріарха московскаго и всея Россіи собрався въ царствующій градъ Москву вящщее число архіереевъ ради достовѣрнаго свидѣтельства и испытанія о мощахъ вел. кн. Анны Кашинской и собравшися въ крестовую палату, мы, пришедшіе архіерее, купно съ отцемъ своимъ святѣйшимъ Кνръ Іоакимомъ патріархомъ моск. и всея Россіи, преосвящ. митрополиты Іосафъ Казанскій и Свіяжскій, Іона Ростовскій и Ярославскій, Варсануфій Сарскій и Подонскій,

Іосифъ Рязанскій и Муромскій, Филаретъ Нижегородскій и Алатырскій, преосвящ. архіепископы Симеонъ Вологодскій и Бѣлозерскій, Симеонъ Смоленскій и Дорогобужскій, Стефанъ Суздальскій и Юрьевскій, Симеонъ Тверской и Кашинскій, Павелъ Коломенскій и Каширскій, Симеонъ бывшій Сибирскій; архимандриты: Викентій Живоначальныя Троицы Серг. монастыря, Павелъ Чудова монастыря, Макарій Спаса новаго монастыря, Пахомій Симонова монастыря, Никонъ Спаса-Андроніевскаго монастыря, Амвросій Богоявленскаго монастыря, что за ветошнымъ рядомъ, Варсануфій Тихвина монастыря, игуменъ Павелъ Богоявленнаго монастыря Костромы, Арсеній Знаменскаго монастыря, Ѳеоктистъ Златоустскаго монастыря, чтохомъ списаніе о житіи вел. кн. Анны Кашинскія со опаснымъ испытаніемъ и лѣтописныя многія и степенныя книги, аще нѣчто возможно обрѣсти согласно писанному въ житіи съ лѣтописцы противу написаныхъ несогласій изъ житія и лѣтописцевъ въ первомъ соборѣ бывшемъ въ прошломъ 185 году, прилежно по многая времена купно сходящеся, расмотрѣхомъ, ничтоже ино могохомъ обрѣсти, точію многая несходства, въ житіи съ лѣтописцами и степенными книгами, житія же ея въ лѣтописныхъ книгахъ, идѣже писаша иныхъ великихъ князей и княгинь, и прехожденія ея изъ Твери въ Кашинъ, а гдѣ преставися и гдѣ погребена—нигдѣ же обрѣтошеся, токмо яко дщи бѣше князя Ростовскаго, а не кашинскихъ бояръ и супруга вел. кн. Михаила Ярославича Тверскаго, и яко постригшися звашеся Софія и живяше въ Твери въ Софійскомъ монастырѣ, а въ градѣ Кашинѣ когда живяше, и тамъ же и преставися и погребеся, того ничтоже въ лѣтописи не обрѣтеся. И иная многая несходства во первомъ соборѣ описанная и нынѣ обрѣтошася по лѣтописцомъ съ житіемъ. Списатель житія велик. княгини дьячекъ Никифоръ, который велѣлъ житіе исписати живучи въ Соловецкомъ монастырѣ со степенныя книги и съ его Никифоровыхъ словъ, нынѣ предъ великимъ освященнымъ соборомъ сказалъ, что степенной книги въ Соловецкомъ монастырѣ самъ онъ, Никифоръ, не видалъ, а писано де съ его Никифоровыхъ словъ, что онъ въ переговорѣ отъ людей слышалъ, сказывалъ, и въ томъ проситъ прощенье, что, по тѣмъ ево прежнимъ словамъ, мимо лѣтописныхъ, вѣрить не подобаетъ. Понеже житія велик. кн. Анны извѣстнаго отдревле писанаго не обрѣтохомъ и слагати ей тропари и кондаки канона нѣпочему и того ради и ко святымъ въ церкви поемымъ вычислити не дерзахомъ, понеже и прежнимъ архіереемъ и великимъ княземъ и княгинямъ и преподобно жившимъ отцемъ аще и мощи ихъ цѣлы, обаче чрезъ толикая лѣта тропари, кондаки и каноны

имъ не составишася, и въ имя ихъ церкви не созидахуся, прежнимъ архіерейскимъ соборомъ не дерзающимъ и неповелѣвшимъ, и мы не повелѣваемъ, и которыя чудеса и написано обрѣтаются и тая соборомъ и никоторымъ архіереемъ не свидѣтельствована».

Затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе разныхъ богоугодившихъ мужей и женъ, которымъ, однако, церковь не установила богослуженія, въ заключеніе говорится: «По симъ всѣмъ предписаннымъ симъ обще священнымъ соборомъ усудихомъ велик. кн. Анну преименованную монахиню Софію поминати и съ прочими православными великими князьями и великими княгинями о вѣчномъ упокоеніи и милостини творити, яко сотвори великій князь Іоанъ Васильевичъ и послѣ того тому подобно и князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій. По явленіи и чюдодѣяніи велик. кн. Данила Александровича, повелѣша пѣти по немъ панихиды и литургія служити, милостыню творити; и мы имя же повелѣваемъ поминати велик. кн. монахини Софіи, понеже велик. кн. Анна въ образѣ своемъ монашескомъ отложи со отреченіемъ міра и сущихъ всѣхъ въ мірѣ и княжества достоинство и имя; и аще кто о здравіи своемъ и о спасеніи восхощетъ пѣти молебное пѣніе, и таковымъ да поютъ молебенъ Господу Богу или пресвятой Богородицѣ, а по велик. кн. монахинѣ Софіи да поютъ панихиды и милостыню да творятъ. Храмъ, созданный во имя велик. кн. Анны, нынѣ именовати и быти ему во имя Всѣхъ Святыхъ. И аще совершенно благоугоди Богу велик. кн. Анна, да будетъ и тое имя вочтено въ томъ храмѣ купно со всѣми святыми. Еще бо велик. кн. Анны житіе древнеписанное извѣстное не обрѣтеся, яко прочихъ великихъ княгинъ, а еже писано, отъ слуха и отъ просто повѣданія писано, *а* по слову Бога всякъ глаголъ да будетъ при двоихъ или трехъ свидѣтеляхъ; свидѣтели же отъ слуха да не свидѣтельствуютъ, аще и князи суть свидѣтельствующіи. А мощемъ нынѣ именуемымъ велик. кн. Анны быти гдѣ нынѣ принесены, и стоять имъ простымъ, яко прочихъ великихъ князей и великихъ княгинъ.

«Понеже аще истинно сущая мощи великой княгини Анны, супружницы великаго князя Михаила Ярославлевича или иныя которыя великія княгини или иныя каковы жены извѣстити древними писаньями немогохомъ, занеже въ лѣтописи и на гробу имене ея не обрѣтеся, яко обычай есть иматися на гробѣхъ великихъ князей.

«Яко великая княгиня Анна постригшися живяше въ Твери въ Софійскомъ монастырѣ, сіе извѣстно въ лѣтописцехъ писано; како-же или когда въ Кашинъ преселися, и гдѣ живяше: въ градѣ или внѣ града, въ монастыри или въ дому яковомъ или

въ княжескомъ дому, то въ лѣтописцехъ не писано, а въ житіи писано яко прихождаше къ ней сынъ ея Василій, она-же учаше его и наказоваше и отпущаше его въ домъ свой; гдѣ-же прихождаше князь Василій въ монастырь или въ домъ яковый, про то невѣдомо. Въ житіи ея написано: яко по смерти князя Константина зваше князь Василій матерь свою изъ Твери въ Кашинъ во отечество ея. И въ семъ писаніи двѣ лжи явленыя:

«Первая—яко зваше князь Василій по смерти князя Константина, а въ томъ-же житіи княгини Анны написано: яко преставися великая княгиня въ лѣто 6846, а по лѣтописнымъ книгамъ князь Константинъ уѣхалъ въ Орду въ лѣто 6854 и того лѣта тамъ и преставися, и по тому списанію житія преставленія вел. кн. бысть прежде смерти кн. Константина, осенію лѣты. И како можно звати князю Василію по смерти Константина за много лѣтъ прежде умершую?

Вторая лжи: яко зваше князь Василій матерь свою изъ Твери въ Кашинъ, во отечество ея и яко она преиде въ отчество свое Кашинъ. Сія явленнѣйшая лжа; понеже по лѣтописнымъ книгамъ отчество вел. кн. Анны Ростовъ, а не Кашинъ, дщи бо бяше князя Дмитрія Борисовича Ростовскаго, а не Кашинскихъ болярь; по лѣтописнымъ-же древнимъ книгамъ, по смерти князя Константина, въ лѣто 6857 поступилъ кн. Всеволодъ Александровичъ княжествомъ тферскимъ дядѣ своему кн. Василію Мих., и князь Василій сяде на великое княженіе въ Тфери. И паки въ лѣто 6867 кн. Василій Мих. пріиде изъ Орды во Тферь, а въ то 6867 лѣто живяше вел. кн. Софія въ Софійскомъ монастырѣ, и потомъ въ лѣто 6871 князь Вас. Мих. Тферской ходилъ ратію на племянника своего кн. Михаила Александровича къ Микулину полю. Въ лѣто 6874 въ Тфери бысть размирье князю Василію Мих. съ племянникомъ своимъ княземъ Мих. Алекс., отъ сего явлено, яко господствоваше князь Василій Мих. въ Тфери. И по что было князю Василію звати матерь свою въ Кашинъ, самому въ городѣ Тфери сущу?

«Еще третія лжа обрѣтеся написанна въ житіи: яко мощи великія княгини никако-же тлѣнію причастны, и паки, тлѣнію не токмо мощи, но и ризы не причастны. Къ сему попъ Василій и отецъ его старецъ Варлаамъ, забывше святого Софронія патріарха Іерусалимскаго глаголюща: не буди на святыя лгати, въ сказкахъ своихъ солгаша, глаголюще, яко рука правая вел. кн. лежаше на персѣхъ согбенная, но благословляющи, и яко архимандритъ Сильвестръ руки персты распростиралъ. Василій попъ сказалъ: и паки сгибалъ, а отецъ его Варлаамъ сказалъ,

не согласно ему Василію: яко персты по разгибенію сами согнулися по прежнему.

«И въ семъ третьемъ писаніи подобаетъ всякому имущему здравоумное чувство разсудка внимати. Первое: по баснямъ дьячка Никифора писаннымъ въ житіи великой княгини яко мощи и риза тлѣнію не причастны; обличися-же не правое писаніе его отъ свидѣтельствующихъ архіереевъ, яко мощи въ розныхъ мѣстахъ истлѣша и разрушася, ризы-же истлѣша и токмо въ останкѣ часть креста шитаго шелкомъ на куколѣ, да часть аналава схимническаго, да свивальнаго пояса лишь, и то все истлѣло, принятися не можно.

«Второе: яко руцѣ благословящѣй быти не дивно по смерти, но у іерея, паче же у архіерея, тѣмъ бы руки по смерти не сами собою сгибаются благословляющими (вѣдаютъ сіе искусніи) но аще по смерти архіерея, дондеже мягка, плоть сгибаютъ тамо присущія персты руки благословляющіи и одерживаютъ долгое, дондеже остаятся и тако ожесточаютъ, впрочее пребываютъ. «Міряня - же человѣка никако-же гдѣ обрѣтается по смерти рука согбенная и нелѣпо быти благословляющей аще и мужестѣй кольми паче-же женстѣй руцѣ, неприлично быти благословляще. По смерти-бо тѣла не сгибаютъ перстовъ благословящими ниже тако одерживаютъ, но просто полагаютъ руки таковыхъ крестовидно простертыми, дланми къ персемъ прави имущими персты, и посему явленная ихъ лжа. И жива оубо сущи великая княгиня власти не имяше кого рукою знаменовати, како по смерти сей имѣти руку благословящую? Понеже и по досмотру и свидѣтельству архіерееву рука оная въ завити погнулася, а длани и персты прямы, а не благословящими.

«Третіе: Сильвестръ архимандритъ яко бы разгибалъ персты, по баснямъ сына, сгибалъ, отца-же по несогласію яко бы персты сами согнулися, а здѣ познася явленная лжа, и кромѣ достовѣрныхъ рѣчей свидѣтельствовавшихъ архіереевъ и глаголющихъ: яко не можно ни у которыя руки длани и перстовъ разгнути, понеже засхли велми токмо кости сухія, да къ нимъ присхла кожа. И удобно познати всякому благоумному, яко сухое не изгибается, ниже разгибается, токмо ломится, и явленно сіе отъ древнихъ отъемлемыхъ частей отъ тѣлесъ святыхъ отложеніемъ, или самымъ части отпаденіемъ, яко много о семъ въ писаніи обрѣтаются.

«Да аще бы и самыя мощи были великія княгини Анны преименованныя монахини Софіи нынѣ во градѣ Кашинѣ обрѣтающися и совершенно нетлѣнны были, подобаетъ имъ просто стояти, и яко выше изъявися, понеже правило, узаконенное во

днехъ благочестивѣйшаго великаго государя царя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца на священномъ соборѣ присущимъ святѣйшимъ патріархомъ Паисію Александрійскому папѣ и патріарху и судіи вселенскому, Макарію Антіохійскому патріарху и всего востока, Іосифу патріарху московскому и вся Россіи и преосвященнымъ митрополитомъ, архіепископомъ и епископомъ греческимъ и россійскимъ, повелѣ нетлѣнныхъ тѣлесъ, обрѣтающихся въ нынѣшнемъ времени, не дерзати, кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства, во святая почитати. Чюдесемъ, глаголетъ великій Никонѣ монахъ Черныя горы, не всякимъ подобаетъ внимати, по слову Слова Христа Бога глаголющему: «мнози рекутъ ми, Господи, Господи, не твоимъ ли именемъ бѣсы изгоняхомъ и твоимъ именемъ силы многа сотворихомъ. И тогда исповѣмъ имъ: яко никогда-же знахъ васъ; отидите отъ мене дѣлающіи беззаконіе.» Достоитъ убо отъ таковыхъ вещей искушати кого аще святъ есть, но отъ плодовъ познавати таковыя. Плодъ же истиннаго и духовнаго мужа показа апостолъ любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, благостыня, вѣра, радость, воздержаніе.

«Великія же княгиня Анны житіе и добродѣтели ея каковы быша, отъ древняго повѣстописанія не обрѣтеся, якоже и выше не единожды речеся.

«Образы ея писанные собрати преосвященному архіепископу тверскому и кашинскому и положити въ сокровенномъ мѣстѣ.

«Житіе и каноны такожде собрати ему же преосв. архіепископу или аще индѣ обрящется всякому архіерею въ своей епархіи повелѣти къ себѣ приносити подъ запрещеніемъ; а отъ нынѣ никому нигдѣ не прочитати и не внимати ему, понеже первая вина яко писана не по благословенію святѣйшаго патріарха и священнаго собора или тамо сущаго архіерея, но собою дьячекъ сдумалъ или что отъ кого слышалъ въ басняхъ сказывалъ, и по его словесехъ и писано, а со извѣстіями лѣтописными и со степенными книгами не согласися, въ нихже иныхъ великихъ князей и княгинь добродѣтельнаго житія извѣстно описаны, гдѣ кто и како живяше, и гдѣ кто ихъ преставися и погребеся яко выше зъявися.

«Вторая вина: якобы явилася преподобная великая княгиня Анна въ великомъ иночестемъ образѣ одѣяна пономарю Герасиму и повѣда ему о себѣ кто бѣ; и потомъ во многихъ мѣстахъ и въ канонѣ писано: преподобная благовѣрная княгиня Анна. И то явленная неправда, аще бы истинная явилась великая княгиня въ монашеской схимѣ, всячески бы имя свое изъявила монашеское Софія, его же, жива сущи, со образомъ монашескимъ любезно пріяше.

«Лгатели на житіе великія княгини монахини Софіи и о нетлѣнности тѣлесе и разгибеніи и согбеніи перстовъ достойна суть наказанія по реченному: свидѣтель лживъ безъ муки не будетъ. И аще при простѣмъ человѣцѣ лжесвидѣтель казнится, колми паче на святыя лгавый достоинъ вящщія муки не токмо на тѣлѣ, но и на душѣ. По святому Іоанну Богослову: всякъ любяй и творяй лжу внѣ горняго Іерусалима да будетъ чародѣй и блудникъ со убійцами и идолослужителями, и всѣхъ лживыхъ часть въ езерѣ горящемъ огнемъ и сѣрою. Но понеже единъ тыхъ лгателей дьячекъ Никифоръ предъ освященнымъ соборомъ нашимъ каяшеся, глаголя: яко писано житіе великой княгини Анны въ Соловецкомъ монастырѣ не въ степенной книги, но съ его же Никифоровыхъ словъ, что онъ въ переговорахъ отъ людей слышалъ, сказывалъ, и въ томъ прощенія просилъ, мы же по слову воплощеннаго Бога Слова, глаголющаго: «грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ, радость бо бываетъ на небеси о единѣмъ грѣшницѣ кающемся», соборне судихомъ пріяти его яко блуднаго сына, обращающагося отъ лжи ко истинѣ. Но понеже мнози древле въ Греціи и инѣхъ странѣхъ и нынѣ здѣ въ Велицѣй Россіи смущающіи церковь овіи отъ церкве отлучени быша, овіи же и анаѳемѣ подложени, и тѣхъ овіи крыяхуся, овіи же покаявшеся прощеніе удобь получиша, паки послѣди злоплевелія своя въ простолюдинехъ сѣяша таковаго непостоянства и лукавства, и нынѣ намъ стрещися лѣпотствуетъ. И аще Никифоръ вседушно и истино безъ всякія лсти и лукавства кается, яко и на священномъ нашемъ соборѣ предъ всѣми нами изрече, имѣемъ его съ того его содѣяннаго не по разуму дерзновенія разрѣшенна, наложихомъ ему епитимію за таковое его блазненное дерзновеніе: ему во градѣ Кашинѣ не быти, но быти ему въ монастыри до его смерти, и каятися ему о томъ всемогущему Богу и внимати ему спасенію, лжесловнымъ же писаніемъ отъ него исшедшимъ прельщенныя отвращати ему отъ того письменно и словесно, и правду всю о томъ списаніи и и своемъ бывшемъ дерзновеніи изъявляти, да не токмо въ словесехъ, но и въ дѣлѣхъ истинное свое о томъ покаяніе изъявитъ. Аще же Никифоръ каяшеся нынѣ не вседушно, но ухищренно по нѣкоему лукавству, или ради страха нѣкоего, или иного ради нѣкоего полученія, да будетъ подъ нашимъ архіерейскимъ запрещеніемъ и отлученіемъ, дондеже истинно и вседушно о томъ покается, и тогда да разрѣшится.

«Симъ же судомъ осудихомъ и прочая списатели на житіе великія княгини монахини Софіи и о нетлѣнности тѣлесе и о разгибеніи перстовъ согбенныхъ, яко и прочіа непокорника,

дондеже востребуютъ прощенія и разрѣшенія не краемъ ушесе, но дѣломъ, истинною, и тогда прощеніе ямъ да подасться. Аще же кіи тыхъ притворно нѣкако и ухищренно на лести нынѣ якобы каются, таковые по ихъ покаянію и лукавству аще добрѣ или злѣ кленутся, Богъ по ихъ клятвѣ да судитъ я. Аще же по покаяніи паки объявятся въ прежнемъ лжесловесіи своемъ, таковыя лжеклятвенники повелѣваемъ судити судомъ, имже Соломонъ мудрѣйшій осуди; мы же попа Василія глаголющаго, яко рука великія княгини лежитъ на персѣхъ благословящая, и яко Сильвестръ архимандритъ персты руки распростиралъ и паки згибалъ, за то его лжесловіе соборне отлучихомъ отъ сего числа егда сіе наше изрѣченіе совершися, на всецѣлое лѣто еже ничтоже священныхъ дѣяти; егда всецѣлое лѣто преидетъ, и онъ, аще, познавъ свое согрѣшеніе, начнетъ всеусердно просить прощенія и разрѣшенія, и его видя исправленіе и покаяніе, тферьскій архіерей да створитъ надъ нимъ тогда по подобающему.

«Ѡцу же попа Василія старцу Варламу за лживыя его повѣствованія яко бы рука великія княгини по смерти была яко благословящи и яко при архимандритѣ Сильвестрѣ разгбенныя персты сами согнулися по прежнему, судихомъ, въ немъ же нынѣ монастыри живетъ, неисходиму быти ему оттуду до смерти его, и о грѣсѣхъ своихъ ему каятися, а о лживыхъ своихъ реченіяхъ исповѣдатися, и прощенія у архіерея тое епархіи просити.

«Еще въ житіи и сіе неправда жь: яко умершей великой княгинѣ Аннѣ сынъ ея князь Василій нападе на перси ея, плакаше. А въ лѣтописныхъ книгахъ писано первѣе преставленіе князя Василія, потомъ писано преставленіе великой княгини матере его; яко прежде умершему плакати по скончавшейся по смерти его.

«По симъ всѣмъ явленно яко житіе великія княгини писано самосмышленіемъ неправедно, и того ради не подобаетъ таковаго житія чести и внимати ему; понеже, по словеси божественнаго еуангелія христова, въ малѣ невѣрно и во мнозѣ невѣрно есть. Въ житіи же семъ не мало, но много писано неправды. И того ради аще бы отъ части нѣчто было и праведно писано, ни въ чесомъ же ему вѣрити подобаетъ, но совершенно неявствити е, повелѣваемъ сожещи якоже и святаго вселенскаго шестаго синода 63 правило опредѣляетъ сице: лживосложенныя мученикословія не повелѣваемъ въ церквахъ пречитати, но тѡя огню предаяти; пріемлющая тая или яко истиннымъ тимъ внимающимъ анаѳематствуемъ; якоже сотвори и древле Никонъ Черныя Горы, ему жь врученна бысть соборная церковь въ днехъ блаженнаго патріарха Кѵръ Ѳеодосія: написа житіе и дѣянія изрядныхъ мужей во время оное явльшихся, овыхъ же добродѣтели соверше-

ныя, овыхъ же добродѣтели и погрѣшенія смѣшана; послѣде же искуси, яко не бѣ на ползу, сожже тая вся, не пощаде своего труда, написа же древнихъ Оцъ свидѣтельствованная житія и дѣянія, потомъ написа великую книгу толкованія заповѣдей господнихъ 63 слова и 40 посланія различныя, якожь онъ Никонъ повѣдаетъ въ предисловіи своея книги.

«И аще кто имать у себе образъ великія княгини Анны или житіе и канонъ всякъ, кто либо есть вездѣ, да приноситъ къ святѣйшему патріарху или къ своему кійждо архіерею. Да не будетъ таковый подъ анаѳемою святыхъ отецъ, но да будетъ прощенъ и благословенъ. Аще же кто сему нашему соборному изрѣченію и прежнему собору, бывшему въ днехъ благочестиваго велик. госуд. Алекс. Мих. всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, паче же вселенскому шестому собору непокоривъ отнынѣ явится и начнетъ упорствомъ своимъ нерозсуднымъ великія княгини Анны житіе и канонъ у себе явно или тайно имѣти, или прочитати, или внимати, таковый да убоится анаѳемы святыхъ отецъ и нашего архіерейскаго запрещенія и отлученія; тѣмъ бо съ прежними святыми отцы непокоряющіися нашему соборному опредѣленію осуждаемъ, дондеже покается и отложитъ свое непокорство и повинется святѣй церкви.

«Сіе же еще опредѣленіе и изрѣченіе, присовокупивше первому соборному изрѣченію въ 185 году бывшему, подписахомъ руками нашими будущимъ по насъ во извѣщеніе, и положихомъ сіе, идѣже иная соборная предбывшая зачиненія полагаются въ велицѣмъ книгохранилищѣ дому патріаршаго въ день февруарія мѣсяца индиктіона въ лѣто міротворенія 7187 Бога Слова же пріятіе 1679».

Таковъ этотъ замѣчательный образчикъ исторической критики XVII вѣка, съ которымъ мы познакомились по копіи съ дѣла, найденной въ одной изъ рукописныхъ сборниковъ Синодальной Библіотеки въ Москвѣ. Фактъ этотъ принадлежитъ эпохѣ реформы, начатой еще при Макаріи и продолжаемой черезъ столѣтіе Никономъ. Великое дѣло, какъ видно, и послѣ не останавливалось и шло далѣе, хотя и медленно, прерываемое долгими періодами застоя. То была, однако, реформа не въ западномъ смыслѣ этого слова, безъ отреченія отъ принциповъ, утвержденныхъ вѣками; это была реформа въ церкви, которой иниціативу давала сама же церковная власть. При измѣненіи двуперстнаго сложенія, нѣкоторыхъ обрядовъ и мѣстъ въ переводахъ богослужебныхъ книгъ, Никона не останавливала мысль, что онъ подвергалъ измѣненію то, чего столько богоугодныхъ мужей держались и съ чѣмъ могли достигнуть

спасенія, мысль, на которой упирается расколъ. Церковь этимъ признала, что святость жизни и убѣжденій не всегда и не во всемъ можетъ служить авторитетомъ истины; вмѣстѣ съ тѣмъ выходило, что признаваемое церковью истиннымъ, можетъ, сообразно требованіямъ времени и расширенію горизонта познаній въ церковной исторіи, измѣняться и отвергаться. Та же идея выразилась въ дѣлѣ о мощахъ Анны Кашинской. Церковь признала эти мощи, ввела новую личность въ рядъ своихъ святыхъ, не сочла противною истинѣ ея біографію и опиралась на ней, а чрезъ нѣсколько лѣтъ сознала, что тутъ вкрались ошибки, обманъ, самообольщеніе, легковѣріе и уничтожила поклоненіе мощамъ этой личности, разбила критикою біографію и самую личность, прежде причисленную къ лику святыхъ, на основаніи исторической критики, признала вымышленною и никогда не существовавшею. Нѣтъ сомнѣнія, что соборъ 1679 года, ставшій выше пустосвятства всѣхъ временъ, считающаго грѣхомъ заявить искренно то, чего требуетъ здравый смыслъ, дѣйствовалъ въ духѣ истинно-православномъ, такъ какъ православная церковь всегда осуждала ложныя чудеса, знаменія и откровенія. Ничего не можетъ быть благоразумнѣе этихъ словъ: «Въ малѣ невѣрно, въ мнозѣ невѣрно есть. Въ житіи семъ не мало, но много писано неправды и того ради аще бы отъ части и праведно писано, ни въ чесомъ же ему вѣрити подобаетъ». Это драгоцѣнное правило, выраженное здравымъ смысломъ нашихъ предковъ во времена малоучености и малограмотности, не только не устарѣло для насъ, но должно бы служить девизомъ для критической оцѣнки такихъ источниковъ, гдѣ піетическая ложь или, какъ выражается церковь, сонное мечтаніе, прикрывается одеждою святости и, чувствуя свою слабость, старается суевѣрнымъ страхомъ отклонить отъ себя смѣлыя попытки разоблачить обманъ, самообольщеніе и невѣжественное легковѣріе. Чѣмъ болѣе довѣрія требовалось въ прежнее время къ извѣстному сочиненію или факту, тѣмъ строже должна быть для него историческая критика. Желательно, чтобъ это правило сдѣлалось у насъ вообще господствующимъ для отечественной исторіи.

Н. Костомаровъ.

РИМЪ и РЕВОЛЮЦІЯ

1849 г.

Двѣ главы изъ поэмы «Братья».

ГЛАВА IX.

I.

Чтобъ описать затѣи карнавала,
Вдоль Корсо бѣгъ невзнузданныхъ коней,
Иль женщинъ вѣющія покрывала
При заревѣ безчисленныхъ огней,
Въ ту ночь, когда народъ снимаетъ маски —
Въ ночь senza moccoli — я могъ бы краски....
Занять у многихъ — наконецъ, я самъ,
Въ дни юности моей тревожной, тамъ,
Въ одну недѣлю сотни три букетовъ
По окнамъ и балконамъ разбросалъ,
И знаю, — для фантазіи поэтовъ
Даетъ немало римскій карнавалъ.

II.

Но описать Римъ, словно чародѣйствомъ
Въ республику преображенный, Римъ —

И папою, и всѣмъ его лакействомъ
Покинутый, — Римъ, — знаменемъ своимъ
Люи-Наполеона испугавшій,
Римъ, бѣдный, беззащитный и поднявшій
Вдругъ три перчатки, брошенныхъ ему
Тремя державами — Римъ, никому
Безъ боя правъ своихъ неуступившій —
Гдѣ краски?! — И споётъ ли голосъ мой,
Давнымъ давно на сѣверѣ охрипшій —
Тотъ гимнъ — увы! для Рима роковой....

III.

— Тотъ гимнъ, что протекалъ подъ знаменами,
И заглушалъ гулъ тысячи шаговъ,
Звуча, какъ море, мѣрными волнами,
Его поющихъ, страстныхъ голосовъ, —
Гимнъ, льющійся изъ потрясенной груди
Взволнованной толпы, въ которой люди —
Всѣ братья, — всѣ одной родной семьи
Проснувшіяся дѣти, — гимнъ любви
Торжественной и ненависти львиной
Къ тому, кто ходитъ въ стадо похищать
Овецъ, какъ волкъ, прикрывшійся овчиной,
Иль въ пастыря, переодѣтый тать.

IV.

Не безъ труда Игнатъ мой въ Римъ пробрался:
Когда же онъ услышалъ въ первый разъ
Народъ поющій — поблѣднѣлъ, — прижался
Къ чужимъ воротамъ — потекли изъ глазъ
Невольныя, невѣдомыя слёзы —
И никакія творческія грёзы
Такъ отозваться не могли бы въ немъ
Какъ это пѣнье — этотъ божій громъ
Въ устахъ народа. — Такъ, во храмъ Софіи,
Когда въ него язычника ввели, —
Онъ содрогнулся, въ пѣньи литургіи,
Почуявши Спасителя земли.

V.

Игнатъ мой въ Римѣ велъ себя, какъ скромный,
Изъ тёмнаго угла, провинціалъ,
Нечаянно попавшій въ залъ огромный
При яркомъ освѣщеніи на балъ.
Онъ чувствовалъ неловкость положенья —
Не зналъ что̀ дѣлать: вѣра, страхъ, сомнѣнье,
Восторги — всё перемѣшалось въ нёмъ.
Не могъ онъ, забирая свой альбомъ,
И уходя съ квартиры утромъ рано,
Сказать, что живъ воротится домой;
Вездѣ онъ видѣлъ скрытаго тирана,
Готоваго спросить: кто ты такой?

VI.

Австріецъ ты? полякъ? — иль ихъ подобье?
За чѣмъ пріѣхалъ и куда идешь?!
Уже не разъ глазами изъ подлобья
За нимъ слѣдила чернь — какъ острый ножъ,
Ему въ глаза сверкали эти взгляды,
И одинокій, часто безъ отрады,
Входилъ онъ въ храмъ Петра — и храмъ порой
Былъ такъ громадно пустъ, глядѣлъ такой
Могилою величія — что, право,
Казалось жизнь оцѣпенѣла тамъ —
Орга́нъ молчалъ и тѣнью величавой
Скользила смерть по мраморнымъ плитамъ.

VII.

На лѣстницѣ, ведущей въ галлерею,
Сидѣла стража — и была пуста
Истоптанная лѣстница — надъ нею,
При входѣ, надпись шла: «proprieta
Della republica». — Она спасала —
Та надпись всё, что только прикрывала;
Дворцы Боргезе, Доріа — (князей,
Изъ Рима убѣжавшихъ) только въ ней
Нашли свою защиту. — Чернь щадила

Ихъ древнее богатство — лѣто шло
Безъ грабежей: толпой руководило
Презрѣнье къ роскоши — врагамъ на зло.

VIII.

Римъ бѣденъ былъ; но жизнь текла богато;
Игнатъ мой былъ пріятно пораженъ
Всеобщей дешевизной — у Игната
Хозяиномъ былъ гробовщикъ — а онъ
Платилъ ему, за комнату, за солнце,
И мастерскую, въ мѣсяцъ два червонца,
(За ту же плату, онъ и самъ не зналъ,
Кто безъ него квартиру убиралъ);
— «Съ тѣхъ поръ, какъ Пій — отецъ нашъ, уѣзжая
«Изъ Рима, всѣхъ насъ къ дьяволу послалъ,
«Ни одного нѣтъ въ Римѣ негодяя,
«И все подешевѣло», — увѣрялъ

IX.

Хозяинъ дома; — цѣлый день, бывало,
Онъ въ лавочкѣ, то скоблетъ, то сверлитъ; —
Но спѣшная работа не мѣшала
Ему порой принять веселый видъ, —
Сосѣда подозвать, мигнувши глазомъ,
Похвастаться, что онъ почтенъ заќазомъ
Правительства, что это для него,
Гробовщика, пріятнѣе всего —
Уже съ утра визжалъ его подпилокъ,
Съ утра стучалъ онъ молотомъ своимъ,
И къ вечеру, до тридцати носилокъ
Сколачивая, — былъ неутомимъ.

X.

Онъ въ эти дни, ни за какую цѣну,
Ни для какого въ свѣтѣ мертвеца,
Не сталъ бы дѣлать гроба. — За измѣну
Великую почелъ бы....

Вотъ жильца
Увидѣлъ онъ, подъ зонтомъ въ сѣрой блузѣ,
И кличетъ: «Гей! зайдите о французѣ
Потолковать. — Что стали говорить
Газеты?! — О! О! надо намъ спѣшить
Съ носилками. А что сказалъ Мацини
Съ трибуны — вы читали? — Я читалъ....
Божественно!... Э!... никакой Рубини
Такъ не споётъ!... Я губы измаралъ

XI.

Печатными чернилами, цѣлуя
Газету — всю её изцѣловалъ —
И знаете-ли чтó вамъ доложу я,
Синьоръ Иллючи! Я всю ночь не спалъ —
Всё думалъ: для чего имъ нужно папство,—
Когда оно и намъ не нужно! Рабство
Проклятое и больше ничего!»
А иногда, Игната моего
Хозяинъ озадачивалъ: «Смотрите,
Онъ говорилъ таинственно,—бѣда!
Ужъ лучше вы, сеньоръ, не выходите,
Пока того.... Всѣ выѣзжаютъ — да!

XII.

Не даромъ же всѣ выѣзжаютъ.... Даже
Намедни англичане собрались....
Нашъ Римъ теперь стоитъ какъ бы на стражѣ....
Всё ждетъ чего-то, — и въ него сошлись
Защитники: — кто на большой дорогѣ
Разбойничалъ, и тотъ теперь въ тревогѣ,—
Безпечно жилъ,—теперь пришелъ стоять
За новые порядки. Какъ тутъ знать
Чтó можетъ быть?! Сидите лучше дома». —
— «Что я люблю Римъ — это изъ альбома
Увидитъ всякій», возражалъ Игнатъ.

XIII.

Что этимъ онъ хотѣлъ сказать?—Признаться,
Не всякій вдругъ пойметъ Игната; но
Встревоженный художникъ, можетъ статься,
Воображалъ наивно, что смѣшно
Въ его любви къ народу усумниться,
Что въ этомъ всякій можетъ убѣдиться,
Что стоитъ лишь раскрыть его альбомъ,
Чтобъ увидать, какъ онъ карандашемъ
Изобразилъ не мало сценъ отваги
Народной,—Гарибальди на конѣ,—
Милицію, друзей народа,—флаги,—
И пáтера, прижатаго къ стѣнѣ....

XIV.

О! я-бъ желалъ достать альбомъ Игната....
Но какъ достать!—Погибъ онъ или нѣтъ?
Судьба вещей, которыя когда-то
Намъ были дороги (какъ тотъ портретъ,
Который ваша бабушка снимала
Въ подарокъ дѣдушкѣ), меня ни мало
Не забавляетъ: то, что на столахъ
У васъ блеститъ,—безъ васъ, въ чужихъ рукахъ,
Утратитъ блескъ иль въ соръ преобразится,
И для далекаго потомства, можетъ быть,
Изъ тысячи рисунковъ сохранится
Едва одинъ, чтобъ рѣдкостью прослыть.

XV.

Не праздникъ-ли? Однажды, просыпаясь,
Спросилъ Игнатъ—конечно, онъ спросилъ
Объ этомъ у окна, со сна встрѣчаясь
Глазами съ позднимъ солнцемъ: онъ любилъ
Предупреждать зной утра; но былъ боленъ
И трусилъ лихорадки.—Съ колоколенъ
Неслись трезвоны всѣхъ колоколовъ,
Казалось, сотни мѣдныхъ языковъ
Кричали: встаньте граждане!... спѣшите,

Насталъ великій день! — Но, можетъ быть,
Идетъ процессія? — Тутъ, какъ хотите,
А надо встать, одѣться и спѣшить.

XVI.

Народъ сновалъ—колокола звучали....
Вотъ, увидалъ двухъ женщинъ нашъ Игнатъ. —
Въ свои платки закутавшись, стояли
Онѣ въ тѣни, какъ статуи стоятъ;
Но не было въ лицѣ ихъ и намёка
На праздничное чувство,—нѣтъ, широко
Раскрытые глаза ихъ ничего
Кругомъ не замѣчали, — ни его —
Ни пробѣгающей толпы, — казалось,
Онѣ прислушивались. — Мой Игнатъ
Почувствовалъ, какъ въ немъ вдругъ сердце сжалось —
Вдоль жаркой улицы онъ бросилъ взглядъ.

XVII.

Куда идти? хоть лица женщинъ этихъ
Ему сказали: уходи домой!
Онъ медлилъ,—онъ не смѣлъ задѣть ихъ
Своимъ вопросомъ, и онѣ съ толпой
Вошли на паперть. Нищіе шептались,
Стучали фуры, лавки запирались. —
Вотъ проскакалъ Россели [1]), горяча
Хлыстомъ коня, и поднялъ пыль брянча
Прицѣпленною саблей;—показался
Вдали отрядъ—онъ площадь проходилъ; —
Блескъ стали подъ лучами загорался,
Билъ барабанъ тревогу—рогъ трубилъ.

XVIII.

Колокола по прежнему звучали; —
Но молчаливъ былъ подвижной народъ,

[1]) Одинъ изъ римскихъ военноначальниковъ.

Какъ будто для него часы настали
Особенныхъ какихъ-нибудь заботъ.
Вотъ, съ мрачнымъ видомъ, взводъ народной стражи
Прошелъ подъ окнами, и бельетажи
Раскрыли окна, — городъ запестрѣлъ
Цвѣтными флагами, какъ бы хотѣлъ
Дѣйствительно отпраздновать, Богъ знаетъ,
Какой счастливый день. Великъ народъ,
Который въ день грозы не унываетъ—
Пришла гроза — французы у воротъ.

XIX.

Грядущая имперія штыками
Грозитъ республикѣ — такъ вотъ за чѣмъ
Повсюду римляне идутъ толпами
Вооруженными, средь вѣющихъ эмблемъ
Своей свободы, вотъ за чѣмъ сверкаютъ
У всѣхъ глаза и руки всѣхъ сжимаютъ
Ружейные приклады; словно братъ
Родной, имъ сталъ губительный булатъ,
Защитникъ сердца, родины и чести!
Вотъ почему, какая бъ ни была
Обида личная, нѣтъ личной мести,
Вотъ почему звонятъ колокола.

XX.

«Къ стѣнамъ народъ!—къ стѣнамъ граждане!»
Команда эта мигомъ разнеслась,
И въ мирномъ Римѣ, какъ въ военномъ станѣ,
У каждаго въ груди отозвалась.
Мясникъ, башмачникъ, ювелиръ, факины,
Купцы, виноторговцы, веттурины,
Художники — (и нашъ одинъ гравёръ)
И поселяне изъ окрестныхъ горъ,
И слуги изъ гостинницъ, всѣ бросаютъ
Обычныя занятья и дѣла,
Идутъ, грозятъ, оружьемъ потрясаютъ—
Вотъ почему звонятъ колокола. —

XXI.

Вотъ, папскіе сады пестрятъ стрѣлками,
Вотъ, Гарибальди двинулся впередъ,
И на распутьяхъ сталъ за воротами,
Съ нимъ краснoблузники... Герой не ждётъ,
Спѣшитъ врага онъ пулями поздравить
Съ нашествіемъ и не даетъ направить
Ему передовой свой батальонъ
На верхъ горы, откуда весь бастьонъ,
И вся почти защита Ватикана
Какъ на ладони.—Вотъ, ружейный дымъ
Зардѣлъ на солнцѣ:—изъ его тумана,
За куполомъ Петра, услышалъ Римъ

XXII.

Звукъ перваго сраженья,—рокотъ ружей
И пушекъ, эхомъ повторенный громъ.—
И вотъ, на Пинчіо, Игнатъ досужій
Взбирается, идетъ, дыша съ трудомъ
Отъ тайнаго волненья; съ напряженьемъ
Съ горы слѣдитъ онъ взоромъ за сраженьемъ.
Но гдѣ же войско?—Косвеннымъ столбомъ
Завихрившись, дымъ пушекъ надъ холмомъ,
Ближайшимъ къ Риму, началъ растилаться—
Ружейный рокотъ словно замиралъ,
Сталъ уходить куда-то, сталъ теряться—
Чтобъ это значило?—Никто не зналъ...

XXIII.

Кто побѣдилъ? кого поколотили?
Вѣстей не приходило. Знойный Римъ
Затихъ—колокола ужъ не звонили,—
Лишь женщины у алтарей, въ нѣмыхъ
Церквахъ, толпой колѣнопреклоненной
Рыдали;—воздухъ солнцемъ накаленный
Всѣхъ собиралъ подъ своды, и пустымъ,
Судя по улицамъ, казался Римъ,

Одни ослы по площадямъ бродили
Безъ всякаго надзора,—за водой
Никто не шёлъ; уединенно били
Фонтаны,—часъ прошелъ—насталъ другой.

XXIV.

Шло время къ ночи—Римъ не шевелился.
Ни старики ни дѣти — ничего
Никто не зналъ; никто не торопился
Услышать вѣсть, что всё уже легло—
Всё, что ушло на бой въ числѣ любимыхъ
Защитниковъ, въ числѣ непобѣдимыхъ
Гарибальдійцевъ. Да, никто не зналъ,
Что первый батальонъ врага попалъ
Въ засаду—падалъ—и кричалъ: пощада!
Что часть сдалась—другая съ Удино
Пошла назадъ къ Кастель-де-Гвидо.—Надо
Подумать—это вовсе не смѣшно....

XXV.

Сказалъ французскій вождь, воображавшій,
Что римляне не смѣютъ воевать.—
И тутъ скажу заранѣе: пославши
Въ Парижъ курьера, онъ рѣшился ждать
Отъ президента новыхъ подкрѣпленій,
Хотѣлъ онъ, чтобъ побѣдоносный геній—
Любимый геній Франціи, у ногъ
Ея властителя, съ размаху могъ
Свободную республику увидѣть
Въ оковахъ по рукамъ и по ногамъ—
Кто смѣетъ честь французскую обидѣть!
Шесть тысячъ отступало—по пятамъ.

XXVI.

Шли сотни сорванцёвъ.—Побѣда! Гдѣ вы
Служители святого алтаря!

«Te Deum» пойте! Вы, святыя дѣвы,
Поблекшія въ стѣнахъ монастыря,
Страдалицы за вѣчное спасенье
Своей души—несите облегченье
Страдающимъ за братьевъ! Гдѣ бинты
Для раненыхъ, для пáдшихъ—гдѣ цвѣты?!
И всталъ весь Римъ, и огласились стономъ
Его площадки, паперти церквей
И лѣстницы;—но съ похороннымъ звономъ
Сливалась музыка: — среди тѣней

XXVII.

Надъ трупами склоняющихся, тѣни
Восторженно поющихъ провели
Французскихъ плѣнныхъ угощать въ кофейни.
Вотъ ночь сошла, вездѣ огни зажгли,
Героямъ дня толпы рукоплескали;
Съ носилокъ раненые поднимали
Повязанныя головы; на ихъ
Померкшихъ лицахъ, холодно-нѣмыхъ,
Сквозь выраженье нестерпимой муки
Проглядывала сила—и стонать
Они переставали, свѣсивъ руки,
Въ надеждѣ чью-нибудь въ толпѣ пожать.

XXVIII.

И было множество рукопожатій
Со всѣхъ сторонъ;—да, въ эту ночь, весь Римъ
Сносилъ свои страданья безъ проклятій
И былъ въ своей любви неистощимъ.
И Гарибальди имя повторялось
Впервые такъ, какъ никогда—раждалась
Невѣдомая слава—для вѣнца
Нетлѣннаго,—и братскія сердца
Народа колыбель новорожденной
Поставили высоко въ эту ночь,
Чтобъ видѣлъ міръ, неправдой возмущенный,
Италіи воинственную дочь.

XXIX.

Растроганнымъ пришелъ домой Игнатій —
Съ такимъ же чувствомъ онъ пришелъ домой,
Съ какимъ изъ первыхъ, трепетныхъ объятій
Давно-любимой дѣвушки, — иной
Бѣднякъ, иль труженикъ, людьми забытый,
Въ часъ ночи, мѣсячнымъ лучемъ облитый,
Одинъ приходитъ къ ложу своему,
И ужъ оно не кажется ему
Такимъ пустымъ, какимъ вчера казалось.
Нѣтъ! новая волшебница — мечта
Съ нимъ обнялась — тепло къ нему прижалась
И къ невидимкѣ льнутъ ея уста...

ГЛАВА X.

I.

Такъ не давалось съ разу водворенье
Святого папы съ помощью штыковъ.
Люи-Наполеонъ былъ (нѣтъ сомнѣнья)
Межъ двухъ огней: — подачу голосовъ
(Suffrage universelle) подготовляя,
Онъ долженъ былъ достать ключи отъ рая
И стало быть, беречь карманъ поповъ
. . . .
Не только папѣ, но и папской свитѣ
Онъ долженъ былъ усердно угодить, —
Или готовиться къ его защитѣ,
Или ужъ императоромъ не быть.

II.

А что республиканцы скажутъ? Эти
Готовые лезть прямо на штыки —
Трехъ революцій уличныя дѣти,
И наконецъ — такіе чудаки,

Что имъ присяга, даже честь дороже
Наполеона.—
— «Это не похоже
На то, къ чему веду я мой народъ;
Не я, сама исторія ведетъ...»
Такъ думалъ президентъ, сосредоточенъ
На мысли все прибрать къ рукамъ своимъ,
Онъ тайнымъ былъ разсчетомъ озабоченъ,
И для начала выбралъ вольный Римъ.

III.

Надъ нимъ въ вѣнцахъ орлы-мечты играли
И страхъ паденья ёжась ползалъ въ немъ...
Но ничего глаза не выражали
Своимъ какъ бы потускнувшимъ свинцемъ.
Республика кой-что подозрѣвала,
И гнѣвная, уже едва скрывала
Свое негодованье: рокоталъ
Подземный громъ, надъ кратеромъ вставалъ
Зловѣщій дымъ, — предтеча бури — пѣна
Уже каталась по морю съ волной,
Какъ чайки крикъ, носился крикъ: измѣна!
Парижъ шумѣлъ предъ новою грозой.

IV.

А онъ, грозой барышниковъ пугая,
Являлся имъ въ сіяніи щита,
Спасающаго міръ, и, обольщая
Солдатъ, тайкомъ готовилъ coup d'état.
За нимъ стояла тѣнь Наполеона,
Имъ вызванная, и ступеньки трона
Предъ нимъ мелькали, также какъ порой
Сквозь сонъ мелькаютъ риѳмы предо мной.
(Пожалуйста отъ этого сравненья
Ты не сгори, о муза! отъ стыда: —
Пусть критикъ нашъ придетъ въ недоумѣнье
И разбранитъ — не велика бѣда!)

V.

Такъ президентъ короны добивался —
Онъ въ папу также вѣрилъ, какъ и я,
Не больше; но за папу ополчался
И стало-быть похожъ былъ на меня
Такъ точно, какъ на правду ложь похожа.—
Стремленьемъ къ власти духъ свой не тревожа,
Блаженъ я — мнѣ до папы дѣла нѣтъ,
Меня не мучитъ красный духъ газетъ,
Ни темный духъ моей родни отжившей;
Я не давалъ присяги охранять
Республику и каждой вновь возникшей
Сочувственную руку подавать. —

VI.

Въ своей палаткѣ наконецъ дождался
Отвѣта Удино — онъ застегнулъ
Сперва мундиръ свой (хоть и задыхался
Отъ жару), а потомъ ужъ развернулъ
Письмо отъ президента.
«Подкрѣпленье»,
Писалъ сей-претендентъ, «безъ замедленья
Къ вамъ будетъ выслано; до той поры,
Спасайте ваше войско отъ жары
И лихорадокъ.—Отступите въ горы—
Республики не надо раздражать,
Пока Лесексъ ведетъ переговоры
Не начинайте бомбардировать».

VII.

«Безъ штурма все уладить будетъ можно
А если нѣтъ — да будетъ невредимъ
Алтарь Петра — громите осторожно,
Но съ торжествомъ войдите въ славный Римъ
Въ ворота или просто черезъ бреши».
Таковъ былъ смыслъ таинственной депеши.
Въ ней между строкъ еще кой-что вилось
И пряталось, какъ змѣйка между розъ,

Какъ между водяныхъ растеній—рыбка,
Какъ на устахъ спокойнаго лица
Коварно-проскользнувшая улыбка, —
Но Удино все понялъ до конца.

VIII.

Французскій лагерь гангренознымъ чирьемъ
На тѣлѣ Римской области засѣлъ,
Опасный чирей!—Хитрымъ перемирьемъ
Спасая лагерь, Удино глядѣлъ
На Римъ сквозь пальцы — ждалъ и лицемѣрилъ.
Его французской чести Римъ повѣрилъ
И быстро перенесъ на югъ свой громъ;
Едва король Неаполя тайкомъ
Убрался изъ Валетри,—подъ командой
Россели, Гарибальди наскочилъ
И городъ взялъ съ размаху — Фердинанда
Какъ короля, онъ этимъ огорчилъ.

IX.

Разубѣдясь въ чудесномъ предсказаньи,
Король смутился, и его полки
Уже на благородномъ разстояньи
Бросали ружья, сабли и мѣшки.
Завертывали ночью въ одѣяла
Колеса пушекъ, чтобъ не грохотала
Ихъ артиллерія, чтобъ какъ-нибудь
Не разбудить врага и скрыть свой путь,
Благоразумный путь—путь отступленья!
Шесть тысячъ римлянъ не могли никакъ
Склонить ихъ тридцать тысячъ на сраженье,
И Гарибальди занялъ ихъ бивакъ.

X.

Но воспѣвать его я не намѣренъ —
Едваль настало время воспѣвать

То, что само поетъ! Ктожъ не увѣренъ,
Что это имя будетъ вдохновлять
Италію—столѣтья! Нѣтъ, ужъ лучше,
Безъ громкихъ фразъ вернемся мы къ Иллючи
Или къ Игнату,—къ Риму онъ привыкъ
Сталъ лучше понимать его языкъ
И былъ спокоенъ до исхода мая,
Наивный человѣкъ! Онъ иолагалъ,
Что Римъ спасенъ,—такъ, каждый день читая
Газеты, онъ въ политику вникалъ.

XI.

Увы! не онъ одинъ, другой ребенокъ,
Мацини, тріумвиръ,—воображалъ,
Что эта, вышедшая изъ пеленокъ,
Республика, прочна какъ идеалъ—
Тотъ идеалъ, который никакія
Превратности судебъ, ни бури злыя
Въ его душѣ не въ силахъ сокрушить.
Онъ думалъ Римъ отъ ядеръ сохранить
Крестомъ распятаго, щитомъ святыни—
Сіяньемъ правды—словомъ, отрицалъ
Политику задумчивый Мацини,
И какъ нророку Римъ ему внималъ.

XII.

Когда съ побѣднымъ крикомъ пробѣгала
По улицамъ горячая молва,
Казалось, въ Римѣ все торжествовало,
Сердца мужали въ блескѣ торжества
И шумно побѣдителей встрѣчали:
«Зачѣмъ вы Фердинанда въ плѣнъ не взяли?»
Одинъ въ народѣ слышался упрекъ.
«Французы! Мы и вамъ дадимъ урокъ,
«Коли вы сами съ честью не уйдете!»
Лесексъ бѣсился (бѣдный дипломатъ!)
И Удино сказалъ ему: Вы ждете,
А я такъ дождался,—Римъ будетъ взятъ.

XIII.

И вотъ, въ лазурѣ неба вѣщей птицей
Заклоктала—и, мѣрный полукругъ
Чертя, спускаться стала надъ столицей
Дымящаяся бомба—ниже, ниже... вдругъ
Надъ кровлями разорвалась,—осколки
Посыпались на черепицу,—съ полки
У нашего Игната въ мастерской
Слетѣли вмѣстѣ съ гипсовой ногой
Двѣ стклянки съ масломъ—и кусочки глины
Посыпались,—куда ужъ тутъ писать!
Онъ быстро отшатнулся отъ картины
И блѣдный всталъ, не зная что начать.

XIV.

А! началось!—и грозное начало
Не предвѣщало добраго конца.
Игнатъ вставалъ съ зарей, и чтожъ? бывало
Одѣться не успѣетъ—ни лица
Водою освѣжить, какъ за лучами
Проснувшагося солнца, надъ домами
Уже летятъ чугунные шары—
Гремятъ,—и утра свѣжіе пары
Ужъ пахнутъ порохомъ—невольно
Онъ выбѣгалъ на улицу;—народъ,
Вооружась, на смерть шелъ добровольно
И къ счастью не заглядывалъ впередъ.

XV.

Римъ пересталъ подозрѣвать измѣну
Въ своихъ стѣнахъ, и на неравный бой
Шелъ съ облегченнымъ сердцемъ,—такъ на сцену
Идетъ смѣясь трагическій герой.
Но тамъ, гдѣ служатъ вѣковыя стѣны
Кулисами,—тамъ, не такія сцены,
И не такія ложи,—широко
Онѣ разставлены, и высоко
Сидятъ тамъ короли въ вѣнцахъ,—златая
Тіара свѣсилась—мундиръ посла
Блеститъ,—министръ министра надувая,
Наивно спрашиваетъ: какъ дѣла?—

XVI.

На римской сценѣ совершалось много
Такого, что въ нашъ меркантильный вѣкъ
Напоминало дни, когда за Бога
Съ богами шелъ бороться человѣкъ.
Вотъ, у крыльца, на каменной площадкѣ
Два женскихъ трупа: на груди ихъ складки
Изорванной рубашки припеклись
Къ изорванному тѣлу. Вотъ, сошлись
Сосѣди,—маленькія дѣти жмутся
Къ подоламъ женщинъ,—старики намётъ
Хотятъ поставить—руки ихъ трясутся—
Игнатъ мой за носилками идетъ.

XVII.

За полчаса несчастныя божились
Изъ бомбы вырвать трубку иль фитиль,
Заспорили, и обѣ устремились
На подвигъ, сквозь поднявшуюся пыль
Надъ мостовой, ударомъ потрясенной,—
Обѣимъ захотѣлось имъ зажженный
Фитиль схватить—и вотъ, надъ фителемъ
Онѣ бороться стали.—Грянулъ громъ—
Не съ неба грянулъ—небеса молчали
Въ тотъ мигъ, когда осколки чугуна
Ретивыя сердца ихъ разорвали
И выбили въ кофейной два окна.

XVIII.

А вотъ, одной изъ юныхъ горожанокъ
Такой же подвигъ удался вполнѣ...
Художники! вы пишете вакханокъ,
Венеръ, Діанъ на вашемъ полотнѣ,
Оставьте миѳы—посмотрите: гордо
Подъемля кисти рукъ, походкой твердой,
Вся смуглая, подъ солнечнымъ лучемъ
Она идетъ, сіяя торжествомъ—
Толпа за ней—и всѣ кричатъ ей «браво!»
У ней на головѣ чугунный шаръ....
На цѣлый день ее безсмертитъ слава,
И эту славу празднуетъ базаръ.

XIX.

Но никогда еще Игнатъ мой смѣха
Такого не слыхалъ, какъ въ день, когда
На улицахъ народною потѣхой
Былъ листъ съ проклятьемъ папы,—никогда
Онъ не слыхалъ еще такихъ визжаній,
Такихъ гнусливыхъ дудокъ, завываній—
Концерта несравнимаго ни съ чѣмъ;
Я думаю, чертямъ въ аду, и тѣмъ
Отъ этихъ диссонансовъ было-бъ тошно,
Самъ сатана сгорѣлъ бы отъ стыда.
(Такой концертъ придуманъ былъ нарочно:
Такъ пьяныхъ въ Римѣ водятъ иногда.)

XX.

Проклятье папы или отлученье
Прибито было къ палкѣ—и надъ нимъ
Несли дырявый зонтикъ, — безъ сомнѣнья
Самъ Пій не ждалъ съ проклятіемъ своимъ
Такого всенароднаго почета.
Иллючи молча шелъ,—но сзади кто-то
Его толкнулъ и далъ ему свѣчу:
Неси!—и онъ понесъ;—не умолчу,
Какъ покраснѣлъ сконфуженный Игнатій,
Какъ онъ рукой старался защитить
Огонь свѣчи,—какъ, не боясь проклятій,
Боялся онъ толпѣ не угодить.

XXI.

А бомбы падали... О! бомбы эти
Не ты ли добрый пастырь мечешь въ Римъ,
И бьютъ они дѣтей твоихъ — и дѣти
Хохочутъ надъ проклятіемъ твоимъ.
Твоею гордою душой Христосъ не понятъ—
Ты храмы заперъ,—слушай, какъ трезвонятъ
Колокола... они благовѣстятъ,
Что дѣти выросли... и что наврядъ
Тебѣ ихъ испугать своимъ проклятьемъ...
Такъ думалъ про себя Игнатій — онъ...
На этотъ разъ былъ пресмѣшнымъ Игнатьемъ,
Такъ гордо выступалъ, что былъ смѣшонъ.

XXII.

Смѣшонъ не такъ какъ иногда бываетъ
Смѣшонъ болванъ, когда въ толпѣ гостей
Онъ на себя вниманье обращаетъ,
Забавно-важной пошлостью своей.
Нѣтъ, въ той толпѣ, гдѣ роль ему досталась,
Почти ни на кого не обращалось
Вниманья — каждый роль свою игралъ
По вдохновенью — каждый понималъ,
Что этотъ смѣхъ народа — смѣхъ притворный,
У многихъ на лицѣ сквозь этотъ смѣхъ
Дрожали слезы — Римъ въ борьбѣ упорной
Не ждалъ, и не желалъ такихъ потѣхъ.

XXIII.

Еще толпа была религіозна
И суевѣрна. — Можно доказать —
Такъ напримѣръ, однажды, послѣ грозной
И жаркой канонады, чтобъ занять
Народъ, друзья народа учинили
Такое зрѣлище: они сложили
На площади del' Popolo костры
И запалили. (Далеко съ горы
Французы увидали сѣроватый
Столбъ дыму, — Удино вообразилъ,
Что городъ загорѣлся отъ гранаты —
И громъ пальбы на время прекратилъ.)

XXIV.

На площади-жъ del Popolo — свершали
Ото-да-фе — какъ казнь новѣйшихъ дней.
Кареты кардиналовъ сожигали,
Такъ точно какъ когда-то жгли людей;
Тѣ люди были въ саваны одѣты, —
Но не нуждались въ саванахъ кареты.
Въ тѣ дни, когда вездѣ торжествовалъ
Духъ инквизиціи — стонъ землю оглашалъ —
Теперь же кардиналовъ экипажи,
Трещали очень весело, когда
Со всѣхъ сторонъ огонь лизалъ ихъ, — даже
И не вздохнули, — только иногда

XXV.

Атласныя подушки, слишкомъ плотно
Обсиженныя, покорясь нуждѣ,
Горѣли какъ-то очень неохотно,
Шипѣли какъ блины на сковородѣ,
Пока трещали кузова, и стекла
Въ нихъ лопались, румяные, какъ свекла;
Народные ораторы порой,
Чтобъ какъ-нибудь подняться надъ толпой,
На кӧзла вспрыгивали, на запятки
Влезали... и орали, не боясь,
Что прогорятъ у башмаковъ ихъ пятки,
Или шальная искра выжжетъ глазъ.

XXVI.

Такъ за монашескія преступленья
Народъ монашескую роскошь жегъ.
Свершая это жертвоприношенье,
Онъ разумѣется никакъ не могъ
Забыть одну... преступную карету,
Карету папы, — колесницу эту
Украшенную дорогой рѣзьбой
И золотомъ — какъ жертву на убой
Уже везли, — кто уцѣпясь за дышло,
Кто за рессоры... всѣ кричали: жечь,
Жечь грѣховодницу!—и что же вышло?
Её спасла нечаянная рѣчь —

XXVII.

Рѣчь одного поклонника искусства.
Любуясь изумительной рѣзьбой
Фигуръ и орнаментовъ, онъ изъ чувства
Къ прекрасному, невольно крикнулъ: стой!
Стой! прежде выслушайте адвоката;
Я адвокатъ — карета виновата —
Она возила папу, — стало-быть
Её намъ также слѣдуетъ казнить;
Но слушайте, другое назначенье

Мы ей дадимъ... Взгляните на неё,
Какая прелесть, — эти украшенья,
Гирлянды... ангелы. — Нѣтъ! мнѣніе мое —

XXVIII.

Такое мнѣнье... мы карету эту
Тому Христу-малюткѣ подаримъ,
Который гордому не внемля свѣту,
Такъ любитъ насъ и нами такъ любимъ;
Какъ Пій онъ никогда не брезгалъ нами,
Стучался въ двери къ намъ, когда слезами
Мы обливались — къ бѣднымъ и больнымъ
Онъ шелъ охотно, какъ родной къ роднымъ,
Какъ къ братьямъ братъ; вездѣ, гдѣ умирали, —
Вездѣ полупотухшія глаза
Его, какъ Бога, съ вѣрою встрѣчали,
И вспыхивала мутная слеза.

XXIX.

И чтожъ! пока въ каретѣ мы возили
Святѣйшаго отца — какъ сироту
Съ открытою головкой въ жаръ носили
Небеснаго младенца: мы Христу
Не посвятили даже балдахина;
Мы видѣли какъ маленькій (bambino)
Мокъ подъ дождемъ... и не жалѣли мы
Спасителя, когда во дни зимы
Онъ къ нищимъ шелъ, какъ нищій неодѣтый.
О братья, мы должны загладить грѣхъ,
Загладить грѣхъ нашъ этою каретой,
Другого средства нѣтъ — пошлюсь на тѣхъ,

XXX.

На тѣхъ пошлюсь, въ комъ вѣра не простыла
И не замолкла совѣсть — не дадимъ
Христа въ обиду, — въ немъ вся наша сила....
— «Такъ чтожъ намъ дѣлать?»

—«Вотъ что, подаримъ
Мы эту золоченую карету
Христу, пускай онъ ѣздитъ».
И на эту
Простую рѣчь откликнулся народъ
Восторженно — къ Христу, къ Христу! — и вотъ
Пока одни, водой наполнивъ шляпы,
Гасили уголья, другіе повезли
Великолѣпную карету папы,
Подъ звонъ колоколовъ къ царю земли,

XXXI.

Иль къ дѣтскому его изображенью. —
Такъ простодушной вѣры полонъ былъ
Народъ невѣрующій отлученью,
Такъ, ненавидя папу, Римъ любилъ
Распятаго, и такъ необычайно
Спаслась карета (этотъ фактъ — не тайна,
Его всѣ знаютъ) — только отнята
Теперь карета эта у Христа,
И въ дни парадные въ каретѣ этой
Опять качается святой отецъ,
Любовью, правдой, разумомъ отпѣтый,
И стало-быть давно живой мертвецъ.

Я. Полонскій.

БѢЛГРАДЪ

ЕГО

УСТРОЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Изъ записокъ путешественника.

I.

Первыя впечатлѣнія: жандармы и таможня.—Отъ пристани до гостинницы: рабаджія и хамалъ.—Гостинница.—Вліяніе Австріи на внѣшнюю жизнь Бѣлграда.—Мѣстоположеніе и климатъ.—Что былъ Бѣлградъ прежде и что теперь?—Его расположеніе.—Дома.—Лавки.—На улицѣ.—Способъ построекъ.—Остатки старины и музеумъ.—Исторія.—Движеніе народонаселенія и національный составъ Бѣлграда.—Замѣчанія объ отдѣльныхъ народностяхъ.

Послѣ суточнаго плаванія отъ Пешта внизъ по Дунаю, 8-го марта 1868 г., я прибылъ въ Земунъ, который отдѣляется отъ Бѣлграда только устьемъ р. Савы да тѣмъ еще, что политически принадлежитъ другой державѣ, и вслѣдствіе этой послѣдней причины нельзя было попасть прямо въ Бѣлградъ, а непремѣнно пересѣсть для того на другой пароходъ [1]).

Отъ Земуна нѣтъ почти никакого вида на Бѣлградъ. Вы видите на возвышеніи только крѣпость съ ея сѣрыми стѣнами, различными уступами и выступами, спускающимися внизъ къ самой водѣ, и съ приземистыми неуклюжими башнями; въ ней нѣсколько казарменной формы построекъ, два полуразрушенные минарета внизу и одинъ вверху, прислонившійся къ какому-то

---

[1]) Съ 1869 года установлено прямое сообщеніе.

большому зданію въ европейскомъ стилѣ; а кругомъ широкій разливъ воды, которому нѣтъ конца. Еслибъ возвышеніе, на которомъ стоитъ Бѣлградъ, не примыкало къ горамъ, надъ которыми поднимается вершина Аволо, то оно представлялось бы островомъ. Только отдалившись на нѣкоторое разстояніе отъ Земуна, можно видѣть и самый городъ; черезъ четверть часа мы были уже въ бѣлградской пристани и любоваться городомъ издали было некогда.

Собираясь вступить съ пароходной палубы на берегъ, я прежде всего встрѣтилъ двухъ жандармовъ, которые отбирали паспорты. Мнѣ почему-то думалось, что Сербія еще не достигла той степени цивилизаціи, при которой существованіе жандармовъ составляетъ насущную потребность. Мнѣ казалось, что ей нѣтъ никакой надобности и въ ревизіи паспортовъ. Мнѣ казалось многое, отъ чего впослѣдствіи привелось отказаться. Имѣетъ Сербія какую-нибудь надобность въ жандармахъ или нѣтъ, объ этомъ не спрашиваетъ сербское правительство, а по примѣру другихъ считаетъ необходимымъ содержать въ Бѣлградѣ на каждыхъ 50 человѣкъ одного жандарма, кромѣ пандуровъ и городской стражи, которые также несутъ полицейскія обязанности, и размѣстились на каждомъ шагу. Присутствіе жандармовъ давало мнѣ почувствовать, что я вступаю въ страну, успѣвшую уже цивилизоваться на обще-европейскій манеръ, и что съ этой стороны я ничего оригинальнаго не найду.

Сунувши въ протянувшуюся ко мнѣ руку паспортъ, я шелъ дальше, ожидая нападенія толпы извощиковъ и носильщиковъ, что также составляетъ принадлежность цивилизованной Европы; но этого здѣсь не случилось. Легкихъ извощиковъ здѣсь совершенно нѣтъ, а носильщики, называемые турецкимъ именемъ *хамаловъ*, вовсе не такъ назойливы, какъ ихъ братья въ остальной Европѣ. Они только предлагаютъ вамъ свои услуги или вы ихъ должны искать, а навязываться вамъ силой — не въ ихъ обычаѣ. Впослѣдствіи я убѣдился, что въ Сербіи вообще вся прислуга весьма неуслужлива, что чрезвычайно не нравится людямъ, навыкшимъ на европейскій буржуазно-барскій образъ жизни и усвоившимъ соединенныя съ нимъ понятія объ услугѣ.

«Нужно господину что-нибудь понести?» — спросилъ меня одинъ хамалъ, не трогаясь съ мѣста. Я указалъ ему сакъ-вояжъ и назвалъ гостинницу.

«Шесть грошей (30 коп. сер.)» — отвѣтилъ хамалъ.

— Три. — «Четыре». — Ладно. — И онъ понесъ мои пожитки.

Прежде мы должны были зайти *на дюмрукъ* (таможню) и дать на осмотръ вещи. Осмотръ былъ внимательный: кромѣ

того что перерыли весь сакъ-вояжъ,—заглянули, что у меня въ сумкѣ, которую я носилъ черезъ плечо, заставили даже развернуть пледъ; осматривали каждую вещь отдѣльно, встряхивая ее и поднимая на свѣтъ, и за одну вещь, которую я уже надѣвалъ одинъ разъ, требовали заплатить, какъ за ненадѣванную. Я заплатилъ, чтобъ только скорѣе отдѣлаться, и сталъ догадываться, что и таможенная часть доведена здѣсь до тонкости.

Отдѣлавшись отъ блюстителей порядка и государственныхъ интересовъ, я пошелъ дальше, слѣдуя за своимъ носильщикомъ.

Въ одну сторону, вверхъ по Савѣ, шла улица, мощеная и довольно широкая; по ней подъ рядъ безъ промежутковъ двухъэтажные каменные дома—все лавки и складочные магазины: съ мукой подъ фирмою «Нѣмецъ»[1]), съ желѣзными товарами, съ посудой глиняной и стеклянной, съ мебелью, съ галацкою солью въ глыбахъ черноватаго цвѣта и т. п.; тутъ же отдѣленіе полиціи, двѣ конторы пароходства (австрійскаго и французскаго) и большая гостинница съ надписью на сербскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: «*Код вароши Крагуевца*—Zur Stadt Kragujewatz». Нашъ путь былъ въ противоположную сторону, гдѣ улица почти кончалась.

Первое, что кидается здѣсь въ глаза, это то, что, вмѣсто ломовыхъ извощиковъ на лошадяхъ, вы видите телѣги весьма неуклюжей формы, у которыхъ даже колеса несовсѣмъ круглы; онѣ запряжены быками или буйволами, на которыхъ, какъ на лошадей, надѣты ременные недоуздки съ веревкой или мелкой цѣпью въ родѣ поводьевъ или малороссійскихъ налыгачей; а такъ какъ время стояло холодное, то быки и буйволы покрыты были шерстяными попонами, что у насъ не всегда достается даже лошадямъ. Это такъ-называемые *рабаджіи*, которые постоянно изъ поселянъ. Позвольте мнѣ описать одного изъ нихъ.

Онъ въ красномъ фесѣ безъ кисти, которая должна быть непремѣнно шелковая, довольно дорога и потому составляетъ роскошь горожанина;—въ *гунѣ* (курткѣ), спускающейся немного ниже пояса, съ рукавами расширяющимися къ кисти и обложенная чернымъ широкимъ шерстянымъ шнуромъ или тесьмой: она обыкновенно изъ домашняго рыжевато-чернаго сукна; изъ того-же сукна *чакширы* (штаны), съуживающіеся книзу, плотно обхватывающіе всю голень, а подъ колѣнкой перехваченные красною тесьмой съ кисточками на концахъ; изъ-подъ нихъ или сверхъ нихъ въ самомъ низу виднѣются синіе съ разноцвѣтными узо-

[1]) Нѣмецъ собственно чехъ и притомъ горячій патріотъ, онъ имѣетъ близъ Бѣлграда паровую мельницу и снабжаетъ Сербію мукою высшаго сорта, которая кромѣ того получается изъ-за границы.

рами чулки (чарапе); а верхнюю обувь составляютъ *опанки* — родъ башмаковъ изъ сыромятной кожи безъ подошевъ, тоже самое, что у малороссіянъ называется *поршнями:* они прикрѣплены къ ногѣ узкимъ ремнемъ, обвивающимъ голень до половины. Гуня на немъ распахнута; но подъ нею надѣта еще курточка изъ полосатой бумажной матеріи на ватѣ, такъ-называемая *памуклія* (отъ *памукъ*—хлопчатая бумага). Стороны памукліи далеко запахиваются одна на другую, такъ что грудь совершенно закрыта, и на таліи она прихвачена довольно широкимъ поясомъ изъ разноцвѣтной шерсти, похожимъ на наши кушаки: онъ называется у сербовъ *каницe.* При поясѣ виситъ небольшой самодѣльный ножъ въ родѣ тѣхъ, какіе носятъ и наши поселяне. На шеѣ виднѣется прямой отложной воротникъ бѣлой, чистой и довольно тонкой рубашки. Все это одѣяніе его, кромѣ феса,— домашняго произведенія, и притомъ все это пряли, ткали и шили его домашніе: жена, мать, сестры, — и только опанки и ножъ куплены въ городѣ.

Роста онъ болѣе чѣмъ средняго, стройно сложенъ, но плечи узкія и грудь низкая; голова небольшая, лобъ не широкій, прямой, съ перехватомъ; лицо продолговатое съ прямымъ, тонкимъ небольшимъ носомъ, съ сѣрыми неглубоко сидящими глазами, съ темно-русыми, коротко стриженными волосами и съ темными съ бѣлесоватымъ оттѣнкомъ незакрученными усами; ротъ небольшой, губы среднія, сжатыя; шея тонкая и совершенно ровная съ затылкомъ.

Онъ идетъ впереди воза, ведетъ быковъ за поводья, держа у плеча кнутъ на длинномъ кнутовищѣ, помахивая, а иногда, не оглядываясь назадъ, похлыстывая имъ своихъ *хранителей* (кормильцевъ): такъ сербъ называетъ свою рабочую скотину, по преимуществу быковъ (отъ *храна* или *рана*—кормъ, пища).

Еслибъ этотъ сербъ имѣлъ на головѣ вмѣсто феса малороссійскую баранью шапку (многіе уже начинаютъ носить зимой шапки, а лѣтомъ шляпы), изъ-подъ которой виднѣлись-бы длинные въ кружало остриженные волосы, — это былъ бы нашъ чумакъ, покуда онъ не успѣлъ еще вымазаться въ дегтю. Сербъ впрочемъ живѣе малорусса, да и быки его идутъ ходчѣе. Лицо его выражаетъ какую-то сосредоточенность на томъ, что онъ дѣлаетъ; оно холодно и сухо; ему недостаетъ той разсѣянной задумчивости, которая доводитъ малорусса иногда до того, что, засмотрѣвшись на одинъ какой-нибудь предметъ, хотя бы, на галокъ на колокольнѣ Ивана-великаго, онъ не видитъ ничего вокругъ себя; не увидите вы у серба и того наивно насмѣшливаго выраженія, такъ часто освѣщающаго лицо малорусса,

когда онъ предается сладкимъ мечтамъ или, глядя на кого-нибудь, смышляетъ что-то себѣ на умѣ.

Такимъ образомъ съ перваго же шага я встрѣтилъ здѣсь картину и типъ, напоминающіе наши юго-восточные предѣлы, и какъ бы составляющіе варіантъ того, что такъ часто случалось видѣть дома. Вообще, сербскій типъ весьма близокъ къ малорусскому.

Разъ мнѣ случилось быть въ одной сербской школѣ. На вопросъ учителя—откуда пришли сербы,—ученикъ категорически отвѣчалъ: «изъ Малороссіи». Не углубляясь далеко въ исторію, сравнивъ эти два типа въ современномъ ихъ видѣ, нельзя не согласиться съ этимъ мнѣніемъ, съ перваго раза кажущимся парадоксомъ, если подъ именемъ Малороссіи разумѣть вообще прикарпатскія страны.

Пробираясь со своимъ носильщикомъ дальше, я шелъ между телѣгъ, запряженныхъ лошадьми, въ одиночку или парой, быками и буйволами. Съ лошадьми большею частію *банатяне* (сербы изъ Баната) въ черныхъ съ широкими полями шляпахъ, въ жилетахъ съ длиннымъ рядомъ металлическихъ пуговицъ и бѣлыхъ портяныхъ штанахъ, которые такъ широки, что банатянинъ всегда представляется точно въ юбкѣ или въ широкомъ передникѣ, обхватывающемъ его кругомъ. Тутъ же обогналъ насъ зеленый сундукъ съ изображеніемъ двухъ перекрещивающихся почтальонскихъ трубъ: его везетъ одна лошадь, запряженная въ оглобли безъ дуги, а на козлахъ рядомъ съ кучеромъ сидитъ человѣкъ въ австрійской кепи. Это австрійская почта: она приняла письма съ парохода и отправляется съ ними въ австрійскій почтамтъ, существующій здѣсь для цѣлей заграничной корреспонденціи Сербіи (съ нынѣшняго года Австрія передаетъ ее Сербіи).

Чтобъ попасть съ пристани въ городъ, нужно подняться на гору. Для пѣшеходовъ устроена лѣстница изъ тесанаго камня шириною въ сажень, съ площадками послѣ каждыхъ десяти ступеней и съ плоховатыми деревянными перилами, которыя впрочемъ почти ненужны. Всѣхъ ступеней 140: поэтому можете судить о высотѣ горы; впрочемъ, и взойдя до верха лѣстницы, вы все еще должны подниматься выше, покуда дойдете до середины города. По бокамъ лѣстницы — по одну сторону шелъ какой-то пустырь, а по другую — лачуги и лавченки, въ которыхъ продается различный съѣстной товаръ и плетутся рогожки изъ чакана; а далѣе по обѣ стороны два каменные дома. Въ нижнемъ этажѣ лавки съ фруктами, сухимъ мясомъ, свинымъ саломъ, творогомъ, зеленью, между которою главную роль играютъ

лукъ и чеснокъ, и проч.; на одной лавкѣ назначено «сараф — comptoir d'échange», передъ другой выставлены фотографіи, пѣнковыя трубочки, черешневые мундштучки и листки табаку; по другую сторону сапожная мастерская (въ нынѣшнемъ году здѣсь на самомъ верху выстроена очень хорошая гостинница подъ названіемъ «Народной», которой годъ тому назадъ еще не было).

Взойдя наверхъ лѣстницы, вы охотно остановитесь, чтобъ перевести духъ и осмотрѣться, и увидите, что весь городъ подался отсюда вправо, а влѣво пустая площадь, поросшая травой и отдѣляющая крѣпость отъ города. Площадь эта называется *кали-мегданъ* (крѣпостное поле), мѣсто вечернихъ прогулокъ бѣлградцевъ, откуда отличный видъ на Саву и Дунай (нынѣшней весной здѣсь насажены деревья, проводятся фонтаны и устроивается паркъ).

Поворотивъ отсюда вправо, мы встрѣчаемъ соборную церковь. Архитектура ея не представляетъ ничего особеннаго; она совершенно похожа на всѣ австрійскія православныя церкви: черепичная крыша трапеціей и на восточномъ краю ея стоитъ крестъ, а на противоположномъ къ церкви пристроена колокольня. На колокольнѣ очень красивъ куполъ: высокій съ нѣсколькими перехватами, на квадратномъ основаніи съуживающійся кверху въ видѣ опрокинутой вазы; по темно-коричневому его фону густая узорная позолота. Онъ особенно красивъ, когда на него падаютъ косвенные лучи солнца: тогда за блескомъ позолоты темный фонъ почти не видѣнъ, служитъ какъ бы оттѣнкомъ и помогаетъ только игрѣ лучей въ золотѣ. Съ нашими церквами эта церковь не имѣетъ ничего общаго, и она мнѣ напоминаетъ церкви въ саратовскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. Когда мы проходили, раздался на колокольнѣ звонъ: вдругъ какъ-то зазвонило нѣсколько колоколовъ, болтаясь туда и сюда, точно всполохъ бьютъ, и эта болтовня поднималась три раза съ двумя небольшими паузами. «Что это значитъ?» — спросилъ я хамала. «Умеръ кто-нибудь; должно быть дитя, мальчикъ». — «Почему ты знаешь, что дитя и непремѣнно мальчикъ?» — «Вообще здѣсь много мретъ дѣтей; а когда звонятъ три раза, значитъ мертвецъ мужескаго пола; для женщинъ звонятъ только два раза». Вотъ вамъ и одна оригинальная черта сербскихъ православныхъ обычаевъ.

Обратимъ теперь вниманіе на хамала, который заслуживаетъ вниманія настолько по крайней мѣрѣ, насколько и онъ составляетъ одно звено въ общественной жизни Бѣлграда и для насъ представляетъ нѣчто оригинальное.

Начнемъ съ того, что хамалъ съ *самаромъ*,—особымъ орудіемъ, помогающимъ ему носить на спинѣ тяжести,—совершенно

замѣняетъ лошадь съ телѣгой. Вы нерѣдко увидите, что онъ несетъ на себѣ два-три чемодана, сакъ-вояжъ и еще что-нибудь сверху, или движется подъ какимъ-нибудь громаднымъ ящикомъ, несетъ на себѣ цѣлый шкапъ или комодъ, такъ что подъ громоздкой тяжестью сзади вы видите однѣ движущіяся ноги. Говорятъ, что есть хамалы, которые съ помощью самара поднимаютъ до 250 окъ, что составляетъ слишкомъ 17 пудовъ (считая оку въ $2^3/_4$ ф. или пудъ въ $14^1/_2$ окъ). Не принимая такой невѣроятной цифры, мы все-таки должны признать, что самаръ помогаетъ человѣку поднять много больше того, чѣмъ сколько бы онъ могъ поднять безъ него. Въ свободное время хамалъ садится на свой самаръ, какъ на скамейку; а въ полдень пообѣдавши онъ ложится гдѣ-нибудь у стѣнки уснуть: — самаръ служитъ ему изголовьемъ. Что-жъ это за орудіе? Онъ имѣетъ видъ мѣшка, на дно котораго положенъ барабанъ или боченокъ изъ тонкихъ дощечекъ длиной четверти въ $2^1/_2$, а въ діаметрѣ вершка въ 3; мѣшокъ этотъ простеганъ съ ватой или войлокомъ и вмѣстѣ съ боченкомъ сверхъ всего обтянутъ кожей; надѣвается онъ такъ, какъ наши пѣшеходы носятъ свои котомки продѣвая руки въ помочи, какъ въ жилетъ. Надѣвши самаръ, носильщикъ настеганнымъ мѣшкомъ защищаетъ спину отъ давленія жесткихъ предметовъ; а боченокъ не даетъ вещамъ ползти внизъ, чему помогаетъ еще и веревка, въ два конца перекидываемая черезъ всю ношу отъ боченка, къ которому веревка эта прикрѣплена за желѣзную скобочку.

Какъ ни остроумно придуманъ этотъ инструментъ и сколько онъ ни облегчаетъ трудъ, все-таки добываемый имъ хлѣбъ горекъ. Это тоже самое, что у насъ лямка, въ изобрѣтеніи которой пожалуй тоже можно найти остроуміе, но тѣмъ не менѣе она массу людей низводила на степень весьма низкую, убивая въ нихъ охоту и способность по-людски думать и чувствовать. Какъ наши бурлаки, возвращаясь съ путины, нищенствовали, такъ и хамалъ смотритъ нищимъ. Онъ одѣтъ, какъ и всѣ сербы, только фесъ на немъ затасканъ такъ, что нельзя разобрать его цвѣта; зимой въ холодъ вмѣсто того, чтобъ надѣть шапку, онъ обматываетъ голову грязнымъ полотенцемъ въ видѣ турецкой чалмы; изъ-подъ феса въ безпорядкѣ выбиваются волосы космами, борода небрита; вся остальная одежа истаскана; рубашка грязная, чего вы не увидите у другого серба, хотя бы онъ рылся въ землѣ или былъ въ дальней дорогѣ. Сербъ изъ княжества рѣдко идетъ въ хамалы: это большею частью сербы же изъ турецкихъ земель и изъ Австріи, арнауты, болгары и цинцары.

Заработокъ ихъ чрезвычайно неровный, и въ этомъ вся бѣда.

Два раза въ годъ, а иногда одинъ, здѣсь бываетъ нагрузка соли, продолжающаяся недѣлю или двѣ; за то, чтобъ положить на *кантаръ* (вѣсы) *товаръ* соли (100 окъ = 275 ф.), хамалъ получаетъ 10 грошей и въ день можетъ погрузить до четырехъ товаровъ, слѣдовательно, заработать 40 гр. или 2 р. с. Вообще въ самую горячую пору навигаціи, составляющую въ году не больше двухъ мѣсяцевъ, онъ можетъ заработать въ день отъ 10 до 20 гр. (до 1 р. с.). Но все это высшія цифры, а нужно принять и низшія; нужно потомъ принять и то, что по временамъ имъ приводится цѣлые дни сидѣть и лежать на своихъ самарахъ; нужно принять въ соображеніе прогулъ по болѣзни или по другимъ причинамъ, и тогда въ результатѣ врядъ-ли придется на день по 6 гр. (30 к. с.) или 180 (9 р.) въ мѣсяцъ; а между тѣмъ, простая женская прислуга, ничего неумѣющая, получаетъ отъ 110 и до 200 гр. (отъ 5 до 10 р.) на всемъ хозяйскомъ. Правда, въ Бѣлградѣ содержаніе покуда не дорого: хлѣбъ стоитъ 1 грошъ за оку, а мясо среднимъ числомъ 4 гр., и одинокій человѣкъ можетъ жить на такой заработокъ; но семейному весьма тяжело. Лучшее положеніе хамаловъ, состоящихъ при таможнѣ на постоянной платѣ: ихъ круглый годъ 10 человѣкъ, изъ которыхъ 9 получаютъ по 9 талеровъ въ мѣсяцъ, а одинъ, въ родѣ старшаго надъ ними, 10. Ихъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы товаръ, подвозимый къ таможнѣ на телѣгахъ, сносить въ магазины; причемъ они и отъ хозяина получаютъ еще по 3 гроша отъ телѣги, въ родѣ на водку. Туземный сербъ надѣваетъ самаръ только на время горячей работы и, заработавши нѣсколько червонцевъ, тотчасъ переходитъ къ другому занятію. Заработокъ хамала особенно низокъ, сравнительно съ заработками другихъ: рабочіе въ самомъ городѣ при постройкахъ, при виноградникахъ, въ окружности при уборкѣ сѣна меньше 20 гр. не получаютъ, а часто и больше, съ весны въ продолженіи всего лѣта; даже зимой поденщина не опускается ниже 6 гр. Впрочемъ, мы будемъ говорить впослѣдствіи болѣе подробно о заработкѣ и о рабочемъ населеніи вообще въ Сербіи, а теперь прошу читателя вспомнить, что мы съ хамаломъ не дошли еще отъ пристани до гостинницы.

Мы вступаемъ въ подъѣздъ гостинницы «Сербская корона». Никого нѣтъ. Хамалъ идетъ внутрь кофейни и возвращается съ кельнеромъ. Тотъ звонитъ и на его звонъ изъ-подъ лѣстницы изъ какой-то конуры, темной, набитой какимъ-то хламомъ, вылѣзаетъ *хаусскнехтъ*. Онъ бѣжитъ на верхъ и звонитъ тамъ. На звонъ сбѣгаетъ женщина: она въ обыкновенномъ платьѣ, голова у нея повязана платкомъ по-бабьи и изъ-подъ повязки

космами выбиваются волосы, грудь разстегнута, вся она грязна и довольно отрепана;—это *штумадля*, которая видимо не успѣла еще принарядиться. Она объявляетъ, что комнаты свободныя есть, но заперты, а ключи у хозяйки, хозяйка куда-то ушла. Нужно же куда-нибудь. Оказывается, что есть одна комната, но еще не убрана. Меня помѣщаютъ въ ней и я живу, платя ежедневно 6 гр. за комнату и 8 гр. за обѣдъ, состоящій изъ пяти блюдъ, весьма удовлетворительныхъ, какъ по количеству, такъ и по качеству, съ бутылочкой хорошаго неготинскаго вина.

Когда-то проѣзжая изъ Праги въ Россію и наблюдая различныя явленія общественной жизни, я примѣчалъ въ ней нѣкоторую разницу по мѣрѣ удаленія отъ запада къ востоку. Такъ, чехи въ Богеміи показались мнѣ во многомъ болѣе развитыми, чѣмъ тѣже чехи, въ Моравіи; польская часть австрійской Силезіи (цешинскій округъ) по развитію стоитъ выше коренной Польши въ Галиціи; Варшава показалась мнѣ больше похожею на другіе европейскіе города, чѣмъ Петербургъ. Проживши цѣлый годъ въ Богеміи и Моравіи, я видѣлъ пьяныхъ людей только въ городахъ и въ праздничные дни; замѣтимъ, что тамъ пьютъ только при особенныхъ случаяхъ, въ компаніи и до безобразія никто не напивается; въ польской Силезіи я уже встрѣчалъ пьяныхъ въ гостинницахъ и въ будничные дни, чаще слышалъ брань и ссоры въ пьяномъ видѣ; въ Галиціи это еще замѣтнѣе, и, какъ ни мало привелось мнѣ въ ней быть, я былъ свидѣтелемъ большой потасовки людей въ пьяномъ видѣ. Бывши въ Варшавѣ (въ концѣ 1861 г.) я отправился на гулянье въ одно изъ окрестныхъ селъ, Бѣляны, и на возвратномъ пути увидѣлъ нѣсколько человѣкъ пьяныхъ, лежавшихъ на землѣ: такого зрѣлища я въ другихъ мѣстахъ не видалъ. На этихъ несчастныхъ я замѣтилъ сѣрыя солдатскія шинели. Двигаясь все дальше на востокъ, я пріѣхалъ въ Казань. Не стану говорить о святкахъ и въ особенности о масляницѣ, которая тамъ проводится такъ шумно; какъ нигдѣ въ России; но и въ великій постъ тамъ была не рѣдкость встрѣчать на улицѣ пьяныхъ, шатающихся изъ стороны въ сторону и бушующихъ.

Подобную же разницу я наблюдалъ и проѣзжая въ другомъ направленіи съ сѣвера на югъ, отъ Берлина до Бѣлграда.

Въ Берлинѣ я нашелъ богатство, комфортъ, чистоту и свѣтъ; въ Вѣнѣ много роскоши и щегольства рядомъ съ грязью и темными углами; вѣнскіе книжные магазины въ сравненіи съ берлинскими—трущобы. Вѣнская прислуга въ гостинницахъ вѣжлива до манерности и униженія и въ тоже время нахальна; въ Берлинѣ она держится болѣе съ достоинствомъ, хоть и не столько

галантно; въ самыхъ гостинницахъ Вѣны великолѣпные подъѣзды обѣщаютъ гораздо больше, чѣмъ что находится внутри ихъ; житель Вѣны слишкомъ много заботится о своемъ желудкѣ, точно другой жизни у него и нѣтъ. Въ Пештѣ роскошь съ бѣдностью, щегольство съ грязью еще рѣзче; на улицахъ нечистота, много пьяныхъ, много брани самаго нескромнаго свойства; кучеръ мчится по улицѣ, несмотря на людей, въѣзжаетъ на тротуаръ и подъчасъ такъ прижметъ васъ къ стѣнѣ, что жизнь ваша виситъ на волоскѣ; во всемъ какая-то размашистость, распущенность и неряшество.

Вступивши изъ Пешта въ Бѣлградъ, вы существенной разницы не замѣчаете. Видно конечно сейчасъ, что Бѣлградъ много меньше и бѣднѣе Пешта; но онъ за то чище, въ немъ больше порядка и нѣтъ той распущенности и неряшливости. Наружно Бѣлградъ совершенно имѣетъ видъ австрійско-венгерскаго городка. Не только по наружности, но и во всемъ вы встрѣчаете вліяніе Австріи съ ея хорошими и дурными сторонами на каждомъ шагу. Мы не станемъ до времени говорить о вліяніи ея на жизнь умственную, общественную и политическую, и остановимся покуда только на тѣхъ чисто наружныхъ проявленіяхъ его, которыя бросаются въ глаза съ перваго взгляда. Вы встрѣтите здѣсь австрійскіе экипажи чрезвычайно легкіе, сдѣланные очень тонко и въ тоже время прочно, славящіеся и у насъ въ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ западной и южной; лошадей венгерской породы, которыя не имѣютъ красивой головы, но довольно крупны, легки и крѣпки; въ домахъ встрѣтите гнутую мебель, извѣстную и у насъ подъ именемъ вѣнской; однимъ словомъ, вы найдете здѣсь цѣлую австрійскую индустрію со всѣми ея достоинствами и недостатками. Къ сожалѣнію, большая часть ея произведеній, исключая экипажей, суконъ и нѣкоторыхъ другихъ матерій, имѣетъ единственное достоинство — дешевизну, но и то сомнительно, потому что дешевое часто выходитъ на дорогое. Напр., сахаръ здѣсь покупается отъ 8 до 10 гр. за оку (за фунтъ отъ $14^1/_2$ до 18 к. сер.); но онъ не чистъ на видъ, и вы ошибетесь, если положите его въ кофе или чай столько, сколько привыкли класть дома, онъ не сладокъ; дверные замки вездѣ не держатъ; кожаный товаръ и мелкія желѣзныя издѣлія—плохи; писчая бумага такая, что на ней едва можно писать, и т. п., такъ что австрійскіе товары далеко не могутъ пользоваться такою репутаціею, какою у насъ когда-то пользовалось все нѣмецкое и вообще заграничное. Впрочемъ, и то нужно замѣтить, что сербы прежде всего гонятся за дешевизной и разсчитываютъ, какъ говорится: «на грошъ да побольше

ше», и ихъ торговцы покупаютъ большею частію бракъ. Съ нѣмецкимъ языкомъ вы очень легко можете прожить въ Бѣлградѣ: въ каждой порядочной гостинницѣ или кофейнѣ, если не самъ хозяинъ, то кельнера говорятъ по-нѣмецки; точно такъ и въ лавкахъ; и чиновники, какъ гражданскіе, такъ и военные—большею частію знаютъ хоть сколько-нибудь по-нѣмецки. Основательнаго знанія нѣмецкаго языка здѣсь мало, и еще меньше знакомства съ нѣмецкою литературою, но, насколько это знаніе можетъ облегчить практическія сношенія съ нѣмцами,—оно довольно распространено. Во всемъ житейскомъ обиходѣ вы услышите множество нѣмецкихъ словъ и притомъ съ выговоромъ по австрійскому жаргону, напр.: *конк*—корридоръ (отъ Gang), *молорей*—живопись, *логоръ*—лагерь, *клозер*—стекольщикъ, *фиронги*—занавѣски на окнахъ (Vorhänge), *крогле*—воротнички (Kragen), *фусекли*—носки, *фрайля*—дѣвица и др.; даже пошлое выраженіе—«Küss' die Hand» преобразилось въ «любим руку» и т. д.

Именно благодаря Австріи, Бѣлградъ имѣетъ двѣ-три гостинницы, которыя по внѣшней обстановкѣ, по меблировкѣ, по сервировкѣ стола—не уступятъ лучшимъ гостинницамъ Пешта и Вѣны; прислуга въ нихъ чисто одѣта, расторопна и съ особенною шикарностью, подавая вамъ что-нибудь, проговоритъ мадьярское «тешикъ» т.-е. извольте или что-то подобное. Эти лучшія гостинницы содержатся сербами изъ Австріи. Другія, не столько роскошныя, содержатся туземными сербами или цинцарами. Въ нихъ вы не найдете особенно хорошей меблировки, но за умѣренную цѣну (за 40 коп.) найдете все, что необходимо: свѣтлую, чистую комнату, желѣзную кровать съ мягкими матрацами и подушками, плотно стеганое одѣяло, чистое постельное бѣлье, столъ и стулъ, иногда два стула; недостаетъ только шкапа или комода, а иногда притомъ даже нѣтъ ни одного гвоздя въ стѣнѣ, чтобъ повѣсить верхнее платье. Въ нихъ нѣтъ клоповъ, которыми изобилуютъ часто весьма богатыя гостинницы въ нашихъ губернскихъ городахъ, а иногда даже и столичныя: нѣтъ, какъ у насъ, темныхъ корридоровъ, по которымъ иногда бродишь и не отыщешь своего нумера; нѣтъ спертаго казарменнаго воздуха нашихъ многоэтажныхъ гостинницъ.

Но рядомъ съ этими удобствами европейской жизни, передаваемыми Сербіи Австріей, передаются такіе обычаи, которые при нѣкоторой утрировкѣ доходятъ до безобразія. Пропуская разныя мелочи, я укажу только на женскую прислугу при нумерахъ. Такъ-называемая *штумадля* служитъ хозяину совершенно даромъ, получая одну только комнату, платя за столъ,

какъ и гости, нанимая отъ себя женщинъ для мытья половъ и бѣлья, а иногда сверхъ всего платитъ еще хозяину оброкъ. Понятно, на что здѣсь разсчитывается, въ какія заведенія обращаются гостинницы и какія вслѣдствіе того неудобства можетъ терпѣть пассажиръ. И это здѣсь повсемѣстно. Закономъ это запрещается; но полиція, вмѣшивающаяся всюду, терпитъ такой порядокъ вслѣдствіе сдѣлки съ хозяиномъ гостинницы. Иногда хозяинъ гостинницы по какимъ-нибудь неудовольствіямъ на свою штумадлю донесетъ полиціи, что она занимается незаконнымъ промысломъ: ее тащутъ тотчасъ въ полицію, сажаютъ, накажутъ палками, возьмутъ штрафъ, а потомъ она снова на тѣхъ же самыхъ условіяхъ живетъ въ другой гостинницѣ.

Что въ этомъ случаѣ лучше: хозяинъ-ли, который пользуется всѣми правами гражданина, полиція-ли, блюдущая за чистотою нравовъ, или эти несчастныя женщины, считающіяся отребьемъ человѣчества?...

Исторія этихъ женщинъ кладетъ черное пятно на общественный строй цѣлаго человѣчества; а масса ихъ въ Бѣлградѣ *изъ прека* и домашнихъ, и быстрое распространеніе ихъ по цѣлой Сербіи указываютъ, что дурныя стороны европейской жизни нашли себѣ здѣсь готовую почву; вредное же вліяніе такого явленія значительно отражается на физическомъ здоровьѣ народа, на что сильно жалуются всѣ тамошніе медики.

Страсть къ жуированью, крайній матеріализмъ въ наслажденіяхъ, безцѣльное препровожденіе времени за чтеніемъ газетъ или за пивомъ по кофейнямъ—все это сильно напоминаетъ Вѣну, и пришлось въ Бѣлградѣ какъ разъ по нравамъ, потому что совпадаетъ съ тѣмъ образомъ жизни, который развивался здѣсь когда-то подъ турецкимъ вліяніемъ.

Мы, впрочемъ, еще не кончили съ внѣшнею стороною Бѣлграда и должны прежде сказать о его физическомъ положеніи, играющемъ важную роль въ его политической жизни, и о его расположеніи, представляющемъ весьма много своеобразнаго.

Бѣлградъ расположенъ на высокомъ мысѣ, образуемомъ сліяніемъ Савы и Дуная и направляющемся съ сѣв.-зап. на юго-вост. Оконечность его нѣсколько возвышеннѣе остальной части и тутъ расположена крѣпость или, какъ здѣсь говорятъ, *градъ*. Дальше, отступя отъ крѣпости сажень на 80, идетъ городъ (по-сербски *варошъ*) по плоскому хребту, по бокамъ террасами и по отлогимъ берегамъ Савы и Дуная. На югѣ-востокѣ онъ вступаетъ на небольшее возвышеніе—*врачаръ*, которое перерѣзывается долиною и потокомъ «мокрый лугъ», текущимъ въ Саву; за этой долиной еще возвышеніе, покрытое сплошь

виноградниками, а за нимъ долина *топчидерь*, любимое мѣсто прогулокъ бѣлградскихъ жителей. За всѣмъ этимъ возвышается холмъ Авало (около 1,200 ф. надъ пов. моря), который господствуетъ далеко надъ всею окрестностію и вмѣстѣ съ примыкающими къ нему горами составляетъ какъ бы заднiй фонъ Бѣлграда.

Съ Авалы вы можете видѣть почти цѣлую Сербію и далеко за Дунай и Саву; но даже не поднимаясь такъ высоко, съ двухъ краевъ кали-мегдана вы можете обозрѣть также громадное пространство. Смотря на сѣверъ черезъ Дунай, вашъ глазъ теряется въ безконечной равнинѣ Баната, и только на сѣверо-западѣ виднѣются высокіе желтоватые берега Дуная, а за ними Фрушка-гора и Вердникъ въ Сремѣ. На востокѣ вы невооруженнымъ глазомъ видите двѣ пирамидальныя горы, лежащія за станціею желѣзной дороги, Вершцемъ, и составляющія изолированную группу трансильванскихъ горъ. На западѣ видите хребетъ Церъ, за которымъ течетъ р. Дрина, составляющая западную границу Сербіи и отдѣляющая ее отъ Босніи; а противъ Цера опять въ Сремѣ виднѣется западный конецъ Фрушкой-горы. Въ прямомъ направленіи съ запада на востокъ, вы обозрѣваете пространство больше чѣмъ въ два градуса (между 37° и 39°); на сѣверѣ передъ Бѣлградомъ стелется часть венгерской низменности, предѣлы которой составляютъ предгорье Карпатъ. Весною все это пространство наводняется разливомъ Савы и Дуная и представляетъ необозримую массу воды, посреди которой, будто пловучіе острова, виднѣются лѣсъ, городки и села. По сбытѣ воды все это покрывается самою роскошною зеленью; но долго застаивающаяся вода въ протокахъ, озерахъ и болотахъ, даетъ громадное количество испареній, которыми цѣлый почти годъ обдаетъ возвышенный берегъ Сербіи отъ Бѣлграда до Градища (прямого протяженія одинъ градусъ). Съ другой стороны идетъ низменность Савы верстъ въ 7 шириною: она дугою вдается въ самый городъ и образуетъ низменность, называемую здѣсь *венеціей*, потому что береговыя постройки весною совсѣмъ почти окружены водою, а иногда и значительно потопляются.

Климатъ Бѣлграда по астрономическому положенію (южнѣе 45°) теплый, но, при отсутствіи всякой защиты съ сѣвера, температура въ немъ измѣняется очень быстро, какъ скоро подуетъ сѣверный или точнѣе сѣверо-восточный вѣтеръ, называемый здѣсь *кошава*. Это измѣненіе въ продолженіи сутокъ доходитъ до 12° и до 15°. Въ нынѣшнемъ году, напр., 20-го мая (ст. стиля) было больше 30° тепла, а на другой день утромъ было только 8°, и цѣлый тотъ день термометръ не поднимался выше 15°.

Двѣ судоходныя рѣки, обтекающія Бѣлградъ съ трехъ сто-

ронъ, открываютъ ему естественный путь на западѣ къ портамъ Адріатическаго моря, на востокѣ въ Черное море, а на сѣверѣ въ середину Германіи. Вотъ что дала Бѣлграду природа. Посмотримъ теперь, какъ воспользовался этими условіями, какъ устроился и расположилъ свои жилища человѣкъ.

Надобно замѣтить, что Бѣлградъ долго былъ чисто стратегическимъ пунктомъ. Послѣ римлянъ, ни сербы, ни мадьяры, попеременно владѣвшіе имъ, не придавали ему иного значенія. Только послѣ роковой косовской битвы (1389 г.) деспотъ Стефанъ Лазаревичъ, осмотрѣвъ оставленныя ему по милости турецкаго султана владѣнія, оцѣнилъ его настоящее положеніе. Въ «Цароставникѣ» (жизнеописанія королей и архіепископовъ сербскихъ отъ начала XIV до конца XV ст.) разсказывается, что Стефанъ Лазаревичъ, въ 1403 г., прибывъ въ Бѣлградъ, прельстился его мѣстоположеніемъ, «потому что онъ, по словамъ лѣтописца, находится хоть въ сербскихъ предѣлахъ, но *какъ будто лежитъ на сердцѣ и на плечахъ Венгріи.* И началъ Стефанъ больше въ Бѣлградѣ пребывать, такъ какъ *мѣстоположеніе его очень красиво, при немъ много полей, рѣки и пристани, такъ что почти изо всей Европы можно привозить въ него богатства водою.* Онъ укрѣпилъ Бѣлградъ стѣнами и украсилъ его царскими палатами, въ особенности же соборною церковью» и т. д.

Но для сербовъ это было уже поздно; воспользовались его положеніемъ турки. Англійскій путешественникъ докторъ Броунъ, посѣщавшій Бѣлградъ въ концѣ 1668 г., оставилъ довольно интересное описаніе его, которое, полагаемъ, не будетъ излишне привести здѣсь. «Бѣлградъ — говоритъ путешественникъ — большой, укрѣпленный, многолюдный и просторный *торговый городъ.* Прибывши въ Бѣлградъ — продолжаетъ онъ — я прошелъ мимо нижней крѣпости (Wasserschloss) и потомъ также близъ верхней (Oberschloss): обѣ крѣпости или оба замка довольно обширны и имѣютъ четыре башни (стоитъ *vier*, но можетъ быть *viel*, потому что ихъ было больше четырехъ). Торговыя улицы этого города сверху покрыты досками, такъ что онѣ такимъ образомъ не страдаютъ ни отъ дождя, ни отъ солнца. Такія улицы состоятъ большею частію изъ лавокъ и складовъ товара, которые конечно не велики. Въ каждой лавкѣ находится прилавокъ, на которомъ (какъ въ другихъ мѣстахъ портные) сидитъ купецъ или лавочникъ и продаетъ свои товары покупателю, который стоитъ внѣ лавки, такъ что внутрь входятъ немногіе изъ покупателей или никто не входитъ. Еще я видѣлъ тамъ двѣ обширныя площади, обстроенныя кругомъ каменными стѣнами: онѣ похожи на биржу или на сборное мѣсто купцовъ; крыша под-

держивалась колоннами въ два этажа. Но мѣста эти были совершенно завалены товарами, отчего они много теряли своего блеска и красоты. Кромѣ того тамъ есть еще двѣ торговыя площади, гдѣ можно купить самыя драгоцѣнныя вещи. Онѣ построены въ формѣ каѳедральной церкви, и какъ на старой биржѣ (въ Лондонѣ) нужно всходить (въ лавки) вверхъ по ступенямъ. Великій визирь построилъ въ этомъ городѣ хорошій караванъ-сарай или постоялый дворъ для чужестранцевъ и путешественниковъ, и близко къ нему мечеть или турецкій храмъ, какого я еще не видѣлъ. Онъ построилъ также медресе или коллегіумъ для студентовъ. Одного изъ нихъ я видѣлъ: онъ одѣтъ былъ весь въ зеленое, и на головѣ у него была чалма съ четырьмя углами, которые были отличены отъ другихъ, чтобъ по нимъ можно было всѣхъ лучше различать и узнавать. Если въ большей части городовъ этой страны много кладбищъ, то въ Бѣлградѣ я нашелъ ихъ особенно много, потому что этотъ городъ очень многолюденъ и недавно тамъ свирѣпствовала чума. На квартирѣ мы были въ домѣ одного армянскаго купца, у котораго нашли чрезвычайно хорошее угощеніе. Мы посѣщали и другихъ купцовъ, которые имѣли красивые дома, и въ одномъ домѣ нашли фонтанъ и хорошую купальню съ комнатою. Мы не имѣли здѣсь недостатка въ кофе, шербетѣ и отличныхъ винахъ, которыя производитъ эта страна. Армяне разсѣяны и извѣстны на всѣхъ пунктахъ и здѣсь они имѣютъ церковь. Съ ними при покупкѣ, кажется, лучше можно сойтись, потому что они искреннѣе, чѣмъ евреи и греки. Страны, прилегающія къ Бѣлграду, производятъ здѣсь большую торговлю. Кромѣ того здѣсь торгуютъ купцы изъ Рагузы и имѣютъ свою факторію *восточные купцы* изъ Вѣны».

Все это современемъ совершенно исчезло, и въ настоящее время, Бѣлградъ далеко не достигъ того цвѣтущаго состоянія, въ какомъ находился двѣсти лѣтъ назадъ, хотя, надобно замѣтить, онъ ростетъ быстро.

Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ Бѣлградъ весь былъ скученъ около крѣпости; теперь же онъ вытянулся вдоль цѣлаго мыса, вступилъ уже на *врачаръ*, селится по немъ, спускаясь на обѣ стороны къ Савѣ и Дунаю; захватилъ въ свою черту два бывшихъ селенія Саву-Малую и Палилулу, а также и Ташъ-Майданъ, гдѣ была еще во времена римлянъ и по сю пору продолжается ломка камня-плитняка, откуда и произошло его турецкое названіе (*ташъ* — камень и *майданъ* — копь, рудникъ). Тамъ, гдѣ былъ конецъ города и шло турецкое кладбище, теперь находится *Господская улица*, а лучшія въ настоящее время про-

дольныя улицы *Теразіи* и *Абаджійская*, за 50 лѣтъ представляли пространство, заросшее кустарникомъ и бурьяномъ.

Въ названіяхъ частей Бѣлграда есть нѣчто аналогичное съ Москвою. Такъ, встрѣтившись съ кѣмъ-нибудь на *Теразіяхъ*, вы спросите, куда онъ идетъ, и получаете въ отвѣтъ: «у варай» т.-е. въ городъ, какъ будто Теразіи внѣ города. Дѣло въ томъ, что городъ имѣетъ здѣсь, какъ и въ Москвѣ, свое специальное значеніе: этимъ названіемъ обозначается преимущественно та часть Бѣлграда, которая была городомъ еще во времена турецкія и обнесена была валомъ, когда другія части или вовсе не были заселены, или были села и какія-нибудь урочища. Также часто вы услышите, что такой-то живетъ «на варошкапіи» или «на стамбулкапіи« т.-е. у городскихъ или стамбульскихъ воротъ, которыя вы также напрасно будете отыскивать, какъ въ Москвѣ стали бы искать воротъ тверскихъ, арбатскихъ и проч. Впрочемъ они существовали недавно, именно до 1862 г., и представляли цѣлыя крѣпости, охраняемыя турецкими солдатами; особенно крѣпки были стамбульскія, находящіяся посерединѣ на главной цареградской дорогѣ. Названіе воротъ въ послѣднее время стало распространяться и на весь городъ, только *Врачаръ* и *Палилула*, какъ бы еще не считаются вполнѣ городомъ. Часть стараго города, который по преимуществу состоитъ изъ лавокъ и представляетъ какъ бы гостинный дворъ, называется *чаршія*, при Савѣ называется савскою, а часть, прилегающая къ Дунаю, носитъ названіе *дартюла* (что̀ значитъ на турецкомъ языкѣ *четыре угла*); верхняя часть дартюла или переходъ къ нему отъ чаршіи называется еще *зерекъ* (тоже турецкое слово, значенія котораго не знаю).

Къ упомянутымъ названіямъ частей города и его улицъ остается еще добавить *Пиварскую* улицу (на которой находится пивоварня покойнаго князя Михаила) и *Фишекджійскую* (гдѣ многіе занимаются производствомъ *фишековъ*, т.-е. ружейныхъ патроновъ); остальныя части не имѣютъ никакихъ названій. Поэтому, если вы не знакомы съ Бѣлградомъ, отыскать кого-нибудь было бы довольно трудно, но это облегчается тѣмъ, что тамъ всѣ знаютъ другъ друга и первый встрѣчный вамъ укажетъ квартиру человѣка, принадлежащаго къ одному съ нимъ разряду.

Какъ всякій городъ, возникавшій исторически, образовавшійся изъ нѣсколькихъ частей, составлявшихъ отдѣльное цѣлое, Бѣлградъ не имѣетъ общаго плана, не имѣетъ прямыхъ улицъ и вообще неправиленъ. Въ послѣднее время впрочемъ онъ регулируется и все, что̀ строится вновь на развалинахъ старыхъ

турецкихъ построекъ, строится по плану. Настоящее правительство этимъ именно занято: проводитъ новыя улицы, разводитъ парки, возводитъ новыя зданія; но и тутъ, какъ во всемъ, всегда найдется какой-нибудь промахъ: такъ главную новую улицу, составляющую продолженіе Теразій до Кали-мегдана, сдѣлали недостаточно широкою и искривили. Общій видъ построекъ весьма удовлетворительный: весьма много двухъ-этажныхъ каменныхъ домовъ и два трехъ-этажные. Самое замѣчательное зданіе, это—такъ-называемая великая школа, въ которой впрочемъ кромѣ великой школы (лицея) помѣщаются: гимназія, отдѣленіе министерства просвѣщенія, народная библіотека, музей (древностей и натуральный), физическій кабинетъ и химическая лабораторія. Это огромное четырехъ-угольное зданіе въ четыре этажа, съ просторнымъ дворомъ внутри его, съ венеціянскими окнами, съ довольно плоскою цинковою крышей и съ павильономъ на самомъ верху, служащимъ для наблюденій за пожаромъ. Оно построено майоромъ Мишей Анастасіевичемъ, послѣ Обреновичей первымъ богачемъ въ Сербіи. Зданіе это готовилось быть княжескимъ дворцомъ, когда разсчитывали на возможность, чтобъ зять Миши, племянникъ Александра Карагеоргіевича, сдѣлался княземъ. Когда Обреновичи окончательно утвердили свою династію въ Сербіи (съ 1858 г.), тогда Миша, чтобъ все-таки имѣть уваженіе въ народѣ и отклонить приписываемые ему виды на княжескій престолъ, подарилъ этотъ домъ народу и тѣмъ увѣковѣчилъ свое имя. Въ послѣднее время отстроивается довольно большое и красивое зданіе театра. Княжескій конакъ (дворецъ) не представляетъ ничего особеннаго; но рядомъ съ нимъ стоитъ домъ министерствъ: иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, имѣющій подобіе рыцарскихъ замковъ—съ плоскою крышею, съ зубцами по краямъ и башенками по угламъ. Большая часть улицъ обсажена деревьями: каштанами, раинами, тополями, акаціями. Вездѣ мостовая, нѣтъ только тротуаровъ; вездѣ чисто, все смотритъ весело и открыто. Мало городовъ въ Европѣ, которые могутъ съ перваго раза произвесть такое пріятное впечатлѣніе, какъ Бѣлградъ. Всѣ улицы его расположены одна ниже другой, такъ что ни одинъ домъ, кажется, не заслоняетъ свѣта другому, и самый ничтожный домишко хоть съ какой-нибудь стороны пользуется свѣжимъ воздухомъ, вольнымъ свѣтомъ, а иногда великолѣпнымъ видомъ на Саву или Дунай. При каждомъ домѣ, если не садъ, то нѣсколько деревьевъ грецкихъ орѣховъ или каштановъ, такъ что издали Бѣлградъ рѣшительно тонетъ въ зелени.

Самая оригинальная часть Бѣлграда—это *дартюлъ*, гдѣ до

1862 г. жили турки, а теперь евреи, мелкіе торговцы и промышленники и рабочее населеніе. Это лабиринтъ улицъ узкихъ, извилистыхъ, на которыя выходятъ одни заборы, тогда какъ дома скрываются въ глубинѣ дворовъ, которые въ то же время можно назвать и садами. На улицу выходитъ только калитка. Такія калитки были и между всѣми почти дворами, и благочестивая магометанка, нежелавшая показаться на улицѣ, черезъ эти калитки могла пройти очень далеко. Въ этихъ заборахъ вы иногда встрѣтите камень съ римской надписью или съ какимъ-нибудь изображеніемъ; попадаются иногда ниши, видимо предназначенныя для того, чтобъ въ нихъ помѣщались статуи; арки изъ темнаго камня, служившія когда-то воротами какого-то зданія, и потомъ заложенныя камнемъ, для того чтобы ограждать гаремную жизнь турка. Здѣсь пусто и мертво; когда идете, звукъ вашихъ шаговъ отдается какъ-то особенно звонко; а со стѣнъ космами спускаются дикій плющъ или душистая портулака, и узкая мертвая улица наполняется ароматомъ; или черезъ эти стѣны свѣшиваются виноградная лоза и вѣтви абрикосовыхъ и персиковыхъ деревьевъ, полныя крупныхъ сочныхъ плодовъ. На турецкихъ дворахъ или въ садахъ, какъ они ни заброшены теперь, по сю пору держатся самые лучшіе сорты плодовъ: видно, что турки наслаждались жизнью. Жизнь эта миновалась и вся ея обстановка перешла въ наслѣдство другимъ жителямъ, которымъ не до наслажденій. Каменные заборы постоянно разрушаются и матеріалъ ихъ идетъ на другія постройки; деревья постепенно пропадаютъ и самые дома опадаютъ сами собою и, лишенные лучшаго своего украшенія — садовъ, смотрятъ какими-то оборванными нищими. Дома эти сами по себѣ весьма ничтожны и нисколько не отвѣчали тому простору, какой они занимали. Многіе изъ нихъ сохранились еще по сю пору, благодаря тому, что имѣютъ какихъ-нибудь жильцовъ, и вы можете видѣть всю прежнюю обстановку. Загляните въ какую-нибудь калитку внутрь двора, и вы увидите на самомъ заднемъ планѣ ничтожный домишко: онъ всегда квадратной формы, съ низкою черепичною крышей, образующей навѣсъ надъ стѣнами. Впереди галлерея подъ крышей. Вы вступаете сначала на галлерею черезъ крыльцо въ нѣсколько ступеней и потомъ въ домъ. Изъ маленькихъ сѣней или корридорчика, гдѣ находится и очагъ, на которомъ готовятъ кушанья, идутъ двери направо и налѣво: въ лѣвую сторону меньшее помѣщеніе, состоящее изъ одной небольшой комнатки, въ правую большее, то же изъ одной комнаты, но иногда перегороженной, такъ, что образуется двѣ, и эта отгородка непремѣнно имѣетъ свою дверь въ сѣни. Войдемъ въ малую комнату: полъ кирпич-

ный, а, нѣсколько отступя отъ порога, идетъ во всю комнату деревянный помостъ вершка въ 2 вышиною, покрытый коврами, или какою-нибудь другою шерстяною тканью домашняго производства; вступая на него, всякій скидаетъ обувь, по большей части башмаки, туфли или штиблеты. Это такъ-называемая *софа*. Около стѣнъ лежатъ длинныя подушки, набитыя соломой, сѣномъ или шерстью. Ночью этотъ помостъ служитъ кроватью, а днемъ на немъ принимаютъ гостей, при чемъ всякій садится, скрестивши подъ себя ноги, или протянувши ихъ и облокотившись на подушку. Эта комната собственно только для своихъ семейныхъ и близкихъ людей, а для пріема гостей назначена другая комната, попросторнѣе. Въ ней вдоль стѣнъ широкія лавки или помосты, покрытые цвѣтнымъ домашняго же тканья сукномъ, и кругомъ подушки. Всѣ эти лавки носятъ общее названіе—*миндерлукъ*. На нихъ тоже удобнѣе полулежать, облокотившись на подушки, а сербы и на нихъ сидятъ, поджавши подъ себя ноги. Потолокъ обыкновенно состоитъ изъ тонкихъ узкихъ дощечекъ, помощенныхъ параллельно четыремъ стѣнамъ въ четыреугольникѣ, который, подобно діаметрическимъ кругамъ, къ серединѣ становится все меньше и меньше, и въ самой серединѣ, въ самомъ маломъ квадратикѣ вырѣзана какая-нибудь фигура, роза или какой-нибудь другой цвѣточекъ. Притомъ дощечки потолка помѣщены такъ, что одна лежитъ на краяхъ двухъ другихъ, часто каждая изъ нихъ украшена какою-нибудь рѣзьбою, отчего весь потолокъ имѣетъ видъ узорный, легкій и довольно изящный, какъ будто на украшеніе потолка тратился весь вкусъ турка.

Обстановка эта совершенно измѣняется, когда такой домъ обращается въ квартиру для рабочихъ, студентовъ, гимназистовъ и другихъ бѣдныхъ людей. Тогда являются кровати, матрацы, циновки изъ чакана, столики, стулья и т. п. Внутри эти дома темны, сыры и ихъ легко продуваетъ вѣтеръ; печи въ немногихъ домахъ, а если есть, то каждая имѣетъ свою особую трубу.

Нерѣдко корыстолюбивый современный хозяинъ, обладающій такимъ домомъ и дворомъ, на которомъ уцѣлѣли еще хорошія деревья, обращаетъ свое жилище въ мѣсто общественнаго увеселенія. Платитъ за право какой-нибудь дукатъ на всѣ времена, покупаетъ кофе, вина, ракіи, а иногда и пива, если имѣетъ погребъ, и торгуетъ себѣ многіе годы подъ какою-нибудь вывѣской «код лафа» (у льва), изобразивъ, какъ слѣдуетъ, и льва, окрашеннаго желтою краскою, и живетъ въ свое удовольствіе, покуда не скопитъ деньжоновъ, чтобъ открыть какое-нибудь заведеніе побольше или пуститься въ другую торговлю.

Дома эти никогда не оправляются и потому ихъ постоянно

становится все меньше, такъ что скоро ихъ совершенно не будетъ. Каменные заборы идутъ на другія постройки; но отъ турецкаго дома рѣшительно не чѣмъ поживиться: разсыпавшись, онъ оставляетъ только груду глины, изъ которой онъ кое-какъ былъ слѣпленъ съ помощью столбовъ, перекладинъ, жердей и переплета изъ мелкихъ дощечекъ. Какъ коралловые полипняки образовали цѣлые острова, такъ и здѣсь турецкія жилища, постоянно разрушаясь, образовали нѣчто въ родѣ островковъ, возвышающихся надъ улицей аршина на два и поросшихъ сорной травой и деревьями. Вмѣстѣ съ ними ростетъ и улица. Это видно на главной улицѣ дартюла, на которой стоятъ развалины дворца принца Евгенія Савойскаго (XVIII ст.): въ немъ ворота, въ которыя конечно должны были проѣзжать и всадники, теперь такъ низки, что въ пору только пройти человѣку, такъ что здѣсь улица, смѣло можно сказать, выросла на цѣлую сажень. Нѣкоторые турецкіе дома до того загромождены разнаго рода пристройками и галлереями, что трудно добраться толку; на крышѣ торчитъ множество трубъ, чрезвычайно высокихъ и неизвѣстно для чего существующихъ; иныя трубы представляютъ цѣлые павильоны. Въ этомъ отношеніи сербы до послѣдняго времени подражали въ постройкахъ туркамъ. Многіе дома каменные и довольно большіе, двухъ-этажные, имѣютъ неуклюжую квадратную форму маленькихъ турецкихъ хижинъ, снабжены такимъ же множествомъ громадныхъ трубъ, и сверхъ того или верхній этажъ выдвигается надъ нижнимъ аршина на полтора, или нижній выступаетъ изъ-подъ верхняго, что собственно служитъ для устройства галлереи вверху или внизу; чаще же нѣтъ никакой галлереи, и видно какъ будто желаніе, выдвинувши верхній этажъ, выиграть больше мѣста въ улицѣ. Окна небольшія; внутри также темно и таже самая обстановка.

Оригинальны также здѣшнія лавки (по-сербски *дутянъ*), которыя по сю пору слабо уступаютъ лавкамъ и магазинамъ въ европейскомъ вкусѣ. Это низенькая комната безъ передней стѣны, закрывающаяся на ночь затворомъ изъ досокъ, который опускается на петляхъ сверху, а приподнятый держится крючьями въ перекладинѣ подъ крышей. Такія лавки устроены совершенно такъ, какъ описываетъ ихъ Броунъ въ XVII ст. и отчасти напоминаютъ наши деревянныя лавочки на базарахъ. Впереди ихъ развѣшаны разные товары: куски матерій, бѣлье разныхъ сортовъ, шляпы, фесы, чулки, ремни и ременныя издѣлія, опанки, мужское верхнее платье, женскія юбки, кофты и т. п., оставлено мѣсто только для входа покупателя; но иногда вовсе ненужно и входить. Во многихъ лавкахъ подобнаго рода не только продажа, но и самое производство товаровъ.

Пройдитесь только съ *великой піяцы* (площадь противъ великой школы и полиціи) на *Теразіи* и вы увидите все разнообразіе жизни и культуры старой и новой, турецкой и европейской. Рядомъ съ каменными двухъ-этажными домами вы встрѣтите такіе низенькіе, что рукою можно достать крышу; рядомъ съ гостинницею въ европейскомъ вкусѣ увидите маленькую турецкую кофейню, низенькую, темную, въ которой потолокъ держится на столбикахъ, что придаетъ ей видъ каюты на пароходѣ и не мѣшаетъ быть любимою кофейнею торговцевъ; подлѣ роскошнаго галантерейнаго магазина найдете маленькій *дутянъ*, въ которомъ хозяинъ—и купецъ, и самъ ковыряетъ опанки; васъ поразитъ оглушительный стукъ молотовъ по мѣднымъ котламъ и трубамъ для гонки ракіи, которые гдѣ продаются, тамъ и куются; на вашихъ глазахъ мѣховщики подбираютъ мѣха и шьютъ шапки; въ сапожной лавкѣ человѣкъ 20 мастеровыхъ работаютъ, сидя на прилавкахъ, и хоромъ распѣваютъ пѣсни; тутъ же и пекарня: огромная печь своимъ пылающимъ жерломъ смотритъ въ улицу; на вашихъ глазахъ пекарь сажаетъ хлѣбы въ печь, впередъ выгладивши ихъ рукою до лоска, вынимаетъ изъ печи готовые и тутъ же продаетъ на оку; неподалеку пріютилась и книжная лавочка шага четыре въ ширину и не больше семи въ длину (есть впрочемъ другая лавка, довольно порядочная на варошъ-капіи); тутъ же мясная лавка, передъ которою висятъ ободранные ягнята и цѣлые бараны, части воловьяго стяга, кишки и разныя внутренности; далѣе бакалейный магазинъ, гдѣ найдете кофе, чай, сахаръ, разнаго рода рыбу, мармелады, варенье, и т. п., все это въ стеклянныхъ и жестяныхъ сосудахъ и довольно изящно разставлено; оружейную лавку, гдѣ найдете только старое оружіе; неподалеку лавочки со старою одежей, которая безъ всякой поправки, грязная и изорванная висить наружу, чтобъ привлечь вниманіе покупателей, — со старымъ железомъ, гдѣ иногда найдете какую-нибудь древнюю вещицу; сверните съ Теразій немного влѣво, въ переулокъ, и вы встрѣтите кузницу, гдѣ постоянно увидите лежащаго на боку быка съ ущемленнымъ между ногами бревномъ, посредствомъ котораго его кладутъ для подковки. Отъ бассейна на Теразіяхъ, почти параллельно, идетъ небольшая улица: тотчасъ отъ угла стоитъ большой домъ съ каменной стѣной и къ этой стѣнѣ прилѣплена канура изъ досокъ, вышиною меньше двухъ аршинъ,—туда каждый день черезъ отверстіе влѣзаетъ старикъ и, не смѣя расправиться, тотчасъ же садится на скамейку и принимается за сапожную и башмачную работу, которая состоитъ въ починкѣ старой обуви; передъ его канурой также вывѣшенъ товаръ—нѣ-

сколько паръ починенныхъ сапоговъ или башмаковъ. Наконецъ вы услышите шумъ колесъ, на которыхъ разматываютъ нитки, и стукъ станковъ, производящихъ сербскія полотна, платки и полотенца. Одна улица почти вся занята телѣжниками и каретниками. Все производство совершается наружѣ. Скрыто отъ глазъ только печеніе пряниковъ, приготовленіе леденцовъ, душистаго мыла, бѣлилъ и румянъ; скрыта дѣятельность чиновника, журналиста и вообще литератора; непроницаемою тайной окружена дѣятельность сербскаго государственнаго мужа и дипломата.

Каждая часть Бѣлграда имѣетъ свое особенное населеніе. Такъ Теразіи, Абаджійская улица, ближнія части врачара и варошъ-капіи заняты по преимуществу чиновниками и профессорами, получающими плату не меньше 10 дукатовъ; въ чаршіи, на Савѣ и по цѣлой, спеціально называемой, вароши—торговцы; въ этихъ же частяхъ по краямъ и въ болѣе глухихъ углахъ живутъ кое-какіе ремесленники, прачки, кучера, кельнеры, лица ищущія мѣстъ; въ палилулѣ больше люди, имѣющіе свою землю и скотину и потому занимающіеся хлѣбопашествомъ и извозомъ. Одна часть дартюла занимается евреями и отчасти сербами-торговцами; тамъ уже много очень порядочныхъ домовъ; а другая, остающаяся въ томъ видѣ, какъ жили въ ней турки, и представляющая лачуги и развалины — заселена бѣднотою разныхъ профессій: поденщиками, мелкими ремесленниками, лавочниками, рыбаками, цыганами, странниками и переселенцами, мелкими чиновниками и бѣдными учениками разныхъ школъ. Какъ ни бѣдна здѣсь жизнь, она далеко не такъ грязна и ужасна, какъ въ другихъ городахъ Европы. Здѣсь нѣсколько цистернъ съ хорошею водою; развалины издали скрываются подъ зеленью садовъ; бѣдныя лачужки сплошь-и-рядомъ красиво обрамлены по край крыши виноградною лозою и надъ окнами и дверьми спускаются полные грозды; всякій почти дворъ имѣетъ нѣсколько плодовыхъ деревьевъ, засаженъ кукурузой, разными овощами и цвѣтами, и, проходя мимо, вы чувствуете запахъ васильковъ, лавенды или цвѣтущихъ деревъ и кустарниковъ. Природа здѣсь скрашиваетъ бѣдноту и облегчаетъ ей существованіе.

Въ дополненіе къ описанію внѣшняго вида Бѣлграда и его построекъ, скажу нѣсколько словъ о способѣ этихъ построекъ.

Бѣлградъ ростетъ очень сильно, что можно видѣть изъ статистики его народонаселенія, и изъ нагляднаго наблюденія, смотря какъ много каждый годъ возводится новыхъ построекъ. Наконецъ, это доказываютъ огромныя цѣны за мѣста. Въ нынѣшнемъ году сербское правительство продало часть турецкихъ

мѣстъ, уступленныхъ Турціей Сербіи за 9 милліон. піастровъ (450,000 руб.), и цѣна среднимъ числомъ за квадратную сажень была 20 дукатовъ (60 р. с.), а нѣкоторыя мѣста проданы по 120 и 125 дукат. за сажень. Построекъ возводится множество и все почти исключительно строится, такъ-называемыми, *дундьерами*—мастерами-самоучками изъ Турціи, сербами, болгарами и цинцарами. Нельзя конечно не удивляться этимъ мастерамъ, которые, несмотря на весь гнетъ жизни въ Турціи, могли достигнуть такой степени искусства, что строятъ большіе двухъ-трехъ этажные дома, и иногда сами составляютъ и планы; тѣмъ не менѣе однако должно сознаться, что ихъ постройки не основываются на точномъ разсчетѣ, страдаютъ часто непропорціональностью и весьма непрочны. По этому многія капитальныя постройки трясутся отъ всякаго сильнаго движенія на верхнемъ этажѣ, даютъ трещины и постоянно нуждаются въ поправкахъ. Я знаю въ Сербіи до пяти церквей, которыя дали трещины и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вслѣдствіе того перестали служить; съ другихъ церквей сорвало куполы; а въ нынѣшнемъ году въ одномъ городкѣ (Парятинѣ) строилась церковь съ затратою довольно значительнаго общественнаго капитала: доведенная до купола, она обрушилась. Архитекторы *изъ-прека* тоже неискуснѣе этихъ, потому что также большею частію самоучки. Настоящихъ архитекторовъ въ Сербіи очень мало, потому что трудъ ихъ цѣнится слишкомъ дешево. Кромѣ того, сербы слишкомъ экономничаютъ и составляютъ такую смѣту, за которую ни одинъ добросовѣстный архитекторъ не возьмется строить. Такимъ образомъ, причина плохихъ построекъ не въ архитекторахъ, а въ самихъ хозяевахъ.

Постройки здѣсь двоякаго рода: изъ твердаго матеріала и изъ слабаго. Первыя, какъ и вездѣ, строятся изъ кирпича на прочномъ фундаментѣ, лежащемъ непремѣнно на материкѣ, потому объ нихъ и говорить нечего; что же касается послѣднихъ, то способъ ихъ постройки весьма оригиналенъ. Сначала конечно кладутъ фундаментъ изъ простого камня, иногда даже не дорывшись до материка, потомъ ставится остовъ цѣлаго зданія изъ столбовъ и переводинъ, между которыми размѣщаются, соображаясь съ дверьми и окнами, другіе столбики потоньше: между этими столбиками съ угла на уголъ кладутся бруски, и затѣмъ пространство между ними выкладывается кирпичемъ, большею частію старымъ и перебитымъ. Въ одно время съ возведеніемъ стѣнъ ставится и черепичная крыша, такъ что верхняя часть стѣны подводится уже подъ крышу. Снаружи все обмазывается глиной и послѣ бѣлится. Известка тутъ почти нейдетъ,

и кирпичи связаны глиной, какая попалась на мѣстѣ, часто смѣшанною съ черноземомъ. Такія постройки держатся лѣтъ до 40, то и дѣло конечно облупливаясь и требуя каждый годъ обмазки и поправокъ, но все это относится на счетъ квартирантовъ, и такіе дома приносятъ дохода не меньше домовъ изъ твердаго матеріала, потому что на нихъ больше требованія со стороны мелкихъ ремесленниковъ и мастеровыхъ. Выгода здѣсь конечно главная та, что требуется меньшій капиталъ, а капиталъ въ Сербіи покуда рѣдкость. Большая часть такого рода построекъ возводится съ помощью городского фонда.

Тепла здѣсь во всѣхъ домахъ весьма мало, вслѣдствіе дурного устройства печей; въ домахъ бѣдныхъ людей печей нѣтъ, а только очаги для варки кушанья, и комнату нагрѣваетъ *мангалъ*. Это большая, довольно глубокая сковорода на ножкахъ, на которой разводится огонь или накладывается готовый жаръ. Когда по жару перестанетъ бѣгать синій огонекъ, угли станутъ тускнуть и покрываться пепломъ,—*мангалъ* вносятъ въ комнату и она нагрѣвается. Случается, что человѣкъ, нагрѣвшись мангаломъ, сладко засыпаетъ и никогда уже больше не просыпается: значитъ, мангалъ внесенъ слишкомъ рано; случается, что ребенокъ упадетъ на мангалъ и изжарится. Впрочемъ, случается и у насъ, при благоустроенныхъ печахъ, по десятку человѣкъ разомъ угораютъ до смерти въ домахъ и въ баняхъ; случается, что не только дѣти, но и взрослые сгораютъ отъ печей, а о пожарахъ въ Россіи и помянуть страшно. Въ Сербіи по крайней мѣрѣ пожаровъ почти нѣтъ. Причина этого, кажется, заключается не въ устройствѣ печей, а въ характерѣ народа. У серба нѣтъ той поэтической безпечности, нѣкоторой апатіи и неряшливости, отличающей русскаго человѣка, и несмотря на полувоенный образъ жизни, на непривычку и неумѣнье хорошо устроиться, онъ предупреждаетъ многія бѣды осторожностью, постоянною заботливостью и трезвостью, тѣми, именно, качествами, которыхъ намъ больше всего недостаетъ.

Я уже замѣтилъ однажды, что Бѣлградъ городъ историческій. Современный Бѣлградъ еще такъ новъ, онъ, можно сказать, еще не существуетъ и только возникаетъ изъ развалинъ стараго. Какъ ни разрушительно дѣйствовали здѣсь силы природы и человѣка, все-таки здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаются памятники, невольно обращающіе ваше вниманіе къ прошлому, невольно возбуждающіе любопытство, за удовлетвореніемъ котораго вы должны обратиться къ исторіи.

Мы коснулись этого отчасти при описаніи дартюла. Тамъ среди смѣси развалинъ, пустырей, садовъ и мелкихъ жилищъ

высятся тонкіе минареты мечетей—иные совсѣмъ цѣлые, съ жестяными коническими крышами и съ полумѣсяцемъ на шпилѣ, другіе со сбитыми вершинами и полуразрушенные; тамъ же вы найдете одно огромное зданіе съ уцѣлѣвшими до сихъ поръ гербами и другими лѣпными украшеніями на фронтонѣ, безъ крыши, безъ оконъ, закопченное дымомъ отъ пожара и отъ курящихся у его подножія новыхъ жилищъ,—это *пиринджана*, какъ прозвали еще турки дворецъ принца Евгенія Савойскаго (XVIII ст.); рядомъ съ нимъ остатокъ какого-то зданія съ куполомъ, который отъ времени почти сравнялся съ землею (въ нынѣшнемъ году его, кажется, совсѣмъ разобрали): это была бани, построенныя, можетъ быть, еще римлянами и послѣ служившія туркамъ; въ той же улицѣ еще нѣсколько домовъ, похожихъ на пиринджану, также съ гербомъ и лѣпными украшеніями, и не имѣющихъ ничего общаго съ окружающими ихъ новыми жилищами. Къ одному изъ такихъ домовъ пристроенъ былъ турками минаретъ и онъ обращенъ былъ въ мечеть, а теперь и минаретъ этотъ до половины сшибенъ. Видно, что когда-то это была лучшая улица, что въ ней когда-то жила европейская знать со всею роскошью европейской жизни. Теперь же эти, когда-то великолѣпныя, палаты пусты: въ нихъ, какъ въ норахъ живутъ цыганы и другіе безпріютные люди, а около нихъ, какъ птичьи гнѣзда, лѣпятся новыя, кое-какъ сбитыя, лачужки и лавченки, пріюты разнаго рода бѣдноты. И стоятъ эти остатки прошлаго, какъ нѣмые свидѣтели иной жизни, и ждутъ только окончательнаго разрушенія отъ новаго поколѣнія, не имѣющаго разсчета въ ихъ безполезномъ существованіи.

Совершенно уединенно и въ значительномъ отдаленіи отъ стараго города стоитъ мечеть — *батальджамія*. Никто не помнитъ, нѣтъ и преданія о томъ, чтобъ когда-нибудь вблизи ея жили турки. Отъ остальныхъ мечетей она отличается необыкновенной величиной и архитектурой; крыша ея покрыта густымъ слоемъ земли и заросла густою высокою травою, что свидѣтельствуетъ о ея давнемъ запустѣніи, на что указываетъ и ея спеціальное названіе «*баталь*», значащее—заброшенный, оставленный. Когда же и для кого она здѣсь построена? По всѣмъ вѣроятностямъ, это та самая мечеть, которую упоминаетъ Броунъ въ XVII ст. (см. приведенную нами выписку изъ его путешествія): она была построена визиремъ вмѣстѣ съ караванъ-сараемъ, который находился внѣ города. Въ настоящее время по ней называется окружающая ее площадь, подлѣ нея начинаютъ возникать постройки и съ одной стороны она уже на половину

закрыта большимъ двухъ-этажнымъ домомъ, предназначаемымъ быть гостинницей.

Какъ въ Геркуланумѣ и Помпеѣ подъ массою пепла и лавы отрываютъ жилища со всей обстановкой и принадлежностями жизни, царившей тамъ почти за 2,000 лѣтъ до нашего времени; такъ и въ Бѣлградѣ подъ слоёмъ глины и щебня то и дѣло открываются постройки и разные предметы, свидѣтельствующіе, что когда-то здѣсь жилъ совсѣмъ иной народъ и была совершенно иная культура.

Пройдетъ-ли сильный дождь и потекутъ потоки, они вымываютъ тамъ-сямъ то старую монету, то какое-нибудь украшеніе костюма, то обнажатъ какую-нибудь надгробную плиту. При раскопкѣ земли для фундамента или для погреба то-и-дѣло находятъ надгробные камни съ римскими надписями и различными изображеніями, цѣлыя гробницы съ сосудами, содержащими въ себѣ пепелъ или кости, стеклянныя и металлическія вещи; часто на значительной глубинѣ отрываютъ цѣлыя постройки — своды и стѣны изъ громадныхъ бѣлыхъ камней или изъ кирпичей, чрезвычайно крупныхъ, тонкихъ, отлично выжженныхъ и иногда съ означеніемъ цифры римскаго легіона, когда-то занимавшаго здѣсь свой постъ. Строительный матеріалъ этотъ такъ хорошъ, что онъ цѣликомъ идетъ на новыя зданія. Нынѣшней весной на кали-мегданѣ на глубинѣ 6 саженъ нашли сводъ и, когда пробили его, тогда увидѣли подъ нимъ ходъ, одною вѣтвію идущій подъ крѣпость (этимъ ходомъ успѣли уже бѣжать два арестанта), а двумя въ городъ къ Дунаю и къ Савѣ. Такіе же точно ходы со сводами находятся подъ всѣми домами по обѣ стороны улицы, идущей отъ чаршіи внизъ къ Дунаю: они выше сажени, шириною сажени въ двѣ, а мѣстами шире, и притомъ раздѣлены подвое вдоль: теперь въ нихъ домохозяева устроиваютъ погреба, дѣлая только перегородку поперекъ, чтобы отдѣлиться отъ сосѣда. Въ крѣпости въ нынѣшнемъ году отдѣлываютъ старый колодезь, находящійся почти на самомъ высокомъ мѣстѣ. Срубъ его сдѣланъ изъ кирпича и имѣетъ въ діаметрѣ сажени двѣ; на верху устроена обширная ротонда, въ которой вѣроятно помѣщалась машина для подъема воды; около сруба промежутокъ и концентрически другая стѣна: въ этомъ промежуткѣ идетъ витая лѣстница въ 217 ступеней съ площадками; на этомъ пути съ боковъ сруба въ нѣсколькихъ мѣстахъ сдѣланы большія отверстія, служившія вѣроятно для установки машины, для наблюденія за нею и поправки. Въ самомъ низу на стѣнѣ сруба готической латиницей нацарапаны какія-то два имени, когда обмазка была еще мягкая; но разобрать ихъ я не

могъ. Видимо, что это произведеніе нѣмецкое и по всей вѣроятности времени принца Евгенія, при которомъ, по словамъ Катанчича [1]), вырытъ былъ какой-то колодезь (Катанчичъ впрочемъ указываетъ его въ другомъ мѣстѣ, но онъ многое путаетъ). До воды можно считать около 25 саженъ, а глубина воды 12 саж.; по всей вѣроятности онъ находится на одномъ уровнѣ съ Савой. Внизу со всѣхъ сторонъ изъ стѣнъ сочится уже вода.

Во дворѣ *великой школы* вы увидите нѣсколько римскихъ надгробныхъ плитъ, статуи цѣльныя и разбитыя—работы неособенно хорошей и притомъ изъ слабаго камня и потому значительно потерпѣвшія отъ вывѣтриванія,—каменные гробы съ такими же крышками въ родѣ египетскихъ саркофаговъ. Въ музеѣ вы найдете множество предметовъ весьма различной древности и принадлежавшихъ различнымъ народамъ. Вы найдете тамъ предметы бронзоваго и мѣднаго вѣка: бронзовые и мѣдные боевые молотки, топорики, наконечники копій, обломки ножей, мечъ; различные предметы временъ варварскихъ: маленькіе бронзовые идолы, весьма неискусно сдѣланные; такіе же, множество разъ свернутыя пластинки или толстыя проволоки, которыми обвивали руки, чтобъ защитить ихъ отъ удара меча; серьги необыкновенно большія и тяжелыя съ уродливыми фигурами оленей на подвѣскахъ, нити съ золотыми зернами величиной отъ обыкновеннаго орѣха до мелкой горошины, служившими вмѣсто монеты, нѣсколько варварскихъ монетъ и изображенія головъ въ шлемахъ, украшенныхъ конскими волосами или перьями, скачущихъ на коняхъ всадниковъ, а съ задней стороны съ какими-то знаками, которые несомнѣнно составляютъ надписи, но по-сю пору неизвѣстно, ни что̀ онѣ значатъ, ни какому народу принадлежатъ. Рядомъ съ этими первобытными произведеніями искусства вы встрѣчаете очень художественно сдѣланные изъ жженой глины маленькіе сосуды, лампочки, чрезвычайно тонкіе стеклянные пузырьки, такъ-называемые лакримаріи, въ которые знатныя римлянки собирали свои слезы, оплакивая мужа, брата, ребенка или другого близкаго родственника или друга; булавки и иглы (fibulae), служившія для застегиванія платья; каменныя коробочки съ крышечками, на которыхъ весьма искусно вырѣзанъ какой-нибудь миѳъ; серебряная баночка для помады и внутри на крышкѣ ножемъ нацарапано имя употреблявшаго ее начальника когорты; кусочки амфоръ съ изображеніемъ человѣческихъ головокъ; римскія монеты съ изображеніями консуловъ и императоровъ, от-

[1]) «Исторія Бѣлграда», перевед. въ «Гласникѣ» сербскаго общества словесности, т. V.

личной чеканки,—есть впрочемъ и такія, которыя свидѣтельствуютъ объ упадкѣ искусства; римскія либры—серебряныя дощечки длиною четверти въ полторы и шириною въ вершокъ, въ 35 лотовъ вѣсу: отъ нихъ произошли всѣ современныя либры или фунты; тутъ же бронзовая голова въ природную величину, отбитая отъ цѣлой статуи, можетъ быть, той самой статуи Траяна, которая стояла на мосту черезъ Дунай тамъ, гдѣ теперь Кладово (въ Сербіи): она вытащена была рыбаками изъ Дуная и сдѣлана такъ искусно, какъ можетъ сдѣлать только лучшій художникъ нашего времени. Между разными мелочами найдете изображенія египетскихъ мумій, сдѣланныя изъ цвѣтного матоваго стекла и двѣ фигуры египетскихъ жуковъ-скарабеевъ съ гіероглифами на нижней сторонѣ: эти вещи когда-то, можетъ быть, украшали также музей какого-нибудь любителя рѣдкостей. Есть тамъ какіе-то шарики, пирамидки и двояко выпуклые кружки, служившія кому-то и когда-то мѣрою вѣса. Много также греческихъ монетъ, между которыми есть монеты Филиппа и Александра Македонскихъ. Затѣмъ слѣдуетъ богатое собраніе монетъ сербскихъ отъ всѣхъ царей и деспотовъ, и между ними замѣчательна монета Марка Кралевича, котораго исторія знаетъ очень мало и только народная память удержала его въ своей поэзіи, окружая его ореоломъ полубога. Много монетъ венгерскихъ, турецкихъ и различныхъ европейскихъ государствъ, и особенно замѣчательно собраніе монетъ венеціанскихъ, принадлежащихъ цѣлому непрерывному ряду дожей. Наконецъ множество вещей періода смѣшаннаго—сербско-турецко-мадьярскаго: кресты, иконы въ серебряной и золотой оправѣ, перстни, кованые пояса, разное оружіе, мечи, сабли, куски шлемовъ, кольчуги, конская збруя и разныя украшенія мужского и женскаго костюма. Предметы, относящіеся къ костюму, недавно еще употреблялись въ Сербіи и нѣкоторые старинные дома по сю пору хранятъ ихъ, какъ наслѣдіе отцовъ и дѣдовъ. Въ старой Сербіи и другихъ мѣстахъ Турціи можно ихъ встрѣтить кое-гдѣ еще и теперь въ употребленіи. Вы найдете здѣсь портреты всѣхъ почти Обреновичей, даже тѣхъ, которые едва извѣстны по имени, и другихъ замѣчательныхъ мужей Сербіи, и цѣлое собраніе портретовъ всѣхъ юнаковъ—сербскихъ героевъ отъ временъ войны за освобожденіе, но къ стыду холопствующей передъ Обреновичами Сербіи не увидите портрета главнаго ихъ юнака, Георгія Чернаго.

Уже чрезъ одно наглядное знакомство съ предметами старины, разсѣянными по цѣлому Бѣлграду и собранными въ музеѣ, вы можете составить себѣ идею объ его исторіи. Мы постараемся съ своей стороны обозначить точнѣе главные фазы въ его исторіи,

выбравши въ ней только самые важные моменты, ограничиваясь однимъ указаніемъ ихъ и избѣгая всякихъ подробностей.

Нѣтъ сомнѣнія, что мѣстность Бѣлграда уже въ самое отдаленное время привлекала къ себѣ населеніе изъ прилегавшихъ странъ и представляла нѣчто въ родѣ города; но о томъ времени мы не знаемъ ничего и можемъ только догадываться. Въ началѣ христіанской эры нынѣшняя Сербія, подъ именемъ верхней Мизіи, составляла римскую провинцію и должна была содержать римскіе легіоны. Во второмъ вѣкѣ по Р. Хр. географъ Клавдій Птолемей на мѣстѣ нынѣшняго Бѣлграда показываетъ главный городъ верхней Мизіи Сингидунумъ. Не-римское названіе города показываетъ, что римляне застали его уже готовымъ. Къ этому времени относятся находимые здѣсь кирпичи и камни съ надписью «L. IIII. F. F.» что значитъ «Legio IV Flavio Felix». Римляне имѣли здѣсь укрѣпленіе (castrum), но главнымъ образомъ пользовались его торговымъ и экономическимъ положеніемъ города. Они обработывали землю, добывали руду, эксплуатировали лѣса, вывозили отсюда звѣриныя шкуры, медъ, воскъ и т. д. Здѣсь же они набирали и рекрутъ для своихъ легіоновъ. Что римляне въ этой странѣ были больше экономы и промышленники, доказывается мѣстами ихъ поселеній: это большею частію плодородныя долины и равнины, тогда какъ наслѣдовавшіе имъ сербскіе крали стали громоздиться на высокія, неприступныя горы или удаляться въ тѣсныя ущелья, гдѣ строили свои зàмки и монастыри, служившіе имъ дворцами и крѣпостями.

Сербская троношская лѣтопись, говоря о происхожденіи сербскаго королевскаго дома Неманичей отъ гонителя христіанъ Ликинія, женатаго на дочери Константина В., Констанціи, разсказываетъ между прочимъ слѣдующій интересный эпизодъ изъ исторіи Бѣлграда. «Ликиній владѣлъ въ Сирміи (ныньче Митровица, вверхъ отъ Бѣлграда по р. Савѣ) и жилъ тамъ съ женою своею и двоими сыновьями. Когда Константинъ склонился на сторону христіанства, Ликиній остался вѣренъ язычеству и воздвигъ гоненіе на христіанъ. Тогда Константинъ собралъ войско и осадилъ его въ Бѣлградѣ. Ликиній, будучи не въ состояніи сопротивляться, вышелъ изъ крѣпости и съ войскомъ кинулся на лодкахъ черезъ Саву, но въ общей свалкѣ на устьѣ ея утонулъ. Дѣти его съ матерью, оставшіяся въ Сирміи, бѣжали въ Захлумію (нынѣшняя Черногорія), откуда происходилъ ихъ отецъ и такимъ образомъ спаслись отъ гибели; а всѣ попавшіе въ руки Константину были имъ избиты. Бѣлградъ же онъ разорилъ и, перепахавъ его, посолилъ солью и проклялъ, чтобъ онъ ни-

когда не имѣлъ прочности, если и будетъ когда-нибудь укрѣпленъ».

Фактъ этотъ, неизвѣстный изъ другихъ источниковъ, довольно вѣроятенъ въ томъ, что Бѣлградъ въ IV ст. не только оставался языческимъ городомъ, но и служилъ убѣжищемъ для всѣхъ, кто былъ недоволенъ Константиномъ В., когда онъ объявилъ христіанство господствующею вѣрою. Можно не сомнѣваться и въ томъ, что Константинъ, преслѣдуя здѣсь своихъ противниковъ, что извѣстно и изъ другихъ источниковъ, разорилъ Бѣлградъ. Можетъ быть, остатки римскихъ построекъ, отрываемые въ настоящее время на кали-мегданѣ на значительной глубинѣ,—нѣмые свидѣтели того разрушенія, которому римскій городъ въ IV ст. подвергся со стороны своего оставившаго старую вѣру императора.

Послѣ паденія западной римской имперіи, Бѣлградъ переходитъ подъ зависимость Византіи и становится извѣстенъ подъ именемъ «Alba Graeca», откуда конечно произошло и его сербское названіе [1]). Имя Бѣлграда упоминаетъ уже Константинъ Порфирогенетъ (X ст.) по поводу событій въ началѣ VII вѣка. Поэтому мы безошибочно можемъ допустить его еще раньше, въ VI ст., когда славяне (сербы, хорваты и болгары) наводнили весь Балканскій полуостровъ и угрожали ославянить даже Грецію, и въ то время, по сокрушеніи аваровъ, Бѣлградъ долженъ былъ быть сербскимъ городомъ. Объ этомъ отдаленномъ времени мы однако ничего не знаемъ. А съ тѣхъ поръ какъ сербо-хорваты стали собираться въ государственное тѣло подъ властью своихъ жупановъ и князей, Бѣлградъ не играетъ никакой политической роли. Сербскіе и хорватскіе государи держались по преимуществу въ странахъ близкихъ къ Адріатическому и Средиземному морю, стремясь постоянно къ Риму и Византіи. Въ это самое время образуется и венгерское королѣвство и, по точному историческому свидѣтельству, венгерскій король Стефанъ I (въ XII ст.) владѣлъ Бѣлградомъ, хотя есть темное указаніе на то, что въ томъ же столѣтіи владѣлъ имъ и Стефанъ Неманя. Въ XIII ст. венгерскій король Стефанъ V даетъ его вмѣстѣ со Сремомъ въ приданое за своею дочерью Екатериною, вышедшею замужъ за сербскаго кралевича Драгутина, съ тѣмъ условіемъ, что отецъ Драгутина Урошъ отступается совсѣмъ отъ правленія. Урошъ однако не сдержалъ обѣщанія и прогналъ сына. Тогда послѣдній бѣжалъ къ шурину своему Владиславу, въ Будимъ, собралъ 80,000 войска, разбилъ отца и снова овладѣлъ Бѣлградомъ.

[1]) Названіе Бѣлграда носятъ многіе города въ Венгріи, Албаніи, Далмаціи.

Здѣсь однако онъ не остался и перенесъ свою столицу въ Зворникъ на р.升升 升升升Дринѣ (въ Босніи). Краль Милутинъ, наслѣдовавшій Драгутину, перенесъ свою столицу еще дальше, въ Призренъ. Однимъ словомъ, тогда или не пришло еще время для политической роли Бѣлграда, или не понимали ея сербскіе государи и оставляли его въ добычу венгерскимъ королямъ. Мы принимаемъ послѣднее положеніе. Связь Сербіи съ Византіею была весьма неблагопріятна для сербскаго народа: отъ Византіи въ то время нечего было взять, кромѣ ея пороковъ, въ которыхъ погружались всѣ слои ея общества, начиная съ императора и патріарха и оканчивая послѣднимъ гражданиномъ и монахомъ, тогда какъ въ западной Европѣ въ то время, несмотря на господство феодализма, зародилась и быстро развивалась жизнь совершенно на новыхъ началахъ. Какъ бы то ни было, но Бѣлградомъ большею частію владѣли венгерскіе короли, обезпечивая себѣ тѣмъ господство по обѣ стороны Савы и Дуная. Правда, въ 1353 г. Стефанъ Душанъ прогналъ мадьяръ всюду съ Моравы и овладѣлъ Бѣлградомъ и Мачвой (сѣверо-западная часть Сербіи); но это обладаніе было непродолжительно. Послѣ опять владѣлъ имъ царь Лазарь, но, вмѣсто того чтобъ утвердиться въ немъ, онъ велѣлъ разрушить его крѣпость, а самъ поселился въ Крушевцѣ (въ южной Сербіи), который прельщалъ его своимъ романтическимъ мѣстоположеніемъ и откуда все-таки былъ ближе путь къ Эгейскому морю.

Сынъ Лазаря Степанъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, вполнѣ оцѣнилъ положеніе Бѣлграда, поселился въ немъ; но въ тоже время предвидѣлъ, что сербамъ не удержать его между двумя такими сильными врагами, какъ турки и мадьяры, и потому заключилъ съ послѣдними договоръ, по которому въ случаѣ смерти Степана безъ дѣтей, деспотомъ Сербіи дѣлался Юрій Бранковичъ, а Бѣлградъ поступалъ во владѣніе мадьяръ, съ тѣмъ чтобъ они помогали сербамъ противъ турокъ, и съ этой цѣлью возобновилъ и укрѣпилъ другой градъ Смедерево. Георгій Бранковичъ пытался-было удержать за собою Бѣлградъ и занялъ его тотчасъ по смерти Степана; но въ тоже время двинулись на него съ одной стороны турецкій султанъ, съ другой венгерскій король. Стоя между двухъ непріятелей, онъ перваго усмирилъ тѣмъ, что далъ ему въ жены свою дочь Марію, а второго могъ привлечь на свою сторону только уступкою Бѣлграда, за который впрочемъ онъ получилъ нѣсколько городовъ въ Венгріи. Уступка Бѣлграда мадьярамъ произвела на сербскій народъ весьма тяжелое впечатлѣніе. Современные лѣтописцы ставятъ это въ упрекъ Бранковичу. Въ «Цароставникѣ» находится плачъ за Бѣл-

градомъ въ родѣ плача Іереміи, а въ другой лѣтописи (изд. въ «Архивѣ» Кукулевича, кн. III) разсказывается по этому поводу о знаменіяхъ, предвѣщавшихъ гибель не только Бѣлграду, но и цѣлой Сербіи. Вотъ какъ описываетъ ихъ упомянутая лѣтопись подъ 1432 годомъ.

«*Первое знаменье*, предвѣщающее зло городу. Вечеромъ, поздно ночью (мы однако тогда не спали), вдругъ послышался какъ будто звукъ трубъ съ другой стороны Савы, и постоянно усиливался и казалось приближался, пока наконецъ сталъ слышенъ близъ города и въ самомъ городѣ. И продолжалось это часа три, и общее мнѣніе было, что придетъ войско противъ города. — *Другое знаменье*. Изъ иконостаса взлетали кверху иконы, на которыхъ былъ написанъ Христосъ, Святая Дѣва и Іоаннъ. Это явленіе многіе толковали въ хорошую сторону, но вышло худо.—*Третье знаменье*. Надъ городомъ распространилось пламя, какъ будто павшее съ неба, и потомъ исчезло въ воздухѣ. Передъ тѣмъ вихрь сорвалъ крышу съ церкви и разрушилъ нѣсколько домовъ, снялъ также крышу съ дома сестры Стефана. И послѣ этого пришелъ нѣкто изъ внутренности Мизіи, представляя изъ себя какъ бы пророка (по истинѣ, дѣла его свидѣтельствовали его святость); день и ночь бѣгалъ онъ по городу, горько плача и крича: «О горе! горе!» и «увы! увы!» Его видѣлъ и деспотъ Георгій и по своему великодушному нраву далъ ему богатую милостыню. Эти знаменья относились не только къ Бѣлграду, но предсказывали погибель цѣлой Сербіи. И немного спустя, попущеніемъ божіимъ Сербія пала».

Троношскій лѣтописецъ, упомяпувъ кратко объ уступкѣ Бѣлграда мадьярамъ, добавляетъ: «И Георгій Бранковичъ ушелъ жить въ Шиклеушъ (въ Венгріи). Мадьяры же заняли Бѣлградъ и поселились тамъ. *Сербскіе же граждане, которые захотѣли, остались, а другіе ушли въ Шиклеушъ.*»

Съ этого времени Бѣлградъ совершенно перестаетъ быть сербскимъ городомъ. Четыре года спустя послѣ этого Бѣлградъ посѣтилъ одинъ французскій путешественникъ, Бертрандонъ де-ла Брокіеръ («Гласникъ» 1854 г. VI, стр. 209), и оставилъ его описаніе. Между прочимъ онъ говоритъ, что изъ пяти частей, изъ которыхъ состоялъ Бѣлградъ, *рассіянамъ*, т.-е. сербамъ позволено было жить только въ одной, на Савѣ; а въ остальныя они не смѣли даже входить: такъ не довѣряли имъ мадьяры. Далѣе онъ разсказываетъ слѣдующее: «На другой день послѣ моего прибытія въ Бѣлградъ, я видѣлъ, какъ пришли туда 25 человѣкъ, вооруженные по обычаю страны, для того чтобъ остаться тутъ въ гарнизонѣ; и когда я спросилъ, что это за люди, мнѣ отвѣ-

чали, что это нѣмцы издалека. А развѣ—сказалъ я—не могли-бы мадьяры или сербы охранить городъ?—Что касается сербовъ—сказали мнѣ—то они не входятъ въ городъ, потому что подчинены туркамъ и платятъ имъ дань; а мадьяры—говорятъ—ихъ такъ боятся, что никакъ не смѣли-бы взяться охранять противъ нихъ городъ». Это достаточно характеризуетъ отношенія мадьяръ и сербовъ.

Господство мадьяръ было такъ тяжело сербамъ, что они постоянно готовы были отдаться туркамъ. Въ Бѣлградѣ было нѣсколько заговоровъ противъ мадьяръ, за что конечно сербы подвергались еще бóльшимъ притѣсненіямъ, а виновные жестокимъ казнямъ. Впрочемъ нужно и то сказать, что бичами сербскаго народа были ихъ же кровные братья, состоявшіе на службѣ у венгерскихъ королей. Такъ около 1480 г. Павелъ князь (сербскій воевода въ темешскомъ округѣ), узнавши о затѣваемой бѣлградскими гражданами измѣнѣ, похваталъ ихъ и послѣ допросовъ съ помощію пытки, главныхъ велѣлъ испечь на вертелѣ, какъ барановъ, а другихъ заставилъ ихъ ѣсть.

Солиману взятіе Бѣлграда (1521 г.) облегчено было преданностью тамошнихъ гражданъ.

Стратегическое значеніе Бѣлграда видно изъ того, что, покуда онъ находился въ рукахъ Венгріи, турки могли дѣлать только набѣги на венгерскія земли; а какъ скоро и онъ перешелъ къ туркамъ, то вся Венгрія вмѣстѣ съ Пештомъ подпала ихъ постоянному господству, а наконецъ турецкія знамена явились и подъ стѣнами Вѣны.

Подъ турецкимъ владычествомъ Бѣлградъ отдыхаетъ; мало того, онъ дѣлается обширнымъ рынкомъ между Европой и Азіей, чтó мы видѣли изъ описанія его у Броуна. Правда, черезъ годъ послѣ того, какъ Броунъ былъ въ Бѣлградѣ, имъ овладѣли австрійцы, но въ томъ же году опять должны были уступить туркамъ. Въ 1717 г. онъ былъ взятъ принцемъ Евгеніемъ. Въ этотъ періодъ (съ 1717—1739 г.) австрійскаго господства Бѣлградъ украсился множествомъ хорошихъ зданій. Въ 1739 г. австрійцы должны были уступить его назадъ туркамъ, но передъ выступленіемъ восемь мѣсяцевъ занимались разрушеніемъ крѣпости. Турки опять владѣли имъ до 1788 г., когда Бѣлградъ былъ взятъ Лаудономъ. Въ это время его видѣлъ Катанчичъ и въ описаніи своемъ говоритъ, что въ Бѣлградѣ было до 40,000 жителей въ городѣ и 25,000 въ крѣпости; что въ крѣпости были одни турки, а въ городѣ кромѣ турокъ жили греки и сербы; что торговля почти вся находилась въ рукахъ грековъ и сербовъ. На австрійскую сторону изъ Сербіи и черезъ Сербію шли слѣдующіе то-

вары: лѣсъ, которымъ была очень богата Сербія, сало, воскъ, медъ, деревянное масло, миндаль, изюмъ, хлопокъ, шелкъ и шерсть; кромѣ того греки торговали виномъ, кофе, буйволами и свиньями. Изъ Австріи шли: сукна, желѣзо, сталь, стекло и косы. Это было въ послѣдній разъ, когда въ Бѣлградѣ распоряжались австрійцы. Лаудонъ укрѣпилъ городъ по лучшей въ то время системѣ и далъ крѣпости именно тотъ видъ, въ какомъ она находится теперь. Имя его носятъ по сію пору одни ворота въ крѣпости и шанцы вокругъ всего города. Несмотря на это, австрійцы не могли тамъ удержаться и черезъ годъ послѣ завоеванія снова впустили туда турокъ.

Семнадцать лѣтъ спустя, именно въ 1806 г., правитель Бѣлграда Солиманъ-паша съ 200 янычаръ и въ сопровожденіи множества турецкихъ семействъ выступалъ изъ Бѣлграда, сдавшись сербской райѣ подъ условіемъ свободнаго пропуска и съ сохраненіемъ всѣмъ имъ жизни. Но едва они прошли городъ, изъ засады выскочили на нихъ сербы и всѣхъ перерубили, пустивши одного пашу. Нѣсколько дней разсвирѣпѣвшая райя отыскивала и рубила турокъ, изъ числа которыхъ немногіе спасли свою жизнь тѣмъ только, что приняли христіанство. Въ цѣлой Сербіи тогда не осталось ни одного турка, и въ то время она была такъ свободна, какою не была прежде и не можетъ назваться даже теперь. Сербіею управлялъ съ того времени избранный ею верховный вождь Георгій Петровичъ, прозванный турками Кара или Черный, и сенатъ.

Такимъ образомъ бѣдная безоружная райя, предводительствуемая простымъ *гайдукомъ* (разбойникомъ), который не задолго передъ тѣмъ занимался паствою и откармливаніемъ свиней, отняла изъ рукъ своего врага, хорошо вооруженнаго, крѣпость, надъ укрѣпленіемъ которой работали лучшіе инженеры того времени, и очистила всю страну отъ своихъ непріятелей. Народъ, рядъ столѣтій страдавшій сначала подъ тираннiей своихъ царей и деспотовъ, а потомъ подъ ярмомъ турокъ и мадьяръ, не знавшій ни отдыха ни мира, чтобъ развиться и окрѣпнуть духовно и матеріально, самъ безъ всякой посторонней помощи, единственно подвигами отчаянной храбрости, разрушаетъ цѣпи многовѣкового рабства и образуетъ свободное государство. Такихъ примѣровъ въ исторіи не много и болѣе торжественнаго момента въ исторіи сербовъ нѣтъ. Передъ этимъ подвигомъ бѣдной райи и ея скромнаго вождя блѣднѣютъ дѣла Душановъ и всѣхъ сербскихъ героевъ стараго и новаго времени.

Но событія, въ то самое время потрясавшія цѣлую Европу, тяжело отразились на новомъ маленькомъ государствѣ, у котораго

хватило силы совершить моментально великій подвигъ, но не доставало средствъ удержать за собою добытое поле, когда борьба приняла болѣе широкіе размѣры и потянулась на долгое время; въ тотъ моментъ, когда оно больше всего нуждалось въ какой-нибудь хоть ничтожной поддержкѣ, ея не было ровно ни откуда. Вся Европа, кромѣ Россіи и Англіи, тогда была съ Наполеономъ. Опираясь на его всемогущую поддержку, и Турція ополчилась всѣми силами противъ маленькаго, недавно выскользнувшаго изъ рукъ ея народца;—и черезъ семь лѣтъ послѣ описанной нами торжественной сцены вступленія сербовъ въ Бѣлградъ, тамъ происходили сцены совершенно иного рода.

На кали-мегданѣ передъ городскими воротами всюду насажены были на колья люди: иные были еще живы, стонали и, какъ величайшей милости, просили смерти, и заклятый врагъ серба, турокъ-часовой, изъ жалости добивалъ несчастнаго изъ пистолета; другіе безмолвно торчали окоченѣлыми трупами. Стаи собакъ бродили кругомъ, ожидая, когда обреченная имъ жертва замолкнетъ, а иногда починали объѣдать ноги у живыхъ. По улицамъ натасканы были собаками человѣческія руки, ноги и внутренности. Всюду стоны, плачъ и ужасъ; въ воздухѣ смрадъ; народъ въ отчаяніи.

Такова была месть турокъ и такимъ путемъ возстановлено было право ихъ господства надъ сербами. Всѣ крѣпости снова приняли турецкіе гарнизоны; всѣ города снова стали наполняться турками, и сербъ снова сталъ называться райей, и сдѣлался рабомъ и собственностью турка-спахіи.

Въ 1866 г. опять новая сцена.

На томъ-же кали-мегданѣ устроенъ павильонъ: въ немъ помѣщается сербскій князь съ супругой, подлѣ нихъ иностранные представители, министры и вся свита, далѣе войско, а кругомъ, какъ только глазъ можетъ видѣть, народъ. Является паша со свитой; исполняетъ церемонію передачи князю ключей отъ сербскихъ крѣпостей и вручаетъ султанскій фирманъ, который читаетъ народу: тысяча голосовъ кричатъ «живіо»; радость и торжество неописанныя. Затѣмъ турецкій гарнизонъ выступаетъ изъ крѣпости, а его мѣсто занимаетъ сербское войско.

Къ этому можно присоединить еще прошлогоднія сцены: убіеніе князя и вслѣдъ затѣмъ искупленіе его восемнадцатью новыми убійствами—и исторія Бѣлграда готова.

Оглянитесь еще разъ на прошлое Бѣлграда и скажите: есть-ли гдѣ другой городъ, который подвергался бы такимъ частымъ и рѣзкимъ перемѣнамъ? Подъ толстымъ слоемъ земли вы открываете здѣсь цѣлыя зданія; на поверхности не осталось, можно сказать,

ни пяди земли ненапоенной человѣческой кровью; сколько народностей, сколько различныхъ культуръ смѣняли одна другую, и всякая смѣна сопровождалась самыми ужасными катастрофами.

Окончивъ съ исторіею, мы снова можемъ обратиться къ настоящему Бѣлграду, къ его современнымъ жителямъ и къ жизни.

Какъ недавни и новы всѣ постройки Бѣлграда, кромѣ крѣпости и нѣсколькихъ, съ каждымъ днемъ исчезающихъ развалинъ, такъ недавне и ново его населеніе. Въ 1834 г., когда была первая перепись въ Сербіи, въ Бѣлградѣ вмѣстѣ съ турками жило 7,033 ч.; черезъ 15 лѣтъ (въ 1859 г.) населеніе его возрасло на 18,860; въ 1862 г. изъ Бѣлграда выселились всѣ турки, составлявшіе по крайней мѣрѣ одну треть всего населенія, и все-таки черезъ 10 лѣтъ Бѣлградъ считаетъ уже до 26,000 жителей. Цифры эти безъ дальнихъ объясненій доказываютъ сильный ростъ Бѣлграда.

Затѣмъ возьмемъ другой рядъ цифръ — рожденій и смертности.

Прошлый (1868) г. вслѣдствіе эпидеміи на дѣтей (скарлатина) и вообще неблагопріятной погоды даетъ цифры весьма неутѣшительныя. Именно на 756 родившихся пришлось 1033 умершихъ (евреи здѣсь не считаются, потому что отъ нихъ нельзя было получить точныхъ данныхъ); слѣдовательно умерло 277 челоками больше, чѣмъ родилось, или на 100 родившихся приходится 136 умершихъ. Если (какъ говорятъ) г. Якшичъ, у котораго мы заимствуемъ эти статистическія данныя, въ числѣ умершихъ не отдѣляетъ значительное число времени живущихъ въ Бѣлградѣ рабочихъ, которые не считаются въ церковныхъ книгахъ, какъ живые, но заносятся въ нихъ, когда умираютъ, то число это окажется, нѣсколько преувеличеннымъ. Но, полагая число этихъ временныхъ жителей въ $^1/_{10}$ всего населенія, мы все-таки получимъ, что на 100 родившихся приходится 123 умершихъ. Между дѣтьми смертность составляла 38%, тогда какъ въ другіе годы она не превышаетъ 25%. Возьмемъ для сравненія другіе годы:

въ 1861 г.	родилось	567,	умерло	802
» 1862 г.	»	487,	»	807
за два года	»	1054	»	1609

т.-е. что умерло почти въ полтора раза больше, чѣмъ родилось. Замѣчательно, что въ 1862 г. убавилось рожденій. Въ 1867 г.. здѣсь свирѣпствовала холера, слѣдовательно смертность была еще сильнѣе. Итакъ, имѣя данныя для четырехъ лѣтъ въ числѣ 8 (съ 1861—1869), указывающія на превышеніе смертно-

сти надъ рожденіями, мы не имѣемъ никакого основанія предположить, чтобъ въ остальные четыре года условія были лучше, и потому можемъ, кажется, не ошибаясь, допустить, что нарожденіемъ населеніе Бѣлграда не увеличивается, если не уменьшается отъ преобладанія смертности.

Причина сильной смертности заключается прежде всего конечно въ его климатѣ, зависящемъ отъ его физическаго положенія, о которомъ мы уже говорили. Рѣзкія перемѣны погоды и множество низкихъ, сырыхъ мѣстъ, окружающихъ Бѣлградъ, производятъ здѣсь постоянныя эндемическія болѣзни, къ которымъ относятся *костоболя* (ревматизмъ) и *срдоболя* (дизентерія). Кромѣ того здѣсь часто эпидемически дѣйствуютъ лихорадки и горячки; наконецъ много умираетъ отъ чахотки, вслѣдствіе необыкновенно слабаго развитія груди. Большая часть дѣтей умираетъ отъ болѣзней желудка и горла.

Двѣ первыя болѣзни не составляютъ здѣсь явленія новаго. Ими страдали и померли многіе изъ сербскихъ королей и деспотовъ. Степанъ Лазаревичъ умеръ по всѣмъ признакамъ отъ ревматизма, хоть лѣтописцы называютъ его болѣзнь одни подагрою, другіе апоплексіею. Нерѣдко вы читаете въ сербской исторіи, что такой-то султанъ или визирь снялъ осаду съ Бѣлграда или другой крѣпости, въ придунайскихъ краяхъ, вслѣдствіе дизентеріи. Въ 1439 г. умеръ отъ этой болѣзни Альбрехтъ, король Венгріи и Богеміи, во время турецкаго похода, и тѣмъ же самымъ перехворало все его войско; отъ той самой болѣзни сильно пострадало европейское войско, отправлявшееся къ Никополю (1393 г.); въ 1739 г. значительно пострадало отъ нея австрійское войско въ Бѣлградѣ, во время осады его турками, и это помогло сдачѣ его. Янъ Гуніадъ и другіе предводители сербско - венгерскихъ войскъ въ XV и XVI ст. померли отъ горячки.

Въ прошломъ году дизентерія спорадически была въ Бѣлградѣ, а эпидемически дѣйствовала въ нѣкоторыхъ селахъ крагуевацкаго округа. Изъ Бѣлграда каждый годъ множество людей отправляется на воды лечиться отъ ревматизма. Отъ чахотки множество сербовъ умираетъ за границей, и не только въ Петербургѣ, который у сербовъ слыветъ какимъ-то пугаломъ, и вообще въ Россіи, но и въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ, въ Швейцаріи и въ самомъ Бѣлградѣ.

Неблагопріятнымъ климатическимъ условіямъ Бѣлграда много помогаютъ: золотушность, которая особенно у дѣтей дѣлаетъ смертельною всякую мало-мальски серьезную болѣзнь; незнаніе гигіеническихъ и діэтетическихъ правилъ; чрезвычайно плохое

устройство домовъ, въ которыхъ всюду сквозитъ, и отчасти плохая вода, несмотря на существованіе множества водопроводовъ.

Счастье сербовъ, что ихъ не коснулась еще язва пауперизма, что они покуда пользуются просторомъ и свѣжимъ воздухомъ, а не скучены, не загнаны въ сырые, лишенные свѣта подвалы, въ которыхъ живетъ рабочее населеніе въ большихъ европейскихъ городахъ; сравнительно съ другими, они имѣютъ хорошую пищу и хорошо одѣты. Опытъ научилъ ихъ также бережливости. Всякій почти сербъ, носящій нѣмецкое платье, имѣетъ подъ низомъ фланелевую или шерстяную рубашку; простой горожанинъ въ сербско-турецкомъ платьѣ цѣлое лѣто и въ самые жары не скидаетъ своей паликліи (ватной курточки) и кромѣ того носитъ всегда сверху одно или два платья; замѣняющая ему поясъ, шаль обвертываетъ тѣло его въ нѣсколько разъ, совершенно прикрывая желудокъ и всю грудь выше подложечки, а сзади немного недостигая лопатокъ. Женщины также постоянно носятъ сверхъ платья или родъ курточки (шкуртелька), часто, несмотря на лѣто, опушенной мѣхомъ, или родъ кафтанчика (антерія), то и другое изъ сукна, атласа или бархата.

Есть еще одна причина, которая ослабляетъ умноженіе народонаселенія путемъ нарожденія,—это вытравливаніе плода, которое, по свидѣтельству докторовъ, постоянно увеличивается и распространяется на всѣ классы. Досталось-ли это сербамъ отъ турокъ, у которыхъ это въ обычаѣ, или явилось подъ вліяніемъ другихъ какихъ-нибудь причинъ, трудно рѣшить безъ спеціальнаго изслѣдованія; замѣтимъ только, что это дѣлается не въ бѣдныхъ только классахъ, которыхъ побуждали бы къ тому бѣдность и невѣжество, но и въ семействахъ людей богатыхъ и считающихся образованными, и не изъ желанія женщины скрыть грѣхъ, а часто съ вѣдома и даже по желанію мужа. Тоже самое распространено и между австрійскими сербами.

Отсюда слѣдуетъ, что увеличеніе народонаселенія Бѣлграда происходитъ извнѣ, путемъ доселенія. Это видно изъ непропорціональнаго преобладанія числа мужскихъ жителей надъ числомъ женщинъ: такъ, въ 1866 г. въ числѣ 22,928 д. было мужчинъ 13,442, а женщинъ 9,486. Еще лучше это можно видѣть изъ сравненія браковъ и рожденій у православныхъ и иновѣрцевъ. Съ 1846—48 у православныхъ было 102 брака, а у иновѣрцевъ 8; слѣдовательно отношеніе было, какъ 102 : 8=12,5 т.-е. иновѣрныхъ браковъ было въ 12 разъ меньше, чѣмъ православныхъ. Съ 1866—68 отношеніе измѣнилось: стало какъ 224 : 37 = 6,5, т.-е. разница уменьшилась почти вдвое. Тотъ же выводъ даетъ и сравненіе числа рожденій:

съ 1846—48 {у православн. было 399 / » » {у иновѣрныхъ » 19 $= 21$, а съ 1866—68} у правосл. 621 / у иновѣрн. 115 $= 5,4$

т.-е. въ первый періодъ у иновѣрныхъ было новорожденныхъ въ 21 разъ меньше, чѣмъ у православныхъ, а во-второмъ только въ пять съ половиной. Г. Якшичъ, сообщая эти данныя, приходитъ къ такому заключенію: «Итакъ, у православныхъ въ продолженіи послѣднихъ 20-ти лѣтъ на 1000 душъ приходится 1,555 рожденій, а у иновѣрцевъ 6,052 или другими словами: иновѣрцы въ продолженіи прошлыхъ 20 лѣтъ доселялись въ Бѣлградъ вчетверо сильнѣе, нежели православные сербы, такъ что Бѣлграду предстоитъ въ концѣ этого столѣтія быть только на половину сербскимъ городомъ, какъ напр. Земунъ». («Единство» 1869 г. № 41).

Признавая вполнѣ фактъ сильной смертности въ Бѣлградѣ и слабаго возрастанія его народонаселенія путемъ нарожденій, мы не можемъ принять послѣдняго заключеніи г. Якшича, потому что ему противорѣчитъ другое, весьма рѣзкое явленіе, это то, что всѣ поступающіе въ Бѣлградъ чужіе элементы скоро превращаются въ сербство, принимаютъ сербскій характеръ.

Всѣ доселенцы весьма легко ассимилируются съ туземцами, потому что главнымъ образомъ они приходятъ сюда изъ Турціи и изъ Австріи, гдѣ нѣтъ одной цѣльной націи, нѣтъ слѣдовательно національнаго языка, нѣтъ національнаго типа, гдѣ рѣдко вы не встрѣтите готовой уже смѣси двухъ-трехъ народностей; и притомъ гдѣ бы ни былъ австрійскій или турецкій подданный въ своемъ государствѣ, онъ вездѣ приходитъ въ соприкосновеніе съ той или другой славянской народностью и волей-неволей выучивается какому-нибудь изъ славянскихъ нарѣчій, и поэтому, вступая въ Бѣлградъ, если не знаетъ впередъ по-сербски, то знаетъ по-чешски, словацки или по-болгарски, и легко выучивается сербскому языку, и современемъ даже совсѣмъ отстаетъ отъ своего родного нарѣчія. Больше всего доселяются своя-же братія юго-славяне: сербы и болгары; затѣмъ огромное число цинцаръ или куцо-влаховъ, которые иногда сами не знаютъ, чтó они такое. Говоря языкомъ смѣшаннымъ—изъ валашскаго, который самъ по себѣ представляетъ порядочную смѣсь, и греческаго, но живя постоянно между болгарами, сербами и арнаутами, они усвоиваютъ себѣ и языкъ своихъ сосѣдей, и ихъ народность опредѣляется тою средой, въ которой они живутъ. Больше всего они признаютъ себя греками, но тѣ, которые поселяются въ Бѣлградѣ на постоянное жительство и принимаютъ сербское подданство, дѣлаются вполнѣ сербами и уже черезъ одно поколѣніе цинцарскій языкъ совершенно исчезаетъ.

Чуть-ли не большинство бѣлградскихъ купцовъ цинцарскаго происхожденія, а теперь они чистѣйшіе сербы.

Жителей совершенно чужой національности здѣсь очень немного. Между ними главное мѣсто занимаютъ евреи въ числѣ 200 семействъ, которые живутъ здѣсь, какъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ, исключительною жизнью и отнюдь не смѣшиваются съ сербами. Затѣмъ слѣдуютъ нѣмцы, большею частію изъ Пруссіи и Саксоніи, немного больше 400 душъ, разсѣянные по разнымъ мѣстамъ Сербіи, какъ архитекторы, горные инженеры, простые зодчіе, рудокопы и мастеровые. Они отчасти поддерживаютъ свою особность, но современемъ уступаютъ сербскому вліянію.

Такимъ образомъ, здѣсь смѣшенія съ чужою національностію въ настоящее время почти не существуетъ, кромѣ смѣшенія съ цинцарами, которые уже на половину сербы или болгары. Вотъ почему, несмотря на сильное доселеніе въ Бѣлградъ жителей изъ другихъ странъ, онъ такъ невредимо сохраняетъ свою сербскую физіономію, насколько она выражается языкомъ, одѣяніемъ и отчасти образомъ жизни. Но при этомъ мы замѣтимъ одно: въ одѣяніи и во внѣшнемъ образѣ жизни съ давнихъ поръ уже вошло много турецкаго. Турецкаго происхожденія ихъ костюмъ: фесы, антеріи, тозлуки, елеки, пафти, шаміи, тёшайліи, папучи и т. п.; предметы домашняго комфорта: миндерлуки, софы, ястуки, іорганы и т. д.; кушанья: тюфте, папозіяніи, мезе, дьюдьювече и проч. Я не говорю здѣсь объ однихъ словахъ турецкаго происхожденія, но о самыхъ предметахъ и понятіяхъ, которыя оказываютъ вліяніе на жизнь. Сербы утратили понятіе о столѣ и заимствовали его у мадьяръ въ переиначенной формѣ «асталъ»; въ домѣ богатаго серба вы часто нигдѣ не найдете стола, кромѣ той комнаты, гдѣ обѣдаютъ; а это пристрастіе къ *паприкѣ* (красный перецъ) и вообще къ пряностямъ и къ возбуждающимъ средствамъ, развѣ не турецкаго происхожденія? Если строго разобрать образъ жизни жителей Бѣлграда, то окажется весьма много такого, что привилось имъ отъ турокъ и притомъ на счетъ ихъ коренныхъ славянскихъ началъ. A priori, нельзя не допустить, что масса цинцаръ, въ настоящее время наполняющихъ Бѣлградъ и становящихся наружно сербами, удерживаетъ свой особый типъ, свой характеръ, свои воззрѣнія на жизнь, вынесенныя ими изъ странъ, гдѣ по-сю пору господствуютъ турецкіе нравы и куда нѣтъ доступа освѣжающему дѣйствію обще-европейской цивилизаціи. Такъ что сильная заботливость сербовъ (я разумѣю горожанъ и людей образованныхъ) сохранить во всемъ сербскій характеръ, не значитъ-ли охранять ка-

кія-нибудь чужія начала турецкія или цинцарскія? и не выражается-ли тѣмъ просто отпоръ прогрессу и цивилизаціи? На это могъ бы отвѣтить строгій анализъ общественной жизни сербовъ, на что можетъ отважиться только просвѣщенный же сербъ; мы, съ своей стороны, при описаніи того или другого явленія общественной жизни, позволимъ себѣ дѣлать мимоходныя замѣчанія въ видѣ личныхъ наблюденій или догадки.

Въ настоящемъ случаѣ, когда зашла рѣчь о національномъ типѣ Бѣлграда, я не могу не сдѣлать одного замѣчанія и о его политическомъ типѣ. Какъ средоточіе всей сербской интеллигенціи, онъ конечно долженъ бы стоять впереди во всякомъ умственномъ и политическомъ движеніи; такъ по крайней мѣрѣ въ цѣлой Европѣ, гдѣ импульсъ прогрессу во всемъ даютъ главные города. Бѣлградъ, напротивъ, во всякомъ политическомъ движеніи отстаетъ отъ провинціи и, можно сказать, въ рукахъ хитраго правительства служитъ весьма надежнымъ тормозомъ. Это особенно ясно видно на *скупштинахъ* по выборамъ депутатовъ и по самой дѣятельности. Сербская скупштина при Михаилѣ низведена была на степень собранія единственно pro forma: это было нѣчто въ родѣ торжественнаго представленія, которое открывалось и закрывалось княземъ, а на сценѣ фигурировали министры; депутаты же, какъ позванная изъ милости публика, должны были всему рукоплескать. Находились однако люди, которые рѣшались дать другой смыслъ всей этой комедіи и съ своей стороны заявляли правительству желанія и потребности народа и дѣлали предложенія. Всѣ эти желанія и требованія, не входившія въ министерскую программу, выходили изъ среды депутатовъ провинціальныхъ, а отнюдь не отъ бѣлградскихъ. Это можно видѣть изъ печатаемыхъ протоколовъ послѣдней скупштины, бывшей при Михаилѣ въ Крагуевцѣ (1867 г.). Въ нынѣшнемъ году выборы на скупштину показали тоже самое. Провинціи, при всей ихъ бѣдности людьми интеллигентными въ сравненіи съ Бѣлградомъ, выбрали на скупштину по крайней мѣрѣ по одному или по два депутата болѣе или менѣе либеральнаго направленія; Бѣлградъ—ни одного, и высказалъ свое нерасположеніе къ либеральной партіи кулаками и палками. Въ Бѣлградѣ слишкомъ много раболѣпства передъ правительствомъ и нѣтъ свободнаго общественнаго мнѣнія; тогда какъ въ провинціальныхъ городахъ общественное мнѣніе выражается настолько свободно, что не разъ приходило въ столкновеніе со своими мѣстными властями. Въ провинціи больше предпріимчивости во всѣхъ отношеніяхъ. Какой-нибудь ничтожный городишко Лозница, имѣющій едва тысячу душъ жителей, основы-

ваетъ литературно-музыкальное общество, которое устроиваетъ «читалище», покупаетъ очень хорошій домъ съ садомъ, даетъ литературно-музыкальные вечера и театральныя представленія, тогда какъ въ Бѣлградѣ «народное читалище» открыто почти по вынужденію и едва существуетъ; «пѣвческое общество» также существуетъ какъ-то оффиціально. Затѣялъ въ нынѣшнемъ году министръ просвѣщенія воскресныя школы, — первыя отозвались провинціи. Въ провинціи постоянно дѣлаются попытки открыть какой-нибудь заводъ или фабрику. Попытки эти конечно не удаются по недостатку капиталовъ; но въ Ужицѣ (въ южной Сербіи) все-таки открылась фабрика, на которой изготовляютъ косматые ковры и одѣяла, а потомъ она перейдетъ къ сукнамъ, конечно грубымъ, которыя въ настоящее время Сербія покупаетъ изъ Турціи. Всякая идея въ провинціи находитъ отзывъ скорѣе, чѣмъ въ Бѣлградѣ. Въ провинціи я нашелъ больше свободы въ семейныхъ отношеніяхъ и меньше затворничества женщины. Вообще я нахожу, что Бѣлградъ не представитель Сербіи, и въ тоже время не представитель и западной цивилизаціи, какъ напр. у насъ Петербургъ; напротивъ, въ немъ больше чѣмъ гдѣ-нибудь отпоръ западной централизаціи. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время и въ Сербіи система централизаціи сдѣлала такой громадный успѣхъ, такъ опутала сербскій народъ сѣтью полицейской опеки и военной дисциплины, что тѣ начала, которыя по-сю пору еще коренятся въ провинціальной жизни, врядъ-ли въ состояніи будутъ развиться, врядъ-ли въ состояніи будутъ отразить напоръ сверху. Бѣлградъ, какъ пріютъ торговцевъ, не понимающихъ другой цѣли кромѣ эксплуатаціи, и гнѣздо бюрократіи, назначеніе которой быть слѣпымъ орудіемъ правительства, при совершенномъ отсутствіи людей другихъ свободныхъ профессій, сдѣлавшись политическимъ центромъ Сербіи, конечно сильно импонируетъ ей, оказываетъ сильное вліяніе и къ сожалѣнію весьма невыгодное; онъ воспитываетъ, такъ-сказать, Сербію въ своемъ духѣ, въ духѣ спекуляцій, грубаго матеріализма, дерзкаго отпора прогрессу, неуваженія къ идеѣ и наукѣ и самаго непримиримаго политическаго консерватизма. Послѣ этого странно и грустно вспомнить, какъ многіе образованные и благомыслящіе люди Сербіи дрожатъ за какія-то сербскія начала, боясь, чтобъ они не уступили западной цивилизаціи. Неужели все это непремѣнныя свойства сербскаго характера? а еслибъ и были, неужели стоютъ они того, чтобъ ихъ свято хранить?...

Намъ остается сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній о національностяхъ.

Въ сербской конституціи всѣ подданные княжества называются общимъ именемъ сербовъ, и православное исповѣданіе считается господствующимъ. Другія національности и вѣроисповѣданія совершенно не признаются, хотя они вполнѣ терпимы и не дозволяется только религіозная пропаганда въ духѣ другой вѣры. Евреи свободно отправляютъ свое богослуженіе въ своей синагогѣ, которая помѣщается въ частномъ домѣ; католическая община для отправленія своего богослуженія собирается въ домовой церкви при австрійскомъ консульствѣ, а протестантская имѣетъ отдѣльную церковь; для магометанъ, которыхъ здѣсь почти нѣтъ или которые бываютъ здѣсь временно, въ нынѣшнемъ году отдѣлана одна изъ старыхъ мечетей и приглашенъ изъ Босніи ходжа (священникъ) съ муэдзиномъ, которые получаютъ жалованье отъ казны. Евреи имѣютъ два низшія училища: одно для мальчиковъ, другое для дѣвочекъ: въ обоихъ учитель и учительница, обучающіе сербскому языку и другимъ предметамъ,—сербы и пользуются казеннымъ жалованьемъ, а учитель еврейскаго языка и закона получаетъ плату только отъ общины. Греки, какъ ни мало ихъ здѣсь, имѣютъ также свое училище, въ которомъ преподаютъ два учителя; но отъ казны имъ не платится ничего. Протестанты имѣютъ училище при церкви.

Между отдѣльными національностями, какъ по численности, такъ и по давности пребыванія въ Бѣлградѣ, первое мѣсто занимаютъ евреи. Трудно съ точностью сказать, когда они сюда доселились, но во всякомъ случаѣ въ очень давнее время и были постоянными спутниками турокъ. Собственно на Балканскомъ полуостровѣ они живутъ съ начала христіанской эры, по берегамъ и по островамъ Архипелага. Въ IX столѣтіи приняли іудейство авары и жили въ Константинополѣ, въ его окрестностяхъ и на островахъ; въ слѣдующемъ столѣтіи въ одномъ Константинополѣ ихъ было до 40,000. Жили они тамъ особо въ Пиреѣ, отдѣленные отъ остального города рѣкой и морскимъ заливомъ [1]. Въ XI и XII стол. ихъ множество живетъ въ Солунѣ, откуда они ведутъ значительную торговлю на цѣломъ полуостровѣ. Можно допустить, что уже въ то время ихъ торговцы были въ Бѣлградѣ. Въ Болгаріи одно время они играли и политическую роль. Въ 1330 г. погибъ болгарскій царь Михаилъ въ битвѣ съ сербскимъ кралемъ Степаномъ Урошемъ III Дечанскимъ. На его мѣсто вступилъ племянникъ его Іоаннъ-Александръ, который женился на одной еврейкѣ. Жена его конечно предварительно была крещена и названа при крещеніи Ѳеодорой, была благо-

[1] *Ubicini*, Lettres sur la Turquie, стр. 369.

честива и вполнѣ православная, строила церкви и монастыри, но въ тоже время покровительствовала своимъ единоплеменникамъ; евреи при ней взяли такую силу, что сдѣлались бременемъ народу и вызвали негодованіе. Это было время сильнаго распространенія богомильства и множества другихъ сектъ, изъ которыхъ иныя имѣли связь съ іудействомъ. Еретичество зашло такъ далеко, что вызвало серьезныя мѣры со стороны духовной и свѣтской власти. Созванъ былъ соборъ, на которомъ изобличали различныхъ ересіарховъ, при чемъ конечно нераскаявшихся казнили, и составилось рѣшеніе, какъ противъ еретиковъ, такъ и противъ іудеевъ. О послѣднихъ въ «Житіи Ѳеодосія Терновскаго» (въ первой половинѣ XIV столѣтія) сказано: «Царскимъ же и патріаршескимъ и всего собора изволеніемъ написанъ бысть свитокъ, *яко да (іудеи) пребываютъ яко раби, а не яко властели»* *). Въ то время они лишены были всѣхъ гражданскихъ правъ. Такимъ образомъ, въ христіанско-славянскомъ мірѣ они рано подверглись преслѣдованію и лишенію правъ. Совершенно иначе отнеслись къ нимъ турки. Въ продолженіи цѣлаго XV столѣтія, особенно въ концѣ его, евреи подвергались страшнымъ гоненіямъ въ Испаніи и Португаліи, и вслѣдствіе этого стали искать новаго отечества: одни поселились въ Малой Азіи, другіе въ Италіи, гдѣ имъ далъ пріютъ въ Римѣ разсчетливый папа Александръ VI Борджія, а наконецъ, когда турки овладѣли Константинополемъ, множество ихъ стало селиться на Балканскомъ полуостровѣ. Султанъ Баязидъ II принялъ ихъ подъ особое свое покровительство, желая колонизовать ими свои новыя владѣнія въ Европѣ. Онъ далъ имъ полную автономію гражданскую и религіозную, которою они пользуются до сихъ поръ, имѣя даже свой особый судъ. Съ того времени они—неразлучные спутники турокъ и постоянно помогаютъ имъ. Въ 1821 г., во время греческаго возстанія константинопольскіе евреи нѣсколько часовъ волочили по улицамъ трупъ патріарха Григорія и наконецъ, обезобразивъ его, наругавшись надъ нимъ до-сыта, бросили въ море. Въ Солунѣ въ тоже время они охотно становились подъ турецкія знамена и бились противъ грековъ съ страшнымъ ожесточеніемъ. Ихъ связи съ турками отчасти основываются на сходствѣ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ, какъ—обрѣзаніе, неупотребленіе мяса нечистыхъ животныхъ, непризнаваніе иконъ; потомъ ихъ связываетъ одинаковая ненависть противъ христіанской вѣры. Вотъ какъ опредѣляетъ современныя отношенія евреевъ и турокъ Убичини (Lettres etc., стр. 381): «Евреи составляютъ предметъ

*) Чтенія Моск. Общ. 1860, кн. I.

ужаса для турокъ, какъ и для христіанъ. Но турки ихъ не ненавидятъ, не преслѣдуютъ; они только держатъ ихъ въ отдаленіи, какъ отверженныхъ, на которыхъ тяготѣетъ небесное наказаніе. Но если провинились отцы, то не должны за то страдать дѣти; поэтому османли, презирая еврея, давая ему ругательный эпитетъ *чифутъ*, синонимъ *низкаго, скряги*, — никогда его не преслѣдуетъ. Евреи съ своей стороны терпѣливо сносятъ ярмо, которое не имѣетъ ничего ни тягостнаго, ни унижающаго ихъ, потому что оно не допускаетъ никакого различія передъ закономъ между ими и христіанами, допускаетъ ихъ управляться своими собственными законами и сохраняетъ такимъ образомъ за ними нѣкоторую тѣнь національнаго существованія, чѣмъ они не пользуются ни въ одномъ изъ другихъ государствъ».

Къ этому нужно добавить, что турокъ по преимуществу господинъ и нуждается въ хорошемъ слугѣ, а еврей этой потребности вполнѣ удовлетворяетъ, потому что въ цѣломъ свѣтѣ, кажется, нѣтъ людей болѣе услужливыхъ и болѣе ловкихъ для того, чѣмъ евреи. Еврей любитъ турка еще за то, что онъ по своей недѣятельности никогда не можетъ быть его конкуррентомъ. Совсѣмъ иныя отношенія къ христіанамъ, которые меньше нуждаются въ ихъ услугахъ и, что касается торговли, сами не терпятъ конкурренціи. Грекъ въ этомъ отношеніи главный конкуррентъ еврея и потому имъ трудно уживаться вмѣстѣ. Сербъ также не плохой торговецъ: ни къ чему онъ не чувствуетъ такой склонности, какъ къ торговлѣ; въ Сербіи скоро, кажется, торговцевъ будетъ больше чѣмъ земледѣльцевъ. На этомъ пути сербы постоянно сталкиваются съ евреями, которые, кромѣ торговли, никакой другой профессіей не заняты.

Большая часть евреевъ, живущихъ въ Бѣлградѣ, испанскаго происхожденія, судя по языку, а судя по физіономіямъ можно предполагать, что въ кровь ихъ много вошло отъ аваровъ, принявшихъ іудейство и сильно размножившихся въ Константинополѣ. Сравнивая ихъ съ нашими или, вѣрнѣе, съ польскими евреями, я нахожу нѣкоторую разницу не въ одной физіономіи, но и во многомъ другомъ (я разумѣю конечно однихъ простыхъ евреевъ). Бѣлградскій еврей смотритъ вообще степеннѣе: въ немъ нѣтъ тѣхъ ужимокъ, нѣтъ ни крайне заискивающей, ни спѣсивой манеры; онъ держится ровнѣе и съ бо́льшимъ достоинствомъ; въ ихъ говорѣ меньше шепелявыхъ и гортанно-картавыхъ звуковъ, потому они чище говорятъ на всякомъ иностранномъ языкѣ; въ ихъ костюмѣ и въ манерѣ вообще меньше особенностей, которыя рѣзко отличали бы ихъ отъ остального населенія. Замѣчательно, что въ концѣ января, во время ихъ праздника,

продолжающагося дня три, по вечерамъ въ ихъ домахъ даются шляющимися масками театральныя представленія изъ сербской исторіи, напр.: «Смерть Мурата», «Построеніе Раваницы» или «Скадра», причемъ сюжетъ берется обыкновенно изъ народныхъ пѣсенъ. Національнаго или религіознаго антагонизма между евреями и сербами нѣтъ; но за то сильна конкурренція торговая, и въ этомъ отношеніи евреи терпятъ ограниченія.

Милошъ Обреновичъ цѣнилъ ихъ заслуги, успѣлъ ими пользоваться и давалъ имъ полную свободу торговли по всей Сербіи; онъ былъ настолько твердъ характеромъ, что не уступалъ требованіямъ туземныхъ торговцевъ, которые всегда добивались ихъ ограниченія. Однажды проѣзжая по Пожаревцу и видя, что вмѣстѣ съ сербскими заперты и еврейскія лавки по случаю воскресенья, онъ на отрѣзъ запретилъ это имъ допускать подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ и сербы запирали свои лавки во время еврейскаго шабаша. Александръ Карагеоргіевичъ былъ настолько слабъ, что, еслибъ и желалъ ради своихъ кое-какихъ выгодъ оказать имъ покровительство, былъ не въ состояніи поддержать ихъ и долженъ былъ, уступая народному требованію, издать указъ, которымъ евреямъ запрещалось торговать во внутренности Сербіи. При возвращеніи Милоша въ 1858 г., евреи также возвратились-было въ свои прежнія жилища внутри Сербіи, но при Михаилѣ они снова ограничены. Нѣсколько евреевъ живутъ еще въ Пожаревцѣ и въ Шабцѣ, но право это не распространяется на ихъ потомство. Во внутренности Сербіи они могутъ быть только какъ ремесленники. Во время бомбардированія Бѣлграда въ 1862 г. они пострадали больше всѣхъ, потому что жили на дартюлѣ, въ части самой близкой къ крѣпости. По удаленіи съ дартюла всѣхъ турокъ, сербы заняли его, какъ самый важный пунктъ для дѣйствій противъ крѣпости, а турки также больше всего обстрѣливали эту часть, потому что тамъ засѣли сербы. Съ того времени евреи не могутъ еще вполнѣ оправиться, а нѣкоторые, перейдя на австрійскую сторону, уже больше не возвращались. Большого значенія въ торговлѣ Сербіи евреи не имѣютъ.

По числу за евреями слѣдуютъ чехи, во всѣхъ возможныхъ профессіяхъ. Чеха вы найдете здѣсь профессоромъ, лекаремъ, фотографомъ, архитекторомъ, артиллеристомъ, инженеромъ, въ войскѣ отъ солдата до майора, въ военномъ оркестрѣ (гдѣ они составляютъ большинство), на пивоваренномъ заводѣ, въ типографіи, въ различныхъ ремеслахъ, садовникомъ, поденщикомъ. Многіе живутъ здѣсь давно, имѣютъ состояніе и оказываютъ нѣкоторое покровительство своимъ вновь прибывающимъ землякамъ.

Одинъ изъ нихъ, Байлюни, имѣетъ гостинницу, въ которой по преимуществу собираются чехи, и потому онъ извѣстенъ здѣсь подъ именемъ *чешскаго консула*, у котораго вы найдете всегда хорошее пиво, порядочное вино и простыя, но очень вкусно изготовленныя кушанья. Въ нынѣшнемъ году они основали «чешскую бесѣду», въ которой есть уже около 100 чеховъ членовъ. Нельзя не питать глубокаго уваженія къ этимъ людямъ; и многіе изъ нихъ оказали уже весьма важныя услуги сербскому народу.

Между ними извѣстно уже нашей публикѣ имя Янка Шафарика, библіотекаря и хранителя народнаго музея. Я не стану говорить о его ученыхъ заслугахъ, которыя достаточно оцѣнены г. Ламанскимъ въ его брошюрѣ «Сербы въ княжествѣ и въ Австріи» (1864 г.); замѣчу только, что навыкъ разбирать старыя надписи у него доведенъ до удивительной степени; библіотека и музей, можно сказать, если не имъ созданы, то въ настоящее время имъ только и держатся; а каждый занимавшійся въ нихъ безъ сомнѣнія вспомнитъ его съ особенною благодарностью за то радушіе, съ какимъ онъ принимаетъ всякаго серьезно-интересующагося его дѣломъ, и за ту готовность, съ какою онъ отдаетъ въ ваше распоряженіе не только то, что находится въ народной библіотекѣ-музеѣ, но и изъ библіотеки своей собственной; что касается славистики, онъ въ ней большой знатокъ и въ Сербіи почти единственный. Жаль только, что для ученой дѣятельности онъ рѣшительно не имѣетъ досуга, потому что на немъ лежитъ обязанность вести всевозможные каталоги и записки. Музей и библіотека на одномъ человѣкѣ! Это можете найти только въ Сербіи, и потому можете судить, въ какомъ неуваженіи здѣсь наука.

За нимъ слѣдуетъ упомянуть подполковника Заха, который въ 1848 г. съ волонтерами бился противъ мадьяръ, а потомъ, когда увидѣлъ, какъ поступаетъ съ нимъ австрійское правительство, оставилъ свое отечество, поступилъ на сербскую службу и съ тѣхъ поръ всю свою дѣятельность посвятилъ Сербіи: имъ устроена военная академія въ Бѣлградѣ и ему обязаны своимъ образованіемъ многіе лучшіе офицеры Сербіи. Сербское правительство по своей манерѣ помыкать людьми, три раза отрывало его отъ академіи и давало другія порученія,—то устройство оружейной фабрики въ Крагуевцѣ, то изслѣдованіе лучшаго направленія дорогъ, которыя служили бы стратегическимъ цѣлямъ и т. п. Въ нынѣшнемъ году онъ снова назначенъ директоромъ академіи, и это обрадовало всю учащуюся молодежь. Г. Ганъ, путешествовавшій по Турціи и издавшій описаніе пути отъ Бѣл-

града до Солуна съ картою, значительною долею труда обязанъ Заху.

Г. Нѣмецъ, о которомъ я упомянулъ въ началѣ статьи, не только приноситъ Сербіи огромную пользу своею собственной паровой мельницей, которая находится близъ Бѣлграда при потокѣ Мокромъ-Лугѣ, но еще устроилъ мельницу на р. Млавѣ по порученію сербскаго правительства, которая находится также въ его распоряженіи и приноситъ значительный доходъ казнѣ.

Между лекарями лучшею репутаціею пользующіеся Мишинъ, Валента и Голецъ—также чехи. Изъ нихъ Валента очень много дѣлаетъ, какъ управитель городской больницы. Кромѣ того, онъ имѣетъ замѣчательное собраніе картинъ, эстамповъ, гравюръ, фотографій и иллюстрированныхъ изданій, касающихся въ особенности славянскихъ земель, и интересующимся онъ показываетъ его съ большою готовностью.

Наконецъ нѣсколько словъ скажу о полякахъ, которыхъ здѣсь такъ мало, что объ нихъ нечего было бы и говорить, еслибъ меня не обязывала къ тому необходимость изобличить ложь, пронесенную на счетъ ихъ въ одной изъ корреспонденцій «Голоса» въ прошломъ году, писанной *будто бы* изъ Бѣлграда. Тамъ говорится о какой-то польской агитаціи противъ Россіи въ Бѣлградѣ, о ихъ вліяніи на сербскую политику и т. п. несообразности, которыя никакъ не могли бы попасть въ извѣстіе, еслибъ оно дѣйствительно писалось изъ Бѣлграда. Поляковъ въ Бѣлградѣ всего человѣкъ 10, изъ числа которыхъ одинъ переводчикомъ при французскомъ консульствѣ, человѣкъ совершенно невинный, неимѣющій ровно никакого политическаго значенія, живущій съ нашимъ консульствомъ въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ, и написавшій всего-на-все одну французскую брошюрку, по поводу восточнаго вопроса; остальные—медики, давно живущіе въ Сербіи и совершенно устранившіеся отъ политики, и оффиціальнаго положенія ни одинъ изъ нихъ не занимаетъ; два трубочиста, одинъ слесарь и ламповщикъ, одинъ сапожникъ, есть, можетъ быть, еще между простыми рабочими, но имъ конечно никто не станетъ приписывать никакого политическаго значенія; три поляка было проѣздомъ, профессіи которыхъ точно не знаю, но слѣдствій ихъ проѣзда не оказалось никакихъ, и замѣчены они единственно потому, что въ Бѣлградѣ всѣ знаютъ другъ друга въ лицо и ни одинъ вновь прибывшій скрыться не можетъ. Во внутренности Сербіи также есть нѣсколько поляковъ лекарей. Между лекарями, въ Бѣлградѣ, Клинковскій пользуется репутаціею лучшаго врача въ дѣтскихъ болѣзняхъ и вообще какъ человѣкъ, который никогда не откажетъ помочь; другой тамъ же

постоянно даромъ лечитъ студентовъ и гимназистовъ, а еще одного мнѣ самому приводилось приглашать къ бѣднымъ людямъ, и я всегда находилъ у него самое горячее участіе. Во время путешествія по Сербіи мнѣ случилось тяжело захворать въ одномъ городкѣ, гдѣ былъ докторъ полякъ, когда-то сосланный въ солдаты на Кавказъ на 12 лѣтъ. Въ воспоминаніе того, что онъ въ то время былъ обласканъ русскими на Кавказѣ, онъ страшно обрадовался мнѣ, какъ русскому, не допытываясь, кто и что я, принялъ къ себѣ на квартиру и ухаживалъ такъ, какъ за самымъ близкимъ ему человѣкомъ.

Вотъ вамъ и весь національный составъ Бѣлграда. О цинцарахъ и болгарахъ я не говорю ничего, потому что они составляютъ съ сербами почти одно. Болгары въ окрестностяхъ Бѣлграда занимаются огородничествомъ, да и по цѣлой Сербіи они, кажется, единственные огородники. Многіе занимаются торговлей, одинъ коммиссіонерствомъ, одинъ хорошій живописецъ и при князѣ Михаилѣ былъ чѣмъ-то въ родѣ дворецкаго, одинъ имѣетъ очень порядочную фотографію и кромѣ того занимается иконописаніемъ, одинъ лучшій портной — и всѣ они самоучки; многіе занимаются постройками; и наконецъ два воеводы—бывшіе гайдуки, имена которыхъ громки въ Балканѣ. Цинцары, подобно болгарамъ, занимаются постройками и торговлей, но особенная ихъ профессія —содержаніе *механъ* (гостинницъ), и вездѣ по внутренности Сербіи содержатель гостинницы непремѣнно цинцаръ. И надо отдать имъ справедливость, что они это дѣло умѣютъ вести лучше сербовъ. Правда, нерѣдко встрѣчаются у нихъ мелкія плутни, такъ что у сербовъ вошло въ поговорку «*цинцарски посо*» (цинцарская работа), что значитъ: кое-какъ, только бы деньги взять,—но что же дѣлать, когда тамъ вся почти торговля не чужда разнаго рода продѣлокъ?.. За то между ними есть нѣкто *киръ* [1]) Таса, содержатель кофейни на *малой піяцѣ* (малый базаръ) близъ Савы, человѣкъ необыкновенно честный и вполнѣ независимаго характера: для него все равно, будь какой угодно важный чиновникъ или простой человѣкъ; у него всегда найдете хорошее пиво и утромъ отличный кофе съ густыми сливками, чего въ другихъ мѣстахъ нигдѣ нѣтъ. Я упомянулъ о независимости характера, потому что эта черта въ Бѣлградѣ необыкновенная рѣдкость.

Еще живутъ въ Бѣлградѣ 26 семействъ цыганъ, которые занимаются кузнечнымъ и слесарнымъ ремесломъ, ловлею рыбы

---

[1]) *Киръ* отвѣч. серб. *газда* — господинъ, хозяинъ.

удочкой, и они же на всѣхъ свадьбахъ, пирахъ и другихъ торжественныхъ случаяхъ постоянные музыканты и пѣвцы. Въ Бѣлградѣ ихъ бываетъ постоянно больше, но тѣ всѣ временные жители изъ внутренности Сербіи или изъ Турціи. Между ними рѣзко различаются два типа: одни смуглые съ европейскими чертами лица, другіе почти черные съ синеватымъ отливомъ, съ толстыми губами и всѣми чертами лица напоминаютъ эѳіопскій типъ.

Загляните вы въ сербское регулярное войско и вы тамъ найдете навѣрное людей изъ Старой Сербіи, Болгаріи, Македоніи, Черногоріи и изъ австрійско-венгерскихъ земель. Въ прошломъ году была цѣлая рота, состоявшая изъ однихъ болгаръ, но они разошлись; и теперь однако есть одна рота, состоящая изъ однихъ почти иностранцевъ. Въ жандармахъ большую часть, кажется, составляютъ иностранцы. Есть наконецъ цѣлая канцелярія, состоящая почти изъ однихъ далматинцевъ: она состоитъ въ вѣдѣніи извѣстнаго своей репутаціей Бана.

Очень мало здѣсь валаховъ, хотя ихъ въ цѣлой Сербіи довольно много (больше 100,000).

Несмотря на такое разнообразное смѣшеніе народностей и типовъ, все это сливается подъ однимъ общимъ именемъ сербства.

Перейдемъ теперь къ общественной жизни въ Бѣлградѣ.

П. Ровинскій.

БОЛЬШАЯ МЕДВѢДИЦА

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ*).

I.

Верховской рано поднялся на другой день и, къ великому удивленію немногихъ проснувшихся въ гостинницѣ, ушелъ за городъ, въ поле. Въ воздухѣ было влажно, отъ земли пахло зеленью и первыми цвѣтами; вдали гудѣли ранніе колокола, надъ молодой рожью звенѣли жаворонки, тѣни были сизыя, луга розовые; два бѣленькія облачка таяли на темноголубомъ западѣ. Съ пригорка былъ видѣнъ весь городъ, почти красивый издали, въ туманѣ, въ деревьяхъ. Верховской не оглянулся на него. Ему хотѣлось уйти все дальше, хотѣлось все больше воздуха, простора, точно хотѣлось взять всего этого разомъ за цѣлые годы...

Поѣздка въ деревню вызвала у него новое чувство, или, вѣрнѣе, пробудила чувство очень старое, замятое, заглохшее, неизвѣданное болѣе десятка лѣтъ: на него пахнуло простотой, свободой, какой-то правдой жизни. Послѣднія впечатлѣнія отошли куда-то далеко и въ широкомъ кругѣ свѣта, который разростался въ памяти, замелькали весенніе прошлые, праздничные дни, выплыли образы трогательно-веселые какъ дѣтство, яркіе какъ мечты ранней юности, дорогіе, какъ лучшее что̀ дала жизнь. Онъ подумалъ, какъ много ушло годовъ, и сожалѣніе, которое въ юношѣ удвоиваетъ жадность желаній, примѣшивая къ нимъ поспѣшность и тревогу, удвоиваетъ прелесть наслажденія,—сожалѣніе прошло холодомъ по душѣ тридцатилѣтняго человѣка.

---

*) См. выше, мар. 5 стр.

Юность вспоминаетъ смутно, разомъ, счастіе и горе; безпечность и нѣжность сердца, отвага и надежда даютъ силы для прощенія и забвенія; негодованіе еще не застыло до ненависти; молодое нетерпѣніе не можетъ долго останавливаться на докучныхъ образахъ. Но въ половинѣ жизни, человѣкъ выучился разбирать, умѣетъ выждать, привыкъ къ оглядкѣ. Тò, что вдругъ и разомъ охватываетъ его душу, черезъ минуту становится предъ нимъ раздѣльными явленіями; онъ даетъ каждому свое мѣсто, оцѣниваетъ каждое, считаетъ, приводитъ въ порядокъ. Оцѣнивъ прошлое счастіе, онъ проклинаетъ до отчаянія; вспомнивъ горе, онъ ищетъ виноватыхъ. Со всѣхъ сторонъ слетается, толпится, тѣснится все, что называется отношеніями, обстоятельствами,— эти житейскія ежедневныя мученія, мелкія и заставляющія мельчать, безсмысленныя и отупляющія смыслъ, безчувственныя и убивающія чувство. Всѣ они отчетливо и аккуратно будто докладываютъ о себѣ, будто хвастаются сколько унесли чистоты и силы изъ этого измученнаго сердца, которое, нечаянно вспомнивъ какую-нибудь годовщину, вздумало заглянуть въ свое прошлое.

Верховскому вспомнилось очень далекое; какъ однажды, студентомъ, пошелъ онъ рано утромъ съ товарищами на Воробьевы-Горы; какъ, лежа надъ обрывомъ, гдѣ заростаютъ развалины заложеннаго храма, они, молодые люди, толковали объ искусствѣ; какъ ихъ прервалъ выстрѣлъ и напротивъ, черезъ долину, надъ холмомъ поднялось бѣлое облако; тамъ шло артиллерійское ученье...

«А что дѣлается теперь въ Петербургѣ?» вдругъ сказалось въ головѣ Верховскаго.

Онъ остановился. Настоящее перегородило дорогу воспоминанію.

«Петербургъ.... Изъ газетъ ничего не узнаешь. Хоть-бы написалъ кто-нибудь... Но кто напишетъ? Развѣ этихъ людей занимаетъ что-нибудь, кромѣ ихъ собственнаго положенія... Но еслибъ и написали—разскажутъ только оффиціальное, видимое, а если еще съ своими воззрѣніями, — ну, и вовсе хуже!... Хотѣлось-бы знать, видѣть что-то другое.... Что другое? Вотъ вопросъ!... Не повернуть-ли, вонъ, туда, въ слободу, зайти въ первую избу, разсказать новости, спросить мнѣнія... Мнѣнія! Когда его нѣтъ и въ N-скомъ клубѣ!...»

«А вѣдь есть люди! сказалъ онъ почти вслухъ, оглядываясь на широкое пространство открытое кругомъ.—Градъ, говорятъ, праведниками спасается. Должны быть люди, въ которыхъ живо сознаніе, которые въ настоящемъ видятъ не одну нужду да новость... Далеко запрятались эти люди!»

Онъ захотѣлъ остановиться на мелькнувшей мысли, припомнить этихъ *живыхъ* людей, встрѣченныхъ мимоходомъ, случайно, какъ-то затерявшихся потомъ, или вовсе пропавшихъ изъ общества; припомнить другихъ, тѣхъ, съ которыми, юношей, онъ сбирался вмѣстѣ выйти на жизненную дорогу и съ которыми давно, охотой, разстался. Воспоминанія были смутны, отрывочны. Впереди ихъ, заслоняя ихъ, все выступала собственная личность, собственныя неудовлетворенныя стремленія. Разбирая строго, приходилось раскаяваться, потому что праздныя руки и голова, тупѣвшая въ свѣтскомъ чаду, не искали никакъ приложить этихъ стремленій къ дѣлу. Но это все-таки мучило. Какъ многіе, Верховской вмѣнялъ себѣ въ достоинство эту праздную муку.

Въ настоящую минуту, ко всему скучно томящему, прибавилось особенное отвращеніе поселиться въ N. Верховскому вдругъ стало жаль Петербурга. Ему вдругъ показалось, что тамъ для него нашлись-бы люди. Память ясно и въ ту же минуту подсказала ему, что, слишкомъ въ десять лѣтъ, онъ ихъ себѣ не выбралъ.

«Уѣду одинъ, буду служить, подумалъ онъ рѣшительно: — буду свободенъ...»

А трое дѣтей? А жена?

«Влюбленная ни больше, ни меньше какъ въ первые мѣсяцы замужства! сказалъ онъ себѣ съ горечью. И разлуки нельзя объяснить даже необходимостью: *наше* состояніе такъ велико! Скандалъ!... Попробуй я явиться безъ Лидіи Матвѣевны—дядюшка Каруцкій устроитъ, что меня выгонятъ изъ службы. Тогда что́? Да ужъ лучше, не дожидаясь, записаться, вотъ, хоть въ этотъ полкъ, что идетъ на Дунай. Вѣдь спасскіе мужики бѣгали-же отъ своей помѣщицы на царскую службу... У меня тоже помѣщица... Какой вздоръ! прервалъ онъ себя, когда нелѣпости одна за другою затолпились у него въ головѣ.»

Онъ взглянулъ на часы; утро было въ половинѣ. Онъ повернулъ въ городъ.

По узкой дорогѣ показалась маленькая коляска и чрезъ минуту промчалась мимо него; онъ едва успѣлъ посторониться. Въ коляскѣ была дама; Верховской увидѣлъ развѣвающійся розовый вуаль и услышалъ восклицаніе удивленія, относившееся, безъ сомнѣнія, къ нему. Его узнали; онъ не узналъ и вообще такъ мало занимался N-скими дамами, что не обратилъ вниманія на эту встрѣчу. Онъ воротился домой, усталый. Въ городѣ было душно, особенно воротясь съ поля; все, что на сердцѣ было вызвано свѣжести, исчезло тоже. Верховской прилегъ на диванъ.

Въ гостинницѣ приходили и уходили, пріѣзжали и уѣзжали; въ отворенныя окна чаще сталъ раздаваться скрыпъ возовъ, стукъ колесъ; городъ совсѣмъ проснулся.

Верховскому пришло на мысль, что никогда еще не былъ онъ такъ наединѣ самъ съ собою, какъ въ это послѣднее время. Полный просторъ для мысли, для воспоминаній; ни заботы, ни помѣхи; полная свобода для выбора занятій, людей, отношеній... И что жъ, въ самомъ дѣлѣ, дѣлается въ душѣ? или она такъ близорука, или она такъ прихотлива, что не видитъ чтò выбрать, не находитъ къ кому привязаться? или такъ втянулась въ общепринятое, въ общеизвѣстное, что не умѣетъ и придумать ничего кромѣ какого-нибудь визита со шляпой въ рукѣ, какого-нибудь разговора въ родѣ тѣхъ, что велись и ведутся тысячи разъ и отъ которыхъ одно впечатлѣніе — туманъ въ головѣ и усталость груди? Вѣдь это называется старость. Это значитъ въ конецъ прожить все, что́ было отпущено живого огонька. Что-жъ испытано?...

Рядомъ въ номерѣ, за стѣной, происходила радостная встрѣча. Къ пріѣзжему пришли друзья, обнимались, цѣловались. Верховской невольно узналъ разные секреты, о которыхъ говорилось громко. Громко считались расходы; гостинница оказалась дорога; друзья увели друга къ себѣ.

«А я-то издерживаю втрое! думалъ Верховской: — и хоть бы одинъ разъ обрадовался, когда отворялась моя дверь!... Нѣтъ, хуже: радовался—развлеченію отъ нечего дѣлать!»

Ему становилось стыдно. Ему хотѣлось уже не крѣпкаго сродства души, не братскаго раздѣла убѣжденій, замысловъ и надеждъ, не жаркаго сочувствія, не отвѣта на всякое сомнѣніе, не утѣшенія во всякой тревогѣ, — даже не той образованной бесѣды, которая увлекаетъ тихо, безъ волненій, проникаетъ глубоко, укрѣпляетъ, доставляетъ уму свѣтлый, спокойный праздникъ. Ему хотѣлось хоть-бы простого, пошлаго часа въ кружкѣ у самовара, гдѣ-бы неприхотливо хохотали вздору, гдѣ-бы радовались заработанному грошу, махнувъ рукой на заботы завтрашняго дня, гдѣ бы искренно не помнили обидъ, гдѣ-бы любили другъ друга, не спрашивая за что́, по простой причинѣ, что сошлись вмѣстѣ....

Онъ вдругъ вспомнилъ, *что̀* у него было когда-то; вспомнилъ долгія бесѣды, вспомнилъ жизнь за одно, — разумъ, любовь и радость.... У него затуманило въ глазахъ; что-то горячее сжало ему горло.

— Что жъ это я съ собой дѣлаю? сказалъ онъ, и всталъ.

Съ нимъ случалось то́, что часто бываетъ: его раннее утро,

какъ говорится, сошло на позднее. Было ужъ около полдня. Верховской еще не началъ дня, ничего не дѣлалъ; но дѣлать было нечего и онъ очень равнодушно замѣтилъ эту потерю времени. Онъ сталъ читать какое-то путешествіе, захваченное съ собой изъ Петербурга. Чтеніе не заняло. Бросивъ книгу, онъ смотрѣлъ на ея переплетъ, на номеръ и названіе магазина на немъ выбитые. Книга была абонирована; у Верховскаго недоставало собственныхъ денегъ на покупку книгъ. Онъ подумалъ, что въ деревнѣ это будетъ еще затруднительнѣе.

— А, чортъ-бы побралъ эту деревню, проговорилъ онъ, потянулъ къ себѣ бумагу, обмакнулъ перо въ чернильницу и сталъ писать:

— «Покупка Спасскаго, Лидія, безумное дѣло; я докажу это цифрами. Но хуже всѣхъ невыгодъ—нравственныя мученія, которыя придется выносить въ этой трущобѣ. Нищета и недовольство крестьянъ важны не въ одномъ отношеніи покорности и исправнаго платежа оброка. Я не могу жуировать жизнью, когда кругомъ меня голодаютъ, и не обладаю способностью усмирять....»

Его прервалъ стукъ въ дверь. Ему подали письмо. Оно было опять отъ Лидіи Матвѣевны, опять изъ нѣсколькихъ листковъ четкимъ почеркомъ въ-клѣтку.

— «Я убѣждаюсь, что мое здоровье, мое спокойствіе, мои желанія, мои заботы о моихъ дѣтяхъ въ твоихъ глазахъ ничего не значатъ: я не получаю даже отвѣта на мои письма! Изъ N въ Москву почта два раза въ недѣлю, и еслибы ты озабочивался отдать письмо съ вечера наканунѣ....»

Подробности разсчета прихода и отхода почты и наставленія по этому поводу.

— «Я изнываю здѣсь. День въ гостинницѣ обходится иногда до десяти рублей. Ты, безъ сомнѣнія, тратишь не меньше, хотя и одинъ. Хорошо еще, что я заранѣе предупредила кузину Annette, что въ Москвѣ я не беру на себя ея расходовъ. Въ деревнѣ, когда она будетъ заниматься съ дѣтьми музыкой и англійскимъ языкомъ, она можетъ жить на мой счетъ; я такъ ей обѣщала. M-lle Роше тоже объявляетъ разныя претензіи, и все это я должна выносить, потому что тебѣ неугодно не только позаботиться, но даже обратить вниманіе на мои требованія. Кажется, они не огромны! Я хочу только, чтобъ была скорѣе куплена деревня, за которую не тебѣ расплачиваться. Если это даже и прихоть, я могу ее себѣ позволить. Не думаю, чтобы я много и часто озабочивала тебя своими прихотями; немного найдется женщинъ менѣе меня требовательныхъ и болѣе снисходительныхъ.

Но я очень хорошо понимаю причины твоего молчанія: у тебя нашлись заботы болѣе по вкусу и характеру; ты пользуешься первой разлукой, ты на свободѣ,—кстати, и средства у тебя въ рукахъ. Это совершенно въ порядкѣ вещей!!! Но честно-ли это....»

— А ты стóишь, чтобъ я воспользовался.... выговорилъ Верховской, закусивъ губы.

Въ дверь стукнули.

— Войдите, сказалъ онъ.

Вошелъ Лѣсичевъ.

— Заняты? Я мѣшаю? Здравствуйте.

— Здравствуйте. Нѣтъ, не помѣшали. Я писалъ женѣ. Еще успѣю.

Лѣсичевъ почти всегда бывалъ въ пріятномъ настроеніи; онъ разсмѣялся.

— Извините, Андрей Васильевичъ! Еслибъ я васъ не зналъ за человѣка серьезнаго.... Пожалуйста, извините! Какъ вы это сказали «еще успѣю!...»

— А чтó?

Хотя это было сказано очень равнодушно, но Верховской казался не въ духѣ. Лѣсичеву хотѣлось пошутить и шутка вдругъ показалась неловка. Онъ перемѣнилъ тонъ.

— Такъ вы пишете вашей женѣ.... Давно вы женаты, Андрей Васильевичъ?

— Почти двѣнадцать лѣтъ.

— Стало-быть, вы были очень-молоды, когда....

Лѣсичевъ замялся.

— Договаривайте, вскричалъ Верховской, расхохотавшись, конечно не отъ веселья, какъ принялъ это гость:—договаривайте, вѣдь я вижу, чтó у васъ на умѣ! Ну, да, я прямо съ школьной скамейки сѣлъ на цѣпь. Вамъ это хотѣлось спросить?

— Да. Но не такъ рѣшительно, отвѣчалъ Лѣсичевъ, ужъ улыбаясь.

— Почему же нѣтъ? Такой простой вопросъ.

— Да, простой, для кого женитьба не цѣпь.

— Разумѣется.

Лѣсичевъ задумался, немного помолчалъ и вдругъ спросилъ, будто рѣшаясь:

— Вы были, должно-быть, очень сильно влюблены?

— Должно быть, повторилъ Верховской.

— Извините.... Мнѣ необходимо это знать.

— Я тоже имѣю право спросить, на чтó? ради любознательности?

— Нѣтъ, отвѣчалъ серьезно Лѣсичевъ. Нѣтъ, повторилъ онъ,

вставъ, прохаживаясь, задумываясь и слегка улыбаясь: — нѣтъ; для меня это очень важно.

Онъ ждалъ, что его спросятъ почему, но Верховской не спросилъ; ему стало скучно.

— Вотъ, чтó, продолжалъ Лѣсичевъ, впадая въ настроеніе свойственное людямъ мало думающимъ, когда имъ вдругъ кажется умѣстно и душевно-необходимо болтать о своихъ чувствахъ— истинныхъ или воображаемыхъ, все равно, но занимающихъ, потому что случаются они рѣдко. Вотъ, чтó, Андрей Васильевичъ,—я сбираюсь жениться! Le grand mot est dit.

— Въ добрый часъ, отвѣчалъ Верховской, глядя въ окно.

— Нѣтъ, право? Скажите не шутя.

— Да не шутя, повторилъ Верховской, которому стало какъ-то свѣтски совѣстно своей невнимательности. Извините, я васъ мало знаю; что-жъ я могу сказать другого? Если вы любите....

— Я не влюбленъ.

— Въ такомъ случаѣ....

— Видите, чтó.... Она.... эта особа хороша собою, а здѣсь, въ N я одинъ это нахожу. Марья Васильевна Волкарева къ этому привязалась и хлопочетъ.... Вы, я думаю, имѣли время разсмотрѣть Марью Васильевну. Ея страсть устроивать что-нибудь или кого-нибудь. Она непокойна, если кругомъ ея кто-нибудь покоенъ; у служащихъ должны быть къ ней просьбы, у неслужащихъ—«исторіи»; у женатыхъ—драмы, у неженатыхъ—сердечныя тайны. Ну, признаюсь вамъ, продолжалъ онъ, примѣтивъ невольную улыбку Верховскаго и оживляясь:—я больше изъ того и сталъ расхваливать красоту mademoiselle.... этой молодой особы, чтобъ Марья Васильевна перестала воображать меня своимъ обожателемъ. Она еще долго принимала все это за dépit amoureux, покуда убѣдилась....

— Что васъ надо женить и потомъ вообразить у васъ семейную драму? прервалъ, смѣясь, Верховской.

— Очень возможно! отвѣчалъ, смѣясь, Лѣсичевъ. — Ну-съ, что-же мнѣ дѣлать?

— Почему-жъ я знаю? Вы говорите, что эта дѣвушка хороша собою...

— Да, интересна. Признаюсь, я преувеличивалъ мое восхищеніе, но... хороша. Немножко грубо хороша, но не подумайте, чтобъ какъ-нибудь вульгарно.... Это трудно объяснить. Свѣтской граціи не ищите.... а между тѣмъ, граціозна, совсѣмъ особенно.... Нѣтъ, она точно мнѣ нравится.

— Ну, что-жъ, въ добрый часъ; вы влюблены.

— Нѣтъ. Я втянулся.

Верховской слушалъ, полу-скучая, полу-занимаясь, эту болтовню, незатрогивающую сердца и наполняющую время. Ощущеніе привычное. Покуда оно заглушало собственное тяжелое чувство. Верховской закурилъ и протянулъ сигары гостю.

— Скажите мнѣ, Андрей Васильевичъ, продолжалъ Лѣсичевъ, усаживаясь покойно:—позвольте спрашивать откровенно... женясь такъ рано, вы не раскаявались? вы не жалѣли о вашей свободѣ?

— Почему?

— Вы ни въ кого не были влюблены?... Извините!

— Ни прежде, ни послѣ женитьбы.

— Вы счастливецъ!... Въ самомъ дѣлѣ, вы не можете подать совѣта. Вы сразу устроили себѣ жизнь. Я.... Мнѣ двадцать-семь лѣтъ. Я пожилъ. У меня требованія, образъ мыслей... Все это что-нибудь да значитъ! не легко разстаться.

— Но вы сколько-нибудь знаете образъ мыслей этой дѣвушки?

— Кто ихъ узнаетъ!... Впрочемъ, пожалуй, немного знаю.

Онъ задумался; Верховской задумался тоже.

— Вы нынче гуляли рано утромъ? вдругъ спросилъ Лѣсичевъ.

— Да. Вамъ сказали?

— Марья Васильевна.

Лѣсичевъ засмѣялся.

— Да, я встрѣтилъ какую-то даму. Это она?

— Она ѣздила на дачу, гдѣ предполагается балъ. Офицерскій, что вчера придумали. Она хозяйкой, такъ ѣздила осматривать залу и прочее; кстати, пьетъ воды,—для прогулки.

— Но ночью можно голову сломать на этой дорогѣ.

— Есть другая, широкая; ее къ балу чинятъ, равняютъ. Теперь народу довольно, рекруты; дѣлать имъ нечего.... Вы будете?

— На балѣ? Я ни съ кѣмъ незнакомъ изъ военныхъ.

— Но кто-же,—никто незнакомъ. И я незнакомъ. Сегодня, у Марьи Васильевны встрѣтилъ двоихъ, такъ говорилъ съ ними.

— Сегодня? развѣ ужъ такъ поздно?

— Нынѣшній день начался рано, отвѣчалъ наставительно Лѣсичевъ. Воротясь съ рекогносцировки, моя непосредственная начальница вытребовала къ себѣ черезъ полковника отрядъ пѣхоты для распоряженій о балѣ, но, видя, что пѣхота ничего не понимаетъ, послала за мной. Я, сколько могъ, позабавился. Придумали разныхъ затѣй и поручили этимъ господамъ доставать и устроивать. Славный балъ будетъ, увидите.

— Полагаю, что не увижу, отвѣчалъ лѣниво Верховской.

— Вы обидите, возразилъ Лѣсичевъ, уговаривая, будто его самого обидѣли.

— Сохрани Богъ; вовсе этого не желаю.

— Такъ что-жъ за причина? Приглашаютъ не военные, а Марья Васильевна.... Знаете, не хорошо.... это объяснять, что вы хотите оригинальничать, отчуждаться отъ общества....

— Разберемте логически, прервалъ Верховской, смѣясь его озабоченному тону: — мы не можемъ отчуждаться отъ того, къ чему не принадлежимъ; а такъ какъ я самъ такой же проѣзжій, какъ эти военные....

— Только не проговоритесь, не скажите этого при Марьѣ Васильевнѣ! вскричалъ, захохотавъ, Лѣсичевъ: — она васъ поймаетъ на словѣ! *Перелетныя птицы*,—она ужъ такъ окрестила военныхъ, — даютъ въ складчину праздникъ всему городу; вы, милліонеръ, должны будете сдѣлать вечеръ для избранныхъ.

— Это было-бы, въ самомъ дѣлѣ, забавно, сказалъ Верховской, невольно взглянувъ на конвертъ съ письмомъ жены и вторя смѣху гостя. Спасибо, что предупредили. Нѣтъ, я скупъ на эти вещи.

— Право?

— Да. Чтó мнѣ въ вечерахъ? я не играю въ карты и не танцую.

— А какъ-же, въ Петербургѣ?

— И въ Петербургѣ.

— Давно не танцуете?

— Лѣтъ десять.

— Помилуйте, но вѣдь это почти съ тѣхъ поръ какъ женаты?

— Да, почти. У меня тогда умерла мать. Я годъ не бывалъ нигдѣ, а потомъ, хоть и сталъ ѣздить, но плясать ужъ не началъ.

— А ваша жена?

— Она даетъ вечера и танцуетъ.

— Хороша собою ваша жена?

— Нѣтъ.

— Знаете, Андрей Васильевичъ, — у насъ преоригинальный разговоръ?

— Что же особеннаго?

— Помилуйте! но развѣ можно, какъ я сейчасъ...

— Что-жъ такого? вопросъ натуральный, отвѣтъ безпристрастный.

— Ну, такъ я скажу еще прямѣе: ваша жена должна быть прелесть и я съ ума отъ нея сойду!

Верховской засмѣялся.

— Ну, вотъ, ну, вотъ, продолжалъ Лѣсичевъ:—такъ можетъ смѣяться только счастливецъ, увѣренный въ себѣ! Вы, просто, дразните! Дурна,—а онъ двѣнадцать лѣтъ блаженствуетъ! Нѣтъ, предупреждаю, лучше не показывайте мнѣ вашей жены!

Въ дверь постучали. Лѣсичеву доложили, что ея превосходительство требуетъ его къ себѣ, что его искали по всему городу,—и такъ далѣе.

— Служба! сказалъ онъ.—Прощайте, до свиданья.

— «Двѣнадцать лѣтъ блаженствуетъ....», проговорилъ Верховской, когда онъ затворилъ двери.—Двѣнадцать лѣтъ ломать эту комедію передъ всякимъ встрѣчнымъ...

Въ этотъ день на N-скихъ улицахъ было много ѣзды и много офицеровъ. Тотъ, кого бы заинтересовалъ этотъ стукъ колесъ и эти новыя лица, скоро замѣтилъ бы, что простые обыватели города, совершивъ обычные походы, кто въ должность, кто на рынокъ, по прежнему мирно остаются въ своихъ домахъ, а разъѣзжаютъ одни господа и дамы въ каретахъ, и больше всѣхъ губернаторша; что офицеры встрѣчаются больше въ лавкахъ, гдѣ купцы пользуются случаемъ продать, какъ можно дороже, бальныя перчатки и эполеты, которымъ въ лѣтнее время и въ войну не предвидится сбыта. Общество тоже радовалось, что затѣяло себѣ маленькое волненіе, занятіе, хоть на нѣсколько дней. Общество жило праздниками, оттого они въ то время и были такъ часты. Можетъ быть, рѣдкіе праздники нынѣшняго времени и изящнѣе, и стоятъ дороже, но они никогда не бываютъ такъ сложны, такъ разнообразны и не стоютъ такихъ хлопотъ. Тогда самыя хлопоты объ устройствѣ веселья были уже весельемъ, тѣмъ, что занимали время, задавали работу воображенію, волновали. Праздники оставляли по себѣ желаніе еще прожить хоть нѣсколько дней въ такомъ же возбужденіи, оживленіи, и «жажда наслажденій» становилась, въ самомъ дѣлѣ, «бездонной жаждой». Воспѣвая ее, добрые люди не преувеличивали: они, въ самомъ дѣлѣ, ее ощущали, только не разбирали ни ея причины, ни смысла...

Верховской видѣлъ изъ своего окна проѣзжавшіе экипажи, слышалъ шумъ и говоръ въ сосѣднихъ комнатахъ, скучалъ, не зналъ что́ дѣлать; заглянулъ въ книгу и бросилъ; не заглядывая, бросилъ въ шкатулку и заперъ на ключъ письмо жены и свое начатое; попробовалъ заснуть, объясняя скуку усталостью, и не заснулъ; сошелъ обѣдать въ общую залу, разговорился съ офицерами, которые тоже пришли обѣдать; получилъ отъ нихъ свѣ-

дѣнія, что они стояли зиму въ губернскомъ городѣ, танцовали и было много «хорошенькихъ». За столомъ были еще разные N-скіе господа; они вмѣшались въ разговоръ по поводу «хорошенькихъ», начались пустяки, шутки, затѣялась попойка. Верховской ушелъ и, не зная какъ дотянуть день до конца, отправился вечеромъ къ m-me Волкаревой.

На самое первое знакомство, она жаловалась Верховскому, что ежедневный пріемъ гостей ее утомляетъ, но все-таки принимала и звала къ себѣ всякій вечеръ.

По залѣ прохаживались три дѣвицы, сопровождаемыя однимъ молодымъ человѣкомъ, которому m-me Волкарева разъ навсегда вмѣнила въ обязанность занимать дѣвицъ. Большая комната была освѣщена по-лѣтнему, двумя лампами на концахъ, гуляющія фигуры исчезли бы въ ней совсѣмъ, еслибъ не черный фракъ спутника и стукъ шаговъ въ пустотѣ. Въ гостиной играли въ карты. Хозяйки не было. Ея голосъ громко раздавался изъ другой комнаты, «пріюта», гдѣ она сбирала своихъ интимныхъ. M-me Волкарева съ большимъ жаромъ что-то разсказывала, или произносила рѣчь, и вдругъ прервалась, увидя Верховскаго.

— Ah, c'est vous! сказала она, подавъ ему руку и слегка приподнимаясь съ диванчика, на который опять опустилась.—Вы очень кстати.

Ея голосъ постепенно ослабѣвалъ и во всей ея особѣ выразилось утомленіе. M-me Волкарева была бѣлокурая, маленькая, худенькая женщина и часто говорила, что въ женщинѣ слабость—есть сила. Потому, въ настоящую минуту, она сконфузилась, что Верховской засталъ ее такою одушевленною,—тѣмъ болѣе, что и кружокъ былъ изъ самыхъ безцвѣтныхъ: двѣ почтенныя матери гуляющихъ дѣвицъ, по долгу службы мужей явившіяся на вечеръ къ губернаторшѣ; два безмолвные офицера; господинъ довольно пожилого и скучнаго вида и Лѣсичевъ, безцеремонно утонувшій въ креслѣ, изъ котораго поднялся на встрѣчу Верховскому.

— Ея превосходительство изволили распекать насъ, сказалъ онъ:—вотъ-бы вамъ послушать!

— Ахъ, вѣчно шутки! возразила она съ томнымъ нетерпѣніемъ:—шутки тамъ, гдѣ нужно сочувствіе!... Вы меня поймете, m-r Верховской....

Она указала ему мѣсто подлѣ себя.

— Я доказываю, что мы недѣятельны, что мы тратимъ нашу жизнь напрасно....

Лѣсичевъ направился къ двери.

— Что нашимъ провинціямъ грозитъ застой. Я говорила...

M-r Лѣсичевъ, будьте такъ добры, узнайте, кончилъ ли наконецъ m-r Ѳедоровъ свой докладъ у моего мужа. Скажите, что его здѣсь ждутъ для партіи.... Онъ очень неаккуратенъ, Ѳедоровъ.

— Вотъ и онъ, сказалъ Лѣсичевъ, сторонясь передъ входящимъ скромнымъ чиновникомъ въ форменномъ фракѣ.

Этотъ молодой человѣкъ казался еще весь подъ впечатлѣніемъ своего доклада и, не опомнясь, переходилъ отъ службы начальника на службу начальницы. M-me Волкарева пригласила дамъ и пожилого господина къ карточному столу, который ждалъ ихъ въ гостиной.

— Вы здѣсь, значитъ, я могу спастись домой, сказалъ между тѣмъ Лѣсичевъ Верховскому:—прощайте, покуда она....

Но m-me Волкарева воротилась прежде, нежели онъ успѣлъ договорить.

— M-r Верховской, будьте судьею... Но прежде, дайте пожаловаться: какъ я устала! Съ утра... Pardon! вы не знакомы?

Она представила Верховскому офицеровъ.

— Я говорю: это мои адъютанты. Сколько сегодня намъ было вмѣстѣ хлопотъ!

— Лишь бы вышло удачно, отвѣчалъ одинъ.

— Ахъ, да! Дай Богъ! Мнѣ бы отъ души этого хотѣлось. Я принимаю такое участіе... Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вашъ праздникъ остался здѣсь въ памяти надолго, навѣчно, чтобъ и мою память соединили съ вашею...

— У насъ въ памяти всегда останется ваше вниманіе, отвѣчалъ офицеръ.

— Да, будете помнить капризницу! отвѣчала она, будто заглушая шуткою чувство, и обратилась къ Верховскому. — Вы вообразите, я капризничаю, требую того, другого. Эти господа не знаютъ, какъ мнѣ угодить. Я хочу, чтобъ ихъ праздникъ имѣлъ свой колоритъ. Вы меня понимаете. Такое время... Напримѣръ, я придумала... я вспомнила, на балѣ, въ корпусѣ, гдѣ воспитывались мои братья, однажды была убрана зала... эти...

— Штыки, подсказалъ офицеръ.

— Да, въ узоръ, на стѣнахъ, и тамъ свѣчи. У меня нашелся художникъ, сдѣлалъ рисунокъ... я вѣдь здѣсь покровительствую и искусствамъ, всему m-r Верховской! (Она засмѣялась). Et puis, l'idée est charmante: оружіе въ цвѣтахъ — предвѣстіе славы... А вы, господа, еще со мною спорили, что это хлопотливо и затруднительно... Вотъ, m-r Верховской, это прямо возвращаетъ къ тому, что я хотѣла сказать, — повторить, потому что они слышали: все дѣло въ доброй волѣ, въ одушевленіи.

Здѣсь такая скука, такая апатія. Надо разбудить это сонное царство, заставить *ихъ* двигаться, дать *имъ* понять... Ахъ, у меня еще идея! я вамъ сообщу, господа... Лѣсичевъ, не забудьте же сказать m-r Майцеву, что о праздникѣ должна быть статья въ нашу газету. И мнѣ отдѣльный листокъ; я пошлю въ Москву... Я хочу этого, m-r Верховской, надо чтобъ всѣ знали. Въ нынѣшнее время мы должны веселиться; впереди насъ слава; мы должны подавать примѣръ народу... А я, я считаю моей обязанностью объяснить это обществу, одушевить его, дѣйствовать; я на службѣ обществу, какъ мой мужъ, и сколько есть у меня энергіи...

Лѣсичевъ незамѣтно скрылся, а за нимъ и офицеры. M-me Волкарева, увлекаясь, высказывала Верховскому, какъ тяжела жизнь среди холоднаго общества, которымъ нужно руководить, которое нужно заставлять жить насильно...

— Какъ много нужно энергіи! И энергія убиваетъ насъ, женщинъ; она жжетъ насъ внутреннимъ, медленнымъ огнемъ... Еслибъ судьба хоть изрѣдка посылала людей, способныхъ понимать насъ...

Она еще говорила, когда изъ-за портьеры сосѣдней комнаты явился ея мужъ, разстроенный, съ письмомъ въ рукахъ. M-me Волкарева прервалась на полусловѣ.

— Чтó съ тобою? Почта? Газеты? Непріятель?

— Ахъ, матушка, какія газеты, какой непріятель, ничего не знаю... Какъ я радъ, что вы здѣсь, дорогой Андрей Васильевичъ. Право, когда встрѣтишь своего человѣка...

Онъ потрясъ ему руку.

— Вообразите... Мнѣ пишетъ мой родственникъ, князь Петръ Александровичъ... Mais, c'est une horreur ce que nous avons ici, ce Багрянскій!... Дѣло, лично меня касающееся...

— Ah, c'est un homme cruel! сказала m-me Волкарева, закрывая глаза.—Его несчастный сынъ... Еслибъ я могла вырвать хоть дочь...

— Ну, матушка, это ваши дѣла,—но онъ *мнѣ* врагъ! Mais c'est à la vie ou à la mort entre nous maintenant! Je vous conterai cela....

Прослушавъ цѣлый часъ сѣтованія жены, Верховской столько же времени выслушивалъ служебныя откровенности мужа. Уходя домой, онъ не зналъ, чтò больше его отуманило.

На другой день, *адъютанты* m-me Волкаревой сдѣлали ему визитъ. Онъ отдалъ его черезъ часъ, столько же изъ учтивости, сколько отъ нечего дѣлать. Нѣкоторые N-скіе господа, навѣстившіе его тоже отъ нечего дѣлать, удивлялись такой «утон-

ченной свѣтскости» и разсказывали о ней. Прибѣжалъ Лѣсичевъ съ запиской отъ m-me Волкаревой; она благодарила за вниманіе къ людямъ, въ которыхъ принимала участіе, и выражала увѣренность, что Верховской раздѣлитъ праздникъ, который,—кто знаетъ! для многихъ можетъ быть послѣднимъ...

— А вѣдь добрѣйшая! писала—плакала, сказалъ Лѣсичевъ, покуда Верховской читалъ записку. — Я-бы хотѣлъ ѣхать туда съ вами вмѣстѣ, Андрей Васильевичъ, но по долгу службы, мнѣ придется забраться туда спозаранку.

— А я, конечно, какъ можно позднѣе, сказалъ Верховской.

Онъ не подозрѣвалъ, что его просто равнодушный отвѣтъ будетъ принятъ за интересничанье и важничанье столичнаго господина. Лѣсичевъ улыбнулся въ душѣ, вздохнувъ объ огромныхъ средствахъ, которыя, по мнѣнію многихъ, даютъ право на такія замашки.

— А что́, Андрей Васильевичъ, спросилъ онъ: — скоро вы здѣсь совсѣмъ поселитесь?

— Я думаю, никогда, отвѣчалъ Верховской.

— Такъ вы не покупаете Спасскаго?

— Нѣтъ. Невыгодно.

— Вы разсчетливы.... Да, надо васъ предупредить. Хоть вы и не играете въ карты, а на балъ запасайтесь деньгами: подписка будетъ.

— Какая подписка?

— Такъ... Изобрѣла Марья Васильевна для оживленія праздника.

Этотъ праздникъ и все, что̀ о немъ толковалось, одолѣвали Верховскаго. Онъ заперся въ своемъ номерѣ, не вышелъ даже вечеромъ вздохнуть воздухомъ, чтобъ не встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ, и читалъ «Поиски Франклина», пока зарябило въ глазахъ.

II.

Наступилъ и день праздника. Къ вечеру въ N. много думали и говорили о природѣ, выражая опасенія, чтобъ одно изъ ея самыхъ обыкновенныхъ, но не всѣми любимыхъ явленій не разстроило предстоящаго удовольствія. На западѣ лежала туча. Общество не могло оставаться равнодушнымъ въ виду неудобства поѣздки за городъ, ночью, опасности испортить наряды, сломать экипажъ. Верховской, сидя дома и отворивъ оба окна, какъ школьникъ, лукаво желалъ грозы. Онъ съ утра предсказалъ

ее m-me Волкаревой, встрѣтясь случайно, болтая отъ нечего дѣлать; m-me Волкарева встревожилась отъ предсказанія не въ шутку, Верховскому было пріятно подразнить. Глядя въ окно, онъ воображалъ, какъ она волнуется, какъ благочестивыя маменьки зажигаютъ лампады и запираютъ ставни, какъ дочки молятся и наряжаются....

— Господи Боже, вздоръ какой! подумалъ онъ, протирая глаза, уставшіе смотрѣть на свѣтъ. — Я-то изъ чего хлопочу? Веселятся, такъ веселятся.

Онъ вздумалъ спросить себя, какого бы веселья ему хотѣлось, сейчасъ. Вотъ, сейчасъ, чудо, волшебство, и ему дается все, чего онъ пожелаетъ....

— Да кажется, что ничего, рѣшилъ онъ. — Люди обыкновенно, при подобномъ предположеніи, желаютъ денегъ. Ну, чтобъ ужъ не ошибиться въ смѣтѣ — милліонъ, круглымъ счетомъ. А потомъ.... Потомъ бѣжать, бѣжать какъ можно дальше, бѣжать на край свѣта. А тамъ что!?.. Да милліонъ-ли нужно? Не попросить-ли чего другого? Не попросить-ли себѣ другую душу?... Какую?... Молитвами святыхъ N-скихъ женъ и дѣвъ тучка идетъ мимо. А жаль....

Подъ окномъ сверкнули фонари и раздался стукъ кареты. Верховской узналъ экипажъ губернаторши; она ѣхала заранѣе занять свой постъ.

— Часа полтора еще можно выспаться, сказалъ онъ, ложась на диванъ.

Онъ проспалъ дольше. Было за полночь, когда онъ подъѣхалъ къ дачѣ. Ночь была тихая, влажная, перепалъ дождикъ. Извощикъ замѣтилъ, спускаясь съ горы, что косогоръ исправно выровняли. На плотинѣ горѣли плошки; въ прудѣ колыхались облака и тянулись отраженія огней; слышалась музыка; галлерея, гдѣ танцовали, свѣтилась издали какъ фонарь въ черной массѣ деревьевъ.

Верховской вошелъ. Хотя онъ видалъ и много праздниковъ, но роскошь этого могла остановить вниманіе. Длинная галлерея въ два ряда оконъ была вся убрана оранжерейной зеленью; померанцы, розы, гераніи, гіацинты; огромныя люстры, всѣ простѣнки въ огняхъ. Распорядительницѣ удалось, какъ она желала, «придать и колоритъ» своему празднику: сотни штыковъ сверкали звѣздами и полукругами по стѣнамъ; на окнахъ симметрично были сложены каски и торчали шпаги; въ глубинѣ воз-

вышались пирамиды изъ барабановъ, передъ бесѣдкой, гдѣ было кресло хозяйки.

Ея тамъ не было, когда вошелъ Верховской; она танцовала. Зала была полна кружащихся паръ. Музыка была великолѣпная; она играла одинъ изъ тѣхъ вальсовъ - поэмъ Ланнера или старика Штрауса, которымъ бы, казалось, мѣсто среди круженія сильфидъ и духовъ, а не нашихъ дамъ и господъ. Верховскому бросилось въ глаза, что кружились все больше черные фраки. Эполеты и красные воротники, неподвижные, составляли будто часть убранства залы.

— Ah, vous voilà! Неправда-ли, какъ одушевлено? воскликнула m-me Волкарева, долетѣвъ до него и оставляя своего кавалера.—Merci.... Какъ вы поздно! Какъ вы находите? La glace est enfin rompue — они сближаются.... Я сейчасъ говорила о васъ....

Ее подошелъ звать на вальсъ маленькій прапорщикъ.

— Avec plaisir, mon enfant, но подождите, я устала. Не стѣсняйтесь; вы можете и не стоять подлѣ меня, только не зовите другой дамы... Vous avez manqué un beau moment, m-r Верховской. Была маленькая гроза.... ахъ, дà, вы выиграли ваше пари....

— Я не держалъ никакого.

— О, не представляйтесь великодушнымъ.... Но здѣсь это произвело эффектъ удивительный.... Пожалуйста, не шутите; я вижу, у васъ готова шутка.... Нѣтъ, это было прелестно, такъ кстати. Ужъ всѣ собрались, полькировали, вдругъ—ударъ грома. Вообразите общее смятеніе. Музыка остановилась. Мой мужъ... онъ одинъ не потерялся; онъ еще не садился за карты; онъ сдѣлалъ знакъ музыкантамъ играть «Боже царя храни». Вообразите торжественность этой минуты. Всѣ замолкли, неподвижны, растроганы.... воспоминанія, надежды, слава.... вы понимаете, цѣлая толпа чувствъ... Къ счастью, былъ только одинъ ударъ; потомъ, опять, полька. Я такъ довольна, что это случилось. Вотъ почему, вы видите, я такъ оживлена; это со мной рѣдко бываетъ....

Маленькій прапорщикъ отважился подойти опять.

— Я еще отдыхаю, сказала ему издали m-me Волкарева, примѣтивъ его движеніе.—Право, m-r Верховской, вы смѣетесь, что у меня такъ много заботъ.

— Извините, я не замѣчаю особенной заботы.

— А, такъ я замѣчаю, что съ вами что-то особенное. Признайтесь.

— Мнѣ признаваться не въ чемъ.

— О, нѣтъ, у васъ тоже что-нибудь прошло по душѣ. Кто знаетъ, какая-нибудь тѣнь... вѣдь и у счастливыхъ бываютъ тѣни, неопредѣленныя, смутныя желанія чего-то бо̀льшаго.... Ah, ce petit m'obsède! прошептала она, завидя опять прапорщика, который тосковалъ, не танцуя.

— Вы ему обѣщали и приказали ждать.

— Ахъ, какъ вы строги! я это запомню, сказала она, вставая. — Надо его удовлетворить. Я сегодня жертвую собой: сказала, что танцую со всѣми безъ исключеній; la grande armée этимъ пользуется. А это — вы узнаете? маленькій пѣвецъ. Ахъ, но въ самомъ дѣлѣ... Богъ знаетъ гдѣ вы, — ничего не помните. Я разъясню это, подождите.

Она сдѣлала знакъ прапорщику.

— Но только одинъ туръ, до этого мѣста.

Верховской подошелъ къ знакомымъ, поговорилъ съ военными, обошелъ залу, смотрѣлъ балъ. Наряды были красивы, даже изящны; много хорошенькихъ, оживленныхъ лицъ, откровенно веселыхъ, свѣжихъ безъ прикрасъ, что встрѣчается только въ провинціи. Тутъ былъ весь городъ. M-me Волкарева, разсылая приглашенія, не ограничилась однимъ кружкомъ своихъ избранныхъ. Тутъ было и то, что̀ она называла le demi-monde, то-есть, семейства чиновниковъ и другихъ незначительныхъ или небогатыхъ людей. Съ этими дамами больше и танцовали армейцы. Это общество, совершенно незнакомое Верховскому, показалось ему очень оживлено и занимательно своей оригинальностью. Тамъ отличался господинъ Духановъ. Маленькій дѣлецъ былъ весь въ обновкахъ, завитъ, раздушенъ, распомаженъ, раскраснѣлся отъ непривычнаго движенія и усилій казаться свѣтскимъ человѣкомъ, полькировалъ не оставляя своей шляпы, изъ которой висѣлъ кончикъ фуляра, бросалъ украдкой безпокойные взгляды на свои перчатки и, удостовѣрясь въ ихъ цѣлости, оглядывался кругомъ съ сознаніемъ своего превосходства. Онъ тоже съ нѣкоторымъ снисходительнымъ пренебреженіемъ относился къ военнымъ, но отваживался дѣлать это до чина поручика; выше — онъ былъ уже любезенъ, предупредителенъ, подводилъ къ дамамъ, знакомилъ, шутилъ, ободрительно смѣялся, раскачиваясь и откидывая назадъ головку; онъ былъ какъ дома и покровительно, хозяйски-нецеремонно похлопывалъ по плечу молодыхъ прапорщиковъ. Верховской даже остановился полюбоваться на него, подумавъ, что m-me Волкарева будетъ довольна такой дѣятельностью и назоветъ Духанова une grande utilité, своимъ помощникомъ въ великомъ дѣлѣ пробужденія общества.... Вотъ, было-бы неcрав-

ненно, еслибъ этотъ помощникъ позвалъ ее танцовать, благо она сегодня всѣмъ доступна....

«Высшій» кружокъ замѣтно отдалялся отъ чиновничьяго и даже танцовалъ отдѣльно, въ концѣ залы, у бесѣдки. Эта «аристократія» напоминала Петербургъ роскошью нарядовъ и нѣсколько принужденной неподвижностью. Здѣсь было скучнѣе, но Верховскому пришлось къ ней присоединиться: у него только тамъ были знакомые....

Пары опять становились въ кадриль. Верховской отошелъ и сѣлъ, ужъ порядочно усталый и отъ движенія, и отъ музыки, и отъ удовольствія, въ которомъ не участвовалъ. Въ глазахъ зарябило. Всѣ были заняты, онъ одинъ безъ дѣла. Конечно, это случалось не въ первый разъ, но — тѣмъ хуже. Ему стало завидно. Ему хотѣлось веселиться. Онъ вспомнилъ, что много пропустилъ веселья...., ну, а жаловаться глупо, жалѣть — поздно.... Почему же поздно? Почему не попробовать воспользоваться жизнью? Онъ сталъ слушать, что говорилось кругомъ, учиться, какъ люди дѣлаютъ себѣ веселье. Наука не мудреная: все пустыя слова... Но вѣдь эти люди живые; можетъ быть, эти слова, которыхъ такъ много говорится, полны смысла для тѣхъ, кому говорятся?... Сколько хорошенькихъ женщинъ! какъ веселы, какъ игривы, — какъ съ ними весело....

— Но я завидую какъ мальчишка, подумалъ Верховской, впрочемъ, не имѣя силы осудить себя серьезно, а напротивъ, даже улыбаясь:—никто и ничто не мѣшаетъ мнѣ развернуться свѣтскимъ любезникомъ передъ любой хорошенькой женщиной, если у самого достанетъ охоты переливать изъ пустого въ порожнее.... И кто знаетъ,—можно надѣяться на успѣхъ! о глупость!... А резонство, не еще ли глупѣе?... Всѣ женщины одно и тоже. Однимъ заблужденіемъ больше или меньше, однимъ счастьемъ больше или меньше.... Однако, если меньше,—то почему же и не больше?...

— M-r Верховской! раздался близко него пріятный, свѣжій голосъ.

Онъ оглянулся. Передъ нимъ стояла молодая женщина, брюнетка съ яркими глазами, яркимъ румянцемъ, съ пышными плечами, вся въ цвѣтахъ, вся улыбающаяся,—m-me Горнова, жена одного изъ N—скихъ предсѣдателей палатъ. M-me Волкарева, вздыхая, говорила, что это отчаянная кокетка, но ради ея мужа нельзя не принимать ее. Верховской видалъ ее и прежде, но еще никогда она не казалась ему такъ хороша. Это было олицетворенное веселье. Кокетка не боялась сравненія, но еще вызывала его: она была подъ-руку съ дѣвушкой еще моложе и та-

кой-же хорошенькой, только, для контраста, выбрала блондинку.

— М-г Верховской, повторила она, наклоняясь къ нему и съ усмѣшкой глядя ему въ лицо: — кто задумывается, того спрашиваютъ: гдѣ вы?

— И тотъ всегда отвѣчаетъ: здѣсь! отвѣчалъ онъ.

— Да. Потому я и пришла спросить: очень-ли мы кажемся забавны для серьезнаго наблюдателя?

— А самъ наблюдатель — очень забавенъ? спросилъ онъ.

— Отвѣтъ за вами! возразила она.

Онъ настаивалъ. Черезъ минуту, самъ не зная какъ это случилось, онъ перекидывался съ нею шутками, смѣхомъ, любезностями. Она, точно, была кокетлива, но въ мѣру, ровно сколько было нужно, чтобъ одушевить свою красоту; она увлекала въ разговоръ и свою подругу, и это было не пошлое женское коварство — блеснуть промахами другой женщины: она просто, съ добротой доставляла молодой дѣвушкѣ удовольствіе быть нѣсколько свободнѣе и мило выказаться; она не боялась соперничества и не требовала вниманія исключительно для одной себя. Она была остроумна и изящна; ея маленькія злости сверкали какъ тонкія иголки, но въ нихъ была своя граціозная мѣра снисходительности или ловкаго пренебреженія. Въ ея пустомъ, незначащемъ разговорѣ чувствовалась образованность. Она увлекала, очаровывала. Верховской не замѣтилъ, какъ прошла кадриль, началась другая; какъ молоденькую дѣвушку отозвала ея маменька, вѣроятно, находя, что бесѣда слишкомъ долга; какъ m-me Горнова отказала подходившему кавалеру. Верховской не обратилъ вниманія даже на m-me Волкареву, которая опустилась подлѣ него на стулъ, въ изящномъ утомленіи. М-me Горнова замѣтила это сосѣдство и стала какъ-то еще живѣе и милѣе. О чемъ говорилось, Верховской не пересказалъ бы самъ, еслибъ его спросили. Онъ жилъ забывшись, въ какомъ то жаркомъ туманѣ; онъ въ первый разъ испытывалъ молодую тревогу чувствъ и разсудка, живую тревогу, извѣстную ему, тридцатилѣтнему, только по романамъ; онъ увлекался и граціозно скользящей рѣчью, и пышной красотой, которая была такъ близко.

— Vous opérez des miracles, сказала, не вытерпѣвъ, молодой женщинѣ m-me Волкарева.

— Чудеса? какія? спросила та, притворяясь, будто оторопѣла.

— Спросите m-r Верховскаго.

М-me Горнова обратила взглядъ на него.

— Виноватъ, сказалъ онъ: — я или слѣпъ или ненаходчивъ....

— Да, вы виноваты, потому что неблагодарны, продолжала

m-me Волкарева, колко и вмѣстѣ томно. — Такъ я вамъ объясню, chère madame Горновъ. Являясь сюда, m-r Верховской былъ мраченъ какъ грозовое небо, а вы съумѣли разсѣять его печаль....

— Очень жалѣю, если такъ случилось, прервала холодно m-me Горнова. Печали можно оставлять дома.

— Но m-r Верховской оставилъ дома всѣ свои радости! продолжала нѣжно-лукаво m-me Волкарева. Не правда-ли, еслибъ ваша жена была на этомъ праздникѣ.... Вы понимаете это, ma bonne, у васъ тоже есть мужъ, малютка....

M-me Горнова взглянула на Верховского какъ-то бѣгло, безъ всякаго выраженія, и встала. Недалеко стоялъ, задумавшись, красивый офицеръ; она подошла къ нему и заговорила.

— Мотылекъ! продолжала m-me Волкарева, слѣдя за нею глазами: — кто это? Да, Цѣховичъ! онъ ей представленъ.... Рѣдкая способность у этой молодой женщины.... Но онъ долженъ быть несчастенъ; кто знаетъ, сколько скрытаго.... Ахъ, вы невообразите, m-r Верховской, сколько мнѣ заботъ съ ними! Мнѣ представляли, право, весь полкъ. А теперь ихъ тамъ двойной комплектъ. Но этого мало. При полку нашлись дамы, офицерши.... Mais, de grâce, n'éclatez pas de rire!... Надо было знакомиться съ этими офицершами. Одна — молодая майорша; чтò только можете представить румянѣе и глупѣе; недавно сочеталась бракомъ; мужъ доставитъ ее по дорогѣ къ роднымъ. Другая — что-то въ родѣ штабс-капитанши, поручицы, сухая, скучная, — и не можетъ разстаться съ своимъ супругомъ, слѣдуетъ за нимъ въ обозѣ. Представьте, я имъ визитъ дѣлала! Надо же и ихъ на балъ. У майорши все разомъ поспѣло; посмотрите, вотъ она, въ пунцовомъ тарлатанѣ. Но другая, — надо было уламывать: не хочетъ на балъ, и только! Чтò-жъ бы это было, скажите? Чтобы подумали обо мнѣ, о хозяйкѣ, когда это, можно сказать, *ихъ* балъ? Я умоляла. Отговорка — нѣтъ платья. Ахъ, Боже мой, сдѣлайте! Pas d'argent. Наконецъ, слава Богу, разрѣшилось тѣмъ, что нашлось у нея какое-то двуличневое, закрытое, длинные рукава. Я ужъ не стала спорить, послала ей свою куафюру. И ту.... счастье, что я успѣла оправить на ней.... M-r Верховской, вы не видали куафюръ, надѣтыхъ задомъ на передъ?

Она могла бы говорить сколько хотѣла. Верховской смотрѣлъ передъ собой и ничего не слышалъ. Съ той минуты, какъ ему бросили напоминаніе того, что онъ оставилъ дома; съ той минуты, какъ среди незнакомаго замелькало ужъ слишкомъ знакомое, какъ вмѣсто лица заманчивой молодой женщины померещилась ему Лидія Матвѣевна, — съ той минуты для него не стало

ни бала, ничего кругомъ. Онъ только-что вздохнулъ свободнѣе, только-что въ первый разъ былъ молодъ; напомнили кто онъ— и все живое отъ него сторонится. Точно вокругъ него что-то сдвинулось, затворилось, замкнулось, безъ выхода, безъ пространства, безъ воздуха; холодъ, отчужденіе, мракъ. Точно его посхимили, замуровали.... мертвый, и ничего ему больше не нужно! Все другимъ—свѣтъ, веселье, любовь; имъ нужно, они живые, а ему, мертвому, на что эти блага? У него ужъ есть свое, лучшее, высшее,—цѣлый рай духовный, чувственный, всякій....

Только свѣтская привычка помогла ему удержаться отъ невольнаго, порывнаго движенія....

— Mais, qu'avez-vous donc? вскричала, наконецъ прерываясь, m-me Волкарева: — Dieu, comme vous êtes pâle....

— Голова болитъ, отвѣчалъ онъ.

— Это отъ грозы. Воздухъ полонъ электричества. И во всѣхъ отношеніяхъ, notre horizon est gros d'orages. Вы принимаете все къ сердцу; для нервной натуры....

— А, чортъ тебя возьми; еще скажетъ—интересничаю..., подумалъ онъ и всталъ.

— Вы уѣзжаете?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ онъ, чтобъ избавиться отъ уговоровъ остаться и зная, что она смотритъ ему вслѣдъ, не пошелъ прямо къ выходной двери....

Но онъ остановился, дойдя до этой двери; можно было уйти незамѣтно, а онъ остановился. Его смутило что-то странное. Ему было стыдно,—ложнымъ стыдомъ передъ самимъ собою, стыдно своего чувства: ему было жаль оставить праздникъ, горько, какъ-будто онъ все терялъ въ немъ, какъ-будто, въ самомъ дѣлѣ, выйдя изъ этой залы, онъ хоронился за-живо.... Странность, мелочность, ребячество,—но непобѣдимое. Одну минуту, ну, только одну минуту, чтобъ было хоть чѣмъ помянуть молодость....

— А, дорогой Андрей Васильевичъ!

Это былъ Волкаревъ.

— Неправда-ли, une fête charmante? я оставилъ на минуту партію, взглянуть. Знаете, кто только зритель бала, тому лучше смотрѣть съ промежутками: физіономіи мѣняются. Но вы не простой зритель: on vous a vu aux pieds de la belle madame Горновъ. Вы не боитесь, что донесутъ на васъ, кому слѣдуетъ?

Верховской что-то отвѣчалъ и, должно быть, впопадъ, потому что игривый губернаторъ точно чему обрадовался, смѣялся, щебеталъ, каламбурилъ и отправился самъ въ дамскій кружокъ, въ ожиданіи, когда ему опять составится партія. Отойдя нѣсколько шаговъ, онъ вернулся и зашепталъ таинственно:

— Ma femme a eu une heureuse idée; надо же намъ какъ-нибудь отблагодарить за этотъ праздникъ. Мы, тамъ, составили небольшую подписку.... такъ, завтра угостить музыкантовъ нижнихъ чиновъ. Ce sera une attention. Такое время.... Все-таки это наша сила, милый Андрей Васильевичъ, что ни говорите! Вы не застали, что тутъ произошло? Народный гимнъ? Des larmes, mon cher, des larmes dans tous ces beaux yeux!... Вы подпишетесь? это тамъ, вамъ укажутъ.... Pardon!

Онъ поспѣшилъ къ проходившей m-me Горновой.

— Должно быть, я въ самомъ дѣлѣ раздражаюсь отъ дурной погоды...., подумалъ со злостью Верховской, выходя изъ залы въ другія комнаты.

Машинально, не останавливаясь, кланяясь издали знакомымъ, обмѣниваясь по слову съ встрѣчными, онъ дошелъ до небольшой, прохладной, полутемной гостиной; музыка достигала туда уже слабо; тамъ была покойная мягкая мебель между зеленью и для дамъ приготовлены карточные столы. Но охотницъ играть не нашлось. У одного стола сидѣли дѣвушки, молодые люди, ѣли мороженое, чертили по столу вензеля мѣломъ, разговаривали, приходили и уходили. Свѣчей было не много; въ спущенныя оконныя драпировки мерцалъ разсвѣтъ. Верховской посмотрѣлъ на часы: было два. Ему не хотѣлось уходить и хотѣлось отдохнуть. Онъ присѣлъ на диванчикъ въ углу и тутъ-же подумалъ, что останется не долго; уединяться смѣшно, не разыгрывать-же глупую печальную фигуру: печали оставляются дома....

— А какое злое слово! подумалъ онъ вслѣдъ затѣмъ, какъ повторилъ его мысленно. Въ шутку или не въ шутку,—а ничего другого сказать не умѣютъ. И въ томъ все веселье. Наука не мудреная. Вотъ, молодежь, эти тоже учатся или ужъ веселятся....

Онъ вслушивался въ разговоръ тупо, машинально. Этотъ говоръ шумѣлъ у него въ ушахъ какъ лихорадка.

— Какая пошлость! все то же! Неужели люди могутъ этимъ жить, довольствоваться, могутъ такъ тратиться?...

Онъ вспомнилъ, что полчаса назадъ также тратился, довольствовался той же ничтожностью, и мучился, негодовалъ, что она отнялась. Что-же это? Неужели безобразная ломка цѣлой жизни отъучила отъ способности чувствовать? Такъ-ли ужъ все истлѣло въ душѣ, что нечему и вспыхнуть въ ней настоящимъ, жгучимъ, а не болотнымъ огнемъ? Теперь, отчего же такъ тяжело, чего-же еще хочется?... Это не тоска по ничтожности, нѣтъ. Въ нѣсколько минутъ эта ничтожность извѣдана до конца и ея больше не нужно. Нужно другое. Вѣдь бываетъ счастье. Молодость знаетъ его. Счастье положить всю душу въ одно желаніе, за-

мирать, безумѣть отъ одного взгляда, отъ одного слова.... Это не фантазія. Люди такъ жили и живутъ. Гдѣ и какъ они встрѣчаются? что̀ говорятъ другъ другу? Какъ это бываетъ?...

— Такъ васъ это не удивляетъ, mademoiselle Ольга? спрашивалъ молодой человѣкъ одну изъ дѣвушекъ.

— Нисколько. Что́-жъ удивительнаго? Вотъ Nadine говоритъ то же.

— Это только долгъ, прибавила другая.

— Вы не находите въ этомъ самопожертвованія?

— Ахъ, m-r Аницкій, какія громкія слова! вскричала дѣвица, ребячливо притворяясь испуганною.

— Это такъ просто, m-r Аницкій, такъ натурально....

— М-r Аницкій, это обязанность всякой женщины....

— Но если и «просто», и «натурально», и «обязанность»,— почему-же эта дама—единственный примѣръ....

— Кто и чему единственный примѣръ? спросилъ, подходя, Лѣсичевъ.

— Говоримъ объ этой госпожѣ, что идетъ за полкомъ.

— А, офицерша, la Dame-Raisin-sec....

— Ахъ, m-r Лѣсичевъ, вы злы! вскричала съ радостію Надина.

— Нѣтъ, возразила Ольга: — дѣло не въ томъ, qu'elle est ridicule, но въ ея поступкѣ нѣтъ самоотверженія.

— И я говорю, что нѣтъ, подтвердилъ Лѣсичевъ.

— Видите, видите, m-r Аницкій? Victoire!

— Погодите торжествовать, mesdames, прервалъ Лѣсичевъ:— тутъ кое-что побольше самоотверженія.

— Еще побольше? Это любопытно!

— Что́-жъ такое?

— Любовь.

Дѣвицы на секунду замолкли, прилично сконфуженныя.

— Сознайтесь, что это рѣдкость! вскричалъ Аницкій:—и въ такомъ случаѣ и я соглашусь: это не самопожертвованіе. Гдѣ любовь, тамъ нѣтъ никакихъ жертвъ, тамъ все легко, все свободно, все отдается безъ оглядки....

— М-r Аницкій, je ne vous comprends pas, прервала съ достоинствомъ Ольга.

— Говорится о любви супружеской! пояснилъ Лѣсичевъ.

— А, въ такомъ случаѣ, я согласна....

— Согласны? прервалъ Лѣсичевъ: — согласны и признаете, что поступокъ рѣдкій, достойный удивленія, и что на̀ такую любовь вы не способны?

— Я, m-r Лѣсичевъ? вскричала она съ негодованіемъ.

— То-есть, большинство женщинъ, подсказалъ Аницкій.
— Нѣтъ, вы, лично, собственно, вы! настаивалъ, забавляясь, Лѣсичевъ.
— Я не могу судить о томъ, что мнѣ неизвѣстно.
— Какъ-нибудь, постарайтесь.
— Для того, чтобъ понять такія необыкновенныя чувства, нужно пользоваться обществомъ этихъ героинь....
— То-есть, любящихъ женщинъ.
— C'est comme vous voulez....
— Нужно посмотрѣть, какъ онѣ любятъ, сказалъ Аницкій.
— Нѣтъ, не посмотрѣть, а поучиться любить! прибавилъ Лѣсичевъ.
— Oh, merci! вскричала, вспыхнувъ, Ольга:—я предоставляю это другимъ!
— Но если и другія также презрительно откажутся...., сказалъ онъ, дѣлая смиренную мину и смѣясь.
— Можетъ быть, и найдутся желающія, возразила Ольга.
— Спросите Catherine! вступилась Надина, желая намекнуть, уколоть, отмстить, или, просто, соскучась молчать.
— Ахъ, да, спросите mademoiselle Catherine! подтвердила разгнѣванная Ольга и колко засмѣялась. — Mademoiselle Catherine цѣлый вечеръ подъ-руку съ madame Raisin-sec. Та, конечно, открыла ей всѣ свои чувства....
— Можетъ быть, онѣ даже размѣнялись откровенностями, прибавила Надина: — mademoiselle Catherine что-то очень много ей разсказывала, очень жарко...
— Вотъ-бы, messieurs, теперь овладѣть откровенностью офицерши! сказала, смѣясь, Ольга.
— Зачѣмъ? спросилъ Аницкій.
— Она — повѣренная m-lle Catherine. Впрочемъ, васъ, m-r Аницкій, это, можетъ быть, и не интересуетъ, но, вотъ m-r Лѣсичевъ.... Voyons, m-r Лѣсичевъ, руку на сердце, — что̀ вы чувствуете?
— На что̀ вамъ мои чувства? Вѣдь вы не хотите учиться любить, отвѣчалъ онъ спокойно.
— Ахъ, ахъ, что̀ это? Une déclaration?
— Можете оставаться совершенно равнодушны: я не имѣю намѣренія васъ безпокоить.
— Ah, mais c'est impayable, ce que vous dites-là, m-r Лѣсичевъ!...
— Нѣтъ, пора домой, сказалъ себѣ Верховской, еще не оставившій мѣста въ своемъ углу. — Не легче оттого, что позавидовать некому....

Вдругъ громко раздалась музыка; послѣ довольно долгаго промежутка и среди тишины, она даже заставила вздрогнуть....

— Ахъ, вальсъ! зашумѣли дѣвицы и разбѣжались.

Лѣсичевъ и Аницкій уходили тоже.

— Господа, позвольте, остановилъ ихъ чиновникъ Ѳедоровъ:— слава Богу, нашелъ васъ! Угодно подписаться?

Онъ вынималъ изъ кармана листъ бумаги.

— Знаемъ, батюшка, знаемъ, прервалъ Лѣсичевъ. Увольте. Завтра, на дому.

— Чтó это? спросилъ Аницкій.

— Угощеніе военнымъ. До завтра, любезнѣйшій. И что за фарсъ—подписка! Вѣдь ужъ извѣстно—откупщикъ расплатится. И хоть-бы какъ-нибудь поразнообразили. Я предлагалъ, чтобъ этотъ пѣвунъ прапорщикъ взялъ свою каску и обошелъ кругомъ залы: «Малютка, шлемъ нося....»

Одна изъ проходящихъ дѣвушекъ оглянулась. Лѣсичевъ тоже.

— До завтра, милѣйшій.... Mademoiselle, un seul tour....

— Извините, я устала, отвѣчала она, идя къ столу, гдѣ m-lle Ольга осталась, предпочитая, вмѣсто вальса, еще завести споръ съ другимъ молодымъ человѣкомъ. Лѣсичевъ хотѣлъ-было туда-же, но увидѣлъ это общество и не пошелъ.

— По крайней мѣрѣ, позвольте напомнить: вы обѣщали мнѣ мазурку.

— Помню. До тѣхъ поръ еще далеко.

— Я потороплю.

Лѣсичевъ ушелъ въ залу. Эта встрѣча и разговоръ происходили въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Верховского. Онъ вспомнилъ, что Лѣсичевъ ему чтó-то говорилъ. Дѣвушка только промелькнула передъ нимъ. Ему показалось, что онъ гдѣ-то ее видѣлъ, но только не здѣсь, не въ N; можетъ-быть, въ Петербургѣ, но и тамъ не между знакомыми. Ему хотѣлось разсмотрѣть ее получше, но она, какъ нарочно, сѣла между огнемъ и голубымъ утреннимъ свѣтомъ, облокотилась на столъ и прикрыла глаза рукой отъ свѣчей. На ней было бѣлое платье и вѣнокъ изъ живого плюща. Голова казалась велика отъ необыкновеннаго множества черныхъ волосъ. Склонъ этой головы, кудрявый затылокъ, блѣдно-смуглыя плечи, стройность всего общаго очерка.... Верховской все спрашивалъ себя, гдѣ онъ прежде это видѣлъ. Онъ не могъ отвести глазъ отъ локтя, отражавшагося въ полированный столъ. Она приняла руку отъ лица. Крупный и вмѣстѣ тонкій профиль, очерченный огнемъ, смѣлыя, широкія брови, невысокій лобъ и надъ нимъ эти пышныя волосы.... Вдругъ она взглянула прямо. Верховской поднялся на своемъ мѣстѣ.

— Почиваете, Catherine? спросила m-lle Ольга.

— Устала, повторила она:—почти сплю.

— Стало быть, и не слышите? Говорится о васъ, сказалъ молодой человѣкъ.

— Что такое?

— То-есть, нѣсколько коснулось васъ, вступилась Ольга. m-r Гадалинъ утверждаетъ, что удовольствіе можетъ наскучить, и потому надо брать его рѣже. Изъ этого.... ужъ не знаю какъ вышло, но онъ сказалъ....

— Нѣтъ, это вы сказали, прервалъ молодой человѣкъ.

— Вы, я, c'est la même chose! Было сказано, что люди должны показываться въ свѣтъ рѣже, чтобъ не соскучиться....

— Но это выходитъ одно и тоже! прервалъ опять Гадалинъ: вы сбиваетесь.

— Ахъ, я не сбиваюсь.... ну, не знаю; ка́къ-же вы сказали?

— Нѣтъ, вы сказали, что многіе являются въ общество рѣдко, изъ разсчета, чтобъ не наскучить своимъ присутствіемъ....

— Ахъ, нѣтъ....

— И предложили спросить, вотъ, mademoiselle....

— Ахъ, нѣтъ.... Повѣрьте, Catherine, я не говорила такой злости!

— Какая-жъ это злость? возразила спокойно Catherine: — Это правда.

— Ахъ, Catherine.... Но, pardon! Это ужъ кокетство: вы разсчитываете не дать къ себѣ привыкнуть, разсчитываете всегда производить впечатлѣніе....

— Не знаю, какъ вы это объясняете. Я знаю, что со мной скучно, потому что мнѣ самой скучно.

— Ахъ, Catherine, что́ вы!

— Взаимное.... договорила она, опять крѣпко зажимая руками глаза. Однако, я смертельно спать хочу.

— Это замѣтно, сказала Ольга, съ усмѣшкой кивнувъ на нее молодому человѣку. Вы, кажется, зѣваете, Dieu me pardonne! Какъ-бы вамъ помочь, продолжала она, смѣясь: m-r Гадалинъ постарался бы найти вашу карету....

— Меня привезла съ собой m-me Волкарева и безъ нея я уѣхать не могу.

— А она, конечно, уѣдетъ послѣдняя. Вотъ, люди не цѣнятъ того, что́ имъ дается! А моя мамаша какъ-разъ захочетъ почивать и уѣдетъ отъ мазурки.... Боже, пошли, чтобъ у Нины былъ кавалеръ, тогда мамаша останется! Не за себя, за сестру молюсь! Вы знаете, m-r Гадалинъ, моей сестрѣ Нинѣ никогда

нѣтъ ни въ чемъ отказа; я одна такая несчастная.... А вы счастливы, Catherine?

— Чтò?... спросила та.

— Ah, ma chère, vous n'êtes plus de ce monde! А знаете, чтò на васъ навело такой сонъ? Вѣроятно, m-me Волкарева, какъ хозяйка, поручила вамъ,—вы все занимали эту полковую даму, а вѣдь это—странствующій сонъ.... m-r Гадалинъ, le Sommeil errant!

— На всемъ этомъ балѣ, она одна живой человѣкъ, сказала Catherine, вставая вдругъ, будто желая себя разбудить, и даже нѣсколько выпрямляясь. Всѣ кружатся, веселятся, не знаютъ чему; несчастные эти военные на свои послѣднія деньги пляшутъ передъ смертью; наши добрые люди у нихъ же угощаются и надъ ними же хохочутъ. Неужели думаютъ, что никто этого не понялъ и не обидѣлся?

— О, какъ вы это принимаете, Catherine! Право, не знаешь чтò сказать....

— Въ ихъ пользу тоже составляется подписка, замѣтилъ Гадалинъ:—какъ въ Петербургѣ....

— Да, прервала она, отходя: — слышала. Танцовали тамъ, въ пользу убитыхъ.

— Позвольте, Catherine, заговорила ей вслѣдъ Ольга, собравшись съ мыслями и дѣлая знаки своему поклоннику — позвольте, но какъ же сами вы пріѣхали....

— Привезли меня, отвѣчала она, не оглядываясь.

Лѣсичевъ бѣжалъ ей на встрѣчу.

— Сейчасъ начинаютъ, сказалъ онъ.

— Хорошо, отвѣчала она и вышла.

— Кто это? спросилъ Верховской, останавливая Лѣсичева.

— А, вы здѣсь.... Это? M-lle Багрянская, дочь предсѣдателя.

— Та, что вы мнѣ говорили?

— Я вамъ говорилъ?... Ахъ, дá! Она. Вамъ нравится?

— Хороша.

— Нѣтъ, право?... Ну, творите же теплую молитву: сейчасъ, въ мазуркѣ, у насъ все рѣшится.... Такъ хороша? За то, подойду и вамъ скажу въ тотъ же мигъ....

— Поздно. Я не дождусь, возразилъ Верховской.

— Да нельзя, въ залѣ заперли двери.

— Нѣтъ-ли бокового выхода?

— Чтó вы? Ужинъ славный. Христолюбивое воинство всѣмъ радо стараться....

— Я спать хочу.

— Э, какой вы, право! Такъ идите, вотъ туда, вамъ укажутъ. Утромъ явлюсь къ вамъ съ докладомъ.... Ай, начинаютъ!

Онъ убѣжалъ. Въ залѣ загремѣла веселая, страстная, грозная мазурка изъ «Жизни за царя». M-lle Ольга шла съ Гадалинымъ и не умолкала.

— Тоже чета влюбленныхъ.... подумалъ Верховской, давая ей дорогу.

Черезъ пустыя комнаты, онъ достигъ выхода.

На дворѣ было ужъ свѣтло. Послѣ духоты и копоти какъ-то пріятно пробирала утренняя сырость; послѣ туманныхъ красныхъ огней, глазамъ было и больно и хорошо отъ ровнаго, тихаго свѣта. День вставалъ великолѣпный. Мелкая трава на выгонѣ еще не поднялась, вся темная; блѣдныя, длинныя пряди ржи наклонялись тяжело, пышно, будто стеклянныя подъ тусклой росою; въ кустахъ что-то просыпалось, вѣтки вздрагивали; на розовомъ небѣ вспыхнула и исчезла крупная бѣлая звѣзда, и вслѣдъ затѣмъ вдругъ все заиграло и засвѣтилось; по землѣ побѣжали лучи, откуда-то взялись тѣни; городскія строенія забѣлѣли ярче, кресты заблестѣли.

Извощикъ Верховского снялъ шляпу и перекрестился.

— Слава тебѣ, Господи, никакъ заутреня. А что, баринъ, тамъ не скоро еще кончится?

— Нѣтъ еще, не скоро, отвѣчалъ Верховской,—а вы соскучились?

— Привыкли ужъ къ этому. Зимой труднѣе бываетъ; особенно, если когда дѣло есть свое, — и не справишься. Вотъ, мнѣ, теперь, почти что домой и ѣхать не придется.

— А тебѣ куда домой?

— Въ слободу. Мы слободскіе, казенные.

— Развѣ есть въ городѣ дѣло?

— Да вотъ какое, баринъ....

Онъ повернулся на козлахъ и пустилъ лошадь шагомъ. Исторія была самая обыкновенная. Рекрутство. За ихъ семьей очередь, ихъ три брата, но одинъ недавно умеръ, другой пошелъ на заработки по билету и безъ вѣсти пропалъ, а у этого на рукахъ слѣпой отецъ, молодая жена, куча ребятъ, изъ которыхъ старшій пятилѣтній, да вдова брата тоже съ ребятами. Охотника за себя въ войну найти трудно, но и нанять не на что. Бѣдность; еще не поправились послѣ пожара, земли мало, повинности платятся съ четырехъ душъ, все имущество — пара

лошадей, а работникъ — одинъ, и если онъ уйдетъ, семья пропала....

— Вамъ веселье, господамъ, а тутъ ночь передумаешь. Вотъ, что Господь дастъ. Велѣлъ онъ мнѣ нынче придти.

— Кто велѣлъ?

— Управляющій нашъ, Николай Степановичъ. Я у него ужъ былъ. Онъ велѣлъ себѣ просьбу подать, прописать все это, а сегодня приказалъ пораньше навѣдаться.

— Это Багрянскій, вашъ управляющій?

— Багрянскій.

— Говорятъ, онъ крутъ?

— Кто его знаетъ. До нашего брата — ничего. Денегъ, тоже, или чего другого, не беретъ. Экипажа своего не держитъ, пѣшкомъ ходитъ, а если въ дождикъ возьметъ пролетку, сейчасъ расплатится. Смѣется. Я, говоритъ, знаю, что вы, какъ нашего чиновника завидите, такъ по лошади, и ускачете.... Оно точно, потому что эти палатскіе норовятъ съ насъ, казенныхъ, хоть чѣмъ ни есть взять. А онъ провѣдаетъ — такъ-то ихъ катаетъ, Боже упаси!

Онъ засмѣялся съ добродушной злобой бѣдняка, который все-таки радуется торжеству своей стороны, хотя самъ, забитый, въ торжествѣ не участвуетъ.

— Гдѣ же это онъ катаетъ чиновниковъ, спросилъ Верховской—неужели въ палатѣ?

— Гдѣ случится. Сказываютъ, и въ палатѣ. На дому у себя чаще.

— И что жъ, не берутъ?

— Ну!

— Такъ онъ принимаетъ.... то-есть, сказывается дома когда-нибудь? Я слышалъ, къ нему не попадешь, сказалъ Верховской.

— Всякій день кто хочетъ приходи утромъ, съ самой ранней обѣдни и до десяти часовъ, а тамъ онъ уйдетъ въ палату. Господа къ нему и не ѣздятъ, потому — рано.

— Гдѣ его квартира? спросилъ Верховской.

— У него свой домъ, вотъ, въ томъ переулкѣ. Нельзя сказать, небогато живетъ.

— Семья у него?

— Вдовый. Одна дочка.

— Послушай, сказалъ Верховской, сходя у подъѣзда гостинницы,—ты зайди сказать, чѣмъ рѣшится твое дѣло.

Онъ усталъ знакомой, свѣтской, апатичной усталостью, для которой нѣтъ облегченія и во снѣ. Вчерашнее грезится человѣку, и съ первой же минуты пробужденія живая память вче-

рашняго дня бросаетъ человѣка во все вчерашнее. А это *все* было отрывочныя получувства, полувпечатлѣнія, безпокоившія безъ сердечной заботы, занимавшія безъ сознанія. И осадокъ всего, эта утренняя оглядка, такъ скучна, такъ противна, такъ туманитъ нравственно, разбиваетъ физически, что — одно средство, броситься, очертя голову, опять въ то же, чтобъ опять забыться до вечера....

— Это съ ума сойдешь! сказалъ громко Верховской, поднимаясь на постели. Да хоть бы дворъ у меня сгорѣлъ, хоть бы въ рекруты меня отдавали, хоть бы любилъ я кого-нибудь....

Онъ позвонилъ, спросилъ чаю спросилъ одѣться, и, вдругъ, вспомнивъ, спросилъ, не пріѣзжалъ ли Лѣсичевъ.

— Еще слишкомъ рано.., заявилъ лакей съ почтительнымъ недоумѣніемъ.

Верховской взглянулъ на часы: было только восемь. Какая-то тревога прогнала сонъ, какой-то стыдъ мѣшалъ постараться заснуть насильно. Добрые люди за дѣломъ. Багрянскій, тотъ даже, говорятъ, отъ раннихъ обѣдень. Вѣрно не былъ на балѣ. Какъ же его дочка выѣзжаетъ съ губернаторшей, когда губернаторъ клянетъ его на чемъ свѣтъ стоитъ? Чета эти Волкаревы!... Теперь покоятся: свершили подвигъ. И весь городъ покоится. Можно, стало быть, уйти на бульваръ и никого не встрѣтить....

III.

Въ домѣ Багрянскаго, въ сѣняхъ и тѣсной прихожей набралось много народу; тамъ, правда, были скамейки, что облегчало ожиданіе, но ждать приходилось долго: управляющій имѣлъ обыкновеніе призывать просителей по очереди въ свой кабинетъ. Кабинетъ былъ прямо изъ прихожей и тоже не просторный. За тростниковой ширмой виднѣлась низенькая постель, закинутая шерстянымъ вязанымъ одѣяломъ; по срединѣ комнаты былъ письменный столъ, очень простой, заваленный бумагами; по стѣнамъ— этажерка, также заваленная бумагами и книгами; шкафъ съ платьемъ; въ углу большой образъ Спасителя, безъ оклада, и передъ нимъ висячая лампадка. Ея огонекъ мерцалъ сквозь голубую чашку; два окна на улицу, въ которые солнце не входило, были закрыты сторами.

Утра ужъ прошло довольно, просители начинали убывать. Багрянскій занимался почти не садясь на мѣсто и расхаживалъ на маленькомъ пространствѣ. Это былъ высокій старикъ, лѣтъ подъ шестьдесятъ, сложенный здорово, хотя согнувшіяся худыя лопатки обозначались бѣлыми полосами на спинѣ его толстаго

пальто. Онъ ходилъ заложивъ руки въ карманы, потупя голову и какъ-то быстро и повелительно вскидывая ее, когда взглядывалъ на говорившаго просителя. Онъ выслушивалъ молча, спрашивалъ односложно, подходилъ къ столу и также односложно и неразборчиво записывалъ карандашомъ. Говоря, онъ останавливался передъ просителемъ и смотрѣлъ ему прямо въ лицо. Его голосъ былъ отчетливъ и рѣзокъ. Было замѣтно, что онъ усталъ, но онъ толковалъ также терпѣливо, какъ выслушивалъ, настойчиво, повторяясь, точно не вѣря, чтобъ его могли понять сразу; его слушали не дыша, не смѣя взглянуть.

— Радъ я буду до-смерти, когда вы въ конецъ разоритесь, сказалъ онъ двумъ однодворцамъ, которые только-что окончили свои разсказы. Сколько вамъ ни тягаться! Разъ навсегда вамъ приказано: не смѣть начинать тяжбы, не сказавшись окружному....

— Да вѣдь, какъ же, намъ убытки....

— Нѣтъ, не убытки, а, вотъ, «роду своего дворянскаго не покорю!» Однодворцы вы, какже, не мужики. За одной стойкой съ мужикомъ перепьетесь, а проспались—вломились въ обиду и на мужика просьбу, и чего не приплетете....

— Ты, ваше высокородіе, изволь разсудить....

— Ничего я не изволю! Все чепуха, слышалъ! Пошли судиться, ну, и судитесь. Изъ-за козы дѣло началось, годъ тянется; — вы, говорите, ужъ свою кубышку почали! Ну, вы и землю вашу протянете, что «отъ предковъ» у васъ. Надоѣло вамъ, что кусокъ хлѣба есть, — ну, дастъ Богъ, съ сумой пойдете. И я очень радъ; впередъ наука, другимъ наука. Убирайтесь.

— Ваше высокородіе, ты намъ отецъ....

— Убирайтесь, повторилъ, онъ, покуда они падали на колѣни.

Они были принуждены подняться и посторониться отъ двери; въ кабинетъ входила дочь Багрянскаго.

— Здравствуйте, батюшка.

— Здравствуй.... Какъ этого писаря зовутъ, что вамъ просьбу писалъ? обратился онъ къ мужикамъ.

— Александръ Ѳедотовъ, батюшка, отвѣчали они въ два голоса.

— Знаменской волости?

— Знаменской.

— Отмѣть, Катерина: написать окружному, чтобъ онъ этого шельму погналъ. Ну ступайте, вамъ сказано.... Кто тамъ еще?... Какъ это ты поднялась, Катерина? Отдохнула?

— Отдохнула.

— Запиши.... Да! Готово у тебя къ почтѣ, вчерашнее?

— Извольте.

— А черновая?

— У меня въ комнатѣ.... сейчасъ принесу.

Она вышла.

— Ваше высокородіе, яви ты намъ божескую милость, научи!... кричали мужики; ихъ изъ кабинета выталкивали новые просители.

Управляющій обратился къ этимъ новымъ и слушалъ, заглядывая въ бумагу, которую взялъ у дочери.

— Отецъ родной, спаси ты насъ! продолжали знаменскіе, ужъ изъ прихожей, откуда другіе выпроваживали ихъ въ сѣни.

— Ахъ, какіе вы, право, скучные! сказала имъ Катерина, возвращаясь и проходя прихожую. Въ который разъ вы опять все за тѣмъ-же?

— Да чтòжъ дѣлать, матушка-барышня! заступись хоть ты, попроси его....

— Нечего его просить. Чтò тутъ казенному управляющему вступаться, когда вы сами по себѣ начали дѣло въ уѣздномъ судѣ?

— Да это мы знаемъ!

— А знаете, и толковать нечего. Сосчитайте сами, гдѣ вамъ больше убытку: коза чтó-то тамъ оглодала, поломала.... смѣхъ, право!... или вы двадцать разъ въ городъ съѣздите, двадцать взятокъ раздадите? А дѣло вы все-таки проиграете, потому не правое. Съ вами Емельяновъ мирится; ну, и слава Богу, миритесь. Чтó за стыдъ,—почтенные пожилые люди, а такой вздоръ затѣяли! Миритесь, и дѣло съ концомъ....

— Катерина! кликнулъ ее отецъ.

Она поспѣшила въ кабинетъ. Въ тѣсныхъ комнатахъ, въ пыльной толпѣ, какъ-то особенно свѣтло мелькала ея розово-лиловая ситцевая блуза, пышная и слегка гремучая отъ крахмала. Двѣ черныя, блестящія и влажныя косы соскользнули на ходу съ головы и висѣли до колѣнъ.

— Чтó прикажете?

— Присядь, припиши, вотъ, тутъ.... А вы, ступайте въ палату, обратился онъ къ просителямъ, — я черезъ часъ тамъ буду.... Пиши. Перо хорошо? нѣтъ? Ну, не бѣда. Конфиденціальное,—авось не погонятся за формальностями. Пиши:—«Прошу ваше высокопревосходительство обратить вниманіе, что такое, въ общемъ смыслѣ неважное обстоятельство, какъ перемѣщеніе мелкаго чиновника изъ одной губерніи въ другую, можетъ быть

весьма важнымъ и тяжелымъ для самого этого чиновника, по недостаточности его средствъ....» Живутъ въ каменныхъ палатахъ, этого не понимаютъ! прибавилъ онъ, будто въ скобкахъ, покуда дочь писала.

— Тутъ и поважнѣе есть на что̀ обратить вниманіе, замѣтила она.

— Скажи.

— На нравственную сторону. Бѣдный человѣкъ немного обжился, устроился—его переводятъ. Перемѣщеніе — разореніе; очень натурально, что онъ захочетъ поправиться на новомъ мѣстѣ; тутъ былъ честенъ, а тамъ станетъ брать.

— Ну, это не натурально, а скверно.

— Очень скверно, только натурально.

— Свою совѣсть всякій самъ станетъ беречь; не начальству о ней заботиться.

— Не велика забота помнить, что бѣдность искушеніе, не унижать, не ожесточать человѣка, перегоняя его съ мѣста на мѣсто, безъ надобности, изъ пустого произвола. Говорятъ, нужны честные люди; ну, такъ берегите людей, чтобъ они оставались честными....

— Дописала ты?

— Дописала.

— Подбери-ка это, сказалъ онъ, поднимая ея косу со стула, на который хотѣлъ сѣсть. Въ его движеніи была какая-то грубая нѣжность, въ пустомъ словѣ слышалась улыбка, въ равнодушномъ взглядѣ мелькнуло будто удовольствіе. Дочь смотрѣла на него ясно и просто, какъ существо, которое знаетъ, что оно безконечно любимо и признаетъ за собою право на такую любовь.

— Погоди, вотъ, мы съ тобой дослужимъ до пенсіи, заляжемъ на покой, да тогда и станемъ вольнодумничать, проговорилъ онъ тихо, подписывая письмо и легонько тронулъ ее по носу верхушкой пера. Печатай съ Богомъ. Я возьму съ собой. Кто тамъ есть еще? А, демьяновскіе повѣренные! Ну, братцы, департаментъ утвердилъ ваше межеваніе. На той недѣлѣ къ вамъ будетъ землемѣръ. Вы его напрасно долго не задерживайте; понадобятся ему люди, подводы, — чтобъ все было во̀ время.... И ужъ больше претензій не заявлять; какъ дали приговоръ, на томъ и оставайтесь.

— Мы, ваше высокородіе, довольны, и какъ вы за насъ стояли....

— Я думаю, что довольны; вы все свое получили. Если

станете еще къ чему привязываться, пожалуй, и не хорошо вамъ будетъ. Вотъ вамъ приговоръ,—помните его?

— Помнимъ.

— Нѣтъ, я вамъ его еще перечитаю, чтобъ сомнѣнія не было. Вѣдь невелика радость, какъ окружный донесетъ, что вы тамъ опять что-нибудь затѣете. Катерина, дай демьяновскій приговоръ, да планъ ихъ дачи; возьми карандашъ, показывай имъ; я буду читать. Слушайте.

Катерина раскатала по столу длинный планъ; повѣренные внимательно слѣдили за ея указаніями; Багрянскій, читая, оглядывался и тоже указывалъ.

— Ну, видите, какъ вы хотѣли, такъ и сдѣлано; тутъ, вотъ красной краской означена поправка въ нарѣзкѣ.... А, пожалуйте! вдругъ воскликнулъ онъ, увидя входящаго чиновника:—гдѣ-жъ предписаніе? Девять часовъ, уѣздная почта отошла, а предписаніе не отослано? Я вамъ приказалъ явиться ко мнѣ въ семь!

— Никакъ не могъ, Николай Степановичъ, извините великодушно; вчера не успѣлъ, а сегодня.... Вотъ бумага.

— Почему не успѣли?

— Простите великодушно, Богъ свидѣтель.... Вчера, господинъ начальникъ губерніи.... назначался балъ....

— А, чортъ васъ всѣхъ возьми съ вашими балами! Я вамъ начальникъ, милостивый государь! Вамъ было приказано изготовить бумагу и въ семь часовъ подать мнѣ къ подписи,—умрите, а подайте! Уѣздная почта всего въ недѣлю разъ; я на вашъ счетъ эстафету пошлю!... Что такое? бѣдны? средствъ не имѣете? А вчера, на бальныя перчатки нашлись средства? Я знаю, вы взятку взяли, чтобъ задержать предписаніе! я эти штуки знаю! Рано начинаете, милостивый государь! я васъ выгоню такъ, что вы нигдѣ мѣста не найдете! Ступайте, чтобъ сію минуту было отправлено и почтовую росписку мнѣ представьте.... — Убирай планъ, Катерина; имъ растолковано, мнѣ некогда. Ступайте, братцы, съ Богомъ, и чтобъ безпорядковъ у васъ не было, скажите тамъ.... Возьми ты ихъ *дѣло*, Катерина, сбери, свяжи; я пришлю за нимъ изъ палаты....—Вы еще здѣсь? обратился онъ къ чиновнику:—мало слышали?

Чиновникъ исчезъ. Мужики выходили тоже. Пока ихъ въ кабинетѣ замѣняли послѣдніе просители—старый мужикъ и молодой волостной писарь,—Катерина вытащила въ прихожую огромную связку бумагъ, бросила ее на полъ и принялась скручивать толстой веревкой. Ея сильныя руки, открытыя за локоть въ распадавшихся рукавахъ блузы, ловко захлестывали узлы; косы

опять распустились; весело закидывая голову, она шутила съ демьяновскими мужиками.

— Барышня-то, до всего дошла!

— Какъ-же, дѣлопроизводителемъ служу. Вотъ ваше *дѣло*, этакое толстое, насилу-то конецъ ему. Только вы теперь, Христомъ-Богомъ, не скупитесь; земли у васъ въ волю, учите вы ребятъ. Лѣтомъ отмежуетесь, а къ осени, составляйте приговоръ, просите школу. Отецъ какъ-разъ утвердитъ. А я вамъ на обзаведеніе — грифельныя доски, карандаши, бумагу, и учителя вамъ найду.

— Гдѣ его возьмешь, барышня!

— Вотъ еще, гдѣ взять,—найду. Только не отставного солдата и не дьячка; эти дерутся больно.

Мужики расхохотались.

— А ты, барышня, почему знаешь?

— Меня дьячекъ училъ, отвѣчала она, хохоча тоже.

Вдругъ передъ нею, за спинами мужиковъ, въ отворенной настежь сѣнной двери, показалась высокая шляпа, щегольское пальто и вошелъ Верховской. Онъ остановился на порогѣ, сконфуженный.

— Можно видѣть г. Багрянскаго? спросилъ онъ съ низкимъ поклономъ.

— Можно, отвѣчала Катерина, приподнимаясь и поднимая свою связку:—только, извините, надо подождать; онъ занятъ.

— Я вчера не имѣлъ чести быть вамъ представленъ, продолжалъ онъ, кланяясь снова: — Верховской, изъ Петербурга, пріѣзжій. Если вашъ батюшка не можетъ удѣлить мнѣ минуты, я зайду въ другое время.

— Зачѣмъ-же, если у васъ дѣло, возразила она: — я ему скажу.

— Кто тамъ, Катерина? спросилъ Багрянскій.

Она вошла въ кабинетъ и объясняла тихо.

— Проси... Съ Богомъ, напутствовалъ Багрянскій мужика и обратился къ писарю:—Ты говорилъ, у тебя не экстренное; можешь подождать?

— Могу, ваше высокородіе.

— Такъ подожди.—Что вамъ угодно? спросилъ онъ входящаго Верховского.

Верховской въ эту минуту не зналъ, что̀ ему угодно. Правда, въ своей прогулкѣ, онъ также безсознательно забрелъ въ этотъ переулокъ, спросилъ мужиковъ и узналъ отъ нихъ, что это домъ Багрянскаго, но, входя, онъ говорилъ себѣ, что необходимо о чемъ-то узнать, справиться.... Все это вылетѣло у него изъ па-

мяти. Только когда Багрянскій двинулъ ему стулъ, приглашая сѣсть, Верховской нѣсколько опомнился.

— Мнѣ необходимы свѣдѣнія по дѣлу села Спасскаго, началъ онъ.

— Котораго Спасскаго?

— Госпожи.... госпожи Запольцевой, отвѣчалъ, припоминая, Верховской.

— А, гдѣ бунтовали, сказалъ Багрянскій, съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ. Если вамъ нужны свѣдѣнія о возстаніи, то я не могу вамъ дать ихъ: недовольные были не государственные крестьяне, а народъ госпожи Запольцевой.

— Нѣтъ, не то... о межеваніи.

— Это другое дѣло. Что вамъ угодно?

— Я намѣренъ... Мнѣ предлагаютъ купить это имѣніе. Согласитесь, что купить съ нимъ вмѣстѣ и неконченное дѣло...

— Да, непріятно. Тѣмъ болѣе, что дѣло скверное. Госпожа Запольцева давно, съ десятокъ лѣтъ, и побольше, завладѣла землей спасскихъ однодворцевъ. Понемногу, да понемногу; долго это продолжалось; однодворцы, конечно, жаловались; на это, конечно, не обращали вниманія. Запольцева задаривала; здѣсь у нея знакомства, въ Петербургѣ связи, поддержка. Теперь, пришло межеваніе. Въ этой дачѣ оно по наличному владѣнію; документовъ нѣтъ. Дачу сняли на планъ. Запольцева показала, что у нея — столько-то. Крестьяне, натурально, несогласны. Дѣло въ такомъ видѣ представлено мнѣ въ палату. Запольцева хлопочетъ въ Петербургѣ и мнѣ оттуда и предписываютъ и подтверждаютъ утвердить межеваніе, какъ оно предположено, потому будто бы, что требованія крестьянъ неосновательны, излишни, незаконны. Но я знаю, что крестьяне правы, и безъ ихъ согласія, палата не утвердитъ сказки, хоть департаментъ сто разъ торопи. Я такъ сказалъ и написалъ министру.

— Много этой земли отошло у однодворцевъ?

— Довольно. Катерина, покажи планъ.

Верховской вскочилъ помочь дѣвушкѣ и подхватилъ планъ, который она раскатывала сверхъ всего, что лежало на столѣ. На этотъ разъ Багрянскій самъ вооружился карандашомъ и толковалъ.

— Вотъ сколько захвачено; въ разное время, клочками... Но доказательствъ завладѣнія нѣтъ. Куда дѣвались жалобы крестьянъ...

— Стало быть, можетъ случиться, что ваше представленіе министру..., началъ Верховской и остановился.

— Не будетъ уважено, какъ основанное на однихъ словесныхъ показаніяхъ? Все возможно. Даже вѣроятно.

— И тогда?

— Тогда я сдамъ дѣло въ департаментъ и пускай онъ самъ утверждаетъ за госпожой Запольцевой.

— И крестьяне лишатся своей собственности?

— Что же дѣлать.

— Но... если, прежде нежели вы передадите дѣло въ департаментъ, имѣніе будетъ куплено и новый владѣлецъ уступитъ землю крестьянамъ полюбовно?

— Его воля. Это будетъ очень пріятно госпожѣ Запольцевой: она возьметъ даромъ если не землю, такъ деньги, отвѣчалъ Багрянскій, усмѣхнувшись.

Верховской поднялъ глаза. Катерина улыбалась тоже.

— Нѣтъ... Но вѣдь это единственное средство..., сказалъ онъ.

— У васъ, вѣрно, много лишнихъ денегъ?

— Нѣтъ...

Верховской тоже чему-то засмѣялся.

— Я никогда не покупалъ имѣній..., сказалъ онъ, будто оправдываясь.

Онъ опять взглянулъ передъ собою и выпустилъ конецъ плана. Крѣпкая бумага шумно завилась свиткомъ.

— Мнѣ бы хотѣлось узнать еще нѣкоторыя подробности...

— Съ удовольствіемъ, но теперь мнѣ некогда; пора въ палату. — Дай чаю, Катерина, а я одѣнусь. Вы покуда можете спросить ее; она знаетъ дѣло.

Онъ показалъ па дочь.

— Милости просимъ въ гостиную; я сейчасъ...

Катерина ужъ уложила планъ на мѣсто и шла впередъ, оглянувшись на Верховскаго; онъ пошелъ за нею.

— Милости просимъ, повторила она, входя въ другую комнату, и куда-то скрылась.

Верховской остался одинъ. Пріемная была прямо изъ прихожей, и, очевидно, единственная. Въ ней не было симметрическаго порядка гостиныхъ вообще, а провинціальныхъ въ особенности. Диванъ у одной стѣны, старый рояль у другой; мягкія кресла и плетеные стулья; на стѣнахъ ни картинъ, ни зеркала; большая рѣшетка съ плющомъ; плющъ переросъ ее и по шнуркамъ, густой косматой охабкой перекидывался на окно, замѣняя драпировку. Окна были довольно низки; одно отворено. На улицѣ пусто, будто въ деревнѣ. Должно быть, вѣтеръ распахнулъ боковую дверь; за ней показалась часть небольшой комнаты и прямо, въ глубинѣ, еще отворенная дверь въ садъ; большія тем-

ныя деревья, маленькій просвѣтъ яснаго неба; клочокъ песку, розоваго на солнцѣ, какіе-то цвѣты, серебристые будто звѣзды. Оттуда понесло тепломъ, прохладой, запахомъ земли и этихъ цвѣтовъ.

— Нарцизы, подумалъ Верховской.

Но онъ только ихъ и назвалъ по имени изъ всего, что видѣлъ; только это и опредѣлилъ онъ въ своихъ настоящихъ ощущеніяхъ. Въ этой небольшой комнатѣ ему было какъ-то особенно просторно; его охватывало какой-то свѣжестью; ему было какъ-то весело, и вдругъ, Богъ знаетъ почему, онъ подумалъ, что онъ здоровъ и молодъ. Онъ зналъ, что никогда не видалъ того, что̀ было передъ нимъ, но ему представлялось, что онъ всегда жилъ тутъ. Все *это* казалось ему его собственностью, а между тѣмъ, онъ ни къ чему не смѣлъ коснуться. Ему вдругъ, мгновенно, вспомнилось, какъ однажды, еще мальчикомъ, онъ зашелъ въ лугъ, гдѣ трава и цвѣты были ему выше пояса; какъ было влажно, жарко, душисто, какъ у него закружилась голова, глядя въ высокое, безконечно-синее небо. Онъ отчетливо вспомнилъ это и не помнилъ вчерашняго дня. Голова у него, въ самомъ дѣлѣ, что-то кружилась.

Онъ оглянулся на шорохъ. На накрытомъ столѣ, котораго онъ не замѣтилъ, вошедшая женщина поставила самоваръ.

Изъ другихъ комнатъ, или изъ сада, послышался звонкій голосъ:

— Сейчасъ, сейчасъ, бѣгу!

Черезъ минуту вошла Катерина. Верховской былъ почему-то увѣренъ, что она не перемѣнила туалета, и не ошибся: она только крѣпче подобрала свои косы.

— Извините, сказала она: — меня тамъ задержали. Чтó-жъ вы хотите узнать о дѣлѣ?

Она сѣла къ столу и готовила чай. Верховскому хотѣлось узнать, почему ее будто слушалось все, за что̀ она бралась. Онъ заглядѣлся и не успѣлъ отвѣчать, какъ она ужъ подавала ему стаканъ.

— Прикажете?

— Ахъ, съ большимъ удовольствіемъ. Я рано всталъ и много прошелся... Какъ вчера *тамъ* было душно, скучно. Я раньше всѣхъ уѣхалъ.

Для чего онъ сказалъ это, онъ самъ не зналъ; онъ чувствовалъ, что говоритъ вздоръ, но ему было какъ-то необходимо сказать именно это, будто какое-то оправданіе.

— Такъ вы проголодались? спросила она: — угодно?

Она подавала ему сливки и хлѣбъ, который нарѣзала огром-

ными ломтями. Верховской обрадовался, будто не видалъ ничего этого отъ-роду, и между тѣмъ чувствовалъ, что вовсе не голоденъ. Еслибы онъ далъ себѣ волю, онъ бы запѣлъ. Онъ самъ не зналъ, чего ему хотѣлось.

— И вы такъ всегда, всякое утро..., началъ онъ.

Она взглянула на него.

— Заняты съ вашимъ батюшкой?

— Да.

— Это утомительно.

— Не больше, чѣмъ что́ другое.

— Но это такъ скучно!

— Напротивъ, очень занимательно.

— Неужели вы находите? Что-жъ занимательнаго... конечно, продолжалъ онъ, сбившись, затрудняясь и не находя выраженій: — это оригинально, но... но это такъ грубо.

Она опять взглянула на него и помолчала.

— Да, что́ же! начала она: — вамъ нужны подробности о Спасскомъ. Вѣроятно, о землѣ? Тамъ земля недурна, но ея мало... то-есть, не въ имѣніи Запольцевой, а у государственныхъ крестьянъ. Эти, просто, несчастные; менѣе двухъ десятинъ на душу; положительно, у кого есть лишняя овца, тотъ богачъ. И какъ ихъ грабили! Потому они такъ и стоятъ за свою землю. Еслибъ были какіе-нибудь промыслы, или оброчныя статьи, или что́-нибудь въ личную собственность... на землю въ личную собственность они имѣютъ особенныя права...

— Что-жъ это, вдругъ подумалъ Верховской: — я, кажется, не мальчикъ, а мнѣ такую азбуку толкуютъ...

Вѣроятно, эта мысль выразилась на его лицѣ. Катерина остановилась, и потомъ продолжала:

— Но вамъ, конечно, интереснѣе слышать о владѣльческомъ имѣніи...

— Все слышалъ, прервалъ онъ нѣсколько нетерпѣливо. Скажите мнѣ лучше, сколько эта Запольцева отняла у мужиковъ?

— Десятинъ пятьдесятъ... Но вы видѣли! отвѣчала она также нетерпѣливо и съ недоумѣніемъ.

— Ахъ, да, на планѣ. Виноватъ.

Ее взяла досада,— больше, злость, негодованіе. Этотъ господинъ тратитъ въ годъ десятки тысячъ на фраки и попойки, — гдѣ ему считать мужицкіе убытки...

— Въ томъ уѣздѣ цѣна на землю высока, замѣтила она: — Запольцева, конечно, продаетъ вамъ не дешево.

— Да.

— Такъ, что можетъ дорого обойтись фантазія уступить

крестьянамъ полюбовно, продолжала она, замѣтно и обидно вызывая и насмѣшничая.

— Да...

— И благоразумнѣе положиться на рѣшеніе департамента...

— Вотъ объ этомъ я хотѣлъ спросить васъ, прервалъ онъ: — неужели департаментъ откажетъ крестьянамъ?

— Непремѣнно.

— Но интересы казны?

— То-есть, крестьянъ, о которыхъ думаетъ одинъ мой отецъ.

— Но мнѣніе вашего отца?

— Объ этомъ и думать нечего! возразила она, видимо задѣтая за живое: — что́ такое его мнѣніе, когда на той сторонѣ и деньги, и связи!

— Но, наконецъ, послѣдствія, недовольство крестьянъ...

— Конечно, они молчать не станутъ! въ Спасскомъ вообще духъ такой... Ну, что-жъ... уймутъ ихъ, какъ унимали!

У нея вырвалось рѣзкое движеніе.

— А мой отецъ — неважная особа; заупрямится — можно прогнать съ мѣста. Здѣсь тоже есть пріятно расположенные люди. Запольцева, кстати, родня какому-то волкаревскому принцу...

— Какъ, волкаревскому принцу?

— Ну, да... Вѣдь у Волкарева все князья и графы, сказала она, смутясь. Отецъ пропадетъ на этомъ дѣлѣ.

— Отъ волкаревскихъ князей? Полноте! прервалъ весело Верховской. — Такъ научите же меня. Я сегодня совершаю купчую на Спасское; какъ бы потомъ скорѣе кончить съ казенными? Я отдамъ имъ все, чего они хотятъ.

— Вы отдадите? полюбовно? Вы не шутите?

— Вѣдь это ихъ собственность.

— Нѣтъ, въ самомъ-дѣлѣ, вы это сдѣлаете? переспросила она, обрадовавшись такъ, что поднялась съ мѣста.

— Не глядя на планъ! отвѣчалъ Верховской.

— Такъ нельзя! вскричала она весело: — вамъ будетъ еще много хлопотъ!

— Только какъ можно скорѣе.

— Для чего?

— Скорѣе лучше. Покуда не прошла фантазія, прибавилъ онъ.

Она покраснѣла и вдругъ прямо подняла на него глаза.

Ему показалось, что передъ нимъ что-то вспыхнуло.

— Простите меня, сказала она очень твердо и отчетливо.

— Ахъ, Боже мой, что вы, это шутка... заговорилъ онъ.

— Да я-то не шутила, возразила она.

— Не шутили? Тѣмъ лучше... право! подтвердилъ Верхов-

ской радостно. Я такъ доволенъ, что вы мнѣ это сказали. Я все готовъ сдѣлать, увѣряю васъ. Но обстоятельства... мнѣ надо какъ можно скорѣе. Могу-ли я попросить вашего батюшку?

— Я ему скажу, отвѣчала она, задумавшись.

— Покупку я кончу сегодня, завтра... но если въ Петербургѣ какъ-нибудь...

— Подтвержденіе было недавно, отецъ еще не отвѣчалъ и дѣло въ палатѣ. Вы успѣете.

— На этой недѣлѣ?

— Пожалуй, отвѣчала она, все еще задумавшись. — Вамъ очень нравится эта деревня?

— Спасское? Нѣтъ.

Катерина хотѣла что-то спросить, когда вошелъ ея отецъ. Онъ былъ въ форменномъ фракѣ, съ крестомъ на шеѣ, несъ какой-то листокъ и казался въ веселомъ расположеніи.

— Вотъ, матушка, насладись. Извините, обратился онъ къ Верховскому, торопливо принимаясь за чай: — объяснила она вамъ, что̀ нужно?

— Совершенно. Я чрезвычайно обязанъ. На дняхъ я буду васъ просить...

— Что могу сдѣлать, извольте. — Прочла?

— Э, вздоръ какой, сказала Катерина, отбросивъ листокъ: — вѣдь вы знаете, что я этого терпѣть не могу!

— Видите! Нѣтъ, должна любить, возразилъ отецъ, смѣясь: — народность, патріотизмъ, поэзія...

— И ничего этого на волосъ! вскричала она съ негодова-

— Постой, — какая сердитая! Дай хоть другимъ полюбоваться. Это мнѣ сейчасъ представилъ нашъ волостной писарь; юный человѣкъ, щеголь. Вдохновился, говоритъ, въ часы досуга и басню сочинилъ на современныя событія. Дай сюда, Катерина. Послушайте, какіе у насъ поэты; сто̀ютъ вашихъ петербургскихъ:

«Сосѣдъ Пахомъ
Былъ съ сѣрымъ волкомъ знакомъ;
И похвались волкъ и Пахомъ съ женою
Идти на льва войною...»

— Чай простылъ, прервала Катерина: опоздаете!

Багрянскій показалъ на нее Верховскому и захохоталъ.

— Нѣтъ, постойте, вскричала Катерина, положивъ обѣ руки на руки отца, когда онъ опять брался за басню: — вы лучше скажите, что̀ вы на это сказали? А я знаю: вы ему помянули

его «часы досуга» за то, что онъ вѣдомости о застрахованіи перепуталъ, да погнали его! Чтó? тàкъ? отгадала?

— Ну, погналъ, отвѣчалъ Багрянскій.

— Зачѣмъ же меня дразнить? Вѣдь вы сами этихъ вещей не любите?

— Въ наше время эти вещи необходимы, возразилъ онъ вдругъ серьезно.

— То-есть, только неизбѣжны, замѣтилъ Верховской.

Багрянскій взглянулъ на него, вскинувъ головою.

— Почему?

— Онѣ — средство. Вотъ и этотъ поэтъ, вѣроятно, чего-нибудь надѣется, разсчитываетъ. Но своекорыстныя дѣлишки не помощь общему дѣлу.

— Слѣдовательно — не необходимы! прибавила Катерина.

— Рада? сказалъ отецъ съ насмѣшливой горечью, хотя ласково. — Ну, и еще тебя обрадую: все отгадано вѣрно; молодецъ просилъ представить это кому слѣдуетъ...

— Вотъ и патріотизмъ! вскричала Катерина.

— Погоди! Но тѣ, которые прочтутъ, не знаютъ корыстнаго намѣренія; въ нихъ чувство пробудится искреннее...

— Отъ этого вздора?

— Не отъ *этого*, есть получше. Теперь ужъ вообще говоримъ объ этихъ вещахъ...

— Кàкъ, преувеличенное, посредственное?..

— Какое тебѣ дѣло? не смотри кàкъ написано, не ищи зачѣмъ написано, отдайся идеѣ...

— Какая бы она ни была?

— А тебѣ еще разбирать идею?...

— Но отдаваться ей безъ анализа — фанатизмъ, прервалъ Верховской.

— А то какъ же? возразилъ Багрянскій: — да чтó вы безъ него сдѣлаете? На свѣтѣ развелось много разныхъ *измовъ* и во всякомъ должна быть своя доля фанатизма, иначе *измъ* вашъ пропалъ: вы нейдете въ немъ до конца; начались оглядки, уступки, анализъ; вы сбились съ толку, а противникъ этимъ пользуется... Скользкій *измъ*, вотъ, этотъ, что теперь въ ходу, — патріотизмъ...

— Но, возразилъ Верховской: кто не *въ ходъ пускаетъ*, а въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ, тотъ имѣетъ право разбирать. Прочное чувство съ того растетъ.

— Такъ разбирайте про себя, отвѣчалъ Багрянскій.

— Зачѣмъ же не передать другимъ того, отъ чего намъ хорошо? вступилась Катерина.

— Затѣмъ, что тебя заслышатъ, да всякое, и прочное, и непрочное, запоетъ на свой голосъ.

— Но неужели лучше молчаніе...? началъ Верховской.

— Порядокъ-съ! прервалъ Багрянскій съ своимъ страннымъ, насмѣшливо горькимъ выраженіемъ.—Вотъ, и я, по вашей милости, отъ порядка отбился. Въ палатѣ теперь ужъ думаютъ, я умеръ. Прощай, бунтовщица. До свиданія, сказалъ онъ, подавая руку Верховскому:—какъ только ваше дѣло...

— Нѣтъ, позвольте мнѣ бывать у васъ и безъ дѣла, сказалъ Верховской: — когда могу не стѣснить васъ, не помѣшать занятіямъ...

— Я отъ людей не прячусь и стѣсняться самъ не стану, отвѣчалъ Багрянскій, уже на порогѣ прихожей;—а занятъ весь день, кромѣ сумерекъ послѣ обѣда, иногда вечеръ, чтобъ глаза отдохнули. Она—всегда свободна, милости просимъ. Но моего визита, предупреждаю, не прогнѣвайтесь, не скоро дождетесь.

— И ждать не смѣю, прервалъ Верховской: — позвольте придти сегодня въ сумерки.

— Такъ ужъ лучше обѣдать, въ пять часовъ. Запри за мною, Катерина.

Онъ снялъ съ вѣшалки пальто, накинулъ и вышелъ. Катерина убирала на чайномъ столѣ. Верховскому стало вдругъ неловко.

— До свиданія, сказалъ онъ:—я тоже потороплюсь съ своими дѣлами...

— До свиданія, отвѣчала она.

Онъ откланялся. Проходя сѣнями, онъ слышалъ какъ стукнулъ крючекъ у двери, которую запирали. Утро было прелестное. Верховской шелъ тихонько, гуляя, поглядывая по сторонамъ на пустой переулокъ. Онъ доходилъ до угла, когда мимо проѣхали дрожки. Верховской узналъ Лѣсичева и посмотрѣлъ вслѣдъ: дрожки остановились у подъѣзда Багрянскаго.

— Что̀ такъ рано? подумалъ Верховской и взглянулъ на часы: было около полдня.—Зачѣмъ? Примутъ его или нѣтъ?... Лѣсичева приняли.

— Никого у меня не было? спросилъ Верховской, входя въ свой номеръ.

— Никого.

«Видно еще не все рѣшили...», подумалъ онъ съ какой-то досадой, рѣшаясь о чемъ-то не думать, между тѣмъ какъ эта,—и одна эта дума не выходила у него изъ головы. Она прервалась вдругъ довольно злымъ смѣхомъ.

— Франтикъ вообразилъ себѣ, что предсталъ и побѣдилъ, «руку и сердце!» и такъ ему и обрадовались. Должно быть, обжегся. Только чего-жъ еще онъ отправился добиваться? Правда, такіе господа сразу не понимаютъ... Или, можетъ быть, теперь только и объясненіе?... Да мнѣ-то какое дѣло? заключилъ Верховской, продолжая смѣяться и отпирая свою шкатулку.

Онъ досталъ письмо въ шесть страницъ въ клѣтку.

— Какъ это—три дня и нѣтъ еще «строжайшаго подтвержденія?...» Ну-съ, вы изволите говорить, что я на свободѣ, благо есть средства, пользуюсь ими по вкусу и характеру. Я не обману вашихъ предположеній. Мнѣ представляется случай поступить именно по вкусу и характеру. Честная душа указала мнѣ, что̀ я могу сдѣлать — я сдѣлаю. Я вамъ куплю помѣстье со всѣми угодьями и со всѣми нищими, но я хоть клочекъ вырву изъ-подъ вашихъ китайскихъ ногтей, я хоть посмотрю, какъ вы позеленѣете со злости... А я, что̀-жъ? я поступаю по закону. Казенное не горитъ, не тонетъ. Я купилъ землю; говорятъ—казенная; я долженъ возвратить... Вы бы не торопили меня съ покупкой, Лидія Матвѣевна; департаментъ утвердилъ бы за вашей пріятельницей и все было бы ваше...

Онъ на-скоро написалъ записку и позвонилъ.

— Велите извощику отвезти это г. Духанову и на словахъ еще сказать, что я сію минуту жду его къ себѣ.

Духановъ какъ разъ явился. Ужъ если купчая не могла быть изготовлена заранѣе, то, по крайней мѣрѣ, дѣловой человѣкъ заранѣе составилъ ее на-черно, не забывъ ни одной подробности, ни одной формальности, и устроилъ, что она могла переписаться скоро, вмигъ нашлась и гербовая бумага, и писаря съ прекраснѣйшимъ почеркомъ, и свидѣтели, и всякое во всемъ содѣйствіе. Когда Духановъ вмѣстѣ съ Верховскимъ вошелъ въ гражданскую палату, его встрѣтили какъ давно жданнаго гостя. Пока Верховской объяснялся съ начальниками, Духановъ съ любезной, шутливо-покровительной улыбкой шептался съ чиновниками; онъ, конечно, издали, отчасти покровительственно посматривалъ и на Верховского, тонко давая понять, что богачъ, будь онъ сто разъ юристъ, никогда ничего въ дѣлахъ не смыслитъ. Благодаря его стараніямъ, все очень скоро сдѣлалось, а неготовое Верховской попросилъ привезти къ нему на домъ.

— Въ шестомъ часу, сегодня, сказали ему.

— Сегодня мнѣ некогда. Завтра, сказалъ Верховской.

Духановъ, не менѣе его довольный, выходилъ изъ присутствія.

— Вотъ, Андрей Васильевичъ, и обдѣлали, говорилъ онъ

въ сѣняхъ, щеголяя передъ сторожами своей короткостью съ богачемъ и внутренно негодуя, что этотъ богачъ идетъ пѣшкомъ. Не утомились, Андрей Васильевичъ? Жарко. Коляску бы, или хоть пролетку...

— Я привыкъ ходить, отвѣчалъ Верховской.

Духановъ сообразилъ, что такъ, пожалуй, и лучше: хоть и пріятно было бы прокатиться по улицамъ съ этимъ бариномъ въ коляскѣ, но баринъ могъ и не пригласить, а теперь, всѣ долго могутъ любоваться, какъ они идутъ вмѣстѣ.

— Привыкли ходить... петербургскій житель, хе-хе... Вотъ, здѣшній житель будете. Только, въ деревнѣ... Для зимы-бы домикъ здѣсь пріобрѣсти не мѣшало, Андрей Васильевичъ, такъ, небольшой, покоевъ въ двадцать, чтобъ не показалось тѣсно послѣ казеннаго, хе-хе... Какъ полагаете?

— Не знаю.

— А это вы очень ловко сдѣлали, Андрей Васильевичъ, приказали къ себѣ на квартиру книгу привезти. Знаете порядки! Я ужъ, за васъ, признаться, обѣщалъ... Ну, что тамъ! какъ насъ называютъ, «крапивное сѣмя»—крохами питаемся. И потомъ, вамъ уступка бо́льшая сдѣлана; нельзя, такъ сказать, на радости. На сливаньи, говорятъ, медъ пьютъ... Да вотъ, я... вы меня извините, изъ памяти вонъ: вамъ, быть можетъ, нужно размѣнять? я бы могъ сейчасъ въ казначействѣ, по знакомству...

— Благодарю, не нужно.

— Запаслись, значитъ, приготовили?... Какъ я, право, радъ за васъ, Андрей Васильевичъ, что вы успѣли. У меня хоть, знаете, за себя сердце замираетъ: купчую госпожа Запольцева только въ самомъ крайнемъ случаѣ разрѣшила мнѣ дѣлать на ея счетъ, да ужъ такъ, для васъ, ей-богу, уступилъ я это! за то ужъ вы, тамъ, кому нужно, знаете, грѣхъ пополамъ...

— Я расплачусь.

— Сдѣлайте ваше одолженіе. Потому, мнѣ, ей-богу, за всѣ мои старанія выгоды очень мало. Я вамъ откровенно скажу, Андрей Васильевичъ, такъ какъ вы благородный человѣкъ,—эта госпожа Запольцева, хоть она и статская совѣтница, а совѣсти, съ позволенія сказать, у иного мужика больше. Опять, это межеваніе съ казенными. Еслибы, ей-богу, не я ей открылъ источники, такъ бы ей эту землю сейчасъ уполномоченный съ землемѣромъ и отхватили. И за это мнѣ благодарности — мѣдный грошъ! Какая это благородная дама, помилуйте! По крайности, мнѣ теперь въ глубинѣ души убѣжденіе, что я для образованнаго человѣка; для вашей супруги старался, о которой наслы-

шанъ. Если я и лишусь черезъ это, то вотъ ужъ мнѣ вознагражденіе, а я надѣюсь...

— Присутствіе теперь вездѣ кончилось? прервалъ Верховской.

— Только въ «имуществахъ» сидятъ! отвѣчалъ свѣтски небрежно Духановъ. Мученики. Ихній управляющій изъ кутейниковъ, знаете, такъ и тянетъ до вечерень; на сонъ грядущій молитвы прочли, другого святого помянули,—ну, тогда и начнетъ Богъ прощать. Я этой каторги попробовалъ, — нѣтъ, силъ не стало!

— Вы служили у Багрянскаго?

— Какъ же-съ. Я все извѣдалъ. Вотъ пустѣйшій человѣкъ, я вамъ скажу. Формалистъ естественный, а чтобъ онъ цѣнилъ способности, или, тамъ, обратилъ вниманіе... Имѣлъ честь у него въ домѣ бывать-съ. Зимой, со свѣчками подымется, холодъ, кругомъ тулупами накурятъ, натопчутъ... Просто, спазмы, бывало, дѣлаются. И все ругается. А богомольный какой, туда-же! Ужъ всегда такіе люди, Андрей Васильевичъ...

— Стой, стой! раздалось на улицѣ.

Волкаревъ, въ легонькомъ плащикѣ сверхъ расшивного мундира, полулежа въ коляскѣ, мчался изъ присутствія. Увидя Верховского, онъ закричалъ своему кучеру остановиться и соскочилъ на тротуаръ.

— Андрей Васильевичъ, счастливая встрѣча! Я слышалъ — совершили купчую? Прекрасно! Куда теперь?

— Домой, отвѣчалъ Верховской.

— И обѣдать ко мнѣ?

— Благодарю васъ. Нѣтъ.

— Eh, quelle idée, je vous enlève! Жена не впуститъ меня въ домъ, когда узнаетъ...

— Извините, право, не могу; усталъ...

— Э, mon cher, стыдно такъ отговариваться молодежи! Взгляните на меня: я изъ-за дѣла... Смѣхъ и слезы! свидѣтельствовалъ сумасшедшихъ... А послѣ вчерашняго бала, ихъ должно много прибавиться, des fous d'amour, не правда-ли? И вы тоже, и вы!...

Волкаревъ игриво погрозилъ пальцемъ.

— La divine madame Горновъ! то-то вы и приносите покаяніе по судебнымъ мытарствамъ... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, придите?

— Не могу, извините.

— Такъ вечеромъ, безъ отговорокъ. Я васъ исповѣдую по части уклоненій отъ супружескаго долга. Au revoir!

— Да, другого! вскричала она и ея глаза вспыхнули: — я вамъ повѣрила. За ваше чувство, за желаніе моего счастья, за ваше уваженіе ко мнѣ, я передъ вами обязана. Вы для меня не чужой.

— Катерина Николаевна!

— А по свѣтскому закону, я должна была въ ту же минуту прогнать васъ какъ врага, и вы бы меня избѣгали, а посторонніе стали бы сплетничать; человѣка, котораго я уважаю, за котораго нейду только потому, что не хочу обѣщать ему лишняго,—этого человѣка назвали бы забракованнымъ женихомъ!

— Однако, Катерина Николаевна, таково мое положеніе.

— Совсѣмъ нѣтъ! возразила она. Вотъ, зачѣмъ я васъ звала: забудьте, что вы мнѣ вчера *объяснились*, а чужіе, никто этого во вѣкъ не узнаетъ. Будемте по прежнему; нѣтъ, даже лучше прежняго. Я только вчера узнала, какъ это хорошо, честно—любовь. Я не могу вамъ отвѣчать такой-же любовью, но есть другое чувство, такое жъ полное, искреннее. Можно быть другомъ, товарищемъ. Не такъ-ли? Если вы меня за что-нибудь полюбили, я, стало-быть, гожусь въ товарищи? За одно, въ радости и въ горѣ, откровенно во всемъ, что̀ есть на душѣ; поберечь другъ друга, посовѣтовать, утѣшить... Ахъ, я буду счастлива, когда у васъ будетъ милая! Зачѣмъ намъ расходиться, сторониться, не знаю что... насильно, холодно, зло уничтожать въ себѣ настоящее человѣческое чувство? Теперь-то ему и быть!

Она оживилась, встала; ея смущеніе совсѣмъ прошло, ея щеки опять порозовѣли; въ глазахъ сіяло безконечно чистое выраженіе доброты, мысли, веселости. Лѣсичевъ молчалъ.

— Такъ ли? спросила она.

— Вы идеалистка, Катерина Николаевна! отвѣчалъ онъ и всталъ. Такъ на свѣтѣ не дѣлается.

— Но развѣ не лучше, еслибы такъ дѣлалось?

— Для меня въ этомъ случаѣ, конечно, лучше то̀, что вы позволяете мнѣ бывать у васъ и тѣмъ избавляете отъ пересудовъ, сочувствій, ну, и прочаго. Я вамъ чрезвычайно благодаренъ. Будьте увѣрены, я не злоупотреблю вашимъ великодушіемъ; постараюсь не наскучить....

— Евгеній Ивановичъ, что̀ это такое?

— Иначе нельзя, сказалъ онъ вдругъ съ рѣзкой злостью.— Вы думаете, нищіе такъ и благословляютъ за милостыню? Ошибаетесь.... Во всякомъ случаѣ, повѣрьте, я вамъ очень благодаренъ. Такъ, до свиданья?

Онъ, смѣясь, протянулъ руку. Она серьёзно дала свою.

— До свиданья.

Лѣсичевъ дошелъ до двери и вдругъ остановился.

— А что, Катерина Николаевна, могу ли я.... Не смѣя, впрочемъ, никакъ принять обязательно предложенныхъ мнѣ правъ друга и товарища!... но могу ли я обратиться къ вамъ съ однимъ, весьма интереснымъ для меня вопросомъ?

— Можете.

— И вы отвѣтите на него съ полной искренностью?

— Непремѣнно.

— Вы сейчасъ сказали, что еще не были любимы и что я первый далъ вамъ понятіе объ этомъ удовольствіи. Изъ чего я заключаю, что вы сами еще никогда не любили?

— Никогда.

— Такъ и буду знать. Merci.

Онъ еще разъ поклонился, продолжая смѣяться, и вышелъ. Послышалось, какъ онъ уѣхалъ.

Катерина принялась опять за шитье; оно выпадало у нея изъ рукъ. Она взяла книгу, ушла въ другую комнату и сѣла на ступеньки отвореннаго балкона. Чтеніе пе шло на умъ. Она тихо положила книгу и смотрѣла передъ собою. Нарцизы покачивали головками надъ разстилавшейся землею. Солнце ужъ было высоко, но балконъ оставался въ тѣни. Огромныя старыя деревья составляли всю красоту этого сада, — вѣрнѣе, пространства въ нѣсколько саженъ, остатка большой барской усадьбы, распроданной по клочкамъ въ разныя руки. Постройки, и необходимыя, и безтолковыя, какъ большая часть построекъ, особенно въ провинціи, — истребили вѣковой садъ; отъ него уцѣлѣло только то, что̀ досталось Багрянскому, когда, два года назадъ, онъ купилъ этотъ домъ: десятокъ липъ и кленовъ, четырехъ-угольное мѣстечко передъ балкономъ, гдѣ Катерина разбила клумбу и насажала цвѣтовъ и множество одичавшей акаціи. Садъ приходился на уголъ. Акація густо шла кругомъ забора со стороны улицы и переулка, длинной, узенькой аллейкой упиралась въ заборъ другой чужой усадьбы и тамъ разрослась еще гуще и сплелась бесѣдкой. По аллейкѣ шла вытоптанная тропинка. Это было любимое мѣсто прогулокъ Катерины, — любимое, можетъ быть, потому, что единственное.

Ей вздумалось пройтись и теперь, когда не ладилось ни чтеніе, ни работа.

Катеринѣ было скучно, что̀ съ нею бывало очень рѣдко; скукой она называла то непріятное настроеніе, которому не сразу могла найти причину. Было ясно, что она сдѣлала какую-то неловкость, потому что и чужой человѣкъ сію минуту сказалъ ей, что такъ на свѣтѣ не дѣлается....

«А какое мнѣ дѣло, чтó тамъ дѣлается? подумала она. — И еще *на свѣтѣ* ли? Просто, у насъ въ N. Это еще не весь свѣтъ!»

Во всемъ, чтó она сказала Лѣсичеву, она была искренна. Она уже три года его знала. На все было время — и разлюбить, и привязаться; не полюбила—значитъ не могла полюбить. Было ровное, спокойное чувство пріязни, сдѣлавшееся крѣпче, когда молодая дѣвушка узнала, что она дорогá этому молодому человѣку. Еслибы вчера, во время его страстнаго признанія, ей показалось, будто и она чувствуетъ къ нему тоже—это было бы что-то очень странное, что-то отъ нечего дѣлать.... нѣтъ, что-то нехорошее.

«Нехорошее....» мысленно повторила она, почти съ негодованіемъ.

Лѣсичевъ выгодный женихъ, а она бѣдна.... Когда по ея душѣ скользнула эта мысль, на ея строгомъ, задумчивомъ лицѣ явилась вдругъ такая спокойная увѣренность, такая радостная безпечность, такой молодой, смѣлый, задорный вызовъ всѣмъ невзгодамъ житейскимъ, что прелестная дѣвушка, казалось, вся освѣтилась. Она даже засмѣялась громко и оглянулась кругомъ, будто шаловливый мальчикъ. Ей уморительно смѣшно померещились вся обстановка и всѣ подробности выгодной партіи—поздравленія, визиты, карета, чепчики, церемоніи, титулъ madame... Катерина хохотала одна до слезъ, пугая воробьевъ.

— Нѣтъ, тогда бы ужъ такъ не смѣяться! сказала она себѣ съ шутливой угрозой и задумалась надъ нею. Отчего же нельзя смѣяться? Однако, нельзя. Свѣтъ такъ устроенъ. Такъ на свѣтѣ не дѣлается....

— Ну, это на свѣтѣ не дѣлается; положимъ, нельзя хохотать надъ брачными союзами, надъ свѣтскимъ положеніемъ, надъ цѣлованьемъ ручекъ, — положимъ, и надъ разсчетами.... Нельзя. А отчего же нельзя на свѣтѣ жить по-человѣчески? Или будь женой человѣка.... то-есть, обмани его, свяжи его и себя изъ-за денегъ, изъ-за цѣлованья.... или гони его отъ себя, какъ прокаженнаго. А скажемъ ему: будемъ людьми.... И они еще говорятъ, будто насъ уважаютъ!...

Ей досадно вспомнилось, что она встрѣтила Лѣсичева смущенная, будто въ чемъ виноватая, а прощаясь была такъ некстати снисходительна....

— Что за вздоръ, что за свѣтскія разсужденія! прервала она сама себя. Не могу я лукавить: мнѣ было неловко, мнѣ стало его жаль. Для чего мнѣ ломаться? чтó чувствовала, то и сказала...

Ей вдругъ вообразилось, какъ онъ смѣялся надъ нею.

— А, такъ смѣйся они всѣ сколько угодно! выговорила она, стиснувъ зубы. И житья ихъ мнѣ не надо, и любви ихъ мнѣ не надо....

Она скоро шла по своей аллейкѣ, потупляя голову, когда въ просвѣты листвы на нее падало жаркое солнце. Вдругъ она остановилась; въ акаціи что-то возилось и жалобно пищало. Она подошла ближе. За заборомъ притаился мальчишка и тянулъ за шнурокъ крошечнаго котенка, который завязъ въ вѣткахъ и съ каждымъ движеніемъ запутывался больше.

— Чтó ты тутъ дѣлаешь? спросила мальчика Катерина.

— Это мой котенокъ.

— Твой. Чтó ты съ нимъ дѣлаешь?

— Я его повѣсить хотѣлъ тутъ, на гвоздикѣ, а онъ черезъ заборъ перевалился, да къ вамъ, въ кусты. Отцѣпите, пожалуйста.

— Пусти шнурокъ.

Катерина освободила изъ петли маленькаго сѣраго звѣрка и взяла его на руки.

— Ну, и ступай, сказала она.

— А котенокъ?

— Я его себѣ возьму.

— Чтожъ это вы отнимаете!

— Но ты хотѣлъ его вѣшать?

— Я-таки и повѣшу.

— Ну, я и не отдамъ.

— Да вы, по крайности, хоть гривенничекъ дайте.

— За чтó?

— Вамъ Господь за то подастъ. Доброе дѣло сдѣлаете, выкупите.

— Такъ тебѣ еще деньги платить, чтобъ ты гадостей не дѣлалъ? Пошелъ, нѣтъ тебѣ котенка!

Она убѣжала. Мальчишка бранилъ ее вслѣдъ, она слышала; ей было обидно, чего-то страшно и весело. Не выпуская котенка, не останавливаясь, она бѣжала за молокомъ въ кухню. Тамъ, прислуга, двѣ женщины, ужъ подняли погромъ изъ того же; горничная ужъ побывала во дворѣ и побранилась черезъ заборъ съ мальчикомъ.

— И на чтó вамъ это, барышня? Насилу я его прогнала. Кричитъ: кабы не управляющаго дочка, я бы въ нее камнемъ запустилъ.

— Чтожъ, струсилъ? вскричала Катерина,—правъ, такъ и запускай!

Но въ глубинѣ души она была очень довольна на этотъ разъ, что она управляющаго дочка. Она унесла кормить на балконъ своего котенка, радуясь не тому, что избавила его отъ муки, а тому, что у нея завелась такая хорошая игрушка. Она играла, забавлялась, и вслѣдъ за тѣмъ, тутъ же взяла свою книгу и читала внимательно и ясно, какъ будто было довольно простого обращенія къ простой жизни, чтобы разсѣять туманъ, навѣянный на душу свѣтской нескладицей. Еслибы *свѣтъ*, хоть въ образѣ N-скаго общества, заглянулъ черезъ плечо Катерины на строки, по которымъ ея глаза перебѣгали, то задумываясь, то загораясь,—онъ, вѣроятно, еще рѣшительнѣе назвалъ бы ее идеалисткой, опасной, если не помѣшанной головой, и нашелъ бы чтеніе крайне неприличнымъ. Книга была не русская и не романъ. Въ ней широко, свѣтло говорилось о благодатномъ будущемъ, возможномъ, если полюбить его всѣмъ сердцемъ, если сообща, всѣми силами,—не стремиться только,—но прикладывать къ нему руки. Въ книгѣ было много и печальнаго. Она указывала на многихъ виноватыхъ и еще прямѣе доказывала, что всякій, упрямо глядя въ одну свою сторону, ограниченно заботясь только о себѣ, прежде всего виноватъ передъ самимъ собою тѣмъ, что лишаетъ себя высшаго наслажденія — дѣлиться, высшаго блага—жить съ людьми заодно, высшей чести—быть полезнымъ. Книга учила, что счастье у людей подъ рукой, а они неразумно его проглядываютъ за тысячами путъ и подпорокъ, которыми сами подтягиваютъ и поддерживаютъ старыя стѣсненія....

Зачитавшись, Катерина не слышала звонка; она вскочила, услышавъ шаги. Котенокъ, пригрѣвшійся въ складкахъ ея платья, поползъ грѣться на солнышкѣ.

— Извините, сказалъ Верховской, кланяясь изъ дверей гостиной, — я помѣшалъ; слишкомъ рано....

— Нѣтъ, отвѣчала она; отецъ, я думаю, сейчасъ воротится. Не хотите ли сюда?

Проходя на балконъ, Верховской оглянулъ вторую комнату; она раздѣлялась пополамъ суконной занавѣской, къ которой были придвинуты двѣ широкія этажерки и между ними оставленъ выходъ. У окна маленькій письменный столъ, подлѣ него кресла. Это, очевидно, была комната Катерины, а за занавѣской ея спальня.

— Какъ здѣсь хорошо, сказалъ Верховской на балконѣ.

— Да, клены хороши, отвѣчала Катерина, выходя на минуту.

Верховской разслышалъ, какъ она приказывала горничной, накрывавшей въ гостиной на столъ, поставить еще приборъ, и

подумалъ, что, стало быть, до этой минуты хозяйка и не вспомнила, что онъ придетъ. Котенокъ теребилъ оставленную книжку; Верховской ее поднялъ и заглянулъ.

— Я спасъ отъ вашего любимца, сказалъ онъ, извиняясь, когда Катерина, входя, увидѣла у него въ рукахъ эту книжку.

Она взяла ее, спрятала на этажеркѣ и опять воротилась. Верховскому было непріятно, какъ-то тревожно, что она все приходила и уходила; ему было неловко; хотѣлось что-то сказать, и все, чтó придумывалось, казалось не то, не кстати, незанимательно, слишкомъ обыкновенно, пошло. Катерина была тоже затруднена; ей хотѣлось читать, ее оторвали и гость былъ незнакомый.

— Успѣли ли вы что-нибудь по вашему дѣлу? спросила она.

— Покупка? Все, отвѣчалъ Верховской, обрадовавшись, что она заговорила. Вообразите, все въ одно утро. Необыкновенная дѣятельность!

— Стало быть, васъ можно поздравить владѣльцемъ?

— Меня? Нѣтъ.

— Какъ, нѣтъ?

— Я покупаю не для себя.

— Не для себя?

— Это покупка моей жены. Для себя я никогда не куплю населеннаго имѣнія.

— Пожалуйста, извините, живо заговорила она,—но это очень странно; я не понимаю. Вы сказали утромъ, что деревня вамъ не нравится....

— Я сказалъ больше, также живо прервалъ онъ,—я сейчасъ сказалъ, что не покупаю людей.

— Стало быть....

— Стало быть, я исполняю приказаніе моей жены и только.

— Но, какъ же.... вы хотѣли возвратить землю казеннымъ крестьянамъ?

— И возвращу; я для того и торопился.

— И ваша жена будетъ согласна?

— Дѣло будетъ кончено.

Катерина съ минуту молчала, будто не рѣшаясь.

— А если она будетъ недовольна? спросила она и только выговоривъ свой вопросъ, поняла, какъ онъ неловокъ.

— Такъ чтожъ, пусть будетъ недовольна, отвѣчалъ Верховской, не замѣчая ея смущенія, не тревожась вопросомъ, равнодушно.

— Вы увѣрены, что она проститъ? спросила Катерина, обрадовавшись, что можетъ поправить свой промахъ.

Верховской засмѣялся.

— Я сдѣлалъ ей угодное, купилъ, отвѣчалъ онъ, а это.... пожалуй, хоть вознагражденіе мнѣ.

— За что́? поспѣшно спросила Катерина и вспыхнула опять.

— Да, вотъ, за ваше поздравленіе, сейчасъ, отвѣчалъ онъ, продолжая смотрѣть на нее. Вы меня обидѣли. Изъ того, что вы *это* читаете (онъ показалъ головой въ комнату, куда она унесла книгу), еще не слѣдуетъ, чтобы другіе также не думали....

Она подняла на него глаза.

— Теперь моя очередь просить прощенія, выговорилъ онъ, зажавъ ея руку въ обѣихъ своихъ, — вы простили?

— Ахъ, конечно, отвѣчала она искренно и въ ея голосѣ послышалось что-то кроткое, нѣжное, неожиданное среди ея живости, что-то робкое, плѣнительное отъ противоположности ея думающаго взгляда. Верховскому хотѣлось припасть и цѣловать эту руку, которой выпустить недоставало силъ, эти ясные глаза, неумѣющіе ни вызывать, ни лукавить. Онъ не понималъ, что́ съ нимъ дѣлалось. Будто кто позвалъ его, будто передъ нимъ отворили дверь куда-то,—куда ему давно хотѣлось,—и тамъ сверкнули будто огни дѣтскаго праздника.... нѣтъ, лучше—будто распахнулось долго запертое окно и открылось весеннее, свѣтлое, благоуханное поле, просторъ, тепло, тишина. Онъ ничего не думалъ; ему мелькнуло что-то далекое, вѣчно-милый, божественный образъ; что-то невыразимое прошло у него по сердцу, что-то воскресло, горѣло, звучало.... Такой минуты не бывало въ его жизни,—вотъ все, что́ еще сознавалъ онъ, почти не видя даже той, которая стояла передъ нимъ, какъ тихая, чистая, неотразимая сила....

Катерина не подозрѣвала, что для гостя проходила роковая минута. Она была спокойна и смотрѣла просто.

— Вотъ что̀, сказала она: простите, если я спрашиваю, но это такая вещь.... Я наглядѣлась на народъ, знаю, каково ему. Ваша жена покупаетъ Спасское. Она, конечно, знаетъ, какъ тамъ крестьяне разорены, несчастны. Если она беретъ на себя быть ихъ госпожей, стало быть, она хочетъ ихъ устроить. Хоть и крѣпостные, все бы они отдохнули. Какъ она намѣрена это сдѣлать, съ чего начнетъ? Вы, конечно, знаете; разскажите.

— Что̀? спросилъ Верховской, не сводя съ нея глазъ.

— Что̀ будетъ дѣлать ваша жена въ деревнѣ?

— Жена.... въ деревнѣ?

— Да. Чѣмъ она займется?

— Но, что́ же.... Она хотѣла пить молоко.... Будетъ гулять, кататься.... Вообще деревенскія удовольствія....

— Какъ, деревня для удовольствія? прервала Катерина.

Верховской будто проснулся.

— Да...., сказалъ онъ.

— Для меня любопытна женщина, которая покупаетъ людей для удовольствія, сказала Катерина. Разскажите мнѣ о вашей женѣ.

Верховской не отвѣчалъ. Его охватилъ какой-то странный испугъ. Ему почудился другой голосъ изъ далекой, прошлой дали. Бывало, этотъ голосъ также звалъ оглянуться на жизнь, оцѣнить жизнь; также указывалъ, будилъ мысль, разъяснялъ чувство, ободрялъ совѣсть, звалъ на дѣло, — но теперь онъ звучалъ какъ-то сильнѣе, будто еще окрѣпъ, облетѣвъ безпредѣльность—какъ-то рѣзче и строже, безконечной любовью, но и неумолимой справедливостью.... Этотъ голосъ требовалъ отчета. Предъ Верховскимъ потянулась его жизнь длинными полосами тяжелаго тумана; люди, отношенія, чувства, все чуждое, смутное, безобразное, странное, несложившееся, неоконченное, нестоющее памяти, нестоившее существованія—являлось, проходило, уходило.... Было невозможно, но и не было силъ, и было отвратительно, и было стыдно на чемъ-нибудь остановиться мыслью.... Вдали, въ самой дали юность, будто розовый разсвѣтъ, какъ тотъ, что́ всходилъ сегодня утромъ, и на этомъ разсвѣтѣ, какъ сегодня утромъ, — божеская бѣлая звѣзда....

Катерина взглянула на гостя и не повторила своего вопроса.

Онъ не оглянулся на нее, иначе, забывшись, высказалъ бы ей все, что́ въ десятокъ лѣтъ убило его душу.

Она поняла, что коснулась до чего-то страшно больного, остановилась, но не испугалась. Лучше узнать, что́ за боль... Изъ любопытства?... Катерина сама себя озадачила этимъ вопросомъ. Если назвать любопытствомъ желаніе отдавать себѣ вѣрный отчетъ во всемъ, что ожиданно или случайно является передъ глазами,—она была любопытна. Ей все было близко, все нужно; она стремилась жарко, сочувствовала сильно, но не мечтательно; она знала, что всему помочь нельзя. Теперь она припомнила, что вчера, безконечно сбираясь на этотъ безконечный балъ, m-me Волкарева не переставала твердить о Верховскомъ, какъ о счастливѣйшемъ въ мірѣ человѣкѣ и, именно, счастливѣйшемъ сердечно.

— Нѣтъ, сказала себѣ рѣшительно Катерина, взглянувъ на него еще разъ въ эти нѣсколько минутъ молчанія.—Нѣтъ. Онъ такъ несчастливъ, что даже не находитъ, что̀ солгать, для поддержки разговора, когда его спросили прямо. А еще свѣтскій господинъ!...

— Итакъ, вы будете здѣсь жить? спросила она громко:—по крайней мѣрѣ лѣтомъ?

— Да, конечно... Да, я думаю, отвѣчалъ онъ:—только не въ деревнѣ; здѣсь, въ городѣ. Здѣсь тихо, мнѣ нравится... Петербургъ... У меня тамъ нѣтъ никого... Да и вообще, нигдѣ никого.

— Какъ-же это?

— Такъ... Все куда-то ушло, договорилъ онъ, стараясь скрыть или поправить улыбкой выраженіе своихъ словъ и дрожь въ голосѣ, которой ему стало совѣстно. И все кругомъ идетъ нехорошо. Прежде не то было, право. Было хоть глупое молодое счастье...

— Неужели все хорошо потому только, что люди молоды? возразила она серьезно.—Все и всегда было дурно, но вы этого не замѣчали.

— Отъ этого нелегче.

— Даже еще хуже, отвѣчала она тихо и по прежнему серьезно: —значитъ, то, что̀ вы назвали молодымъ счастьемъ, было—невниманіе къ общему дѣлу и обезпеченный, беззаботный эгоизмъ.

— По крайней мѣрѣ, въ послѣднемъ я невиноватъ, возразилъ Верховской: у меня въ молодости была забота.

— Въ ней была и ваша радость, сказала она.

Ея слово будто сверкнуло съ высоты...

— Какъ вы сказали? *радость?* вскричалъ Верховской. Какъ вы отгадали?... Да, была у меня радость... лучше чѣмъ счастье, радость вѣчная, полная, постоянная, неизмѣнная, вся моя жизнь, весь мой разумъ... У меня мать была... я вамъ все это скажу. Вамъ это надо знать. Я ни съ кѣмъ не говорю о ней... Простите, ради Бога, вамъ можетъ показаться странно, но вы, вотъ, сейчасъ, сказали такое слово... Вы мнѣ позволите вамъ разсказать..

Онъ подошелъ и тихо взялъ ея руки...

— Вотъ, что, Катерина Николаевна... люди встрѣчаются, знакомятся, и какъ-то все это странно выходитъ. Не будемте какъ люди... Вамъ смѣшно? Знаете, какъ-нибудь иначе, не выжидая удобныхъ минутъ, не соблюдая разныхъ приличій...

— Ну, да, прервала она:—не какъ люди, а по-человѣчески.

— Какъ вы сказали? да, по-человѣчески! Не подозрѣвая, не лицемѣря... это зовутъ идеальничаньемъ...

— О, неправда, прервала она: самое положительное—узнать человѣка, каковъ онъ есть. Вотъ, гдѣ идеальничанье—въ свѣтѣ: церемонятся, скрытничаютъ, свяжутся—и потомъ не знаютъ какъ открееститься!

Верховской потерялся. Она смѣялась такъ просто, такъ звонко, такъ откровенно, она вся сіяла такой яркой жизнью, она вдругъ

стала такъ доступна, такъ близка... У него потемнѣло въ глазахъ, его охватило жаркое юношеское веселье и вдругъ, полной грудью, вздохнулось легко. Онъ оглянулся, созналъ, что̀ было кругомъ, чувствовалъ, что неловокъ, и не стѣснялся, и былъ этому радъ. Съ зеленой листвы, съ цвѣтовъ, съ неба вѣяло такой волей, что было бы неприлично прилично держаться...

— Какъ вы добры..., сказалъ онъ, самъ не зная почему.

Она вдругъ остановилась и прислушивалась; часы въ домѣ что-то пробили.

— Ну, отца клянутъ въ палатѣ, сказала она:—половина шестого.

Вслѣдъ затѣмъ раздался сильный звонокъ.

— Вотъ онъ... Маша, Машенька, поскорѣе, поскорѣе обѣдать! закричала Катерина и побѣжала отворить отцу.

Верховской смутился отъ такого перерыва и въ ту-же минуту очнулся. Его обступила новая жизнь и онъ спокойно дѣлался ея участникомъ во всемъ,—отъ того, что̀ было сейчасъ, до простого, обыденнаго. Какъ будто это было и его дѣло, онъ пошелъ встрѣчать Багрянскаго.

Но въ прихожей ужъ никого не было; Багрянскій былъ съ кѣмъ-то у себя въ кабинетѣ; оттуда слышался его голосъ:

— Вотъ тебѣ записка; отвези сейчасъ на квартиру окружному. Общество дастъ тебѣ увольненіе. Ну, съ Богомъ, не кланяйся, ступай скорѣе; съ Богомъ...

Кабинетъ затворился. Въ прихожей показался извощикъ. У него было какое-то потерянное счастливое лицо; онъ крестился и, будто въ потьмахъ, не находилъ сѣнной двери.

— На радости, сказалъ Верховской, сунувъ ему въ руку что̀ нашлось денегъ въ бумажникѣ.

Тотъ оглянулся, оторопѣлый.

— Знакомый? спросила Катерина, проходя изъ другой комнаты.

— Знакомый, отвѣчалъ Верховской, выпроводилъ его, заложилъ крючокъ и пошелъ за нею въ гостиную.

Она готовила салатъ. Верховской чувствовалъ себя такъ дома, что чуть не сѣлъ за накрытый столъ, не дожидаясь хозяина; онъ вспомнилъ объ этомъ, ужъ взявшись за стулъ и, чтобъ поправиться, сталъ вертѣть его.

Катерина оглянулась.

— Вамъ, петербургскому жителю, въ привычку поздній обѣдъ.

— Хотите сдѣлать мнѣ удовольствіе? спросилъ онъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Не поминайте мнѣ никогда о моихъ петербургскихъ привычкахъ.

— Слушаю, сказала она:—но это можетъ случиться невольно; я ихъ не знаю.

— Все равно.

Вошелъ Багрянскій, ужъ въ своемъ толстомъ пальто; усталый, онъ казался еще худѣе и желтѣе чѣмъ поутру.

— Вотъ и прекрасно, что пожаловали, сказалъ онъ, здороваясь съ Верховскимъ:—милости просимъ покушать.

Онъ перекрестился три раза, сѣлъ на хозяйское мѣсто и сталъ раздавать горячее.

— Щи изъ молодой сныти, объяснилъ онъ, подавая тарелку Верховскому.

Верховскому показалось необыкновенно вкусно. Ему все нравилось, даже то, что хозяинъ, замѣтно голодный, нецеремонно и торопливо ѣлъ, не говоря ни слова. Дочь не заговаривала тоже; вѣроятно, таковъ былъ обычай. Когда, вслѣдъ за щами, горничная поставила на столъ кусокъ жареной говядины и салатъ, Багрянскій передохнулъ и обратился къ гостю:

— Вотъ только когда опомнился, сказалъ онъ.

— Я думаю, начавъ отъ ранней зари! отвѣчалъ Верховской.

— Дѣла́! Это бы ничего. А вотъ, весь изозлишься. Страшно такая жизнь портитъ человѣка; въ конецъ сушитъ. Вы этого не знаете, господа. Вамъ *тамъ* подавай все готовенькое.... извините.

— Я самъ совершенно такъ думаю.

— Очень радъ... А тутъ, къ дѣлу, да всякія постороннія помѣхи... Вотъ, вы все подвергаете анализу,—скажите, пожалуйста, вы надъ людьми наблюдали,—что̀ съ ними дѣлается? Иные господа и не глупы, и учили ихъ, послушайте какъ толкуютъ о разныхъ матеріяхъ, а чуть коснулось дѣла посерьезнѣе, одурѣли! Кажется, могли-бы размыслить, что тутъ-то имъ и подержаться, и показать себя—нѣтъ! непритворно одурѣли. Что имъ, пріятно, что̀-ли, быть дураками?

— Просто, пустые люди, отвѣчалъ Верховской. Серьезное дѣло, конечно общее дѣло, а они дальше себя не привыкли смотрѣть; что̀ шире, то ихъ конфузитъ.

— Да, но и въ конфузѣ у нихъ все-таки достаетъ смысла подставить другому ножку, возразилъ Багрянскій со злостью.

— Вѣрно, опять что-нибудь Волкаревъ? спросила Катерина.

Отецъ промолчалъ.

— А что̀ ваша покупка? обратился онъ къ Верховскому.

— Совсѣмъ кончена.

— Проворно. Какъ это успѣли? кто вамъ схлопоталъ?

— Повѣренный Запольцевой, Духановъ.

— Духановъ? Знаю. И васъ еще не совсѣмъ ограбили?

— Нѣтъ, я принялъ свои мѣры, возразилъ, смѣясь, Верховской.—Впрочемъ, еще не все кончено, разныя формальности... Но прежде всего, мнѣ хотѣлось-бы кончить съ казенными...

— Вы о дѣлахъ? Нѣтъ, ужъ извините; у меня привычка ихъ съ ѣдой не мѣшать. Отдохнувъ—сколько вамъ угодно.

На столъ явилось третье и послѣднее блюдо, жидкая молочная каша, до которой Багрянскій былъ большой охотникъ. Верховской не ѣлъ ея съ дѣтства и, вѣроятно потому, она показалась ему восхитительна. Катерина тщательно студила ее у себя на тарелкѣ.

— Какъ вы думаете, вдругъ тихо спросила она Верховского: —будетъ онъ это ѣсть? Кажется, еще слишкомъ малъ?

— Слишкомъ малъ..., повторилъ Верховской, не зная что̀ отвѣчаетъ.

— Кто это? спросилъ отецъ.

— Звѣрочекъ, ласково отвѣчала Катерина, и когда отецъ поднялся изъ-за стола, выждала его три большіе креста, поцѣловала его руку и убѣжала на балконъ.

— Пойдемъ и мы; что́ тамъ такое, сказалъ Багрянскій Верховскому.—Э, матушка, тутъ и сѣсть не приготовлено.

Катерина принесла изъ своей комнаты на балконъ маленькій столикъ и выкатывала кресло для отца. Верховской бросился помочь ей и не успѣлъ.

— Возьмите и для себя оттуда, сказала она, отыскала котенка и сѣла на ступеньки кормить его.

— Вы курите? спросилъ Багрянскій, доставая сигару.—Катерина, у тебя сегодня все въ безпорядкѣ; спичекъ нѣтъ.

— Потрудитесь взять на столѣ, въ моей комнатѣ, сказала она Верховскому.

Верховской вышелъ.

— Что ты возишься съ дрянью, сказалъ отецъ.

— Я его полюбила, отвѣчала она, оглянувшись.

— Я его велю закинуть.

— Ну, нѣтъ, возразила она, качнувъ головой, и опять отвернулась.

Верховской оставался въ ея комнатѣ, слушалъ и глядѣлъ на балконъ. Ему не хотѣлось идти туда; ему тамъ что-то мѣшало; онъ-бы вѣкъ остался въ этой комнатѣ. Онъ, однако, воротился на свое мѣсто и, молча, подражая хозяину, смотрѣлъ какъ дымъ уходилъ подъ деревья. Солнце было ужъ низко.

— Вотъ такъ-то мы и отдыхаемъ, сказалъ Багрянскій.

— Здѣсь отлично.

— Да, этотъ клочокъ и прельстилъ меня, а больше—ее; изъ-за него почти и домъ купленъ. Мнѣ осталось съ небольшимъ два года прослужить до пенсіи; надѣюсь, до тѣхъ поръ не переведутъ и не выгонятъ; можно будетъ здѣсь и вѣкъ дожить. Въ отставку, не идолопоклонничать, отъ всякаго вздора подальше, ни съ кѣмъ не знаюсь, самъ себѣ баринъ; она у меня неприхотлива.

— Ваша семья—только вы и Катерина Николаевна?

— Семья?... Да, въ семьѣ насъ только двое.

Верховскому показалось, что Катерина сдѣлала движеніе.

— Дожить свой вѣкъ тихо, предъ Богомъ безъ грѣха, передъ честными людьми безъ стыда, продолжалъ Багрянскій будто въ раздумьи:—вотъ одно, чего прошу у Бога... не всякому это благо дается! Быть въ мирѣ съ самимъ собою, а ужъ въ пріязни съ людьми—гдѣ тамъ!... Лишь-бы не краснѣть передъ ними...

Катерина встала.

— Куда ты?

— Меня зовутъ, отвѣчала она.

— Вотъ записка отъ губернаторши, жандармъ привезъ, сказала, входя горничная.

— Чтó еще..., выговорила Катерина.

Отецъ взялъ цвѣтной разорванный конвертикъ съ эмблематической облаткой.

— Какія элегантности. Чтò такое, матушка?

— Я понять не могу, отвѣчала, нетерпѣливо читая, Катерина.

M-me Волкарева писала, что утомлена, нездорова, и что, конечно, дорогая Catherine не огòрчитъ ее отказомъ провести у нея вечеръ; видѣвшись вчера, хочется свидѣться и сегодня, также какъ «l'appetit vient en mangeant...» M-me Волкарева извинялась въ этой тривіальной поговоркѣ жалобами на супруга, запоздавшаго къ обѣду, и на супружескій долгъ, обязывавшій дожидаться... «Вы не хотите признать надъ собой этого долга, вы отвергаете бурное чувство любви, покоритесь хоть тихому призыву дружбы...»

— Она съ ума сошла! вскричала Катерина, бросая записку.

Она была такъ уморительно похожа на разсерженнаго ребенка, что отецъ вмигъ повеселѣлъ и расхохотался; Верховской тоже, хотя ему хотѣлось несмѣяться, а расцѣловать эти прелестныя раскраснѣвшіяся щеки.

— Чего ты, злая? сказалъ отецъ:—чтó такое? Можно прочесть?

— Читайте.

— Что жъ особеннаго? продолжалъ Багрянскій, не понявъ намековъ записки. Дружба, черезъ дежурнаго жандарма, приглашаетъ тебя къ себѣ въ объятія. Черезъ полчаса одѣвайся и ступай.

— Я, право, не понимаю! возразила Катерина: изъ чего эти нѣжности? Къ вамъ нельзя подольститься, такъ ко мнѣ... Вообразите, обратилась она къ Верховскому:—вотъ, этотъ балъ вчерашній. Задумала везти меня. Я такихъ записокъ цѣлую кучу вымела. Сама явилась. Наконецъ, чтó же... я все отговаривалась отцомъ: его ужъ не вытащишь!... въ другой разъ пріѣхала, вотъ такъ, въ сумерки, застала насъ вотъ здѣсь...

— И какъ была очаровательна! прервалъ Багрянскій:—«довѣрьте мнѣ вашу милую дочь...» Я неустоялъ!

— И прекрасно сдѣлали, сказалъ Верховской.

— Кажется, этого и довольно, я была вчера..., продолжала Катерина.

— А сегодня, тебя зовутъ за-просто.

— Но съ нею тоска!

— Что за отговорка? Тебѣ оказываютъ пріязнь...

— Но что жъ это за лицемѣріе? вскричала Катерина.— Волкаревъ васъ ненавидитъ ни за чтò, за то чтò вы есть,—что всего хуже!—мѣшаетъ вамъ въ чемъ только можетъ, готовъ вредить, и повредитъ... Сегодня,—я знаю, я увѣрена! ужъ былъ у васъ отъ него какой-нибудь крючокъ въ палатѣ!—а вечеромъ ласкать меня? Да я не хочу! мнѣ это гадко! я не хочу, чтобъ они посмѣли одну минуту вообразить, будто могутъ меня заласкать! Не хочу! Я знаю, чего они надѣются: прослышали, что я переписываю ваши письма, такъ не проболтаюсь-ли....

— Ну матушка, залетѣла! прервалъ съ досадой отецъ. Твоя воля думать, что тебѣ угодно, а что должно дѣлать, то дѣлай, чтобы все съ вида было въ порядкѣ и не къ чему привязаться...

— Не къ чему привязаться, если я и во вѣки не буду у этой барыни!

— Такъ! Чтобъ всѣ закричали, что тебя на порогъ не пускаютъ! У Волкаревыхъ свѣтлѣйшіе въ роднѣ, а вѣдь ты.... не отъ Константина-Багрянороднаго! договорилъ онъ со злостью и вмѣстѣ съ вызывающей насмѣшливой гордостью.

— Такъ что-же?

— Ступай, одѣвайся.

Она хотѣла что-то сказать, вдругъ удержалась, только поглядѣла ему въ лицо и пошла.

— Постой. Подай мнѣ прежде сюда спасскій планъ и сказку. Вы хотѣли справиться? обратился онъ къ Верховскому.

Верховскому казалось, что передъ нимъ прошумѣлъ вихрь. Его отуманило. Катерина принесла бумаги, положила ихъ на столъ, подняла своего котенка и опять вышла, все молча. Вер-

ховскому хотѣлось побѣжать за ней. Потомъ онъ сказалъ себѣ, что непремѣнно все сдѣлаетъ для этихъ крестьянъ, потому что она этого хочетъ. Дѣло не шло ему на умъ, говорить съ Багрянскимъ было противно, но Верховской заговорилъ о дѣлѣ. Багрянскій тоже какъ-то неохотно слушалъ и отвѣчалъ.

Это не продолжалось и получаса, хотя Верховскому показалось гораздо больше. Въ комнатѣ послышался шорохъ легкаго пышнаго платья и вошла Катерина, нарядная, вся въ бѣломъ.

— Прощайте, батюшка, сказала она, подходя къ отцу.

— Господь съ тобой.

Онъ чинно сталъ крестить ее и, кончивъ, вдругъ неловко схватилъ ея руку и прижалъ къ губамъ. Она тихо ахнула и тихо, по-дѣтски, къ нему припала. Онъ крѣпко, порывно цѣловалъ ее въ лицо и въ голову.

— Вся изомнешься...., выговорилъ онъ наконецъ, будто ворчливую шутку, будто извиненіе предъ постороннимъ, о которомъ только-что вспомнилъ. Вся вспутаешься.... вотъ!

Это былъ предлогъ еще погладить ея волосы.

— Какъ-же ты отправишься?

— Свѣтло, я дойду одна; теперь только девять, отвѣчала она тихо, еще вся взволнованная, и посмотрѣла на маленькіе часы у своего пояса:—а въ одиннадцать, я просила Машу придти за мной. Прощайте.

Верховской ждалъ, что она подастъ ему руку; она не догадалась; онъ хотѣлъ сказать, что еще увидитъ ее сегодня, но это показалось ему неловко; онъ взглянулъ и на свои часы, свѣряя время и разсчитывая, что ему нужно зайти домой, переодѣться.

— Пойдемте ее проводить, сказалъ, вставая, отецъ. А послѣ, пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ; тамъ дѣла лучше дѣлаются.

Дѣла, въ самомъ дѣлѣ, пошли чрезвычайно быстро; хозяинъ оживился. Верховской получилъ подробныя наставленія, какъ снестись съ посредникомъ, съ уполномоченнымъ, чтобы скорѣе получить приговоръ крестьянъ и снова представить все дѣло въ палату.

— А въ палатѣ, даю вамъ слово, я не задержу и трехъ дней, заключилъ Багрянскій: — мнѣ самому это дѣло на шеѣ сидитъ. Но, прежде всего, вы еще не введены во владѣніе....

— Это я сейчасъ устрою, сказалъ Верховской, вставая, будто его осѣнила мысль: — сейчасъ ѣду къ Волкареву и прошу его содѣйствія.

— И превосходно. Очаруйте его—все будетъ сдѣлано.

— И ужъ кстати, когда я поѣду туда для ввода во владѣніе,

позвольте мнѣ самому отвезти уполномоченному планъ и ваше предписаніе, чтобъ не терять времени съ почтой.

— Пожалуй, извольте. Вы, какъ я замѣтилъ, не любите проволочекъ.

— Ненавижу.

— Это по моему!

— А потому, въ самомъ дѣлѣ, чтобъ мнѣ успѣть очаровать Волкарева....

Онъ не зналъ, какъ скорѣе проститься и почти бѣжалъ по пустому переулку, бѣсясь, что не встрѣчалъ извощика. До гостинницы было не близко.

V.

Въ этотъ вечеръ у m-me Волкаревой было людно, освѣщено и даже оживлено. Въ залѣ толпились офицеры и прохаживались дѣвицы. Съ одной изъ нихъ прапорщикъ Соколовъ спѣлъ дуэтъ у рояля, послѣ чего m-me Волкарева упросила ее сыграть хоть вальсъ, чтобъ доставить удовольствіе молодежи. Дѣвица была не молода и вальсъ выходилъ какой-то задумчивый, а потому, на хорахъ скоро запестрѣли мундиры музыкантовъ. Здороваясь съ хозяйкой подъ грохотъ польки, Верховской замѣтилъ, что никакъ не думалъ попасть опять на балъ.

— On me gâte! отвѣчала m-me Волкарева. Они такъ добры, эти военные. Мы прощаемся; они уходятъ завтра на зарѣ. Вы не хотѣли быть на проводахъ!

— На какихъ?

— Какъ-же, сегодня, въ шесть часовъ, мы всѣ ѣздили къ заставѣ, ихъ угощали. Но гдѣ-жъ вы были? Vous avez l'air de venir de l'autre monde. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вы провели день?

— Во снѣ, отвѣчалъ Верховской, оглянувшись на бѣлое платье, которое промелькнуло близко.

— Во снѣ?

— И въ гражданской палатѣ.

— Да, мнѣ говорилъ мужъ....

— Мнѣ нужно сказать вашему мужу....

— О дѣлахъ? Боже, оставьте эти дѣла! Нѣтъ, я въ самомъ дѣлѣ начинаю вѣрить, что мужчины не то, что грубы, je ne dis pas tout-à-fait.... Кому вы кланяетесь?

— Mademoiselle Багрянской.

— Вы знакомы? давно-ли?

— Сегодня былъ у ея отца.

— Une étrange personne.... чего она еще ждетъ?... Да, чтó-же я говорила? Вы, мужчины, всегда заняты только своимъ; вамъ нѣтъ дѣла до тревоги другихъ; вы какъ-то умѣете прятать чувство.... Мнѣ сегодня вы были необходимы. Послушайте....

— Чтò вамъ угодно?

— Ахъ, нѣтъ, теперь не могу. Завтра. Завтра жду васъ. Или, нѣтъ, лучше, вотъ чтó: мнѣ бы хотѣлось проводить полкъ. Я пью воды, я встану на зарѣ. Вы тоже дѣлаете раннія прогулки; ждите меня у бульвара, я пріѣду и поѣдемъ вмѣстѣ.... Не говорите никому.... Я хочу сдѣлать *имъ* сюрпризъ. Я приготовила образокъ Митрофанія.... кому-нибудь, всѣмъ въ лицѣ одного. Какъ вы думаете, неловко отдать его полковнику? какъ-то оффиціально, нѣтъ того je ne sais quoi de coeur?...

— Да....

— Такъ видите.... продолжала она, слѣдя за его разсѣяннымъ взглядомъ:—ah, mon Dieu, да не ищите-же моего мужа! его легко найти, когда извѣстно гдѣ m-me Горнова.... Я думаю отдать образокъ одному изъ моихъ *адъютантовъ*, Цѣховичу. Vous savez, ce grand jeune homme brun, toujours si pâle; онъ очень-несчастенъ.... Вотъ, онъ машетъ музыкантамъ,—видите?... Можетъ быть, мое благословеніе.... Seulement, je ne sais, il est, je crois, catholique....

— Не знаю.

— Ахъ, пожалуйста, узнайте. Въ Лѣсичевѣ я отчаялась.... Ахъ, но вотъ цѣлая драма! Онъ вамъ не говорилъ?

— Ничегó.

— И мнѣ тоже, но взглядъ, движенія — откровеннѣе словъ. Я догадываюсь, чтó съ нимъ, я вамъ скажу....

— Извините, прервалъ, подходя, одинъ еще молодой, щеголеватый и красивый совѣтникъ, un homme d'une grande éducation, какъ говорила о немъ m-me Волкарева и редакторъ N-скихъ губернскихъ вѣдомостей. Статья готова; неугодно-ли вамъ взглянуть? Я велѣлъ придти автору. Такъ-какъ вы приказали поторопиться....

— Ахъ, да. Гдѣ-же статья?

— Я оставилъ Алексѣю Владиміровичу; онъ находитъ....

— Боже мой, что еще онъ находитъ? Вѣчныя противорѣчія! вскричала m-me Волкарева. M-r Верховской, voulez-vous venir...

Верховской не заставилъ себя просить и пошелъ за нею въ гостиную; онъ видѣлъ за минуту, что Катерина прошла туда-же. Но онъ видѣлъ тоже, что у нея въ рукѣ сверкнули ея часы и взглянулъ на свои: было одиннадцать. Онъ отсталъ отъ губерна-

торши. Мимо него прошелъ Лѣсичевъ, необыкновенно мрачный. Верховскому ужасно захотѣлось смѣяться.

— Евгеній Ивановичъ, что̀ такъ сердито?

— А, это вы. Ничего. Приказано тамъ еще собрать плясать.

— И сами будете?

— Почему-же нѣтъ?

— Съ кѣмъ?

— Что вамъ разсказывала сейчасъ эта госпожа?

— Право, не помню.

— Обо мнѣ?

— Нѣтъ.

— Тѣмъ для нея лучше. Тутъ и неоглянешься, какъ засядешь въ сплетню. Нѣтъ, вы, пожалуйста, не думайте, что я въ отчаяніи.

Они разошлись. Въ залѣ раздалась кадриль, а въ гостиной Верховской наконецъ догналъ Катерину.

— Вы не вообразите, какъ я радъ, хоть на одну минуту! говорилъ онъ.

— А я сейчасъ бѣгу, отвѣчала она. Я узнала: моя Маша ужъ здѣсь, и я, не простясь....

— Постойте.... хоть слова два.

Они прошли гостиную и были въ «интимномъ пріютѣ». Пріютъ освѣщался однимъ таинственнымъ, весьма непріятнымъ фонарикомъ съ потолка; въ углу, уединясь, сидѣли двѣ барыни и безъ умолку шопотомъ сплетничали.

— Тамъ было жарко, вамъ идти далеко, говорилъ Верховской: — отдохните здѣсь.

— Это, пожалуй, такъ.

Она подошла къ отворенному окну.

— Какая ночь тихая.

— Какой день былъ прелестный! сказалъ онъ. Я вамъ обязанъ этимъ днемъ. Скажу вамъ прямо: я не знаю, что со мной сдѣлалось: я другой человѣкъ. Ваша жизнь, ваша обстановка, вы сами,—вы то̀ мнѣ напомнили, то̀ во мнѣ воскресили.... Я вамъ все разскажу.... Видите, въ васъ какая-то сила, какое-то добро; вы сами не чувствуете, какъ его раздаете. Все равно, что огонь, — чѣмъ больше отдаешь, тѣмъ его больше. Жизнь темна.... вообразите это. Вы видали,—изъ церкви иногда выходятъ богомольцы, несутъ къ себѣ домой зажженныя свѣчи; у кого погаснетъ—другой не дастъ, бережетъ свою, скупо, жадно зажимаетъ ее ладонью; огонь изъ-подъ пальцевъ красный, мутный; лица озабоченныя, злыя,... Кому радость отъ ихъ огня? Что донесутъ и поставятъ къ образамъ! И на молитвѣ не войдетъ имъ въ голову, что они отказали въ свѣтѣ тому, кто про-

силъ его у нихъ!... Вы мнѣ не отказали въ свѣтѣ.... Конечно, вокругъ меня не тьма, но вотъ такой-же блѣдный, холодный сумракъ, какъ эта ночь, гдѣ нѣтъ ни искорки....

— Неправда, не браните ночь, прервала она: — вы, вѣрно, плохо видите; вонъ — вонъ, пониже, одна, двѣ, и еще, и еще, всѣ семь—Большая-Медвѣдица.

Она обернулась къ нему и встрѣтила его взглядъ.

— Не думайте, чтобъ я васъ не слушала, но теперь говорить некогда. Дайте мнѣ уйти, чтобъ никто не видалъ. Прощайте.

Она выговорила это шопотомъ и вышла такъ скоро, что Верховской не успѣлъ сказать слова. Идя за нею, въ дверяхъ гостиной, онъ встрѣтилъ хорошенькую m-me Горнову.

— Васъ ищутъ, сказала она—я знала, гдѣ вы и не выдала.

— Кому?

— Неужели, для того чтобъ быть благодарнымъ, нужно знать, какъ была велика опасность?... О, madame Волкарева права, когда говоритъ....

— Она никогда не права, возразилъ Верховской, глядя, какъ Катерина скрылась въ дверяхъ.

— Можетъ-быть, m-me Волкарева права теперь; васъ за тѣмъ искали, чтобъ вы это рѣшили. Вотъ, послушайте.

За трельяжемъ, у стола столпилось общество и шелъ споръ между m-me Волкаревой и самимъ Волкаревымъ; присутствующіе раздѣлялись на эти двѣ партіи, хотя мнѣнія выражались, по большей части, междометіями. Среди говора, совѣтникъ-редакторъ что-то внушительно объяснялъ безмолвному некрасивому молодому человѣку. Это былъ авторъ статьи о балѣ и проводахъ полка, назначавшейся въ неоффиціальный отдѣлъ N-скихъ вѣдомостей. По приказанію ихъ превосходительствъ, онъ въ теченіи сутокъ въ третій разъ передѣлывалъ свою статью.

— Je dis que ce vers: «Долой мечеть съ двурогою луною» doit servir de canevas.... на немъ вся идея, поясняла m-me Волкарева.

— Едва вы кладете туда ваши поэтическіе образы—это ужъ не то! восклицалъ Волкаревъ.

— Mais, mon ami, это стихотвореніе сдѣлало фуроръ....

— Все равно!

— И я его имъ прочла....

— Все равно! c'est du sensible, du langoureux....

— Ахъ, ты споришь!... Это «долой» такъ энергично! Это всѣмъ общее чувство. Ненависть къ Турціи такъ велика.... *Они* говорили мнѣ.... но, вотъ, эти господа слышали: никто не куритъ папиросъ изъ турецкаго табаку!

— Est-il possible? раздались голоса.

— Vraiment. Ненависть смертельная.... Тутъ нѣтъ ничего смѣшного! гнѣвно обратилась она къ одному юношѣ, неосторожно выразившему свои чувства.

Онъ поспѣшилъ скрыться за трельяжъ.

— Ненависть смертельная! энергично повторила m-me Волкарева.

— Потому я и предлагаю....

— Mais, ma chère, это родное, національное....

— Вчера, когда я сказала, что для красоты праздника недостаетъ только луннаго свѣта, мнѣ отвѣчали: «Долой мечеть...»

— Ахъ, матушка, это отвлеченное! Кто любуется луною....

— Вы любуетесь луною? спросилъ Верховской m-me Горнову.

— Никогда.

— Не патріотично?

— Просто, не люблю. Мертвецъ, котораго мы тащимъ за собой,—ужасъ!...

Она пожалась, будто вздрагивая.

— Я жить хочу, и чтобъ всѣ жили, всѣ мои ближніе.... Какое у васъ сегодня хорошее лицо, m-r Верховской. Это меня радуетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Но пойдемте, поддержимъ немножко этого бѣднаго Алексѣя Владиміровича; онъ погибаетъ.

— Я говорю, что всего лучше въ нашемъ простомъ, русскомъ складѣ, возвысилъ свой голосъ Волкаревъ:—«нашъ бѣлый калачь», «наша добрая русская чарка....»

— Нѣтъ, quelle idée! Ce n'est pas gracieux! Вѣдь это прочтутъ въ 'Москвѣ! Нѣтъ! раздалось хоромъ за губернаторшей.

— Нѣтъ, рѣшено! передѣлайте какъ я сказала и печатайте! заключила она.

Волкаревъ увидѣлъ m-me Горнову.

— Et vous, madame, votre avis?

— Certainement, pour la чарка! отвѣчала она.

В. Крестовскій.
Псевдонимъ.

ОЧЕРКИ
ОБЩЕСТВЕННАГО ДВИЖЕНІЯ
ПРИ АЛЕКСАНДРѢ I.

II. Первые годы царствованія. — Планы преобразованій *).

Извѣстно изъ множества разсказовъ, съ какимъ восторгомъ встрѣчено было воцареніе Александра. Народъ, кажется, остался довольно равнодушенъ къ происшедшему; но въ обществѣ вступленіе Александра на престолъ было радостью для всѣхъ.

Исторія наша до сихъ поръ совершенно обходила царствованіе Павла, и дѣйствительно еще трудно, въ условіяхъ нашей литературы, нарисовать его вѣрными чертами; но вообще есть однако довольно опредѣленное представленіе объ этомъ времени, какъ времени произвола, наводившаго страхъ и трепетъ. Правда, по отзывамъ людей, хорошо знавшихъ характеръ Павла, въ этомъ характерѣ были черты, внушавшія уваженіе, инстинкты безпристрастія, рыцарской честности, великодушія, справедливости [1]), но надъ всѣмъ этимъ до такой степени господствовалъ безпредѣльный личный произволъ, минутная раздражительность, готовая вспыхивать при самомъ ничтожномъ поводѣ, что самыя лучшія качества могли проявляться только

---

*) См. выше: февраль, стр. 722.

[1]) См. записки Кутлубицкаго, Комаровскаго, Дмитріева, Саблукова, даже Mémoires secrètes и т. д.

чисто случайно, притомъ и они проявлялись почти всегда въ самыхъ своеобразныхъ формахъ, внушавшихъ одинъ страхъ [1]). Онъ обнаруживалъ желаніе ввести справедливость, уничтожать злоупотребленія и т. п., но съ самаго начала его правленіе приняло самыя суровыя формы. При всей умѣренности, съ какою мы ни стали бы судить объ этомъ времени, было бы крайнимъ извращеніемъ истины говорить, будто бы «гоненіе круглыхъ шляпъ и французскихъ костюмовъ, ненавистныхъ Павлу со временъ революціи, и взысканія съ лицъ, не успѣвшихъ при встрѣчѣ съ государемъ остановиться и отдать ему должную почесть, — быть можетъ, эти мелочныя непріятности казались массѣ общества наиболѣе несносными изъ всѣхъ нововведеній императора Павла» [2]). Нѣтъ, было, къ сожалѣнію, слишкомъ много вещей, несравненно болѣе несносныхъ. Самое обстоятельство, что императоръ считалъ не ниже своего достоинства заниматься преслѣдованіемъ круглыхъ шляпъ, характеризуетъ духъ управленія. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Гатчинѣ, въ постоянномъ раздраженіи отъ хода дѣлъ и придворныхъ условій, — въ характерѣ Павла пріобрѣла полное господство эта личная раздражительная мелочность, отъ которой онъ не избавился и на престолѣ: какъ прежде, когда кругъ его власти ограничивался Гатчиной, онъ не стѣснялъ себя ничѣмъ, такъ теперь гатчинскія привычки перенесены были на управленіе имперіей. Милитаризмъ сталъ господствовать и здѣсь: на немъ сосредоточено было главнѣйшее вниманіе; начато было преобразованіе арміи только съ цѣлью придать ей гатчинскую внѣшность, и исполнялось съ такой нетерпимостью, которая создавала недовольныхъ даже между солдатами. Управленіе началось такими же передѣлками, въ которыхъ слишкомъ замѣтно было желаніе подорвать или уничтожить учрежденія Екатерины. Словомъ, личный произволъ, воспитав-

---

[1]) «Награда утратила свою прелесть; наказаніе—сопряженный съ нимъ стыдъ»; такъ выражался даже Н. М. Карамзинъ.

[2]) Исторія царств. имп. Александра I. Сочиненіе автора исторіи отеч. войны 1812 года. I, 44. Но тотъ же авторъ говоритъ рядомъ съ этимъ: «Вообще народъ, несмотря ни на благія намѣренія сего монарха, ни на добро имъ уже сдѣланное, вспоминалъ съ *сожалѣніемъ* времена «матушки Екатерины» и съ *надеждою* обращалъ взоры къ наслѣднику престола»,—а о воцареніи Александра: «Знакомые и незнакомые, встрѣчаясь между собою, *поздравляли другъ друга*, какъ въ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Казалось, *милліоны* людей *возродились* къ новой жизни» (I, стр. 46)—неужели отъ открывавшейся возможности носить круглыя шляпы и французскіе костюмы? И какъ кромѣ того объяснить равнодушіе народа и общества къ катастрофѣ?

шійся въ Гатчинѣ и который привыкъ тамъ къ безусловному и полному подчиненію, перенесенъ былъ на арену цѣлой имперіи: очевидно въ этой многосложной сферѣ эти привычки должны были оказываться по меньшей мѣрѣ неумѣстными; странности, къ которымъ привыкла немногочисленная гатчинская обстановка, должны были чрезвычайно бросаться въ глаза, когда онѣ стали проявляться на новой обширной сценѣ; и кромѣ того изъ-за мелочныхъ фрунтовыхъ и подобныхъ формальностей, которымъ была придана величайшая важность, должны были ускользать отъ вниманія, и дѣйствительно ускользали, самые крупные интересы государства и общества. Къ этому прибавлялось у имп. Павла особенное, нѣсколько фантастическое представленіе о достоинствѣ его власти: онъ понималъ ее какъ нѣчто въ родѣ власти Гаруна аль-Рашида, хотѣлъ все знать, все видѣть, вездѣ водворять добродѣтель и преслѣдовать порокъ, — онъ дѣйствительно попадалъ на отдѣльные случаи и строго каралъ ихъ, но онъ былъ безсиленъ противъ общихъ явленій: современники говорили, что, несмотря на все желаніе Павла быть справедливымъ, это желаніе всего меньше осуществлялось на практикѣ. Самыя кары теряли свой смыслъ и не оказывали дѣйствія, потому что его гоненія часто падали и на людей совсѣмъ неповинныхъ, но какой-нибудь мелочью вызвавшихъ его раздраженіе. Не довольствуясь обычными аттрибутами своей власти, какъ она создалась вѣками, онъ хотѣлъ придать ей новое величіе магистерствомъ средневѣкового ордена. Въ такой чрезвычайной роли онъ являлся въ самой семьѣ. Для подданныхъ онъ хотѣлъ быть недостижимымъ божествомъ, требовалъ самаго униженнаго поклоненія, которое становилось тягостно для самыхъ обыкновенныхъ частныхъ людей. По идеѣ о своемъ всемогуществѣ, онъ требовалъ вообще моментальнаго исполненія своихъ приказовъ, и очень часто требовалъ совершенно невозможнаго. Милость его всегда была на волоскѣ; она каждую минуту могла превратиться въ необузданный гнѣвъ, — удаленіе изъ службы, арестъ, ссылка были вещи самыя обыкновенныя: по разсказамъ современниковъ, люди отправляясь къ своимъ служебнымъ мѣстамъ, всегда бывали готовы къ такимъ случайностямъ; офицеры держали всегда при себѣ запасъ денегъ, потому что могло не быть времени, чтобы собрать ихъ въ случаѣ внезапной ссылки [1]).

---

[1]) «Часто за ничтожные недосмотры и ошибки въ командѣ, офицеры, прямо съ парада, отсылались въ другіе полки на большія разстоянія, и это случалось до того часто, что когда мы бывали въ караулѣ, мы имѣли обыкновеніе класть нѣсколько сотъ

Во всемъ этомъ поражало отсутствіе принципа и послѣдовательности. Единственное, что было ясно, это—господство фрунтовой субординаціи, принципъ которой былъ распространенъ на самыя сложныя государственныя дѣла, и преслѣдованіе якобинства. Объ этомъ послѣднемъ онъ имѣлъ тѣ самыя понятія, какія уже въ то время распространялись европейскими обскурантами различныхъ школъ — іезуитской, феодально-аристократической, піэтистическо-масонской: всѣ эти элементы были кругомъ Павла, и онъ какъ нельзя больше былъ имъ доступенъ, — вспомнимъ напр. милость, какой пользовались у него іезуитъ Груберъ и мальтійское рыцарство. Началось преслѣдованіе революціонныхъ идей въ русскомъ обществѣ, которому пришлось расплачиваться за европейскіе безпорядки. По упомянутой программѣ сочтено было зловреднымъ все, приходившее изъ Европы: поэтому запрещенъ былъ въѣздъ иностранцевъ, запрещенъ былъ ввозъ *всякихъ* книгъ, запрещено было русскимъ подданнымъ отправляться въ нѣмецкіе университеты и велѣно было возвратиться тѣмъ, которые тамъ были, наконецъ запрещались костюмы, напоминавшіе французскія моды, запрещались слова: «гражданинъ» и «отечество», запрещался вальсъ и т. д. и т. д.

Въ результатѣ такихъ пріемовъ правленія былъ всеобщій страхъ: никто не былъ гарантированъ отъ опасности, за себя или за близкихъ. «Оба великіе князья (Александръ и Константинъ)—разсказываетъ современникъ—смертельно боялись своего отца и, когда онъ смотрѣлъ сколько-нибудь сердито, блѣднѣли и дрожали какъ осиновый листъ» [1]).

Положеніе вещей было такимъ образомъ натянутое до послѣдней степени. Какъ принята была перемѣна царствованія въ массѣ общества, мы упоминали. Общество не скрывало своей радости, и странно сказать, какъ ни были чрезвычайны событія, на нихъ весьма недвусмысленно намекалось даже въ печати. Александра встрѣтили множествомъ одъ, это было въ духѣ времени; оду написалъ и Державинъ. Ему немного стоило восторгаться теперь, какъ незадолго передъ тѣмъ онъ восторгался мальтійскимъ орденомъ, но ода придворнаго

рублей бумажками за пазуху, чтобы не остаться безъ копѣйки на случай внезапной ссылки. Три раза случалось мнѣ давать взаймы деньги товарищамъ, забывшимъ эту предосторожность». Записки Саблукова, Русскій Архивъ 1869, стр. 1903, также стр. 1904—1908; Записки Комаровскаго, Русскій Архивъ 1867, стр. 540, 544; Mémories secrètes I, 198—201 и др.

[1]) Зап. Саблукова; Арх., стр. 1896.

піиты на восшествіе Александра на престолъ тѣмъ не менѣе любопытна:

Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ, —

говоритъ онъ между прочимъ въ этой одѣ, —

На лицахъ Россовъ радость блещетъ.

По словамъ М. Дмитріева, Державина упрекали за эти стихи, находя въ нихъ изображеніе Павла. Самъ Дмитріевъ замѣчаетъ: «изображеніе дѣйствительно вѣрное, и въ намѣреніи поэта *нѣтъ сомнѣнія*» [1]). Это очевидно. Въ другомъ мѣстѣ ода опять намекаетъ на Павла въ такомъ же тонѣ:

...Что̀ престолъ, вѣнецъ, держава,
Власть, сила и сіянье благъ,
Когда спокойнаго нѣтъ нрава,
И въ насъ свирѣпствуетъ нашъ врагъ?
Увы! на что *полки* и *стѣны*
Коль насъ невинность не стрежетъ?

Далѣе:

Народны вздохи, слезны токи,
Молитвы огорченныхъ душъ,
Какъ паръ возносятся высокій,
И зараждаютъ *громъ средь тучъ:*
Онъ вержется, падетъ незапно
На горды зданіевъ главы.
Внемлите правдѣ сей стократно,
О власти сильныя, и вы!
Внемлите—и *тѣснить* блюдитесь
Вамъ данный управлять народъ.

Въ этихъ словахъ не было особеннаго гражданскаго мужества, потому что слова относились къ прошедшимъ властямъ, — Александръ былъ не таковъ:

Нѣтъ, Ангелъ кротости и мира,
Любимый сынъ благихъ Небесъ!
Ты не таковъ, etc.

Когда эти прежнія власти еще жили, Державинъ предпочиталъ кадить имъ и ублажать ихъ своимъ стихотворствомъ; но, каково бы ни было личное отношеніе автора къ предмету,

[1]) Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869, стр. 40. Ср. Грота, Соч. Держ., т. II, стр. 355—363.

его намеки и призыванія любопытны какъ отголосокъ общественнаго мнѣнія; если Державинъ говорилъ такъ открыто въ печати, онъ только повторялъ общее настроеніе, которое въ первыя минуты новаго царствованія было такъ единодушно, что можно было безопасно высказать его въ такихъ прозрачныхъ намекахъ. Ода заключаетъ въ себѣ еще одну любопытную черту. Поэту, среди его восторговъ, представляется въ облакахъ сама Екатерина:

Стоитъ въ порфирѣ, и вѣщаетъ,
Сквозь дверь небесну долу зря:
Се небо нынѣ посылаетъ
Вамъ внука моего въ царя.—
Внимать вы прежде не хотѣли,
И *презрили* мою любовь;
Вы *сами отъ себя* терпѣли:
Я нынѣ васъ спасаю вновь».—
Рекла,—и тѣнь ея во блескѣ,
Какъ радуга, сокрылась въ свѣтъ.

Изъ этихъ словъ явно, кажется, слѣдуетъ, что Державинъ ставилъ обществу въ вину, что оно прежде не позаботилось о возведеніи Александра на престолъ, какъ этого желала Екатерина; что ему должно было бы не допускать Павла до престола,—оно этого не сдѣлало, и потому терпѣло «само отъ себя». Если Державинъ доходилъ до подобнаго вольнодумства, то надо предполагать, что подобныя сужденія слышались въ цѣлой массѣ общества. Дѣйствительно, по словамъ Карамзина, у котораго мудрено предположить здѣсь преувеличеніе, — «вѣсть объ этомъ событіи (вступленіи на престолъ Александра) была въ цѣломъ государствѣ *вѣстью искупленія*; въ домахъ, на улицахъ люди плакали, обнимали другъ друга, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія». Другіе замѣчаютъ, правда, что «этотъ восторгъ изъявляло одно дворянство, прочія сословія приняли эту вѣсть довольно равнодушно» [1]), — народная масса, дѣйствительно, издавна была довольно равнодушна къ подобнымъ перемѣнамъ, ничего не измѣнявшимъ въ ея положеніи и не обѣщавшимъ такого измѣненія, — но этотъ восторгъ въ самомъ дѣлѣ должны были чувствовать всѣ болѣе или менѣе образованные люди, всѣ, кто испытывалъ на себѣ тяжкій произволъ предыдущаго царствованія, кто сколько-нибудь сознавалъ свое человѣческое и гражданское достоинство.

Серьезное конечно соединялось съ пустымъ и мелочнымъ. Въ первые моменты новаго царствованія — разсказываетъ Саб-

---

1) Записки М. Фонъ-Визина.

луковъ [1]), — общество предалось необузданной и ребяческой радости. Какъ только узнали о смерти Павла, тотчасъ исчезли косички и букли, явилась строго прежде запрещенная прическа à la Titus, круглыя шляпы и сапоги съ отворотами; дамы одѣлись въ новые костюмы, на улицахъ понеслись экипажи съ запрещенной и еще не дозволенной вновь упряжью. Но если это и имѣло видъ ребячества, то оно было естественно, потому что и это жалкое право на упряжь и сапоги было отнято. По другимъ разсказамъ, Зубовъ, вскорѣ послѣ катастрофы, устроилъ для своихъ сотоварищей оргію, на которой явился во фракѣ и жилетѣ, и металъ банкъ, чтó строго запрещалось при Павлѣ, — какъ будто весь переворотъ нуженъ былъ только для возвращенія той нравственной разнузданности, къ которой высшее барство привыкло при Екатеринѣ. Тѣмъ не менѣе, по словамъ Саблукова, «это движеніе дѣйствительно заставляло всѣхъ ощущать, что точно какимъ-то волшебствомъ, съ рукъ ихъ свалились цѣпи и что нація была вызвана изъ гроба къ жизни и движенію».

Во всякомъ случаѣ, характеръ правленія имп. Павла наводилъ уже тогда значительный кругъ людей на мысль, что слѣдуетъ иначе смотрѣть на традиціонный характеръ власти, и они стали сомнѣваться, чтобы эта власть, предоставленная самой себѣ, могла успѣшно достигать своей истинной цѣли — общественнаго блага, и начинали думать, что для нея необходимы извѣстныя границы. Державинъ высказывалъ это въ своемъ совѣтѣ властямъ — остерегаться «тѣснить народъ»; другіе начинали думать, какими средствами можно было бы предотвратить это притѣсненіе. Современники разсказывали, будто бы въ первые моменты новаго царствованія гр. Паленъ и гр. Н. П. Панинъ предложили императору принять конституціонный актъ, но что императоръ, предупрежденный генераломъ Талызинымъ, устоялъ противъ ихъ настойчивыхъ требованій [2]). Это могло быть и не быть, мы не имѣемъ пока никакихъ достовѣрныхъ извѣстій объ этомъ случаѣ, но вообще едвали сомнительно, что идея конституціоннаго ограниченія власти вызвана была въ умахъ тягостными годами правленія Павла. Самое возникновеніе подобныхъ слуховъ свидѣтельствуетъ, что общественная мысль уже стала обращаться къ этому предмету. Тотъ же Саблуковъ, свидѣтель безпристрастный и правдивый, разсказываетъ слѣдующимъ образомъ объ этомъ положеніи вещей:

---

[1]) Р. Арх., 1869, стр. 1947.

[2]) Записки М. Фонъ-Визина.

«Екатерина уже сдѣлала многое для конституціоннаго развитія своего государства, и еслибы она могла заставить наслѣдника престола войти въ ея виды и намѣренія и склониться на то, чтобы сдѣлаться конституціоннымъ государемъ, она умерла бы спокойно и безъ опасеній за будущее благоденствіе Россіи. Мнѣнія, вкусы и привычки Павла дѣлали такія надежды совершенно тщетными, и достовѣрно извѣстно, что въ послѣдніе годы царствованія Екатерины между ея ближайшими совѣтниками было рѣшено, что Павелъ будетъ устраненъ отъ престолонаслѣдія, если онъ откажется присягнуть въ вѣрности конституціи, *уже начертанной* (?), и въ этомъ случаѣ наслѣдникомъ былъ бы назначенъ сынъ его Александръ, съ условіемъ, чтобы онъ соблюдалъ новую конституцію. Слухи о подобномъ намѣреніи ходили безпрестанно, хотя еще не было извѣстно ничего достовѣрнаго. Однакоже говорили съ увѣренностью, что 1 января 1797 года будетъ обпародованъ весьма важный манифестъ, и въ то время было замѣчено, что вел. князь Павелъ Петровичъ является ко двору рѣдко, и то лишь въ торжественные пріемы, и что онъ все болѣе оказываетъ пристрастія къ своимъ опруссаченнымъ войскамъ и ко всѣмъ своимъ гатчинскимъ учрежденіямъ».... [1])

Мы опять не имѣемъ пока прочныхъ данныхъ, чтобы принять это извѣстіе о «начертанной» уже конституціи, которою хотѣли обязать Павла; и слово «конституція» разумѣется у Саблукова не какъ формальное представительное правленіе, а въ болѣе обширномъ смыслѣ основныхъ законовъ, обязательныхъ для главы государства. Тѣмъ не менѣе, какъ бы ни оказалось неточнымъ или преувеличеннымъ это извѣстіе, и другія подобныя (напр. о конституціи, составленной Н. И. Панинымъ, объ упомянутомъ намѣреніи гр. Палена и Н. П. Панина, и т. п.), но остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что Екатерина дѣйствительно желала устранить Павла отъ престола, потому что, зная его характеръ, она опасалась за собственныя учрежденія и труды, которые при Павлѣ легко могли быть извращены или уничтожены: она опасалась, что образъ правленія Павла будетъ но-

---

[1]) Р. Арх. 1869, стр. 1882—83. Подъ *начертанной конституціей* можетъ быть разумѣются тѣ законодательныя работы, о которыхъ (по свѣдѣніямъ въ бумагахъ Строганова) Безбородко говорилъ своему племяннику Кочубею. «По словамъ Безбородки, онъ самъ занимался составленіемъ проекта реформы управленія по порученію императрицы Екатерины; дворянская грамота и городовое положеніе были началомъ предначертанныхъ ею преобразованій; но бѣдствія, порожденныя французскою революціею, заставили великую государыню усомниться въ пользѣ предположенныхъ ею нововведеній». Такъ передаетъ это г. Богдановичъ, Истор. I, стр. 131.

ходить на правленіе его отца; она могла считать его даже совершенно неспособнымъ къ трудамъ правленія [1]), и могла желать по крайней мѣрѣ ограничить нѣсколько его произволъ. Эти взгляды императрицы не оставались неизвѣстны въ высшихъ кругахъ общества, составлявшихъ тогда главную долю образованнаго класса, и планы ея, дѣйствительные и предполагаемые, должны были возбуждать весьма серьезный интересъ въ этихъ кругахъ и къ среднемъ дворянствѣ, которымъ извѣстенъ былъ хорошо и характеръ Павла и на которыхъ прежде всего должны были отразиться его самодержавныя дѣйствія. Такимъ образомъ, мысль объ извѣстномъ ограниченіи или болѣе точномъ опредѣленіи дѣйствій верховной власти уже въ это время, въ послѣдніе годы Екатерины, должна была занимать умы образованнѣйшей части общества. Сама Екатерина очень мало была склонна къ чему-нибудь конституціонному, но ея законодательство имѣло все-таки извѣстное стремленіе ввести въ Россіи правильную организацію общественнаго устройства, и по крайней мѣрѣ хотѣло начать твердое опредѣленіе правъ отдѣльныхъ сословій и открыть путь къ ихъ *гражданской* самодѣятельности. Воспитаніе Александра, начатое въ очень либеральномъ стилѣ и почти въ томъ же стилѣ доведенное Екатериной до конца, несмотря на измѣненіе въ ея личномъ настроеніи, показываетъ, что для будущаго правителя Россіи она все-таки желала того склоннаго къ свободѣ направленія, которое бы открывало перспективу дальнѣйшаго гражданскаго развитія общества. Слухи о конституціонныхъ ея планахъ, долженствовавшихъ ограничить произволъ Павла, если и были не вполнѣ основательны, показываютъ однако, что въ обществѣ зарождался политическій вопросъ. Въ старой аристократіи являлись уже либеральные люди въ родѣ Воронцова, покровительствовавшаго Радищеву; въ образованномъ обществѣ начиналось броженіе тѣхъ идей, которыя высказывалъ Радищевъ; въ молодомъ поколѣніи образованнаго класса европейскія событія производили свое впечатлѣніе, и мы видѣли на примѣрѣ самого Александра, какъ принципы идеальной справедливости, равенства и свободы дѣйствовали на лучшіе инстинкты его природы.

Царствованіе Павла было рѣзкимъ перерывомъ въ этомъ

---

[1]) «Lorsque Paul fut d'âge à s'occuper des affaires d'état, Catherine essaya de l'associer à ses travaux; mais le secretaire d'état, prince Besborodko, qui assistait aux séances, déclarait que ni l'impératrice ni lui n'avaient jamais pu rien lui faire comprendre, et qu'il entendait tout de travers. Alors, de peur d'irriter ses passions et dans l'espoir de l'adoucir par l'indulgence, Catherine l'abandonna à lui-même».. Mémoires de l'amiral Tchitchagoff. Leipz. 1862, стр. 22.

ходѣ понятій. Павелъ желалъ истребить всѣ эти якобинскія наклонности и успѣлъ въ короткое время навести такой страхъ, что общество стало совершенно безгласно: наступила атмосфера заговоровъ. Въ результатѣ это время принесло совсѣмъ не тѣ послѣдствія, какихъ Павелъ ожидалъ. Его собственные взгляды выражались такими отрывочными, противорѣчивыми и ничѣмъ необъяснимыми распоряженіями, что въ нихъ нельзя было указать даже никакой, хотя бы ложной, но обдуманной системы; онъ не въ состояніи былъ привязать къ себѣ даже ретроградныхъ элементовъ общества. Люди, мѣнявшіеся вокругъ него, не представляли ничего похожаго на какое-нибудь направленіе: это были или простые угодники, или невольные исполнители приказаній; характеристическими представителями *этого* времени были только люди, какъ Архаровъ (глава знаменитыхъ въ свое время «архаровцевъ»), Обольяниновъ, Аракчеевъ, Эртель и т. п. Четыре года этого правленія практически доказывали справедливость прежнихъ опасеній; опытъ заставлялъ возвращаться къ конституціоннымъ идеямъ, появившимся при Екатеринѣ, и реакціей безсодержательному правленію естественно должно было быть желаніе какого-нибудь прочнаго разумнаго порядка вещей. Первый манифестъ Александра высказывалъ эту мысль, когда заявлялъ желаніе управлять «по законамъ и сердцу Екатерины»: невозможно было сослаться на ближайшаго предшественника, — напротивъ, надо было отказываться отъ солидарности съ нимъ. Таковы были впечатлѣнія, подъ которыми открывалось новое царствованіе. Всеобщее сочувствіе, которымъ оно было встрѣчено, имѣло въ глубинѣ своей тѣже идеи, какія наполняли самого Александра: всѣ радовались новому времени и всѣ ждали новаго правленія, которое и было давней мечтой Александра, въ которомъ на мѣсто произвола и насилія явился бы наконецъ законъ и справедливость. Дѣятелями новаго царствованія явились люди молодого поколѣнія той сферы, старые представители которой были дѣятелями временъ Екатерины. Кочубей былъ племянникъ и воспитанникъ Безбородки; Павелъ Строгановъ—сынъ знаменитаго вельможи Екатерининскихъ временъ А. С. Строганова; Новосильцовъ былъ также близкій родственникъ этого Строганова. Всѣ они, какъ и Чарторижскій, воспитались подъ непосредственнымъ вліяніемъ времени и всѣ съ болѣе или менѣе ревностнымъ чувствомъ преданы были тѣмъ новымъ общественнымъ идеямъ, какія распространялись тогда изъ Франціи и преобразовывали европейскую жизнь.

Для Александра начинались лучшіе дни его жизни и правленія. Онъ тотчасъ вызвалъ въ Петербургъ Кочубея, который

въ послѣднее время предыдущаго царствованія былъ въ опалѣ и жилъ въ своемъ имѣніи; тотчасъ были посланы письма къ Чарторижскому въ Италію, и Новосильцову въ Лондонъ. Чарторижскому писалъ самъ императоръ Александръ отъ 17-го марта; Новосильцову написали общую записку Строгановы и Муравьевъ въ первыя минуты воцаренія Александра [1]). Друзья императора собрались вокругъ него, и этотъ кружокъ сталъ выражать собой характеръ правительства. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ и укажемъ только главнѣйшія черты.

Первые годы, когда Александръ былъ окруженъ этими своими друзьями, приблизительно до Тильзитскаго мира, были безъ сомнѣнія лучшимъ временемъ его царствованія. Онъ дѣйствовалъ подъ первой силой своихъ идеальныхъ воззрѣній, столько времени подавляемыхъ и впервые вырвавшихся на свободу и вооруженныхъ теперь всѣмъ могуществомъ русскаго самодержавія. Принципъ, въ силу котораго онъ хотѣлъ и старался дѣйствовать, былъ принципъ *законности*, которому онъ хотѣлъ подчинить и неограниченность своей собственной самодержавной власти. Извѣстно нѣсколько анекдотическихъ случаевъ, въ которыхъ императоръ Александръ довольно твердо заявлялъ принятое имъ правило; оно должно было сильно ненравиться людямъ стараго общества, въ особенности избалованной аристократіи, которая даже и въ Екатерининскія времена привыкла къ тому, что не только власть государя, но и власть фаворита можетъ сдѣлать все, что бы ни говорили справедливость и законъ. Изъ многихъ примѣровъ укажемъ извѣстныя слова Александра въ письмѣ къ княгинѣ Голицыной (урожденной Вяземской), которая въ основаніе своей, несогласной съ законами просьбы, приводила то, что императоръ выше закона. Александръ отвѣтилъ ей, что если

---

[1]) Письмо Александра къ Чарторижскому: «Vous aves déjà appris, mon cher ami, que, par la mort de mon père, je suis à la tête des affaires. Je tais les détails pour vous en parler de bouche. Je vous écris pour que vous remettiez sur-le-champ toutes les affaires de votre mission à celui qui s'y trouve le plus ancien après vous, et que vous vous mettiez en route pour venir à Pétersbourg. Je n'ai pas besoin de vous dire avec quelle impatience je vous attends. J'espère que le Ciel veillera sur vous pendant votre route et vous amènera ici sain et sauf. Adieu, mon cher ami, je ne puis vous en dire davantage; je joins ici un passe-port pour montrer à la frontière». (См. «Alexandre I-er et le prince Czartoryski», стр. 3 — 4). О письмѣ къ Новосильцову г. Богдановичъ (I, стр. 80) говоритъ: «Увѣряли, что, по кончинѣ императора Павла, Павелъ Строгановъ написалъ Новосильцову въ Лондонъ: Arrivez, mon ami..... Nous allons avoir une constitution». Это, кажется, совсѣмъ не вѣрно. По всей вѣроятности рѣчь идетъ о томъ самомъ письмѣ, которое сохранилось въ бумагахъ Н. Н. Новосильцова; выраженія его характеристичны, но въ нихъ нѣтъ никакого тона немного ребяческой либеральной поспѣшности, на какую намекаетъ г. Богдановичъ. См. ниже въ приложеніяхъ.

бы даже могъ, то не захотѣлъ бы нарушить закона, потому что не признаетъ на землѣ справедливой власти, которая бы не исходила изъ закона [1]). Какое впечатлѣніе производила правительственная обстановка императора Александра, можно между прочимъ видѣть изъ сообщенныхъ нами въ другомъ мѣстѣ замѣтокъ швейцарца Дюмона, который могъ быть безпристрастенъ.

Новое царствованіе съ самаго начала заявляло себя дѣйствіями, которыя не могли не произвести на общество сильнаго впечатлѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно пересмотрѣть указы, вышедшіе въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, чтобы понять то увлеченіе, съ какимъ въ это первое время выражалась привязанность къ Александру.

Эти первые указы вносили совершенно новый, небывалый элементъ мягкой терпимости, справедливости, открытаго признанія недостатковъ правленія и желанія исправить ихъ; это былъ цѣлый рядъ освободительныхъ мѣръ разнаго рода; почти каждый указъ уничтожалъ какую-нибудь несправедливость, насиліе, стѣсненіе, произволъ. Нигдѣ, понятнымъ образомъ, не называлось имя Павла, но въ указахъ между прочимъ очевидна поспѣшность исправить вредъ, нанесенный его мѣрами.

13-го марта—повелѣніе о выдачѣ указовъ объ отставкѣ военнымъ, выключеннымъ изъ службы по сентенціямъ военнаго суда, и безъ суда по приказамъ. Затѣмъ, черезъ два дня, такой же указъ о гражданскихъ чиновникахъ. Чтобы понять эту мѣру, надо припомнить разсказы современниковъ (напр. Саблукова) о томъ, какъ дѣлались при Павлѣ эти суды и отставки. По словамъ Стурдзы, число лицъ, возвратившихся на службу и получившихъ прежнія права по этому указу, простиралось до 12,000 человѣкъ [2]).

14-го марта — снятіе запрещенія на вывозъ различныхъ товаровъ и продуктовъ изъ Россіи.

15-го марта — освобожденіе людей, заключенныхъ въ крѣпостяхъ, сосланныхъ въ каторжную работу, лишенныхъ чиновъ и дворянства, сосланныхъ и состоявшихъ подъ полицейскимъ надзоромъ, по дѣламъ, производившимся въ тайной экспедиціи, и возвращеніе имъ ихъ прежняго достоинства, котораго они были лишены. Въ четырехъ спискахъ, приложенныхъ къ указу, перечислено 156 человѣкъ, между которыми мы находимъ и «бывшаго коллежскаго совѣтника Радищева» (жившаго тогда въ Калужской

---

[1]) Эти слова приведены у Шторха, Russland unter Alexander dem Ersten, I, 20; самое письмо въ русскомъ текстѣ въ «Р. Старинѣ» 1870. I, стр. 44.

[2]) «Записки современника», А. Стурдзы, въ рукописи.

губерніи, по возвращеніи изъ Сибири при Павлѣ) и «артиллеріи подполковника Ермолова», жившаго въ ссылкѣ въ Костромѣ.

Того же дня—манифестъ, объявлявшій амнистію бѣглецамъ, укрывавшимся въ заграничныхъ мѣстахъ: они могли безопасно возвратиться въ Россію, и всѣ вины ихъ, кромѣ смертоубійства, предавались забвенію.

Того же дня, о возстановленіи дворянскихъ выборовъ.

16-го марта—снятіе запрещенія на привозъ въ Россію разныхъ товаровъ изъ чужихъ краевъ.

19-го марта—указъ, внушавшій полиціи, чтобы она не выходила изъ границъ своей должности и не причиняла никому обидъ и притѣсненій, — что̀ доходило до вопіющихъ размѣровъ при Павлѣ.

22-го марта—о свободномъ пропускѣ ѣдущихъ въ Россію и отъѣзжающихъ изъ нея.

24-го марта—отмѣна запрещенія на вывозъ за границу хлѣба и вина.

31-го марта—объ отмѣнѣ запрещенія (наложеннаго 18-го апрѣля 1800 г.) ввозить изъ-за границы всякія книги и музыкальныя ноты; о распечатаніи частныхъ типографій, закрытыхъ указомъ 5-го іюня 1800 г., и о дозволеніи имъ печатать книги и журналы.

2-го апрѣля—пять манифестовъ: о возстановленіи жалованной дворянству грамоты; о возстановленіи городового положенія и грамоты, данной городамъ; о свободномъ отпускѣ русскихъ произведеній за границу и о предоставленіи поселянамъ пользоваться лѣсами, въ чемъ они были затруднены учрежденнымъ лѣснымъ управленіемъ; объ уничтоженіи тайной экспедиціи; о облегченіи участи преступниковъ и о сложеніи казенныхъ взысканій.

8-го апрѣля—объ уничтоженіи висѣлицъ, поставленныхъ въ городахъ при публичныхъ мѣстахъ и къ которымъ прибивались имена разныхъ чиновъ.

9-го апрѣля—объ обрѣзаніи пуклей у солдатъ (пукли эти введены Павломъ для всей арміи по гатчинскимъ образцамъ и были для солдатъ истиннымъ мученіемъ).

13-го апрѣля—объ отпускѣ В. Экономическому Обществу ежегодно по 5,000 рублей.

5-го мая,—о возстановленіи различныхъ статей дворянской грамоты, отмѣненныхъ указами императора Павла, напр. о возстановленіи свободы отъ тѣлеснаго наказанія (которому дворяне при Павлѣ были подвергаемы въ противность жалованной гра-

мотѣ), разныхъ преимуществъ относительно службы, выборовъ и т. п.

22-го мая—объ освобожденіи священниковъ и дьяконовъ отъ тѣлеснаго наказанія.

28-го мая, указъ президенту Академіи наукъ о непринимaніи для напечатанія въ вѣдомостяхъ объявленій о продажѣ людей безъ земли — первое осторожное заявленіе Александра противъ крѣпостного права.

5-го іюня — указъ сенату о представленіи имъ особаго доклада о правахъ его и обязанностяхъ. Это было первое заявленіе широкихъ административныхъ преобразованій, предположенныхъ Александромъ. Въ тотъ же день былъ данъ другой указъ объ устройствѣ Коммиссіи составленія законовъ, которая поручена была гр. Завадовскому.

13-го іюня — указъ о возстановленіи ежегоднаго отпуска въ 6,250 р. на содержаніе Россійской Академіи, и т. д.

Мотивы, приводимые въ указахъ, говорили о желаніи дать наконецъ дѣйствительную силу закону, внести въ общество начала права, справедливо опредѣлить отношенія. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Одной изъ самыхъ крупныхъ мѣръ было уничтоженіе тайной экспедиціи, — и одной изъ первыхъ, которую въ самомъ дѣлѣ должно было бы принять, когда правительство хотѣло дѣйствительной законности.

2-го апрѣля 1801 г. императоръ самъ прибылъ въ Сенатъ и, занявъ предсѣдательское мѣсто въ общемъ собраніи Сената, велѣлъ прочесть рядъ манифестовъ, выше нами перечисленный. Знаменитый манифестъ о тайной экспедиціи говорилъ:

«Нравы вѣка и особенныя обстоятельства временъ протекшихъ побудили Государей Предковъ нашихъ между прочими временными постановленіями учредить Тайную розыскныхъ дѣлъ Канцелярію, которая подъ разными именами и на разныхъ правилахъ даже до временъ вселюбезнѣйшей Бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины II существовала. Признавъ судилище сіе установленному въ Россіи образу Правленія несвойственнымъ и собственнымъ правиламъ Ея толико противнымъ, въ 1762 году изданнымъ Манифестомъ Она торжественно его уничтожила и отвергла. Такимъ образомъ имя сей Канцеляріи было уже въ положеніяхъ закона изглажено; между тѣмъ однакоже по уваженію обстоятельствъ признано было нужнымъ продолжить ея дѣйствіе подъ названіемъ Тайной Экспедиціи, со всевозможнымъ умѣреніемъ правилъ ея личною мудростію и собственнымъ Высочайшимъ всѣхъ дѣлъ разсмотрѣніемъ. Но какъ

съ одной стороны въ послѣдствіи времени открылось, что личныя правила, по самому существу своему перемѣнѣ подлежащія, не могли положить надежнаго оплота злоупотребленію, и потребна была сила закона, чтобы присвоить положеніямъ симъ надлежащую непоколебимость, а съ другой разсуждая, что *въ благоустроенномъ Государствѣ всѣ преступленіи должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона:* Мы признали за благо не только названіе, но и самое дѣйствіе Тайной Экспедиціи навсегда упразднить и уничтожить, повелѣвая всѣ дѣла въ оной бывшія отдать въ Государственный Архивъ къ вѣчному забвенію; на будущее же время вѣдать ихъ въ 1 и 5 Департаментахъ Сената, и во всѣхъ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ вѣдаются дѣла уголовныя. Сердцу Нашему пріятно вѣрить, что сливая пользы Наши съ пользами Нашихъ вѣрноподданныхъ и поручая *единому дѣйствію закона* охраненіе Имени Нашего и Государственной цѣлости отъ всѣхъ прикосновеній невѣжества или злобы, Мы даемъ имъ новое доказательство, колико удостовѣрены Мы въ вѣрности ихъ къ намъ и Престолу Нашему, и что пользъ Нашихъ ни когда не раздѣляемъ Мы отъ ихъ благосостоянія, которое едино составлять всегда будетъ все существо мыслей Нашихъ и воли. Въ прочемъ предоставляемъ Сенату постановить и пополнить порядокъ производства дѣлъ сего рода въ мѣстахъ, до коихъ они принадлежатъ».

Какое впечатлѣніе произвелъ указъ 5-го іюня, гдѣ повелѣвалось Сенату представить докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ, объ этомъ можно судить по разсказу Шторха: «Принимая различныя мѣры, имѣвшія цѣлью преимущественно исправленіе господствующихъ понятій (именно, понятій, смѣшивавшихъ верховную власть съ произволомъ и ставившихъ ее выше и внѣ всякаго закона), императоръ Александръ въ тоже время неутомимо изучалъ существующій порядокъ правленія. Личная дѣятельность правителя есть вмѣстѣ и лучшая школа политической мудрости; на своемъ высокомъ постѣ, императоръ могъ достаточно узнать недостатки и слабыя стороны различныхъ отраслей управленія, потому что его собственная дѣятельность обнимала всѣ эти отрасли. Что замѣтки, которыя собиралъ онъ въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ, могутъ стать основаніемъ къ новой организаціи государственнаго управленія, быть можетъ, видно было только немногимъ, даже изъ тѣхъ дѣловыхъ людей, которые окружали его ежедневно. Указъ 5-го іюня 1801, поручавшій Сенату представить императору докладъ о сущности его правъ и обязанностей, нѣсколько раскрылъ намѣренія императора. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что императоръ *могъ безъ шума* (ohne Aufsehen), болѣе

краткимъ и вѣрнымъ путемъ, *получить* тѣ *свѣдѣнія*, какихъ онъ требовалъ здѣсь столь публично и столь торжественно; мы въ правѣ предположить, что онъ не безъ важныхъ причинъ отдалъ предположеніе *публичному* запросу, и потому можемъ съ вѣроятностью принять, что этотъ первый шагъ предназначенъ былъ къ тому, чтобы *испытать общественное мнѣніе* и приготовить умы къ предстоящимъ перемѣнамъ. И эта мѣра не осталась безъ своего дѣйствія. Впечатлѣніе (Sensation), произведенное этимъ указомъ въ Сенатѣ, было всеобщее и въ нѣсколько дней оно сообщилось всей образованной публикѣ столицы. Вмѣсто того, чтобы ограничиться *историческими объясненіями* о томъ, чѣмъ *былъ* до сихъ поръ Сенатъ по существующимъ постановленіямъ и законамъ, это почтенное сословіе, напротивъ, собрало *политическія мнѣнія* (staatsrechtlichen Meynungen) своихъ членовъ о томъ, чѣмъ Сенатъ *могъ бы быть* собственно въ новомъ порядкѣ вещей, и въ числѣ этихъ мнѣній находилось много мнѣній, весьма свободно высказанныхъ, и которыя довольно близко подходили къ основному источнику всѣхъ политическихъ золъ въ Россіи. Для простого философа-наблюдателя эти событія представляли самое интересное зрѣлище: но другъ человѣчества, который захотѣлъ бы разсчитывать результаты этого нравственнаго броженія по тѣмъ посылкамъ, какія давали ему исторія и опытъ, никакъ не могъ ожидать отъ него многаго. Въ самомъ дѣлѣ, какой государь, въ положеніи Александра, не отступилъ бы передъ симптомами этого рода, или по крайней мѣрѣ не остановился бы на полъ-дорогѣ? Нужно было болѣе чѣмъ обыкновенное самоотверженіе, нужно было живѣйшее и самое глубокое убѣжденіе въ безусловной необходимости начатыхъ мѣръ, чтобы не стать на ложный путь въ виду этихъ явленій, и кто осмѣлился бы предполагать это самоотверженіе, это убѣжденіе въ двадцати-четырехъ-лѣтнемъ государѣ — и въ Россіи? Но этотъ государь былъ Александръ! Надежды человѣчества не были обмануты».

Шторхъ объясняетъ, что реформа была необходима, что Сенатъ, составлявшій нѣкогда высшую судебную инстанцію, бывшій хранителемъ законовъ и центромъ управленія, упалъ до того, что ему осталось только исполненіе однихъ формальностей управленія. Александръ хотѣлъ возстановить его прежнее значеніе и сдѣлать его посредствующимъ звѣномъ между народомъ и правителемъ. Шторхъ изображаетъ затѣмъ страшный упадокъ правосудія, крайнюю превратность понятій о законѣ, которымъ считался только произволъ государя, и превратныя дѣйствія самой верховной власти, которая по волѣ и по неволѣ рѣшала всѣ дѣла

указами мимо существующихъ законовъ. «Если нужно было достигнуть порядка въ дѣлахъ, правильности въ дѣйствіяхъ судовъ, если нужно было достигнуть законности въ понятіяхъ и представленіяхъ народа, то первымъ условіемъ для этого было именно *смягченіе самодержавія* и *приближеніе его къ законно-монархической формѣ правленія*». «Это преобразованіе послѣдовало.... въ двухъ, чрезвычайно замѣчательныхъ указахъ отъ 8 сентября 1802 г.»,—т.-е. въ указахъ о преобразованіи Сената и учрежденіи министерствъ [1]).

Таково было представленіе лучшихъ людей тогдашняго общества объ этихъ начинаніяхъ императора, и мы увидимъ, что въ этомъ представленіи довольно вѣрно изображены были и тогдашнія мысли самого Александра.

Далѣе, въ указѣ сенату и въ рескриптѣ гр. Завадовскому объ устройствѣ *Коммиссіи составленія законовъ* [2]), мотивы высказаны слѣдующимъ образомъ:

....«Поставляя въ *единомъ законѣ* начало и источникъ народнаго блаженства и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но *одинъ законъ* можетъ утвердить ихъ на вѣки, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія Моего и при первомъ обозрѣніи государственнаго управленія, призналъ я необходимымъ удостовѣриться въ настоящемъ части сей положеніи.

«Я всегда зналъ, что съ самаго изданія Уложенія до дней Нашихъ, то-есть въ теченіи почти одного вѣка съ половиною, законы истекая отъ законодательной власти различными и часто *противуположными* путями, и бывъ издаваемы *болѣе по случаямъ*, нежели по общимъ государственнымъ соображеніямъ, *не могли имѣть ни связи* между собою, *ни единства* въ ихъ намѣреніяхъ, *ни постоянности* въ ихъ дѣйствіи. Отсюда всеобщее *смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго*, *мракъ облежащій равно судью и подсудимаго, безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи, и удобность перемѣнять ихъ по первому движенію прихоти или самовластія*», и т. д.

Въ указѣ о возстановленіи жалованной грамоты дворянству, Александръ остался на традиціонной почвѣ, и говорилъ о заслугахъ этого сословія въ томъ самомъ тонѣ, въ какомъ поучалъ его относительно этого предмета его упомянутый нами наставникъ. Понятно, что соображенія обстоятельствъ могли побудить его къ этой мѣрѣ. Но мы увидимъ дальше, что онъ самъ заявлялъ

1) Storch, Russland, I, стр. 20 — 23.
2) Отъ 5-го іюня, 1801; П. Собр. Зак., т. XXVI, № 19,904.

въ кругу ближайшихъ довѣренныхъ лицъ, что онъ издавалъ подобные указы по необходимости и противъ своего личнаго убѣжденія; онъ и впослѣдствіи не любилъ лѣнивой аристократіи, которая довольствовалась одной придворной службой,—какъ онъ доказалъ это знаменитымъ указомъ о камеръ-юнкерахъ и камергерахъ. Другой указъ того же времени объ экзаменахъ на чины (1809) имѣлъ между прочимъ и невысказанную цѣль сократить умноженіе дворянскаго сословія посредствомъ выслуги чиновъ [1]). Подтверждая исключительныя права дворянства, онъ въ тоже время возстановлялъ и грамоту, данную городамъ («бывъ удостовѣрены—сказано въ мотивахъ—въ той истинѣ, что безъ *правъ и преимуществъ* непоколебимыхъ и всею силою закона охраняемыхъ, не могутъ промыслы, рукодѣлія и торговля достигнуть цвѣтущаго состоянія»), какъ будто считая городскія «преимущества» нѣкоторымъ противовѣсомъ преимуществамъ дворянскаго сословія.

Въ мотивахъ манифеста отъ того же 2-го апрѣля 1801 г. объ отпускѣ за-границу русскихъ произведеній и о предоставленіи поселянамъ пользоваться лѣсами, высказана забота о сельскомъ населеніи: «Объемля попеченіемъ Нашимъ всѣ состоянія вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ и зная, сколько въ общемъ составѣ силы государственной уважительно и всякаго ободренія достойно званіе земледѣльцевъ и поселянъ, Мы признали за благо обратить на нихъ Монаршее Наше вниманіе и Императорскимъ Нашимъ словомъ удостовѣрить, что отъ нынѣ впредь безъ важныхъ и особенныхъ государственныхъ причинъ къ существующей теперь узаконенной подъ разными именами подати, никакого прибавленія и новаго налога Мы не допустимъ: напротивъ, пещись будемъ, дабы лежащія нынѣ повинности могли быть съ большою удобностію поселянами отправляемы» и проч.

Указъ сенату объ *уничтоженіи пытки* [2]) вызванъ былъ однимъ частнымъ случаемъ, который дошелъ до Александра; указъ и начинается съ изложенія этого случая и тяжелаго прискорбнаго впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на императора:

«Съ крайнимъ огорченіемъ дошло до свѣдѣнія Моего, что по случаю частыхъ пожаровъ въ городѣ Казани взятъ былъ по подозрѣнію въ зажигательствѣ одинъ тамошній гражданинъ подъ стражу, былъ допрошенъ и не признался; но пытками и мученіемъ исторгнуто у него признаніе и онъ преданъ суду.—Въ теченіи суда вездѣ, гдѣ было можно, онъ, отрицаясь отъ вынуж-

---

[1]) Корфа, Жизнь Спер. I, 184.

[2]) Отъ 27-го сентября 1801; П. Собр., т. XXVI, № 20,022.

деннаго признанія, утверждалъ свою невинность; но жестокость и предубѣжденіе не вняли его гласу — осудили на казнь. — Въ срединѣ казни и даже по совершеніи оной тогда, какъ не имѣлъ уже онъ причинъ искать во лжи спасенія, онъ призывалъ всенародно Бога во свидѣтели своей невинности и въ семъ призываніи умеръ. Жестокость толико вопіющая, злоупотребленіе власти столь притѣснительное и нарушеніе законовъ въ предметѣ толико существенномъ и важномъ, заставили Меня во всей подробности удостовѣриться на самомъ мѣстѣ сего произшествія въ истинѣ онаго»....

Посланный флигель-адъютантъ подтвердилъ, что это не былъ единственный случай употребленія пытки. Виновныхъ велѣно было предать суду, и сенатъ долженъ былъ строжайшимъ образомъ подтвердить всѣмъ управленіямъ и судамъ въ имперіи, чтобы не допускалось ни подъ какимъ видомъ никакихъ истязаній, подъ страхомъ строгаго наказанія, и чтобы «присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставлена ревизія дѣлъ уголовныхъ, *во основаніе* своихъ сужденій и приговоровъ полагали *личное обвиняемыхъ* предъ судомъ сознаніе, что *въ теченіи слѣдствія* не были они подвержены какимъ-либо *пристрастнымъ допросамъ*, и чтобъ наконецъ самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной».

Такъ обнаруживалась первая правительственная дѣятельность Александра. Она не только возбуждала сочувствіе между образованными людьми, но и въ народной массѣ знали или инстинктивно чувствовали этотъ гуманный, человѣческій характеръ. Восторженная встрѣча Александра въ Москвѣ во время коронаціи не была пустымъ, обыкновеннымъ преклоненіемъ толпы передъ блескомъ и властью; это была дѣйствительная привязанность и искренняя надежда[1]).

Во главѣ управленія сталъ вскорѣ кружокъ приближенныхъ императора. Ихъ дѣятельность въ качествѣ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ Александра въ существѣ дѣла шла въ томъ же самомъ направленіи, въ какомъ шли тогда идеи самого Александра. Планъ исправленія общественнаго устройства, задуманный въ широкихъ размѣрахъ, и одушевлявшій ихъ, скоро поставилъ ихъ въ то опасное положеніе, въ какое становятся нововводители въ обществѣ, мало развитомъ и издавна наклонномъ къ

---

[1]) См. Вигеля, I, 199—203; зап. Комаровскаго, Р. Арх.. 1867, стр. 563—565.

застою: у нихъ не было достаточной поддержки изъ среды общества, которая могла бы помочь ихъ предпріятіямъ, и напротивъ, они вызвали противъ себя вражду консервативнаго большинства, а наконецъ не имѣли за себя и твердой воли императора. Они и испытали послѣдствія этого опаснаго положенія. Этихъ людей столько потомъ винили и ихъ современные противники и потомки, что мы должны остановиться дольше на характерѣ этого кружка. Мы думаемъ, что эти обвиненія, если не вполнѣ, то въ очень большой степени несправедливы къ этимъ людямъ, которые, напротивъ, въ своемъ тогдашнемъ характерѣ самымъ привлекательнымъ образомъ выдаются изъ массы людей Александровскаго времени.

Этотъ кружокъ былъ очень естественнымъ и послѣдовательнымъ порожденіемъ умственной и нравственной жизни нашего общества Екатерининскихъ временъ, въ лучшихъ сторонахъ этой жизни. Это обстоятельство однако постоянно забывалось ихъ противниками, которые, не находя словъ для прославленія «мудрости» Екатерины, съ озлобленіемъ опрокидывались на людей, прямо продолжавшихъ то, что было собственно лучшаго въ ея идеяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, имъ нужно было бы признать всѣ либеральныя заявленія Екатерины громаднымъ лицемѣріемъ, длившимся цѣлые десятки лѣтъ, еслибы они захотѣли отвергать это; потому что направленіе этого кружка было именно тѣмъ, что только и могло вырости изъ идей, которыя она поощряла и заявляла. Всѣ умственные интересы образованнѣйшаго общества тѣхъ временъ (тогда это было, въ особенности, высшее знатное общество) направлялись къ французской литературѣ и философіи, и ихъ свѣтиламъ: это общество принимало французскіе нравы, читало французскія книги, многіе завершали свое воспитаніе въ парижскихъ салонахъ. Понятно, что если императрица вела дружбу съ Вольтеромъ, то этимъ однимъ уже открывался путь всѣмъ вліяніямъ идей, которыхъ онъ служилъ представителемъ. Эти идеи конечно различно дѣйствовали на различные характеры и особенно на различныя поколѣнія. Старшія поколѣнія были не особенно расположены къ идеальнымъ увлеченіямъ, и напротивъ больше отличались эгоистическимъ хладнокровіемъ, которое тонкости французскихъ нравовъ и гуманность французской философіи спокойно мирило съ остатками грубаго варварства въ русскихъ нравахъ. Но естественно, что въ новыхъ поколѣніяхъ дѣйствіе этихъ идей принимало иной характеръ: извѣстный тонъ цивилизаціи уже вошелъ въ жизнь, когда начиналось ихъ нравственное воспитаніе, и они сдѣлали новый шагъ въ этомъ направленіи. Они принимали эти идеи искреннѣе, и въ виду противорѣчія ихъ съ жизнью, не успокоивались на равнодушіи и эго-

измѣ, а напротивъ искали разумнаго исхода, не жертвовали идеями, а старались дать имъ мѣсто въ жизни. Но сущность идей была таже самая, и она усвоивалась людьми новаго поколѣнія не только съ вѣдома, но часто подъ прямымъ вліяніемъ стараго, которому принадлежалъ выборъ системы воспитанія.

Путь пріобрѣтенія этихъ идей оставался одинъ: это были непосредственныя вліянія умственнаго и общественнаго движенія Европы, и дѣйствовали они одинаково въ людяхъ весьма различныхъ положеній, какъ скоро эти вліянія имѣли возможность проникать довольно глубоко въ умы. Примѣромъ можетъ служить Радищевъ: его мнѣнія не представляли ничего особеннаго въ сравненіи съ тѣмъ, что думали немного времени спустя люди, составлявшіе ближайшій кружокъ Александра, и самъ Александръ. Ненависть къ произволу деспотизма, требованіе законности, стремленіе къ смягченію нравовъ и освобожденію общества, въ частности осужденіе крѣпостного права, негодности судовъ и т. п. все это были черты имъ общія. Происходили они изъ одного источника: русская мысль приходила къ нимъ подъ вліяніемъ перваго воспитанія, европейской литературы и европейской жизни.

Печальная необходимость — отсутствіе порядочныхъ средствъ воспитанія — дѣлала то, что очень большая доля воспитанія въ среднемъ и высшемъ дворянскомъ кругу принадлежала иностранцамъ, преимущественно французамъ, отчасти нѣмцамъ. Въ числѣ ихъ были конечно люди различныхъ мнѣній, но между прочимъ было много людей дѣйствительно образованныхъ и съ полнымъ сочувствіемъ новѣйшимъ идеямъ [1]). Современные писатели и позднѣйшіе ихъ критики много декламировали противъ вреда такого воспитанія, но чтобы оцѣнить это воспитаніе по справедливости, не надо забывать, что другихъ средствъ сама тогдашняя русская жизнь не давала: большинство училось на мѣдные гроши, и государственные люди, какъ Трощинскій, и такіе общественные и литературные дѣятели, какъ Новиковъ; московскій университетъ былъ единственный, и въ немъ много лекцій читалось по-латыни и по-нѣмецки, за неимѣніемъ русскихъ профессоровъ. Русская школа долго не могла стать какъ слѣдуетъ на ноги и удовлетворить даже тѣмъ потребностямъ въ образованіи, какія были на лицо: не забудемъ, что еще въ сороковыхъ и даже пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія русскіе университеты должны были допускать иностранныхъ профессоровъ, читавшихъ свои лекціи по-латыни, по-нѣмецки и по-французски. Съ другой сто-

---

[1]) Ср. Mém. Secr. II, 172—182; Voyage de deux Français dans le Nord de l'Europe Paris. 1796, т. 4, стр. 74 и слѣд.

роны французское воспитаніе не мѣшало воспитанникамъ оставаться русскими во всѣхъ своихъ нравахъ и помышленіяхъ, или выработываться въ людей достойныхъ и горячихъ патріотовъ. То дурное, что такъ легко и дешево было сваливать на французское воспитаніе, гораздо больше происходило конечно не отъ французскаго гувернера, а отъ цѣлаго склада жизни, еще преисполненной крѣпостнымъ варварствомъ и стариннымъ невѣжествомъ. Карамзина въ свое время обвиняли во «французскомъ духѣ», но этотъ французскій духъ, доходившій до почитанія Робеспьера, не мѣшалъ никогда Карамзину остаться полнымъ консерваторомъ; подъ вліяніемъ того же французскаго духа и на французскомъ языкѣ возникали лучшіе планы Александра и обдумывались благотворныя мѣры, въ родѣ заботъ о народномъ образованіи, или объ освобожденіи крестьянъ. Францiя уже давно считалась отечествомъ вкуса и образованности: она сохраняла свое очарованіе и теперь, въ революціонную эпоху. «Русскіе (т.-е. высшихъ слоевъ общества), почти всѣ воспитанные французами — говоритъ современникъ въ 1800 г. — съ дѣтства пріобрѣтаютъ очевидное предпочтеніе къ этой странѣ.... Они узнаютъ Францію только en beau, какой она кажется издали.... Они считаютъ ее отечествомъ вкуса, свѣтскости, искусствъ, изящныхъ наслажденій и любезныхъ людей; они уже считаютъ ее убѣжищемъ свободы и разума, очагомъ священнаго огня, гдѣ они нѣкогда зажгутъ свѣтильникъ, долженствующій освѣтить ихъ сумрачное отечество. Французскіе эмигранты, загнанные наконецъ къ новѣйшимъ киммерійцамъ, съ удивленіемъ нашли здѣсь людей, которые лучше ихъ самихъ знали дѣла ихъ собственной родины: есть русскіе молодые люди, которые размышляютъ надъ Руссо, которые изучаютъ рѣчи Мирабо».... Французское воспитаніе открывало естественный путь вліяніямъ литературы. Павелъ чувствовалъ, что здѣсь, черезъ книги, идетъ пропаганда идей, которыя онъ хотѣлъ преслѣдовать во всѣхъ видахъ: ему казалось, что онъ уже много успѣлъ, истребивши французскіе костюмы и шляпы, но подъ конецъ правленія нашелъ необходимымъ ближе позаботиться и объ этомъ предметѣ, и въ 1800 г. (18 апрѣля) совершенно запретилъ ввозъ въ Россію *всѣхъ* иностранныхъ книгъ. Но «якобинскія» книги уже настолько проникали въ публику, что запрещеніе, при Павлѣ очень страшное, не остановило ихъ распространенія. Александръ въ первые же дни своего царствованія (31 марта 1801) издалъ указъ, отмѣнявшій это запрещеніе; другой указъ (9 февр. 1802), отмѣнявшій павловскія цензуры въ городахъ и портахъ, говоритъ, что эти средства, по пятилѣтнему опыту, между прочимъ оказались и недостаточны для предположенной

цѣли. «Конечно недостаточны, говоритъ по этому поводу Шторхъ, потому что даже во время запрещенія всякаго ввоза книгъ, въ Петербургѣ и Москвѣ обращались иностранныя книги, вышедшія во время этого запрещенія или незадолго до него. Такъ какъ идти на такой рискъ, какой связывался съ ввозомъ книгъ, стоило только для *самыхъ пикантныхъ* вещей, то самая строгость мѣръ была причиной, что изъ всѣхъ литературныхъ произведеній приходили въ имперію только такія, по поводу которыхъ запрещеніе и было главнымъ образомъ сдѣлано. Нѣкоторые букинисты, въ числѣ которыхъ были также и эмигранты, занимались этимъ опаснымъ, но прибыльнымъ промысломъ съ неслыханной смѣлостью. Ихъ склады были извѣстны почти всякому, и однако не нашлось ни одного доносчика» [1]). Наконецъ, путешествія, жизнь и ученье за границей доставляли практическія, живыя впечатлѣнія, которыя должны были имѣть значительную силу. Путешествіе за границу до сихъ поръ имѣетъ для русскаго общества особенное очарованіе: вспомнимъ, какъ все, что могло, бросилось за границу въ началѣ нынѣшняго царствованія, когда сняты были паспортныя стѣсненія; и если европейская жизнь, самыми внѣшними формами своими, производитъ и теперь сильное впечатлѣніе даже на очень мало развитыхъ людей, то надо предположить, что въ тогдашнее время дѣйствіе ея было тѣмъ сильнѣе. Многіе ѣздили въ иностранные университеты, и когда Павелъ запретилъ эти поѣздки и велѣлъ вызвать тѣхъ русскихъ подданныхъ, которые въ то время находились въ иностранныхъ университетахъ, оказалось, что въ Лейпцигѣ было русскихъ подданныхъ 36, въ Іенѣ 65 человѣкъ [2]). Для русскихъ молодыхъ аристократовъ, отправлявшихся тогда за границу, открывались конечно всѣ салоны, и въ то же время, слѣдовательно вся возможность познакомиться съ движеніемъ умовъ и съ послѣдними новостями литературы. Изъ различныхъ данныхъ мы можемъ видѣть, что всѣ эти вліянія вмѣстѣ создавали въ молодыхъ поколѣніяхъ наиболѣе образованнаго класса то направленіе мыслей, которое у людей стараго покроя разумѣлось подъ именемъ вольтеріянства и якобинства.

Такого именно характера былъ и кружокъ первыхъ ближайшихъ друзей и сотрудниковъ императора Александра. На всѣхъ время наложило свой отпечатокъ идеалистическаго либерализма. Такъ, дѣйствительно, составились взгляды самого Александра, у котораго проводникомъ европейскихъ идей былъ Лагарпъ; такъ

---

[1]) Storch, Russland unter Alex. dem Ersten. I, 130.

[2]) Mém. Secr. II, 199.

было и съ его друзьями. Всѣ они получили «отличное» аристократическое воспитаніе того времени, законченное путешествіями и жизнью за границей. Новосильцовъ, самый старшій изъ нихъ по лѣтамъ и, какъ говорятъ, самый талантливый, увлекался англійской жизнью и учрежденіями, которыя узналъ во время четырехълѣтняго пребыванія въ Англіи при Павлѣ. Кочубей оканчивалъ свое воспитаніе за границей, сначала въ Женевѣ, которая издавна была пріютомъ для либеральныхъ элементовъ, потомъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ занимался политическими науками, и вынесъ тоже стремленіе къ преобразованіямъ въ европейскомъ смыслѣ. Графъ Павелъ Строгановъ также получилъ французское воспитаніе; современники разсказываютъ, что его наставникомъ былъ Роммъ, который пріобрѣлъ потомъ извѣстность какъ одинъ изъ монтаньяровъ временъ Конвента [1]). Въ Женевѣ Строгановъ былъ уже знакомъ съ Дюмономъ, сотрудникомъ Мирабо и другомъ Бентама. Чарторижскій получилъ также блестящее воспитаніе, и мы видѣли, какъ онъ самъ характеризовалъ свой политическій образъ мыслей. Всѣ они представляютъ много сходнаго и въ воспитаніи и въ общественныхъ понятіяхъ, къ которымъ приводило ихъ это воспитаніе и впечатлѣнія жизни. Но любимцы Александра не были чѣмъ-нибудь исключительнымъ, не были случайными людьми, которымъ только личная дружба императора дала незаслуженную власть; они вовсе не были чуждыми своему обществу и непрошеными реформаторами — какъ ихъ и тогда и потомъ часто изображали; напротивъ, вмѣстѣ съ самимъ Александромъ, они были изъ лучшихъ представителей тогдашняго образованнаго молодого поколѣнія, — ихъ недостатки были только отчасти ихъ личные недостатки, но всего больше недостатки общества и времени. Мы постараемся это показать.

Ихъ преобразовательныя стремленія съ самаго начала возбудили злобу въ старомъ поколѣніи сановниковъ Екатерининскаго времени. Нападенія направились особенно, кажется, на Ново-

---

[1]) См. о Роммѣ у Шлоссера, Истор. XVIII-го стол., новое изд. V, стр. 457—462; подробнѣе у Луи-Блана, Hist. de la Révolution, т. XI и XII, также Claretie, Les Montagnards. Это былъ далеко не единственный случай, гдѣ въ русское воспитаніе проникали непосредственно вліянія французскаго революціоннаго броженія. Воспитателемъ дѣтей самого М. Н. Муравьева былъ какой-то якобинецъ, проклинаемый Вигелемъ (Зап. III, ч. V, стр. 51). Въ домѣ Салтыковыхъ былъ гувернеромъ родной братъ Марата: «этотъ Маратъ, хотя и осуждалъ свирѣпости своего брата, вовсе не скрывалъ отъ друзей своихъ республиканскихъ мнѣній, и спокойно проживалъ, иногда приводя даже своего воспитанника ко двору». Только послѣ казни короля, онъ просилъ позволенія перемѣнить свое имя и сталъ называться Будри (Mém. Secr. II, 199).

сильцова, какъ болѣе предпріимчиваго и вліятельнаго. Надъ нимъ смѣялись, называя его le grand homme, le grand ministre, le génie à toute sauce, издѣвались надъ его презрѣніемъ къ орденамъ, удивлялись, какъ его не поставятъ во главѣ арміи и т. п. [1]). Дмитріевъ, въ своихъ Запискахъ, осторожно противополагаетъ «молодымъ людямъ, получившимъ *слегка* понятія о теоріяхъ новѣйшихъ публицистовъ» — «служивцевъ вѣка Екатерины, опытныхъ, осторожныхъ, привыкшихъ къ старому ходу, нарушеніе коего имъ казалось возстаніемъ противъ святыни» [2]), но его симпатіи едва ли не больше склонялись на эту послѣднюю сторону. Настоящіе служаки Екатерининскихъ временъ не щадили выраженій, говоря объ этихъ нововводителяхъ. Державинъ злобно говоритъ объ нихъ: «тогда всѣ окружающіе государя были *набиты* французскимъ и польскимъ конституціоннымъ духомъ» [3]). Въ любопытномъ письмѣ С. Р. Воронцова къ Ростопчину, писанномъ впрочемъ уже позднѣе (повидимому въ 1814 году, послѣ Шатильонскаго конгресса), мы находимъ слѣдующую рѣзкую характеристику совѣтниковъ Александра — въ которую входятъ, правда, лица и событія не одной первой эпохи, занимающей насъ теперь, но которая обнимаетъ очевидно и это время.

«Надо надѣяться, — говоритъ Воронцовъ объ Александрѣ, — что онъ увидитъ, что пора организовать порядокъ и управленіе (l'ordre et l'administration de la justice) въ своей странѣ, которые погибнутъ, если онъ не приведетъ дѣла въ тотъ же видъ, въ какомъ онѣ были въ этомъ отношеніи со временъ учрежденія сената Петромъ Великимъ до перваго года царствованія покойной императрицы. Она начала дѣлать нововведенія, сынъ ея все низвергнулъ, не ставя ничего на мѣсто того, что̀ было имъ разрушено, а ея внукъ *имѣлъ несчастіе* быть окруженнымъ людьми (faiseurs), которые, будучи исполнены самолюбіемъ и тщеславіемъ, считали себя выше великаго основателя русской имперіи (?). Эти господа начали работать надъ *бѣдной Россіей* учрежденіями, появлявшимися каждый день; эти господа были настоящими машинами для изготовленія учрежденій (machines à reglement); они только и дѣлали, съ такой же быстротой, каково было ихъ невѣжество и легкомысліе. Эти указы основывались на гипотетическихъ идеяхъ ихъ воображенія и не переваренномъ чтеніи; это были опыты, которые они хотѣли производить надъ *бѣдной Россіей*, и они не знали, что *опыты хо-*

---

1) Богд. I, 74.

2) Взглядъ на мою жизнь, стр. 180.

3) Зап., стр. 463.

роши только въ физикѣ и химіи, и что они гибельны (fatales) въ юриспруденціи, въ администраціи и въ политической экономіи. Но бѣшенство (rage) этихъ нововводителей было таково, что, видя себя стѣсненными первоначальной властью, возвращенной императоромъ сенату въ сентябрѣ 1802 г., они нашли средство отдѣлаться отъ нея и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уничтожить ее. Россія устояла противъ всей континентальной Европы, которую влекъ за собой Бонапарте, но она не устоитъ противъ внутренняго безпорядка, и только одинъ сенатъ и учрежденія коллегій, основанныя Петромъ Великимъ, могутъ помочь злу, которое дѣлаютъ и будутъ всегда дѣлать министры, которые работаютъ съ государемъ наединѣ и могутъ вводить его въ заблужденіе вольно или невольно, по незнанію или обманываемые другими» и пр. [1]).

Карамзинъ въ запискѣ о древней и новой Россіи, гдѣ впрочемъ бóльшая часть полемики направлена противъ Сперанскаго, столько же неблагопріятно смотритъ и на то, чтó было сдѣлано въ первые годы царствованія, еще безъ участія Сперанскаго, напр. на преобразованіе сената и учрежденіе министерствъ, и на внѣшнюю политику этого времени (въ которой впрочемъ всего больше дѣйствовали взгляды самого императора Александра).

У новѣйшихъ историковъ мы найдемъ также не мало неблагопріятныхъ отзывовъ. Одни по крайней мѣрѣ отдаютъ справедливость личнымъ качествамъ и намѣреніямъ совѣтниковъ Александра, хотя и указываютъ недостатокъ опытности [2]); за то другіе относятся къ нимъ крайне недоброжелательно. Такъ напр. въ особенности г. Богдановичъ. Его отзывы, даже при благопріятныхъ фактахъ набрасывающіе тѣнь на этихъ людей, представляютъ, какъ увидитъ читатель, цѣлый взглядъ на эту эпоху царствованія Александра.

«Новосильцовъ, извѣстный своими свѣдѣніями и рвеніемъ къ общему благу, въ томъ смыслѣ, въ какомъ *самъ понималъ его*, пользовался уваженіемъ и сочувствіемъ въ публикѣ...» (Но развѣ не каждый серьезный человѣкъ стремится къ общему благу такъ, какъ *самъ* понимаетъ его?). «Россія была ему неизвѣстна, *тѣмъ болѣе*, что въ молодости онъ не управлялъ никакою частію». (Доказательствъ незнанія не приводится никакихъ). «Тѣ, которые знавали его въ позднѣйшее время, думали, что онъ измѣнилъ прежнимъ своимъ либеральнымъ склонностямъ, въ дѣйствительности же онъ всегда былъ абсолютистомъ и постоянно стремился

[1]) Сборн. Ист. Общ. III, 8, прим.

[2]) См. бар. Корфа, Жизнь Спер. I, 92—94.

къ централизаціи управленія и къ слитію въ одну общую форму всѣхъ національностей Россіи», и пр. (Но это послѣднее не имѣетъ собственно тѣсной связи съ либеральными или нелиберальными склонностями: очень возможно было бы въ централизаторскихъ стремленіяхъ руководствоваться либеральными понятіями; Новосильцовъ могъ быть централизаторомъ и въ началѣ своей дѣятельности и въ концѣ ея, но эти начало и конецъ тѣмъ не менѣе были слишкомъ непохожи).

«Графъ Павелъ Строгановъ, человѣкъ съ прекрасною благородною душою..., получивъ исключительно французское воспитаніе, принадлежалъ къ числу ревностныхъ почитателей Мирабо и гласно изъявлялъ заимствованный имъ отъ запада свободный образъ мыслей». (Припомнимъ, что Карамзинъ былъ почитателемъ Робеспьера; что въ 1802 г. въ петербургскомъ обществѣ и даже при дворѣ очень любезно принимали друга и сотрудника Мирабо, швейцарца Дюмона). «Само собою разумѣется, что его ультра-либерализмъ былъ не столько выраженіемъ глубокаго вѣрованія, сколько стремленіемъ поддѣлаться подъ бывшій тогда въ ходу тонъ современнаго общества». (Отчего *само собою разумѣется*, этого не видно, и напротивъ непонятно, какимъ образомъ человѣкъ «съ прекрасною, благородною душою» упадалъ до того, чтобы *поддѣлываться* подъ тонъ общества: въ этомъ обществѣ онъ былъ поставленъ достаточно независимо, и если *господствующій тонъ* общества былъ таковъ, то ему нечего было и поддѣлываться, когда онъ по своему «исключительно французскому воспитанію» былъ уже готовымъ почитателемъ Мирабо).

О Кочубеѣ говорится только: «Современники находили, что онъ зналъ Англію лучше Россіи, и что, передѣлывая многое на англійскій ладъ, онъ, какъ львенокъ Крылова, училъ звѣрей вить гнѣзда».

Не будемъ входить въ характеристику Чарторижскаго, потому что это отвлекло бы насъ въ долгое объясненіе отношеній тогдашней Польши, что впрочемъ намъ, можетъ быть, надо будетъ сдѣлать далѣе. Общій отзывъ г. Богдановича говоритъ слѣдующее: «Таковы были первые приближенные Александра, первоначальные сотрудники его въ управленіи судьбами обширной имперіи. Ни одинъ изъ нихъ не стоялъ вполнѣ на *высотѣ* своего *призванія*, какъ по недостаточному знанію Россіи, такъ и по малой опытности въ дѣлахъ, совершенно для нихъ новыхъ. Довѣріе къ нимъ монарха было основано не столько на ихъ способностяхъ, сколько на привычкѣ къ нимъ и на прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ. Молодые любимцы, люди благонамѣрен-

ные, каждый — по своему, но неопытные, раздѣляли страсть къ нововведеніямъ Государя, столь же благонамѣреннаго, столь же мало опытнаго, столь же незнавшаго страны своей. Вмѣсто того, чтобы явиться на поприще государственнаго управленія во *всеоружіи* положительныхъ свѣдѣній, они, управляя дѣлами, учились въ такой школѣ, гдѣ шла рѣчь о будущности, о судьбѣ многихъ милліоновъ людей, а не о какой-либо отвлеченной теоріи». Еще недружелюбнѣе другой отзывъ, изъ котораго видно однако, что и дѣльцы стараго поколѣнія не подавали хорошаго примѣра:

«...Такимъ образомъ сотрудниками Александра, въ первые годы его царствованія, являются и дѣльцы вѣка Екатерины, люди, искусившіеся опытами жизни, и юные дѣятели [1]), вступившіе на невѣдомое имъ поприще съ душою незатвердѣвшею отъ житейскихъ неудачъ и треволненій. Казалось бы, что соединеніе противоположныхъ началъ—съ одной стороны осторожности и привычки къ прежнему ходу дѣлъ, а съ другой — новѣйшей образованности и благонамѣреннаго, хотя и *безсознательнаго* (?), стремленія къ улучшеніямъ, казалось бы, что такое соединеніе началъ, умѣряемыхъ и дополняемыхъ одно другимъ, могло имѣть самыя благотворныя послѣдствія для матеріальнаго и духовнаго преуспѣянія Россіи. Но, къ сожалѣнію, вышло иначе. По собственному сознанію одного изъ людей прежняго времени, люди *опытные*, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать юному императору въ управленіи государствомъ... предались радости при восшествіи на престолъ государя милостиваго, невзыскательнаго, провожали время въ пиршествахъ, читали восторженные стихи и громко прославляли, *не стѣсняясь присутствіемъ служителей своихъ*, прекращеніе прежней строгости и возстановленіе спокойствія. А между тѣмъ молодые люди, окружавшіе императора Александра, пользуясь бездѣйствіемъ старшихъ (?), окружали престолъ и съ самонадѣянностью, свойственною *невѣдѣнію* и неопытности, порицая *всѣ* уставы и законы, существовавшіе въ Россіи (?), считали ихъ отсталыми, отжившими вѣкъ свой. Полагая, что достаточно было природныхъ способностей, сознаваемыхъ ими въ самихъ себѣ, чтобы сдѣлаться законодателями, полководцами (?), просвѣтителями милліоновъ людей, они вызывались (?) начертать законы, болѣе совершенные, болѣе благодѣтельные, что однакоже не мѣшало имъ съ непостижимою

[1]) Не лишнее замѣтить, что изъ этихъ «юныхъ дѣятелей», «юныхъ сподвижниковъ» (Богд. I, 77. 87) Новосильцову около 1802 г. было уже 40 лѣтъ, Кочубею—34, «юность» очень относительная.

неосновательностью подрывать уваженіе ко *всѣмъ* (?) уставамъ, разглагольствуя о свободѣ и равенствѣ, въ самомъ превратномъ и уродливомъ смыслѣ. Многія изъ предложенныхъ ими преобразованій въ дѣйствительности были *хороши*, но, будучи приводимы въ исполненіе поспѣшно, безъ связи съ общею системою управленія, невсегда приносили ожидаемую пользу и часто подавали поводъ къ неудовольствію»[1]).

Трудно сдѣлать оцѣнку, болѣе неблагопріятную для совѣтниковъ Александра,—она завершаетъ все, что было говорено въ ихъ обвиненіе современниками, — и трудно сдѣлать оцѣнку, болѣе несправедливую къ друзьямъ Александра и болѣе невѣрную исторически. На чемъ же основаны такія суровыя осужденія?

Въ послѣдней приведенной тирадѣ, авторъ ссылается, въ подтвержденіе своихъ словъ, на записки Дмитріева и Шишкова. Записки Дмитріева, кромѣ отзыва выше нами приведеннаго, заключаютъ еще нѣсколько словъ, весьма неопредѣленныхъ[2]). Сличивъ цитаты, читатель увидитъ, гдѣ г. Богдановичъ воспользовался словами Дмитріева. Остальное, надо полагать, взято изъ записокъ Шишкова (рукописныхъ), которыхъ мы не имѣли подъ руками. Но едва ли нужно доказывать, что отзывы именно Шишкова всего менѣе могутъ быть принимаемы въ качествѣ историческаго приговора. У него были конечно прекраснѣйшія намѣренія и искренній патріотизмъ особаго рода; но это былъ человѣкъ до того простодушный, и старовѣръ, доходившій до такого ребячества, что его *мнѣній* нѣтъ возможности принимать серьезно, и въ особенности прямо дѣлать изъ нихъ историческое сужденіе. Мнѣнія его любопытны какъ образчикъ понятій извѣстной категоріи тогдашнихъ людей, но не болѣе; довольно знать его литературную дѣятельность (напр. хоть ребяческое славянофильство и вражду къ Карамзину) и напечатанную часть его записокъ, чтобы не имѣть никакихъ сомнѣній объ исторической цѣнѣ его отзывовъ.

---

[1]) Богдан., Ист. Алекс. I, 82, 87—88.

[2]) Упомянувъ о двухъ партіяхъ, молодой и старой, окружавшихъ Александра, Дмитріевъ говоритъ только слѣдующее: «Такое соединеніе двухъ возрастовъ могло бы послужить въ пользу правительства. Дѣятельная предпріимчивость молодости, соединенная съ образованіемъ нашего времени, изобрѣтала бы способы къ усовершенію и оживляла бы опытную старость, а сія, на обмѣнъ, умѣряла бы лишнюю пылкость ея и избирала бы изъ предлагаемыхъ средствъ надежнѣйшія и болѣе сообразныя съ мѣстными выгодами и положеніемъ государства. Но, къ сожалѣнію, и самыя благородныя души не освобождаются отъ эгоизма, порождающаго зависть и честолюбіе». (Взглядъ на мою жизнь, стр. 181). И только. Чьи благородныя души не освободились отъ эгоизма, молодыя или старыя, остается неизвѣстно.

Обвиненія, извлеченныя изъ такихъ источниковъ, не знаютъ никакой мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ, что молодые совѣтники Александра окружали престолъ «пользуясь бездѣйствіемъ старшихъ»? Неужели они дѣйствительно порицали *всѣ* уставы (что́ повторено дважды)? Кто изъ нихъ собирался въ *полководцы*? Когда они *вызывались* составлять совершенные законы?

Откуда ни взяты эти обвиненія, изъ записокъ Шишкова или нѣтъ, онѣ не внушаютъ довѣрія уже одной своей явной враждебностью, и опровергаются сами собою. Какимъ образомъ, при такомъ невѣдѣніи, неопытности, самонадѣянности, непостижимой неосновательности, при такомъ превратномъ и уродливомъ разглагольствованіи о свободѣ и равенствѣ, какъ при всѣхъ этихъ грубыхъ недостаткахъ могло у нихъ выдти что-нибудь хорошее? И однакоже оказывается, что многое было хорошо, только поспѣшно выполнено. Однимъ словомъ, историкъ дѣлаетъ грубую ошибку, повторяя безъ всякой критики тѣ озлобленныя нападенія, какія дѣлались тогда противъ друзей Александра въ кругу стараго вельможества и чиновничества. Въ этой самой тирадѣ мы видимъ нѣкоторое объясненіе этихъ отношеній: въ самомъ дѣлѣ, можно ли было Александру ждать чего-нибудь отъ тѣхъ «опытныхъ» людей, которые, при вступленіи на престолъ государя невзыскательнаго, провожали время въ пиршествахъ и кромѣ этого ни о чемъ не помышляли? Понятно, что императоръ предпочелъ совѣтоваться съ людьми другого качества, какихъ онъ и находилъ въ своихъ друзьяхъ. «Опытные» люди конечно были крайне этимъ озлоблены, и имъ все не нравилось въ новомъ царствованіи. «Весьма замѣчательно, — говоритъ тутъ же г. Богдановичъ, — что нѣкоторыя *похвальныя* качества государя, его простота вкусовъ, его отвращеніе отъ всякаго этикета и внѣшняго блеска, подвергались превратнымъ толкамъ». Недовольны были, что дворъ будто бы «утратилъ величіе» — оттого, что Александръ не дѣлалъ безумныхъ издержекъ на это «величіе», какъ дѣлалось прежде [1]; — что императоръ «не отличался отъ подданныхъ въ одеждѣ и образѣ жизни»; что онъ былъ вѣжливъ, предпочиталъ законъ своему произволу, что въ одномъ манифестѣ онъ нѣсколько разъ употребилъ слово «отечество» и т. д. Неудивительно, что Александръ не былъ расположенъ выбирать своихъ

---

[1]) «Величіе» временъ Екатерины извѣстно; о временахъ Павла читаемъ въ запискахъ И. И. Дмитріева: «*Никогда* не было при дворѣ такого великолѣпія, такой пышности и строгости въ обрядѣ» и т. д. («Взглядъ на мою жизнь», стр. 149).

совѣтниковъ изъ людей, гдѣ были *такіе* недовольные [1]), и въ чемъ виноваты были здѣсь его молодые совѣтники?

Переходимъ къ другимъ обвиненіямъ.

Что эти люди не стояли на высотѣ своего призванія, мы не будемъ спорить и съ своей стороны: но часто ли вообще являлись въ нашей новѣйшей исторіи люди, стоявшіе на высотѣ своего призванія, если мы станемъ понимать «призваніе», т.-е. служеніе благу отечества и націи — сколько-нибудь серьезнымъ и строгимъ образомъ? Можно сказать развѣ только о Петрѣ Великомъ, что онъ стоялъ на высотѣ своего призванія, но кто же затѣмъ достигалъ этой высоты или устоялъ на ней? Сама Екатерина передъ строгимъ историческимъ судомъ далеко не всегда можетъ быть поставлена на эту высоту. Если же мы ограничимъ требованія и будемъ сравнивать совѣтниковъ Александра со старыми дѣльцами, то по содержанію понятій, которое представляли эти люди, мы должны будемъ не только не попрекать совѣтниковъ Александра, но поставить ихъ гораздо выше множества разныхъ министровъ и приближенныхъ, какіе бывали у насъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Прежде всего, эти приближенные Александра совершенно не были похожи на прежнихъ временщиковъ и фаворитовъ XVIII столѣтія. Всѣми тогда и послѣ чувствовалось, что ихъ соединяло съ Александромъ согласіе въ основныхъ убѣжденіяхъ, и это одно выгодно отдѣляетъ ихъ изъ категоріи обыкновенныхъ любимцевъ. Они были дѣйствительно, а не лицемѣрно скромны; они не добивались себѣ добычи и не грабили государства; причина ихъ близости къ государю, дружба, основанная на сходствѣ понятій, была слишкомъ не похожа на тѣ обстоятельства, какія выводили въ люди прежнихъ «случайныхъ» людей. «Недостаточное знаніе Россіи», «малая опытность въ дѣлахъ» — обвиненіе весьма серьезное. Мы замѣчали прежде, что ему подлежалъ (въ

---

1) Ср. съ этимъ отзывъ о «старыхъ дѣльцахъ», Беклешовѣ и Трощинскомъ въ первое время по вступленіи Александра на престолъ, въ Зап. Державина.... «Беклешовъ и Трощинскій, бывшіе тогда приближенные къ государю чиновники, и имѣющіе, такъ сказать, всю власть въ своихъ рукахъ, *оказывали себя по прихотямъ своимъ выше всѣхъ законовъ*, а какъ они между собою поссорились, и противоборствуя другъ другу, ослабили свою въ государѣ довѣренность, то и *сбили его съ твердаго пути*, такъ что онъ *не зналъ, кому* изъ нихъ *вѣрить*» (Зап. Держ., стр. 438—439 и ср. разсказъ о тѣхъ же Беклешовѣ и Трощинскомъ въ запискахъ Комаровскаго, Р. Арх. 1867, стр. 561 — 569). А между тѣмъ въ это первое время они именно и «ворочали государствомъ», по словамъ Державина. Кто же виноватъ, если Александръ пересталъ на нихъ и имъ подобныхъ полагаться? Ср. сходные съ этимъ отзывы Дюмона о недовольствѣ противъ императора Александра въ началѣ его царствованія. Вѣстн. Евр. 1869, февр. 806—807.

неменьшей, если не большей степени) самъ императоръ Александръ въ началѣ своей дѣятельности. Но, принявъ въ соображеніе обстоятельства и характеръ времени, мы должны снять съ этихъ людей значительную долю этого обвиненія. Мы уступаемъ обвиненію «малую опытность въ дѣлахъ», потому что дѣйствительно, это было дѣло рутины, которой они еще не имѣли много, и въ этомъ отношеніи ихъ конечно долженъ былъ превосходить всякій неглупый выслужившійся приказный, который въ разныхъ ступеняхъ своей службы могъ отлично изучить эту рутину. Что же касается до *знанія Россіи*, то это знаніе можно понимать весьма различно: легко могло быть, что они уступали многимъ изъ тогдашнихъ сановниковъ въ фактическомъ знаніи подробностей существующаго законодательства и порядковъ управленія, но понятно, что это фактическое знаніе подробностей, какимъ только и отличалось большинство «опытныхъ служивцевъ», еще не составляетъ всего, что необходимо знать людямъ, стоящимъ во главѣ управленія. Кромѣ этого знанія нужно другое, которое идетъ дальше простой исполнительности, которое обнимаетъ основныя черты положенія вещей, видитъ его существенные недостатки и слабыя стороны и ищетъ разумныхъ средствъ ихъ устраненія и уничтоженія. Эти два рода знанія пріобрѣтаются различно. Одно можно пріобрѣтать простымъ чисто нагляднымъ знакомствомъ съ практической жизнью, знакомствомъ, для котораго не требуется какого-нибудь особеннаго образованія и усилія мысли, и которое, дѣйствительно, очень часто имѣютъ простые «бывалые» люди, ловкіе практическіе дѣльцы. Другое бываетъ доступно или только для умовъ, развитыхъ образованіемъ, которое сообщаетъ имъ лучшія представленія о нормальной жизни, и одушевляетъ ихъ ревностью къ улучшенію дѣйствительности, или же для серьезныхъ умовъ, которымъ это желаніе улучшеній внушается чувствомъ и яснымъ сознаніемъ недостатковъ дѣйствительности. Есть, однимъ словомъ, разница между канцелярскимъ знаніемъ рутины, годнымъ развѣ только для продолженія старыхъ порядковъ, и общественно-политическимъ пониманіемъ общаго состоянія и потребностей страны. Которое изъ двухъ можно справедливѣе назвать «сознательнымъ», и которое изъ нихъ необходимѣе для государственнаго дѣятеля, объ этомъ едва ли можно спорить. Всего лучше конечно, когда оба они соединяются, когда знаніе фактическихъ отношеній освѣщается указаніями просвѣщенной любви къ отечеству и служитъ помощью для плановъ преобразованій, внушаемыхъ политическимъ пониманіемъ національной пользы и доброжелательнымъ отношеніемъ къ интересамъ человѣчества. Такіе случаи,

къ сожалѣнію, рѣдки; изъ двухъ односторонностей у насъ всего чаще господствуетъ первая, но въ историческомъ движеніи общественнаго развитія конечно сдѣлано было гораздо больше энтузіастами общаго блага, чѣмъ людьми канцелярій. Къ этимъ энтузіастамъ общаго блага, вовсе однако не лишеннымъ и настоящаго знанія страны, несомнѣнно принадлежали первые сотрудники Александра. Быть можетъ, что имъ недоставало иногда практическихъ свѣдѣній о различныхъ отрасляхъ управленія, но общій характеръ управленія вовсе не былъ для нихъ загадкой, и коренные недостатки его были имъ больше понятны, чѣмъ самымъ опытнымъ служивцамъ стараго времени, которые всего чаще ихъ совершенно не подозрѣвали. Своимъ желаніемъ улучшеній они стояли неизмѣримо выше этихъ служивцевъ, и мы увидимъ, что улучшенія, ими предпринятыя, вовсе не были безуспѣшны. Далѣе, сказать, что довѣріе Александра къ нимъ основано было «*не столько* на ихъ способностяхъ, сколько на *привычкѣ* и на прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ»—также будетъ неточнымъ опредѣленіемъ факта. Со всѣми своими любимцами — Новосильцовымъ, Чарторижскимъ, Кочубеемъ (кромѣ, кажется, одного Строганова) Александръ разлучился довольно давно; съ Новосильцовымъ — въ теченіе всѣхъ четырехъ лѣтъ царствованія Павла,—такъ что привычка могла бы изгладиться. Напротивъ прежнія дружескія отношенія вовсе не были единственнымъ основаніемъ довѣрія Александра, потому что и «способности» этихъ людей вовсе не были дюжинныя; само обвиненіе признаетъ ихъ и за Новосильцовымъ, и за Кочубеемъ, и за Чарторижскимъ. Всѣ они были люди весьма образованные; Кочубей, еще въ 1792 году, всего двадцати четырехъ лѣтъ назначенный чрезвычайнымъ посланникомъ въ Константинополь, «умѣлъ поддержать достоинство представителя могущественной государыни». Во времена Павла Кочубей, при всей силѣ своего дяди, Безбородки, едва ли задаромъ сдѣлалъ свою блестящую карьеру (онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, графское достоинство и званіе вице-канцлера — ему едва было тридцать лѣтъ). Извѣстно, наконецъ, что это былъ положительно человѣкъ талантливый и благородный. Довѣріе Александра къ этимъ людямъ основывалось собственно на томъ, что эти люди, кромѣ прежнихъ дружескихъ связей, были единственные люди въ обстановкѣ Александра, съ которыми онъ былъ связанъ общимъ *направленіемъ понятій*. Онъ довѣрялъ имъ, потому что былъ увѣренъ, что они совершенно понимаютъ и раздѣляютъ его благія желанія и стараются содѣйствовать ихъ выполненію; самая дружба съ ними основы-

залась на этомъ единствѣ мнѣній. Винить ихъ, что они не явились на поприще государственнаго управленія «во всеоружіи положительныхъ свѣдѣній» — не позволяетъ простая человѣческая справедливость: гдѣ было *въ то время* получать это всеоружіе? Многіе ли вообще могли имъ хвастаться? И что придется сказать о дѣятеляхъ Екатерининскихъ и разныхъ другихъ временъ, если мы приложимъ къ нимъ столь же строгую мѣрку? Въ какомъ «всеоружіи» являлись на это поприще Орловы или Зубовы, или потомъ Аракчеевы и Голицыны? Кромѣ того, друзьямъ Александра не легко было и пріобрѣтать его, когда, при воцареніи Павла, имъ пришлось удаляться отъ центра дѣлъ, отчасти добровольно, по чувству самосохраненія, отчасти невольно, потому что они были удалены. Мы говорили наконецъ о томъ, въ чемъ собственно должно было состоять всеоружіе, и указывали, что сотрудники Александра не были совсѣмъ безоружны. «Управляя дѣлами, они учились въ такой школѣ, гдѣ шла рѣчь о будущности, о судьбѣ многихъ милліоновъ людей, а не о какой-либо отвлеченной теоріи» — можно подумать, что эти люди въ самомъ дѣлѣ вздумали основывать въ Россіи Платонову республику или Утопію, и въ жертву своей метафизической теоріи приносили судьбу милліоновъ. На дѣлѣ милліоны могли бы гораздо меньше жаловаться на управленіе этихъ людей, чѣмъ многихъ другихъ прежде и послѣ; и именно въ эту первую эпоху царствованія Александра судьба милліоновъ принималась къ сердцу гораздо больше, чѣмъ въ какое-нибудь другое время этого царствованія, и конечно не вина этихъ однихъ людей, что великодушные планы ихъ могли осуществиться только далеко не вполнѣ.... Планы эти угадывали историческую необходимость, которая начинаетъ въ наши дни оправдываться и осуществляться.

Доказательства сказанному не мудрено найти въ тѣхъ правительственныхъ мѣрахъ, которыми ознаменовалась дѣятельность этихъ лицъ, и къ счастію, мы имѣемъ еще драгоцѣнные историческіе документы, по которымъ можно познакомиться съ характеромъ мнѣній этихъ лицъ, съ ихъ планами и ихъ долей въ исполненіи. Это—засѣданія того интимнаго дружескаго комитета (1801—1803 г.), гдѣ императоръ Александръ вмѣстѣ съ своими друзьями обсуждалъ предпринимаемыя преобразованія. Протоколы этихъ засѣданій сохранились въ бумагахъ графа П. А. Строганова, изданіе которыхъ составляетъ большую заслугу книги г. Богдановича [1]). Нѣсколькихъ примѣровъ будетъ достаточно для нашей цѣли.

---

[1]) См. «Вѣстн. Евр.» 1866, № 1, статья г. Богдановича, и его же книгу, I, прилож.

Въ тѣхъ мнѣніяхъ, которыя высказывались въ совѣщаніяхъ этого интимнаго комитета, достаточно обнаруживается характеръ отношеній. Мы видимъ, что совѣтники не всегда сходились во мнѣніяхъ, но мнѣнія ихъ вовсе не представляли какого-нибудь особеннаго незнанія русской жизни, въ которомъ ихъ обыкновенно обвиняютъ. Иниціатива принадлежала всего чаще самому императору; его мнѣніе всегда конечно рѣшало вопросы, и не всегда получало верхъ лучшее предложеніе. Читая протоколы не трудно убѣдиться, что ихъ отношенія были свободныя и добровольныя, что совѣтники Александра не только не навязывали ему своихъ мнѣній, но, какъ дальше увидимъ, не имѣли и возможности навязывать, что они имѣли отъ него одну только привилегію—свободу высказывать свое и иногда не соглашаться съ нимъ; ихъ вліяніе заключалось единственно въ довѣріи, которое самъ онъ имъ далъ,—они удалились тотчасъ, какъ скоро увидѣли, что ихъ понятія перестаютъ совпадать съ идеями императора. Такъ что критики ихъ дѣятельности, тогдашніе и позднѣйшіе, еслибы хотѣли быть вполнѣ правдивы, должны были бы направлять свои обвиненія не столько противъ нихъ, сколько противъ самого императора, которому всего чаще принадлежала иниціатива и всегда окончательное рѣшеніе.

Комитетъ составился, конечно по желанію государя, изъ лицъ, удостоившихся его довѣрія, для нѣкотораго сотрудничества съ нимъ «въ систематической работѣ надъ реформою безобразнаго зданія управленія имперіи (reforme de l'édifice informe du gouvernement de l'Empire)». Работа должна была начаться обозрѣніемъ настоящаго состоянія разныхъ частей управленія, и затѣмъ рѣшено было «предпринять реформу всѣхъ различныхъ частей администраціи, и наконецъ увѣнчать всѣ эти различныя учрежденія ручательствомъ, которое можетъ представить *уложеніе*, установленное на основаніи истиннаго народнаго духа (et enfin couronner ces différentes institutions par une *garantie* offerte dans une *constitution* réglée d'après le véritable esprit de la Nation)».

Это послѣднее и было господствующей мыслью Александра, сочувствіе къ которой онъ находилъ въ своихъ сотрудникахъ. Слова эти надобно понимать въ ихъ прямомъ смыслѣ. Александръ чувствовалъ отвращеніе къ деспотизму, отличавшему русское правленіе; онъ стѣснялся неограниченностью своей власти, и

стр. 88—91. Мы встрѣтили нѣкоторую разницу въ изложеніи засѣданій комитета въ этихъ двухъ текстахъ, и дѣлаемъ свои цитаты, выбирая изъ нихъ обоихъ тѣ выраженія, которыя кажутся намъ болѣе соотвѣтствующими подлиннику.

съ первыхъ дней царствованія его одушевляла мысль о томъ, чтобы подчинить деспотизмъ законности, неопредѣленность абсолютной монархіи привести въ извѣстныя твердыя нормы. «Старые служивцы», какъ Державинъ, терпѣть не могли его либеральныхъ сотрудниковъ, «набитыхъ французскимъ конституціоннымъ духомъ», но эта брань ихъ вольнодумства была лицемѣрная, потому что служивцамъ очень хорошо было извѣстно, что этимъ же конституціоннымъ духомъ отличался самъ Александръ. Они, какъ послѣ Карамзинъ и нѣкоторые новѣйшіе историки, предпочитали умалчивать объ этомъ послѣднемъ и сваливать всю вину на совѣтниковъ. Протоколы Строганова доставляютъ положительное доказательство, что иниціатива должна была принадлежать самому императору. Слово «уложеніе», которое употреблялось и впослѣдствіи въ законодательныхъ планахъ императора Александра (проекты Сперанскаго), было старое слово, но смыслъ, который давался ему теперь, не былъ смыслъ «уложенія» царя Алексѣя Михайловича, а именно смыслъ французскаго слова constitution. Это послѣднее вѣроятно и употреблялось, такъ какъ самыя совѣщанія вѣроятно всегда велись на *французскомъ* языкѣ. Рѣчь именно шла о государственномъ устройствѣ, законно опредѣляющемъ кругъ дѣйствій верховной власти (и слѣдовательно извѣстнымъ образомъ ее ограничивающемъ), и устройствѣ, въ которомъ должно было играть извѣстную роль представительство. Къ этимъ планамъ мы еще возвратимся впослѣдствіи; теперь намъ достаточно замѣтить, что «конституціонный духъ» не былъ изобрѣтенъ совѣтниками Александра, а былъ его собственнымъ, давнишнимъ помышленіемъ.

При началѣ работъ, императоръ «*выразилъ нетерпѣніе* перейти прямо къ административному отдѣлу и *началъ* говорить о сенатѣ»,—и впослѣдствіи настаивалъ на своихъ личныхъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ.

Въ обсужденіи иностранной политики между совѣтниками Александра преобладали мирные взгляды, и сообразно съ мнѣніемъ Чарторижскаго положено было: «быть искренними въ иностранной политикѣ, но *не связывать себя никакими договорами* относительно кого бы то ни было; относительно Франціи, искать возможности обуздать ея честолюбіе, *не вовлекаясь* однако сами *въ крайнія мѣры*, и быть въ согласіи съ Англіей, потому что Англія — нашъ естественный другъ». Такимъ образомъ мнѣнія совѣтниковъ были именно тѣ, за отсутствіе которыхъ упрекали ихъ потомъ строгіе порицатели, обвинявшіе воинственную политику, начатую вскорѣ Александромъ. Если первоначальный взглядъ

совѣтниковъ Александра не осуществился въ дальнѣйшихъ событіяхъ, то еще мудрено сказать,—насколько ходъ событій опредѣлялся ихъ вліяніями, а не собственной волей императора Александра и обстоятельствами. Между прочимъ, сильнымъ партизаномъ англійскаго союза противъ Франціи былъ человѣкъ стараго поколѣнія, графъ С. Р. Воронцовъ, мнѣнія котораго должны были имѣть большой вѣсъ.

Проектъ манифеста къ предстоявшей коронаціи составленъ былъ другимъ Воронцовымъ, А. Р. Проектъ былъ повтореніемъ грамоты дворянству, но представлялъ и много вставокъ, которыя подали поводъ къ преніямъ; между прочимъ и нѣкоторые изъ прежнихъ пунктовъ грамоты вызвали несогласія. Новосильцовъ настаивалъ, чтобы льготы, даваемыя грамотой, не распространялись на *безграмотныхъ дворянъ*. Въ концѣ преній, не приведшихъ къ чему либо опредѣленному, императоръ замѣтилъ, что «онъ возстановляетъ дворянскую грамоту противъ собственной воли, вслѣдствіе исключительности ея правъ, которая всегда была ему противна». О послѣднемъ ему замѣтили, что «ничто не мѣшало современемъ распространить эти права и на прочія сословія», и онъ, кажется, былъ доволенъ этимъ замѣчаніемъ. Далѣе, въ томъ же проектѣ Воронцова предлагалось дать крестьянамъ право пріобрѣтать въ собственность общинныя земли,—предлагалось уничтожить шлагбаумы и паспортныя формальности, которыя, по замѣчанію членовъ комитета, дѣйствительно мѣшаютъ только честнымъ людямъ въ ихъ полезной дѣятельности, и нисколько не стѣсняютъ воровъ и мошенниковъ въ ихъ злыхъ умыслахъ. Воронцовъ предлагалъ наконецъ ввести, въ судебномъ порядкѣ, нѣкоторыя правила, заимствованныя изъ Habeas corpus. По мнѣнію Новосильцова, которое раздѣлялъ и императоръ, прежде чѣмъ вводить такое право (право гражданина требовать своего освобожденія въ случаѣ несправедливаго ареста,—важное право личной неприкосновенности), надо хорошенько подумать, не будетъ ли иногда правительство вынуждено нарушать это правило,—и въ такомъ случаѣ лучше вовсе не принимать его.

Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій, главнымъ предметомъ совѣщаній было устройство сената и крестьянскій вопросъ.

Преобразованіе сената и учрежденіе министерствъ послужило потомъ однимъ изъ самыхъ горячихъ обвиненій противъ этихъ совѣтниковъ Александра. Эта реформа прежняго порядка изображалась ихъ противниками какъ уничтоженіе одного изъ лучшихъ созданій Петра, почти какъ предательство и измѣна. Наши историки и юристы кажется еще не разъяснили удовлетворительно

этого вопроса [1]), который заслуживалъ бы этого въ особенности по возбужденному имъ въ тѣ времена враждебному столкновенію мнѣній и партій. Намъ довольно указать нѣсколько подробностей, бросающихъ свѣтъ на отношенія взглядовъ разныхъ сторонъ.

Побудительнымъ основаніемъ къ реформѣ сената, по словамъ протоколовъ, было слѣдующее: «Императору больно было видѣть Сенатъ впавшимъ въ *унизительное состояніе*, въ какомъ онъ находился при покойномъ, и онъ, видя въ этомъ учрежденіи противовѣсъ, который должна имѣть себѣ неограниченная власть (voyant dans ce corps le contrepoid, qui devroit exister au pouvoir absolu), желалъ пріискать мѣры къ возвращенію ему прежняго значенія, какъ то было при Петрѣ Великомъ, и къ утвержденію его авторитета на основаніи достаточно твердомъ».

Для начала дѣла указомъ поручено было самому сенату составить докладъ о своихъ правахъ. Въ сенатѣ и въ публикѣ этотъ указъ произвелъ сильное впечатлѣніе, о которомъ мы привели выше разсказъ Шторха. Державинъ въ своихъ запискахъ также разсказываетъ о немъ съ своей точки зрѣнія: «При слушаніи сего указа въ общемъ сената собраніи произошли разныя мнѣнія—графы Воронцовъ и Завадовскій [2]) весьма въ темныхъ выраженіяхъ или такъ сказать тонкихъ жалобахъ на прежнее (т.-е. Павлово) правленіе словами Тацита, что *говорить было опасно, а молчать бѣдственно*, хотѣли ослабить самодержавную власть и присвоить больше могущества сенату, какъ то: чтобъ доходами располагать» и т. д. [3]). Сенатъ составилъ свой докладъ; кромѣ того представлено было нѣсколько отдѣльныхъ мнѣній, между прочимъ А. Р. Воронцова; кн. Зубовъ и Державинъ представили проекты совершеннаго преобразованія сената, которые «заключали въ себѣ идеи, издавна нравившіяся государю». Проектъ Зубова отличался отъ державинскаго тѣмъ, что въ немъ сенатъ обращался въ законодательное собраніе. Державинъ, столько возстававшій противъ вольнодумства, кажется также захотѣлъ сдѣлать изъ сената что-то конституціонно-независимое.

Докладъ сената былъ разсмотрѣнъ Новосильцовымъ, который читалъ свое донесеніе въ комитетѣ. Точкой исхода его была

---

1) Баронъ Корфъ касается его только въ общихъ выраженіяхъ; авторъ «Исторіи Мин. Внутр. Дѣлъ» обходитъ его; г. Богдановичъ положительно не высказывается въ ту или другую сторону и т. д. См. также «Высш. администрац. въ XVII-мъ вѣкѣ», Градовскаго, стр. 246 и слѣд.; рецензію этой книги въ «Вѣстн. Евр.» 1867, стр. 58 и т. д.

2) «Старые служивцы».

3) Зап. Державина, М. 1860, стр. 441.

та мысль, не лишенная основанія, что сенатъ нельзя разсматривать какъ законодательное учрежденіе, что при самомъ основаніи его Петръ I предоставлялъ ему власть не иначе, какъ для пользованія *подъ своимъ предсѣдательствомъ*, т.-е. подъ своимъ руководствомъ, потому что президентъ, имѣющій всю власть въ своихъ рукахъ, не можетъ имѣть съ своими подчиненными другихъ отношеній, какъ отношенія хозяина къ управляющимъ. Поэтому законодательной власти и нельзя вручать подобному собранію, которое по самому своему составу не можетъ *пользоваться довѣріемъ націи* и которое, состоя исключительно изъ лицъ, назначенныхъ верховной властью, не допускаетъ и мысли объ *участіи* большинства *общества въ изданіи* тѣхъ *законовъ*, которые выходятъ изъ рукъ этого собранія. Съ другой стороны, еслибы императоръ расширилъ права этого учрежденія, то кромѣ этого (въ тогдашнихъ обстоятельствахъ и при тогдашнемъ составѣ этого собранія) еще *связалъ бы себѣ руки* такъ, что былъ бы не въ состояніи исполнить всего, задуманнаго имъ для блага націи, потому что въ *невѣжествѣ* этихъ людей встрѣтилъ бы себѣ помѣху, которая могла бы имѣть опасныя послѣдствія въ случаѣ борьбы, всегда вредной, между верховной властью и назначенными ею учрежденіями. Все это приводило Новосильцова къ заключенію, что власть сената должна быть въ сущности ограничена одной судебной частью (въ качествѣ высшей судебной инстанціи), но здѣсь ему должно было бы дать весь необходимый просторъ власти. — Императоръ предложилъ наконецъ комитету прочесть еще записку графа Воронцова. Онъ также говорилъ въ ней *о предѣлахъ, которые необходимо положить произвольной власти*, но говорилъ не совсѣмъ удовлетворительно, и императоръ остался недоволенъ запиской, находя, что средства указаны были недостаточно ясно. Записка Воронцова, очевидно, исходила изъ конституціонной точки зрѣнія, но въ ней находили тотъ же общій недостатокъ, что она вносила всю власть въ сенатъ,—которому комитетъ предполагалъ, какъ мы замѣтили, предоставить одну высшую судебную власть, и въ которомъ онъ очевидно не находилъ никакихъ данныхъ для конституціонной роли. Записка Воронцова ничего не измѣнила въ составившихся мнѣніяхъ. Записка Державина также оставлена была безъ вниманія, потому что Державинъ ошибочно понималъ раздѣленіе властей, которыя всѣ онъ видѣлъ въ сенатѣ. По словамъ протокола, «императоръ не могъ не высказать съ нѣкоторой грустью той мысли, что все это не подвигаетъ его ни на шагъ къ столь желанной цѣли его—обуздать деспотизмъ нашего правленія (de mettre un frein au despotisme de

notre gouvernement).» Ему дали понять, что если онъ устроитъ одну судебную часть, то и это будетъ хорошо, и что онъ напрасно отчаявается такъ скоро.

Вопросъ о сенатѣ возвратился на засѣданіяхъ комитета въ Москвѣ, во время коронаціи. Шли разсужденія объ исполнительной и охранительной власти, которую хотѣли предоставить сенату, и возникала мысль о томъ, что лучше поручать различныя части управленія отдѣльнымъ лицамъ, на которыхъ возложена была бы и отвѣтственность. Возраженія и идеи императора, по словамъ Строганова, не всегда были основательны, но противорѣчить ему не рѣшались; «вступивъ въ споръ съ императоромъ, слѣдовало опасаться, чтобы онъ не заупрямился (qu'il ne s'entêta), и благоразумнѣе было отложить возраженія до другого времени»...

Въ такомъ видѣ шелъ вопросъ о преобразованіи сената. Очевидно, что совѣтники императора далеко не были въ положеніи людей, руководящихъ рѣшеніями императора. Онъ, повидимому, былъ всѣхъ чувствительнѣе къ вопросу объ ограниченіи деспотизма и огорчался тѣмъ, что не представлялось удовлетворительныхъ средствъ къ рѣшенію этого вопроса. Но должно замѣтить, что эти конституціонныя мечтанія вовсе не были однимъ легкомысліемъ, которое можно было—съ консервативной точки зрѣнія—поставить въ вину ему или его совѣтникамъ. Молодые сотрудники Александра раздѣляли конечно его желаніе въ этомъ отношеніи, но и «старые служивцы», «опытные», «осторожные», «искусившіеся опытами жизни» и т. д., также заговорили объ этомъ предметѣ, разсуждали о немъ въ сенатѣ и въ своихъ запискахъ, писанныхъ для императора, требовали сенату новыхъ прерогативъ, воображали превратить его въ законодательное собраніе. Припомнивъ всѣ случаи, гдѣ высказывалась тогда конституціонная идея (въ какой бы ни было степени, все равно), кажется, надо придти къ заключенію, что ея проявленія не были ни чистой мечтой идеалиста-императора и нѣсколькихъ молодыхъ его любимцевъ, ни простымъ угодничествомъ опытныхъ придворныхъ, желавшихъ поддѣлаться подъ вкусы императора (хотя были также и случаи такого угодничества), но что напротивъ, здѣсь высказывалась, хоть на первый разъ не совсѣмъ ясно, не смѣло и разрозненно, естественная, исторически выроставшая потребность, особенное возбужденіе которой въ эту эпоху объясняется свѣжимъ воспоминаніемъ о только-что окончившемся царствованіи и возникшимъ еще полу-сознательнымъ чувствомъ общественнаго права.

Только съ этой точки зрѣнія, кажется, мы справедливо оцѣ-

нили дѣятельность этихъ людей, которыхъ нѣтъ основанія винить въ легкомысліи и подозрѣвать въ своекорыстіи и властолюбіи. Ихъ ошибокъ мы отвергать не будемъ; но ошибки не были такъ велики, потому что въ идеѣ, они предчувствовали историческую необходимость глубокой реформы существовавшаго порядка вещей, и предчувствовали совершенно справедливо, потому что рамки этого порядка становились тѣсны для общественнаго развитія и уже начинали заглушать его,—а ошибки въ исполненіи были слишкомъ возможны въ подобномъ предпріятіи. Но главнымъ образомъ эти ошибки падаютъ на самого Александра: власть самого императора во всякомъ случаѣ была главнымъ рычагомъ и Александръ обнаруживалъ достаточно ревниваго упрямства, передъ которымъ его совѣтники были безсильны.

Размѣръ ошибокъ, которыя сдѣланы были въ эту эпоху, и въ которыхъ прямо или косвенно можно все-таки винить и сотрудниковъ императора, еще не былъ опредѣленъ съ точностію, какъ мы замѣтили. Положимъ, что «образованіе министерствъ 1802 г. не было соглашено ни съ образованіемъ только что передъ тѣмъ учрежденнаго совѣта, ни съ правами и властію древняго установленія сената» и пр., но была ли въ этомъ такъ заинтересована «судьба милліоновъ», какъ насъ хотятъ увѣрить; было ли это такой существенной и неисправимой ошибкой; не пришло ли потомъ это соглашеніе путемъ естественнаго опыта, и не была ли эта ошибка, въ сущности, однимъ только канцелярскимъ неудобствомъ на нѣсколько времени? Возражаютъ еще ссылаясь на уничтоженіе благодѣтельнаго коллегіальнаго порядка, на безотвѣтственность министровъ, на старыя права, утраченныя сенатомъ: но мы видѣли изъ словъ Шторха, что уже въ то время съ большимъ и очень справедливымъ скептицизмомъ смотрѣли на прежнюю роль сената, и весьма сомнительно, чтобы практическіе результаты управленія по стариннымъ методамъ были лучше управленія по новымъ. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ только, что вообще говоря выгоды коллегіальнаго управленія конечно были мнимыя, когда въ концѣ концовъ дѣла все-таки рѣшались личнымъ произволомъ или самой верховной власти, или фаворита, господствующаго въ данную минуту, или представителя интересовъ верховной власти, генералъ-прокурора [1]). Что, наконецъ, касается политическаго значенія сената,

[1]) Весьма компетентные знатоки дѣла и въ то время не преувеличивали историческаго значенія и власти сената (со временъ Петра). «...Отъ самой кончины императора Петра I,—говоритъ въ своемъ мнѣніи гр. Завадовскій,—во всѣ времена властолюбивыя лица, пользуясь довѣренностью государскою, стремились къ тому,

то оно оказывалось, какъ извѣстно, совершенно ничтожнымъ. Сенатъ былъ безсиленъ во всѣ критическіе моменты, гдѣ онъ могъ бы проявлять какое-нибудь значеніе; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить дворцовыя революціи, наполняющія XVIII-е столѣтіе, и по нашему мнѣнію, взглядъ совѣтниковъ Александра (въ особенности Новосильцова) на значеніе сената имѣетъ то великое достоинство, что въ этомъ взглядѣ въ первый разъ дѣло поставлено было прямымъ, реальнымъ образомъ, безъ всякихъ фиктивныхъ преувеличеній его мнимой власти и значенія. Къ спорамъ о министерствахъ мы еще будемъ имѣть случай возвратиться.

Относительно крестьянскаго вопроса извѣстно было, что императоръ имѣетъ глубокое желаніе исправить это зло и улучшить положеніе крѣпостныхъ. «Съ нѣкотораго времени, замѣчаетъ протоколъ 4 ноября, многія лица и въ особенности г. де-Лагарпъ и Мордвиновъ, а особенно послѣдній, говорили императору о необходимости сдѣлать что-нибудь въ пользу крестьянъ, которые были доведены до самаго плачевнаго состоянія, не имѣя никакого гражданскаго существованія». Но все это должно было, по ихъ мнѣнію, дѣлаться постепенно и нечувствительно, и Мордвиновъ на первый разъ предлагалъ разрѣшить людямъ, которые не были крѣпостными, покупать земли.

Эти первые приступы къ крестьянскому вопросу отличаются большой робостью, неясностью, неувѣренностью, и это неудивительно. Крѣпостное право такъ въѣлось въ жизнь, что первая мысль объ его отмѣнѣ или ограниченіи, у человѣка незнакомаго, какъ Александръ, съ настоящимъ положеніемъ вещей естественно была очень боязливая; нѣкоторые изъ его совѣтниковъ также были нерѣшительны, потому что, хотя и отвергали крѣпостное право съ нравственной точки зрѣнія, но по давней привычкѣ считали его все еще необходимымъ политическимъ зломъ, видѣли въ немъ средство дисциплины и порядка. Самъ Мордвиновъ, при всей своей филантропіи и при всей смѣлости своихъ мнѣній въ другихъ отношеніяхъ, въ крестьянскомъ вопросѣ

чтобы имъ, а не мѣстамъ (т. е. правительственнымъ учрежденіямъ, и сенату прежде всего) властвовать; но никогда толико не успѣли въ униженіи сената, какъ въ послѣдніе годы» и пр. («Чтенія Моск. Общ.» 1864, кн. I, стр. 103, смѣсь). «Не знаю,— говоритъ Дмитріевъ, — какъ далеко простиралось вліяніе генералъ-прокурора на государственныя дѣла до временъ императрицы Екатерины второй; но съ ея царствованія до учрежденія министерствъ, за исключеніемъ воинской, всѣ прочія части государственнаго управленія были ему подчинены. При ней одинъ только генералъ-рекетмейстеръ, имѣвшій по должности своей личный доступъ, могъ нѣкоторымъ образомъ ослаблять могущество генералъ-прокурора», и т. д. («Взглядъ» и пр., стр. 138).

былъ консерваторомъ и находилъ возможными только самые легкіе и осторожные приступы къ этому дѣлу.

Александръ принималъ мнѣніе Мордвинова, стоявшее въ сущности очень далеко отъ непосредственной цѣли, но дополнялъ его другимъ предположеніемъ — дозволить вмѣстѣ съ покупкой земель и покупку крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы эти крестьяне, принадлежащіе не дворянамъ, подчинены были болѣе умѣреннымъ правиламъ и не были полными крѣпостными. Трудно сказать, было ли это усиленіемъ, или смягченіемъ и безъ того мягкой мѣры Мордвинова. Но комитетъ нашелъ это предложеніе непрактичнымъ и не ожидалъ пользы отъ такой мѣры. Осталась мысль о позволеніи недворянамъ покупать земли, которая и была вскорѣ осуществлена закономъ.

Въ комитетѣ говорили потомъ о личной продажѣ крестьянъ, о необходимости уничтожить этотъ варварскій обычай, и о проектѣ Зубова, который, раздѣляя крестьянъ отъ дворовыхъ, предлагалъ запрещеніе продажи крестьянъ безъ земли и выкупъ дворовыхъ отъ казны. Эта послѣдняя мѣра въ особенности затрудняла комитетъ: во-первыхъ, на этотъ выкупъ потребовалась бы громадная сумма денегъ; во-вторыхъ, являлся вопросъ: чтó дѣлать потомъ съ выкупленными дворовыми? Императоръ поручалъ Новосильцову вновь переговорить съ Лагарпомъ и Мордвиновымъ объ этихъ новыхъ мѣрахъ. Ни тотъ, ни другой не обнаруживали особенной смѣлости; они склонны были только къ тому, чтобы нѣсколько смягчить положеніе крестьянъ, но затѣмъ держались за status quo по различнымъ опасеніямъ; ихъ мнѣніе раздѣлялъ и Новосильцовъ. Но другіе совѣтники Александра смотрѣли на вопросъ прямѣе, и лучшее, чтó было сказано въ тогдашнихъ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ, было сказано Кочубеемъ, Чарторижскимъ и Строгановымъ.

Императоръ склонялся на сторону мнѣній Лагарпа, Мордвинова и Новосильцова, что предположенныя мѣры надо вводить медленно, отдѣльно одну отъ другой, чтобы не раздражать помѣщиковъ и не волновать крестьянъ. Кочубей, Чарторижскій и Строгановъ были противнаго мнѣнія. Кочубей говорилъ, что «было бы несправедливо и неблагоразумно дать новыя права свободнымъ людямъ и казеннымъ крестьянамъ (право покупки земель) и ничего не сдѣлать въ пользу крѣпостныхъ: послѣдніе живутъ съ первыми бокъ-о-бокъ и, видя новыя преимущества сосѣдей, еще болѣе почувствуютъ тягость своего положенія. Дворяне, говорилъ Кочубей, будутъ также недовольны: видя, что всѣ отдѣльныя мѣры клонятся къ освобожденію крестьянъ, они будутъ находиться въ постоянномъ опасеніи новыхъ мѣръ, и по-

тому *лучше рѣшить этотъ вопросъ однимъ разомъ»*. Кочубей дѣлалъ кромѣ того практическое замѣчаніе, что запрещеніе личной продажи не будетъ вовсе новостью въ имперіи, потому что въ Малороссіи, Польшѣ, Литвѣ, Бѣлоруссіи, отчасти въ Балтійскихъ провинціяхъ личной продажи никогда не было, и это правило стоитъ только распространить на всю имперію.

Чарторижскій замѣтилъ что право помѣщиковъ на крестьянъ *столь ужасно* (si horrible), что *не должно ничего опасаться при его нарушеніи* — мысль очень справедливая.

Наконецъ Строгановъ представилъ цѣлую аргументацію противъ мнѣній Лагарпа, Мордвинова и Новосильцова, ставившую вопросъ еще рѣшительнѣе. Мы не будемъ приводить записки Строганова, довольно длинной, и къ сожалѣнію напечатанной только съ значительными пропусками. Основная мысль ея заключалась въ доказательствѣ того, что правительству при рѣшеніи крестьянскаго вопроса нечего опасаться никакихъ волненій, что волненій невозможно ожидать ни со стороны дворянства, неспособнаго ни къ какой оппозиціи, ни со стороны крестьянъ, въ пользу которыхъ совершалось бы это дѣло. Въ запискѣ Строганова есть много вѣрнаго пониманія вещей, и тѣмъ, кто обвиняетъ молодыхъ совѣтниковъ Александра въ «незнаніи Россіи», можно было бы именно указать на эту записку, гдѣ изображеніе политическаго и интеллектуальнаго ничтожества массы тогдашняго дворянства и изображеніе народныхъ понятій представляютъ достаточное знаніе отношеній, и замѣчательны опять именно тѣмъ же качествомъ, какое по другому предмету мы указывали у Новосильцова: отсутствіемъ реторики и прямымъ пониманіемъ фактовъ, какъ они есть.

Въ крестьянскомъ вопросѣ — въ этомъ «великомъ дѣлѣ», какъ называетъ его Строгановъ — было вообще много колебаній; люди боязливые становились иногда смѣлѣе, болѣе рѣшительные впадали въ сомнѣнія, но въ концѣ концовъ результатомъ этихъ разсужденій было нѣсколько правительственныхъ мѣръ, въ пользу крѣпостного крестьянства. Какъ ни были мягки эти мѣры, онѣ всполошили помѣщиковъ; нѣсколько случаевъ, гдѣ императоръ Александръ строго наказывалъ жестокое обращеніе съ крестьянами, и притомъ дѣлалъ эти наказанія публичными, еще усилили впечатлѣніе, — и хотя вопросъ остался все-таки неразрѣшеннымъ, но первыя вмѣшательства власти показали, хотя въ дальней перспективѣ, возможность его рѣшенія. Въ общество съ тѣхъ поръ въ первый разъ прочно запала идея объ освобожденіи крестьянъ; съ тѣхъ поръ она развивалась постоянно и въ концѣ царствованія Александра было уже много людей,

для которыхъ она была совершенно ясна и которые ея распространеніе и защиту ставили своей гражданской обязанностью.

Было бы слишкомъ долго комментировать протоколы комитета. Мы выберемъ еще нѣсколько подробностей, характеризующихъ взгляды совѣтниковъ императора и собственную роль Александра. Мы видѣли уже, что это вовсе не были люди такіе легкомысленные, какъ ихъ изображаютъ, что они хорошо знали трудности дѣла, иногда пугались ихъ и впадали въ сомнѣнія; между прочимъ они знали и то, за упущеніе чего ихъ упрекали. Съ другой стороны, едва ли и возможно было организовать новое устройство со всей окончательной точностью, когда приходилось смѣнять старыя учрежденія новыми: должно было являться множество практическихъ затрудненій, которыхъ невозможно было бы предвидѣть или избѣжать при исполненіи. Возвращаемся къ протоколамъ.

Когда обдумывался планъ министерствъ, онъ былъ между прочимъ показанъ Лагарпу и Воронцову. Лагарпъ восхвалялъ этотъ планъ; Воронцовъ былъ «въ восторгѣ» отъ этой идеи. Замѣтимъ, что Лагарпъ вообще не былъ склоненъ къ смѣлымъ планамъ; относительно Александра онъ игралъ роль ревниваго охранителя его независимости и рекомендовалъ спокойное благоразуміе. Воронцовъ считался вообще однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ и знающихъ стариковъ: молодые совѣтники Александра обращались къ его совѣтамъ и замѣчаніямъ. Мнѣнія совѣтниковъ Александра были совершенно открыты для критики въ этомъ кругу, тѣмъ болѣе, что и сами они не всегда сходились въ своихъ понятіяхъ. Вопросъ о преимуществахъ министерскаго управленія или коллегій, не опредѣленный и до сихъ поръ, былъ еще болѣе спорнымъ въ то время, когда путаница управленія коллегій была на лицо: новая система представляла по крайней мѣрѣ болѣе шансовъ послѣдовательности и порядка, въ особенности при дальнѣйшемъ ея развитіи, которое имѣлось въ виду. Установленіе обязанностей и отвѣтственности министровъ, распредѣленіе дѣлъ по министерствамъ были много разъ предметомъ обсужденій, несогласій и споровъ; трудности были весьма видны, и тогда еще заявлялись мнѣнія, предвосхищавшія позднѣйшую критику. Такъ Чарторижскій и Строгановъ желали *дѣйствительной отвѣтственности* министровъ; такъ нѣкоторые не соглашались на учрежденіе особаго министерства коммерціи, на основаніи котораго настоялъ самъ Александръ; такъ, по поводу распредѣленія дѣлъ, Лагарпъ выражалъ мысль, что можно не гоняться за окончательнымъ раздѣленіемъ, «*предоставя себѣ впослѣдствіи удобнѣйшее размѣщеніе частей* по министерствамъ,

какъ это сдѣлано въ Швейцаріи и во Франціи», и какъ это потомъ сдѣлано было въ нашихъ министерствахъ. Воронцовъ представилъ свои замѣчанія на сообщенный ему проектъ министерствъ. Замѣчанія эти были разсмотрѣны въ комитетѣ, который «не могъ пройти молчаніемъ, какъ удивила его *ничтожность замѣчаній* графа Воронцова». Это обстоятельство довольно характеристично, потому что Воронцовъ хорошо зналъ старую рутину дѣлъ. Эти замѣчанія, приведенныя въ протоколѣ, дѣйствительно неважны [1]).

Въ разсужденіяхъ о народномъ просвѣщеніи Строгановъ весьма здраво предлагалъ образецъ французскихъ учебныхъ заведеній, именно систему заведеній для общаго образованія, къ которымъ должна была примыкать дальнѣйшая ступень заведеній для образованія спеціальнаго,—именно та система, которая въ настоящее время отчасти начинаетъ у насъ осуществляться. Императоръ возражалъ на это, что чужіе образцы не всегда могутъ быть примѣнимы у насъ, и что у насъ есть старыя учрежденія, къ которымъ надо привязывать новыя. Обѣ стороны были конечно правы: старыя учрежденія, духовныя, свѣтскія, военныя и другія спеціальныя учебныя заведенія остались, и къ нимъ привязаны были новыя, но рядомъ съ этимъ основалась система новыхъ учрежденій, гимназій и университетовъ, т.-е. среднихъ общеобразовательныхъ заведеній и высшихъ, спеціально-факультетскихъ курсовъ. Послѣ многихъ десятковъ лѣтъ, въ наше время почувствовалась потребность въ переустройствѣ этихъ заведеній и начинаетъ получать силу мысль, которую высказывалъ Строгановъ: прежнія спеціальныя заведенія начинаютъ распадаться на предварительные курсы общаго образованія, и высшіе курсы—спеціальнаго [2]). До какой степени все еще непрочна была почва, на которой должны были трудиться эти нововводители, и какими странными опасеніями должна

---

[1]) «Старые службивцы», вопіявшіе противъ вольнодумныхъ нововведеній, повидимому не оказывали никакой твердой и толковой оппозиціи. Ихъ собственныя идеи справедливо казались странными. Державинъ, подлаживаясь подъ новый тонъ, предлагалъ свои нововведенія. Въ своемъ проектѣ преобразованія сената, онъ хотѣлъ предоставить выборъ кандидатовъ изъ лицъ первыхъ 4-хъ классовъ дворянамъ первыхъ 8-ми классовъ, и затѣмъ назначать сенаторовъ изъ общаго списка кандидатовъ. На эту избирательную теорію новаго рода въ комитетѣ замѣтили, что эти лица первыхъ 4-хъ классовъ могутъ не быть извѣстными избирателямъ, и что выборы всегда у насъ много зависятъ отъ произвола губернаторовъ. Самъ комитетъ считалъ подобное избирательство пока несвоевременнымъ.

[2]) Таковы мѣры, какъ напр. преобразованіе кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, за которыми слѣдуютъ спеціальныя военныя училища, или какъ приближеніе семинарскаго курса къ гимназическому, т.-е. опять общеобразовательному.

была сопровождаться работа, мы можемъ видѣть изъ слѣдующаго. Шелъ вопросъ о томъ, какъ назвать министерство, завѣдующее учеными и учебными учрежденіями: назвать-ли его министерствомъ *общественнаго образованія*, или *воспитанія*. «Графъ Кочубей полагалъ, что слѣдовало предпочесть слово: *воспитаніе*, потому что оно менѣе громко, и напротивъ того слово: *образованіе* поведетъ къ ложнымъ толкамъ, по господствующему у насъ предразсудку, будто бы просвѣщеніе опасно (!). Но прочіе члены думали, что слово: *образованіе* болѣе точно, что *воспитаніе* совершенно иное дѣло, о которомъ нельзя и помышлять, и что не слѣдовало смѣшивать этихъ понятій; притомъ терминъ: *образованіе* не могъ повести ни къ чему дурному, потому что просвѣщеніе, распространяемое правительствомъ, не возбудитъ ничьихъ сомнѣній» (!!). Послѣ довольно долгихъ разсужденій принято было названіе: «министерство народнаго просвѣщенія». Не надобно думать, чтобы Кочубей слишкомъ преувеличивалъ господствующіе предразсудки: еще очень незадолго передъ тѣмъ Александру приходилось отмѣнять запрещеніе привозить въ Россію *всякія книги:* таковы были взгляды самого правительства за два года назадъ.

Противники молодыхъ совѣтниковъ императора и ихъ либерализма нападали также на приглашеніе иностранныхъ юристовъ къ содѣйствію при составленіи русскаго кодекса и на самое составленіе этого кодекса, вмѣсто котораго просто надо было сдѣлать собраніе прежнихъ законовъ. Въ протоколахъ мы находимъ любопытныя указанія и объ этомъ вопросѣ. Приглашеніе къ иностраннымъ юристамъ предположено было самимъ императоромъ. Чарторижскій (засѣд. 10 марта 1802), по его приказанію, составилъ проектъ письма, но, посовѣтовавшись съ членами комитета убѣдился, что теперь трудно приступать къ составленію окончательнаго кодекса, такъ какъ имѣлись въ виду большія перемѣны во всемъ, относящемся къ гражданскому праву. Чарторижскій полагалъ, что сначала «слѣдуетъ ограничиться *собраніемъ всѣхъ существующихъ у насъ законовъ*, по предметамъ, въ томъ порядкѣ, который окажется наиболѣе удобнымъ». Новосильцовъ сочувствовалъ этой мысли и желалъ скорѣйшаго ея осуществленія. Императоръ повидимому согласился съ этимъ, но тѣмъ не менѣе считалъ нужнымъ обратиться за совѣтомъ къ знаменитѣйшимъ европейскимъ юристамъ. Отъ нихъ хотѣли собственно получить теоретическую програму, указанія о методѣ труда и конспектъ для распредѣленія матеріала.

Это обращеніе къ иностраннымъ юристамъ осуждалось противниками нововведеній; оно не покажется однако страннымъ,

если мы вспомнимъ тогдашнее состояніе юридическаго образованія не только въ обществѣ, но и у самихъ дѣятелей администраціи и суда. Если являлась совершенно естественная мысль составить наконецъ раціональный сборникъ дѣйствующихъ законовъ, то необходимость метода была очевидна, и удовлетворить ей не могла тогдашняя русская юридическая рутина. Кромѣ того, дѣло не ограничивалось только собраніемъ существующихъ законовъ. Совѣтники императора понимали необходимость и такого собранія, но совершенно справедливо понимали эту работу только какъ работу приготовительную, какъ средство оріентироваться въ существующемъ матеріалѣ; они не думали, что это и будетъ окончательнымъ рѣшеніемъ задачи. Напротивъ, въ виду имѣлось произвести много преобразованій, уничтожить много старыхъ и ввести новыхъ законовъ, болѣе соотвѣтствующихъ духу времени; для этой новой организаціи конечно требовалось установить извѣстныя основныя положенія, и для этихъ-то основныхъ принциповъ и методовъ кодификаціи въ особенности могла чувствоваться необходимость въ содѣйствіи европейскихъ юристовъ, — Александръ и его сотрудники также могли находить нужнымъ обращаться къ нимъ, какъ нѣкогда Петръ Великій обращался къ шведскому законодательству, какъ и въ наше собственное время наше законодательство считало нужнымъ заимствоваться у иностранныхъ законодательствъ, напр. въ судебной реформѣ, въ новыхъ цензурныхъ установленіяхъ, въ устройствѣ народнаго просвѣщенія и во многихъ другихъ случаяхъ [1]). Замѣтимъ, наконецъ, что въ тѣ времена, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, эти обращенія къ европейской наукѣ объясняются еще особенными вліяніями вѣка, которыя чувствовались въ средѣ людей наиболѣе образованныхъ, каковы были совѣтники Александра. Въ европейской жизни послѣ взрыва революціи продолжалось сильное броженіе: у насъ, въ упомянутой средѣ, это броженіе отражалось — хотя въ слабѣйшей степени — тѣми же стремленіями къ построенію новыхъ формъ государственной и общественной жизни, и тѣми же космополитическими идеями объ естественныхъ человѣческихъ правахъ, которымъ это построеніе должно было удовлетворять. Въ планахъ Александра, въ его отвращеніи къ деспотизму (болѣе идеальномъ, чѣмъ практическомъ), въ его торопливости основать новыя учрежденія и т. д., эти космополитическія идеи имѣли, очевидно, свою долю, и понятно, что при

---

[1]) Правда, эти послѣднія заимствованія бывали иногда странны (напр. нѣкоторыя цензурныя заимствованія), но здѣсь вопросъ только въ томъ, чтобы умѣть выбирать худо, если выбирается дурной образецъ, но выбирались и хорошіе.

этой постановкѣ вопроса (а такую постановку дѣлали всѣ люди молодого образованнаго поколѣнія) мысль о содѣйствіи иностранцевъ въ законодательствѣ не должна была представлять чего-нибудь необыкновеннаго.

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о Бентамѣ, мы указывали эти исканія, и упоминали, какой успѣхъ имѣло тогда въ Петербургѣ изданіе Дюмона. «Сочиненіе Бентама ставится выше всего, что́ было подобнаго прежде, — пишетъ Дюмонъ къ Ромильи.... Бентамъ представляетъ два великіе desiderata, *классификацію* и *принципы*». «Книгѣ удивляются..., но что удивило меня всего больше, это—впечатлѣніе, какое произвели (на здѣшнихъ читателей) *опредѣленія, классификаціи* и *методъ*, и отсутствіе тѣхъ декламацій, которыя были такъ скучны для людей съ серьезнымъ умомъ»—т.-е. декламаціи, которыми наполнялись прежнія сочиненія этого рода, не дававшія взамѣнъ того послѣдовательно развитыхъ, точныхъ принциповъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь узнали Бентама, думаютъ, что могутъ обойтись безъ всѣхъ остальныхъ иностранныхъ корреспондентовъ». Совѣтники Александра вовсе притомъ не отказывались отъ критики и не подчинялись слѣпо авторитетамъ. «Они обращались къ нѣмецкимъ юристамъ, къ одному англійскому (Макинтошу), и не были удовлетворены ихъ отвѣтами,—пишетъ Дюмонъ. Эти корреспонденты не знали ихъ страны, и въ большей части ихъ писаній не было ничего, кромѣ старой рутины и римскаго права».

Противники нововведеній, какъ между прочимъ и Карамзинъ, думали, что въ новомъ законодательствѣ и совсѣмъ не было надобности, что и прежнее было хорошо, и что слѣдовало только привести его въ порядокъ. Очевидно, что въ корнѣ подобнаго мнѣнія лежалъ образъ мыслей, совершенно противоположный тому, какимъ былъ тогда одушевленъ Александръ и его сотрудники. Одни, которымъ жилось хорошо и при старомъ порядкѣ, предпочитали этотъ старый порядокъ, мало помышляя о тѣхъ, кому при немъ было очень дурно; другіе, хотя также могли быть лично довольны, не позволяли чувству эгоизма заглушать внушенія справедливости и политическаго благоразумія. Для однихъ русское управленіе было такъ хорошо, что слѣдовало только беречь его традиціи; для другихъ это было «безобразное зданіе». Двумъ сторонамъ мудрено было тогда договориться до истины; но едва ли сомнительно, что послѣдніе были совершенно правы, что русская жизнь представляла слишкомъ много недостатковъ грубости и невѣжества, произвола и несправедливостей, которые они и стремились исправлять; — съ тѣми,

которые находили, что русская жизнь хороша и такъ, какъ есть, имъ конечно нечего было дѣлать.

Мы упоминали, что въ мысляхъ Александра и его совѣтниковъ съ самаго начала явилась идея о введеніи конституціонныхъ формъ правленія. Едва ли есть сомнѣніе, что учрежденіе министерствъ, преобразованіе сената, учрежденіе совѣта задумывались именно для выполненія этой идеи; та же идея представлялась вѣроятно и тѣмъ лицамъ, которыя, не принадлежа къ ближайшему кругу императора, старались принять участіе въ преобразованіяхъ своими предложеніями и записками, — люди какъ Воронцовъ, Зубовъ, Державинъ, Мордвиновъ, Завадовскій и др. Отсюда предположенія объ отвѣтственности министровъ, о присвоеніи сенату права дѣлать представленія на указы и т. п. Но ни Александръ, ни сотрудники его не думали вовсе, чтобы новыя формы правленія можно было ввести скоро; напротивъ того, они имѣли, быть можетъ, слишкомъ невысокое мнѣніе о политическомъ смыслѣ не только массы общества, но и представителей его въ высшемъ правительственномъ учрежденіи какъ сенатъ. Они иногда какъ будто думали, что сенатъ можетъ представлять собой нѣчто въ родѣ законодательнаго собранія, можетъ считаться представительствомъ, можетъ служить для того «обузданія деспотизма», которое было предметомъ желаній Александра; но они скоро покидали эту мысль,—настоящее положеніе сената казалось имъ «унизительнымъ», они опасались «невѣжества этихъ людей», которые могли даже просто мѣшать благимъ намѣреніямъ правительства. Не мудрено себѣ представить, что Александръ и его совѣтники часто приходили въ затрудненіе съ своими планами, особенно самъ Александръ; но они надѣялись, что мало-по-малу они будутъ находить средства и людей, и вводили то, что казалось болѣе необходимымъ и болѣе возможнымъ для исполненія. Преобразованіе администраціи дѣлалось въ ожиданіи политическихъ реформъ. Въ протоколѣ засѣданія 17 марта 1802 г. записано, что Новосильцовъ сообщалъ Лагарпу начертаніе *организаціи будущаго управленія*—«въ такомъ видѣ, какъ понималъ его въ будущемъ, когда у насъ окажется возможнымъ ввести *представительный образъ правленія*». Лагарпъ, въ подобныхъ предметахъ очень осмотрительный, высказалъ весьма выгодное мнѣніе объ этомъ проектѣ...

Дѣятельность комитета прекратилась въ концѣ 1803 года. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій (9 ноября 1803) мы находимъ любопытный отголосокъ мнѣній общества. «Въ продолженіи совѣщанія, члены комитета старались убѣдить государя, что всѣ толки, поселявшіе въ публикѣ неудовольствіе, исходили

отъ петербургскихъ кружковъ (coteries), и что въ губерніяхъ господствовало совсѣмъ иное настроеніе. При этомъ былъ сдѣланъ слегка намекъ, что въ подобныхъ толкахъ принимали участіе ближайшіе къ государю люди». По свидѣтельству гр. Строганова, «эти господа старались все выставить *въ мрачномъ видѣ*, и даже убѣдить самого государя, будто бы у насъ въ Россіи господствовало *общее неудовольствіе*». Любопытно, что это уже предвѣщаетъ записку Карамзина 1810 года; люди извѣстныхъ воззрѣній толковали уже объ «общемъ неудовольствіи», хотя въ 1803 г. для этого могло быть еще очень немного основаній. Очевидно, что coteries, о которыхъ говоритъ Строгановъ, были тѣ самыя confederacies недовольныхъ, о которыхъ говоритъ Дюмонъ въ 1802 году. Первыя мѣры Александра напротивъ были оцѣнены благомыслящими людьми, свободными отъ эгоистическихъ предразсудковъ. Недовольны *впередъ* были люди другого рода: старое чиновничество, которое тревожили въ привычной его рутинѣ и которое опасалось совсѣмъ потерять значеніе при новыхъ порядкахъ; лѣнивое барство и дворянство, которое страшилось попытокъ освобожденія крестьянъ; недовольны были и философы крѣпостного права, въ число которыхъ не усумнился стать и Карамзинъ.

Изъ протоколовъ комитета можно видѣть наконецъ и характеръ отношеній, въ какихъ Александръ стоялъ къ своимъ совѣтникамъ. Эти отношенія были достаточно независимыя. Александръ желалъ знать ихъ мнѣнія, предлагалъ различные вопросы на ихъ обсужденіе, но вовсе не подчинялся ихъ выводамъ. Нерѣдко онъ, кажется, только слушалъ, не высказывая своего мнѣнія, такъ что сотрудники его оставались въ невѣдѣніи, къ какому заключенію придетъ онъ самъ. Это была его привычная сдержанность и осторожность: онъ какъ будто долго присматривался и обдумывалъ вещи про себя. Когда онъ останавливался на какомъ-нибудь мнѣніи, особенно если вопросъ возбуждалъ оживленные споры, онъ обыкновенно отличался чрезвычайнымъ упорствомъ: опасеніе, чтобы онъ «не заупрямился», часто являлось у его совѣтниковъ; но иногда они надѣялись побѣждать это упорство, потому что черезъ нѣсколько времени оно ослабѣвало само собой, и онъ опять способенъ былъ выслушивать возраженія и перемѣнять прежнее рѣшеніе. У Строганова не одинъ разъ указана эта черта. Такъ онъ замѣчаетъ по поводу одного ихъ спора: «на этомъ окончилось дѣло, однакоже казалось, что *со временемъ* можно будетъ убѣдить императора» въ пользѣ того предложенія, съ которымъ онъ теперь не соглашался. Особенно рѣзкій примѣръ его чрезвычайнаго упрямства представляетъ за-

писанная Строгановымъ сцена 16-го марта 1802, при совѣщаніи о дѣлахъ со Швеціей. Александръ принялъ рѣзкое рѣшеніе, составившееся тутъ-же въ увлеченіи споромъ, и комитету стоило большого труда отклонить его отъ немедленнаго его исполненія. Кромѣ того, по замѣчанію Строганова, «императоръ (при этомъ случаѣ) желалъ выказать твердость въ глазахъ публики, которая доселѣ полагала, что онъ неспособенъ къ сколько-нибудь рѣшительнымъ дѣйствіямъ», — побужденіе, которое бываетъ именно у людей нерѣшительнаго характера.

Лагарпъ старался внушать ему независимость отъ постороннихъ вліяній и желалъ видѣть его дѣйствующимъ самостоятельно и смѣло. Въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ (упомянутомъ у Строганова) онъ давалъ понять Александру необходимость не терпѣть надъ собой опеки, внушалъ ему довѣріе къ своимъ силамъ и въ примѣръ указывалъ Моро и Бонапарте, которые были не старше его, когда начинали свое поприще, и совѣтовалъ не думать, что «одни только сѣдыя головы могутъ сдѣлать что-нибудь хорошее». По всей вѣроятности совѣты его не допускать надъ собой опеки относились и къ этимъ молодымъ сотрудникамъ Александра: въ нѣкоторыхъ вопросахъ Лагарпъ не сходился съ ними, и вѣроятно считалъ ихъ мнѣнія и планы слишкомъ смѣлыми. Впослѣдствіи, онъ кажется еще больше разошелся съ ними: мы приводимъ въ приложеніи письмо Строганова къ Новосильцову (отъ 27 ноября 1804 г.), изъ котораго можно судить объ ихъ тогдашнихъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ, Александръ въ средѣ своихъ сотрудниковъ сохранялъ свою независимость, хотя она невсегда происходила изъ дѣйствительной независимости его мысли и характера, и напротивъ нерѣдко была слѣдствіемъ его недовѣрчивости или упрямства; ему несомнѣнно принадлежитъ инiціатива мѣръ и учрежденій этого времени. Его совѣтникамъ принадлежитъ безъ сомнѣнія большая доля во всемъ этомъ, но самъ Александръ остается главнымъ дѣятелемъ, и ему надо приписать большую часть и похвалъ и осужденій. Многія изъ лучшихъ мѣръ этого времени были результатомъ его мыслей и гуманныхъ побужденій; въ худшихъ мѣрахъ очень часто была виной его нерѣшительность и слабость, и отсутствіе здраваго реальнаго знанія жизни. Но ему въ особенности принадлежатъ проявленія мягкаго человѣколюбія и уклончивой скромности, съ какой нерѣдко онъ пользовался своей властью: это не нравилось людямъ стараго вѣку, выросшимъ въ рабскомъ страхѣ, и привыкшимъ думать, что власть должна являться только въ видѣ пугала. Такъ они были недовольны, когда Александръ употреблялъ слово «оте-

чество». Въ протоколахъ Строганова записано, что въ манифестѣ, изготовлявшемся по крестьянскому дѣлу, Александръ не желалъ допустить выраженія: «наши подданные», котораго по его словамъ онъ избѣгалъ во всѣхъ своихъ указахъ, и желалъ, чтобы вмѣсто этого поставлено было: «русскіе подданные».

Такъ шли эти первыя работы императора Александра и его совѣтниковъ, представляющія любопытный моментъ въ русскомъ общественномъ развитіи. Александръ и его сотрудники были передовыми людьми своего общества, въ массѣ котораго мы напрасно стали бы искать такаго ревностного стремленія къ преобразованіямъ, къ распространенію просвѣщенія, къ законности. Большинство общества жило совсѣмъ довольное старыми условіями; болѣе образованное меньшинство было еще слишкомъ немногочисленно, чтобы заявлять свои стремленія, и сотрудники Александра именно принадлежали къ числу лучшихъ-и просвѣщеннѣйшихъ представителей этого меньшинства. Личные взгляды Александра, принадлежавшіе тому же направленію, дали мѣсто мнѣніямъ образованнѣйшаго меньшинства въ дѣйствіяхъ правительственныхъ. По своему содержанію, первыя идеи Александра, какъ мы уже замѣчали, были послѣдовательнымъ развитіемъ идей Екатерининскаго времени, вліяніе и движеніе которыхъ задержаны были двойной реакціей,—при самой Екатеринѣ, подъ вліяніемъ себялюбивыхъ разсчетовъ и нетерпимости и подъ страхомъ французской революціи, и въ царствованіе Павла, когда къ этому себялюбію и страху присоединились еще вспышки традиціоннаго деспотизма, напомнившіе, что московская Русь еще живетъ въ новой Россіи. Александръ избѣгалъ говорить объ этомъ времени, и желалъ представлять свое царствованіе продолженіемъ временъ Екатерины: онъ возстановляетъ учрежденія Екатерины, уничтоженныя Павломъ, и съ тѣмъ же философскимъ либерализмомъ, какимъ отличалась Екатерина въ первое время, начинаетъ и свою правительственную дѣятельность. Онъ уничтожаетъ тайную экспедицію, какъ она уничтожала тайную канцелярію; онъ желаетъ уничтожить слово «пытка», какъ она хотѣла истребить слово «рабъ»; онъ не желаетъ примѣнять строгихъ законовъ объ оскорбленіи величества, также какъ она, и т. д. Но движеніе, какъ ни оказалось оно потомъ нетвердо, шло по своему содержанію дальше прежняго и Александръ все-таки искреннѣе приступалъ къ внутреннему политическому вопросу. Признавая, что настоящее представительное правленіе еще рано было бы вводить въ Россію, онъ тѣмъ не менѣе считалъ его «вѣнцомъ» своего зданія, и преобразованіе администраціи предпринято было въ видахъ будущаго полнаго конституціоннаго устройства, планъ

котораго уже *существовалъ*. Подъ вліяніемъ теоретическаго отвращенія къ деспотизму и подъ вліяніемъ практическихъ впечатлѣній его, испытанныхъ имъ самимъ, Александръ ставитъ себѣ принципомъ законность, добивается, какими средствами «ограничить деспотизмъ нашего правленія», и съ первой поры царствованія задаетъ себѣ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ.

Правда, Александръ, къ сожалѣнію, тотчасъ же не выдерживалъ границъ, поставленныхъ имъ себѣ, но великой заслугой съ его стороны было и то, что онъ заявлялъ свой теоретическій принципъ. И это одно было важно, потому что давало извѣстнымъ идеямъ право гражданства въ русской жизни, и безъ сомнѣнія дѣйствовало на умы оживляющимъ образомъ. Можетъ быть, что учрежденія Александра, не доведенныя до конца, напр. министерское управленіе, не принесли ожидаемаго результата и впослѣдствіи въ другія эпохи были даже источникомъ новаго лишняго зла, но при всемъ томъ, это первое время въ цѣломъ произвело свои благотворные результаты для общественнаго развитія — тѣмъ нравственнымъ и умственнымъ возбужденіемъ, которое осталось въ обществѣ, несмотря на позднѣйшія непослѣдовательности и реакцію; это возбужденіе было воспринято обществомъ и дало опору его самостоятельному движенію.

Не вдаваясь въ подробности, мы укажемъ нѣкоторые изъ важнѣйшихъ результатовъ этого періода его правленія. Главнѣйшей заслугой этого времени, заслугой самой благотворной и долговѣчной, были заботы о народномъ просвѣщеніи. Въ этомъ случаѣ основаніе министерства было несомнѣнно благопріятной мѣрой. Въ новомъ министерствѣ началась усиленная дѣятельность, въ которой приняли болѣе или менѣе живое участіе и сотрудники императора. Въ главномъ правленіи училищъ собрались достойные представители интересовъ образованія, которые умѣли провести въ учрежденія свою искреннюю любовь къ просвѣщенію и свои гуманные взгляды. «Время управленія министерствомъ Завадовскаго,—говоритъ спеціальный историкъ этого предмета,—останется навсегда блестящею эпохою въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи» [1]). «При Завадовскомъ, — говоритъ г. Богдановичъ, — благодаря усиліямъ правительства и жаждѣ къ наукѣ народа, устремившагося на встрѣчу образованію, было сдѣлано по этой части *болѣе въ восемь лѣтъ, нежели во все предшествовавшее столѣтіе*» [2]). Это нѣсколько даже преувеличено, но со временъ Петра дѣйствительно не было столько сдѣлано для об-

---

[1]) Матеріалы, Сухомлинова, I, стр. 17.

[2]) Богдан., I, стр. 140.

наряжаетъ подъ предсѣдательствомъ ректора судъ, къ которому приглашаются два студента, *извѣстныхъ по своему благонравію и честности, и избранныхъ своими товарищами*, и по большинству голосовъ опредѣляется обиженному удовлетвореніе. Если вызывавшій или вызываемый будутъ принадлежать постороннему начальству, въ такомъ случаѣ *приглашается въ судъ сей два чиновника по выбору того начальства; и если университетъ не успѣетъ примирить, то* сообщаетъ оному, да поступитъ по законамъ» [1]).

Въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова мы находимъ отголосокъ этой эпохи нашихъ университетовъ: Аксаковъ былъ студентомъ въ эти первые годы и сохранилъ объ этомъ времени самыя теплыя воспоминанія. Въ студентскомъ кругу того времени, по словамъ его, «царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному. Память такихъ годовъ неразлучно живетъ съ человѣкомъ, и непримѣтно для него, освѣщаетъ и направляетъ его шаги въ продолженіе цѣлой жизни, и куда бы его ни затащили обстоятельства, какъ бы ни втоптали въ грязь и тину,—она выводитъ его на честную, прямую дорогу» [2]).

Въ тоже время заботливость правительства обращалась и на другія образовательныя учрежденія. Въ 1801 г. возстановлена была Россійская Академія, бывшая въ совершенномъ загонѣ при Павлѣ; ей назначено ея прежнее содержаніе (6,250 р. въ годъ) и въ 1802 г. приказано было печатать издаваемыя ею сочиненія на счетъ кабинета. Вольно-Экономическое Общество получило 5,000 р. ежегоднаго пособія. Расширена была Медико-хирургическая Академія; даны новые уставы и штаты Академіи художествъ и Академіи наукъ, и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ вообще покровительствовалъ открытію ученыхъ и литературныхъ обществъ. Нѣсколько такихъ обществъ открылось при университетахъ, напр. съ этого времени ведетъ свое начало московское Общество исторіи и древностей; въ тоже время и послѣ учреждены были литературно-ученыя общества при харьковскомъ и казанскомъ университетахъ. Въ Петербургѣ еще въ половинѣ 1801 г. основалось Вольное Общество любителей наукъ, словесности и художествъ, и т. д.

Покровительство оказано было и литературѣ. «Рѣдко какой-нибудь правитель оказывалъ такое поощреніе литературѣ, какъ императоръ Александръ—говоритъ его лѣтописецъ Шторхъ. За-

[1]) Сухомл., Матеріалы, I, стр. 147.
[2]) Сем. Хроника, М. 1862, стр. 448.

мѣчательныя литературныя заслуги лицъ, находящихся на службѣ, вознаграждаются чинами, орденами, пенсіями; писатели, не состоящіе на государственной службѣ, за литературные свои труды, доходящіе до свѣдѣнія императора, не рѣдко получають подарки значительной цѣнности. При настоящемъ положеніи книжной торговли русскіе писатели не всегда могутъ разсчитывать на приличный гонорарій за большія научныя сочиненія; примѣры, въ родѣ Карамзина, принадлежатъ къ исключеніямъ. Въ такихъ случаяхъ, императоръ, смотря по обстоятельствамъ, жалуетъ писателямъ иногда крупныя суммы на напечатаніе ихъ трудовъ. Многіе писатели посылаютъ свои рукописи императору, и если только онѣ имѣютъ какую-нибудь полезную тенденцію, онъ велитъ печатать ихъ на счетъ кабинета, и затѣмъ даритъ обыкновенно все изданіе авторамъ». «Почти всѣ извѣстные писатели, находящіеся на службѣ, получили орденъ св. Анны 2-й степени, напр. Румовскій, Озерецковскій, Иноходцевъ, Севергинъ, Гурьевъ, Палласъ, Крафтъ, Георги, Фусъ, Шубертъ, Ловицъ и мн. др., и въ рескриптахъ, съ которыми присылались орденскіе знаки, императоръ почти въ каждомъ случаѣ именно объявляетъ, что онъ жалуетъ эти отличія полезнымъ литературнымъ заслугамъ».

Шторхъ упоминаетъ затѣмъ денежныя пособія, которыя назначалъ императоръ на изданіе полезныхъ трудовъ. Такъ онъ далъ нѣкоему Лебедеву на изданіе путевыхъ замѣтокъ по Европѣ и Азіи 10,000 р.; московскому профессору Страхову на изданіе перевода Путешествія младшаго Анахарсиса, Бартелеми, — 6,000 р.; Политковскому на изданіе Адама Смита—5,000 р. и др. «Множество русскихъ писателей, представлявшихъ императору свои сочиненія, награждены были перстнями, табакерками и другими драгоцѣнными подарками. Случаи этого рода такъ обыкновенны, что мы не будемъ здѣсь упоминать о нихъ. Но ни одинъ изъ русскихъ писателей не можетъ похвалиться въ этомъ отношеніи бо́льшимъ отличіемъ, чѣмъ любимый теперь русскій писатель Карамзинъ», и пр. Вообще, сумма, употребленная кабинетомъ на этотъ предметъ, за одинъ 1802 году простиралась до 160,000 рублей [1]).

Система покровительства рѣдко служитъ къ истиннымъ успѣхамъ литературы; но конечно всего умѣстнѣе эта система бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство поощряетъ образовательную дѣятельность литературы. Такъ это было при Александрѣ. Въ русскомъ обществѣ, которое до сихъ поръ слишкомъ отли-

[1]) Storch, Russland I, 134 и слѣд.

чается грубой практичностью, сопутствующей малому образованію, и вообще съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ относится къ литературѣ и наукѣ, а въ то время отличалось этими качествами еще больше,—должно было производить полезное впечатлѣніе это поощреніе литературы и эти награды ученымъ людямъ не за службу, а именно за умственный трудъ, тѣмъ больше что наградъ и поощреній было много, и публика не могла ихъ не замѣчать. Приведенныя нами слова Шторха даютъ понятіе объ этомъ впечатлѣніи.

Основаніемъ этого щедраго покровительства было конечно не пустое меценатство, а желаніе дѣйствовать литературой на развитіе общественныхъ понятій. Ближайшій кружокъ императора также бралъ на себя эти литературныя заботы. «Pour le moment, nous nous occupons de faire traduire en russe plusieurs bons ouvrages», — писалъ императоръ къ Лагарпу вскорѣ по вступленіи на престолъ [1]). Такъ изданы были по высочайшему повелѣнію сочиненія Бентама, переведенныя по изданію Дюмона; по порученію комитета переведены были книги: Стюарта, Recherches sur l'économie politique; Bibliothèque de l'homme publique, par Condorcet, и Economie politique, par Verri [2]). Выборъ книгъ достаточно показываетъ, что хотѣли внушить интересъ къ общественнымъ, экономическимъ и политическимъ вопросамъ, и дать по этимъ предметамъ серьезное чтеніе. Въ литературѣ это отразилось появленіемъ серьезныхъ книгъ общественно-политическаго содержанія: такъ Политковскій издалъ Адама Смита (1803—1806); явилось два перевода Беккаріи — Дм. Языкова (1803) и Хрущова (1806); тотъ же Языковъ издалъ потомъ переводъ Монтескье (О существѣ законовъ, 1809—1814); далѣе, вышелъ переводъ Кантовой «Метафизики нравовъ», посвященный Мордвинову (1803) и проч.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же просвѣщенныхъ идей былъ предпринятъ и исполненъ, въ Главномъ правленіи училищъ, трудъ по предмету, составляющему вѣчный камень преткновенія въ странахъ, не достигшихъ умственной и общественной самобытности. Это—составленіе новаго цензурнаго устава. Не приводя подробностей, которыя читатель найдетъ у спеціальнаго историка тогдашняго министерства народнаго просвѣщенія [3]), замѣтимъ, что въ русской правительственной сферѣ цензурный вопросъ еще никогда не ставился такимъ здравымъ образомъ и

---

[1]) La Russie I, 433.

[2]) Сухомл., Матер. I, 21.

[3]) Въ тѣхъ же «Матеріалахъ», г. Сухомлинова, статья третья.

съ такимъ просвѣщеннымъ вниманіемъ къ литературѣ. Надъ разъясненіемъ этого предмета въ особенности работали тогда Новосильцовъ и академики Озерецковскій и Фусъ.

Новымъ благотворнымъ началомъ, которое императоръ и его сотрудники въ первый разъ желали привить къ русской государственной и общественной жизни, была публичность правительственной дѣятельности. Съ этой цѣлью основанъ былъ полуоффиціальный «С.-Петербургскій журналъ», о характерѣ котораго намъ случилось говорить въ другомъ мѣстѣ. Отчеты министровъ должны были издаваться во всеобщее свѣдѣніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Кочубей, первый подалъ примѣръ въ своемъ отчетѣ, изложенномъ съ нѣкоторой откровенностью; это нововведеніе показалось инымъ такъ страшно, что они напоминали о послѣдствіяхъ, какія имѣлъ compte rendu Неккера.

Такимъ же новымъ элементомъ была въ русскихъ нравахъ религіозная терпимость, которую Александръ обнаруживалъ съ первыхъ лѣтъ царствованія и какую, напримѣръ, онъ показалъ тогда относительно духоборцевъ.

Нововведеніемъ, для многихъ очень непріятнымъ, была наконецъ бережливость Александра. Онъ прекратилъ раздачу крѣпостныхъ крестьянъ, которая доходила до такихъ ужасающихъ размѣровъ при Екатеринѣ и при Павлѣ; награды, которыя онъ давалъ, были очень умѣренны и казались просто скупыми; онъ не любилъ безполезной роскоши, не любилъ чисто придворныхъ должностей, и придворныхъ, которые не имѣли никакой другой службы, называлъ полотерами, — «величіе» двора упало. Съ января 1802 г. содержаніе двора должно было производиться по новому штату, въ которомъ уничтожено было много придворныхъ должностей, и сокращеніе издержекъ вообще предполагалось въ 4,000,000 рублей [1].

Приведенцыхъ фактовъ, кажется, довольно, чтобы указать направленіе понятій, руководившихъ правительствомъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра. Правительство одушевлено было намѣреніями, которымъ нельзя не отдать полнаго сочувствія. Ихъ нравственное достоинство произвело сильное дѣйствіе и на лѣнивое или запуганное общество. Заявленіе принциповъ справедливости и человѣколюбія, искренность заботъ правительства о распространеніи образованія, наконецъ примѣръ самого императора, который оказывалъ такое вниманіе къ наукѣ, который надѣлялъ университеты и другія ученыя учрежденія богатыми пожертвованіями—денегъ, библіотекъ и разныхъ коллекцій,—принесли уже

[1] Storch, Russland I, 251.

скоро богатые плоды: общество отозвалось, когда затронуты были его лучшіе инстинкты. Мысль императора объ освобожденіи крестьянъ, хотя и успѣла высказаться только въ немногихъ осторожныхъ полумѣрахъ, встрѣтила сочувствіе въ лучшихъ людяхъ общества; графъ С. П. Румянцевъ представилъ императору свой проектъ освобожденія, вслѣдствіе котораго состоялся извѣстный указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ [1]); нѣсколько десятковъ тысячъ крестьянъ получили полную свободу. Филантропическія наклонности императора вызвали такой же отголосокъ: богачъ Шереметевъ пожертвовалъ въ 1803 г. до $2^1/_2$ милліоновъ рублей деньгами и недвижимымъ имуществомъ, на разныя благотворительныя цѣли; множество жертвованій болѣе скромныхъ заявляемо было безпрестанно. Но съ особенной ревностью дѣлались пожертвованія на цѣли просвѣщенія. Особенное впечатлѣніе произвело тогда одно пожертвованіе Демидова, простиравшееся цѣнностью до милліона рублей — деньгами, имѣньемъ (представлявшимъ капиталъ въ 450 тысячъ р.), библіотекой и нѣсколькими кабинетами, и предназначенное для московскаго университета и для будущихъ университетовъ, объ открытіи которыхъ шла тогда рѣчь, и для основанія высшаго учебнаго заведенія въ Ярославлѣ (Демидовскій лицей). Въ письмѣ къ гр. Завадовскому (въ мартѣ 1803), гдѣ онъ дѣлаетъ первое предложеніе объ этомъ пожертвованіи, онъ именно заявляетъ, что живое стремленіе быть полезнымъ для отечественнаго просвѣщенія явилось у него отъ глубокаго удовольствія, съ какимъ онъ читалъ только-что вышедшій планъ общаго образованія въ Россіи («предварительныя правила народнаго просвѣщенія», утвержденныя 24 января 1803). Другое событіе того же рода, произведшее тогда большое впечатлѣніе, было пожертвованіе въ 400 тысячъ руб., сдѣланное для Харьковскаго университета дворянствомъ этой губерніи. Не будемъ упоминать о множествѣ другихъ пожертвованій, которыя въ эту пору сдѣланы были въ пользу университетовъ и которыя нерѣдко имѣли весьма значительную цѣнность, какъ пожертвованія Безбородко, Голицына, Дашковой и пр.; о множествѣ пожертвованій въ пользу другихъ учебныхъ заведеній, напр. военныхъ дворянскихъ школъ, которыя предполагалось учредить по губерніямъ, и т. д. Наконецъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же великодушныхъ стремленій къ общей пользѣ, возбужденныхъ первыми временами Александра, сдѣланы были

[1]) Этотъ проектъ теперь только напечатанъ былъ въ Р. Архивѣ 1869 г., стр. 1953 и слѣд. Мы помѣстили въ приложеніи двѣ записки Румянцева къ Новосильцову, гдѣ идетъ рѣчь объ этомъ проектѣ.

пожертвованія гр. Н. Румянцова: важныя изданія по древней русской исторіи, сдѣланныя великолѣпно, его покровительство ученымъ предпріятіямъ по русской исторіи, наконецъ драгоцѣнный музей, пожертвованный имъ (вмѣстѣ съ домомъ) «на благое просвѣщеніе» и перенесенный теперь въ Москву, составляли истинную заслугу русскому образованію.

Какого бы мы ни были высокаго мнѣнія о современныхъ успѣхахъ нашей общественной жизни, должно сознаться, что факты, въ родѣ исчисленныхъ нами, до сихъ поръ остаются рѣдкими примѣрами ревности къ просвѣщенію и общему благу. Можно себѣ представить, какое дѣйствіе должны были имѣть эти факты въ то время; размѣры русскаго образованія были гораздо ограниченнѣе, ему больше нужна была такая помощь, и эти многочисленныя пожертвованія по тому времени значили гораздо больше, чѣмъ значили бы теперь. Если мы припомнимъ, что все это дѣлалось, когда еще недавно только

«Умолкъ ревъ Норда сиповатый»,

и что заслуга возбужденія этого невиданнаго движенія въ обществѣ принадлежитъ всего больше именно Александру, который подавалъ обществу примѣръ, то мы должны будемъ отдать полную справедливость его намѣреніямъ и усиліямъ его молодыхъ сотрудниковъ, которые всего больше поддерживали его на этой дорогѣ. Пусть другіе корятъ ихъ за «незнаніе Россіи», за приказныя ошибки, за нѣкоторыя увлеченія, — въ это лучшее свое время они были честными совѣтниками императора и сдѣлали немало для своего отечества.

Итакъ, передовыми людьми общественнаго движенія были люди молодого поколѣнія аристократіи, составлявшіе ближайшій кружокъ императора, — это обстоятельство даетъ отчасти и мѣрку движенія. Общество значительно оживилось въ эти годы уже отъ одной мягкости правленія; но это оживленіе было еще далеко отъ сознательной самодѣятельности. Масса общества была по прежнему пассивна, мало думала сама о своихъ интересахъ, ожидала всего отъ правительства или принимала участіе въ его дѣятельности потому только, что призывъ шелъ сверху, отъ начальства; большинство по крайней мѣрѣ внѣшнимъ механическимъ образомъ привыкало къ новымъ понятіямъ, какъ и бываетъ обыкновенно, пока оно не пріучится понимать и ихъ сущность. Но главнымъ образомъ новое движеніе находило партизановъ въ наиболѣе образованномъ высшемъ и среднемъ классѣ, отчасти въ людяхъ Екатерининскаго времени, сохранившихъ старое свободно-мыслящее направленіе и уваженіе къ просвѣ-

щенію [1]), и особенно въ молодомъ поколѣніи, образовавшемся подъ новыми вліяніями европейской жизни. Въ этомъ классѣ поддерживалось движеніе и потомъ, когда само правительство начало покидать его: такъ изъ этого круга вышли многіе наиболѣе замѣтные дѣятели тайныхъ обществъ въ двадцатыхъ годахъ. Мы упоминали, что была и своего рода оппозиція, въ духѣ старыхъ нравовъ; но сама по себѣ она была такъ безсодержательна, что теперь она пока ничего не находилась возражать; она пока молчала или подлаживалась подъ новые вкусы правительства. Она стала заявлять себя громче только позднѣе, главнымъ образомъ когда увидѣла себѣ опору въ измѣнявшемся направленіи самихъ властей.

Эти первые годы производили вообще такое отрадное впечатлѣніе, что лучшіе люди того времени начинали съ нихъ новую эпоху русской жизни и пророчили Александру славу и величіе въ исторіи. Серьезный и достойный ученый, Шторхъ, хотѣлъ быть лѣтописцемъ его великихъ и чрезвычайныхъ дѣлъ и предпріятій [2]). Но это время, для котораго впередъ готовился историческій памятникъ, имѣло свою оборотную сторону медали. Александръ достигъ бы истиннаго величія, еслибы его предпріятія были поддержаны твердымъ характеромъ и прочно сознанными принципами: къ сожалѣнію, у Александра не достало ни того, ни другого. Въ его дѣйствіяхъ съ самаго начала обозначались слабыя стороны его природы и его образованія,—неувѣренность въ самомъ себѣ и своихъ понятіяхъ, и потому мнительность при первомъ серьезномъ вопросѣ, нерѣшительность и боязнь при каждомъ препятствіи, и желаніе примирять противоположности интересовъ, иногда несоединимыя. Оттого, громко высказанныя обѣщанія не исполнялись, высокія общія идеи приносились въ жертву частнымъ мелкимъ соображеніямъ. Рядомъ съ этимъ, онъ отличался крайнимъ упрямствомъ, давнишнимъ его свойствомъ, проистекавшимъ вѣроятно отчасти отъ самолюбія, отчасти отъ наслѣдственныхъ деспотическихъ инстинктовъ, которымъ нѣсколько противодѣйствовало воспитаніе, но которымъ за то очень содѣйствовали всѣ вліянія жизни и обстановки. Когда сознаніе принятыхъ имъ правилъ вполнѣ имъ владѣло, онъ былъ готовъ выслушивать и обдумывать все, предоставлялъ

[1]) Назовемъ напр. Завадовскаго, Муравьевыхъ, А. Р. Воронцова, Румянцевыхъ, Демидова, Разумовскихъ, Безбородко, Дашкову и мн. др., которые или прямо участвовали въ либеральномъ направленіи правительства, или содѣйствовали ему значительными пожертвованіями.

[2]) Съ этой цѣлью начато было его періодически выходившее изданіе: Russland unter Alexander dem Ersten,—на которое мы имѣли случай ссылаться.

другимъ свободу мнѣнія, самъ вызывалъ противорѣчія [1]; но очень часто его ближайшіе совѣтники, которымъ онъ оказывалъ свое полное довѣріе, теряли надежду на спокойное рѣшеніе вопроса, потому что онъ не хотѣлъ слушать никакихъ возраженій. Понятно, что его нетерпимость въ вещахъ, почему либо его затрогивавшихъ, была еще сильнѣе, когда противорѣчіе выходило отъ людей менѣе ему близкихъ; но при этомъ случалось, что, какъ будто желая прикрыть свое упрямство, онъ прибѣгалъ къ искусственнымъ толкованіямъ и уклоненіямъ, лишь бы поставить благовидно на своемъ. Для людей наблюдательныхъ все это уже тогда было дурнымъ предзнаменованіемъ, и совѣтники Александра уже вскорѣ стали тяготиться этими чертами его характера. Теоретически онъ сознавалъ, что многое въ существующемъ порядкѣ вещей фальшиво, вредно, жестоко; самый принципъ преобразованія стоялъ для него внѣ всякаго сомнѣнія, — но практическое осуществленіе было ему трудно и пугало его, онъ впадалъ въ нерѣшительность, упрямство превозмогало надъ болѣе смѣлыми рѣшеніями, и въ результатѣ получалось нѣчто «вялое и трусливое» [2]).

Поэтому уже въ самое первое время дѣятельность Александра отличается двойственностью и недоконченностью, — и въ этомъ-то собственно состоитъ недостатокъ его тогдашняго и еще больше послѣдующаго правленія, а вовсе не въ сущности принциповъ, которымъ онъ хотѣлъ служить въ то время,—какъ упрекаютъ его тогдашніе и нынѣшніе обвинители его либерализма. Виновата была не сущность его тогдашнихъ идей, а недостаточное и непослѣдовательное ихъ выполненіе: потому что едвали можно сказать, что были бы дурны или вредны—ограниченіе деспотизма, освобожденіе крестьянъ, уничтоженіе «Тайной», основаніе университетовъ, введеніе вѣротерпимости, наконецъ приготовленіе представительныхъ формъ правленія и т. д. Напротивъ, вредно и печально было только то, что эти уступки государства обществу, эта борьба противъ стараго невѣжества и грубости нравовъ въ пользу просвѣщенія и нравовъ цивилизованныхъ не были ведены съ твердостью и убѣжденіемъ, какихъ бы

---

[1]) Такъ, въ 1806 г., когда его отношенія съ первымъ его министерствомъ были уже готовы окончательно прерваться, онъ писалъ Чарторижскому:... «Pour nous réunir, il faudrait préalablement faire un accord: c'est celui que, malgré tout ce qui pourra se dire dans ce comité, nos relations individuelles et mutuelles restâssent intactes, et que, prenant pour exemple les membres du Parlement anglais, qui, après s'être dit dans la séance les choses les plus fortes, emportés par la chaleur qu'inspire le bien des affaires, en sortant se trouvent les meilleurs amis du monde» (Alexandre I-er, etc., стр. 59).

[2]) Ср. письма гр. Строганова къ Новосильцову, въ приложеніяхъ.

требовало достоинство дѣла. Трудъ былъ бы великъ и тяжелъ, но въ помощь ему пришло бы все, что было лучшаго въ нравственномъ запасѣ общества, и все, что обрадовалось бы освобожденію.

Александръ безъ сомнѣнія былъ искрененъ, когда говорилъ о своемъ отвращеніи къ деспотизму, который въ прежнія времена былъ столь обыкновеннымъ свойствомъ принадлежавшей ему власти; онъ хотѣлъ ограничить эту власть законностью,—но у него недостало характера или убѣжденія принять первый выводъ этого принципа, что для такого ограниченія надо было признать и уважать какое-нибудь право за другими. Въ нѣсколькихъ частныхъ случаяхъ онъ обнаружилъ большую умѣренность и не хотѣлъ пользоваться произволомъ, на который его вызывали,—но въ первомъ серьезномъ дѣлѣ онъ отказался отъ принципа. Въ новомъ опредѣленіи правъ и обязанностей Сената (8 сент. 1802), Сенату дозволено было дѣлать представленія о такихъ указахъ, исполненіе которыхъ соединено съ большими неудобствами или которые были несогласны съ другими законами. Но когда Сенатъ захотѣлъ однажды воспользоваться этимъ правомъ, то указъ 8 сент. былъ разъясненъ въ томъ смыслѣ, что это право Сената дѣлать представленія относится только къ тѣмъ законамъ или указамъ, которые вышли *до* манифеста 8 сент., а не къ тѣмъ, которые изданы *послѣ*. Понятно, что разъясненіе уничтожало весь первоначальный смыслъ этой мѣры [1]). При учрежденіи министерствъ имѣлась въ виду конституціонная идея объ отвѣтственности министровъ, которая гарантировала бы строгую законность управленія. На дѣлѣ, министры уже вскорѣ стали обходить эту отвѣтственность, и управленіе, сдѣлавшись чисто личнымъ, до нѣкоторой степени справедливо заставляло жалѣть о прежнемъ коллегіальномъ порядкѣ. По разсказамъ адмирала Мордвинова, когда обсуждалось устройство министерствъ, то Александръ непремѣнно хотѣлъ, чтобы министры были объявлены отвѣтственными. «Но еслибы министръ отказался подписать указъ в. в-ва, возражали ему, будетъ ли этотъ указъ обязателенъ безъ этой формальности?»—«Конечно, отвѣчалъ онъ; указъ долженъ быть исполненъ во всякомъ случаѣ». Такъ неясно понимался вопросъ объ отвѣтственности [2]). Далѣе. Александръ торжественнымъ образомъ уничтожилъ Тайную Экспедицію, но какъ при Екатеринѣ это учрежденіе возродилось изъ пепла Тайной Канцеляріи, такъ теперь уничто-

---

[1]) La Russie etc. II, 294.

[2]) Тамъ же II, 291.

женная Экспедиція черезъ нѣсколько времени возстановилась опять подъ другими формами. Правда, эти формы были гораздо болѣе мягки и умѣренны, Александръ былъ нерасположенъ къ занятіямъ этого вѣдомства, и впослѣдствіи человѣкъ, управлявшій этимъ вѣдомствомъ, считался за очень честнаго человѣка,— но тѣмъ не менѣе принятая секретно система шпіонства и такъ называемыхъ экстра-легальныхъ и административныхъ мѣръ, арестовъ, удаленій, ссылокъ и т. п. безъ суда, конечно уничтожали все значеніе его перваго манифеста объ этомъ предметѣ и подрывали всѣ заботы о введеніи принципа законности. Въ крестьянскомъ вопросѣ Александръ опять несомнѣнно питалъ самыя лучшія намѣренія, но исполненіе ихъ было такъ боязливо и нерѣшительно, что даже предположивъ все сопротивленіе, какого онъ опасался со стороны дворянства, онъ не достигъ даже тѣхъ результатовъ, которые были вполнѣ возможны. Въ указѣ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, освобожденіе крестьянъ обставлено было такимъ количествомъ формальностей, что указъ дѣйствовалъ нѣсколько только въ первое время, при свѣжемъ впечатлѣніи, но потомъ дѣйствіе его значительно замедлилось, почти прекратилось. Такія стѣснительныя формальности могли имѣть какой-нибудь смыслъ скорѣе въ первое время, когда опасались раздражить помѣщиковъ, и могли бы быть постепенно ослабляемы потомъ, но случилось какъ разъ на оборотъ: очевидно, что само правительство потеряло прежнюю добрую волю. Александръ и впослѣдствіи, правда, не забывалъ своихъ филантропическихъ стремленій и крестьянское дѣло лежало у него на совѣсти, но въ позднѣйшее время онъ больше, чѣмъ когда-нибудь, держался извѣстнаго принципа абсолютной власти: онъ считалъ это дѣло *своимъ личнымъ* дѣломъ, съ нетерпимостью отвергалъ въ вопросѣ освобожденія всякую частную иниціативу, какъ вмѣшательство въ *его* исключительное право,—но самъ этимъ правомъ не пользовался. Вопросъ былъ похороненъ имъ самимъ. Далѣе, возвращаясь къ учрежденіямъ Екатерины и желая продолжать ея правленіе, Александръ возстановлялъ дворянскую грамоту, городовое положеніе и т. п., но эти учрежденія не получили дальнѣйшаго развитія. Къ дворянству, какъ исключительному сословію, онъ не имѣлъ особенной любви, но онъ не далъ и другимъ классамъ сословныхъ правъ, которыя подняли бы ихъ общественную самостоятельность.

Такимъ образомъ Александръ съ первыхъ шаговъ, нечувствительно и вѣроятно незамѣтно для него самого, возвращался на старую дорогу. По своимъ отвлеченнымъ принципамъ онъ стремился водворить новый порядокъ вещей — измѣняя высшія

сферы управленія и обдумывая теоретическія формы общественнаго освобожденія, но на практикѣ забывалъ самыя существенныя условія своей задачи, и въ своей нетерпимости къ частной инціативѣ, къ самымъ умѣреннымъ заявленіямъ самостоятельности, оставался вѣренъ преданіямъ стараго порядка. Неограниченная монархія слишкомъ часто бываетъ враждебна общественной инціативѣ, и это составляетъ роковую, слабую ея сторону: истинныя цѣли государства могутъ быть достигнуты только съ развитіемъ общественной силы; безъ этого внутренняя сила общества глохнетъ и остается непроизводительной; но стѣсненіе общества вредно отражается потомъ и на самомъ государствѣ, которое, наконецъ, начинаетъ терять и свой нравственный авторитетъ. Екатерина не разрѣшала этой дилеммы; Александръ своими инстинктами сильнѣе чувствовалъ необходимость рѣшенія, но не имѣлъ довольно характера, чтобы приступить къ нему искренно и открыто.

Къ концу этого періода Александръ сталъ больше и больше увлекаться вопросами внѣшней политики: внутренняя жизнь начинаетъ отступать на второй планъ. Естественно, что это еще больше затрудняло успѣхъ его первыхъ начинаній, вліяніе которыхъ въ обществѣ все-таки въ большой степени зависѣло отъ его непосредственнаго участія. Съ этого времени его внутренній разладъ съ самимъ собой и обществомъ начинаетъ усиливаться.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Въ дополненіе къ вышесказанному прилагаемъ нѣсколько выдержекъ изъ бумагъ Н. Н. Новосильцова, которыя были пріобрѣтены отъ племянника его В. В. Новосильцова редакціею „Вѣстника Европы“ и ею сообщены намъ. Мы сочли неизлишнимъ напечатать эти выдержки, потому что, хотя не все въ нихъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ нашему частному предмету, но въ нихъ есть не лишенныя исторической важности указанія о личныхъ отношеніяхъ въ кругу совѣтниковъ Александра, и о другихъ обстоятельствахъ того времени. Мы затруднялись пользоваться указаніями, любопытными для нашего предмета, не приводя ихъ въ контекстѣ. Кромѣ того, до сихъ поръ чрезвычайно мало издано матеріаловъ, относящихся къ этому времени и этимъ людямъ, и издаваемыя письма могутъ служить къ пополненію недостатка. Впослѣдствіи, мы будемъ еще имѣть случай возвратиться къ этимъ матеріаламъ.

I. *Записка гр. П. и Г. Строгановыхъ и Муравьева къ Новосильцову* (въ Лондонъ; безъ помѣты, въ мартѣ 1801; см. выше, стр. 658, пр. 1).

Mon bon ami, le courier part, je n'ai le tems que de vous dire deux mots: L'Empereur Alexanrde I-er reigne. Revenez, revenez, revenez.

(Мой добрый другъ, курьеръ сейчасъ отправляется и я имѣю время сказать вамъ только два слова: императоръ Александръ I царствуетъ. Возвращайтесь, возвращайтесь, возвращайтесь).

II. *Гр. С. П. Румянцовъ къ Новосильцову* [1]).

6 Dec. 1802, St.-Pet.

Vous trouverez peut-être, Monsieur, que je suis comme ce redoutable Baron qui pérsecutait tout le monde avec son plan, cependant j'ose encor me flatter de quelque indulgence de votre part.

L'Empereur a paru desirer une redaction en *forme d'Edit* des pensées que j'ai pris la liberté de soumettre à sa meditation. Dans le cas ou Sa Majesté Impériale daigne encor s'occuper de cet objet, veuillez bien avoir la bonté de lui presenter l'écrit que je prends la liberté de joindre ici. Il me semble que le préambule est propre à rassurer sur l'esprit de l'opération et que le dispositif résout à peu près toutes le difficultés. D'ailleurs comme il n'est question encor que d'ouvrir une voye et que le sénat examine et prononce, je ne vois pas ce qu'il y aurait à apprehender, si ce n'est de la part de certaines personnes, que d'autres idées que les leurs soient envisagées comme bonnes.

J'ai l'honneur de vous presenter les assurances des sentimens de considération distinguée avec lesquels je serai, Monsieur, toute ma vie

Votre très humble
et très obeissant serviteur
le C-te Serge de Romanzow.

(Быть можетъ, вы найдете, что я похожъ на того ужаснаго барона, который всѣхъ преслѣдовалъ съ своимъ планомъ, но я осмѣливаюсь льстить себя нѣкоторымъ снисхожденіемъ съ вашей стороны.

---

[1]) Эта и слѣдующая записка относятся къ проекту Румянцова объ освобожденіи крестьянъ; самый проектъ, послужившій основаніемъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ, напечатанъ въ Р. Архивѣ.

Императоръ желалъ, кажется, чтобы мысли, которыя я позволилъ себѣ представить на его размышленіе, были изложены въ формѣ указа. Въ случаѣ, если Е. В. удостоитъ еще заняться этимъ предметомъ, будьте такъ добры, представьте ему записку, при семъ прилагаемую. Мнѣ кажется, что предисловіе способно успокоить относительно характера предпріятія, и что изложеніе разрѣшаетъ почти всѣ затрудненія. Притомъ, такъ какъ дѣло идетъ пока только о томъ, чтобы открыть дорогу, и такъ какъ сенатъ будетъ разбирать это дѣло и выскажетъ свое мнѣніе, я не вижу, чего можно было бы здѣсь опасаться, кромѣ развѣ со стороны нѣкоторыхъ людей, изъ-за того, что другія идеи, не похожія на ихъ, могутъ считаться хорошими.

Имѣю честь, и проч.)

III. *Гр. С. П. Румянцовъ къ Новосильцову.*

Le 12 may, mardi (1803).

Messieurs les comtes de Wassilieff et Cotchoubey m'ont promis de me venir voir au sortir du comité ou dans la soirée s'il n'y en avait point.

J'ai à me concerter avec eux sur les affranchissements que je me propose de faire: mais en même tems je voudrais aussi les entretenir du mémoire que je vous ai envoyé. Ayez la bonté seulement de me dire si vous n'y trouvez pas quelque inconvenient; je suivrai à cet egard ponctuellement les ordres que vous voudrez bien me donner.

Veuillez agréer en même tems les assurances du devoucment sincère et plein de cette considération distinguée avec laquelle je serai toute ma vie,

Monsieur,
Votre très humble
et très obeissant serviteur
Le C-te Serge de Romanzow.

(Графы Васильевъ и Кочубей обѣщали быть у меня послѣ комитета или вечеромъ, если комитета не будетъ.

Мнѣ нужно посовѣтоваться съ ними о томъ освобожденіи крестьянъ, которое я предполагаю сдѣлать: но вмѣстѣ съ тѣмъ я хотѣлъ бы поговорить съ ними о запискѣ, которую я вамъ послалъ. Будьте добры— сказать мнѣ только, не находите ли вы въ ней чего-нибудь неудобнаго; я пунктуально исполню въ этомъ отношеніи всѣ приказанія, которыя вамъ угодно будетъ мнѣ сдѣлать.

Примите, и проч.)

IV. *Гр. П. А. Строгановъ къ Новосильцову.*

Il n'y a que peu de jours, mon cher ami, que je vous ai écrit par un certain Razine, commis des affaires étrangères, et expedié en courier avec Sir John Warren. Celle-ci va par terre avec Davidson et je ne sais pas si elle n'arrivera pas avant l'autre, car je ne sais comment Sir John fera pour partir de Cronstadt, car aujourd'hui notre rivière est prise et tous ces jours-ci il y avait beaucoup des glaçons entre Oranienbaum et Cronstadt. Davidson doit partir content, car il est payé de tout et a une bague superbe, estimé au cabinet où on a ces choses à bon marché 1,600 R. J'espère que cette marque de satisfaction fera bien en Angleterre et nous amenera du monde pour cette partie. Notre instruction publique va un peu lentement. Dieu, après avoir fait le monde en six jours, se reposa le septième, mais notre ministre fait mieux: il ne fait rien les six jours et néanmoins se repose le septième. Depuis un mois nous n'avons pas eu de séance du *правленіе*. Il est certain qu'il empechote car j'ai eu toutes les peines du monde à obtenir l'argent pour arranger le Collège des manufactures pour les séances publiques. Il me fait encor des difficultés pour indemniser l'Académie des sciences, mais enfin j'espère venir à bout de tout cela. Je vous envoye un long bulletin de la commission des Loix. J'ai dit à Врончонекъ de m'en faire un toujours de manière que sans lire toute la masse de papier de Rosencampf vous pourrez voir ce qui s'y passe.

Vous verrez par ma dernière lettre que nous ne sommes pas denué d'inquietude: elle continue encor et nous attendons de vous des bonnes nouvelles avec bien de l'impatience etc...

P. Stroganoff.
St.-Pétersbourg.
ce 28 oct. 1804. v. st.

(Нѣсколько дней тому я писалъ вамъ, любезный другъ, черезъ нѣкоего Разина, чиновника иностранныхъ дѣлъ, посланнаго курьеромъ съ сэромъ Джономъ Уорреномъ. Настоящее письмо отправляется съ Давидсономъ сухимъ путемъ, и я не знаю, не придетъ ли оно еще раньше прежняго; я не знаю, какъ сэръ Джонъ отправится изъ Кронштадта, потому что наша рѣка стала и всѣ эти дни было много льду между Ораніенбаумомъ и Кронштадтомъ. Давидсонъ уѣхалъ вѣроятно довольный, потому что ему заплатили за все и дали великолѣпный перстень, оцѣненный въ 1,600 руб. въ кабинетѣ, гдѣ имѣютъ эти вещи по дешевымъ цѣнамъ. Я надѣюсь, что этотъ знакъ удовольствія произведетъ въ Англіи

хорошее дѣйствіе и приведетъ къ намъ людей по этой части. Наше народное просвѣщеніе идетъ немного тихо. Господь Богъ, создавши міръ въ шесть дней, почилъ въ седьмой, а нашъ министръ дѣлаетъ лучше: онъ ничего не дѣлаетъ шесть дней и несмотря на то отдыхаетъ въ седьмой. Цѣлый мѣсяцъ у насъ не было засѣданія въ правленіи училищъ. Онъ положительно дѣлаетъ препятствія, потому что мнѣ стоило величайшаго труда получить деньги, чтобы устроить коллегію мануфактуръ для публичныхъ собраній. Онъ дѣлаетъ мнѣ препятствія и въ томъ, чтобы дать вознагражденіе академіи наукъ, но я надѣюсь наконецъ добиться всего этого. Я посылаю вамъ длинную записку изъ коммиссіи законовъ. Я сказалъ Вронченку [1]), чтобы онъ составлялъ мнѣ всегда записку такимъ образомъ, чтобы вы могли видѣть что̀ тамъ дѣлается, не читая всей массы бумаги Розенкампфа.

Изъ моего послѣдняго письма вы увидите, что мы не свободны отъ безпокойства: оно еще продолжается, и мы съ большимъ нетерпѣніемъ ждемъ отъ васъ хорошихъ извѣстій....)

V. *Гр. П. А. Строгановъ къ Новосильцову.*

Il est bon, mon cher ami, que vous soyez exactement au fait de notre état ici. Vous savez que nous sommes sujets quelquefois, par des regrets deplacés et un manque de résolution, à rétrograder dans les mesures qu'on avait résolues, à ne pas oser faire les choses au moment où elles devraient l'être, et comme les circonstances n'attendent pas le bon plaisir des souverains, il en résulte quelque chose de lache et de mol dans les opérations. Vous avez pu voir par nos dernières lettres que nous sommes dans un de ces paroxismes, et comme il continue, il est essentiel de le combattre de toutes les manières possibles, et vous y pouvez contribuer plus que qui que ce soit par les nouvelles que vous donnerez. Je m'en vais donc vous faire un narré des faits.

Nous avons eu dernièrement une séance chez l'Emp-r. Il s'y est agi des affaires d'Europe et entre autres de ce qui est relatif au Royaume de Naples. Le P-ce Ad. proposait comme vous avez pu voir par mes dernières, qu'on en était convenu dans le comité militaire nouvellement créé, de renforcer notre corps qui se trouve dans les Sept-Isles de manière à le porter de quinze à 20 m. hommes, ce qui nous aurait mis dans le cas de pouvoir faire une diversion en Italie avec un corps de 15 m. hommes, qui joints aux troupes du pays et à un

[1]) Ѳ. П. Вронченко, служившій тогда въ коммиссіи составленія законовъ.

corps anglais offrirait une masse imposante à opposer à l'armée Napoléone. Cette mesure .etait appuyé d'abord sur la nécessité d'être, au premier signal, en mesure d'occuper la Calabre avant les Français, parce que ce pays étant couvert de montagnes et defendu par deux defilés étroits, les premiers qui seraient logés, ne pourraient pas en être chassés facilement, et qu'il fallait ôter cette avantage aux Français. Le traité avec l'Autriche étant déjà signé, il semblait que ce concert nous permettait de rendre notre attitude plus menaçante et de nous mettre à même de venir au secours de notre allié le R. de N. (roi de Naples). On proposait en outre de munir Anrep d'ordres éventuels par lesquels il serait autorisé de debarquer au moment où les Français mettraient un seul homme dans les forteresses Napolitaines. Ces mesures étaient pressés singulièrement par le Duc de Serra Cabr. (Capriola) et par Lord G., qui, le premier—crie au secours comme un malheureux et le second demande des explications catégoriqúes sur ce que nous voulons faire pour le Sud de l'Italie. Voici maintenant les oppositions. Il disait que le traité avec l'Autriche n'etait point ratifié encor, formalité, avânt laquelle il serait imprudent de compromettre un trop grand nombre des troupes, que la cour de N. avait déjà fait preuves de mauvaise conduite et ne meritait aucune confiance, que du moment qu'ils auraient une pareille assurance, ils brusqueraient eux-mêmes les choses mal-à-propos et engageraient les hostilités avant que les choses ne soyent mures pour cela, que la cour de V. (Vienne) avait elle-même prevu l'inconsistence du ministère Napolitain, puisqu' à l'article où on stipule de venir au secours de N., on convient en même tems de tenir cette disposition secrète pour éviter qu'il n'en abuse, que la jalousie avec laquelle les Français voyaient l'accroissement de nos forces aux Sept-Isles, leur fournirait un motif d'envahir le Royaume de Naples, si nos forces au lieu simplement d'être destiné à mettre cette république à l'abri d'insulte, décelaient par leur nombre des intentions offensives; que d'ailleurs tout cela serait peut-être trop tard, et qu'au moment où le renfort arriverait, ce Royaume serait déjà province française. Tels sont les principaux arguments qui furent employés. Rien n'en put faire demordre, ni qu'on perdrait une diversion précieuse, qu'on manquerait un poste essentiel, que des ordres attendu d'ici viendraient trop târd, qu'alors des renforts seraient déjà inutiles, et qu'ainsi on tronquerait le système général des opérations, dans lequel la diversion en Italie est de la plus grande importance. Tout

fut inutile, et il proposa un contre-projet dont le théatre principal etait le Rhin [1]) et le Nord de l'Italie. Il refusa même de consentir à envoyer le général Lascy à Naples sous prétexte de santé pour pouvoir être dans le cas de surveiller la conduite de la cour de N. et prendre le commandement général des opérations d'Italie en cas de rupture. Toute la discussion fut conduite avec l'humeur et l'entêtement que vous lui connaissez, quand il regrette des mesures et qu'il apprehende qu'on ne veuille l'entrainer à quelque chose qu'il craint. Il ajoutait qu'il n'etait pas encor decidé de quelle manière nous entrerions dans tout cela, qu'on n'avait pas de vos nouvelles et que tout devait dépendre de la réussite de vos negociations. Dans un travail qu'il a eu quelques jours après avec le P-ce Ad., il lui a dit en propres termes: si Nov. réussit, rien ne me coutera et j'irai en avant sans aucun régret, si non je ne ferai absolument rien, et il faut attendre ce qu'il nous dira. Vous voyez, mon cher, que vous tenez en vos mains les foudres de Jupiter. Voici les causes de tout cela. Vous vous rappelez que dans ma lettre du 26 8-bre passé je vous ai parlé des insinuations du P-ce Lap., et de l'horizon rembrunit qu'il avait offert aux yeux de l'Empereur. Il est très probable qu'il n'a pas cessé ses intrigues et qu'il a continué de le dissuader. Ebranlé déjà de ce côté, toutes les opinions lui sont devenus importantes à connaitre et on a deterré toutes les lettres que La Harpe écrivait depuis plus d'un an et qui n'etaient pas encor decachetées. On s'est mis à pomper la science de cet homme et ces lettres n'ont pas peu contribué au mal. Vous êtes heureux de n'être pas condamné à lire ces fastidieuses productions. Il faut pourtant vous en donner une idée, pour que vous soyez au courant. Il a pris pour texte de ses raisonnemens ceux de nos actes qui ont été imprimés dans les papiers publics, et il juge du système de notre cabinet par ces pièces [2]) et comme par leur isolement elles ne présentent aucune liaison, il s'imagine qu'il n'y en a pas davantage dans notre conduite, et il désapprouve tout ce qui se fait. Il trouve la Note de Ratisbonne trop forte, que l'Empereur s'aventure et que par sa position géographique étant trop eloigné et ne pouvant pas, par conséquent, soutenir immédiatement ses volontés, il ne fait que se compromettre sans aucun bien. Il part de là pour citer d'un ton sentencieux et sévère toutes sortes de maximes:

---

[1]) Не ясно, но кажется такъ.

[2]) Зачеркнуто: isolés.

restez en second ligne, ne compromettez pas inutilement votre pays, on veut vous entrainer, prenez garde à vous, gardez votre secret etc. etc. et cent mille autres bêtises souslignés, qui par malheur font effet sur notre bon maître; il critique notre conduite relativement à *vernegues* et prétend que nous n'avions pas le droit de l'avoir à notre service. Si vous analysez ses lettres vous n'y trouvez rien, il ne peut pas se persuader qu'on a une marche systématique, qu'on ne s'aventure point sans une probabilité de réussite. Il ne juge que sur quelques faits épars et sans cohérence entre eux, et ne se figure pas qu'ils sont liés par des chaînons qu'il ne peut point appercevoir et desquels il faudrait s'informer avant que de porter un jugement; mais sans prendre cette peine il tranche sur tout et condamne. Tout ceci joints aux sermons du Lap. font que nous sommes diablement *low spirit.* Il n'y a que les nouvelles que vous nous donnerez, qui pourront relever la chose: il en parle à tous les travails qu'il a avec le P-ce Ad.

Il y a déjà une quinzaine de jours que j'ai commencé cette lettre, et depuis ce tems il y a eu des changemens non dans le *low spirit,* car il subsiste malheureusement toujours, mais on a obtenu quelques points: Lascy sous prétexte de santé sera envoyé à N. On donnera ordres à plusieurs regiments d'être prets à s'embarquer au premier ordre. Ad. a emporté ces points après une dispute très vive et il a déjà écrit a L. [1]) de se tenir prêt. En attendant on a reçu les nouvelles que la cour de V. avait ratifié et cela fait intérieurement de la peine à l'Empereur, qui de tems en tems reproche de s'être arrangé avec eux. Voila à peu près le tableau de notre extérieur, quant à l'intérieur, je vous dirai qu'on a reçu plusieurs fois des nouvelles de Tsitsianof. Volkonski l'a laissé absolument manquer de vivres, faute de quoi il a été obligé de se retirer de devant Erivan, quoiqu'il ait eu la nouvelle certaine que Bassa-Khan devait se retirer dans dix jours. Il a été attaqué plusieurs fois pendant le blocus par des forces très supérieures, mais il les a toujours battu; enfin totalement denué de vivres et après avoir nourri son armée pendant plusieurs jours d'une demi-portion de riz, les malades augmentant d'une manière effrayante, il a été obligé de revenir à Tiflis. Je vous laisse à penser, avec son caractère, comme il devait être furieux et la réception qu'il a faite à Volkonski. Celui-ci par sa pusillanimité avait tout brouillé dans le reste

---

[1]) Карандашемъ приписано: Lassy.

de la Géorgie: le voyant manquer de fermeté, les partis commençaient à se former partout. Tsitsianof a été reçu à Tiflis avec des transports de joie, tout le peuple a couru au devant de lui à cinq verstes. Depuis qu'il est là, tout s'arrange et on a les meilleurs nouvelles. L'Empereur dans cette occasion s'est très bien conduit: il a fait rappeler Volk. et il a écrit à Tsitsianof un rescrit plein de bonté, où il l'encourage, lui fait voir qu'il n'envisage point sa retraite comme une chose qui puisse lui faire du tort et le ranime autant qu'il est possible; il lui ordonne de remarcher sur Erivan dès qu'il le pourra et on l'a renforcé de quelques regiments. On a reçu aujourd'hui un courrier de lui, qui annonce que la tranquillité est parfaitement rétabli, ainsi nos affaires y prennent la meilleure tournure. Adieu, mon cher, je n'ai pas le tems de vous en mander davantage, le courrier me presse. Je me propose toujours de vous parler de *Pozzo di Borgo*, mais je suis encor forcé de le remettre. Vale.

St.-P-bourg
ce 27 nov. 1804.

P. S. Nous avons eu le dernier comité ministériel le budget de 805; l'ami Wassilief a fait le charlatan et a effrayé l'Empereur avec un deficit de 13 millions. Il était au désespoir. On a rogné à droite et à gauche et on a arrangé la chose comme vous la verrez d'après la note ci-jointe. L'Empereur n'a pas voulu entendre parler d'une émission de billets de banque.

Vous n'avez rien de Врончонокъ parce qu'il ignorait le départ du courrier, mais je puis vous annoncer que la commission ne va pas grandement. Je vous fais passer deux lettres que j'ai reçu pour vous.

(Вамъ необходимо, любезный другъ, знать въ точности наши здѣшнія дѣла. Вы знаете, что мы [1]) иногда, вслѣдствіе неумѣстныхъ сожалѣній и недостатка рѣшительности, бываемъ склонны отступать назадъ въ мѣрахъ, которыя были уже рѣшены, не имѣть смѣлости дѣлать вещи въ тотъ моментъ, когда ихъ слѣдовало бы сдѣлать, и такъ какъ обстоятельства не ждутъ прихоти государей, изъ этого выходитъ въ дѣйствіяхъ нѣчто вялое и трусливое. По нашимъ послѣднимъ письмамъ вы могли видѣть, что мы находимся теперь въ одномъ изъ этихъ пароксизмовъ, и такъ какъ онъ продолжается, то существенно важно противодѣйствовать ему всѣми возможными средствами, и вы можете помочь

---

[1]) Это «мы» относится собственно къ императору Александру.

здѣсь больше чѣмъ кто-либо вашими извѣстіями. Поэтому разскажу вамъ факты.

Мы имѣли недавно засѣданіе у императора. Дѣло шло здѣсь объ европейскихъ дѣлахъ и между прочимъ о дѣлахъ неаполитанскаго королевства. Князь Адамъ [1]), — какъ вы могли видѣть по моимъ послѣднимъ извѣстіямъ, что на этомъ порѣшено было въ составленномъ недавно военномъ комитетѣ, — предлагалъ усилить нашъ корпусъ, находящійся на Семи-Островахъ (Іоническихъ), такъ, чтобы отъ 15 т. довести его до 20 т., что̀ дало бы намъ возможность сдѣлать диверсію въ Италіи съ 15-тысячнымъ корпусомъ, который въ соединеніи съ туземными войсками и съ англійскимъ корпусомъ составилъ бы крупную массу, которую можно было бы выставить противъ Наполеоновской арміи. Эта мѣра подкрѣплялась сначала необходимостью быть, при первомъ знакѣ, готовымъ занять Калабрію прежде французовъ, потому что, такъ какъ эта страна покрыта горами и защищается двумя узкими дефиле, то первые, кто ее займетъ, не легко могутъ быть оттуда вытѣснены, и что нужно было отнять это преимущество у французовъ. Такъ какъ договоръ съ Австріей былъ уже подписанъ, то казалось, это согласіе позволяло намъ сдѣлать наше положеніе болѣе угрожающимъ и дать намъ возможность оказать помощь нашему союзнику, королю неаполитанскому. Кромѣ того, предлагали на случай снабдить Анрепа приказаніями, которыя бы уполномочивали его высадиться въ ту минуту, когда французы поставятъ хоть одного человѣка въ неаполитанскія крѣпости. На этихъ мѣрахъ чрезвычайно настаивали герцогъ Серра-Капріола и лордъ Гауэръ; первый, какъ отчаянный, кричитъ о помощи, второй требуетъ категорическихъ объясненій о томъ, что̀ мы хотимъ сдѣлать для южной Италіи. Теперь вотъ возраженія. Онъ [2]) говорилъ, что договоръ съ Австріей не былъ еще ратификованъ, и до исполненія этой формальности было бы неблагоразумно выдвигать слишкомъ большое число войскъ, что неаполитанскій дворъ далъ уже доказательства дурного поведенія и не заслуживалъ никакого довѣрія, что съ той минуты, какъ они получатъ подобное удостовѣреніе, они сами не во̀-время начнутъ дѣло и откроютъ военныя дѣйствія прежде, чѣмъ обстоятельства созрѣютъ для этого, что вѣнскій дворъ самъ предвидѣлъ ненадежность неаполитанскаго министерства, потому что въ статьѣ, гдѣ говорится о помощи Неаполю, соглашаются также держать эту мѣру въ тайнѣ, для избѣжанія того, чтобы министерство не злоупотребило ею; что ревность, съ которой французы смотрятъ на увеличеніе нашихъ силъ на Семи-Островахъ, можетъ побудить ихъ къ занятію неаполитанскаго королевства, если бы наши силы, вмѣсто того, чтобы просто слу-

---

[1]) Чарторижскій.

[2]) Императоръ.

жить для охраненія этой республики отъ насилій, своимъ количествомъ не обнаруживали наступательныхъ намѣреній; что притомъ все это можетъ быть уже слишкомъ поздно, и что въ ту минуту, когда подкрѣпленіе придетъ, это королевство будетъ уже французской провинціей. Таковы были главные аргументы. Ничто не могло заставить отступиться отъ нихъ, ни то, что такъ потеряна будетъ отличная диверсія, что потерянъ будетъ существенный постъ, что приказанія, ожидаемыя отсюда. придутъ слишкомъ поздно, что тогда подкрѣпленія будутъ уже безполезны, и что такимъ образомъ обрѣзана будетъ общая система операцій, въ которой диверсія въ Италіи имѣетъ величайшую важность. Все было безполезно, и онъ предложилъ другой проектъ, главнымъ театромъ котораго былъ Рейнъ и сѣверная Италія. Онъ даже отказалъ въ своемъ согласіи послать генерала Ласси, подъ предлогомъ болѣзни, въ Неаполь, чтобы имѣть возможность наблюдать поведеніе неаполитанскаго двора и въ случаѣ разрыва принять главное начальство надъ дѣйствіями въ Италіи. Весь споръ велся съ такой нетерпимостью и упорствомъ, какую вы знаете за нимъ, когда онъ сожалѣетъ о мѣрахъ, и опасается, что его хотятъ увлечь къ чему-нибудь, чего онъ боится. Онъ прибавлялъ, что онъ еще не рѣшилъ, какимъ образомъ мы поступимъ во всемъ этомъ, что отъ васъ нѣтъ извѣстій и что все должно зависѣть отъ успѣха вашихъ переговоровъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, при докладѣ князя Адама онъ сказалъ ему этими самыми словами: если Новосильцовъ успѣшно сдѣлаетъ свое дѣло, тогда мнѣ будетъ все равно и я безъ всякаго сожалѣнія пойду впередъ, если же нѣтъ, я не сдѣлаю рѣшительно ничего, и надобно ждать, что онъ намъ скажетъ. Вы видите, любезный другъ, что вы держите въ рукахъ громы Юпитера. Вотъ причины всего этого. Вы припомните, что въ моемъ письмѣ отъ 26 прошлаго октября я говорилъ вамъ объ инсинуаціяхъ князя Лопухина и о томъ, какой мрачный горизонтъ онъ представлялъ глазамъ императора. Очень вѣроятно, что онъ не прекратилъ своихъ интригъ и продолжалъ его отговаривать. Когда онъ былъ уже поколебленъ съ этой стороны, ему стало важно знать всякія мнѣнія, и потому откопали всѣ письма, которыя писалъ ему Лагарпъ болѣе года и которыя были еще не распечатаны. Принялись вычитывать ученость этого человѣка, и эти письма не мало ухудшили дѣло. Вы счастливы, что не осуждены читать эти скучныя произведенія. Надобно, однако, дать вамъ понятіе о нихъ, чтобы вы знали на чемъ стоятъ вещи. Онъ взялъ текстомъ своихъ разсужденій тѣ изъ нашихъ актовъ, которые были напечатаны въ газетахъ, и онъ судитъ о системѣ нашего кабинета по этимъ пьесамъ, и такъ какъ по своей уединенности онѣ не представляютъ никакой связи, онъ воображаетъ, что не больше находится этой связи и въ нашемъ образѣ дѣйствій, и онъ порицаетъ все, что дѣлается. Онъ находитъ, что регенсбургская нота слишкомъ сильна, что императоръ очень рискуетъ,

и что, будучи по своему географическому положенію очень далеко и потому не имѣя возможности тотчасъ поддержать силою свои намѣренія, онъ только идетъ на опасность безъ всякой пользы. Затѣмъ онъ начинаетъ глубокомысленнымъ и суровымъ тономъ цитировать всякаго рода мудрыя изреченія: оставайтесь на второмъ планѣ, не вовлекайте безполезно въ опасность вашей страны, васъ хотятъ увлечь, остерегайтесь, берегите свои тайны и проч., и тысячу другихъ подчеркнутыхъ глупостей, которыя къ несчастью производятъ свое дѣйствіе на нашего добраго государя; онъ критикуетъ наше поведеніе относительно.... (?) и утверждаетъ, что мы не имѣли права имѣть его въ нашей службѣ. Если вы станете разбирать его письма, вы не найдете въ нихъ ничего; онъ не можетъ убѣдиться, что есть систематическій планъ, что не дѣлаютъ риска безъ вѣроятности успѣха. Онъ судитъ только по нѣсколькимъ отдѣльнымъ и безсвязнымъ фактамъ, и не воображаетъ, что они связаны звеньями, которыхъ онъ не можетъ видѣть и о которыхъ слѣдовало бы справиться прежде, чѣмъ произносить сужденіе; но онъ, не принявъ на себя этого труда, рѣшаетъ все и осуждаетъ. Все это вмѣстѣ съ проповѣдями Лопухина дѣлаетъ то, что мы теперь находимся въ страшномъ *low spirit* (уныніи). Только ваши извѣстія могутъ поправить дѣло; онъ [1]) говоритъ это при каждомъ докладѣ князя Адама.

Я началъ это письмо уже недѣли двѣ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ произошли перемѣны не въ *low spirit*, потому что это къ несчастію продолжается, но нѣкоторые пункты выиграны. Ласси, подъ предлогомъ болѣзни, будетъ посланъ въ Неаполь. Нѣсколькимъ полкамъ дадутъ приказъ быть готовыми сѣсть на суда по первому приказанію. Князь Адамъ получилъ эти пункты послѣ очень живого спора и написалъ уже Ласси, чтобы онъ былъ готовъ. Тѣмъ временемъ получено было извѣстіе, что вѣнскій дворъ ратификовалъ, и это, въ глубинѣ души, непріятно императору, который отъ времени до времени упрекаетъ себя, что вступилъ съ нимъ въ союзъ. Вотъ приблизительно картина внѣшняго положенія дѣлъ; что до внутренняго, скажу вамъ, что много разъ получены были извѣстія отъ Циціанова. Волконскій оставилъ его совершенно безъ съѣстныхъ припасовъ, за недостаткомъ которыхъ онъ долженъ былъ отступить изъ-подъ Эривани, хотя имѣлъ положительное свѣдѣніе, что Баба-ханъ [2]) долженъ былъ отступить черезъ десять дней. Въ теченіе блокады онъ нѣсколько разъ былъ аттакованъ съ очень превосходными силами, но онъ всегда побивалъ ихъ; наконецъ, совершенно лишенный припасовъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней кормилъ свою армію половинной порціей риса, и когда число больныхъ стало ужасающимъ образомъ увеличиваться, онъ принужденъ былъ воротиться въ

[1]) Т.-е. императоръ.

[2]) Такъ онъ долженъ называться; см. Богдан. I, 300—304.

Тифлисъ. Можете себѣ представить, при его характерѣ, въ какомъ бѣшенствѣ онъ долженъ былъ быть и какой пріемъ онъ сдѣлалъ Волконскому. Этотъ послѣдній своей трусостью испортилъ всѣ дѣла въ остальной Грузіи: видя, что у него нѣтъ твердости, партіи начали образовываться повсюду. Циціановъ принятъ былъ въ Тифлисѣ съ восторженной радостью; весь народъ выбѣжалъ къ нему на встрѣчу за пять верстъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ тамъ, все приходитъ въ порядокъ и оттуда получаются самыя лучшія извѣстія. Императоръ при этомъ случаѣ держалъ себя очень хорошо: онъ велѣлъ отозвать Волконскаго и написалъ Циціанову чрезвычайно благосклонный рескриптъ, гдѣ онъ ободряетъ его, показываетъ ему, что не считаетъ его отступленія вещью, которая могла бы послужить ему въ ущербъ, и всевозможнымъ образомъ поощряетъ его. Императоръ приказываетъ ему снова идти на Эривань, какъ только найдетъ это возможнымъ, и его подкрѣпили нѣсколькими полками. Сегодня прибылъ отъ него курьеръ, съ извѣстіемъ, что спокойствіе возстановлено вполнѣ; такимъ образомъ, наши дѣла принимаютъ самый лучшій оборотъ. Прощайте, любезный другъ, у меня нѣтъ времени писать больше, курьеръ торопитъ меня. Я все собираюсь говорить вамъ о Поццо-ди-Борго, но опять вынужденъ отложить это до другого раза. Vale.

P. S. Въ послѣднемъ комитетѣ министровъ у насъ шло дѣло о бюджетѣ на 1805 годъ. Другъ Васильевъ шарлатанилъ и испугалъ императора дефицитомъ въ 13 милліоновъ. Онъ былъ въ отчаяніи. Стали обрѣзывать направо и налѣво и уладили дѣло, какъ вы увидите изъ прилагаемой записки. Императоръ не хотѣлъ слышать о выпускѣ банковыхъ билетовъ.

Вамъ ничего нѣтъ отъ Вронченка, потому что онъ не зналъ объ отъѣздѣ курьера, но я могу сообщить вамъ, что коммиссія идетъ неважно. Отправляю вамъ два письма, полученныя мною для васъ).

А. Пыпинъ.

ИЗЪ

ПОСМЕРТНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

ГЕЙНЕ.

1.

ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОЭТУ.

Ты поёшь какъ Тиртей. Твоя пѣсня
Вдохновенной отваги полна...
Но ты публику выбралъ плохую,
Ты въ плохія поёшь времена.

*
* *

Тебя слушаютъ, правда, съ восторгомъ,
И дивясь, восклицаютъ потомъ:
«Какъ полётъ его думъ благороденъ,
«Какъ владѣетъ онъ мощно стихомъ!

*
* *

За стаканомъ вина, не однажды,
Тебѣ даже кричали: ура!
Хоромъ пѣсни твои распѣвали,
Распѣвали всю ночь — до утра.

*
* *

За столомъ — спѣть свободную пѣсню
Очень любятъ рабы... Вѣдь она —
И желудку варить помогаетъ —
Да и больше съ ней выпьешь вина!

2.

Вчера меня ласкало счастье,
А ужъ сегодня нѣтъ его!
Мнѣ привязать не удавалось
Къ себѣ надолго никого.

* * *

Въ мои объятья любопытство
Толкало женщинъ много разъ,
Но заглянувъ мнѣ въ сердце глубже,
Спѣшили прочь онѣ сейчасъ.

* * *

Одна въ молчаньи уходила,
Другая — весело смѣясь.
И только ты, — меня бросая,
Слезами горько залилась!

А. Плещеевъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВЪ

ГЕРМАНІИ.

ЛУДВИГЪ БЁРНЕ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

I.

Лудвигъ Бёрне родился наканунѣ французской революціи, въ 1786 году, и всѣ его юношескіе года проходили подъ грохотъ громовыхъ взрывовъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ начинается на немъ рѣшительное вліяніе этой бурной эпохи, вліяніе, которое и дѣлало его могучимъ борцомъ за свободу до послѣднихъ дней, до послѣднихъ минутъ его жизни. Обстановка, среда, въ которой родился Бёрне, казалось, мало способствовали непосредственному воспринятію имъ новыхъ идей и новыхъ стремленій. Бёрне родился въ мрачной и грязной улицѣ города Франкфурта, въ Judengasse, которая до сихъ поръ составляетъ часть еврейскаго квартала. И теперь еврейскій кварталъ рѣзко разграниченъ отъ другихъ частей города, но въ то время это былъ «городъ въ городѣ», который заключалъ въ себѣ все еврейское населеніе Франкфурта, выпускавшееся только днемъ изъ своего заточенія. Ночью еврейскій городъ цѣпями отрѣзывался отъ христіанскаго, и ни одинъ еврей не смѣлъ позже извѣстнаго часа переступать узаконенную черту. Евреи были вообще не что иное, какъ паріи, кото-

---

*) См. выше, март. 338 стр.

рымъ законъ желалъ запретить даже дышать однимъ воздухомъ съ христіанами; они представляли собою изолированное населеніе, которое терпѣлось какъ язва, но со всевозможными предосторожностями, чтобы оно не заразило собою населеніе христіанское. Самымъ оскорбительнымъ и вмѣстѣ «глупымъ» преслѣдованіямъ, какъ выражался Бёрне, подвергалось во Франкфуртѣ еврейское населеніе, среди котораго родился авторъ «Парижскихъ писемъ». Семейство его принадлежало, если не къ числу богатыхъ, то во всякомъ случаѣ очень достаточныхъ еврейскихъ семействъ, такъ что молодому Бёрне не пришлось испытать всѣхъ тѣхъ лишеній и невзгодъ, которыми весьма многіе любятъ объяснять людское недовольство существующимъ порядкомъ и ненависть къ господствующимъ уродствамъ. Помимо порядочнаго состоянія, отецъ Бёрне пользовался, что несравненно дороже, хорошимъ именемъ, это былъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ людей еврейской общины. Имя Баруха — такова была настоящая фамилія того замѣчательнаго человѣка, который принялъ другое, прославленное имя Бёрне—давно уже было однимъ изъ самыхъ почетныхъ. Дѣдъ Бёрне былъ финансовымъ агентомъ при кёльнскомъ курфирстѣ, причемъ часто исполнялъ весьма важныя дипломатическія порученія. Марія-Терезія, которая была обязана старому Баруху тѣмъ, что при его помощи ей удалось доставить это курфиршество одному изъ ея сыновей, обѣщала ему, что его потомство всегда найдетъ горячихъ покровителей при вѣнскомъ дворѣ. Впослѣдствіи, какъ мы узнаемъ это изъ собственныхъ писемъ Бёрне, отецъ его старался привлечь его въ Вѣну, чтобы попробовать, не удастся-ли какъ-нибудь молодого горячаго публициста запречь въ реакціонную колесницу Меттерниха. Отецъ Бёрне поддерживалъ свои связи съ вѣнскимъ дворомъ и о первомъ министрѣ Австріи онъ часто выражался: «мой другъ князь Меттернихъ». Одного этого было достаточно, чтобы къ отцу Бёрне относились съ подобающимъ уваженіемъ. Если тутъ и обнаруживается доля мелкаго тщеславія, то изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы Барухъ былъ вообще пустой человѣкъ. Далеко нѣтъ. Бёрне напротивъ выражался про своего отца: «у него слишкомъ много ума для его положенія». Положеніе же его, какъ одного изъ вліятельнѣйшихъ представителей еврейской общины, было таково, что онъ долженъ былъ держаться, во всей строгости, старыхъ еврейскихъ традицій, онъ не могъ ни на іоту отступаться отъ еврейскаго закона. Занимаясь торговыми дѣлами, онъ желалъ, чтобы и его дѣти слѣдовали по пробитой имъ дорогѣ, и если остальныя дѣти совершенно удовлетворяли его въ этомъ отношеніи, то Бёрне съ самыхъ юныхъ лѣтъ выказывалъ

такую самостоятельность и такое направленіе молодого ума, что доставлялъ отцу нѣкоторыя сомнѣнія и безпокойства. Барухъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать разумность тѣхъ началъ, которыя впослѣдствіи сталъ проповѣдовать его сынъ, но онъ не понималъ, зачѣмъ это дѣлалъ именно его сынъ. Во всякомъ другомъ, только не въ его сынѣ, онъ одобрилъ бы тѣ благородныя идеи, которыми былъ воодушевленъ молодой Бёрне. «Я охотно читаю,—говорилъ Барухъ,—то, что написано въ его сочиненіяхъ, только я не желалъ бы, чтобы это писалъ мой сынъ». Въ этихъ словахъ выражается все отношеніе отца къ сыну. Онъ уважалъ его и вмѣстѣ былъ недоволенъ имъ. Результатомъ этого недовольства было то, что скоро взаимныя отношенія отца и сына сдѣлались натянутыми и холодными. Что же касается до матери Бёрне, то, какъ простая и лишенная образованія женщина, она не могла имѣть вліянія на молодой умъ своего сына, да притомъ, она больше занималась двумя другими своими сыновьями, чѣмъ тихимъ, сосредоточеннымъ, всегда удалявшимся отъ дѣтскихъ игръ, ребенкомъ, который долженъ былъ впослѣдствіи играть такую важную роль въ исторіи нѣмецкой литературы.

Жизнь мальчика Бёрне дома вовсе не была очень счастлива; отецъ всегда былъ строгъ, и никогда не выказывалъ нѣжности; любимцомъ матери онъ далеко не былъ, другія дѣти пользовались передъ нимъ всѣми преимуществами любви и ласки; старуха няня, вертѣвшая и заправлявшая домомъ, всегда преслѣдовала остроумнаго ребенка, никогда не лазившаго за отвѣтомъ въ карманъ. Онъ росъ одиноко, какъ бы заброшенный, предоставленный самому себѣ, и какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, мальчикъ становился самостоятельнѣе, и въ то время, какъ другіе его братья думали только объ играхъ, умъ его получалъ уже болѣе серьезное направленіе. Притѣсненія, выпадавшія на его долю, могли, правда, его сдѣлать раздражительнымъ и озлобленнымъ, но вмѣсто того — такова уже была его счастливая натура — онѣ дѣлали его только болѣе равнодушнымъ ко всѣмъ мелочамъ жизни, болѣе индифферентнымъ къ его личнымъ печалямъ и радостямъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, Лудвигъ Бёрне начиналъ уже пользоваться тѣми орудіями, которыми вооружила его природа, и самыя обидныя дамашнія несправедливости находили себѣ отпоръ въ его остроумныхъ, рѣзкихъ отвѣтахъ. Первые удары его сатиры были направлены на старую служанку Баруховъ, на злую Элли, которая всячески обижала ребенка, покровительствуя другимъ его братьямъ, да на тѣ «глупые» обычаи и «глупые» законы, которые ставили китайскую стѣну между евреями и христіанами. Гуцковъ, на-

писавшій самую полную и можно сказать единственную біографію Бёрне, передаетъ нѣкоторыя блестки остроумія маленькаго Бёрне, по которымъ можно судить какъ рано и вмѣстѣ оригинально развился его умъ. «Ты навѣрно попадешь въ адъ»! сказала ему однажды старуха няня.—«Мнѣ очень жаль, отвѣчалъ мальчикъ, потому что тогда и на томъ свѣтѣ я не буду имѣть отъ тебя покоя». Но какъ не отшучивался мальчикъ Бёрне отъ нападковъ на него, тѣмъ не менѣе эти нападки старой няни, холодность матери, суровость отца не могли не дѣйствовать тяжелымъ образомъ на дѣтское воображеніе ребенка, на его скрытное, но чувствительное сердце. Жизнь ему не улыбалась, онъ не зналъ никакихъ радостей, и Богъ знаетъ, чтó вышло бы изъ этой сосредоточенности и отчужденности ребенка, еслибы въ домъ къ Баруху не поступилъ молодой учитель Яковъ Саксъ. Появленіе этого человѣка было какъ нельзя болѣе благодѣтельно для развитія Бёрне, любознательность котораго нашла себѣ полное удовлетвореніе въ знаніи и образованіи молодого учителя. Саксъ тотчасъ замѣтилъ, каково было положеніе въ домѣ этого ребенка. Положеніе это такъ рѣзко отдѣлялось отъ положенія другихъ дѣтей, что первый вопросъ, сдѣланный Саксомъ матери Бёрне, заключался въ томъ: пріемышъ онъ, или нѣтъ? Саксъ не только не дѣлалъ никакого различія между дѣтьми, но скоро сталъ больше всего заниматься именно тѣмъ, котораго менѣе любили, потому что онъ больше всѣхъ другихъ выказывалъ способности и дарованія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было сказать, чтобы Бёрне развивался необыкновенно быстро, скорѣе напротивъ, онъ медленно воспринималъ въ себя чтó бы то ни было, но воспринятое имъ бывало уже всегда прочно и постоянно усиливало его мыслительныя способности. Яковъ Саксъ былъ горячимъ послѣдователемъ Лессинга и Мендельсона; онъ съ жаромъ относился къ той реформѣ іудейства, которая была провозглашена свѣтлыми умами того времени, и въ этомъ отношеніи вліяніе его на молодого еврея Бёрне могло быть какъ нельзя болѣе благодѣтельно. Къ несчастію, отецъ Бёрне поставилъ главнымъ условіемъ Саксу, чтобъ онъ въ воспитаніи сына ограничивался исключительно толкованіемъ талмуда, да строгимъ внушеніемъ тѣхъ обязанностей, которыя налагаетъ еврейскій законъ и еврейскія традиціи. Исполнить это условіе Саксу было особенно тяжело по отношенію къ Лудвигу Бёрне, который относился чрезвычайно холодно ко всѣмъ правиламъ и догматамъ, давно потерявшимъ всякую жизнь. Всѣ религіозные обряды и предписанія онъ исполнялъ механически, и въ этомъ конечно нельзя не видѣть пассивнаго вліянія Сакса. Его истин-

ныя воззрѣнія не могли укрыться отъ проницательнаго ума Бёрне. Какъ ни часто слышалъ Саксъ слова: не переходите границъ традиціоннаго воспитанія! тѣмъ не менѣе, помимо своей воли, Саксъ прививалъ къ Бёрне тѣ идеи, которыми онъ былъ самъ воодушевленъ. Чтеніе іудейскихъ священныхъ книгъ приходилось вовсе не по вкусу Бёрне, онъ оставался къ нимъ также равнодушенъ какъ и къ посѣщенію синагоги. Ему нравилось только то въ обрядахъ, что̀ носило сколько-нибудь поэтическій оттѣнокъ, ко всему другому онъ примѣнялъ свою обычную фразу: «какъ это глупо». Саксъ дѣлалъ всевозможное, чтобы негодованіе юноши Бёрне на притѣсненія евреевъ не превратилось въ узкую злобу, чтобы онъ не сдѣлался однимъ словомъ исключительно евреемъ, въ то время, когда онъ долженъ былъ сдѣлаться прежде всего человѣкомъ. Въ этомъ отношеніи Саксъ успѣлъ какъ нельзя болѣе. Въ натурѣ Бёрне не было ничего узкаго, въ немъ было мѣсто не для любви только одного племени, но цѣлаго человѣчества, хотя на первыхъ порахъ своей жизни онъ натыкался на такія явленія, на такія мелкія, но оскорбительныя, притѣсненія, которыя могли бы ожесточить его противъ всего христіанскаго міра. Саксъ въ своихъ разговорахъ съ ученикомъ о положеніи евреевъ дѣйствовалъ на него такъ, чтобы притѣсненіе евреевъ представлялось его уму какъ бы частнымъ притѣсненіемъ среди всеобщаго притѣсненія народовъ. Бёрне никакъ не могъ понять, какимъ образомъ люди могли дойти до такихъ «глупыхъ» преслѣдованій, какъ тѣ, которыя онъ успѣлъ уже испытать на себѣ. Разсужденія, отвѣты юноши до такой степени характеристичны, что нельзя не привести имъ одного или двухъ примѣровъ. Такъ, во время одной прогулки по Франкфурту, Бёрне съ своимъ учителемъ были застигнуты сильнымъ дождемъ; на улицѣ сдѣлалась такая грязь, что по серединѣ улицы не было возможности идти. Бёрне хотѣлъ перейти на тротуаръ. «Развѣ ты не знаешь, отвѣчалъ Саксъ, что намъ, евреямъ, запрещено ходить по тротуарамъ?» — «Никто не видитъ», было отвѣтомъ Бёрне. Саксъ полагалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы потолковать о святости законовъ, о необходимости повиноваться имъ и такъ далѣе. «Глупый законъ,— отвѣчалъ Бёрне,—еслибы бургомистру вздумалось запретить намъ топить зимой, такъ мы должны были бы замерзнуть?» Подобный отвѣтъ рисуетъ уже намъ всю мѣткость ума, все остроуміе будущаго Бёрне, его необыкновенную ясность взгляда и энергіи. Что̀ въ самомъ дѣлѣ можно было отвѣтить кромѣ тѣхъ словъ: «глупый законъ»! и развѣ возможно въ самомъ дѣлѣ преклоняться передъ святостію закона, когда онъ представляется не-

вообразимо глупымъ и несправедливымъ? Еще ярче выражается въ немъ это сознаніе глубокой несправедливости законовъ и нежеланіе признавать ихъ святость, когда онъ въ разговорѣ о томъ, что ворота Judengasse запираются въ воскресенье въ четыре часа дня и никто изъ евреевъ не выпускается въ городъ, за исключеніемъ тѣхъ, кто идетъ съ письмомъ или въ аптеку, воскликнулъ: «Я не выхожу только потому, что солдатъ, который стоитъ у воротъ, сильнѣе меня»! И несмотря на эти притѣсненія, которыя возмущали молодой умъ Бёрне и заставляли его говорить, что еслибы евреи снова могли возвратиться въ Палестину, то всѣ франкфуртскіе евреи навѣрное ушли бы, тогда какъ всѣ французскіе не захотѣли бы двинуться,—несмотря на это, Бёрне вовсе не испытывалъ злобнаго чувства ко всѣмъ христіанамъ и имъ не овладѣвало желаніе мести. Эти преслѣдованія возбудили въ немъ только ненависть къ подавленію и притѣсненіямъ, на комъ бы и въ какихъ бы формахъ они не выражались. Онъ не остановился, онъ не былъ поглощенъ этимъ притѣсненіемъ евреевъ онъ пошелъ дальше и сталъ бороться съ преслѣдованіемъ и подавленіемъ, вообще выпадавшими на долю народовъ. Онъ добивался свободы, но свободы не въ интересѣ одной расы, одного племени, а въ интересѣ всѣхъ народовъ, всего человѣчества. Вездѣ и для всѣхъ онъ признавалъ свободу необходимою. Враги Бёрне, впослѣдствіи, всегда искали причину благородной злобы и негодованія Бёрне на всяческое угнетеніе—въ его еврейскомъ происхожденіи. Подобное объясненіе, — употребимъ еще разъ выраженіе самого Бёрне, «глупо» и несправедливо. Если любовь къ свободѣ прежде всего порождена въ немъ была еврейскимъ происхожденіемъ, вслѣдствіе тѣхъ преслѣдованій, которыя онъ испыталъ съ дѣтскаго возраста, то во всякомъ случаѣ они возбудили въ немъ не желаніе мести, а страстное стремленіе бороться за освобожденіе всѣхъ тѣхъ, кто находился въ угнетенномъ состояніи, какому бы племени онъ ни принадлежалъ, какую бы вѣру ни исповѣдовалъ. Онъ самъ, правда, разсказываетъ, что его жестоко обидѣли, когда разъ франкфуртская полиція записала его въ паспортѣ «Juif de Francfort», и онъ рѣшился отомстить. Но какова была его месть? Онъ понялъ, что положеніе евреевъ тѣсно связано съ общимъ политическимъ состояніемъ народа, и что одно не можетъ быть улучшено, прежде чѣмъ другое не будетъ измѣнено. Ему стало ясно, что цѣпи, въ которыхъ закованы евреи, влачатъ точно также и христіанскіе народы. Эти цѣпи всеобщаго рабства, этотъ политическій деспотизмъ нужно было страхнуть ему прежде всего.

Если съ одной стороны притѣсненія, которыя онъ видѣлъ собственными глазами, вліяніе учителя его Якова Сакса, невольно знакомившаго его съ прогрессивными идеями вѣка, вели Бёрне къ тому, чтобы въ немъ явилась страсть къ независимости и любовь къ свободѣ, то этому помогали также и другія обстоятельства. Конечно, Бёрне былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы понимать значеніе того переворота, который совершался во Франціи, но тѣмъ не менѣе онъ прислушивался къ тому, чтó говорилось вокругъ его и надъ многимъ задумывался. Въ еврейскомъ кварталѣ во Франкфуртѣ образовался въ это время клубъ, куда сходились молодые друзья свободы и новаго порядка. Яковъ Саксъ принадлежалъ къ ихъ числу. Отправляясь въ клубъ, онъ бралъ съ собою своихъ воспитанниковъ, и въ то время, когда другія дѣти играли въ различныя игры, мальчикъ Бёрне одинъ оставался среди взрослыхъ и старался вникнуть въ ихъ разговоры. Многое бывало для него непонятно, и онъ осаждалъ своего молодого учителя разными вопросами о томъ, чтó такое дворянство, чтó значитъ революція, tiers-état, и многое другое вывѣдывалъ онъ у своего учителя. Любознательность въ немъ развилась необыкновенно, и цѣлые дни онъ сталъ проводить за книгами, читая все, что ни попадалось ему подъ руку. Разговоры молодыхъ сторонниковъ революціи, которыхъ окрестили именемъ якобинцевъ, споры, при которыхъ присутствовалъ Лудвигъ Бёрне, наполняли его голову цѣлымъ роемъ возвышенныхъ мыслей, свободныхъ идей. Бёрне было въ это время уже около четырнадцати лѣтъ, слѣдовательно многое становилось ему уже доступно, особенно если вспомнить, что его способности выходили изъ ряда обыкновенныхъ и развитіе его шло исключительнымъ образомъ. Отецъ Бёрне безъ особеннаго удовольствія замѣчалъ въ сынѣ наклонность къ ученію, къ чтенію; онъ постоянно опасался, что сынъ выйдетъ изъ того круга, который предназначенъ былъ ему его происхожденіемъ. Но дѣлать было нечего; отецъ не хотѣлъ все-таки идти наперекоръ стремленіямъ сына, и потому Барухъ рѣшился продолжать образованіе сына и сдѣлать изъ него медика. Эта карьера была единственная, открытая въ то время для евреевъ, другія общественныя положенія были для нихъ недоступны. Бёрне оставался совершенно равнодушенъ къ такому опредѣленію, какъ будто бы дѣло не касалось вовсе его; у него была пока одна потребность — учиться; онъ зналъ, что эта потребность во всякомъ случаѣ будетъ удовлетворена, и потому онъ не могъ не радоваться, когда узналъ, что отецъ его рѣшился отправить въ Гиссенъ, гдѣ профессоръ Гецель открылъ тогда учебное заведеніе. Была впрочемъ и другая причина радости; юноша Бёрне

былъ счастливъ оставить родительскій домъ, гдѣ его серьезно уже начинала тяготить противоположность его воззрѣній, молодыхъ идей, почерпнутыхъ изъ болѣе или менѣе близкаго знакомства съ исторіею французской революціи, съ воззрѣніями и принципами его отца, неперестававшаго дѣлать сыну всевозможныя наставленія, которыя стали наконецъ его раздражать. Молодому Бёрне сдѣлалось душно въ исключительно еврейской атмосферѣ, тѣмъ болѣе душно, что всѣ эти традиціи, обычаи, еврейскіе законы стали для него ничѣмъ инымъ, какъ мертвою буквою, а ничто мертвое не способно было держаться въ живой натурѣ Бёрне. Живя дома, онъ долженъ былъ скрывать шевелившіяся въ немъ мысли и чувства, и это заставляло предполагать въ немъ совершенно иную натуру, чѣмъ ту, которая была въ немъ на самомъ дѣлѣ. Наружное его поведеніе говорило, какъ будто бы онъ не способенъ былъ живо чувствовать, принимать живое участіе въ чемъ бы то ни было, какъ будто бы ко всѣмъ и ко всему онъ былъ совершенно равнодушенъ, въ то время, когда подъ этою холодною корою скрывался обильный источникъ теплаго чувства, самыхъ нѣжныхъ и вмѣстѣ самыхъ сильныхъ ощущеній. Живя подъ родительской кровлей, узкою еврейскою жизнію, видя какъ подчиняются ей даже умные люди, въ молодую натуру Бёрне стало закрадываться все сильнѣе и сильнѣе чувство скептицизма, распространявшагося и на людей, и на жизнь. Казалось, онъ не имѣлъ больше ничего общаго съ тою средою, въ которой онъ жилъ. Онъ сталъ строго судить и людей и событія, и мѣриломъ его сужденій становилось не чувство, столь понятное въ такомъ юношѣ, а холодный разсудокъ. Для него, казалось, не существовало хорошаго и дурного, а только умное и глупое. Онъ не жаловался зачѣмъ люди такъ дурны, онъ жаловался, зачѣмъ они такъ глупы. Это расположеніе его ума, это мѣрило, явившееся въ немъ такъ рано, сохранилось въ немъ въ теченіи всей его жизни.

Подобное состояніе было, разумѣется, какъ нельзя болѣе тягостно для четырнадцатилѣтняго мальчика; ему невыносимо было постоянно сосредоточиваться, уходить въ самого себя, скрывать отъ другихъ свои мысли, свои чувства въ такую пору человѣческой жизни, когда все, напротивъ, просится, рвется наружу, когда такъ сладки бываютъ первыя ощущенія, первыя изліянія своихъ неустановившихся чувствъ, желаній, стремленій. Освободиться изъ подобнаго положенія, взмахнуть крыльями и улетѣть въ безконечное пространство свободы, скрыться отъ назойливаго глаза отца, избавиться отъ скучныхъ наставленій и проповѣдей, вдохнуть въ себя свѣжую струю воздуха, все это

представляетъ величайшее блаженство, и это блаженство испыталъ Бёрне, когда онъ покинулъ родительскій домъ, гдѣ онъ не зналъ никакихъ радостей, гдѣ такъ скупы были для него на любовь и ласку, и отправился вмѣстѣ съ учителемъ своимъ, Яковомъ Саксомъ, въ Гиссенъ для продолженія своего образованія. Здѣсь для него началась совершенно новая жизнь. Отецъ его рѣшился отправить его въ Гиссенъ главнымъ образомъ потому, что здѣсь жилъ его какой-то родственникъ, у котораго молодой Бёрне могъ бы обѣдать; отецъ опасался, что сынъ его смѣшается съ христіанскими мальчиками и отстанетъ отъ еврейскаго закона. Опасеніе было основательно, такъ какъ очень скоро послѣ того, что Бёрне пріѣхалъ въ Гиссенъ, родственникъ этотъ былъ забытъ, Бёрне велъ такую же жизнь какъ и остальные юноши, а раввинъ, который приходилъ обучать Бёрне, получалъ деньги за урокъ и тотчасъ уходилъ. Бёрне не хотѣлъ болѣе заниматься ни еврейскимъ языкомъ, ни изученіемъ талмуда; да впрочемъ оно ему было и не нужно, такъ какъ, по свидѣтельству Гецеля, этого знаменитаго оріенталиста, Бёрне обладалъ большими познаніями въ еврейскомъ языкѣ. Гецель заставилъ Бёрне матрикулироваться въ гиссенскомъ университетѣ, хотя, собственно говоря, Бёрне былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы посѣщать университетъ и занятія его ограничивались училищемъ. Жизнь Бёрне въ Гиссенѣ устроилась какъ нельзя лучше, и самъ онъ былъ совершенно доволенъ и счастливъ. Послѣ стѣсненія, которое онъ испыталъ въ родительскомъ домѣ, здѣсь онъ просто наслаждался свободою. Живя у Гецеля, онъ видѣлъ много людей, присутствовалъ при оживленныхъ разговорахъ, на вечерахъ, однимъ словомъ, знакомился съ болѣе широкою жизнію, которая для молодого Бёрне была особенно широка послѣ узкаго, ограниченнаго существованія, которое онъ велъ дома. Пребываніе въ Гиссенѣ было не столько важно для Бёрне въ научномъ отношеніи, сколько для развитія въ немъ общественной стороны характера. При этомъ, разумѣется, не упускались изъ виду и занятія, такъ какъ находились такіе учителя, которые жаловались на него, говоря, что у него есть наклонность къ писательству, но «голова не крѣпка». Но если такое мнѣніе свидѣтельствовало только о недальновидности учителя, то никто не могъ оспаривать, что Бёрне отличался нѣкоторою лѣнью, которая искупалась впрочемъ извѣстною оригинальностію его ума и которую всѣ скоро должны были признать за нимъ.

Наступило наконецъ время для Бёрне перестать только числиться студентомъ, а сдѣлаться дѣйствительно студентомъ и начать свои занятія въ университетѣ. Гиссенскій университетъ не

отличался своимъ медицинскимъ факультетомъ, отправить же своего сына въ другой какой-нибудь университетъ—старикъ Барухъ не рѣшался, опасаясь слишкомъ большой независимости, которою не замедлилъ бы воспользоваться молодой Бёрне. Послѣ долгихъ переговоровъ рѣшились наконецъ поручить его дальнѣйшее образованіе, и уже спеціально-медицинское, знаменитому еврейскому медику Маркусу Герцу, который жилъ въ Берлинѣ. Въ это время берлинскаго университета еще не существовало; онъ былъ основанъ нѣсколько позже, именно въ 1810 году, когда послѣ пораженія прусской монархіи при Іенѣ, правительство употребляло всѣ свои усилія, чтобы поднять нѣсколько націю, которую чуть не убилъ Наполеонъ своими жестокими ударами. До основанія университета въ Берлинѣ, тутъ было нѣсколько знаменитыхъ докторовъ, которые собирали вокругъ себя молодежь, образовывая такимъ образомъ какъ бы вольный университетъ. Маркусъ Герцъ принадлежалъ къ числу этихъ знаменитыхъ профессоровъ-медиковъ. Подъ его именно надзоромъ и долженъ былъ начать свое медицинское, научное образованіе молодой Лудвигъ Бёрне. На роду Бёрне не было написано быть докторомъ; его порывистая, нервная натура не соотвѣтствовала такому роду занятій. Медицинскія занятія Бёрне не дали особенно блистательныхъ результатовъ. Но за то во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, въ отношеніи общаго развитія жизнь въ Берлинѣ имѣла на Бёрне самое рѣшительное и самое лучшее вліяніе. Берлинъ въ это время представлялъ собою центръ, средоточіе умственной жизни, сюда стекались самые свѣтлые умы, здѣсь было самое живое, самое просвѣщенное общество; наука, литература, искусство имѣли здѣсь своихъ лучшихъ представителей—тутъ только, однимъ словомъ, можно было познакомиться съ цвѣтомъ германской жизни, германской образованности. Разумѣется, далеко не всякій могъ принимать участіе въ этой высшей умственной жизни, тутъ было мало избранныхъ, и разумѣется молодой студентъ Бёрне, не имѣвшій времени заявить еще свой талантъ, могъ бы прожить въ Берлинѣ нѣсколько лѣтъ и все-таки никогда не приблизиться къ этой избранной средѣ. Къ счастію, сама судьба покровительствовала Бёрне, и 19-тилѣтній юноша Бёрне прямо по пріѣздѣ своемъ въ Берлинъ попадаетъ въ этотъ кругъ. Голова молодого студента не могла не закружиться. Все, о чемъ онъ только могъ мечтать въ своей Judengasse, все это было передъ нимъ на яву. Домъ Герца привлекалъ къ себѣ все, что только было замѣчательнаго въ Берлинѣ, но въ домѣ Герца особенно привлекала къ себѣ замѣчательная по уму женщина, жена доктора, Генріэтта Герцъ.

Бёрне поддался вліянію того философскаго и умственнаго движенія, представителей которыхъ онъ видѣлъ передъ собою; въ немъ какъ бы стали пробуждаться зародыши его истиннаго призванія, и медицина, хотя и оставалась его, такъ-сказать, оффиціальнымъ занятіемъ, но все болѣе и болѣе отступала на задній планъ. Живой умъ Бёрне впитывалъ въ себя всѣ лучшіе соки этого умственнаго улья, онъ не могъ не быть очарованъ тѣмъ кружкомъ, который собирался то вокругъ Генріэтты Герцъ, то вокругъ другой женщины, еще болѣе замѣчательной, Рахели Фарнгагенъ. Въ этомъ кругѣ появлялись извѣстные философы, какъ Фихте, Шлейермахеръ, извѣстные литераторы братья Шлегели, а еще болѣе знаменитые братья Гумбольдты; тутъ же наконецъ духовнымъ образомъ присутствовалъ и самъ Гёте, къ которому любовь въ кружкѣ Рахели доходила до какого-то культа. Рахель была дѣйствительно душою этого общества, описаніе котораго можно найти въ ея письмахъ, въ ея обширной корреспонденціи, которую она вела почти со всѣми замѣчательными людьми своего времени. Конечно, трудно довѣрять портрету, который пишетъ съ нея ея мужъ Фарнгагенъ фонъ-Энзе, представляющій ее какимъ-то особеннымъ, сверхъестественнымъ явленіемъ и говорящій въ предисловіи къ своей книгѣ «Rahel», что онъ «даже не смѣетъ попробовать представить описаніе ея характера»; но во всякомъ случаѣ, сбавивъ съ этихъ похвалъ половину, нельзя не признать, что она была одною изъ самыхъ замѣчательныхъ нѣмецкихъ женщинъ. Письма ея, обличающія необыкновенную полноту жизни, какъ выражается Фарнгагенъ, обличаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ излишнюю наклонность къ приторности и сантиментализму, который друзья принимали за выраженіе удивительной поэтической натуры. Рахель была главною виновницею культа, обожанія Гёте; каждое слово его должно было быть отчеканено на золотѣ; восхищеніе не знало никакихъ границъ, такъ что стали даже восхищаться тѣмъ, что вовсе не заслуживало восхищенія. Такъ, напр., съ какимъ восторгомъ она разсказываетъ, что когда докторъ явился къ Гёте и со всевозможными осторожностями, опасаясь слишкомъ сильнаго впечатлѣнія, объявилъ ему о смерти его сына, онъ спокойно отвѣтилъ: «я зналъ, что сынъ мой смертенъ». Этотъ отвѣтъ наполняетъ Рахель какимъ-то благоговѣніемъ передъ Гёте. Впрочемъ, такое отношеніе объясняется натурою Рахели, которая вездѣ желала видѣть одну поэзію. Жанъ-Поль Рихтеръ, этотъ писатель сердца и увлеченія, писатель, котораго такъ искренно любилъ Бёрне, довольно мѣтко характеризуетъ Рахель, когда онъ пишетъ ей: «вы вносите высшую свободу поэзіи въ область дѣйствительности и то, что̀ прекрасно тамъ, желаете на-

ходить прекраснымъ и здѣсь; но поэтическія страданія, перенесенныя въ прозу жизни, и составляютъ настоящія, истинныя страданія». Рахель вносила свое поэтическое настроеніе въ кружокъ замѣчательныхъ людей, собравшихся въ Берлинѣ, своимъ воодушевленіемъ она воодушевляла и всѣхъ другихъ.

Вліяніе кружка Рахели на молодого студента было какъ нельзя болѣе сильно; результатомъ его было то, что связь Берне съ узкимъ еврействомъ, въ которомъ онъ воспитывался, была окончательно порвана, и съ этого времени онъ начинаетъ уже зорко слѣдить за умственнымъ движеніемъ Германіи и принимаетъ въ себя всѣ его лучшіе результаты. Бёрне становится уже тутъ, и становится навсегда горячимъ послѣдователемъ и партизаномъ ея умственнаго и политическаго движенія, которое охватывало Германію, и чѣмъ больше сросся онъ съ этимъ либеральнымъ движеніемъ, тѣмъ больше возненавидѣлъ онъ противоположное движеніе, охватившее Германію въ тяжелую эпоху реакціи, наступившей послѣ 1815 года. Пребываніе въ Берлинѣ, знакомство съ кружками Генріэтты Герцъ и Рахели Фарнгагенъ, наложили вѣчную печать такъ-сказать на общественную сторону характера Берне, на его умственное развитіе; но рядомъ съ этимъ была еще одна сторона, сторона его внутренней, сердечной жизни, которая тутъ впервые получила сильный толчокъ. Генріэтта Герцъ была уже 38-ми-лѣтнею женщиною, когда Бёрне пріѣхалъ въ Берлинъ, но, несмотря на эти годы, она была еще очень хороша собою. Бёрне, живя въ ея домѣ, находясь постоянно около нея, почувствовалъ къ ней скоро привязанность, которая превратилась въ страстную «первую» любовь семнадцатилѣтняго юноши.

Письма и дневникъ Бёрне показываютъ намъ всѣ фазисы этой любви, всѣ періоды ея развитія, и недавно еще, въ 1861 году, были въ первый разъ публикованы «Письма молодого Бёрне къ Генріэттѣ Герцъ». Издатель этихъ писемъ совершенно правъ, когда онъ говоритъ, что письма эти «показываютъ въ первый разъ» молодого Бёрне, и нельзя не удивляться, до какой степени въ раннихъ изліяніяхъ семнадцати или восемнадцати-лѣтняго юноши видѣнъ уже будущій Бёрне; остроуміе, юморъ, мягкость, рѣзкость, своеобразность будущаго писателя—все сказывается тутъ. Радость, отчаяніе, грусть и счастье, наивность и остроуміе—все перемѣшивается въ этихъ письмахъ, гдѣ онъ то жалуется на «пустоту сердца», то на «желанія его груди». «Я не веселъ, я не печаленъ.... мое сердце бьется медленными, сильными ударами....» описываетъ онъ первыя ощущенія своей первой любви. Черезъ какой-нибудь мѣсяцъ чувство это успѣло уже вырости, и онъ не можетъ иначе опредѣлить его, какъ говоря: «я чув-

ствую, что я горю и все мое существо измѣнилось». Необыкновенная нѣжность выходитъ наружу у Бёрне, та нѣжность, въ которой ему отказывали всегда его враги. «Когда она читала «Ифигенію»,—пишетъ юноша Бёрне,—я съ трудомъ удерживалъ мои слезы. Я не слушалъ словъ, я замѣчалъ только ея выраженіе. Богъ мой, зачѣмъ люди стыдятся плакать?» Любовь эта шла все crescendo и crescendo, Бёрне отъ одного слова бывалъ счастливъ и отъ одного слова убитъ, онъ желалъ въ одно время, чтобы она была гораздо старше, чтобы онъ могъ любить ее какъ мать, и гораздо моложе, чтобы онъ могъ любить ее какъ... въ головѣ Бёрне это не было ясно. Въ горячемъ, искреннемъ письмѣ онъ повѣдалъ Генріэттѣ Герцъ свою любовь, свой юношескій пылъ! Онъ нашелъ въ своей груди, въ своей головѣ слова, начерченныя огненными буквами: ты любишь ее! и слова эти дѣлали его невыразимо несчастнымъ. «Ваша красота, ваша любезность, ваше дружеское ко мнѣ участіе, давно уже зажгли въ моей груди страсть, которая сдѣлаетъ меня счастливымъ или несчастнымъ, которая будетъ для меня пагубна или благодатна, смотря потому, какъ вы захотите или какъ судьба это рѣшитъ. Ваша любовь къ людямъ обѣщаетъ мнѣ, что вы не станете сердиться; ваше доброе сердце заставляетъ меня надѣяться, что вы будете терпѣть меня, но во мнѣ нѣтъ никакихъ достоинствъ и это отнимаетъ у меня всякую надежду....» Письмо это было далеко не послѣднее, но скоро молодому сердцу Бёрне былъ нанесенъ жестокій ударъ: старикъ Герцъ умеръ и ему нельзя было болѣе оставаться въ Берлинѣ. Любовь эта не скоро угасла въ немъ, долго тлѣла она въ Бёрне, долго переписывался онъ еще съ этою замѣчательною женщиною, которая въ 17-ти-лѣтнемъ юношѣ съумѣла оцѣнить будущаго писателя. Любовь эта навсегда, на всю его жизнь оставила въ немъ самыя свѣтлыя, самыя теплыя воспоминанія, и когда черезъ двадцать пять лѣтъ онъ пріѣзжаетъ въ Берлинъ, прежде всего онъ спѣшитъ увидѣть свою старую и все-таки юную, свою первую любовь. Въ это время Генріэттѣ Герцъ было уже 64 года. Въ письмѣ къ m-me Воль, подругѣ своей цѣлой жизни, онъ описываетъ свою встрѣчу съ Генріэттой Герцъ, которой, разсказываетъ Берне, «моя каждая сантиментальная строчка доставляетъ величайшую радость». Юморъ Бёрне она менѣе цѣнила. Какое неугасаемое впечатлѣніе оставила m-me Герцъ на Бёрне, такое же прочное, хорошее впечатлѣніе произвела на него вообще берлинская жизнь, которая была для него вѣчнымъ праздникомъ. Берне всегда любилъ Берлинъ, и онъ охотно выносилъ его даже въ то время, когда общество не занималось болѣе политикою и литературою, а

только разговорами объ оперныхъ танцовщицахъ, да еще, какъ онъ самъ выражается, о принцахъ королевскаго дома... правда только на короткое время. Бёрне возвращается потомъ въ Берлинъ, въ этотъ городъ, гдѣ онъ сталъ впервые вдумываться въ политическія событія, въ общественные вопросы, гдѣ онъ впервые сталъ жить болѣе или менѣе самостоятельною жизнію, почерпая въ окружавшей его средѣ здоровые соки, набираясь силъ для будущей дѣятельности. Онъ возвращается въ Берлинъ уже съ громкимъ именемъ, смѣлымъ проповѣдникомъ свободныхъ идей, а не тѣмъ робкимъ, молодымъ студентомъ, который со слезами долженъ былъ покинуть свою первую платоническую любовь—m-me Герцъ.

M-me Герцъ сама посовѣтовала Баруху отправить сына въ Галле, гдѣ въ то время славился университетъ. Только здѣсь начинается его настоящая жизнь нѣмецкаго студента, странствующаго изъ одного университета въ другой, почерпая въ каждомъ изъ нихъ все, что есть въ немъ лучшаго: здѣсь слушая одни лекціи, тамъ другія, здѣсь работая у одного профессора, тамъ у другого. Бёрне отправился въ Галле съ твердымъ намѣреніемъ заниматься медициною, которою онъ такъ пренебрегалъ въ Берлинѣ, подъ руководствомъ знаменитаго профессора Рейля. Съ самыхъ первыхъ словъ Рейля Бёрне долженъ былъ уже понять, что школьная жизнь для него кончилась, что онъ предоставленъ уже самому себѣ, и что отъ него совершенно зависитъ дѣлать что-нибудь или нѣтъ. Суровая наружность Рейля нѣсколько испугала 18-ти-лѣтняго Бёрне, но онъ не могъ не быть доволенъ, когда Рейль сказалъ ему: «вы знаете, что я страшно занятъ, и потому мелочами я не могу съ вами заниматься; все, что я могу для васъ дѣлать, состоитъ въ томъ, что отъ время до времени я дамъ вамъ хорошій совѣтъ и скажу вамъ, какъ вы лучше всего можете его исполнить».—«Это драгоцѣнный совѣтникъ?» прибавляетъ Бёрне. Университетъ Галле былъ въ то время въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, болѣе 1,200 студентовъ посѣщали лекціи, которыя читались лучшими профессорами; сюда стеклись самыя громкія имена науки. Молодежь работала съ необыкновеннымъ рвеніемъ; наука тутъ шла рядомъ съ жизнію, и занятія студентовъ нисколько не страдали оттого, что они удѣляли часть своего времени на политическіе споры, разсужденія; они не работали хуже оттого, что имъ была предоставлена полная свобода заниматься общественными вопросами, интересоваться политическими дѣлами своей страны. Берне принималъ самое живое участіе во всѣхъ этихъ дѣлахъ, и если никогда не рѣшался произносить длинныхъ рѣчей, то своими

мѣткими, глубокими, въ высшей степени остроумными, замѣчаніями сдѣлалъ то, что скоро всѣ стали обращать вниманіе на тихаго, скромнаго, сосредоточеннаго маленькаго студента. Самъ Рейль относился всегда съ большимъ участіемъ и вниманіемъ къ молодому Бёрне, который ревностно сталъ работать. Бёрне былъ какъ нельзя болѣе доволенъ своею жизнію въ Галле; онъ съ восторгомъ вспоминаетъ объ этомъ университетѣ, который нѣсколько лѣтъ спустя былъ уничтоженъ декретомъ Наполеона. Живая наука всегда была и будетъ ненавистна деспотамъ. Никто лучше самого Бёрне не можетъ описать жизни въ Галле, никто не въ состояніи представить болѣе рельефную картину состоянія какъ самого университета, такъ и молодежи наполнявшей его, и потому мы представимъ читателю одну или двѣ выдержки изъ его статьи[1]), написанной гораздо позже, но гдѣ онъ вспоминаетъ объ университетѣ Галле, о его профессорахъ и студентахъ.

«Я съ восторгомъ вспоминаю студенческіе годы, которые я провелъ въ Галле. Молодость хороша для всѣхъ, гдѣ бы и какъ бы она ни проходила; но для студентовъ она вдвое прекраснѣе. На одной и той же тропѣ они находятъ и трудъ и веселье, и они освобождены отъ тяжелаго выбора между удовольствіемъ и работою, въ то время какъ во всякомъ другомъ положеніи, юноша слишкомъ рано поставленъ на рубежѣ двухъ дорогъ Геркулеса. Въ Галле шла здоровая, полная движенія, благотворная научная жизнь. Геттингенъ былъ тогда тѣмъ, чѣмъ онъ былъ всегда, чѣмъ остается и до сихъ поръ: пріютомъ почтеннаго традиціоннаго знанія, аристократическимъ помѣстьемъ, богатый прекрасно устроенными, обезпеченными, неотчуждаемыми землями. Въ Галле же господствовалъ больше мѣщанскій, промышленный трудъ, денежные обороты ума, знаніе и обученіе быстро и весело переходили изъ устъ въ уста, изъ рукъ въ руки. Мудрая и благодѣтельная заботливость прусскаго правительства образовала собраніе профессоровъ, которые, не отвергая старыхъ пріобрѣтеній науки, сочувствовали всему новому. Вольфъ, громкая слава котораго не превосходила его заслугъ, знакомилъ насъ близко съ Анакреономъ и надменными женихами Пенелопы. Шлейермахеръ читалъ богословіе такъ, какъ преподавалъ бы его Сократъ, еслибы онъ былъ христіаниномъ. Въ своихъ лекціяхъ этики онъ разсматривалъ нравственную, научную и гражданскую жизнь людей. Въ его аудиторіи собирались, не только университетская молодежь, но и люди зрѣлыхъ лѣтъ и всѣхъ сословій. Въ то же самое

[1]) Die Apostaten des Wissens und die Neophyten des Glaubens, I. B. Börnes Gesammelte Schriften.

время онъ былъ университетскимъ проповѣдникомъ и его слушатели становились тѣмъ набожнѣе, чѣмъ болѣе вдумывались въ его рѣчи, потому что Шлейермахеръ плылъ по морю вѣры, вооруженный компасомъ знанія и держась разсчитаннаго, вѣрнаго, несомнѣнно точнаго направленія. Рейль былъ одинаково замѣчателенъ какъ человѣкъ, какъ профессоръ медицины и какъ практикъ. Его фигура была благородна и внушала уваженіе, глаза его походили на глаза Фридриха Великаго [1]). Въ то время, когда онъ былъ окруженъ своими учениками, которые столько же любили его, сколько и удивлялись ему, можно было легко вообразить себя въ академіи Аѳинъ; онъ умѣлъ внушать своимъ больнымъ и ихъ роднымъ непоколебимое довѣріе къ себѣ, и неизцѣлимые теряли жизнь, но никогда не лишались надежды. Свои лекціи терапіи и о глазныхъ болѣзняхъ онъ начиналъ и перемѣшивалъ стихами Шиллера и Гёте, и драгоцѣнные плоды его изслѣдованій были скрыты подъ цвѣтами. Тому, кто посѣщалъ только первыя лекціи семестровъ, могло показаться, что онъ слушаетъ профессора нравственной философіи или эстетики. Достигнувъ уже зрѣлыхъ лѣтъ, когда знаніе можетъ распространяться только въ ширину, а не идетъ болѣе въ глубину, и когда созрѣвшіе колосья духа опускаютъ къ землѣ свои тяжелыя головы, сознавая необходимость этого закона природы — Рейль, въ тѣсномъ кружкѣ своихъ друзей и учениковъ, выражалъ наивное и трогательное опасеніе, что онъ можетъ утратить молодость духа. Чтобы обезпечить себя отъ этой опасности, онъ постоянно старался окружать себя порывистою молодежью и новыми книгами. Гаркель усвоилъ себѣ ученіе Кювье и внушилъ любовь къ сравнительной анатоміи и физіологіи. Въ умныхъ лекціяхъ знакомилъ онъ насъ съ низшими относительно человѣка организмами, и показывалъ совершенство человѣческаго организма въ сравненіи съ несовершенствомъ организма животныхъ. Его скромность была такъ велика, что въ то время онъ не напечаталъ еще ни одного сочиненія, а жажда знаній въ немъ была такъ велика, что изъ-за нея онъ часто не помнилъ обязанностей профессора и поглощенный результатами своихъ изслѣдованій, онъ часто забывалъ сообщать, какимъ путемъ онъ дошелъ до нихъ. Наконецъ, Стеффенсъ доводилъ до энтузіазма университетскую молодежь....»

Такъ отзывался Бёрне о своихъ учителяхъ, такъ вспоминалъ онъ о тѣхъ людяхъ, которымъ онъ въ значительной степени

---

[1]) Говоря это, Бёрне, разумѣется, желалъ сдѣлать комплиментъ Рейлю, потому что, по его мнѣнію, во всей исторіи было только два достойныхъ короля; Генрихъ IV и Фридрихъ II.

былъ обязанъ своимъ развитіемъ. Что̀ восхваляетъ въ нихъ Бёрне, о чемъ говоритъ онъ съ такимъ восторгомъ? — онъ восхваляетъ живую науку, преподаваемую живыми людьми. Наука въ эту свѣтлую полосу времени шла рука объ руку съ жизнію, она переплеталась съ общественными, политическими вопросами. Скоро должно было наступить время, когда наука должна была превратиться въ сухую и мертвую матерію, когда въ самой невинной фразѣ власти готовы были видѣть воззваніе къ возмущенію, бунту.

Бёрне захватилъ послѣдніе счастливые дни университета въ Галле. Если Бёрне съ увлеченіемъ вспоминаетъ о своихъ профессорахъ, то и самая студентская жизнь вызываетъ въ немъ живое сочувствіе и любовь. «Воодушевляемая такими учителями,—разсказываетъ Бёрне,—кровь университетской молодежи лилась быстрымъ и горячимъ потокомъ по всѣмъ венамъ духа. Въ то время въ Іенѣ было 1,200 студентовъ и ихъ общественная жизнь была такъ бурна и дика, какъ можно только себѣ вообразить. Нравы, языкъ, одежда — все носило гигантски-дикій характеръ. Они ходили въ большихъ сапогахъ, называвшихся «пушками», и въ шлемахъ, украшенныхъ красными, зелеными, бѣлыми или черными перьями, смотря по корпораціи, къ которой принадлежалъ студентъ. Они походили такимъ образомъ верхнею частію на римскихъ воиновъ, нижнею на нѣмецкихъ почтальоновъ. Но тѣмъ трогательнѣе было видѣть, когда изъ-подъ этой грубой оболочки прорывалось воодушевленіе наукою. Я помню, какъ на одной пирушкѣ, куда граціи не были приглашены, зашелъ горячій споръ между двумя дикими юношами о Шеллинговой натуральной философіи.... одинъ другому сказалъ, что онъ говоритъ вздоръ. Это былъ вызовъ, черезъ два дня кровь была пролита. Такъ протекли для насъ три года — длинный рядъ медовыхъ мѣсяцевъ. Ахъ! какъ счастлива нѣмецкая университетская молодежь. Да отсохнетъ та рука, которая посмѣетъ загрязнить эту прекрасную жизнь...» Разумѣется, каждому свое, и если мы съ снисходительною улыбкою относимся къ этимъ краснымъ, зеленымъ, чернымъ и бѣлымъ перьямъ, то Бёрне не былъ бы нѣмецъ, еслибы онъ не вспоминалъ съ удовольствіемъ о римскихъ шлемахъ и нѣмецкихъ «пушкахъ». Бёрне заключаетъ эти воспоминанія о студентской жизни въ Галле словами: «Тогда произошло сраженіе при Іенѣ, пришли французы и университетъ былъ закрытъ. Наполеонъ не боялся войска цѣлой Европы, но онъ опасался силы ума, потому что онъ зналъ его могущество... Наполеонъ не раздавилъ духъ, потому что онъ не презиралъ его какъ червяка, онъ крѣпко заковалъ его, потому что онъ ува-

жалъ его какъ льва, и жестоко поплатился за то, что онъ не понялъ, что не львовъ нужно заточать, а лисицъ».

Три года провелъ такимъ образомъ Бёрне въ Галле, ревностно занимаясь наукою, и въ тоже время все глубже и глубже вникая въ политическія событія, которыя наполняли тогда Европу. Онъ приглядывался къ положенію Германіи, онъ старался установить себѣ трезвый взглядъ на политическія дѣла и очень рано уже въ Бёрне поражаетъ самостоятельное воззрѣніе на политическія отношенія Европы, на французскую революцію и на ея значеніе для цѣлаго міра. Онъ отлично сознавалъ, что энтузіазмъ, возбужденный ненавистію къ завоевателю, не долженъ вести къ ненависти противъ началъ революціи, онъ очень рано понялъ, какъ безумны тѣ, которые, любя свободу, объявили себя врагами революціи и провозглашенныхъ ею идей. Во время его пребыванія въ Галле въ немъ слагаются уже тѣ политическія убѣжденія, которыя онъ проводилъ въ теченіи всей своей жизни, и какъ ни горячо онъ любилъ Германію, и какъ ни пламенно желалъ онъ свободы и независимости своей родины, но никогда почти ложно понятый патріотизмъ не доводилъ его до нелѣпой ненависти къ Франціи, которая такъ или иначе представляла собою олицетвореніе новыхъ началъ, новаго времени, новой жизни.

Бёрне не присутствовалъ въ Галле при послѣднемъ издыханіи любимаго имъ университета. Послѣ трехлѣтняго пребыванія своего, онъ простился съ этимъ мѣстомъ своей лучшей юношеской поры и отправился въ Гейдельбергъ. Чтó побудило его бросить Галле прежде чѣмъ университетъ тутъ былъ закрытъ по приказанію геніальнаго солдата? Главнымъ побужденіемъ къ тому было, разумѣется, его твердое рѣшеніе покинуть медицину и перейти на другой факультетъ. Онъ никогда не чувствовалъ влеченія къ этой дѣятельности, и если рѣшился на нее, то только, потому, во-первыхъ, что таково было желаніе отца, и во-вторыхъ, всякая другая общественная дѣятельность была закрыта для евреевъ. Благодаря вліянію французской революціи, это варварское исключеніе евреевъ изъ общественной жизни рушилось и Франкфуртъ, подпавъ французскому господству, выигралъ то, что дикія преслѣдованія противъ евреевъ прекратились, и имъ сдѣлались доступны всѣ отрасли общественной дѣятельности. Бёрне рѣшился сдѣлаться юристомъ. Это рѣшеніе молодого Бёрне какъ нельзя болѣе возмутило его отца, который вознегодовалъ на сына, заставившаго его потратить столько денегъ на его медицинское образованіе, и теперь отказывавшагося сдѣлаться медикомъ. Но рѣшеніе Бёрне было непоколебимо; онъ чувствовалъ себя неспособнымъ относиться хладнокровно къ людскимъ

страданіямъ. Его чувствительные нервы не могли къ этому привыкнуть. Впрочемъ, не за одно это негодовалъ Барухъ на своего сына: онъ не могъ простить ему тѣхъ небольшихъ долговъ, которые сдѣлалъ Бёрне во время своего пребыванія въ Галле. Барухъ отказался платить долги сына и два года тянулся процессъ, кончившійся неблагопріятно для старика Баруха: онъ принужденъ былъ въ концѣ концовъ уплатить эти долги. Бёрне самъ описываетъ съ большимъ юморомъ свои столкновенія съ отцомъ и его желаніе постоянно вмѣшиваться не только въ денежныя дѣла сына, на чтó онъ имѣлъ полное основаніе, но и въ его научныя занятія. И въ Гейдельбергѣ, куда пріѣхалъ молодой Бёрне, отецъ не оставилъ его въ покоѣ, и тутъ онъ поручаетъ одному изъ профессоровъ слѣдить за занятіями сына. Двадцатилѣтнему юношѣ это далеко не нравилось, и онъ нисколько не считалъ себя обязаннымъ въ выборѣ своихъ занятій руководиться желаніями своего отца. Не успѣлъ этотъ послѣдній примириться съ мыслію, что сынъ его, занимаясь юридическими науками, сдѣлается современемъ извѣстнымъ адвокатомъ, какъ Бёрне уже покидаетъ юридическія науки и начинаетъ исключительно заниматься камеральными, политическими науками. Натура Бёрне брала свое, его преимущественное влеченіе къ общественнымъ, политическимъ вопросамъ вышло окончательно наружу. Вѣроятно, онъ бы покончилъ свое образованіе въ Гейдельбергѣ, еслибы не настоятельное требованіе отца, чтобы онъ отправлялся въ Гиссенъ. Бёрне исполнилъ это желаніе, оставилъ Гейдельбергъ и вернулся для окончанія своего образованія туда, гдѣ онъ, можно сказать, его началъ. Онъ усердно сталъ въ Гиссенѣ работать и не прошло и года, какъ онъ выдержалъ экзаменъ на доктора философіи и представилъ двѣ диссертаціи, изъ которыхъ одна носила названіе: «О геометрическомъ распредѣленіи государственной территоріи», другая — «Наука и жизнь»; кромѣ того, онъ написалъ тогда же еще одно политико-экономическое изслѣдованіе: «О деньгахъ». Совѣтъ профессоровъ объявилъ, что авторъ этихъ диссертацій, какъ нельзя болѣе заслуживаетъ званія доктора философіи. Такимъ образомъ, 8-го августа 1808 года, Бёрне окончилъ свое образованіе. Ему было двадцать два года. Съ громкимъ дипломомъ доктора философіи, молодой Бёрне вернулся въ свой родной городъ — Франкфуртъ на Майнѣ.

II.

Бёрне чувствовалъ себя не совсѣмъ пріятно въ первое время своего пребыванія на родинѣ. Въ Берлинѣ, Галле, въ Гейдельбергѣ, въ Гиссенѣ онъ получилъ привычку вращаться въ самомъ блестящемъ обществѣ, встрѣчаться каждый день съ самыми свѣтлыми умами Германіи, попавъ во Франкфуртѣ опять въ замкнутый еврейскій кружокъ, онъ не могъ не испытать какого-то нравственнаго удушья. Тѣмъ менѣе могла ему нравиться жизнь въ родномъ городѣ, что онъ оставался тутъ совершенно изолированнымъ; никто не умѣлъ оцѣнить по достоинству молодого Бёрне. Всѣ напротивъ относились къ нему съ какимъ-то высокомѣрнымъ недовѣріемъ, основываясь на томъ, что онъ постоянно бросался отъ одного занятія къ другому, не успѣвалъ сдѣлать что-нибудь въ одномъ направленіи, какъ уже покидалъ прежнее и принимался за другое. Люди обыкновенно не довѣряютъ тѣмъ, которые не хотятъ идти по протоптанному пути. Недовѣріе къ Бёрне усиливалось еще тѣми не совсѣмъ пріязненными отношеніями, въ которыхъ онъ находился къ своему отцу. Бёрне былъ въ переходномъ состояніи, его дѣятельность не опредѣлилась еще нормальнымъ образомъ, однимъ словомъ, онъ не зналъ еще хорошенько, что дѣлать съ собою. Отецъ Бёрне, заботившійся больше всего, чтобы сынъ его не вышелъ изъ обыкновенной колеи, постарался добыть ему мѣсто при полицейскомъ управленіи города Франкфурта. Возможность занять подобное мѣсто еврею Бёрне представилась только благодаря тому, что Франкфуртъ не имѣлъ уже въ это время своей самостоятельности: онъ подчиненъ былъ французскому господству, которое не хотѣло знать никакихъ различій между евреями и христіанами. Не по душѣ было Бёрне, который чувствовалъ въ себѣ уже священный огонь политическаго писателя, это полицейское мѣсто; но дѣлать было нечего, нужно было принять его, потому что ничто другое не представлялось ему еще въ это время. Взявшись за это дѣло, онъ выполнялъ свои обязанности съ необыкновеннымъ усердіемъ и стараніемъ. Нельзя въ самомъ дѣлѣ не согласиться съ біографами Бёрне, когда они жалуются на эту иронію судьбы, принудившую человѣка, который долженъ былъ создать политическую литературу въ Германіи и пробудить своею неудержимою сатирою и страстною рѣчью нѣмецкій народъ,—принять скромное мѣсто въ полицейскомъ управленіи. «Нельзя безъ труда представить себѣ—говоритъ Гуцковъ—автора «Парижскихъ писемъ» въ темныхъ комнатахъ

франкфуртскаго полицейскаго управленія, занятаго визированіемъ паспортовъ, просмотромъ книжекъ рабочихъ, пріемомъ протоколовъ, и при торжественныхъ случаяхъ являющимся представителемъ полиціи въ парадной формѣ и при шпагѣ». Нечего и говорить, что во время своей службы, онъ не совершилъ ни одного поступка, за который ему когда бы то ни было пришлось краснѣть, и только Гейне, впослѣдствіи, въ своей непростительной книгѣ о Бёрне позволилъ себѣ въ минуту раздраженія обратить ему въ упрекъ его дѣятельность словами: «бывшій полицейскій чиновникъ». На своемъ скромномъ мѣстѣ Бёрне пріобрѣлъ себѣ скоро и уваженіе и популярность своею терпѣливостью съ просителями, своимъ обращеніемъ, своими знаніями. Самыя трудныя работы всегда поручались Бёрне, а другіе его руками загребали жаръ. Неподкупность Бёрне стала скоро общеизвѣстна, и въ то время, да пожалуй и по сю пору, она не была такимъ обыкновеннымъ явленіемъ, чтобы о ней громко не заговорили. Бёрне былъ чрезвычайно дѣятеленъ на своемъ мѣстѣ, стараясь приносить своимъ согражданамъ возможно бòльшую пользу. Онъ оправдалъ собою пословицу, что не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто. Рядомъ съ этимъ, Бёрне выказалъ большую энергію, мужество и даже храбрость. Гуцковъ передаетъ, что когда въ 1813 году вошли во Франкфуртъ баварскіе солдаты и пытались производить грабежъ, тогда Бёрне вмѣстѣ съ другими полицейскими чинами съ обнаженною шпагою оказывалъ имъ сопротивленіе. «Не бойтесь, говорилъ впослѣдствіи Бёрне одному изъ своихъ друзей, этой шпаги, на ней не было крови». Бёрне шутилъ надъ этимъ временемъ своей воинственности и разсказывалъ съ своимъ обыкновеннымъ остроуміемъ, что когда, стоя на одномъ мосту, мимо его головы летали баварскія пули, то онъ болѣе боялся сквозного вѣтра, который они производили, нежели самыхъ пуль.

Къ этому же самому времени относится начало его публицистической дѣятельности. Въ родномъ городѣ его стали цѣнить, когда узнали его рѣчи, произнесенныя имъ въ еврейской масонской ложѣ, рѣчи, дышавшія любовью къ человѣчеству и пропитанныя самыми возвышенными идеями. Рядомъ съ этимъ онъ начинаетъ помѣщать во Франкфуртскомъ журналѣ мелкія статьи, которыя не могли не обратить на себя всеобщаго вниманія необыкновенною силою языка, мѣткостью выраженій, и главнымъ образомъ, своимъ жаромъ и страстностью, обличавшими несомнѣнный и изъ ряду выходящій талантъ его. Статья, обратившая на себя вниманіе, называлась: «Was wir wollen»; въ ней Бёрне поддался всеобщему раздраженію противъ Франціи, раз-

драженію, которое такъ скоро уступило мѣсто спокойному и трезвому взгляду на политическія событія. Онъ обращается къ нѣмецкому юношеству съ просьбою не тратить напрасно своихъ силъ, а напротивъ беречь ихъ, чтобы имѣть возможность осуществить свою волю, свои желанія. Желанія же сводились къ тому, чтобы нѣмцы были свободнымъ народомъ. «Мы хотимъ быть свободными нѣмцами, писалъ Бёрне, свободными въ нашей ненависти. Ни тѣломъ, ни сердцемъ мы не хотимъ подчиниться чуждому народу. Тираннія ранитъ, но не умерщвляетъ; но развращающая забава отравляетъ и губитъ. Одна парализируетъ силу, другая также и волю.... Мы хотимъ быть свободными нѣмцами, и хотимъ навсегда ими остаться; надъ слабыми, раболѣпными народами мы не хотимъ владычествовать.....» Бёрне взывалъ въ этой статьѣ къ побѣдѣ, не подозрѣвая, что первою жертвою этой побѣды надъ французскимъ народомъ будетъ онъ самъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вся нѣмецкая нація. Не успѣло исчезнуть французское господство, какъ старые порядки, со всѣми ихъ злоупотребленіями и уродливостями водворились снова въ свободномъ городѣ Франкфуртѣ. Еврейское населеніе, которое при французахъ могло по крайней мѣрѣ свободно дышать, снова подверглось вѣковымъ притѣсненіямъ, снова воздвигнута была между имъ и христіанами китайская стѣна. Евреи вытѣснены были опять изъ общественной жизни, публичныя должности снова сдѣлались недоступны для евреевъ. Бёрне, несмотря на оказанныя имъ услуги, сталъ тяготить правительство, и оно стремилось какъ-нибудь избавиться отъ него. Прогнать его просто со службы оно поцеремонилось, и потому оно попробовало принудить его выйти въ отставку, переведя его на низшее мѣсто и поручая ему самыя безсмысленныя работы. Но это не дѣйствовало. Бёрне безпрекословно исполнялъ все, что ему приказывали. Дѣлать было нечего, и правительство рѣшилось просто смѣстить его съ должности.

Враги Бёрне поспѣшили приписать ожесточенную войну, которую онъ объявилъ теперь нѣмецкимъ правительствамъ, исключительно этой личной злобѣ Бёрне, его оскорбленному самолюбію, обидѣ, нанесенной еврею Бёрне. Конечно, въ подобныхъ предположеніяхъ не было и тѣни истины. Бёрне слишкомъ горячо былъ преданъ интересамъ своего отечества, чтобы не забывать изъ-за нихъ своихъ личныхъ оскорбленій, онъ слишкомъ искрененъ былъ въ своей любви къ цѣлому народу, чтобы сдѣлаться бойцомъ за физическое и нравственное освобожденіе однихъ евреевъ.

Несправедливость, которую онъ испыталъ на самомъ себѣ, быть можетъ помогла ему только скорѣе понять ту страшную

несправедливость, которую долженъ былъ скоро испытать весь народъ. Онъ прежде другихъ понялъ, что народъ былъ обманутъ, что всѣ блестящія обѣщанія канули въ вѣчность въ ту самую минуту, когда союзники восторжествовали надъ Франціею. Ему сдѣлалось ясно какъ дважды два четыре, что нѣмецкій народъ искупитъ горькою цѣною лютой реакціи свою побѣду надъ Франціею, потому что побѣда эта была тождественна съ побѣдою надъ идеями французской революціи, которыми пропитано было все его существо. Задача Бёрне опредѣлилась, цѣль его была намѣчена: ему нужно было бороться не только съ военно-бюрократическимъ произволомъ нѣмецкихъ правительствъ, которыя предавались всѣмъ неистовствамъ деспотизма, но ему нужно было еще болѣе бороться съ самимъ обществомъ, или вѣрнѣе быть можетъ, протрезвить его отъ того опьяненія, которое вызвано было чужеземнымъ господствомъ. Опьяненіе это было тѣмъ опаснѣе, что оно значительно облегчало стремленія правительствъ водворить старый безправный порядокъ. Бёрне понималъ, что увлеченіе средневѣковыми идилліями пагубнымъ образомъ начинало отзываться на судьбахъ народа, и что нужно сосредоточить всѣ силы, чтобы постараться разрушить сладкія иллюзіи, которымъ предавалось нѣмецкое общество. Любовь или ненависть къ Франціи означали въ то время не только любовь или ненаависть къ извѣстной странѣ, именуемой Франціею, но любовь или ненависть къ извѣстному строю понятій, къ извѣстному порядку. Любовь къ ней была равносильна влеченію къ свободѣ, новымъ идеямъ, къ новымъ правамъ человѣческаго общества; ненависть къ ней означала реакцію, коснѣніе въ средневѣковыхъ понятіяхъ, господство одного или немногихъ надъ всѣми. Германія же была обуреваема ненавистью къ Франціи. Задача Бёрне была высоко поднять то знамя политическихъ идей, которое выставлено было Франціею въ концѣ XVIII-го вѣка, и безъ устали, пользуясь каждымъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, толковать, объяснять обществу новое политическое міросозерцаніе. Сегодня онъ говорилъ о свободѣ печати, завтра о свободѣ вѣроисповѣданій, одинъ разъ о равноправности всѣхъ передъ закономъ, другой разъ о правомъ и гласномъ судѣ; о распространеніи просвѣщенія среди массъ, о самоуправленіи, однимъ словомъ, о всемъ томъ, что дѣлаетъ народъ полноправнымъ, свободнымъ.

Какъ только для Бёрне сдѣлалось яснымъ, что торжество Германіи надъ Франціею есть въ то же время тяжелый ударъ для свободы, такъ тотчасъ, прежде всѣхъ другихъ, Бёрне понялъ, что то раздраженіе противъ Франціи, которое обнаружилось между прочимъ въ его статьѣ «Was wir wollen», должно уступить мѣсто

напротивъ самому глубокому, самому искреннему сочувствію этой счастливой и вмѣстѣ несчастной странѣ. Счастливой, потому что ей бо̀льшею частію принадлежитъ иниціатива тѣхъ прогрессивныхъ идей, которыя обновляютъ собою Европу; несчастной потому, что ей такъ дорого достается осуществленіе этихъ идей у себя дома. Когда въ Бёрне улеглось это минутное, вызванное обстоятельствами, раздраженіе противъ Франціи, тогда въ немъ явилась сознательная и прочная привязанность къ этой странѣ, на которую онъ смотрѣлъ какъ на колыбель свободы. Любовь къ Франціи, къ французскому народу была въ немъ какъ нельзя болѣе разумна, и онъ не раздѣлялъ какъ ошибки однихъ, которые въ ненависти своей къ правительству ненавидятъ и самый народъ, такъ точно и ошибки другихъ, которые, любя народъ, любятъ и его правителей, какъ бы мало достойны они ни были этой любви. Такъ не понималъ онъ этой любви къ Наполеону, которую онъ встрѣчалъ во многихъ людяхъ, искренно привязанныхъ къ свободѣ, и у Гейне въ его книгѣ о Бёрне мы находимъ отрывокъ изъ разговора между этими двумя замѣчательными людьми, которые такъ мало созданы были для того, чтобы сдѣлаться непримиримыми врагами,—отрывокъ, отлично характеризующій въ этомъ отношеніи Бёрне. Гейне разсказываетъ, что, встрѣтившись съ Бёрне, этотъ тотчасъ сталъ упрекать его, что онъ съ недостаточнымъ почтеніемъ говоритъ «о Богѣ, который все-таки создалъ небо и землю и столь мудро управляетъ міромъ, и съ такимъ преувеличеннымъ обожаніемъ относится къ Наполеону, который все-таки былъ ничѣмъ инымъ, какъ смертнымъ деспотомъ». Бёрне не любилъ Наполеона, потому что онъ хорошо понималъ, что Наполеонъ былъ только воплощеніемъ одного злого генія Франціи, и что его геній не оказалъ человѣчеству никакихъ услугъ, а только однѣ бѣдствія. Правда, Гейне говоритъ, что, тѣмъ не менѣе, Бёрне чувствовалъ безсознательное уваженіе къ Наполеону, и что онъ возмущался тѣмъ, что союзные государи свергли его статую съ Вандомской колонны.

«Ахъ, вскричалъ Бёрне съ горькимъ вздохомъ, они могли спокойно оставить его статую; имъ слѣдовало только прибить дощечку съ надписью: «Осемьнадцатое брюмера», и Вандомская колонна превратилась бы для него въ заслуженный позорный столбъ!» И тутъ же вслѣдъ за этимъ серьезнымъ и горькимъ восклицаніемъ, Бёрне, по поводу Наполеона, начинаетъ съ Гейне разговоръ, который показываетъ, какъ самыя серьезныя мысли переплетались у него съ шуточною формою. «Еще сегодня утромъ, прибавилъ Бёрне, я удивлялся ему, когда вотъ въ этой книгѣ, лежащей на моемъ столѣ (онъ указалъ на «Исторію ре-

волюціи» Тьера), я читалъ превосходный анекдотъ о томъ, какъ Наполеонъ въ Удино имѣлъ свиданіе съ Кобенцелемъ, и въ жару разговора разбилъ фарфоръ, который Кобенцель получилъ въ подарокъ отъ императрицы Екатерины, и конечно его очень любилъ. Этотъ разбитый фарфоръ былъ, быть можетъ, причиною Кампо-Формійскаго мира. Кобенцель вѣроятно думалъ при этомъ: у моего императора очень много фарфора, и если этотъ господинъ отправится въ Вѣну, и черезъ-чуръ разгорячится, пожалуй тогда можетъ случиться несчастіе — лучше заключу я съ нимъ миръ! По всей вѣроятности, въ ту минуту, когда въ Удино фарфоровый сервизъ Кобенцеля полетѣлъ на полъ и разбился въ дребезги, въ Вѣнѣ дрожалъ весь фарфоръ, и дрожали не только кофейники и чашки, но и китайскія пагоды, можетъ быть, онѣ кивали сильнѣе головами, чѣмъ когда либо, и мирный договоръ ратификованъ. Въ магазинахъ эстамповъ всегда можно видѣть Наполеона, какъ онъ взлетаетъ на Симплонъ на быстромъ конѣ или бросается на мостъ въ Лоди съ развѣвающимся знаменемъ и т. д. Но еслибы я былъ живописецъ, то изобразилъ бы его въ ту минуту, когда онъ разбиваетъ фарфоръ Кобенцеля. Это былъ одинъ изъ самыхъ славныхъ его подвиговъ. Съ тѣхъ поръ многіе сильные міра стали бояться за свой фарфоръ и особенно сильно трусили берлинцы за свою большую фарфоровую фабрику. Вы не можете себѣ представить, любезнѣйшій Гейне, продолжалъ Бёрне, какъ обуздываетъ человѣка обладаніе дорогимъ фарфоромъ. Посмотрите, напр., на меня, я былъ совершенно необузданный человѣкъ, когда у меня было мало вещей, и вовсе не было фарфора. Съ пріобрѣтеніемъ собственности, а главное, ломкой собственности, является страхъ и рабство.... я чувствую какъ этотъ проклятый фарфоръ мѣшаетъ мнѣ писать; я становлюсь такимъ кроткимъ, такимъ осторожнымъ, такимъ боязливымъ. Наконецъ, начинаю думать, что торговецъ фарфоромъ былъ никто иной какъ австрійскій полицейскій агентъ, и что Меттернихъ навязалъ мнѣ этотъ фарфоръ, чтобы укротить меня....»

Такъ сплошь и рядомъ переходилъ Бёрне отъ самыхъ серьезныхъ разговоровъ, отъ самыхъ серьезныхъ мыслей къ шуточной формѣ, которая всегда была полна юмора и ироніи. Шутка его впрочемъ не была чужда серьезнаго элемента; трудно не видѣть въ ней большею частію самаго глубокаго смысла.

Гейне, который показываетъ намъ, какъ относился Бёрне къ Наполеону, приводитъ въ своей книгѣ еще много частныхъ интимныхъ разговоровъ, изъ которыхъ видно, какъ относился Бёрне къ Германіи. Когда Бёрне сталъ нападать на нѣмецкіе порядки, на нѣмецкія правительства, когда онъ сталъ насмѣхаться надъ

нѣмецкою тяжеловѣсностью и ослиною сносливостью, и рядомъ съ этимъ выражалъ всѣ свои симпатіи къ Франціи, тогда тотчасъ раздались голоса его враговъ, которые стали обвинять Бёрне, что онъ не любитъ Германію, что онъ нападаетъ на нее, потому что чувствуетъ еврейскую злобу за то, что его отставили отъ должности и т. п. Нашлось много ограниченныхъ умовъ, которые силились объяснить благородное и честное негодованіе Бёрне единственно его еврейскимъ происхожденіемъ. Бёрне не могъ быть оскорбленъ брошеннымъ въ него обвиненіемъ, что онъ не любитъ Германіи, потому что онъ слишкомъ хорошо сознавалъ, что никто быть можетъ такъ сильно ее не любитъ, какъ онъ или по крайней мѣрѣ никто не умѣетъ ее любить такъ глубоко и такъ разумно.

Гейне, который очень хорошо зналъ, что противъ Бёрне выставляютъ его мнимую ненависть къ Германіи, является на этотъ разъ его защитникомъ и въ своей книгѣ не разъ возвращается къ тому, какъ силенъ и искрененъ былъ патріотизмъ Лудвига Бёрне. Онъ приводитъ одинъ отрывокъ изъ его разговора о Германіи, который хорошо характеризуетъ политическое пристрастіе Бёрне къ своей родинѣ. «Ни одного нѣмецкаго ночного горшка не уступлю я Франціи!» вскричалъ онъ однажды въ пылу разговора, когда кто-то замѣтилъ, что Франція, эта естественная представительница революціи, должна быть усилена возвращеніемъ въ ея владѣніе прирейнскихъ земель, чтобы она тѣмъ успѣшнѣе могла противодѣйствовать аристократическо-абсолютической Европѣ.

«Не уступлю ни одного нѣмецкаго ночного горшка»! кричалъ Бёрне, гнѣвно шагая по комнатѣ взадъ и впередъ.

«Само собою разумѣется, замѣтилъ третій, что мы не уступимъ французамъ ни одного клочка нѣмецкой земли; но мы должны были бы уступить имъ нѣсколько нашихъ соотечественниковъ, въ которыхъ мы ни въ какомъ случаѣ не имѣемъ надобности. Что вы думаете, еслибы мы уступили французамъ напр. Раумера или Роттека?»

«Нѣтъ, нѣтъ,—вскричалъ Бёрне, переходя отъ сильнѣйшаго гнѣва къ хохоту,—не уступлю даже Раумера или Роттека, потому что наша коллекція была бы тогда не полна; я хочу удержать Германію во всей ея цѣлости, какъ она есть, съ ея цвѣтами и чертополохами, съ ея великанами и карликами.... нѣтъ, не уступлю я даже этихъ двухъ ночныхъ горшковъ!» Конечно, любовь такого писателя, какъ Бёрне, къ своей родинѣ кажется слишкомъ очевидна, чтобы о ней стоило много говорить, но совсѣмъ умолчать объ этомъ тоже нельзя, такъ какъ съ одной стороны это обвиненіе

преслѣдовало Бёрне въ продолженіе всей его жизни, съ другой—мы встрѣчаемъ въ его произведеніяхъ такія рѣзкія выходки противъ Германіи, которыя, пожалуй, заставятъ призадуматься иного читателя и заставятъ спросить его: ужъ и въ самомъ дѣлѣ не чувствовалъ ли Бёрне къ своей родинѣ ненависти вмѣсто любви? Мы, говоря о Бёрне въ Россіи и говоря нашимъ соотечественникамъ, тѣмъ болѣе должны налегать на искреннюю любовь Бёрне къ Германіи въ виду его рѣзкихъ на нее нападковъ, что у насъ, особенно въ послѣднее время, сдѣлалось обыкновеніемъ клеймить человѣка именемъ врага своей родины, какъ только онъ, отказываясь отъ тупоумнаго и ехиднаго псевдо-патріотизма, перестаетъ восхищаться всѣмъ тѣмъ, что́ дѣлается въ отечествѣ, и въ своей истинной и сильной привязанности къ странѣ нападаетъ гораздо болѣе на то дурное, что́ должно быть измѣнено, чѣмъ преклоняется передъ тѣмъ хорошимъ, что́ должно было быть сдѣлано и что́ дѣйствительно сдѣлано. Однимъ словомъ, положеніе Бёрне съ самыхъ первыхъ шаговъ сдѣлалось подобнымъ положенію всякаго истинно честнаго писателя, когда онъ имѣетъ несчастье появиться въ смрадное время развитія своего общества, когда вся выгода находится на сторонѣ льстецовъ правительства и тѣхъ недостойныхъ журналистовъ, которыхъ задача ограничивается доносами на все, что́ честно и пропитано серьёзнымъ патріотизмомъ, и восхваленіемъ того, что́ носитъ на себѣ очевидный характеръ гаерства и псевдо-патріотизма. Бёрне страстно любилъ Германію и жестоко страдалъ оттого, что положеніе вещей въ его родинѣ было такъ далеко отъ его желаній, отъ его идеала; онъ нападалъ на злоупотребленія, на порочность нѣмецкихъ правительствъ, онъ нападалъ на дурныя стороны нѣмецкаго народа, потому что въ немъ таилось гордое, но справедливое сознаніе, что слова его не пропадутъ даромъ. Жалкіе писатели, которые обыкновенно руководятся въ подобныхъ случаяхъ самыми низкими эгоистическими побужденіями и для которыхъ благо родины представляется глупою фразою и притворною сантиментальностью, поспѣшили объявить его ненавистникомъ Германіи. Гейне, становясь защитникомъ Бёрне въ этомъ отношеніи, въ значительной степени искупаетъ передъ нимъ свою тяжелую вину. «Изъ его собственнаго сердца — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей книги о Бёрне — вылетаютъ самые трогательные, естественные звуки патріотическаго чувства, точно стыдливыя признанія, которыхъ нельзя удержать въ послѣднія минуты жизни, и которыя мы скорѣе передаемъ рыданіями, нежели словами.... Смерть стоитъ возлѣ и неопровержимо свидѣтельствуетъ ихъ правдивость. Да, онъ былъ не только хорошій

писатель, но и великій патріотъ». Гейне настаиваетъ на этихъ словахъ и черезъ нѣсколько страницъ еще разъ возвращается къ тому же, говоря: «Да, этотъ Бёрне былъ великій патріотъ, быть можетъ самый великій, который сосалъ изъ груди своей мачихи-Германіи самую пламенную жизнь и самую горькую смерть. Въ душѣ этого человѣка ликовала и вмѣстѣ сочилась кровью самая трогательная любовь къ отечеству, которая, какъ всякая любовь, будучи стыдлива, пряталась подъ слова порицанія, упрековъ, недовольства, но тѣмъ сильнѣе прорывалась наружу въ порывистыя минуты. Когда на долю Германіи выпадали всякія бѣды, которыя могли имѣть печальныя послѣдствія, когда у нея не хватало духа принять спасительное лекарство, дать себѣ вырѣзать бѣльмо или выдержать другую маленькую операцію, тогда Лудвигъ Бёрне шумѣлъ, бранился, топалъ ногами и громилъ все и всѣхъ;—когда же предвидѣнное несчастье дѣйствительно случалось, когда Германію начинали топтать и бить до крови, тогда Бёрне переставалъ сердиться и бѣдный безумецъ начиналъ хныкать и рыдая доказывалъ, что Германія лучшая и самая прекрасная страна, и что нѣмцы—самый прекрасный и благороднѣйшій народъ....» Гейне совершенно правъ, выражаясь, что только одно «тупоуміе» могло не видѣть въ сочиненіяхъ Бёрне глубокой любви къ Германіи. Впрочемъ, въ подобномъ обвиненіи еще больше, чѣмъ «тупоуміе», играетъ роль іезуитскій маневръ тѣхъ, которые желали во что бы то ни было бросить тѣнь на честное имя автора «Парижскихъ писемъ». Когда дѣло шло о тупоуміи, Бёрне пожималъ только плечами, но когда онъ видѣлъ въ этомъ обвиненіи вмѣстѣ и гнусное орудіе его враговъ, тогда «гнѣву его не было предѣловъ, и онъ, какъ оскорбленный титанъ, металъ смертельными каменьями въ шипящихъ змѣй, ползавшихъ у его ногъ».

III.

Если обвиненіе въ ненависти Германіи производило на Бёрне раздражающее впечатлѣніе, за то горделивымъ презрѣніемъ отвѣчалъ онъ на другое обвиненіе, что онъ нападаетъ на правительства, на господствовавшій порядокъ только потому, что онъ принадлежитъ къ еврейскому племени. Въ самомъ дѣлѣ, «глупѣе» этого упрека нельзя было дѣлать Бёрне. Когда еврейскимъ происхожденіемъ попрекали Бёрне люди глупые и неразвитые, оно было понятно, потому что глупые и неразвитые люди не могутъ возвыситься надъ предразсудкомъ, дѣлаю-

щимъ изъ имени еврея что-то презрительное и оскорбительное. Но когда къ подобнымъ упрекамъ прибѣгаютъ люди умные, тогда, конечно, на это есть только одна причина, именно та, что человѣкъ такъ безупреченъ, такъ чистъ, что злоба противъ него является безсильною и въ крайности прибѣгаетъ къ тому орудію, которое по праву принадлежитъ только людямъ глупымъ и ограниченнымъ. Самъ Бёрне понималъ это очень хорошо, и потому какъ нельзя болѣе справедливо замѣчалъ: «каждый разъ, какъ мои противники видятъ, что они могутъ разбиться о *Бёрне* и потерпѣть умственное кораблекрушеніе, они хватаются за *Баруха*, какъ за свой спасительный якорь». За этотъ «спасительный якорь» хватался въ своихъ нападеніяхъ и Менцель, этотъ замѣчательно-умный, но еще болѣе замѣчательно-негодный человѣкъ. Онъ точно также, какъ и другіе, не могъ отыскать въ характерѣ Бёрне ничего такого, за что бы онъ могъ прицѣпиться и сколько-нибудь уронить его въ общественномъ мнѣніи, и потому хватался за его еврейское происхожденіе, сознавая, безъ сомнѣнія, что и это точно также не что иное, какъ мнимая и фальшивая Ахилессова пята. Желая объяснить всѣ неотразимыя нападки Бёрне на общественный строй Германіи, всю его ѣдкую сатиру, оглушительные розмахи его страшнаго бича ничѣмъ инымъ, какъ еврейскимъ происхожденіемъ этого суроваго писателя, а вовсе не дѣйствительнымъ бѣдственнымъ состояніемъ нѣмецкаго писателя, Менцель говоритъ: «Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, гдѣ великаго Гёте лелѣяли какъ дитя патриціевъ, родился болѣзненный ребенокъ — еврей Барухъ. Уже въ дѣтствѣ онъ подвергался насмѣшкамъ мальчиковъ - христіанъ. Каждый день видѣлъ онъ на Саксонскомъ-мосту постыдную статую, представляющую еврея рядомъ со свиньей. Проклятіе его народа лежало на немъ тяжелымъ гнетомъ. Когда онъ отправлялся путешествовать, въ паспортѣ его прописывали насмѣшливыя слова: Juif de Francfort. «Развѣ я не такой человѣкъ, какъ и всѣ вы? — восклицалъ онъ. — Развѣ Богъ не снабдилъ моего духа всевозможными силами? Какже вы можете презирать меня? Я отомщу вамъ самымъ благороднымъ образомъ, я буду помогать вамъ въ борьбѣ за вашу свободу». Приведя это мѣсто въ своей статьѣ: «Менцель французоѣдъ», Бёрне прибавляетъ: «все это было бы прекрасно, будь оно справедливо; меня даже порадовало бы, еслибы это была правда, но это неправда. Никогда въ моей груди не было даже искры ненависти къ христіанскому міру; хотя я на самомъ себѣ долго и болѣзненно чувствовалъ преслѣдованіе и всегда съ негодованіемъ проклиналъ его, но

все-таки я видѣлъ въ этомъ преслѣдованіи не что иное, какъ форму аристократизма, проявленіе врожденнаго человѣческаго высокомѣрія, которому законы, вмѣсто того, чтобы ставить преграды, преступно покровительствовали; — придя къ этому убѣжденію, я, по обыкновенію, поднялся къ источнику зла, не заботясь объ одномъ изъ его притоковъ». Источникомъ зла было общее состояніе нѣмецкаго народа, и въ его широкой любви къ цѣлой Германіи, въ его горячемъ стремленіи видѣть ее освобожденною отъ оковъ тонуло его стремленіе облегчить участь еврейскаго племени. Умъ Бёрне, его сердце были слишкомъ широки, чтобы могли ограничиваться узкою привязанностью къ одному племени; привязанность эта была частицею его глубокой привязанности къ цѣлому народу, такъ точно, какъ безправное состояніе еврейскаго племени составляло только одно изъ звеньевъ той роковой цѣпи, въ которую закована была нѣмецкая нація.

Бёрне постоянно твердитъ, что тотъ, кто желаетъ дѣйствовать на пользу евреевъ, не долженъ изолировать ихъ, и что только тогда будетъ добыта свобода для нихъ, когда она будетъ добыта для цѣлаго народа. «Развѣ вся Германія — восклицаетъ онъ — не превратилась въ Гетто Европы?» Свое еврейское происхожденіе Бёрне обращаетъ, такъ-сказать, на пользу Германіи, такъ какъ гоненія, выпадавшія на долю еврейскаго племени, заставили его ненавидѣть гоненіе вообще, гдѣ бы и противъ кого бы оно ни было направлено. Рабство евреевъ научило его ненавидѣть рабство вообще и любить свободу не только для того племени, которому онъ принадлежалъ, но любить ее и добиваться для всего народа: «Да, именно потому, что я родился рабомъ, свобода милѣе мнѣ, чѣмъ вамъ. Да, вслѣдствіе того, что я былъ обреченъ рабству, я понимаю свободу лучше васъ. Да, оттого, что у меня не было при рожденіи никакого отечества, я жажду пріобрѣсть его гораздо сильнѣе, чѣмъ вы, и вслѣдствіе того, что мѣсто, гдѣ я родился, было ограничено одною еврейскою улицей, за запертыми воротами которой начиналась для меня чужая земля, — мнѣ недостаточно теперь имѣть отечествомъ ни городъ, ни провинцію, ни цѣлую область; я могу удовольствоваться только всею великою отчизною, на всемъ томъ пространствѣ, гдѣ звучитъ ея языкъ.... Я пересталъ быть рабомъ гражданъ и потому не хочу теперь быть рабомъ какого-нибудь правителя, — я хочу быть совершенно свободнымъ....» Этой свободы онъ хотѣлъ не только для себя, но для цѣлаго народа, и если могучій голосъ его раздавался отъ времени до времени исключительно въ пользу освобожденія ев-

реевъ, то въ основаніи его защиты не трудно было отыскать мысль, что освобожденіе евреевъ столько же нужно для нихъ, какъ и для самихъ нѣмцевъ Для чего, спрашивалъ онъ, правительства отдаютъ евреевъ въ рабство нѣмцамъ? для того, чтобы тѣмъ держать ихъ самихъ еще крѣпче въ рабствѣ. «Бѣдные нѣмцы! Живя въ подвалѣ, имѣя надъ собой семь этажей высшихъ сословій, они находятъ облегченіе въ бесѣдѣ о людяхъ, живущихъ еще ниже, чѣмъ они — въ погребѣ. Сознаніе, что они не евреи, утѣшаетъ ихъ въ томъ, что судьба не дѣлаетъ ихъ гофратами»!

Къ этой мысли, именно, что непониманіе, глупость народа съ одной стороны, и необузданность правительствъ съ другой — лежатъ въ основаніи гоненій на евреевъ, Бёрне возвращается постоянно, это его исходная точка, отъ которой онъ никогда не отступаетъ. Называя свои статьи «въ защиту евреевъ», онъ начинаетъ со словъ: «мнѣ слѣдовало бы сказать: въ защиту справедливости и свободы, но еслибы люди понимали эти слова, то мнѣ не было бы никакой нужды говорить». Да, въ этомъ вопросѣ, въ вопросѣ защиты человѣческихъ правъ евреевъ, который долженъ былъ ему представиться прежде всѣхъ другихъ, такъ какъ рано его заставили почувствовать на немъ самомъ его еврейское происхожденіе, Бёрне ведетъ себя точно также какъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ, касающихся политической жизни народа. Онъ не замыкается тутъ въ узкій кругъ понятій и требованій, онъ не тратитъ своихъ силъ на безплодныя іереміады о печальной исторіи евреевъ, ему нѣтъ дѣла до прошедшаго, онъ не судитъ, не осуждаетъ его, онъ не призываетъ его на свое судилище, потому что судить можно только, какъ выражается Бёрне, преступленія людей, а не преступленія человѣчества, онъ обращается къ живымъ людямъ, говоря однимъ: вы невинны, потому что вы глупы; другимъ: вы преступны, потому что вы сознательно наглы. Громкое требованіе свободы и громкая проповѣдь и призывъ къ справедливости — такова вся его дѣятельность. Въ своей защитѣ евреевъ онъ старается только о томъ, чтобы растолковать нѣмецкому народу, что имъ злоупотребляютъ, когда его заставляютъ быть тюремщикомъ евреевъ, что его вынуждаютъ на гнусное дѣло, чтобы всю выгоду его доставить немногимъ сильнымъ міра, и что его принуждаютъ къ злоупотребленію чужою свободою, чтобы доказать ему, что онъ самъ не заслуживаетъ свободы, и что «его сдѣлали тюремщикомъ евреевъ на томъ основаніи, что безсмѣнное пребываніе въ тюрьмѣ равно обязательно, какъ для тюремщиковъ, такъ и для заклю-

ченныхъ». Намъ нечего указывать на всю глубину и вмѣстѣ простоту этой мысли, лежавшей въ основаніи защиты евреевъ. Когда какой-нибудь народъ захватываетъ себѣ въ рабство другой народъ, для него это никогда не проходитъ даромъ. Быть въ рабствѣ или держать въ рабствѣ одинаково развращающимъ образомъ дѣйствуетъ на народный организмъ, рабскія привычки переходятъ къ властителямъ, которые сами дѣлаются неспособны для здоровой жизни и мало-по-малу сами превращаются въ рабовъ. Очевидно, что «глупость» въ подобныхъ случаяхъ является главною виновницею народныхъ бѣдъ. Объяснить нѣмцамъ, что только одна глупость, глупые предразсудки, глупое воспитаніе заставляло ихъ презрительно относиться къ евреямъ— вотъ все, чего желалъ Бёрне, защищая евреевъ. Перо его становится желчнымъ, ядовитымъ, презрительнымъ только тогда, когда онъ обращается къ властителямъ и говоритъ имъ: вы одинаково обманываете и евреевъ и христіанъ, вы натравляете ихъ другъ на друга только для того, чтобы прочнѣе владычествовать надъ тѣми и другими, вы дѣйствуете съ самымъ безстыднымъ лицемѣріемъ, вы распространяете клеветы съ такою наглою дерзостью, что вводите въ заблужденіе даже честныхъ людей, которые вѣрятъ вамъ, потому что не могутъ представить себѣ, чтобы ихъ смѣли такъ нагло обманывать! «Я хочу сорвать съ негодяевъ маски, восклицаетъ Бёрне, и освѣтить ихъ лица!»

Напрасно въ цѣломъ ряду преслѣдованій и гоненій на евреевъ Бёрне отыскиваетъ хоть проблески справедливости, онъ нигдѣ ихъ не находитъ. Повсюду съ одной стороны глупость, съ другой наглость. Такъ шли цѣлые вѣка, пока на германскую почву не были заброшены сѣмена новыхъ идей, пришедшихъ изъ Франціи. Французское господство было благодѣтельно для евреевъ, оно уровняло въ правахъ христіанъ и евреевъ, но оно продолжалось недолго. «Не успѣло еще смолкнуть въ стѣнахъ Франкфурта эхо пушечныхъ выстрѣловъ бѣжавшаго непріятеля, какъ раздались громкіе голоса взаимнаго одобренія: прежде всего надо позаботиться о томъ, чтобы положить предѣлъ неслыханнымъ притязаніямъ евреевъ». Отъ такихъ сарказмовъ, вызываемыхъ у Бёрне возмутительнымъ зрѣлищемъ всевозможныхъ обмановъ и злоупотребленій, онъ переходитъ иногда на самый грустный тонъ, когда въ умѣ его рождается вопросъ, да зачѣмъ же столько жертвъ, зачѣмъ столько страданій, если народы только то и дѣлаютъ, что попадаютъ изъ огня въ полымя. Останавливаясь передъ фактомъ, что побѣда надъ Наполеономъ не только не привела нѣ-

мецкій народъ къ лучшему устройству, но ухудшила его положеніе, что она не только не утвердила въ странѣ тѣ великіе нравственные результаты, которые добыты были французскою революціею, но еще уничтожила то немногое, что̀ принесено было французскимъ господствомъ, онъ спрашиваетъ: «неужели въ самомъ дѣлѣ время, послѣ стольких мученій, разрѣшилось отъ бремени смѣшною мышью? Неужели милліоны человѣческихъ существованій истреблялись только для того, чтобы послѣ тридцатилѣтней отчаянной борьбы въ результатѣ оказалось то, что̀ давно уже было извѣстно каждому — именно, что господство надъ извѣстнымъ народомъ принадлежитъ Ивану, а не Петру?...»

Въ дѣятельности Бёрне по еврейскому вопросу нельзя пропустить молчаніемъ того энергическаго протеста, который вылился въ адресѣ, отправленномъ въ образовавшійся въ то время «Pressverein», союзъ для защиты свободнаго нѣмецкаго слова. Каждая строка эта адреса говоритъ о правдивости Бёрне въ ту минуту, когда онъ восклицаетъ: «ахъ, они думаютъ, что я пишу чернилами и словами, но я пишу не такъ какъ другіе; я пишу кровью моего сердца и сокомъ моихъ нервовъ, и у меня не всегда хватаетъ духу собственной рукой причинять себѣ боль и не всегда хватаетъ силъ долго переносить ее». Онъ пишетъ кровью своего сердца, когда онъ начинаетъ перечислять всѣ оскорбленія, причиняемыя евреямъ, всѣ несправедливости, которыя они должны были вытерпѣть, когда онъ жалуется, что та война за освобожденіе, въ которой евреи проливали свою кровь, точно также какъ и христіане, не только не освободила ихъ, но наложила на нихъ новыя цѣпи. Онъ пишетъ сокомъ своихъ нервовъ, когда онъ клеймитъ позоромъ ту адскую несправедливость, которая допустила, чтобы евреи, возвратившись съ войны, увидѣли своихъ братьевъ и отцовъ рабами, тогда какъ они оставили ихъ уже свободными гражданами. Бёрне страдаетъ, когда онъ выставляетъ на видъ, что евреи лишены не только гражданскихъ правъ, но даже правъ человѣческихъ, на которыя никто кажется не смѣлъ бы посягать; онъ страдаетъ, когда пишетъ, что еврейскому населенію Франкфурта запрещено заключать болѣе пятнадцати браковъ въ годъ, чтобы это племя не могло размножаться. Между строчекъ такъ и слышится вопросъ: да неужели все это правда, все то, что я пишу, не бредъ ли это моей фантазіи, не плоды ли это моего воображенія. «Слушай это, произноситъ Бёрне, слушай это, нѣмецкій народъ! И если находятся въ твоемъ лексиконѣ слова: свобода, справедливость, человѣчность, краснѣй отъ сознанія, что ты могъ, не

краснѣя, такъ долго переносить этотъ позоръ, пятнающій все твое отечество!» У всякаго другого писателя, у котораго прежде всего на сердцѣ не лежало бы благо цѣлой страны, цѣлаго народа, невольно явилось бы раздраженіе при исчисленіи всѣхъ обидъ, всѣхъ оскорбленій, выпавшихъ на долю евреевъ, раздраженіе противъ всѣхъ, кто не принадлежитъ къ угнетенному племени. То ли находимъ мы у Бёрне? раздраженія противъ нѣмецкаго народа въ немъ нѣтъ и тѣни, напротивъ, онъ не только не думаетъ обвинять его, но онъ тѣсно связываетъ страданія евреевъ съ страданіями цѣлаго народа и потому на вопросъ: заслужили ли евреи ихъ участь? онъ отвѣчаетъ: нѣтъ, не заслужили, точно также какъ не заслужили ихъ участи и нѣмцы: «Съ тобой, христіанскій нѣмецкій народъ, говоритъ тутъ же Бёрне, поступили какъ съ побѣжденнымъ народомъ, съ твоею страной — какъ съ завоеванною страной».

Справедливы ли, можно спросить теперь, обвиненія Бёрне въ томъ, что онъ сталъ нападать на существующій порядокъ въ Германіи, потому что онъ былъ еврей, потому что онъ не любилъ Германіи? Нѣтъ, тѣ, которые обвиняли его въ этомъ, клеветали на него, потому что Бёрне прежде всего человѣкъ, горячо любящій Германію, но еще болѣе горячо любящій свободу. Онъ защищалъ евреевъ такъ точно, какъ онъ защищалъ бы всякое другое угнетенное племя въ Германіи, онъ защищалъ ихъ, потому что ему глубоко ненавистна была всякая несправедливость, всякое нарушеніе человѣческихъ правъ, всякое оскорбленіе свободы. Собственно же къ еврейскому племени, какъ еврейскому, онъ не питалъ особенной привязанности; еврейство чуждо было Бёрне, онъ не сочувствовалъ узкости ихъ понятій, онъ не сочувствовалъ ихъ нравамъ, обычаямъ, ему чуждо было ихъ ученіе, ему чужда была вся ихъ жизнь. Это отчужденіе отъ еврейства началось еще съ дѣтскаго возроста, и чѣмъ старше становился Бёрне, тѣмъ оно становилось сознательнѣе и опредѣленнѣе. Теперь кажется должно быть совершенно понятно, что если Бёрне былъ оскорбленъ, когда онъ получилъ отставку отъ своего скромнаго мѣста въ франкфуртской полиціи, то онъ былъ оскорбленъ вовсе не за себя лично; нѣтъ, собственный опытъ долженъ былъ только помочь ему скорѣй убѣдиться, что дряхлый, казалось окончательно сгнившій патріархально-деспотическій порядокъ, еще не совсѣмъ разложился, и что въ немъ было еще достаточно живучести, чтобы нанести несчастной, только-что вышедшей изъ крововаго побоища Германіи новыя раны и несравненно болѣе тяжкія, чѣмъ тѣ, которыя нанесены ей были внѣшнимъ врагомъ. Ему

не трудно было догадаться, что возобновленное преслѣдованіе евреевъ не будетъ изолированною реакціонною мѣрою, что вмѣстѣ съ нею возвратятся и всѣ другія злоупотребленія стараго порядка, что преслѣдованіе евреевъ есть только одинъ изъ безчисленныхъ узловъ на той толстой веревкѣ, которою скоро долженъ быть перетянутъ весь нѣмецкій народъ. Ничтожнаго собственнаго опыта было для него слишкомъ достаточно, чтобы убѣдиться, что наступила тяжелая эпоха, когда надъ Германіею должна разостлаться продолжительная и мрачная реакціонная ночь. Бёрне не ошибался въ своихъ горькихъ пророчествахъ. Страшная тяжесть насилія и произвола сдавила свободное дыханіе нѣмецкаго народа.

Бёрне, выгнанному изъ службы, закрыты были теперь почти всѣ карьеры, всѣ отрасли общественной дѣятельности. Онъ остановился въ раздумьи, остановился на перепутьи, не зная, что ему дѣлать, за что схватиться. Тайный голосъ души подсказывалъ ему, что жизнь его должна быть посвящена служенію нѣмецкому обществу, нѣмецкому народу, но какъ, въ какой формѣ, какою дорогою долженъ былъ онъ идти — въ этомъ онъ не отдавалъ себѣ ясно отчета, хотя онъ и не могъ не сознавать, что сила его заключается въ его перѣ, въ его литературномъ талантѣ. Сама судьба толкала его на одну дорогу, которая была ему какъ нельзя болѣе по сердцу. Дорога эта была въ то время полна бурь и невзгодъ, такъ какъ на журналистику деспотическія правительства Германіи смотрѣли съ особенною ненавистью, подозрѣвая въ ней гнѣздо всяческихъ козней и возмутительныхъ замысловъ, гнѣздо «демагогическихъ происковъ». Первыя попытки Бёрне на этой дорогѣ были уже увѣнчаны успѣхомъ; его, такъ-сказать, пробныя статейки обратили на себя вниманіе свѣжестью мысли, остроуміемъ, бойкимъ языкомъ. Ему нужно было теперь энергически продолжать начатое, нужно было сосредоточить всѣ свои силы, всю свою дѣятельность на литературномъ поприщѣ, для котораго онъ былъ такъ хорошо приготовленъ своими разнообразными занятіями во время университетской жизни. Бёрне рѣшился вступить на этотъ тернистый путь, рѣшился весь отдаться журнальной дѣятельности и идти по этой новой дорогѣ прямо, не дѣлая изгибовъ, идти гордо и непреклонно. Онъ избралъ этотъ путь сознательно, понимая, что ни на какомъ другомъ онъ не будетъ такъ полезенъ, ни на какомъ другомъ онъ не въ состояніи принести столько добра нѣмецкому народу, съ которымъ его связывала самая глубокая и искренняя любовь. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ, что его

званіе еврея будетъ для него постоянною помѣхою въ журнальной дѣятельности, что онъ будетъ натыкаться на это еврейство какъ на вѣчную преграду, что ему безъ устали будутъ кричать: не мѣшайтесь не въ ваши дѣла, вы не принадлежите къ нѣмецкой семьѣ, не притворяйтесь, въ глубинѣ вашего ума кроются у васъ не интересы Германіи, а интересы еврейскаго племени! Отчасти это соображеніе, отчасти то обстоятельство, о которомъ уже было упомянуто, именно, что ему давно уже сдѣлалось чуждо еврейство, чужды его обычаи, нравы, ученіе, заставили Бёрне рѣшиться на тотъ шагъ, который онъ давно уже обдумывалъ. 5-го іюня 1818 года Бёрне покинулъ еврейскую религію и принялъ лютеранское вѣроисповѣданіе. Съ этихъ же поръ онъ навсегда покидаетъ и свою еврейскую фамилію: Барухъ, и принимаетъ имя Карла-Лудвига Бёрне. Съ этого времени открывается, такъ-сказать, новый періодъ его жизни, въ который все существованіе его поглощено непрерывною и неутомимою литературною дѣятельностію, прекратившеюся только съ его смертью. Можно смѣло сказать, что на длинномъ пройденномъ имъ литературно-политическомъ пути Бёрне ни разу не упалъ, ни разу не оступился, и если иногда и ошибался, то всегда невольно, искренно, честно, ошибался безъ умысла, безъ разсчету. Вотъ почему никого съ такимъ правомъ нельзя назвать безукоризненно честнымъ писателемъ, какъ творца политической литературы въ Германіи—Лудвига Бёрне.

Евг. Утинъ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историческая записка, составленная по порученію совѣта университета, ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи Востока *В. В. Григорьевымъ.* С.-Петербургъ. 1870.

I.

Съ давнихъ временъ существуетъ особенная отрасль литературы, которую можно назвать «юбилейною». Въ этой юбилейной литературѣ займетъ видное мѣсто трудъ ординарнаго профессора по каѳедрѣ исторіи Востока г. Григорьева, недавно вышедшій въ свѣтъ [1]) подъ заглавіемъ «Историческая записка» о первыхъ пятидесяти годахъ существованія с.-петербургскаго университета.

Извѣстно, что какъ въ гастрономическомъ отношеніи юбилейные обѣды не бывали никогда особенно вкусны и питательны, такъ и юбилейная литература, поэзія и проза, не бываетъ особенно интересна, а по природѣ своей и назначенію можетъ быть охарактеризована словами: скучно-тошная. Иною она и не бываетъ. На юбилей собираются люди, большею частію другъ другу чуждые, праздновать вмѣстѣ свои юношескія воспоминанія, которыя у каждаго изъ нихъ совершенно различ-

---

¹) Не надобно принимать буквально нашихъ словъ: *вышедшій въ свѣтъ*, такъ какъ трудъ г. Григорьева, по крайней мѣрѣ, по сіе время въ свѣтъ не вышелъ, т.-е. его нѣтъ въ продажѣ.

ны. Еслибы каждый изъ нихъ исповѣдалъ порознь, чѣмъ онъ восторгается въ прошедшемъ, то вышла бы жесточайшая рознь и усобица, потому что соединились на одну минуту въ одну общую массу люди самыхъ противоположныхъ лагерей и направленій; слѣдовательно, единственная возможность того, чтобы праздникъ кончился благополучно съ подобающею ему торжественностью, заключается въ томъ, чтобы всѣ присутствующіе спѣлись и тщательно избѣгая всякаго драматизма и всякихъ диссонансовъ, unissono хвалебный гимнъ, безъ всякихъ уже заботъ о мѣрѣ хваленія, то-есть о томъ, чтобы хваленіе соотвѣтствовало хвалимому предмету. Эффектъ выходитъ въ декоративномъ отношеніи удивительный, когда свои личныя воспоминанія можно поставить на заоблачныхъ вершинахъ какого-нибудь многовѣковаго учрежденія: тогда историческія тѣни отъ этихъ вершинъ ложатся длинными грядами на маленькихъ живыхъ людей-мурашекъ, и можно заглядѣться на эти живописныя вершины и въ созерцаніи міровыхъ событій прошедшаго забыть о настоящемъ. Когда лейпцигскій университетъ, основанный въ 1409 г., будетъ праздновать свою пятисотлѣтнюю годовщину, ему придется помянуть и Лютера съ реформаціею и Густава Адольфа съ 30-лѣтнею войною и Völkerschlacht и Tugendbund. Имена людей и событій имѣютъ силу магическую и вдохновеніе нисходитъ само собою при ихъ произнесеніи. Но на образованіе такой декораціи надобно нѣсколько сотъ лѣтъ, въ пятьдесятъ же не возникаетъ ни пикъ альпійскій, ни египетская пирамида, и юбилейному историку приходится вооружиться увеличительнымъ стекломъ. Цифра одолѣваетъ фантазію, статистика убиваетъ поэзію: у насъ въ числѣ присутствовавшихъ на актѣ были воспитанники перваго выпуска, а большинство собравшихся состояло изъ лицъ, которыхъ память охватывала большую половину существованія университета.

Петербургскій университетъ сдѣлалъ пока только нѣсколько шаговъ въ своемъ существованіи, и потому главная его заслуга можетъ заключаться пока въ томъ, что выпустилъ онъ въ свѣтъ съ дипломами 2,365 кандидатовъ, да 920 дѣйствительныхъ студентовъ, итого 3,285 человѣкъ; но изъ числа ихъ только трое, по словамъ г. Григорьева (с. 307.) попали въ государственные дѣятели высшаго порядка (одинъ министръ юстиціи К. И. Паленъ и два члена государственнаго совѣта А. Л. Гофманъ и баронъ А. Ф. Будбергъ),—фактъ прискорбный, о которомъ краснорѣчиво распространялся въ элегическомъ тонѣ и профессоръ И. Е. Андреевскій на юбилейномъ обѣдѣ 8-го февраля 1869 г. Совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Григорьевъ, что питомцамъ

университета болѣе нежели въ государственной службѣ посчастливилось въ наукѣ и искусствѣ, и есть два-три крупныя имени (Грановскій, И. С. Тургеневъ) и нѣсколько меньшихъ свѣтилъ, да и всѣ эти олимпійцы, за исключеніемъ одного Тургенева, почти невидимы на Западѣ Европы за предѣлами нашего, весьма правда, обширнаго отечества. При такихъ условіяхъ понятно, что и памятникъ могъ быть созданъ не великій, скромный, безъ пьедестала.

Обыкновенно такіе памятники по способу внѣшней своей отдѣлки напоминаютъ у такихъ художниковъ, какъ г. Григорьевъ, манеру китайской живописи, и щеголяютъ богатствомъ мелочныхъ подробностей тончайшей работы, но незачѣмъ искать въ нихъ и требовать отъ нихъ ни соблюденія законовъ перспективы, ни экспрессіи. Всѣ лица выходятъ одинаково плоскія, за то трава и кусты, коими одѣты дальнія горы, отдѣланы одинаково отчетливо, какъ люди и животныя, подвизающіяся на первомъ планѣ. Еслибы жилъ до сихъ поръ маститый ректоръ, въ теченіе четверти столѣтія предсѣдательствовавшій съ неизмѣнявшимъ ему никогда достоинствомъ въ совѣтѣ *almae matris*, то по всей вѣроятности ему бы и пришлось быть ея исторіографомъ, и исполнилъ бы онъ эту задачу съ тѣмъ тактомъ и умѣніемъ, которому отдаетъ честь самъ г. Григорьевъ (237). На выполненіе задачи труда сухого и неблагодарнаго требовалось много терпѣнья, мягкости и теплоты сердечной. П. А. Плетневъ воздалъ бы должное всякому, доказавъ хорошую его сторону, промолчавъ о дурныхъ; физически умершихъ, онъ бы похвалилъ по правилу *de mortuis aut bene aut nihil*, политически для университета умершихъ, то-есть выбывшихъ, онъ бы тоже похвалилъ по правилу: Богъ съ вами, не поминать васъ лихомъ! да и объ остающихся въ университетѣ не сказалъ бы дурного слова, потому что, значитъ, своя семья. Памятникъ, такимъ образомъ составленный, соотвѣтствовалъ бы, какъ нельзя болѣе цѣли своей, онъ былъ бы настоящій юбилейный памятникъ, стройный, гармоническій, хорошо отшлифованный. Единственный упрекъ, который можно бы ему сдѣлать — тотъ, что онъ даетъ слабое и неясное понятіе о судьбахъ университета, о внутренней его жизни и развитіи, но дѣлать подобный упрекъ значитъ требовать отъ предмета того, чего онъ дать не можетъ и къ чему онъ вовсе не предназначенъ. Юбилейная записка въ столь же малой степени можетъ изображать собою настоящую исторію университета, какъ надгробная надпись—замѣнить жизнеописаніе умершаго. Перенесемся мысленно на кладбище и предположимъ, что на этомъ кладбищѣ похоронены всѣ люди извѣстнаго столѣтія съ подобающими на каждомъ гробѣ надписями, что по-

койный былъ прекрасный семьянинъ, христіанинъ, сановникъ. Соберите всѣ надписи и попытайтесь построить изъ нихъ исторію столѣтія: окажется, что въ подобной работѣ не можетъ быть ни малѣйшаго проку.

II.

Выборъ совѣта по составленію записки палъ на г. Григорьева. Повидимому, г. Григорьевъ не только по своей учености, но и по времени вступленія въ университетъ, былъ человѣкъ самый способный для выполненія возложенной на него задачи; въ бурную эпоху университетскихъ смутъ 1861 г. онъ не принадлежалъ къ ученой корпораціи и сдѣлался членомъ ея только тогда, когда университетъ дѣйствовалъ обновленный и преобразованный на основаніи новаго устава 1863 г.; значитъ, онъ стоялъ внѣ всякихъ университетскихъ партій и къ событіямъ 1861 г. могъ относиться вполнѣ объективно и, безъ всякаго надъ собою усилія, безпристрастно. Онъ мало былъ знакомъ, правда, съ трудомъ и преподаваніемъ отдѣльныхъ членовъ университетскаго сословія, но недостающее легко было пополнить изъ подлинныхъ дѣлъ университета, изъ журналовъ, наконецъ изъ устнаго преданія отъ сотоварищей, изъ коихъ четверо образовали по порученію совѣта юбилейную коммисію и участвовали, если не въ самомъ написаніи записки, то въ отвѣтственности за ея содержаніе (Срезневскій, Сухомлиновъ, Совѣтовъ и Чебышевъ-Дмитріевъ, см. 611 примѣчаніе къ запискѣ). Трудъ шелъ медленно, матеріалъ обработывался исподволь и составленіе записки вмѣстѣ съ печатаніемъ заняли два года (съ апрѣля 1868 по мартъ 1870 годъ). По своимъ размѣрамъ и плану видно, что авторъ тяготился узкостью юбилейной задачи, и отступая нѣкоторымъ образомъ отъ пріемовъ, освященныхъ обычаемъ въ подобнаго рода работахъ, рѣшился затронуть внутреннюю жизнь университета, коснуться жгучихъ вопросовъ о причинахъ университетскихъ безпорядковъ и неустройствъ, которые проявились не только въ с.-петербургскомъ, но въ другихъ университетахъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ,—и представить такимъ образомъ нѣчто въ родѣ опыта прагматической исторіи того учрежденія, которое столь дорого сердцу каждаго его питомца. Конечно, мы далеки отъ всякой мысли попрекать составителя записки за такую смѣлость. Мы помнимъ, что in magnis voluisse sat est! Мы скорѣе готовы думать, что ему бы надо быть еще смѣлѣе и, отказавшись отъ юбилейнаго пошиба и отъ китайской живописи, не на сорока листахъ, а на

ста; можетъ быть, страницахъ изобразить главнѣйшіе моменты жизни университета по убѣжденіямъ автора, вслѣдствіе чего однимъ произведеніемъ изящнаго искусства для искусства стало бы меньше, но литература обогатилась бы однимъ серьезнымъ изслѣдованіемъ. Китайской живописи много у г. Григорьева, больше, чѣмъ бы слѣдовало, и рядомъ съ нею есть сужденія о лицахъ, къ которымъ авторъ лично былъ расположенъ или нерасположенъ; есть также и посильная оцѣнка внутреннихъ въ микрокосмѣ университетскомъ переворотовъ. Я не знатокъ китайской живописи, но прежде перехода къ предметамъ болѣе существеннымъ, не могу обойтись безъ нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣчаній объ этой части труда г. Григорьева. Я полагаю, что и въ такой кропотливой мелочной работѣ надо придерживаться все-таки явленій, достигающихъ извѣстной величины. Даже и въ юбилейномъ трудѣ едва ли интересно прочесть, что въ 1867 г. проф. Чебышевъ помѣстилъ въ бюллетенѣ Ак. Н. «объ одномъ ариѳметическомъ вопросѣ», а въ 1869 г. «объ одномъ механизмѣ» (397); что проф. Срезневскій отпечаталъ 1863 г. статью «На́вертень XVII столѣтія» и «Византійскій ковчежецъ» (411); что проф. Благовѣщенскій тиснулъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» статейку: «О нѣкоторыхъ мѣрахъ для развитія и поддержки ученой жизни въ университетахъ», и въ «Голосѣ» статейку: «Къ вопросу о губернскихъ художественныхъ музеяхъ» (408); что доцентъ Ламанскій печаталъ «О нѣмецкомъ человѣкѣ въ Россіи» — переводъ изъ Gartenlaube (412), причемъ въ запискѣ г. Григорьева этотъ же нѣмецкій человѣкъ, т.-е. лекторъ Мейеръ, очутился, на слѣдующей страницѣ 413, съ отмѣткою, что онъ редактируетъ S.-Petersburger Zeitung, но ужъ безъ всякаго замѣчанія на счетъ знаменитой кобылы графа Бисмарка. Я полагаю, что можно было бы безъ всякаго ущерба и для современниковъ и для потомства исключить также мелкія, полемическія статьи, некрологи и рецензіи, которыя по роду своихъ занятій и обязанностямъ службы пишутъ профессора о выходящихъ въ свѣтъ, каждый по его спеціальному предмету, сочиненіяхъ (еще бы они этихъ рецензій не писали, чѣмъ же бы, спрашивается, и занимались господа оффиціальные представители науки?).

Излишекъ конечно не бѣда; когда составляется опись какому-нибудь имуществу, то заносится въ нее всякая тряпка и всякій гвоздикъ, отъ описи требуется только полнота и точность, но я и этихъ достоинствъ описи не могу вполнѣ признать за запиской; есть въ ней счастливцы, которымъ все досталось, и есть такіе, которые видимо обдѣлены. — При обзорѣ литературной дѣятельности, напр., К. Д. Кавелина, пропущена

большая часть его трудовъ (с. 158), а между тѣмъ дѣло предстояло не великое, надлежало перепечатать только оглавленіе собранія его сочиненій, вышедшаго въ четырехъ томахъ въ Москвѣ въ 1859 году, но и объ этомъ изданіи не упомянуто, причемъ оправдалась вполнѣ пословица: *les absents ont tort*. Еще болѣе печальная участь постигла Б. И. Утина [1]). «Изъ дѣлъ университета не видно, говоритъ записка, ни какъ взялся за преподаваніе г. Утинъ по каѳедрѣ ему порученной [2]), ни какими пособіями руководствовался онъ при преподаваніи» (стр. 168); точно г. Утинъ жилъ за сто лѣтъ, точно въ факультетѣ не сохранилось программъ, представляемыхъ каждымъ преподавателемъ, точно между товарищами по преподаванію не нашлось никого, кто бы передалъ о характерѣ преподаванія, которое посвящено было одному изъ важнѣйшихъ предметовъ юридическаго курса и обнимало собою сравнительную исторію политическихъ и въ особенности судебныхъ учрежденій, начиная съ древности и до новѣйшихъ временъ. Г. Григорьеву стоило бы только обратиться, напримѣръ, къ проф. Андреевскому, и г. Андреевскій со свойственною ему предупредительностью сообщилъ бы ему и о спорахъ, которые породило въ факультетѣ учрежденіе новой каѳедры сравнительной исторіи законодательствъ и о разныхъ мнѣніяхъ о пользѣ этой каѳедры, и о запискахъ, которыя подавались по этому предмету министерству, и о томъ, что каѳедра открытая впервые въ С.-Петербургѣ, введена по уставу 1863 г. и въ другіе университеты, такъ что тотъ же самый предметъ преподавалъ г. Дмитріевъ въ Москвѣ и г. Стояновъ въ Харьковѣ.—На стр. 86 упомянуто, что въ 1828 году профессорамъ университета объявлена благодарность министерства народнаго просвѣщенія за хорошій результатъ испытанія въ наукахъ шестерыхъ воспитанниковъ, которыхъ предполагалось отправить за границу. «Университетъ не долженъ забывать именъ воспитан-

[1]) Къ прил. 318, дающему заглавія только двухъ статей Утина, слѣдовало бы между прочимъ прибавить слѣдующія: Англійская юридическая литература, «Журн. Минист. Юстиціи» 1861 г.; Муниципальныя учрежденія, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», 1864 г.; Государственный бытъ Англіи въ «Отеч. Зап.» 1862 г., за авг.; тамъ же, за нояб., Судебная реформа; разборы сочиненій Градовскаго и о. Горчакова въ «Вѣстникѣ Европы». — Въ 1866 г. изданъ Утинымъ вмѣстѣ съ Кавелинымъ переводъ книги барона Гакстгаузена «О конституціонномъ началѣ». Все это умолчано, а «Византійскій ковчежецъ» г. Срезневскаго не забытъ.

[2]) Между тѣмъ вся эта выходка составителей «Записки» уничтожается вступительною лекціею г. Утина, напечатанною въ январьской книгѣ «От. Зап.» за 1860 г.; тамъ указанъ и методъ преподаванія, и пособія; а еще болѣе это сдѣлано въ статьѣ г. Утина: «О значеніи каѳедры иностранныхъ законодательствъ для русскихъ университетовъ», помѣщенной въ приложеніи къ журналамъ ученаго комитета минист. нар. просвѣщенія, 1862 года, вѣроятно, не безъизвѣстнымъ составителямъ «Записки».

никовъ своихъ, которые принесли ему такую честь». Я вполнѣ согласенъ, что имена этихъ воспитанниковъ достойны перейти въ исторію, но я полагаю, что не меньшую, по крайней мѣрѣ, честь принесъ университету И. С. Тургеневъ, тѣмъ, что онъ въ этомъ университетѣ воспитывался, между тѣмъ ему не посвящено ни полстрочки; да и Грановскій заслуживалъ, мнѣ кажется, больше, чѣмъ сухого извѣстія о немъ, что былъ-молъ такой человѣкъ, учился и отправленъ на казенный счетъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ (105), а потомъ въ Москвѣ пользовался большою популярностью и въ университетѣ и въ городѣ (прил. 208). Г. Григорьевъ нашелъ же возможнымъ посвятить цѣлыя двѣ страницы текста только тому, кого слушалъ заграницею и у кого учился профессоръ о. Полисадовъ (134, 135). Если о Тургеневѣ нѣтъ помину, если Грановскому отведенъ укромнѣйшій уголокъ, то нечего и удивляться пропуску имени кончившаго въ 1842 г. курсъ наукъ въ университетѣ Юліана Бартошевича, лучшаго знатока въ наше время польской старины и замѣчательнѣйшаго по смерти Шайнохи польскаго историка, съ которымъ г. Григорьевъ не могъ не быть знакомъ, хотя бы по той «Encyklopedja powszechna», на которую г. Григорьевъ поминутно ссылается, и въ изданіи которой г. Бартошевичъ участвовалъ. Г. Григорьевъ ставитъ въ особенную заслугу К. И. Ламанскому его участіе въ осуществленіи «славянскаго съѣзда» въ Москвѣ. Я полагаю, что какъ нельзя болѣе полезное сближеніе славянскихъ народностей подвигается и скрѣпляется не столько тостами и заздравными спичами, сколько основательнымъ знакомствомъ съ результатами умственной дѣятельности разныхъ народностей, что починъ въ этомъ дѣлѣ должны давать ученые и что успѣхъ славянской идеи зависитъ въ гораздо меньшей степени отъ славянскихъ братствъ и комитетовъ, сколько отъ сознательнаго проведенія каждымъ изъ сподвижниковъ славянизма великаго начала: Slavus sum, nihil slavici a me alienum puto.

Въ запискѣ попадаются не только недосмотры, но и положительныя ошибки. Нелегко догадаться напримѣръ на с. CV, что Маріанъ Красильниковъ есть одно и тоже лицо съ получившимъ въ 1859 г. серебряную медаль на с. LVI Маріаномъ Красовскимъ, но что настоящая фамилія этого лица не Красовскій и не Красильниковъ, а Маріанъ Красновскій, нынѣ профессоръ въ Технологическомъ институтѣ. Существенный недостатокъ записки при группировкѣ свѣдѣній заключается еще въ томъ, что свѣдѣнія почерпались не критически, не изъ надлежащихъ источниковъ. Когда авторъ записки объ университетѣ ссылается при изображеніи дѣятельности профессора Коссовича на свою записку о

Коссовичѣ (прил. 417), то всякому понятно, что эта записка есть нѣчто производное и что первоначальный матеріалъ доставленъ былъ автору самимъ же Коссовичемъ. Также точно, когда авторъ при изображеніи своей собственной дѣятельности и заслугъ ссылается на записку о немъ, авторѣ, профессора Коссовича въ «Журн. Мин. Народ. Просв.» за 1868 г., на статью «Григорьевъ» въ энциклопедическомъ лексиконѣ Старчевскаго, и на статью Grigorjew въ «Encyklopedja powszechna», то становишься въ недоумѣніе, въ чемъ основаніе достовѣрности свѣдѣній о жизни и дѣятельности г. Григорьева, въ томъ ли, что объ немъ писали, можетъ быть неудовлетворительно и ошибочно, составители статей въ лексиконѣ Старчевскаго и въ Encyklopedja, или въ томъ, что вписалъ эти свѣдѣнія въ записку собственною рукою самъ г. Григорьевъ, который знаетъ о г. Григорьевѣ больше и основательнѣе, нежели какая бы то ни была статья, въ какомъ бы то ни было словарѣ. Заимствованіе свѣдѣній некритическое, не изъ надлежащихъ источниковъ можетъ имѣть иногда забавныя послѣдствія. На стр. 167, сказано о Ромуальдѣ Губе, что памятникомъ занятій по II отдѣленію Собственной Е. И. В. канцеляріи осталось для Россіи дѣйствующее въ ней *Уголовное уложеніе.* Едва ли кто изъ юристовъ-практиковъ, если онъ не слыхалъ про Губе, догадается, что подъ названнымъ въ запискѣ памятникомъ разумѣется просто-на-просто Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 г., которое никогда въ нашей юридической литературѣ не называется «Уголовнымъ Уложеніемъ», названо же оно такимъ образомъ потому, что, какъ видно изъ цитаты 315, свѣдѣнія о Губе взяты цѣликомъ изъ *Encyklopedja powszechna*, въ которой уложеніе о наказаніяхъ названо Kodeks karny, что и перевелъ г. Григорьевъ дословно: уголовное уложеніе.

III.

Мелочи приведены мною единственно съ цѣлью указать, что даже механическая сторона труда въ составленіи записки далеко не можетъ считаться безукоризненною и аккуратною. Перехожу теперь къ предмету, который несравненно важнѣе и интереснѣе, къ сужденіямъ г. Григорьева о лицахъ и событіяхъ. Во избѣжаніе всякаго подозрѣнія въ пристрастіи, натяжкахъ, искаженіи содержанія записки, я позволю себѣ привести нѣсколько выдержекъ, которыя, по моему мнѣнію, могутъ дать нѣкоторое понятіе о личности и взглядахъ автора.

Стр. 107. Студенты начала тридцатыхъ годовъ выходили изъ

университета съ несравненно болѣе чистыми понятіями и гораздо благороднѣйшими стремленіями, чѣмъ тѣ, какія были имъ внушаемы подъ домашнимъ кровомъ. О тѣхъ же студентахъ на стр. 103: Треуголки, шпаги, ботфорты дерптскихъ студентовъ служили постояннымъ предметомъ зависти; а на стр. 104: Студенты оставляли университетъ съ весьма малымъ запасомъ свѣдѣній и еще меньшею любовью къ наукѣ.

С. 88. На каѳедру философіи вступилъ человѣкъ многосторонне образованный, именно такой, какой былъ нуженъ университету—А. А. Фишеръ, не берлинскій, а вѣнскій философъ, знакомившій слушателей по Канту съ философіею, не отуманивая головы. На страницѣ же 138, тотъ же Фишеръ, безъ указанной какой бы то ни было перемѣны въ направленіи, является поборникомъ подчиненія мысли, считающимъ умъ не болѣе, какъ за мѣрило отрицательное, признающее свое незнаніе.

Стр. 108. Авторъ записки признаетъ мѣрою безусловно благодѣтельною для университета освобожденіе университетовъ отъ завѣдыванія дѣлами учебнаго округа по уставу 1835 г., дававшее профессорамъ болѣе времени для ихъ ученыхъ занятій. Стр. 185 авторъ сожалѣетъ объ упраздненіи въ 1850 г. казеннокоштныхъ воспитанниковъ и о столь же напрасномъ упраздненіи въ 1858 г. Главнаго педагогическаго института. Введеніе въ университетъ преподаванія строевого устава, артиллеріи и фортификаціи авторъ записки объясняетъ (122) тѣмъ, что многіе воспитанники гражданскихъ учебныхъ заведеній поступили въ ряды защитниковъ отечества и успѣли уже отчасти отличиться, что̀ хронологически невѣрно, такъ какъ открыть преподаваніе повелѣно еще въ 1854 г., то-есть въ самомъ началѣ восточной войны, когда еще никто не могъ отличиться. Авторъ отзывается дурно о весьма немногихъ изъ бывшихъ своихъ учителей или товарищей, о двухъ, трехъ не болѣе: о протоіереѣ Райковскомъ (132), о Касторскомъ (219) и о Грефе (прим. 120). Въ числѣ тѣхъ, которымъ на долю достались одни похвалы, на недосягаемой высотѣ поставленъ Сенковскій (74, 250), «дивный», «несравненный» профессоръ, геніальный человѣкъ, который способенъ былъ бы произвести въ арабской и оттоманской литературѣ точно такой же переворотъ, какой онъ произвелъ въ русской,—живая энциклопедія науки о Востокѣ. Авторъ записки превозноситъ Сенковскаго не только какъ оріенталиста, но и за его государственныя услуги по польскому вопросу — тѣ самыя услуги, за которыя онъ прослылъ ренегатомъ между своими соотечественниками. Перломъ, валяющимся въ сору, считаетъ авторъ мысль Сенковскаго, что польское дворян-

ство имѣетъ происхожденіе отличное отъ польскаго народа и есть остатокъ азіатскихъ ордъ, можетъ быть аваровъ VI вѣка (прим. 188). Замѣтимъ автору, что перлъ этотъ былъ поднятъ и разчищенъ, что имъ-то и прославился въ Парижѣ нѣкто Духинскій, съ своею теоріею о турецкомъ происхожденіи великоруссовъ. Теорія Сенковскаго и теорія Духинскаго двѣ одного поля ягоды. Обѣ онѣ бредни, пущенныя въ ходъ съ цѣлью политическою: пустивъ ихъ, обѣ литературы поквитались, и искренно жаль людей, которые бы пустились собирать этого рода маргариты. Авторъ не разрѣшаетъ вопроса, куда ушли эти громадныя дарованія, разсыпавшіяся по мелочамъ, исчезнувшія какъ фейерверкъ, и недоумѣваетъ, почему товарищи боялись Сенковскаго, почему его вліяніе ограничивалось даже между слушателями нѣсколькими единицами, почему его аудиторія—зеленѣющій оазисъ среди пустынь—оставалась безслѣдною и никто изъ обитателей пустынь въ нее не закочевывалъ (76), почему даже Плетневъ, не почтилъ выраженіемъ сухого сожалѣнія минуту, когда съ выходомъ Сенковскаго въ отставку въ 1848 году университетъ лишился *величайшей* изъ своихъ знаменитостей (251). Понятно, что при такомъ апотеозированіи Сенковскаго, авторъ записки не любитъ Бѣлинскаго, онъ и выражается иронически (226) объ «оракулѣ» начала сороковыхъ годовъ. Послѣ Сенковскаго всего больше почета оказано Неволину (113, 155) — знаменитѣйшій доселѣ изъ русскихъ юристовъ. Его энциклопедія обработана въ своей положительной части по источникамъ, бывшимъ частью неизвѣстными западной Европѣ (??). Его исторія гражданскихъ законовъ есть произведеніе образцовое и не имѣющее себѣ равнаго. Онъ далъ юридическимъ занятіямъ историческое направленіе и образовалъ цѣлую школу юристовъ, пошедшихъ по его слѣдамъ. Любопытно было-бы узнать, кто эти юристы и гдѣ элементы той исторической школы, которую создалъ Неволинъ? Школа предполагаетъ въ основателѣ извѣстную органическую идею, объемлющую весь предметъ изученія и методъ, по которому производится и основателемъ и учениками приложеніе этой идеи и ея разработка. Идей органическихъ о развитіи русскаго гражданскаго права у Неволина не было никакихъ. Онъ и не ставилъ себѣ никогда задачею объяснить въ логической послѣдовательности преемство формъ, рождающихся одна изъ другой по необходимымъ законамъ развитія и въ связи съ общимъ теченіемъ жизни русскаго народа. Его «Исторія» есть громаднѣйшій анатомическій неодушевленный аппаратъ. Для юриста-практика она даетъ нисколько небольше того матеріала, который содержится въ полномъ собраніи законовъ. Для юриста-теоретика

или историка она не болѣе какъ справочная книга. Она такъ и остается памятникомъ египетскаго труда, одинокою гранитною пирамидою. Подражать не будетъ потомство этой постройкѣ: оно будетъ строить жилыя зданія поменьше, но поуютнѣе, въ видѣ учебника Мейера, руководства Побѣдоносцева и др. На стр. 169, встрѣчается какое-то странное и не требующее по своей несообразности опроверженія извѣстіе о томъ, что В. С. Порошинъ пріобрѣлъ въ с.-петербургскомъ университетѣ точно такое же вліяніе, какое имѣлъ Грановскій въ московскомъ.—С. 225. Объ Устряловѣ узнаемъ мы, что неизмѣнно слышался въ немъ съ свѣтлымъ взглядомъ на прошлое *настоящій русскій* человѣкъ —(225), какъ будто-бы это качество было столь рѣдкое и какъ будто-бы его недоставало другимъ историкамъ Россіи, г. С. Соловьеву или «поэтической», какъ называетъ авторъ (227), личности Костомарова. Изъ живыхъ товарищей г. Григорьева всего болѣе превознесенъ И. И. Срезневскій, который, по словамъ записки, поставилъ имя свое на ряду (!) съ славнымъ именемъ Шафарика и пріобрѣлъ неоспоримое право считаться нынѣ, о-бокъ съ Палацкимъ, блистательнѣйшимъ свѣтиломъ на горизонтѣ славянской науки (248). Диссертація г. Владиславлева «о философіи Плотина» есть трудъ по исторіи философіи, какого еще не являлось у насъ (368). Книга Ѳ. Ѳ. Соколова «о древнѣйшей исторіи Сициліи» —есть трудъ по древней исторіи Запада, какого еще у насъ не бывало (370). Съѣздъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ былъ первымъ у насъ общерусскимъ научнымъ дѣломъ (418). Юбилей Ломоносова былъ первымъ у насъ чисто общественнымъ торжествомъ (въ какомъ отношеніи? не въ гастрономическомъ-ли, такъ какъ главнымъ образомъ онъ ознаменовался обѣдомъ?) (с. 376). Наконецъ (с. 321), послѣ положенія 19 февраля никакой законъ не обработывался такъ старательно, какъ университетскій уставъ 1863 (помилуйте, г. историкъ, а судебные-то уставы 20 ноября 1864 г.: университетскій выработанъ въ десятеро меньшимъ числомъ лицъ и потребовалъ въ десять разъ меньше труда), за то и вышелъ этотъ уставъ, по словамъ записки, однимъ изъ совершеннѣйшихъ у насъ произведеній законодательства. Какъ въ этомъ предложеніи, такъ конечно и въ нѣкоторыхъ предъидущихъ видна, если не ошибаюсь, сноровка употреблять прилагательныя въ превосходной степени, и можетъ быть склонность къ амплификаціи, свойственная всякому слогу восточному. Я не коснулся ни разу въ моихъ замѣчаніяхъ восточнаго факультета, хотя исключительно этому факультету посвящено 60 страницъ въ запискѣ; некоснулся потому, что неспеціалисты лишены всякой возможности повѣрить, какой величины свѣтила вмѣщаетъ въ себѣ этотъ факультетъ и

долженъ на слово вѣрить оріенталистамъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ восточномъ факультетѣ есть знаменитости первостепенныя, но все-таки желательно было бы видѣть въ запискѣ если не рѣшеннымъ, то затронутымъ вопросъ, какое вліяніе на успѣхъ изученія Востока произвело перенесеніе изъ Казани и сосредоточеніе въ С.-Петербургѣ громадныхъ средствъ, коими обладаетъ факультетъ, и соотвѣтствуютъ ли предположеннымъ цѣлямъ достигаемые результаты. На с. 253 есть одно извѣстіе весьма, въ этомъ отношеніи, неутѣшительное. Оказывается, что когда въ С.-Петербургъ былъ приглашенъ знаменитый каирскій ученый арабъ Шейхъ Тантави, котораго славу разнесли по Европѣ его ученики французы, онъ не нашелъ въ С.-Петербургѣ слушателей (съ 1848 по 1858 г.), которые могли бы извлекать пользу изъ его преподаванія. Увидѣвъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, онъ сталъ ограничиваться толкованіемъ легкихъ историческихъ отрывковъ.

IV.

Если отдѣльныя сужденія о предметахъ и лицахъ запечатлѣны въ запискѣ отчасти восточнымъ колоритомъ, то разсказы о внутренней жизни университета и о случавшихся въ немъ переворотахъ носятъ характеръ можетъ быть средневѣковый, можетъ быть византійскій, но никакъ не современный, потому что всѣ событія и всѣ перемѣны объясняются постоянно не свойствами предмета изслѣдованія, не присущими ему законами его развитія, но чисто внѣшними причинами, которыя являются нежданно, какъ deus ex machina, возмущая покой, прерывая мирныя занятія наукою и производя тѣ или другія катастрофы. Исторіи нынѣ никто такъ не пишетъ. Никакая исторія не можетъ представляться произведеніемъ двухъ началъ, изъ которыхъ одно — пассивное, тотъ человѣкъ, общество, учрежденіе или народъ, чьи судьбы изображаются, и другое — активное, внѣшнія случайныя событія, которыя безпрепятственно и неотразимо совершаютъ свою лѣпную работу. Нѣтъ возможности разсматривать университетъ самъ по себѣ, а русское общество XIX вѣка само по себѣ — безъ всякаго живого ихъ другъ на друга воздѣйствія, а этого-то взаимнодѣйствія живыхъ силъ именно и нѣтъ у г. Григорьева; оттого и катастрофы являются нежданно, негаданно, внезапно, какъ тать, пробирающійся въ чужіе хоромы въ полночь за добычею. Послѣдовательность внезапныхъ катастрофъ, изъ которыхъ слагается, по понятіямъ г. Григорьева, исторія судебъ университета, представляется въ запискѣ въ сущности въ слѣдующемъ видѣ.

Небо было пасмурное, его заволакивало громовыми тучами, когда С. С. Уваровъ второпяхъ открылъ университетъ. Громъ грянулъ, имя ему было Руничъ; онъ опалилъ новое учрежденіе и оторвалъ нѣсколько вѣтвей, но не положилъ конца его существованію, и совершилась такимъ образомъ катастрофа первая. Виноватъ, кто-бы вы думали? Іезуиты, хотя и изгнанные изъ Россіи до происшествія, но вскормившіе ядомъ своихъ доктринъ многихъ сановныхъ питомцевъ (с. 9, 33, 44). Оно и легче на душѣ, по крайней мѣрѣ не свои виноваты, не свои, а чужіе, остается только нѣкоторое сомнѣніе насчетъ того, не были ли митрополитъ Серафимъ и архимандритъ Фотій тайные послѣдователи Лойолы, и нѣкоторое недоумѣніе насчетъ того, какими чарами и какимъ навожденіемъ злого духа могъ орденъ, неимѣющій все-таки корней въ Россіи, забрать такую силу надъ бѣдною русскою мыслью; весь же пріемъ, въ цѣломъ взятый, много теряетъ потому, что онъ есть вольное подражаніе въ иной формѣ знаменитому по своему успѣху пріему г. Каткова съ его всеобъясняющею польскою интригою.

Случилась февральская революція въ западной Европѣ (1848 г.). Она отразилась на университетѣ рядомъ строгихъ мѣръ, стѣснившихъ преподаваніе и выборное начало въ совѣтѣ, затруднившихъ пріемъ въ студенты. Случилась катастрофа вторая, которая свалилась—я въ этомъ совершенно согласенъ съ г. Григорьевымъ, какъ снѣгъ съ кровли на голову съ европейскаго Запада; но здѣсь-то именно всего умѣстнѣе было бы изобразить, какое могли въ сущности имѣть вліяніе на внутреннюю жизнь организма сжимающіе его наружные тиски, какъ сносливъ оказался организмъ въ годину испытаній, какъ бережливо хранилъ онъ священный огонь любви и уваженія къ наукѣ. Трудно было жить и дѣйствовать, но обновленіе съ силами было возможно, оно совершилось на яркой зарѣ новаго царствованія. Тогда-то и общество окружило университетъ любовью и сочувствіемъ, и начался блистательный періодъ существованія университета, который выразился цифрою полуторы тысячи постоянныхъ посѣтителей (с. 305), и котораго значеніе не отрицаетъ и г. Григорьевъ на с. 127. Желательно было бы знать, какъ держалъ себя совѣтъ въ тяжелые годы послѣ 1849 г. подъ благоразумнымъ началомъ своего опытнаго ректора Плетнева, служившаго эгидою университету и студентамъ, когда внѣ университетской полиціи явилась тяжелая въ обыкновенное время по уставу 1835 г. попечительская власть. Слѣдовало бы возстановить въ болѣе опредѣлительныхъ очертаніяхъ характеристическую фигуру суроваго сенатора, рѣзкаго и грубаго въ манерахъ, добряка душою, и дать

понятіе о патріархальности отношеній между попечителемъ, совѣтомъ и студентами, патріархальности, которая къ счастію безвозвратно миновала, но которая спасала во время оно отъ многихъ невзгодъ и непріятностей. Накопецъ, въ запискѣ совсѣмъ не обозначенъ переходъ отъ этого патріархальнаго режима къ управленію въ діаметрально противоположномъ духѣ князя Григорія Щербатова, къ его широкимъ планамъ преобразованія университета. Обходя многознаменательнымъ молчаніемъ дѣятельность кн. Щербатова, авторъ записки съ одной стороны пресѣкаетъ себѣ возможность объяснить смыслъ и мотивы устава 1863 г., въ основаніе котораго легли идеи университетской реформы, опредѣлившіяся именно при пересмотрѣ устава совѣтомъ, по предложенію князя Щербатова; съ другой стороны, авторъ теряетъ всякій ключъ къ уразумѣнію смутъ 1861 г., такъ какъ всѣ эти смуты имѣла свой корень въ недостаткахъ устава 1835 г., въ невозможныхъ въ 1858 г. отношеніяхъ между студентами и попечителемъ, основанныхъ на патріархальности, и въ попыткахъ пересоздать эти отношенія, предпринятыя впервые княземъ Щербатовымъ,— въ разрѣшеніи студентами корпоративной организаціи.

Опять просіяли небеса, опять ободрился университетъ, подготовлялся единый уставъ, единый духъ и правительства и совѣта и всѣхъ его членовъ въ усиліяхъ ихъ на пользу наукъ, какъ вдругъ осенью 1861 г. начались смуты и приключилась катастрофа третья (с. 127). И опять ставится роковой вопросъ: кто виноватъ; и опять новое появленіе dei ex machina. Виновата-молъ прежде всего литература, виноваты журналы да застольные спичи на торжественныхъ обѣдахъ (308); они-то распространяли пагубную философію, что цыплята умнѣе курицъ и дѣти заткнутъ за поясъ отцовъ. Виноватъ-молъ затѣмъ злодѣй Фицтумъ фонъ-Экштедтъ за свою любовь къ музыкѣ—онъ вѣдь первый затѣялъ въ 1847 публичные студентскіе концерты, за концертами пошелъ «Сборникъ», изданіе Сборника повело къ кассѣ, касса повела профессорскія чтенія въ пользу студентовъ; хлопоты по кассѣ, сборнику и лекціямъ повели къ тому, что студенты перестали твердить записки, работать и стали дѣлать сходки и вѣчевать. Въ этихъ хлопотахъ *«мельчало и принижалось нравственное и гражданское чувство въ студентахъ»* (с. 312), а вслѣдствіе этой деморализаціи они и начали бѣситься (такъ сказать, отъ жиру) и произвели извѣстный кавардакъ. Самой передряги г. Григорьевъ не описываетъ (онъ въ ней не участвовалъ), но совѣтуетъ обратиться желающимъ съ нею познакомиться «хронологически» къ весьма вѣрному и правдивому повѣствованію (risum teneatis amici!) къ «Панургову Стаду», роману г. Всеволода Крестовскаго (прил. 502).

Конечно, г. Григорьевъ воленъ въ выборѣ вожатыхъ,—одно только можно сказать, что ему, являющему собою подобіе университетскаго Данта при размѣщеніи отверженныхъ и блаженныхъ по разнымъ кругамъ университетскаго неба и преисподней, подобало избрать въ Виргиліи кого-нибудь посолиднѣе, а то, еслибы живъ былъ Конрадъ Лиліеншвагеръ, какъ издѣвался бы онъ надъ тѣмъ, что торжественная симфонія, начавшаяся съ andante, кончилась игривымъ финаломъ въ родѣ Оффенбаха, чѣмъ-то въ родѣ свистопляски, рука-объ-руку съ романистомъ «Русскаго Вѣстника», г. Всев. Крестовскимъ — онъ же и авторъ «Петербургскихъ Трущобъ», а отнынѣ—источникъ для оффиціальныхъ историковъ петербургскаго университета.

Г. Григорьевъ можетъ быть какого угодно мнѣнія объ университетскихъ событіяхъ; жаль только, что къ этому мнѣнію подвѣшенъ авторитетъ юбилейной коммиссіи и университетскаго совѣта, въ которомъ большинство членовъ помнитъ очень хорошо 1861 годъ и знаетъ событія несравненно лучше г. Всеволода Крестовскаго. Г. Григорьеву я и не сталъ бы и отвѣчать, потому что имя его связано теперь неразрывно съ именемъ автора «Петербургскихъ Трущобъ»; но г. Григорьеву, какъ оффиціальному исторіографу отъ совѣта, я не могу отпустить его изложенія фактовъ и его выводовъ. Бываютъ положенія, въ которыхъ молчать грѣшно, потому что когда пройдетъ время и выбудутъ живые свидѣтели, всякое опроверженіе можетъ сдѣлаться, по запоздалости, напраснымъ; само молчаніе, въ минуту когда надо было спорить, превратится въ обстоятельство, подрывающее довѣріе къ запоздалому опроверженію. Вотъ почему я, послѣ зрѣлаго раздумья, рѣшился современемъ противопоставить разсказу г. Григорьева, по «источникамъ», мой разсказъ о происшествіяхъ 1861 г. по личнымъ воспоминаніямъ, и совершенно независимо отъ г. Всев. Крестовскаго; при этомъ я сохраню надежду, что мои бывшіе товарищи этого университета, къ которымъ я не могу питать иныхъ чувствъ кромѣ глубочайшаго уваженія, исправятъ въ моемъ разсказѣ неизбѣжныя порою неполноты и неточности.

В. Спасовичъ.

10 марта 1870 г.

НАШИ СРЕДСТВА

къ

НАРОДНОМУ ПРОСВѢЩЕНІЮ.

По поводу бюджета министерства народ. просвѣщ. на 1870 годъ.

II *)

НАРОДНЫЯ УЧИЛИЩА.

Всѣ наши народныя училища оффиціально подраздѣляются на двѣ отдѣльныя группы: къ первой, *низшей*, относятся училища, находящіяся въ городахъ и селахъ: приходскія, начальныя народныя и вообще школы грамотности, дающія самое элементарное образованіе; ко второй, же *высшей*, всѣ, такъ-называемыя, училища уѣздныя, имѣющія болѣе расширенную программу, и занимающія среднее мѣсто между элементарными школами и гимназіями.

Училища второй группы, по первоначальной цѣли ихъ учрежденія служить разсадниками образованія для средняго городского населенія, существуютъ исключительно въ однихъ только городахъ и, по своему особенному въ теперешнее время положенію, заслуживаютъ болѣе,

*) См. выше, янв. 388 стр.—Въ предисловіи къ первой статьѣ, по первому изданію журнала, на стр. 388, вкралась ошибка, которая впрочемъ, по своей очевидности, могла быть легко замѣчена и исправлена каждымъ, а именно: при 70-милліонномъ населеніи Россіи, сумма въ 10 милліоновъ, удѣляемая бюджетомъ на народное просвѣщеніе, даетъ среднимъ числомъ не 7 рублей, а всего около пятиалтыннаго на просвѣщеніе одного человѣка.

чѣмъ когда-нибудь, вниманія въ томъ именно отношеніи, что *всѣ они признаются положительно несоотвѣтствующими первоначальному своему назначенію.* Главнѣйшая причина такого ихъ положенія, по словамъ отчета министерства народнаго просвѣщенія, заключается въ сдѣланной еще при самомъ ихъ учрежденіи ошибкѣ въ учебномъ ихъ планѣ, который, будучи одинаковъ въ училищахъ всѣхъ городовъ, несмотря на различіе мѣстныхъ условій, въ однихъ превышаетъ потребности населенія въ образованіи, въ другихъ же недостаточно удовлетворяетъ имъ [1]). На этомъ основаніи въ министерствѣ народнаго просвѣщенія уже предприняты предварительныя работы къ преобразованію этого рода училищъ въ такъ-называемыя *профессіональныя* школы, въ которыхъ обученіе предметамъ общаго образованія соединилось бы съ обученіемъ нѣкоторымъ спеціальностямъ, различнымъ, смотря по различнымъ мѣстностямъ.

Такая коренная реформа всѣхъ уѣздныхъ училищъ, представляя сама по себѣ особенную въ настоящее время важность, заставляетъ обратить на нихъ бо́льшее вниманіе въ томъ отношеніи, что училища этого рода до сего времени были главнѣйшими и почти единственными среднеобразовательными заведеніями для огромнаго населенія нашихъ уѣздныхъ городовъ: изъ общаго числа 418 уѣздныхъ училищъ почти $^5/_6$ существуютъ въ уѣздныхъ городахъ, изъ чего видно, что масса этихъ школъ разсѣяна по имперіи далеко равномѣрнѣе, чѣмъ напр. наши гимназіи [2]).

Содержаніе этихъ училищъ въ 1867 г. обошлось казнѣ свыше 1 мил. р., что составляетъ почти $^1/_7$ долю всего годового бюджета министерства народнаго просвѣщенія или же почти $^1/_5$ долю той суммы изъ этого бюджета, какая причиталась на содержаніе всѣхъ наименованій училищъ, всѣхъ гимназій и университетовъ. По числу наличныхъ въ 1867 г. уѣздныхъ училищъ, содержаніе каждаго обошлось круглымъ числомъ до 2,500 р.

Насколько велико образовательное значеніе этого рода училищъ собственно по отношенію къ среднему городскому населенію, можно видѣть, между прочимъ, изъ того, что общее число учащихся въ нихъ, среднимъ числомъ не выше 25,000, распредѣляется по сословіямъ такъ,

---

[1]) Болѣе $^1/_{10}$ всѣхъ нынѣ существующихъ уѣздныхъ училищъ открыты еще въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, преимущественно въ царствованіе Екатерины II; почти $^1/_2$—въ первой четверти настоящаго столѣтія, и только остальныя училища получили свое существованіе въ послѣднія 45 лѣтъ.

[2]) Во всѣхъ учебныхъ округахъ Европейской Россіи (за исключеніемъ варшавскаго и кавказкаго) насчитывается до 335 уѣздныхъ и безъуѣздныхъ городовъ и 49 губернскихъ и областныхъ; населенность всѣхъ этихъ 484 городовъ простирается свыше 6 мил. обоего пола, составляя такимъ образомъ только $^1/_9$ сельскаго населенія всѣхъ 49 губерній и областей, входящихъ въ составъ учебныхъ округовъ.

что число дѣтей дворянъ и чиновниковъ относится къ числу учащихся изъ прочихъ сословій какъ 7 къ 17, тогда какъ тѣ же сословные элементы для нашихъ гимназій составляютъ отношеніе обратное, именно какъ 7 къ 3. Что же касается общаго числа учащихся въ этихъ училищахъ, то, принявъ въ соображеніе самое число училищъ, изъ которыхъ большая часть имѣетъ трехлѣтній учебный курсъ, крайняя малочисленность въ нихъ учениковъ представляетъ весьма поразительное явленіе, ничѣмъ, конечно, инымъ не объяснимое, какъ только явнымъ *анахронизмомъ* ихъ внутренней жизни, далеко не отвѣчающей условіямъ и требованіямъ времени. И дѣйствительно, изъ отчетовъ министерства народнаго просвѣщенія нѣсколькихъ лѣтъ можно убѣдиться, что число учащихся въ училищахъ этого рода уменьшается изъ года въ годъ [1]), и что изъ училищъ этихъ ежегодно выбываетъ *до* окончанія курса болѣе 33% всего числа учащихся, тогда какъ процентъ оканчивающихъ въ нихъ курсъ не превышаетъ вообще 10. Нужно замѣтить однако, что хотя процентъ этотъ нѣсколько и выше по сравненію съ нашими гимназіями, но это обстоятельство объясняется тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ оканчиваютъ курсъ исключительно дѣти дворянъ и чиновниковъ, побуждаясь къ тому не желаніемъ получить мало-мальски законченное образованіе, чего училища въ нынѣшнемъ ихъ положеніи не могутъ и давать, а единственно въ виду тѣхъ служебныхъ правъ, которыя предоставлены окончившимъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ. И это, по словамъ самого министерства народнаго просвѣщенія, едва ли не единственная польза, какую доставляетъ ученіе въ этихъ заведеніяхъ. Затѣмъ, существуютъ, между прочимъ, и такія уѣздныя училища, въ которыхъ нѣсколько лѣтъ сряду вовсе не бываетъ выпуска окончившихъ курсъ, и вообще число оканчивающихъ курсъ такъ незначительно, что оно почти на 10% менѣе всего числа преподавателей и служащихъ въ этихъ училищахъ (до 2,750 служащихъ); если же сравнить число всѣхъ учащихся съ служебнымъ персоналомъ, то оказывается, что на каждыхъ 9 учениковъ приходится по одному служащему; но въ частности, отношеніе это измѣняется до такой степени, что въ нѣкоторыхъ училищахъ число учащихся немногимъ превышаетъ число учащихъ.

Наконецъ, нельзя обойти молчаніемъ и то обстоятельство, что каждое уѣздное училище, при педагогическомъ персоналѣ въ составѣ 5—6 лицъ, независимо отъ того или другого числа учащихся, имѣетъ особаго «смотрителя училищъ уѣзда», хотя нынѣ дѣйствующимъ «По-

---

[1]) Такъ по отчету за 1867 г. число всѣхъ учащихся было до 24,400, тогда какъ 5 лѣтъ тому назадъ въ нихъ считалось до 26,000, т.-е. было болѣе на 1,600. Фактъ замѣчательный, при постоянно усиливающемся у насъ стремленіи къ ученію.

ложеніемъ 1864 года о народныхъ училищахъ» всѣ находящіяся въ уѣздѣ училища уже не подлежатъ непосредственному вѣдѣнію «смотрителя училищъ», а между тѣмъ содержаніе свыше 400 этихъ чиновниковъ обходится казнѣ ежегодно 180,000 р. [1]).

Такимъ образомъ, если сопоставить эти данныя съ общимъ расходомъ казны на содержаніе нашихъ уѣздныхъ училищъ, окажется, что каждый обучающійся въ этихъ училищахъ обходится казнѣ ежегодно свыше 40 р., а слѣдовательно каждый оканчивающій въ нихъ 3-хъ-лѣтній курсъ (при самой элементарной программѣ) свыше [2]) 1,200 р., расходъ, который трудно назвать вполнѣ продуктивнымъ, тѣмъ болѣе, что при этомъ личное содержаніе служебнаго училищнаго персонала все-таки едва ли можно признать болѣе или менѣе обезпечивающимъ ихъ существованіе. Изъ общей суммы (свыше 1 мил. р.) стоимости содержанія всѣхъ уѣздныхъ училищъ на служебный персоналъ упадаетъ въ сложности до 800,000 р., что составляетъ около 300 р. на каждаго служащаго въ уѣздномъ училищѣ.

Какъ ни велика, повидимому, приводимая нами цифра стоимости годового содержанія уѣздныхъ училищъ, не нужно однакоже забывать, что въ дѣйствительности она значительно еще выше: поддержка казенныхъ зданій, въ которыхъ большая часть (болѣе $^2/_3$) этихъ училищъ помѣщается, очевидно, не можетъ дешево обходиться казнѣ; кромѣ того, въ годовой бюджетъ ихъ не входятъ пенсіи, пособія, награды и проч., и наконецъ, училища эти имѣютъ свои собственныя (спеціальныя) средства, какъ-то: сборъ за ученіе, ежегодныя пожертвованія почетныхъ смотрителей (въ сложности до 90,000 р.) и проч., всѣ эти побочные расходы въ бюджетъ училищъ не входятъ.

При столь очевидномъ, болѣе чѣмъ ненормальномъ положеніи огромной серіи этого рода казенныхъ учебныхъ заведеній, разсѣянныхъ почти по всѣмъ уѣзднымъ городамъ, скорѣйшее коренное преобразованіе ихъ представляется дѣломъ «неотложной надобности», обусловливаемой столько же интересами развитія образованія въ городскомъ населеніи (свыше 6 мил. обоего пола), въ особенности же отдаленныхъ и небогатыхъ уѣздныхъ городовъ, сколько и интересами государственной казны.

Достойно особеннаго вниманія, что коренная реформа этихъ училищъ признавалась министерствомъ народнаго просвѣщенія настоятельно необходимою далеко еще и прежде сего. Такъ, лѣтъ 10 тому

---

[1]) При большей части уѣздныхъ училищъ состоятъ еще такъ-называемые почетные смотрители безъ жалованья, съ правами службы и съ обязанностію ежегоднаго въ пользу училища взноса, вообще отъ 100 до 300 р.

[2]) Не нужно забывать, что изъ каждыхъ 10 учащихся только *одинъ* достигаетъ окончанія курса.

назадъ, министерствомъ было уже предполагаемо, также какъ и теперь, вмѣсто всѣхъ уѣздныхъ училищъ, устроить, смотря по мѣстнымъ условіямъ, учебныя заведенія двухъ родовъ: тамъ, гдѣ большинство городского населенія найдетъ достаточнымъ ограничиться болѣе элементарнымъ образованіемъ, уѣздныя училища предполагалось преобразовать въ высшія приходскія съ курсомъ, примѣненнымъ къ мѣстнымъ потребностямъ и условіямъ; въ тѣхъ же городахъ, гдѣ преобладающая часть населенія нуждается въ высшемъ или гимназическомъ образованіи, вмѣсто нынѣшнихъ уѣздныхъ училищъ учредить прогимназіи или же гимназіи, число которыхъ еще тогда признавалось необходимымъ увеличить, такъ какъ низшіе классы гимназій чрезмѣрно были переполнены учащимися, а между тѣмъ потребность въ гимназическомъ образованіи постоянно уменьшалась. Независимо отъ этого имѣлось тогда же въ виду нѣкоторыя уѣздныя училища преобразовать въ учительскія семинаріи или особыя школы для приготовленія учителей начальныхъ народныхъ училищъ, или, по крайней мѣрѣ, устроить для нихъ съ этою цѣлью педагогическія отдѣленія.

Такимъ образомъ оказывается, что «направленіе» министерства народнаго просвѣщенія въ вопросѣ о преобразованіи уѣздныхъ училищъ съ тѣхъ поръ пребываетъ неизмѣннымъ, а такъ какъ уже 10 лѣтъ тому назадъ оно обладало тѣми данными, на основаніи которыхъ коренная реформа этихъ училищъ представлялась еще въ ту пору безотлагательно необходимою, то позволительно наконецъ надѣяться, что предпринятыя въ послѣднее время министерствомъ предварительныя работы по преобразованію свыше 400 уѣздныхъ училищъ не замедлятъ придти къ желаемому концу. Впрочемъ, начало этому преобразованію уже положено тѣмъ, что преподаванію въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ приданъ болѣе или менѣе практическій характеръ, именно: въ 5—6 уѣздныхъ училищахъ введено обученіе употребительнѣйшимъ ремесламъ, затѣмъ, въ нѣсколькихъ училищахъ разрѣшены дополнительные (къ учебному плану по уставу 1828 г.) курсы, и наконецъ, нѣкоторыя изъ уѣздныхъ училищъ преобразованы въ гимназіи, исключительно при содѣйствіи мѣстныхъ обществъ или земства [1]).

Столь медленный однако ходъ дѣла не можетъ не привести къ той весьма естественной въ этомъ случаѣ мысли, что въ коренной реформѣ уѣздныхъ училищъ, по какимъ-либо особымъ соображеніямъ, признается необходимость соблюсти нѣкоторую постепенность. Если это

---

[1]) Въ томъ числѣ: Корочанское уѣздное училище (Кур. губ.) въ прогимназію и Вяземское (Москов. губ.) въ гимназію, оба на счетъ мѣстнаго земства; училище въ Керчи—въ гимназію, на счетъ мѣстнаго общества, и уѣздное училище въ *Якутскѣ* въ классическую (?!) прогимназію, съ пособіемъ отъ мѣстныхъ жителей.

дѣйствительно такъ, то, очевидно, что на это медленное преобразованіе столь огромнаго числа издавна существующихъ училищъ можетъ потребоваться еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, а между тѣмъ отчужденіе и, стало быть, недовѣріе къ теперешнимъ казеннымъ училищамъ все-таки возрастаетъ.

Что всякая медленность въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ преобразованіе 400 училищъ, стоющихъ казнѣ ежегодно болѣе 1 мил. р. и притомъ давно уже всѣми признанныхъ вполнѣ несостоятельными, съ одной стороны несовмѣстна съ интересами государственной казны, а съ другой неминуемо должна отражаться въ высшей степени неблаготворно на развитіи просвѣщенія большей части городского населенія, для котораго училища этого рода и были учреждены, то объ этомъ, собственно говоря, не должно бы быть и рѣчи. Всѣ приведенные нами факты говорятъ сами за себя, и оспаривать необходимость скорѣйшаго приведенія въ дѣйствіе предположенія о реформѣ этихъ училищъ, значило бы сомнѣваться даже и въ томъ, что 2,600 ежегодныхъ аттестатовъ, выдаваемыхъ теперешними уѣздными училищами ихъ ученикамъ за получаемыя въ нихъ свѣдѣнія (а кто же не знаетъ—каковы эти свѣдѣнія) не могутъ и не должны обходиться казнѣ по милліону руб. въ годъ!

Какъ бы то ни было, но на лицо такой фактъ: издавна существуетъ въ Россіи болѣе 400 училищъ, преимущественно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ училища эти суть единственныя образовательныя заведенія; при 2,700 преподавателяхъ, при 3-хъ-классномъ курсѣ ученія, училища эти, кромѣ находящихся въ многолюдныхъ губернскихъ городахъ, почти пусты; цѣлый рядъ министерскихъ отчетовъ заявляетъ, что училища эти «ни по составу учебнаго курса, ни по характеру преподаванія, ни по сроку учебнаго времени» не соотвѣтствуютъ своему назначенію, и несмотря на все это, такого рода училища, вообще говоря, остаются statu quo цѣлые десятки лѣтъ, и государственная казна, едва успѣвающая удовлетворять самыя насущныя потребности огромнаго строя громаднаго въ мірѣ государства, продолжаетъ затрачивать на ихъ содержаніе ежегодно громадную сумму. Очевидно, что для оправданія существованія столь серьезнаго факта должны быть и причины весьма серьезныя.

По нашему крайнему разумѣнію, фактъ этотъ можетъ быть объясняемъ только однимъ—крайнимъ недостаткомъ потребныхъ для реформы этихъ училищъ наставниковъ. Въ этомъ случаѣ медленное преобразованіе отжившихъ свой вѣкъ уѣздныхъ училищъ можетъ протянуться еще не немалое время, потому что, какой бы системы училища ни придерживались, какое бы направленіе въ нихъ ни проводилось, чѣмъ бы реформаторъ учебной части ни руководствовался,

безъ спеціальнаго приготовленія учителей всякая реформа этихъ училищъ, по меньшей мѣрѣ, немыслима.

Ранѣе было замѣчено, что всѣ наши уѣздныя училища по мѣстностямъ распредѣлены гораздо равномѣрнѣе сравнительно съ гимназіями и прогимназіями. Замѣчаніе это можетъ считаться до нѣкоторой степени правильнымъ лишь въ томъ отношеніи, что первыя изъ этихъ учебныхъ заведеній, какъ существующія преимущественно въ уѣздныхъ городахъ, и по значительному ихъ числу стоятъ вообще ближе другъ отъ друга въ каждой губерніи каждаго учебнаго округа, нежели гимназіи (гимназій — 139, уѣздныхъ училищъ до 440). Въ частности же по каждому округу отдѣльно, уѣздныя училища представляютъ въ свою очередь не меньшую, чѣмъ и гимназіи, неравномѣрность какъ въ отношеніи населенности различныхъ округовъ и отдѣльныхъ мѣстностей, такъ и по средней стоимости ихъ содержанія [1]).

Изъ приведенныхъ въ выноскѣ данныхъ можно, между прочимъ, видѣть, что число уѣздныхъ училищъ всѣхъ городовъ, входящихъ въ районъ, напр., кіевскаго учебнаго округа (5 губерній съ городскимъ населеніемъ не выше 790,000 жителей) менѣе на 11 противъ московскаго округа, а между тѣмъ содержаніе всѣхъ 84-хъ училищъ московскаго округа, съ городскимъ населеніемъ въ 1,140,000 жителей, стоитъ казнѣ на 13,000 р. менѣе. Кромѣ того, приведенная таблица указываетъ на нѣкоторую несоразмѣрность самого числа этихъ училищъ въ различныхъ округахъ по отношенію къ числу входящихъ въ ихъ районы городовъ; такъ, напр., въ томъ же опять московскомъ учебномъ округѣ разность между числомъ городскихъ (уѣздныхъ) училищъ и числомъ городовъ составляетъ 35, тогда какъ для кіевскаго и харьковскаго округовъ эта разность составляетъ 14 — 15, а для дерптскаго только 6. Наконецъ необходимо замѣтить, что во многихъ сравнительно болѣе населенныхъ уѣздныхъ городахъ, какъ напр. въ Старой Русѣ (10,000 жителей), Златоустѣ (до 15,000 жит.), Дубовкѣ (12,000 жит.) и друг., до сего времени вовсе нѣтъ училищъ даже съ такимъ ограниченнымъ учебнымъ курсомъ, каковъ курсъ нашихъ уѣздныхъ училищъ, несмотря на то, что всѣ такіе города, составляя

---

[1])

Учебные округи.	Число губерній.	Число городовъ.	Населенность городовъ округа.	Число уѣздныхъ училищъ.	Стоимость содержанія.
Въ Московскомъ	9	119	1,142,000	84	до 203,000 р.
„ Казанскомъ	11	99	935,000	81	„ 195,000 „
„ Петербургскомъ	6	58	844,000	43	„ 110,000 „
„ Одесскомъ	4	52	814,000	32	„ 90,000 „
„ Кіевскомъ	5	77	790,000	63	„ 216,000 „
„ Харьковскомъ	5	73	720,000	58	„ 136,000 „
„ Виленскомъ	6	80	610,000	42	„ 112,000 „
„ Дерптскомъ	3	26	210,000	20	„ 41,000 „

извѣстнаго рода административные пункты, безъ сомнѣнія, не могутъ не имѣть потребности въ учебныхъ заведеніяхъ съ курсомъ выше школъ грамотности; между тѣмъ какъ во многихъ другихъ городахъ, далеко съ меньшимъ населеніемъ, существуютъ издавна казенныя уѣздныя училища, какъ напр. въ Новомъ Осколѣ (съ 1812 г.) Вольмарѣ, Лемзалѣ, Верро и др., въ которыхъ городское населеніе не выше 1,500 обоего пола. Средняя стоимость содержанія этого рода училищъ, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, также оказывается вообще неодинакова; такъ, каждое училище въ кіевскомъ округѣ обходится казнѣ около 3,500 р., тогда какъ училище сосѣдняго округа, харьковскаго, только въ 2,300 р., московскаго и казанскаго въ 2,400 р., а въ дерптскомъ округѣ по 2,000 р.

Настоящій бюджетъ всѣхъ уѣздныхъ и равныхъ имъ училищъ (до 445) восходитъ до 1,140,000 р., изъ которыхъ почти 77% приходится на содержаніе служебнаго персонала, въ составѣ 2,779 лицъ начальствующихъ и учащихъ, остальные 23% имѣютъ назначеніе на хозяйственные расходы этихъ училищъ.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію бюджета всѣхъ прочихъ низшихъ училищъ, приходскихъ, сельскихъ, народныхъ и проч., распредѣленнаго между всѣми частями Россіи съ самою крайнею неравномѣрностію, мы считаемъ необходимымъ предварительно коснуться тѣсно связаннаго съ размѣрами этого бюджета вопроса о томъ, какъ велики были до сихъ поръ наши усилія, попытки и заботы о поднятіи уровня въ тѣсномъ смыслѣ слова народнаго образованія, на которое, какъ уже видѣли, удѣляется съ небольшимъ 5% изъ всего годового бюджета министерства народнаго просвѣщенія, то-есть далеко менѣе стоимости содержанія самой администраціи просвѣщенія народа.

Если уже суждено у насъ какому-либо изъ цѣлаго ряда вопросовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе общественное значеніе, оставаться постоянно *новымъ*, несмотря на положительную его старость, то это именно вопросу о систематическомъ приготовленіи учителей для нашихъ низшихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Впервые вопросъ этотъ является у насъ еще въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, когда Екатерина II задумала учредить городскія школы по всей Россіи: въ губернскихъ городахъ *главныя народныя училища*, а въ уѣздахъ—*малыя*. Въ 1782 году, по этому поводу вызванъ былъ изъ Австріи директоръ темешварскихъ училищъ Янковичъ-де-Миріево, какъ опытный педагогъ, «знающій россійскій языкъ и нашъ православный законъ исповѣдающій», которому и было поручено (подъ вѣдѣніемъ особой коммисіи) устроить школы первоначально въ одномъ Петербургѣ, какъ сказано въ указѣ о томъ: «начавъ именно съ той школы, которая въ первой части города» (нынѣ 2-я гимна-

зія), и съ этою цѣлью повелѣно было «истребовать для этого заведанія отъ разныхъ школъ нужное число учителей, дабы они подъ руководствомъ Янковича въ образѣ ученія наставлены быть могли» [1]). Первыми кандидатами-педагогами Янковича явились 35 отборныхъ учениковъ, взятыхъ изъ петербургской семинаріи и московской духовной академіи, которые по надлежащемъ наставленіи «въ образѣ ученія» и были первоучителями въ открытыхъ тогда въ нашей столицѣ «малыхъ» народныхъ училищахъ. Вслѣдъ за тѣмъ для удовлетворенія потребности въ учителяхъ провинціальныхъ школъ здѣсь учреждено было главное народное училище, и при немъ, независимо отъ числа учащихся, содержались до 100 казенныхъ воспитанниковъ, взятыхъ изъ духовныхъ семинарій, воинскихъ командъ и изъ добровольно пожелавшихъ посвятить себя учительской службѣ. Но вскорѣ потомъ, именно 4 года спустя, оказалось необходимымъ приготовленіе наставниковъ для главныхъ народныхъ училищъ специализировать особо отъ образованія учителей для малыхъ училищъ, для чего въ здѣшней столицѣ учреждена была, въ 1786 г., особая учительская *семинарія*, подъ начальствомъ того же Янковича, въ которую и перенесенъ помянутый комплектъ 100 казенныхъ воспитанниковъ, съ цѣлію приготовленія ихъ уже исключительно учителями въ одни главныя народныя училища (преобразованныя впослѣдствіи въ гимназіи); приготовленіе же учителей для малыхъ народныхъ училищъ уставъ 1786 г. возложилъ на обязанность всѣхъ главныхъ народныхъ училищъ [2]). Замѣчательно, что существованіе этой первой у насъ учительской семинаріи, несмотря на быстрые ея успѣхи въ первые годы, было весьма кратковременное: въ докладѣ перваго нашего министра просвѣщенія графа Завадовскаго (въ 1803 г., т.-е. спустя только 15 лѣтъ) мы встрѣчаемъ, между прочимъ, уже такую аттестацію объ этомъ педагогическомъ заведеніи, что «*по малому вниманію къ учебной части*, оно до того оскудѣло, что не находилось въ немъ *ни одного воспитанника*, приготовленнаго наукою къ занятію учительскаго мѣста» [3]). Какъ бы то ни было, въ исторіи нашихъ учебныхъ заведеній министерства просвѣщенія семинарія эта, безъ сомнѣнія, занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ собственно въ томъ отношеніи, что она послужила основаніемъ педагогическому институту (1804 г.), преобразованному впослѣдствіи въ столичный университетъ.

---

[1]) № 16,507 тома XXI Полн. Собр. Зак.

[2]) Кромѣ общихъ предметовъ курса нынѣшнихъ училищъ уѣздныхъ, въ учебный курсъ главныхъ народныхъ училищъ входили общія основанія естественной исторіи, физики, механики и архитектуры, и сверхъ того, начала языковъ латинскаго и одного изъ новѣйшихъ.

[3]) Всепод. доклад. Мин. Нар. Просв. 20 мая 1803 г. (Сбор. Пост. т. I, 1864 г. стр. 186).

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько эта учительская семинарія, въ новомъ своемъ званіи педагогическаго института сослужила свою службу въ дѣлѣ народнаго образованія вообще, прослѣдимъ въ историческомъ порядкѣ дальнѣйшее развитіе вопроса о приготовленіи учителей собственно для народныхъ училищъ. Одновременно съ преобразованіемъ учительской семинаріи въ педагогическій институтъ (1804 г.), имѣвшій первоначально исключительною цѣлію приготовлять учителей для гимназій, уставомъ послѣднихъ возложено было на обязанность гимназій, сверхъ обыкновеннаго преподаванія наукъ, приготовлять къ учительской должности *желающихъ* быть учителями въ преобразованныхъ тогда изъ *малыхъ* народныхъ училищъ *уѣздныхъ*, *приходскихъ* и другихъ. Но такъ какъ опытъ нѣсколькихъ лѣтъ показалъ, что такихъ желающихъ являлось постоянно самое ничтожное число вслѣдствіе укоренившагося тогда общаго нерасположенія къ учебной службѣ, то пришлось прибѣгнуть къ извѣстному средству вербовать охотниковъ изъ бѣдняковъ выдачею имъ учительскихъ стипендій [1]). Въ 1815 году, по мысли гр. Разумовскаго, разрѣшено было сначала при каждой изъ гимназій московскаго, а потомъ и въ прочихъ учебныхъ округахъ, содержать на жалованьи, отъ 100 до 200 р., нѣсколько такихъ учениковъ, которые изъявятъ желаніе по окончаніи курса поступать въ учителя училищъ. Какъ ни вѣрна была сама по себѣ эта искусственная мѣра и какъ ни казались заманчивыми эти стипендіи для многихъ бѣдняковъ, несмотря на то корпусъ учителей оставался все-таки весьма слабъ, и большинство народныхъ училищъ по-часту оставалось или вовсе безъ учителей, или же съ учителями самоучками, такъ что одинъ изъ оффиціальныхъ документовъ того времени положительно свидѣтельствуетъ, что по выбытіи учителей изъ училищъ въ нихъ прерывается ученіе до пріисканія новыхъ, и заведенія этого рода существуютъ на то время едва-ли только не номинально. Тогда вторично было признано необходимымъ устроить, на болѣе широкихъ началахъ, особое заведеніе, съ исключительною цѣлію приготовленія учителей собственно для низшихъ училищъ. Заведеніе это явилось, по плану петербургскаго попечителя Уварова, въ формѣ II отдѣленія при главномъ педагогическомъ институтѣ, и комплектъ (на первый разъ 30 челов.) этого отдѣленія, какъ и 1-го, былъ составленъ казенными учениками духовныхъ семинарій. Указывая на многоразличныя причины недостатка въ учителяхъ, которыя впрочемъ всѣ сводятся къ одной главнѣйшей, самому

[1]) Къ этой же мѣрѣ въ послѣднее время вынуждены были прибѣгнуть по отношенію къ нашимъ университетамъ, когда замѣтили, что всѣ филологическіе въ нихъ факультеты почти что опустѣли. Извѣстно, что только поступающіе на эти факультеты могутъ получать степендіи прямо съ *перваго* курса.

жалкому въ то время въ матеріальномъ и общественномъ отношеніи положенію школьныхъ учителей, тогдашній министръ князь Голицынъ высказалъ, между прочимъ, такого рода убѣжденіе, что въ то время когда у насъ вообще болѣе ощутится необходимость порядочнаго ученія и возрастетъ вкусъ къ нему, тогда предположенная въ уставѣ (1804 г.) среднихъ учебныхъ заведеній мѣра относительно приготовленія нашими гимназіями учителей для училищъ, можетъ быть и будетъ достаточна, но что до наступленія этой счастливой эпохи въ народномъ просвѣщеніи необходимо, при содѣйствіи всѣхъ наличныхъ къ тому способовъ, непремѣнно изыскать еще новый, т.-е. учредить спеціальное для того заведеніе. Существовавшій тогда (болѣе 50 л. назадъ) въ министерствѣ взглядъ на цѣлую систему образованія воспитателей юношества во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ на круговую въ этомъ отношеніи поруку, намъ кажется настолько и для нашего времени не безъинтереснымъ, что мы рѣшаемся дословно привести слѣдующее мѣсто изъ всеподданнѣйшаго доклада 25 октября 1817 г.: «извѣстно и неоспоримо, что низшія народныя училища служатъ основаніемъ народнаго образованія и тѣмъ необходимѣе, что предметъ обученія въ оныхъ долженъ необходимо простираться на самыя обширнѣйшія состоянія народа, распространять между онымъ истинное просвѣщеніе, развивать первоначальныя способности и открывать путь дарованіямъ къ употребленію ихъ на пользу во всякомъ родѣ познаній. По сему самому и въ общей системѣ нашего народнаго просвѣщенія, училища таковыя состоятъ въ тѣсной связи съ высшими учебными заведеніями. Слѣдовательно, хорошія народныя училища способствуютъ къ цвѣтущему состоянію гимназій, приготовляя имъ способныхъ учениковъ и учителей въ достаточномъ всегда числѣ. Гимназіи тѣмъ же самымъ служатъ университетамъ, а отъ сихъ могутъ пріобрѣтать и Академіи мужей съ талантами и основательными познаніями. Такимъ образомъ, низшія народныя училища, яко первоначальные разсадники просвѣщенія, должны необходимо предохранены быть отъ конечнаго разстройства». Къ сожалѣнію, столь широко-просвѣщенный взглядъ на дѣло, а равно и самое существованіе института для приготовленія начальныхъ учителей, не были однако долговѣчны: съ воцареніемъ въ 1822 г. взглядовъ темныхъ ревнителей лицемѣрнаго благочестія [1]) учительскіе институты оказались *не нужными*. Между тѣмъ, еще до закрытія этого института, появились почти одновременно въ двухъ университетскихъ городахъ западной Россіи двѣ особыя семинаріи, съ исключительнымъ назначеніемъ приготовленія учителей для мѣстныхъ народныхъ училищъ: именно въ Вильнѣ

---

[1]) Руничъ, Магницкій и ихъ покровители, которымъ исторія еще не вполнѣ воздала по заслугамъ.

(1819 г.) и въ Дерптѣ (1820 г.) [1]. Первая изъ нихъ была открыта на 20 воспитанниковъ и содержалась на счетъ такъ-называемаго общаго эдукаціоннаго фундуша виленскаго учебнаго округа, съ назначеніемъ по штату 3,000 р. въ годъ. Какъ видно изъ оффиціальныхъ документовъ того времени, заведеніе это, возникшее при обстоятельствахъ случайныхъ и просуществовавшее только до 1831 г., не имѣло даже мѣстнаго значенія, такъ какъ почти всѣ воспитанники этой семинаріи или переходили въ виленскій университетъ, или же поступали въ другое званіе; собственно же въ учителя народныхъ училищъ была выпущена самая незначительная часть учениковъ семинаріи за всѣ 11 лѣтъ ея существованія. Независимо отъ этого, самое учрежденіе виленской учительской семинаріи представляетъ не безъинтересный фактъ въ исторіи народнаго просвѣщенія западнаго края по слѣдующему обстоятельству. Ходатайствуя объ учрежденіи этой семинаріи, виленскій университетъ имѣлъ въ виду составленную еще при польскомъ правительствѣ съ католическимъ духовенствомъ конвенцію, въ силу которой оно обязывалось содержать при каждой церкви по одному народному училищу. Заводя у себя разсадникъ учителей для этихъ будущихъ училищъ, университетъ полагалъ тѣмъ самымъ побудить духовенство къ скорѣйшему исполненію возложенной на него конвенціею обязанности. А такъ какъ настоятели продолжали уклоняться отъ учрежденія училищъ, то университетъ въ 1829 году заключилъ съ виленскимъ епископомъ новый конкордатъ, по которому возлагалось на духовенство подвѣдомой ему епархіи, состоящей изъ южной части Виленской и всей Гродненской губерніи, устроить и содержать на свой счетъ 265 народныхъ училищъ. Но и этотъ конкордатъ, не получившій окончательнаго утвержденія, не былъ исполненъ, да и надобности въ томъ уже не предстояло, такъ какъ въ это время послѣдовало уже распоряженіе правительства объ окончательномъ изъятіи изъ рукъ католическаго духовенства всѣхъ народныхъ училищъ въ томъ краѣ. Вскорѣ затѣмъ и самая семинарія была закрыта, именно одновременно съ виленскимъ университетомъ, при которомъ она и существовала.

Вторая семинарія начальныхъ учителей, дерптская, существуетъ и въ настоящее время, и слѣдуя неуклонно своей цѣли, безспорно имѣла немаловажное значеніе для Остзейскаго края, несмотря на свои болѣе чѣмъ скромные размѣры. Она учреждена только на 10 воспитанниковъ, съ двухлѣтнимъ курсомъ ученія по слѣдующимъ предметамъ: а) законъ Божій: катихизисъ, священная и церковная

[1] Въ 1820 году утвержденъ первоначальный уставъ дерптской семинаріи, открытіе же ея послѣдовало спустя 8 лѣтъ по утвержденіи устава; нынѣшній уставъ ея утвержденъ въ 1861 году.

исторія и объясненіе св. писанія, б) педагогика, в) русскій и нѣмецкій языки, съ обозрѣніемъ словесности обоихъ, г) географія Россіи въ соединеніи съ ея исторіею на русскомъ языкѣ, д) всеобщая географія и исторія, е) ариѳметика, и затѣмъ искусства: рисованіе, музыка, пѣніе и чистописаніе. Кромѣ того семинаристы практически упражняются въ ботаникѣ и садоводствѣ и, по желанію, допускаются къ слушанію университетскихъ курсовъ сельскаго хозяйства, физики и технологіи. Пріемъ въ семинарію молодыхъ людей всѣхъ званій обусловленъ предварительными знаніями курса двухклассныхъ уѣздныхъ училищъ и возрастомъ не моложе 17 лѣтъ. Служебный персоналъ семинаріи состоитъ всего изъ 4 лицъ: 3-хъ учителей наукъ (изъ нихъ одинъ въ тоже время и инспекторъ) и учителя музыки и пѣнія; для практическаго ознакомленія съ лучшими способами начальнаго обученія при семинаріи состоитъ начальное училище, помѣщающееся въ домѣ дерптскаго общества призрѣнія бѣдныхъ. Воспитанники имѣютъ общій столъ съ инспекторомъ семинаріи и его семействомъ; квартиру получаютъ безплатно; гардеробъ же и всѣ учебныя пособія имѣютъ на собственный счетъ; по окончаніи курса они обязаны прослужить въ учительскомъ званіи не менѣе 6-ти лѣтъ, по назначенію учебнаго начальства. Годовое содержаніе этой семинаріи, помѣщающейся въ казенномъ домѣ вмѣстѣ съ школой для бѣдныхъ дѣтей, въ настоящее время обходится казнѣ до 4,400 р., распредѣленныхъ по главнымъ предметамъ расходовъ слѣдующимъ образомъ:

а) на жалованье 4 учителямъ (трое изъ нихъ помѣщаются въ самой семинаріи)	2,058 р.
б) на уплату за ученіе, производящуюся отдѣльно по частямъ	300 р.
в) на содержаніе семинаристовъ	1,302 р.
г) на отопленіе, освѣщеніе, содержаніе прислуги, канцелярскіе матеріалы, ремонтъ дома и прочіе хозяйственные расходы	733 р.

Насколько эта не обширная, по учебному плану и матеріальнымъ средствамъ, семинарія во все время своего непрерывнаго существованія принесла остзейскому краю существенной пользы, доказательствомъ тому лучше всего можетъ служить позднѣйшее оффиціальное свидѣтельство (въ 1864 г.) самого министерства просвѣщенія о томъ, что, благодаря этой семинаріи, начальныя училища Дерптскаго округа имѣютъ рѣшительное преимущество предъ подобными же училищами имперіи, по основательности преподаванія и по нравственному вліянію на мѣстное народонаселеніе; что семинарія эта со времени своего учрежденія (1828 г.) приготовила до 175 воспитанниковъ и въ числѣ ихъ до 162 изъ *крестьянскаго* и мѣщанскаго сословій, которые, за исключеніемъ 15 выбывшихъ по разнымъ обстоятельствамъ, всѣ посту-

пили на дѣйствительную службу учителями начальныхъ училищъ и полезною своею дѣятельностію вполнѣ доказали цѣлесообразность заведенія, которому они обязаны своимъ образованіемъ. Такимъ образомъ, еще 6 лѣтъ тому назадъ министерство народнаго просвѣщенія само находило, что подобный опытъ говоритъ ясно въ пользу учрежденія учительскихъ семинарій и въ другихъ мѣстностяхъ обширной Россіи, какъ единственнаго средства достигнуть того, чтобы наши народныя училища приносили всю ожидаемую отъ нихъ пользу.

Обращаясь затѣмъ къ финансовой сторонѣ вопроса, слѣдуетъ замѣтить, что дерптская семинарія народныхъ учителей можетъ служить осязательнымъ, такъ-сказать, доказательствомъ того, что, не задаваясь, при самомъ началѣ, слишкомъ широкими размѣрами при учрежденіи подобнаго рода настоятельно-потребныхъ у насъ заведеній, при раціональномъ веденіи дѣла можно достигнуть благотворныхъ результатовъ даже и съ такими ограниченными матеріальными средствами, какими располагала дерптская учительская семинарія во все время своего существованія. Первоначальный ея штатъ съ 1828 по 1843 г. не восходилъ и до 2,000 р. въ годъ; затѣмъ, съ 1843 по 1861 г. затраты на нее казны простирались до 2,700 р. ежегодно, съ 1861 г. отпускалось по 3,208 р. и наконецъ въ настоящее время по 4,400 р. Такимъ образомъ, если сопоставить общее число выпущенныхъ изъ семинаріи (съ 1828 по 1864 г.) съ стоимостію содержанія этой семинаріи за все это время, то окажется, что приготовленіе каждаго народнаго учителя, обязаннаго прослужить въ этой должности не менѣе 6 лѣтъ, обошлось казнѣ до 550 р., т.-е. около 93 руб. за каждый годъ службы, расходъ, который, по крайней его умѣренности, нельзя не признать вполнѣ производительнымъ для дѣла народнаго просвѣщенія, особенно же если принять при этомъ въ соображеніе ту непреложную истину, что всякая хорошая школа плодитъ новыхъ дѣятелей для школы же.

Одновременно съ открытіемъ дерптской учительской семинаріи, въ концѣ 1828 г., императоръ Николай повелѣлъ учредить въ Петербургѣ особое заведеніе (на 100 воспитанниковъ) подъ названіемъ Главнаго Педагогическаго Института (сверхъ существовавшихъ тогда студентскихъ отдѣленій при университетахъ, собственно для приготовленія профессоровъ и учителей гимназій [1]). Мѣра эта имѣетъ близкую связь съ нашимъ вопросомъ—о приготовленіи учителей для училищъ,—въ томъ, во 1-хъ, отношеніи, что, въ силу одного изъ §§ устава этого новаго института, всѣ изъ его воспитанниковъ, которые, по окончаніи предварительнаго курса, не окажутъ достаточныхъ способ-

---

[1]) Комплектъ этотъ, какъ и прежде, былъ наполненъ одними казенными воспитанниками духовныхъ семинарій.

ностей сдѣлаться современемъ профессорами или учителями гимназій, должны были занимать мѣста учителей низшихъ училищъ, и во 2-хъ, что, по недостатку учителей собственно для уѣздныхъ училищъ, вскорѣ затѣмъ (въ 1838 г.) было признано необходимымъ при этомъ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ учредить особое отдѣленіе (въ 30 челов.), съ 4-хъ лѣтнимъ курсомъ ученія, съ цѣлію приготовленія исключительно учителей для училищъ. На содержаніе этого отдѣленія особыхъ суммъ не было назначено и всѣ расходы по немъ упадали на однѣ экономическія суммы Главнаго Педагогическаго Института; поэтому, какъ только эти экономическія суммы потребовались на другія нужды института, то само собою должно было прекратиться и существованіе этого отдѣленія. Фактъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, не замедлилъ совершиться: въ первый же годъ (1837) управленія Главнымъ Педагогическомъ Институтомъ извѣстнаго въ свое время профессора Ив. Ив. Давыдова, отдѣленіе низшихъ учителей было закрыто по собственной иниціативѣ. Такимъ образомъ, Главный Педагогическій Институтъ во все остальное время своей дѣятельности (до 1858 г.) могъ доставлять училищамъ только тѣхъ изъ своихъ питомцевъ, которые, по малымъ способностямъ или другимъ какимъ-либо причинамъ, не могли удовлетворять условіямъ званія профессора или учителя гимназіи. Замѣтимъ здѣсь кстати, что Главный Педагогическій Институтъ, въ теченіе всей своей тридцатилѣтней педагогической дѣятельности (съ 1828 по 1858 г.) успѣлъ доставить нашимъ учебнымъ заведеніямъ всего 681 наставника; въ томъ числѣ 42 въ высшія, 377 въ среднія и 262 *въ низшія*, т.-е. въ уѣздныя и приходскія училища [1]). А такъ какъ, по штату 30 сентября 1828 г., на содержаніе института отпускалось по 207,400 рублей ежегодно (кромѣ суммъ на отопленіе), что составитъ въ теченіе 30 лѣтъ 6.222,000 р., то, предположивъ стоимость приготовленія 262-хъ учителей уѣздныхъ и приходскихъ училищѣ maximum около 800,000 р., что составитъ на каждаго изъ нихъ по 3,000 руб., оказывается, что на долю остальныхъ 419 наставниковъ причитается до $5\frac{1}{2}$ милліоновъ, т.-е. около 13,000 р. расходовъ государственной казны на приготовленіе каждаго наставника. Нужно замѣтить при этомъ, что въ настоящій разсчетъ не входитъ весьма немалый итогъ за 30 лѣтъ всѣхъ другихъ, не штатныхъ по отношенію сего института, расходовъ, какъ-то: расходовъ по командировкамъ за границу, выдачамъ третного жалованья и прогонныхъ денегъ при опредѣленіи кандидатовъ-педагоговъ на службу, издержекъ по капитальнымъ поправкамъ казеннаго зданія и проч. Въ 1834 г., т.-е. 4 года спустя по закрытіи семинаріи начальныхъ учителей въ Вильнѣ, по соображеніямъ чисто политическаго свойства,

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 г. часть XXXIV, стр. 613.

признано было необходимымъ учредить такую же семинарію въ бѣлорусскомъ учебномъ округѣ (бывшемъ виленскомъ) при витебской гимназіи. При учрежденіи ея имѣлось въ виду скорѣйшее приготовленіе знающихъ русскій языкъ учителей [1]) для тѣхъ народныхъ училищъ, которыя устраивались тогда взамѣнъ бывшихъ духовныхъ, а также для предположенныхъ къ открытію вновь при всѣхъ тамошнихъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ въ видѣ приготовительныхъ классовъ. Комплектъ этой семинаріи былъ 30 казенныхъ воспитанниковъ, съ содержаніемъ по 3,300 р. въ годъ, на счетъ доходовъ съ имѣній отъ упраздненныхъ католическихъ монастырей. По первоначальному учебному плану, въ составъ котораго, между прочимъ, входили предметы: практическая механика, общія понятія о гражданскихъ постановленіяхъ, уставъ благочинія, о правахъ разныхъ сословій и т. д. и по обширности готовыхъ уже образовательныхъ средствъ [2]), семинарія эта могла бы современемъ имѣть не одно только мѣстное значеніе. Между тѣмъ, просуществовавъ только около 4 лѣтъ, въ дѣйствительности она не имѣла въ своемъ устройствѣ почти ничего спеціальнаго, приспособленнаго къ цѣли ея учрежденія: учебный планъ спеціальныхъ предметовъ оставался безъ выполненія потому, что подъ рукой не оказалось лицъ, способныхъ принять на себя преподаваніе тѣхъ предметовъ, и все отличіе семинаристовъ отъ прочихъ учениковъ гимназіи состояло только въ томъ, что они знакомились съ ланкастерскимъ методомъ обученія и учились музыкѣ и пѣнію, такъ что, въ сущности, учрежденіе это составляло какъ бы пансіонъ при гимназіи. Впрочемъ, ближайшая цѣль учрежденія витебской семинаріи была достигнута въ короткое время: въ теченіи 4 лѣтъ она снабдила учителями 62 вновь открытыя и преобразованныя изъ прежнихъ духовныхъ училища, т.-е. слишкомъ двойнымъ своимъ комплектомъ. Затѣмъ, при повсемѣстномъ введеніи преподаванія русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ того края и на основаніи заявленія мѣстнаго начальства о томъ, что и безъ этой семинаріи, при многочисленности и бѣдности шляхты, многіе изъ нихъ, по выходѣ изъ учебныхъ заведеній, *рады найти себѣ* пропитаніе даже и въ званіи народныхъ учителей, дальнѣйшее существованіе витебской семинаріи признано было не нужнымъ и съ разрѣшенія министра просвѣщенія князя Ширинскаго-Шахматова она была закрыта въ концѣ 1839 г. [3]).

---

[1]) Въ то время русскій языкъ только начиналъ водворяться въ учебныхъ заведеніяхъ 9 западныхъ губерній.

[2]) Въ семинарію перенесена была изъ виленскаго университета коллекція моделей и машинъ.

[3]) Насколько тогдашній уровень первоначальнаго образованія въ западномъ краѣ, не высокій самъ по себѣ, все-таки стоялъ значительно выше въ сравненіи съ прочими округами Россіи, можно судить по отчетамъ министерства просвѣщенія за то

Въ такомъ положеніи вопросъ о приготовленіи учителей для народныхъ училищъ оставался до 1860 г., когда, въ ряду всякаго рода проектовъ по преобразованію учрежденій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, былъ составленъ обширный проектъ учрежденія у насъ нѣсколькихъ учительскихъ семинарій. Какъ извѣстно, по этому поводу и съ исключительною цѣлію ознакомленія съ устройствомъ заграничныхъ, въ особенности нѣмецкихъ, учительскихъ семинарій, отправлены были за границу тогда же нѣсколько нашихъ лучшихъ педагоговъ, и результатомъ всѣхъ предварительныхъ по этому вопросу работъ было то, что министерство народнаго просвѣщенія еще въ 1862—3 годахъ положительно высказывалось въ пользу учрежденія у насъ значительнаго числа особыхъ семинарій, собственно для приготовленія учителей въ народныя училища. Въ дѣйствительности же мысли этой не суждено до сихъ поръ осуществиться въ фактѣ: съ того времени министерство народнаго просвѣщенія ограничивалось одними лишь отдѣльными попытками, и средствъ его доставало на приготовленіе народныхъ учителей для училищъ только западной полосы Россіи.

Слѣдуя въ дальнѣйшемъ развитіи этого вопроса историческому порядку, упомянемъ здѣсь и объ единовременныхъ затратахъ казны (въ 1863 г.) въ 6,125 р. для приготовленія благонадежныхъ народныхъ учителей для училищъ только двухъ изъ западныхъ учебныхъ округовъ, кіевскаго и виленскаго, по 3,062 р. на каждый округъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ году учреждено нѣсколько учительскихъ семинарій въ царствѣ польскомъ и одна въ виленскомъ учебномъ округѣ, для образованія учителей исключительно для народныхъ училищъ въ этихъ краяхъ [1]. Такъ какъ учительская семинарія виленскаго учебнаго округа (въ мѣстечкѣ Молодечнѣ Виленской губерніи) учреждена въ размѣрахъ болѣе широкихъ сравнительно съ дерптской, и къ тому же она послужила образцомъ для открытой впослѣдствіи еще одной учительской семинаріи (въ кіевскомъ округѣ), то мы позволимъ себѣ остановиться здѣсь на нѣкоторыхъ подробностяхъ какъ относительно учебнаго плана, такъ и финансовыхъ средствъ этой образцовой у насъ семинаріи народныхъ учителей.

время (30 лѣтъ назадъ): въ московскомъ округѣ, самомъ богатомъ тогда по числу приходскихъ училищъ, ихъ насчитывалось 180 на 10,800 т. жит., или 1 училище на 60 т. жит., въ бѣлорусскомъ же показано 160 на 4,630 т. жит., т.-е. 1 школа менѣе чѣмъ на 30 т. жит. Къ этому надо прибавить, что въ населеніи бѣлорусскаго округа находилось тогда до $^1/_2$ мил. евреевъ, имѣвшихъ свои собственныя многочисленныя школы.

[1]) Еще ранѣе, именно въ 1862 г. учреждена въ широкихъ размѣрахъ особая учительская семинарія въ Финляндіи, но и о ней мы не имѣемъ никакихъ опубликованныхъ свѣдѣній; о варшавскихъ же семинаріяхъ скажемъ ниже.

Необходимость учрежденія въ сѣверо-западномъ краѣ учительской русской семинаріи вытекла изъ соображеній чисто политическаго свойства. Министерство народнаго просвѣщенія видѣло тогда въ такой семинаріи одно изъ орудій противодѣйствія вліянію польской національности и справедливо признавало учрежденіе ея ничѣмъ въ этомъ отношеніи незамѣнимымъ. Основанная на началахъ чисто русской народности, она, по мысли министерства народнаго просвѣщенія, должна была служить самымъ сильнымъ оплотомъ правительства, проведеніемъ въ своихъ питомцахъ (исключительно православнаго исповѣданія) сочувствіе ко всему русскому, и объединяла бы ихъ съ общимъ нашимъ отечествомъ. При этомъ имѣлось въ виду то весьма важное обстоятельство, что, воспитанные въ духѣ народности, питомцы этой семинаріи получатъ такимъ образомъ возможность сообщить образованію края направленіе, оживленное духомъ народности и вѣрное началу православія. Уже тогда министерство народнаго просвѣщенія положительно убѣдилось опытомъ, что одно наше духовенство не въ состояніи достигнуть этой цѣли, потому что, отвлекаемое своими прямыми обязанностями, оно не можетъ принять на себя и выполнить въ цѣлости всей задачи народнаго воспитанія, а равно и потому, что для вполнѣ успѣшной дѣятельности въ обученіи народа необходимо особое приготовленіе, котораго наше духовенство не получаетъ. Оставляя за сельскими священниками одно лишь блюстительство за народными школами и обученіе въ нихъ закону Божію, министерство весь дѣйствительный успѣхъ ученія въ народныхъ школахъ обусловливало необходимостью имѣть въ такихъ школахъ особо приготовленныхъ народныхъ учителей, какъ помощниковъ законоучителей.

Въ видахъ скорѣйшаго приготовленія народныхъ учителей, учебный курсъ молодечнянской семинаріи первоначально былъ принятъ, по примѣру дерптской—двухлѣтній и заключалъ въ себѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія для народнаго учителя; служебный же персоналъ состоялъ изъ 4-хъ наставниковъ (изъ нихъ одинъ управляющій семинаріею), вполнѣ знакомыхъ съ педагогическими методами и способныхъ учить нѣсколькимъ предметамъ. Столь ограниченный составъ преподавателей, при комплектѣ казенныхъ стипендіатовъ въ 60 человѣкъ, допущенъ былъ, кромѣ соображеній экономическихъ, еще и потому, что министерство признавало дѣломъ не легкимъ отыскать даже и четырехъ такихъ наставниковъ. Хотя министерство народнаго просвѣщенія и находило тогда, что такихъ учителей можно приготовить въ достаточномъ числѣ, оговорившись при этомъ, что *все же нужно ихъ приготовить*, а между тѣмъ открытіе молодечнянской семинаріи, по важности ея для Россіи, признавалось дѣломъ не терпящимъ ни малѣйшаго отлагательства. На содержаніе этой семинаріи потребовалось по 11,280 р. въ годъ, а такъ какъ она устроена взамѣнъ упразд-

женной въ Молодечнѣ прогимназіи, на которую шло ежегодно по 5,025 р., то слѣдовательно новаго расхода казны потребовалось только съ небольшимъ 6,000 р. Семинарія эта—заведеніе открытое, и при ней состоитъ особое народное училище собственно для практическихъ занятій воспитанниковъ. Размѣръ казенныхъ стипендій семинаристамъ ограниченъ 80 р., при томъ условіи, что они обязаны жить по три и болѣе человѣкъ въ наемныхъ квартирахъ у частныхъ лицъ, извѣстныхъ начальству семинаріи по своей благонадежности. Въ семинарію принимаются молодые люди не выше 17-ти-лѣтняго возраста, съ свѣдѣніями курса двухклассныхъ народныхъ училищъ виленскаго учебнаго округа, весьма близко подходящаго къ курсу нашихъ уѣздныхъ училищъ. Предметы преподаванія въ семинаріи слѣдующіе: законъ Божій, методика, русскій и славянскій языки, ариѳметика, главныя основанія геометріи, землемѣріе, линейное черченіе, русская исторія, краткая всеобщая и болѣе подробная русская географія, главныя основанія естественной исторіи, чистописаніе и пѣніе. Семинаристы освобождаются на все время пребыванія своего въ заведеніи отъ лежащихъ на нихъ повинностей, кромѣ рекрутской, впредь до изданія по сему предмету общаго постановленія [1]). Обязательный срокъ службы за стипендіи не менѣе 4-хъ лѣтъ. Молодечнянская семинарія выпустила въ первый разъ въ 1866 г.—13 народныхъ учителей и во второй разъ, т.-е. въ 1867 г.—24. Реализируя стоимость приготовленія этихъ учителей, оказывается, что каждый выпускной учитель 1-го выпуска обошелся казнѣ въ 1,600 р., и второго около — 950 р. Если же принять въ соображеніе, что при двухлѣтнемъ курсѣ ученія, нормальный ежегодный выпускъ учителей долженъ быть не менѣе 30, то приготовленіе каждаго народнаго учителя будетъ стоить казнѣ 376 р., что составляетъ менѣе 100 р. за каждый годъ обязательной 4-хъ-лѣтней службы.

Въ послѣднее время, какъ намъ извѣстно, въ этой семинаріи введено обученіе еще нѣкоторымъ ремесламъ, какъ-то: столярному, переплетному, мебельному производству, плетенію корзинъ и проч. Къ 1868 году общее число семинаристовъ доходило до 70, благодаря нѣсколькимъ частнымъ стипендіямъ, учрежденнымъ на пожертвованныя суммы [2]).

---

[1]) По слухамъ, министерство народнаго просвѣщенія въ послѣднее время вошло уже въ государственный совѣтъ съ представленіемъ новаго проекта штатовъ и устава молодечнянской учительской семинаріи, въ которомъ, между прочимъ, ходатайствуетъ и объ освобожденіи отъ рекрутской повинности учителей народныхъ училищъ изъ воспитанниковъ этой семинаріи, за все время пребыванія ихъ на службѣ министерства народнаго просвѣщенія.

[2]) Въ томъ числѣ одна стипендія имени графа Муравьева на пожертвованную крестьянами Слуцкаго уѣзда (Минской губерніи), сумму 1,700 р.; двѣ стипендіи имени

Исчисленная министерствомъ народнаго просвѣщенія на текущій годъ сумма на ея содержаніе 11,214 р., распредѣлена слѣдующимъ образомъ: содержаніе—

а) Управляющаго (1,470 р.), законоучителя (900 р.), двухъ наставниковъ (1,764 р.), учителя народнаго училища (450 р.), учителя пѣнія и фельдшера (по 100 р.)—всего 4,784 р.

б) На 60 стипендій (по 80 р.) 4,800 р.

в) На библіотеку (100 р.), учебныя пособія для стипендіатовъ (300), награды окончившимъ курсъ воспитанникамъ (100 р.) и на лекарство (100 р.)—всего 600 р.

и г) На содержаніе дома, отопленіе, освѣщеніе, плату служителямъ и проч. расходы 1,030 р.

Таковы въ общихъ чертахъ начала устройства и содержанія этой семинаріи, учрежденной въ Молодечнѣ, какъ въ мѣстности, населенной преимущественно православными и потому представляющей болѣе средствъ для выбора учительскихъ кандидатовъ.

Какъ уже сказано выше, къ тому же времени (1864 г.) относится основаніе нѣсколькихъ учительскихъ семинарій народныхъ учителей въ теперешнемъ варшавскомъ учебномъ округѣ. Такихъ семинарій подъ названіемъ педагогическихъ курсовъ въ настоящее время существуетъ тамъ до 7-ми, а именно въ слѣдующихъ учебныхъ дирекціяхъ: 2—въ Варшавской и по одному въ Радомской, Плоцкой и Сувалкской и грекоуніатскіе педагогическіе курсы въ городахъ Холмѣ и Бѣлѣ. Содержаніе всѣхъ этихъ курсовъ обходится казнѣ свыше 70,000 р., т.-е. среднимъ числомъ по 10,000 р. на каждые курсы. Изъ общей суммы (70,000 р.) приходится на служебный персоналъ (40 челов.) свыше 60%, затѣмъ на стипендіи до 27%, и остальные до 13% — на учебно-хозяйственные расходы по содержанію этихъ курсовъ.

Въ ряду принятыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія мѣръ къ образованію народныхъ учителей для училищъ собственно внутреннихъ учебныхъ округовъ имперіи, главное мѣсто занимаетъ учрежденіе (1865 г.) 5-ти педагогическихъ курсовъ, сначала въ видѣ опыта, при одномъ изъ уѣздныхъ училищъ каждаго изъ 5-ти учебныхъ округовъ: петербургскаго, московскаго, казанскаго, харьковскаго и одесскаго [1]),

генерала фонъ-Кауфмана на пожертвованныя чиновниками сѣверо-западнаго края 3,800 р.; двѣ стипендіи подъ названіемъ «ревнителей народнаго образованія въ западномъ краѣ», на пожертвованные чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ 427 р. и на собранные военнымъ начальникомъ Ошмянскаго уѣзда (Вилен. губер.) 2,774 р. и др.

[1]) Мѣру эту министерство народнаго просвѣщенія признало тогда же временною, обусловленною положеніемъ государственнаго казначейства и съ своей стороны предполагало, по мѣрѣ возможности, учредить учительскія семинаріи, по крайней мѣрѣ, по одной въ каждой губерніи, для того, чтобы вновь учрежденные тогда училищные

а потомъ съ 1866 г., такіе педагогическіе курсы для приготовленія народныхъ учителей учреждены при уѣздныхъ училищахъ учебныхъ округовъ: с.-петербургскаго — Андреевскомъ 2-мъ классномъ приходскомъ [1]) и вологодскомъ уѣздномъ; московскаго—Смоленскомъ и Владимірскомъ; харьковскаго — Харьковскомъ и Курскомъ; казанскаго—Саратовскомъ и Пермскомъ, и одесскаго—Одесскомъ и Кишеневскомъ 1-мъ; сверхъ того такіе же курсы при Николаевскомъ уѣздномъ училищѣ Херсонской губерніи. На содержаніе каждыхъ изъ этихъ 11-ти педагогическихъ курсовъ идетъ изъ казны по 4,695 р., т.-е. 51,645 р.

Изъ отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1867 г. видно, что къ 1868 г. во всѣхъ этихъ курсахъ состояло кандидатовъ-педагоговъ до 365 челов.; но какъ великъ ежегодный выпускъ изъ нихъ въ учителя народныхъ училищъ внутреннихъ губерній — отчетъ не даетъ объ этомъ свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ, если предположить даже, что курсы эти выпускаютъ ежегодно половину полнаго комплекта, то и тогда мы имѣемъ только 180 новыхъ въ годъ учителей для народныхъ училищъ такихъ учебныхъ округовъ, гдѣ одно только сельское населеніе простирается до 40 мил. обоего пола, т.-е. одинъ выпускной народный учитель почти на 225,000 жит. сельскаго населенія; тогда какъ одновременно съ тѣмъ во всѣхъ педагогическихъ курсахъ для образованія учителей народныхъ училищъ одного варшавскаго учебнаго округа, при городскомъ и сельскомъ населеніи въ $5^1/_2$ мил. состояло на лицо (къ 1868 г.) до 260 кандидатовъ [2]); слѣдовательно, здѣсь приходится 1 выпускной учитель только на 42,000 жителей.

Еще нѣсколько ранѣе учрежденія педагогическихъ курсовъ при уѣздныхъ училищахъ для приготовленія народныхъ учителей, во внутреннихъ учебныхъ округахъ, министерство народнаго просвѣщенія сочло необходимымъ принять по этому предмету частныя мѣры.

Такъ въ 1862 г. была учреждена временная педагогическая школа при кіевскомъ университетѣ, исключительно для приготовленія учителей въ народныя училища юго-западныхъ губерній; затѣмъ съ того

совѣты имѣли возможность получать изъ нихъ хорошо приготовленныхъ учителей для народныхъ училищъ.

[1]) При этихъ именно курсахъ петербургское губернское земское собраніе постановило (въ засѣданіи 3-го декабря 1869 г.), содержать 20 стипендій для приготовленія народныхъ учителей. Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ этомъ именно засѣданіи однимъ изъ гласныхъ заявленъ весьма знаменательный фактъ существованія во многихъ волостяхъ Гдовскаго уѣзда значительнаго числа мірскихъ приговоровъ о полной готовности крестьянъ давать на школы по 10 к. съ души,—если только въ ихъ школахъ будутъ настоящіе учителя, а не священники (№ 336 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1869 года).

[2]) Въ томъ числѣ: въ русскихъ для греко-уніатскаго населенія 97 учениковъ, а польскихъ—91 учен., въ литовскихъ педагогическихъ курсахъ 41 учен. и въ нѣмецкихъ—30 учениковъ.

же года назначается постоянно по 3,000 р. на образованіе народныхъ учителей для казанскаго учебнаго округа, и наконецъ, тогда же было назначено единовременно въ распоряженіе начальства московскаго учебнаго округа 6,000 р. для приготовленія учителей народныхъ школъ того округа.

Если ко всему сказанному здѣсь прибавить, что въ минувшемъ году министерство учредило еще одну учительскую семинарію въ кіевскомъ учебномъ округѣ, по образцу Молодечнянской (т.-е. съ ежегоднымъ расходомъ казны въ 11,214 р.), то затѣмъ, мы будемъ имѣть почти полную картину всѣхъ жертвъ и затратъ государственной казны на дѣло образованія учителей для народа, — этого вѣрнаго и главнѣйшаго вкладчика той же государственной казны.

Прибавимъ къ этому, что въ настоящее время министерство народнаго просвѣщенія вновь проектируетъ учредить учительскія семинаріи по одной въ каждомъ учебномъ округѣ (за исключеніемъ варшавскаго, дерптскаго, виленскаго и кіевскаго, въ которыхъ уже существуютъ такія заведенія), съ разсчетомъ ежегоднаго выпуска народныхъ учителей по 20 челов. изъ каждой семинаріи [1]). На содержаніе этихъ проектируемыхъ семинарій министерство народнаго просвѣщенія исчисляетъ свыше 24,000 р. на каждую. Но такъ какъ учрежденіе этихъ семинарій во всякомъ случаѣ есть еще вопросъ будущаго, а мы видѣли, что въ недавнемъ прошедшемъ министерство уже не разъ проектировало устройство нѣсколькихъ такихъ семинарій, то, не входя въ разборъ достоинства этихъ новыхъ проектовъ штата и учебнаго плана будущихъ (весьма впрочемъ дорогихъ по проекту) семинарій, замѣтимъ здѣсь пока одно только то, что въ виду открыто сознаваемаго самимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія факта — крайне

---

1) Журн. Министер. Нар. Просв. 1869 г. ч. 1. CXL III.

Невольно при этомъ возникаетъ вопросъ, на чемъ же основывается тотъ или другой разсчетъ м—ва относительно комплекта будущихъ народныхъ учителей? Почему именно признается достаточнымъ такой ежегодный контингентъ для пополненія корпуса народныхъ учителей, ни болѣе ни менѣе? Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ (да и само м—во нар. просв. также) точныхъ свѣдѣній не только о числѣ учащихся и учащихъ во всѣхъ нашихъ народныхъ школахъ вѣдомства м—ва нар. просв., но даже и о числѣ этихъ школъ. Но вотъ на какомъ разсчетѣ существуютъ (въ 1865 г.) до 70 учительскихъ народныхъ семинарій въ Пруссіи. Тамъ дознано опытомъ, что потребность въ замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ народныхъ учителей составляетъ въ сложности ежегодно около 4 на 100, а такъ какъ въ Пруссіи находится свыше 25 т. первоначальныхъ школъ, почти съ такимъ же числомъ учителей, то и семинаріи устроены тамъ въ такомъ числѣ, что могутъ выпускать ежегодно до 1,000 воспитан. Хотя весьма трудно предположить, чтобы тотъ же самый разсчетъ былъ приложенъ въ этомъ случаѣ и къ нашимъ народнымъ училищамъ, но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что лучше попридержаться какого-либо чужого разсчета, нежели дѣйствовать ощупью, опираясь на русское: «авось будетъ достаточно на всю Русь и 7—8 учительскихъ семинарій, полагая комплектъ каждой, для однообразія, въ 60 стипендіатовъ».

слабаго распространенія у насъ грамотности даже въ самыхъ главныхъ центрахъ просвѣщенія (въ С.-Петербургѣ почти половина жителей безграмотныхъ), въ виду искренняго заявленія его о томъ, что принимавшіяся въ теченіи болѣе $1 \frac{1}{2}$ столѣтія правительствомъ мѣры къ развитію начальнаго народнаго образованія не приносили до сихъ поръ желаемыхъ результатовъ [1]), мы убѣждены въ той несомнѣнной истинѣ, что въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-нибудь является настоятельная необходимость раціональнаго устройства у насъ цѣлой сѣти недорогихъ, какъ дерптская, учительскихъ семинарій для образованія учителей изъ народа и для того народа, на счетъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ котораго существуетъ, между прочимъ, и само министерство народнаго просвѣщенія, которое еще 5 лѣтъ тому назадъ неоднократно высказывало печатно тѣ истины, что безъ хорошаго учителя не можетъ быть и хорошей школы, что ученіе въ рукахъ неискуснаго учителя, при всей его доброй волѣ, дѣлается нерѣдко орудіемъ вреднымъ и всегда почти болѣе или менѣе безплоднымъ, что наконецъ однѣ только попытки и полумѣры въ дѣлѣ приготовленія народныхъ учителей, имѣющія большею частію характеръ мѣстный и вызываемый обстоятельствами случайными и, безъ сомнѣнія, скоро преходящими, не сопровождаются вообще говоря, желаемымъ успѣхомъ. Съ другой стороны, трудно признать вполнѣ согласнымъ съ строгою справедливостію постоянное стремленіе удѣлять всѣ лучшія силы и средства для приготовленія народныхъ учителей однимъ только губерніямъ остзейскимъ, сѣверо и юго-западнымъ, да привислинскому краю, оставляя на долю всей остальной Россіи, т.-е. главной массѣ, лишь меньшія средства на способы для приготовленія народныхъ учителей далеко менѣе совершенные, чѣмъ раціонально устроенныя въ значительномъ числѣ учительскія семинаріи [2]).

---

[1]) Обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія въ 1862—4 гг. Изд. 1865 г. стр. 206.

[2]) Въ Пруссіи одна учительская семинарія приходится на 265 т. жителей. Если придержаться этого разсчета для Россіи, то для того только, чтобы сравниться въ этомъ отношеніи съ сосѣдомъ, намъ привелось бы открыть не 4—7 или 10 такихъ семинарій, а около 300. Но и Пруссія, конечно, далека еще до идеала народнаго образованія. Вотъ какія данныя встрѣчаются въ № 21 «Всемірнаго Путешественника» за прошлый годъ, относительно бюджета народнаго образованія въ штатѣ Нью-Йоркѣ. Училищный бюджетъ этого штата, съ населеніемъ около 4 мил., за 1868 г. доходилъ до 14 мил. р. с. Изъ нихъ истрачено на содержаніе учителей и учительницъ 7.430,000 р. (болѣе 50%), на книги для учениковъ, на физическіе и химическіе инструменты для школъ—около 350,000 р., на школы для негровъ 86,000 р. на школьныя зданія, перестройку ихъ, отдѣлку и меблировку 2.900.000 р., на разные случайные расходы до 1.240,000 р.; сверхъ того въ кассѣ къ 1869 г. оставалось до 2 мил. Число дѣтей ходившихъ въ школу—1.464.424, число учениковъ, посѣщавшихъ школы неправильно, лишь нѣсколько мѣсяцевъ,—971,512, число учителей, преподававшихъ не менѣе 7 мѣ-

Несмотря на видимо невыгодное положеніе вопроса о приготовленіи народныхъ учителей для нашихъ школъ, несмотря на безспорно крайнюю въ этомъ отношеніи отсталость нашу отъ многихъ даже второстепенныхъ государствъ Европы [1]), тѣмъ не менѣе иногда у насъ являются какъ бы сами собою такія отдѣльныя личности, примѣръ блестящаго успѣха которыхъ въ дѣлѣ просвѣщенія народа не можетъ не вызвать къ себѣ общественнаго вниманія въ видахъ дальнѣйшаго его развитія. Какъ бы ни были случайны у насъ подобныя явленія, все-таки мы считаемъ небезполезнымъ рекомендовать нашему заботливому въ настоящее время земству одинъ изъ таковыхъ примѣровъ, о которыхъ желательно было бы слышать возможно чаще, и тѣмъ заключимъ нашу скромную и искренне доброжелательную замѣтку о приготовленіи народныхъ учителей. Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ объ одной изъ нашихъ школъ, достигшей почти невѣроятныхъ успѣховъ, при самыхъ скудныхъ матеріальныхъ средствахъ, и существующей съ небольшимъ десятокъ лѣтъ на одномъ изъ отдаленныхъ пунктовъ Россіи. Вотъ какія подробности намъ случилось имѣть подъ рукой объ этой безспорно образцовой для нашихъ учительскихъ народныхъ семинарій школѣ, въ которой лѣтъ шесть тому назадъ дѣло шло, очевидно, не по приказу и заказу и безъ всякихъ мудрыхъ инструкцій.

Школа, при 105 ученикахъ, была раздѣлена на 2 отдѣленія — 36 въ младшемъ и 69 въ старшемъ. Въ каждомъ отдѣленіи ученики размѣщены такъ, что лучшіе сидятъ на заднихъ скамьяхъ, а чѣмъ слабѣе—тѣмъ ближе къ учителю; столы разставлены такимъ образомъ, что чрезъ всѣ параллельные ряды ихъ вдоль класса оставленъ между ними проходъ, чтобы учитель, обыкновенно находившійся въ передней части класса, могъ обходить столы не только съ лѣваго и праваго края рядовъ, но и въ самой серединѣ. Занятія въ младшемъ классѣ начинались съ обученія чтенію, помощію вырѣзныхъ буквъ. Учитель настолько мастерски прилагалъ фонетическій способъ къ дѣлу и такъ заинтересовывалъ своихъ птенцовъ, что ученіе азбуки и слоговъ постоянно соединялось съ весельемъ и шло очень оживленно: менѣе чѣмъ

сяцевъ—16,586, число учительницъ 21,876, число школьныхъ округовъ 11,731, число школьныхъ зданій 11,673, число томовъ въ училищныхъ библіотекахъ—1.064,229. Прибавимъ къ этому, что при даровомъ ученіи, для образованія училищныхъ фондовъ въ цѣломъ союзѣ роздано болѣе 20 мил. десятинъ земли, которыя приносятъ значительный доходъ; общій же бюджетъ штата на первоначальное образованіе составляетъ около 30 мил. руб. Въ этомъ-то и заключается главнѣйшій секретъ богатства и силы великаго народа великаго Американскаго союза.

[1]) Въ 1862 г. «Московскія Вѣдомости» высказывали, между прочимъ, такую мысль, что народное образованіе въ Россіи стоитъ ниже, чѣмъ даже въ Турціи, и будетъ стоять такъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ учреждены учительскія семинаріи.

въ мѣсяцъ дѣти выучивались порядочно разбирать слова и переходили къ книгамъ. При этомъ постоянною заботою учителя было поставить учениковъ такъ, чтобы цѣлому классу было невозможно не слушать того, что одинъ ученикъ читаетъ, и въ своей книгѣ не слѣдить за читаемымъ: каждый названный продолжалъ чтеніе непремѣнно съ того самаго слова, на которомъ прерванъ предыдущій, учитель же весьма часто и быстро переходилъ отъ одного къ другому, и каждый спрошенный зналъ, что его опять спросятъ. Статьи для чтенія выбирались съ большимъ тактомъ и соотвѣтственно той степени въ ходѣ ученія, до которой въ данное время доведены ученики. Сперва достигалось, чтобы процессъ чтенія былъ правиленъ и каждое слово было вѣрно произнесено; затѣмъ объяснялось слово, при томъ, когда только возможно, наглядно; для этого около учителя, на полочкахъ, придѣланныхъ къ стѣнѣ, было много разныхъ предметовъ: образцовъ мѣръ, вѣсовъ, разныхъ вырѣзанныхъ и склеенныхъ изъ папки простыхъ тѣлъ и фигуръ, картинъ и проч., много собственной работы учителя. Когда всѣ слова поняты, указаны другія, имѣющія то же значеніе, и объяснено употребленіе разбираемыхъ словъ въ другомъ смыслѣ, тогда начинали доискиваться, о чемъ же въ прочтенной статьѣ разсказывается? Затѣмъ посредствомъ вопросовъ учителя, обращаемыхъ всегда къ цѣлому классу, на которые для отвѣта ученики одинъ за другимъ вызывались уже тогда, когда вопросъ сказанъ, дабы, пока онъ высказывается, оставалось неизвѣстнымъ, кто будетъ вызванъ отвѣчать и, слѣдовательно, чтобы нельзя было не слушать; а вслѣдъ затѣмъ, учитель то того, то другого вызывалъ поправить, пополнить, продолжать; по временамъ должны были отвѣчать всѣ разомъ, хоромъ; рука объ руку и для освѣженія разнообразіемъ работы, въ перемежку съ чтеніемъ шло обученіе счисленію: понятія о числѣ, количествѣ, измѣреніяхъ уяснялись наглядностію. За то въ старшемъ отдѣленіи, мальчики, которые въ то время обучались четвертый мѣсяцъ второго года, любую статью, выбранную самимъ посѣтителемъ, читали совершенно правильно, съ вѣрнымъ произношеніемъ, съ наблюденіемъ знаковъ препинанія; очень толково и связно могли разсказать ея содержаніе и затруднялись объяснить развѣ только какое-нибудь малоупотребительное слово, а въ прежде читанныхъ статьяхъ всѣ до одного. Благодаря умному выбору статей для чтенія, ученики имѣли и хорошій запасъ свѣдѣній по географіи, исторіи и о предметахъ внѣшней природы; они хорошо знали свою мѣстность, свой край, чѣмъ изобилуетъ, что въ немъ умѣютъ приготовлять и куда эти произведенія и издѣлія отправляются, какими водяными сообщеніями и въ обозахъ по какимъ дорогамъ; что и откуда въ ихъ край привозится; давно-ли и по какому поводу построенъ губернскій ихъ городъ, какія въ немъ случались важныя событія, какія на мѣстѣ существуютъ на-

родныя повѣрья и суевѣрія, что въ нихъ вреднаго, опаснаго или просто ложнаго; знали и понимали множество пословицъ; знали всѣ употребительнѣйшія въ Россіи мѣры, вѣсы, монеты, кредитные билеты по виду, цвѣту, цѣнности; считали быстро и вѣрно: умственное счисленіе очень развито, а на доскѣ рѣшали и довольно сложныя задачи; могли назвать, указать, начертить и вырѣзать или складать каждую изъ геометрическихъ фигуръ и многія простыя тѣла: кубъ, брусъ, цилиндръ, конусъ (полный и усѣченный), пирамиду и т. под., могли начертить планъ своего класса и училищнаго дома, имѣли ясное понятіе о масштабѣ. Ученики всѣ такъ равно внимательны, что и успѣхи ихъ очень равномѣрны; ни одинъ ученикъ, въ расплохъ захватываемый кѣмъ-либо изъ присутствовавшихъ, ни разу не оказался неслыхавшимъ того, что говорилось, или непонявшимъ вопроса; не только ни одинъ ученикъ не отвѣчаетъ безтолково, напротивъ отвѣты округлены, ясны и полны; учитель зорко слѣдитъ, чтобы вступленіемъ къ отвѣту служили самыя слова вопроса, чтобы въ отвѣтѣ не было лишняго слова, а между тѣмъ, чтобы нужное все было сказано. Ко всему этому надобно прибавить, что учитель былъ весьма хорошимъ гимнастомъ; передъ классными комнатами просторныя сѣни, въ которыхъ въ значительномъ количествѣ устроены были разнообразные гимнастическіе снаряды, помощію которыхъ учитель весьма искусно упражнялъ всѣхъ учениковъ въ гимнастикѣ, употребляя это вмѣстѣ и какъ средство для освѣженія силъ дѣтей, чтобы потомъ бодрѣе снова взяться за ученіе. Посѣщавшій это училище оффиціально свидѣтельствуетъ [1]), что, по его наблюденіямъ, зоркость и энергія этого учителя по истинѣ изумительны, и что онъ, обозрѣватель, пришелъ въ совершенный восторгъ, любуясь, какъ этотъ самородокъ-педагогъ, одною силою нравственнаго вліянія, приковывалъ къ себѣ вниманіе дѣтей, съ какимъ оживленнымъ выраженіемъ лицъ они слѣдили за каждымъ звукомъ его слова, за каждымъ его движеніемъ. Надо было видѣть, прибавляетъ ревизоръ, съ какою радостію дѣти шли въ сѣни, когда имъ было сказано: ну, теперь пойдемте, дѣти, на гимнастику. И какъ непринужденно дѣти обращаются съ своимъ учителемъ, какъ они ластятся къ нему!

Дѣйствительно, трудно не удивляться такой поразительной энергіи и дѣятельности этого почтеннаго труженика-педагога, особенно если не забывать при этомъ, что все это, за исключеніемъ уроковъ закона Божія, ведетъ *одинъ* учитель при той системѣ, что когда онъ занимался въ одномъ отдѣленіи, ученики другого, если въ это время не

---

[1]) Отчетъ бывшаго члена совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника Постельса, по осмотру въ 1863 г. учебныхъ заведеній Архангельской, Олонецкой, Вологодской и Вятской губерній.

было закона Божія, занимались письмомъ, черченіемъ, дѣланіемъ задачъ, вырѣзываніемъ или клееніемъ геометрическихъ фигуръ и простыхъ тѣлъ и т. п., оставаясь постоянно предъ глазами учителя, чрезъ отворенную дверь сосѣдняго класса, въ которомъ занимался учитель. Становится просто невѣроятнымъ, когда подумаешь, что все это совершается изо-дня въ день, годъ за годомъ и оплачивается какими-нибудь 200 руб. въ годъ содержанія и надеждой въ 25 лѣтъ выслужить пенсіонъ въ 85 руб. А между тѣмъ — это такъ! Школа, о которой идетъ рѣчь—казенное *приходское училище*, учрежденное около 10 лѣтъ тому назадъ въ селеніи Соломбалѣ, близъ Архангельска, по иниціативѣ морского министерства и состоявшее до 1862 г. (до упраздненія Архангельскаго порта) подъ особымъ покровительствомъ главнаго командира того порта. На содержаніе этой школы шло изъ казны по 549 р. въ годъ, которымъ по штату 1859 г. дано такое назначеніе: а) жалованье учителю 200 р. и законоучителю 57 р. 15 коп., б) на книги и классныя потребности 17 р. 50 коп., в) наемъ квартиры и ремонтъ училищной мебели 154 р. и г) отопленіе, освѣщеніе, содержаніе въ чистотѣ и наемъ сторожа 120 р. Съ 1862 г. Соломбальское училище поступило въ непосредственное вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, которое, въ виду такого образцоваго его положенія, признало нужнымъ (съ 1865 г.) учредить при немъ *двѣ стипендіи* собственно для приготовленія изъ туземцевъ *приходскихъ учителей*, подъ руководствомъ столь опытнаго и знаменитаго педагога. На стипендіи назначено по 120 р. въ годъ, а учителю-руководителю въ вознагражденіе, по 60 руб., въ добавокъ къ 200 руб. жалованья [1]). Впослѣдствіи, средства Соломбальскаго приходскаго училища еще возрасли на 1,227 р., на счетъ общаго фонда на народныя училища (100 т. р.)

Въ настоящее время мы не имѣемъ подъ рукой свѣдѣній о дальнѣйшей, достойной всякаго уваженія, дѣятельности учителя Соломбальскаго приходскаго училища—г. Каржавина. Остановимся по этому поводу на одномъ только замѣчаніи. Еслибы расширить сколь возможно болѣе кругъ дѣятельности такихъ почтенныхъ учителей, какъ г. Каржавинъ (а ихъ, конечно, не одинъ остается подъ спудомъ въ нашихъ начальныхъ школахъ), какую бы службу они сослужили великому дѣлу приготовленія учителей изъ народа и для народа. Невольно приходитъ при этомъ на память вполнѣ вѣрная мысль одного извѣстнаго берлинскаго педагога [2]), по вопросу о приготовленіи народныхъ

---

[1]) Мы видѣли выше, во что обходилось въ Главномъ педагогическомъ институтѣ приготовленіе наставниковъ для университетовъ и гимназій съ 1828 по 1858 г.

[2]) Директора берлинской гимназіи г. Тило (Замѣч. на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній 1862 г. ч. IV стр. 14).

учителей, что дѣло не въ уставахъ и правилахъ, закрытое или открытое заведеніе, частное или казенное, въ большомъ ли городѣ или деревнѣ, все это вздоръ, который перестаетъ быть такимъ, когда вы дойдете до самаго важнаго; именно — найдете человѣка, который, по вашему убѣжденію, могъ бы вамъ приготовить хорошихъ народныхъ учителей, тогда пусть онъ устраиваетъ заведеніе, какъ хочетъ. Если онъ дѣйствительно человѣкъ доброжелательный и будетъ честно трудиться, то дѣло у него пойдетъ хорошо; въ противномъ случаѣ, несмотря ни на какія правила, толку не будетъ. Отчего же, спрашивается, мы такъ мало слышимъ о нашихъ знаменитыхъ гг. Каржавиныхъ; неужели же только потому, что они попадаются не на каждомъ шагу? Но стòитъ только внимательнѣе къ дѣлу поискать въ каждомъ учебномъ округѣ, въ каждой губéрніи, и ихъ навѣрное найдется не одинъ десятокъ въ нашей великой, малой, бѣлой и всякой иной Россіи, и вотъ вамъ готовые учредители и строители цѣлаго ряда новыхъ учительскихъ народныхъ семинарій и новыхъ образцовыхъ школъ. Будемъ только помнить, что всякая хорошая народная школа быстро плодитъ новыхъ хорошихъ дѣятелей для народныхъ же школъ. Что же касается вопроса о матеріальныхъ средствахъ къ тому, то, находя, по меньшей мѣрѣ, страннымъ отговариваться недостаткомъ ихъ и тѣмъ успокоивать свою совѣсть цѣлыя сотни лѣтъ, мы рѣшаемся думать, что и наше министерство народнаго просвѣщенія можетъ всегда имѣть ихъ столько, сколько дѣйствительно ему потребуется. Въ этомъ насъ убѣждаетъ простая, математически-ясная истина: такъ какъ образованіе есть потребность всего народонаселенія, то и участвовать въ удовлетвореніи этой потребности должны всѣ безъ изъятія. Поэтому, если бы министерство народнаго просвѣщенія прямо высказало, сколько ему нужно матеріальныхъ средствъ на народныя семинаріи, на устройство повсемѣстно народныхъ училищъ, на безбѣдное содержаніе учителей народа, то, сколько бы ни пришлось по раскладкѣ на каждаго, сообразно съ его состояніемъ, всѣ и каждый съ удовольствіемъ будутъ вносить свою долю, *если только будетъ полная увѣренность въ томъ, что деньги пойдутъ дѣйствительно на народное образованіе*, т.-е. на то, ради чего училища должны существовать, и что содержаніе администраціи народнаго просвѣщенія будетъ обходиться дешевле, чѣмъ само просвѣщеніе народа въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Т. Д.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1 апрѣля, 1870.

Лифляндскій адресъ.—Ходатайство бессарабскихъ дворянъ. — Московскіе адвокаты pro и contra.—Бюджетъ на 1870 годъ.—Наборъ 1869 года.—Состояніе нашихъ вооруженій. — Что ведетъ Европу къ разоренію? — Вопросъ о преобразованіи арміи.—Брошюра генерала Фадѣева.—«Идея національностей».

Въ истекшемъ мѣсяцѣ неожиданный слухъ встревожилъ нашу печать: лифляндское дворянство прислало адресъ, въ которомъ будто бы ходатайствуетъ о дарованіи общаго представительства, сейма тремъ балтійскимъ губерніямъ. Такъ какъ направленіе остзейскихъ дѣлъ вообще идетъ совсѣмъ особенными административными путями, внѣ всякой гласности, то многіе тотчасъ на́-слово повѣрили этому слуху, въ томъ преувеличенномъ догадками и разукрашенномъ комментаріями видѣ, какъ онъ былъ переданъ нѣкоторыми газетами. Былъ однако довольно серьезный поводъ отнестись къ этимъ преувеличеніямъ съ недовѣріемъ, и такой поводъ представлялся именно въ отсутствіи всякаго повода къ такому ходатайству со стороны балтійцевъ. Спрашивалось, что́ могло вызвать въ настоящую минуту подобное ходатайство, что̀ могло подать нѣмецкой части населенія балтійскихъ губерній мысль о возможности принятія его во вниманіе. Справившись съ «бывшими примѣрами», лифляндское дворянство могло найти не очень давній еще примѣръ извѣстнаго ходатайства московскаго дворянства. И этотъ примѣръ слишкомъ убѣдительно говорилъ противъ домогательства, приписаннаго нѣмцамъ. Московское дворянство, въ просьбѣ своей, хотя и выходило за точные предѣлы круга своего вѣдѣнія, однако просьба его не касалась по крайней мѣрѣ цѣлости государственной жизни имперіи. Отвѣтомъ московскому дворянству было весьма ясное указаніе на несогласіе его адреса съ существующими постановленіями; чего же могло бы надѣяться дворянство лифляндское, присылая адресъ, который сверхъ одинаковой степени незаконности еще клонился бы къ нарушенію въ имперіи цѣлости государственной жизни?

Однакоже этотъ поводъ къ сомнѣнію представлялся недостаточнымъ для тѣхъ, кто искренно убѣжденъ — а такихъ людей у насъ не мало—что нѣмцамъ удаются такія ходатайства, которыя русскимъ не могутъ удаваться ни въ какомъ случаѣ. Что касается ободрительнаго повода для нѣмцевъ въ настоящемъ случаѣ, то иные ссылались на довольно распространенные недавно слухи о томъ, что ходатайства нѣмецкихъ дворянъ объ устройствѣ судебной реформы въ балтійскихъ провинціяхъ на основаніяхъ отдѣльныхъ, несходныхъ съ принятыми въ общемъ новомъ судоустройствѣ имперіи, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, что «бароны», прибывшіе въ Петербургъ съ этой цѣлью, выѣхали отсюда съ торжествомъ побѣдителей и т. д. А такъ какъ достовѣрности этихъ слуховъ провѣрить опять-таки нѣтъ возможности потому, что остзейскія дѣла направляются особыми путями внѣ всякой гласности, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вѣрили и этимъ слухамъ, которые такъ никѣмъ и не были опровергнуты, и новымъ слухамъ, о которыхъ мы говоримъ теперь. Въ самомъ дѣлѣ, отчего же успѣхъ одного ходатайства, стоящаго внѣ закона, не могъ бы ободрить къ успѣху другого подобнаго ходатайства? Отчего, если три остзейскія провинціи будутъ соединены вмѣстѣ и отдѣлены отъ имперіи судебною реформою на особыхъ началахъ, онѣ не могли бы точно также добиваться соединенія общимъ представительствомъ, которое въ тоже время совершенно изолировало бы ихъ отъ Россіи.

Все это — очень странныя, ненормальныя отношенія. Съ разныхъ окраинъ пріѣзжаютъ мѣстные дворяне въ столицу, негласно ходатайствуютъ о разныхъ измѣненіяхъ въ законоположеніяхъ, касающихся цѣлаго края и въ то время, какъ малѣйшее гласное заявленіе земства или дворянства, могущее подать поводъ къ сомнѣнію въ буквальной сообразности его съ кругомъ предоставленныхъ правъ, немедленно останавливается и порицается мѣстною властью—эти негласныя, уже совершенно внѣ всякаго юридическаго основанія стоящія ходатайства, по слухамъ, принимаются будто бы въ разсмотрѣніе, обсуждаются въ учрежденіяхъ и будто-бы даже не остаются безъ вліянія на законоположенія. Изъ балтійскаго края дворяне пріѣзжаютъ ходатайствовать о такомъ-то направленіи судебной реформы, назначенной для всѣхъ сословій трехъ губерній; изъ Бессарабіи пріѣзжаетъ даже отъ дворянъ «депутація» (каковы-то ея полномочія?) просить объ измѣненіи состоявшейся уже крестьянской реформы въ цѣломъ краѣ, то-есть дѣла, касающагося не только двухъ сословій, но и важнѣйшихъ условій жизни всего этого края.... и все это, по слухамъ, разсматривается, хотя домогательства эти ведутъ и къ разобщенію съ имперіею. Недостаетъ еще только, чтобы изъ западнаго края пріѣхали дворяне съ негласнымъ ходатайствомъ хоть бы не о разобщеніи этого края съ имперіею, а наоборотъ о полномъ объединеніи мѣстныхъ порядковъ

съ общимъ, напримѣръ о введеніи тамъ общей земской реформы и объ отмѣнѣ процентнаго сбора, и чтобы слухи стали предсказывать успѣхъ и этому ходатайству. Тогда бы ужъ такъ и установилось мнѣніе, что въ отсутствіи неограниченнаго «права заявленія» можно обойтись и «правомъ неограниченнаго ходатайства».

Нельзя не обратить вниманія на продолжительное молчаніе въ виду всѣхъ вышеприведенныхъ слуховъ нашего оффиціальнаго органа. «Правительственный Вѣстникъ»—и въ этомъ былъ смыслъ основанія его—долженствовалъ быть единымъ органомъ правительства. Но, къ сожалѣнію, въ этой роли онъ почти вовсе не является; правительственныхъ «взглядовъ» онъ не заявляетъ никогда, а опроверженія его касаются только второстепенныхъ вопросовъ. Мы не думаемъ винить въ этомъ ни редакцію этой газеты, ни то вѣдомство, въ которомъ она состоитъ. Не ихъ вина, если роль правительственнаго органа, то-есть толкователя единыхъ взглядовъ и согласныхъ предположеній правительства оказывается невозможною для газеты. Но объ этомъ можно было все-таки пожалѣть и особенно въ виду настоящаго положенія остзейскихъ дѣлъ.

Вотъ почти мѣсяцъ тому какъ пронеслись первые слухи о лифляндскомъ адресѣ, домогающемся будто бы общаго для балтійскихъ провинцій сейма и нѣкоторыя газеты, радѣющія по части патріотическаго бичеванія, задали по этому поводу остзейскимъ нѣмцамъ настоящую «гонку», припомнили имъ всѣ ихъ беззаконія и провинности, попрекнули ихъ Ширреномъ и Клодтомъ, обозвали «культуртрегерами», однимъ словомъ прогнали ихъ сквозь строй всего своего патріотическаго негодованія. Между тѣмъ, теперь оказывается, что въ лифляндскомъ адресѣ совсѣмъ и нѣтъ ничего объ общемъ представительствѣ и что нѣмцевъ прогнали сквозь строй по этому поводу слишкомъ поспѣшно. Въ результатѣ остается только то, что къ возбужденію, проявляющемуся между русскими и нѣмцами прибавилось еще нѣсколько крупицъ вреднаго стимуланта, что нѣсколько тысячъ русскихъ обогатились нѣсколькими лишними эпитетами для оправданія своего смѣшного презрѣнія къ нѣмцамъ.

Достаточно было двухъ оффиціальныхъ словъ, сказанныхъ во-время, чтобы отвратить это. Да и это ли одно послѣдствіе—которое, пожалуй намъ скажутъ неважно — было бы отвращаемо подобными своевременными сообщеніями относительно хода балтійскихъ дѣлъ? Нѣтъ, не одно, а гораздо больше. Исключительность путей, какими слѣдуютъ у насъ остзейскіе вопросы и облекающая ихъ тайна породили въ русскомъ обществѣ смутное, но довольно сильное убѣжденіе, что нѣмецкое населеніе балтійскихъ провинцій имѣетъ передъ русскою администраціею положеніе привилегированное, что тамъ гдѣ русскому будетъ отказъ, съ внушеніемъ и распубликованіемъ, нѣмцу если и

будетъ отказъ, то въ формѣ не столь рѣшительной и безъ распубликованія, такъ что нѣмцы, не успѣвъ разъ, въ домогательствѣ по одному вопросу, имѣютъ возможность возобновлять свое домогательство по другому вопросу, хотя самый принципъ домогательства и его мотивы остаются тѣже. Вотъ этому-то весьма неблагопріятному мнѣнію болѣе всего и помогаетъ негласность, въ которой держатся балтійскія дѣла. Никто, конечно, не думаетъ, что администрація боится нѣмцевъ, но всѣ склонны думать, что она ихъ какъ бы совѣстится и стѣсняется тѣмъ, что они скажутъ за границею и что о нихъ скажутъ за границею — соображеніе, котораго относительно русскихъ никто администраціи не приписываетъ.

Итакъ, нынѣ всѣ увѣрены конечно, что если лифляндскій адресъ, публикованный наконецъ сего 22-го марта, клонится къ развитію мѣстной «исторической законности», въ смыслѣ политическомъ, то на него послѣдуетъ отказъ. Но далеко не всѣ увѣрены, что отказъ этотъ коснется самого принципа «исторической законности», такъ чтобы разъ навсегда прекратить толкованіе ея въ смыслѣ политической особности отъ Россіи. А если этого не будетъ, то тотъ же принципъ, тѣже мотивы, тоже въ сущности ходатайство развѣ не могутъ проявиться вновь, при первомъ удобномъ случаѣ? Если на ходатайство лифляндскаго сейма послѣдуетъ отказъ, то гдѣ ручательство, что сеймъ эстляндскій не возобновитъ этого ходатайства? Или сеймъ курляндскій, или рижскій магистратъ, ибо въ этомъ краѣ сама «историческая законность» такого неоднороднаго происхожденія, что представителями ея съ одинаковою раціональностью могутъ являться и рижскій магистратъ и дворянство любой губерніи.

Вотъ почему, по отношенію какъ къ самому остзейскому вопросу, такъ и къ русскому обществу, весьма полезно было бы, чтобы всѣ предположенія и ходатайства по остзейскимъ дѣламъ (буде ходатайства принимаются въ разсмотрѣніе) направлялись не особыми путями въ родѣ остзейскаго комитета и частныхъ коммиссій, а общимъ законодательнымъ порядкомъ, и чтобы твердыя намѣренія правительства, въ которыхъ мы не сомнѣваемся, облекаемы были гласностью наравнѣ съ предположеніями общими для имперіи. Общій законодательный путь тотчасъ устранилъ бы отъ отдѣльныхъ возникающихъ вопросовъ характеръ частныхъ и вывелъ бы ихъ на поле принциповъ, на которомъ каждое рѣшеніе составляло окончательный приговоръ для всего остзейскаго вопроса. А гласность съ другой стороны разсѣяла бы всякія неосновательныя мнѣнія о привилегированномъ отношеніи, въ какомъ будто бы стоитъ нѣмецкое дворянство и тѣмъ чрезвычайно способствовало бы къ устраненію главнаго повода къ раздражительности въ печатныхъ и общественныхъ толкахъ.

По обнародованному нынѣ содержанію лифляндскаго адреса,

какъ его передавала и аугсбургская «Всеобщая Газета», въ немъ нѣтъ рѣчи объ общемъ представительствѣ для трехъ губерній, а говорится только о допущеніи, все на основаніи той же «исторической законности», полной религіозной свободы въ краѣ, и господства тамъ нѣмецкаго языка. Такъ какъ адресъ опираетъ эти требованія на «историческую законность», то слѣдуетъ, конечно, возразить указаніемъ на неполноту этой законности, на слабость ея, въ виду включенной въ нее оговорки, наконецъ, на несогласіе со всякою законностью ходатайства одного сословія относительно цѣлаго края, котораго оно вовсе не представляетъ. Необходимо еще замѣтить, что господство нѣмецкаго языка въ коронныхъ мѣстахъ не соотвѣтствуетъ общему государственному строю, съ которымъ балтійская законность должна быть согласована по одной изъ ея же статей, и не оправдывается этнографическими условіями края, въ которомъ нѣмцы составляютъ по числу незначительное меньшинство. Правда, меньшинство это весьма значительно во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ, кромѣ числового, но за то фактъ, что этотъ край принадлежитъ Россіи, что коронныя мѣста его суть органы русской правительственной власти, самъ по себѣ не менѣе значителенъ, какъ и присутствіе и вліяніе въ этомъ краѣ нѣмецкаго меньшинства.

Таковы возраженія, естественно истекающія изъ ссылки на «историческую законность». Но еслибы лифляндскій дворянскій ландтагъ мотивировалъ свою просьбу о религіозной свободѣ не ссылкою на неполные, переходные документы, а общечеловѣческими основаніями и политическими истинами, которыя уже окончательно усвоены нашимъ временемъ, и даже еслибы, остановясь на этихъ именно мотивахъ, онъ присоединилъ сюда и ходатайство о расширеніи представительства изъ сословнаго и мѣстнаго въ общее, еслибы онъ сказалъ, что религіозное убѣжденіе не должно быть нарушаемо запретительными полицейскими мѣрами, и что принципъ самоуправленія можетъ быть плодотворенъ и не въ одной средѣ сословнаго и губернскаго хозяйства, то чтó могли бы тогда возразить лифляндскому ландтагу мы, русское общество? Сказать, что истины имъ провозглашаемыя не суть истины, потому что ландтагъ этотъ представляетъ только одно сословіе одной губерніи — мы бы не могли. Отвѣчать — пусть не будетъ у васъ того, чего мы не имѣемъ — это значило бы сослаться только на силу, а не на нравственную правду. Единственный раціональный, непреложный и окончательный отвѣтъ, какой мы могли бы дать на подобныя требованія во имя всемірнаго убѣжденія, съ какой бы окраины нашего государства они ни являлись, представляется примѣненіемъ для всего государства тѣхъ благъ личной свободы и самоуправленія, которыя укоренились въ убѣжденіи всего образованнаго міра, и въ нашемъ убѣжденіи точно также, какъ въ убѣжденіи нѣмцевъ. Современемъ —

и будемъ только надѣяться, что время это недалеко — мы скажемъ инородцамъ, домогающимся такихъ благъ для себя отдѣльно: зачѣмъ вы ищете того, что́ уже у насъ всѣхъ есть; вы стало быть ищете не этихъ благъ, а собственно — отдѣльности; ее не допускаетъ общегосударственный интересъ. И нашъ отвѣтъ былъ бы въ самомъ дѣлѣ убѣдителенъ и окончателенъ. Единство, окончательное и безусловное единство государства упрочится только тогда, когда оно будетъ обезпечено тѣми благами, которыхъ сепаратисты не найдутъ въ своей прошлой особности и въ архивахъ своей «исторической законности».

Мы упомянули выше о ходатайствѣ бессарабскихъ помѣщиковъ; о чемъ ходатайствуютъ бессарабскіе помѣщики? Едва только улеглись колебанія по вопросамъ о крестьянскомъ надѣлѣ въ сѣверозападномъ краѣ, какъ вотъ возбуждается вопросъ о ломкѣ окончательно утвержденнаго и вступившаго въ силу крестьянскаго положенія на другой окраинѣ, гдѣ тоже между прочимъ и по политическимъ причинамъ казалось бы неудобнымъ выставлять передъ крестьянами власть законодательную въ видѣ подверженной колебаніямъ и доступной для одностороннихъ домогательствъ дворянства. Мы говорили въ свое время о положеніи 14-го іюля 1868 г., которое распространяло на бессарабскихъ царанъ (батраковъ) общія основы крестьянской реформы, съ нѣкоторыми измѣненіями. Въ числѣ этихъ измѣненій важнѣйшія: предоставленіе царанамъ права требовать дополнительныхъ и новыхъ надѣловъ въ теченіи пяти лѣтъ послѣ составленія уставной грамоты, неприкосновенность крестьянской земли, и ограниченіе всего царанскаго надѣла $^2/_3$ помѣщичьей земли, причемъ еще лѣсныя земли не принимаются въ разсчетъ, то-есть остаются еще сверхъ минимума $^1/_3$ въ пользу помѣщика.

Бессарабское дворянство нашло теперь эти основанія крестьянской реформы чрезмѣрно стѣснительными для себя, хотя представители его, бывшіе въ Петербургѣ при составленіи положенія, не заявляли въ свое время о невозможности приведенія ихъ въ исполненіе. Въ Петербургъ явилась депутація бессарабскаго дворянства съ просьбою о коренной передѣлкѣ всего положенія 1868 года, и что же — по слухамъ, ходатайство это принято къ разсмотрѣнію, хотя, сколько извѣстно до сихъ поръ, едва-ли будетъ имѣть полный успѣхъ. Но довольно уже и того, если одностороннія домогательства бессарабскихъ дворянъ будутъ имѣть успѣхъ отчасти. Спрашивается, если затѣмъ явится въ Петербургъ депутація отъ царанъ съ ходатайствомъ о передѣлкѣ этой передѣлки и о возстановленіи положенія 1868 г., въ полномъ его составѣ, будетъ ли оно тоже имѣть успѣхъ, хотя бы отчасти?

Ходатайство бессарабскихъ дворянъ не было покрыто тайною, какъ ходатайство дворянъ остзейскихъ, потому что первые нашли себѣ адво-

катовъ въ Москвѣ, главнымъ образомъ на томъ основаніи, что бессарабскіе-де дворяне никогда не составляли заговоровъ, а напротивъ, при проходѣ нашихъ войскъ чрезъ Бессарабію, оказывали заслуги, и вообще, всегда отличались патріотизмомъ. Правда, на это не безъ основанія можно замѣтить, что при проходѣ войскъ царане оказывали навѣрное не меньше услугъ чѣмъ помѣщики, и что въ политической неблагонадежности и первыхъ столь же мало упрекнуть можно, сколько послѣднихъ. Нельзя еще не замѣтить, что остзейское дворянство подкрѣпляетъ всѣ свои требованія, внушаемыя сословными интересами, указаніемъ на свой патріотизмъ и на кровь пролитую имъ за отечество ужъ конечно въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ сколько пролито ея бессарабскимъ рыцарствомъ. Тѣмъ не менѣе, не бѣдные царане, и не нѣмцы запаслись адвокатами въ Москвѣ, а именно бессарабскіе помѣщики, и одинъ изъ депутатовъ, г. Кристи, напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» письмо съ изложеніемъ тѣхъ измѣненій, какія помѣщики эти предлагаютъ ввесть въ положеніе 1868 года.

Предложенія эти, въ ихъ несомнѣнномъ практическомъ результатѣ, сводятся къ тому, чтобы уменьшить на половину надѣлъ предоставляемый царанамъ положеніемъ, сократить срокъ требованія дополнительныхъ надѣловъ, уменьшить число царанъ имѣющихъ право на дополнительные надѣлы. Бессарабскіе дворяне требуютъ, чтобы имъ предоставлено было право освобождаться отъ надѣленія царанъ землею, согласно съ положеніемъ 1868 года, посредствомъ единовременной уступки въ пользу царанъ половины высшаго надѣла. Если же царане предпочтутъ выкупъ всего надѣла, то пусть 20% процентовъ выкупной суммы заплатятъ *наличными деньгами*, а уже остальные 80% выкупными бумагами; въ тѣхъ же имѣніяхъ, гдѣ отъ помѣщика отходятъ въ надѣлъ $^2/_3$ земли, онъ можетъ, добровольно уступивъ царанамъ $^1/_3$, принудить ихъ, если они непремѣнно желаютъ полнаго надѣла, къ уплатѣ цѣлой половины выкупной суммы *наличными деньгами*. Наконецъ, предлагается всего 6-ти-мѣсячный срокъ царанамъ для выбора, какой именно изъ привилегій, которыя придумали для себя помѣщики, они предпочтутъ подчиниться; затѣмъ, по прошествіи 6-ти-мѣсячнаго срока, если царане ни на что не рѣшились, помѣщикъ отрѣзываетъ имъ полнадѣла и все конечно: онъ остается полнымъ собственникомъ остальной земли.

Нужно ли настаивать на всей несправедливости этого корыстнаго домогательства? Не ясно ли, что за невозможностью уплатить значительную часть выкупной суммы наличными деньгами, царане въ огромномъ большинствѣ случаевъ останутся на половинномъ надѣлѣ? Не ясно ли и то, что бессарабскіе дворяне стремятся создать такимъ образомъ для царанъ положеніе, въ самыхъ основаніяхъ своихъ несходное съ общимъ устройствомъ крестьянскаго землевладѣнія въ

имперіи?" Наконецъ, не слѣдуетъ забывать и того; что тѣ главныя отличія отъ общей крестьянской реформы, которыя вошли въ положеніе о царанахъ 1868 года, именно пятилѣтній срокъ для требованія дополнительныхъ надѣловъ, послѣ составленія уставной грамоты, и неприкосновенность крестьянской земли, предоставлены царанамъ въ вознагражденіе за отмѣну права на прогрессивный надѣлъ, предоставленное имъ закономъ 1846 года. Говорятъ, что пятилѣтній срокъ для дополнительныхъ надѣловъ установлялъ неизвѣстность въ хозяйственныхъ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами. А развѣ во внутреннихъ губерніяхъ не было установлено девятилѣтняго срока, въ которомъ эти отношенія могли измѣниться столь же существеннымъ образомъ между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами?

Но не такъ думаютъ «Московскія Вѣдомости». Эти ярые обличители всякихъ сепаратизмовъ приняли бессарабскій сепаратизмъ подъ свое покровительство, съ тѣмъ спеціальнымъ оправданіемъ, что это сепаратизмъ, одушевленный патріотическимъ духомъ. Эта газета, столь ѣдко глумившаяся надъ «свободою экономическихъ отношеній», надъ «освобожденіемъ крестьянъ отъ земли», когда они проповѣдывались другимъ органомъ, безцеремонно и открыто говоритъ о «дѣйствительномъ правѣ передвиженія», которое получатъ «царане, *освобожденные* отъ 49-ти-лѣтнихъ выкупныхъ платежей», находитъ эскамотажъ полнаго надѣла посредствомъ уступки половины его «весьма тяжелою жертвою для помѣщиковъ», жертвою, которая требовала бы по справедливости, чтобы имъ за нее облегчены были еще другія «излишнія тягости положенія» 14-го іюля 1868 г. «Московскимъ Вѣдомостямъ», повидимому, близко извѣстны средства бессарабскихъ помѣщиковъ, такъ какъ газета эта даже опредѣляетъ цифру ихъ «жертвъ», въ 15 милл. рублей и находитъ ее «тяжелою». Но всего юмористичнѣе въ въ устахъ ея редакторовъ, вѣчно выдававшихъ себя за ярыхъ поборниковъ общей нашей крестьянской реформы, то убѣжденіе, которымъ они въ настоящемъ случаѣ стараются склонить правительство къ удовлетворенію требованій бессарабскихъ дворянъ: «это предложеніе, говорятъ они, представляетъ *ту весьма важную для правительства выгоду*, что количество гарантируемыхъ имъ выкупныхъ бумагъ уменьшится на значительную сумму. Этою же выгодою воспользуются и вообще всѣ владѣльцы выкупныхъ бумагъ». Ну, а еслибы во всей Россіи выкупная операція совсѣмъ не была предпринята, развѣ это не было бы еще несравненно «выгоднѣе» для правительства и навѣрное для самихъ нынѣшнихъ владѣльцовъ выкупныхъ бумагъ.

Очень непріятны «Моск. Вѣдомостямъ» слухи, что полнаго успѣха бессарабскимъ домогательствамъ не представляется, но они утѣшаютъ себя еще мыслію, что «справедливыя представленія бессараб-

скаго дворянства будутъ уважены» и, сознавая все-таки странность избытка своего усердія въ такомъ дѣлѣ, считаютъ нужнымъ воскликнуть безъ всякаго повода: «какая глубокая разница въ дѣйствіяхъ бессарабскаго дворянства и помѣщиковъ другихъ окраинъ, напримѣръ Лифляндіи!» Почему именно оказывается «глубокая разница» между образомъ дѣйствій того и другого дворянства, входящихъ съ односторонними домогательствами о своихъ сословныхъ интересахъ—это безъ сомнѣнія извѣстно редакторамъ «Московскихъ Вѣдомостей», такъ какъ ярлыки патріотизма и благонамѣренности выдаютъ они, и могутъ наклеивать ихъ на самыя различныя стремленія, лишь бы имъ лично нравились представители этихъ стремленій. Не даромъ редакторы «Московскихъ Вѣдомостей» приглашаютъ бессарабскихъ помѣщиковъ «прислать поболѣе своей молодежи учиться здѣсь (т.-е. въ Москвѣ конечно, и лучше всего въ извѣстномъ лицеѣ) нашимъ консервативнымъ и «либеральнымъ идеямъ» и обѣщаютъ имъ, что вслѣдствіе того «бессарабское владѣніе въ скоромъ времени станетъ очень интереснымъ»... Да, дѣйствительно, у васъ можно учиться и консервативнымъ и либеральнымъ идеямъ вмѣстѣ, и экономическимъ теоріямъ о «правѣ крестьянина на землю» и о «преимуществахъ свободы дѣйствительнаго передвиженія, нестѣсненнаго выкупными платежами», въ одно и тоже время. Вотъ преимущество партій, отвергающихъ принципы, отвергающихъ даже, что «дважды два всегда четыре», партій личныхъ хотѣній, личной фантазіи и личныхъ интересовъ: у нихъ всему научиться можно, ибо они въ своей школѣ *все* держатъ.

Выше мы говорили о гласности и самоуправленіи и теперь должны возвратиться къ этимъ принципамъ по другому поводу.

Наша бюджетная гласность, съ тѣхъ поръ какъ она существуетъ, представляетъ намъ утѣшительную картину правильнаго, спокойнаго, ровнаго хода финансовыхъ дѣлъ, незначительныхъ колебаній и благопріятныхъ предусмотрѣній въ заключеніи росписи каждаго года. Замѣчается постоянное увеличеніе ежегодныхъ расходовъ, но вмѣстѣ и постоянное увеличеніе доходовъ, и что всего благопріятнѣе — постоянное, начиная съ 1865 года, уменьшеніе цифры дефицита. Еслибы судить о ходѣ нашихъ финансовыхъ дѣлъ только по бюджетнымъ картинамъ, то можно было бы придти къ заключенію, что не только все обстоитъ благополучно, что нѣтъ никакого повода къ опасеніямъ въ будущемъ, но что даже едва ли необходимы какія-либо существенныя улучшенія въ нашихъ финансахъ или, по крайней мѣрѣ, что если такія улучшенія и желательны, то не преимущественно съ чисто-финансовой точки зрѣнія.

Правда, повѣрка смѣтныхъ предвидѣній, выражающаяся въ отче-

тахъ государственнаго контроля, которые мы уже имѣли за три года, не совсѣмъ подтверждаетъ точность этихъ предвидѣній. Но и эти документы даютъ объ общемъ ходѣ финансовыхъ дѣлъ показанія весьма удовлетворительнаго свойства; особенно благопріятные результаты 1867 года въ этихъ документахъ въ значительной мѣрѣ искупаютъ недостатки другихъ годовъ и изъ сличенія этихъ документовъ выходитъ все-таки благопріятная картина возрастанія тѣхъ нашихъ доходовъ, которые наиболѣе свидѣтельствуютъ объ экономическихъ силахъ страны, ограниченія сверхсмѣтныхъ кредитовъ и незначительности нашихъ дефицитовъ.

Гласность въ дѣлѣ финансовъ еще болѣе чѣмъ въ какомъ-либо иномъ полезна и введеніе ея у насъ было привѣтствовано печатью съ самаго начала и понынѣ привѣтствуется, по поводу обнародованія каждой финансовой росписи и каждаго контрольнаго отчета, самымъ дружнымъ образомъ. И это совершенно естественно въ томъ соображеніи, что если въ чемъ либо, то ужъ навѣрное въ хозяйствѣ націи гласность представляется особенно «благодѣтельною», какъ выражались когда-то. Тѣмъ не менѣе, гласность эта не даетъ ключа къ нѣкоторымъ фактамъ, которые между тѣмъ ослабляютъ ея благопріятные выводы. Такъ, еще наканунѣ введенія новой смѣтной системы, мы имѣли возможность выпускать облигаціи займа за границей по 92%, а теперь выпускаемъ ихъ по 80%; такъ, всѣ наши внутренніе займы, за исключеніемъ выигрышныхъ, даже такіе какъ 5½% рента и 6% фонды стоятъ гораздо ниже своей номинальной цѣны, и значитъ, вся эта огромная разность упала на народъ въ дополненіе къ ежегодной суммѣ податей; такъ, пока цѣнность нашего рубля постоянно падаетъ и въ настоящее время онъ уже дѣйствительно стоитъ не много болѣе ¾ своей номинальной цѣны, а стало быть и всѣ наши соображенія относительно постояннаго возрастанія доходовъ въ значительной мѣрѣ оказываются иллюзіями, ибо наружное возрастаніе дохода составляетъ все-таки незначительную часть бюджета, а дѣйствительное паденіе цѣнности рубля составляетъ весьма значительное ослабленіе всей суммы получаемаго государствомъ дохода. Такіе факты стоятъ какъ бы особнякомъ въ виду благопріятной картины бюджетовъ, не обнимаясь ими, такъ что при сужденіи о нашемъ финансовомъ положеніи представляется полная возможность для выводовъ какъ оптимистскаго, такъ и пессимистскаго свойства: оптимисты могутъ ограничиться указаніемъ на предвидѣнія росписей, изъ которыхъ послѣдняя, то-есть роспись на 1870 годъ, о которой мы говоримъ, опять высказываетъ, въ видѣ конечнаго вывода, что «мирнымъ развитіемъ нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ Россіи и соблюденіемъ должной бережливости», наши, «государственные финансы пріобрѣтутъ *все болѣе и болѣе* прочное основаніе», пессимисты же могутъ толко-

вать по-своему указанные выше, и другіе однородные съ тѣми, факты.

Какой же выводъ даетъ такое сопоставленіе относительно гласности въ финансовыхъ дѣлахъ? Одинъ — что гласность, чтобы быть въ самомъ дѣлѣ плодотворною, должна подлежать обсужденію, критикѣ, и притомъ обсужденію не столько теоретическому, печатному, сколько практическому, непосредственному гласному обсужденію, которое съ одной стороны могло бы пополнить пробѣлы печатной гласности, а съ другой—повліять и на самую сущность подлежащихъ ей фактовъ. Когда, съ теченіемъ времени, мы доростемъ до такого обсужденія, тогда только и въ печати критика ежегодныхъ смѣтъ будетъ имѣть серьезное значеніе.

Нынѣшняя роспись не отличается отъ предшествовавшихъ ничѣмъ существеннымъ. Со стороны формальной, то-есть по отношенію къ своему составу, она имѣетъ то отличіе, что въ ней доходы царства польскаго уже почти совершенно (за исключеніемъ всего 166 т. р.), распредѣлены по смѣтамъ министерствъ имперіи, хотя расходы все еще представляютъ довольно значительную отдѣльную цифру для царства (3 м. 740 т. р.); уменьшеніе въ цифрѣ отдѣльныхъ его расходовъ, сравнительно съ прошлогоднею смѣтою, произошло небольшое, въ виду собственно предстоящаго въ нынѣшнемъ году закрытія въ царствѣ центральной коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ и канцеляріи учредительнаго комитета, а также вслѣдствіе упраздненія ликвидаціонной коммиссіи. Въ отношеніи распоряженія средствами государства, нынѣшняя роспись представляетъ то главное отличіе, что въ ней сумма спеціальныхъ расходовъ по устройству желѣзныхъ дорогъ и портовъ уменьшилась, противъ цифры 1869 года, слишкомъ на 20 милліоновъ, вслѣдствіе окончанія устройства нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ и за уплатою Главному обществу всей назначенной ему по условію суммы на улучшеніе николаевской дороги. Цифра спеціальныхъ желѣзно-дорожныхъ расходовъ въ нынѣшней росписи—всего съ небольшимъ 11 милл. р.; роспись даетъ и указаніе о наличности спеціальнаго желѣзнодорожнаго фонда, который въ настоящее время составляетъ 15 м. 762 т. р.

Вотъ главныя отличія нынѣшней росписи; все остальное въ ней совершенно согласно съ главными чертами прежнихъ росписей, между прочимъ и замѣчаніе, что, благодаря «возвышенію почти всѣхъ отраслей нашего государственнаго дохода», представилась «возможность свести роспись на 1870 годъ, не прибѣгая къ способамъ кредита», какъ было въ прошломъ году. Объ успѣшной реализаціи недавняго внѣшняго займа, имѣющаго впрочемъ, какъ всѣ наши займы послѣдняго времени, спеціальное желѣзно-дорожное назначеніе, роспись не упоминаетъ.

Цифра дефицита предположенная въ нынѣшней росписи такъ мала, какъ она еще не бывала съ тѣхъ поръ, какъ показывается: всего съ небольшимъ 9 милл. показано подъ рубрикою «особыхъ ресурсовъ», и ресурсы эти представляются не изъ средствъ займовъ, а изъ дѣйствительныхъ остатковъ 1868 года. Такимъ образомъ, цифры дефицитовъ, показываемыя въ росписяхъ, постоянно и непрерывно уменьшаются съ 1864 года, за однимъ только исключеніемъ прошлогодней росписи, въ которой дефицитъ былъ показанъ въ 15 милл., между тѣмъ, какъ въ росписи 1868 года онъ былъ предвидѣнъ всего въ 12½ милл.

Относительно этой послѣдней цифры мы уже имѣемъ точныя свѣдѣнія: контрольный отчетъ за 1868 годъ показываетъ, что она была превзойдена почти на 7¾ милл. р., то-есть показываетъ дѣйствительный дефицитъ 1868 года въ 19¾ милл. р., а изъ справки съ состояніемъ чрезвычайныхъ ресурсовъ оказывается, что на покрытіе расходовъ по росписи 1868 года было обращено, сверхъ обыкновенныхъ доходовъ, около 31 милліона рублей. Въ виду этого результата, мы не можемъ придавать особаго значенія тому обстоятельству, во сколько опредѣляетъ роспись дефицитъ: въ 15-ть ли милліоновъ, какъ въ прошломъ году, или всего въ 9 милл., какъ нынѣ.

Роспись на 1870 годъ предвидитъ обыкновенныхъ доходовъ болѣе 440½ милл., и обыкновенныхъ расходовъ нѣсколько менѣе 446½ милл. р., затѣмъ на недоборъ въ податяхъ, по примѣру прошлаго года, положено 3 милл. р. Доходы, какъ мы уже замѣтили, постоянно возрастаютъ; въ нынѣшней росписи, сравнительно съ прошлогоднею, обыкновенные доходы увеличены на около 20½ милл. р., и главную роль въ этомъ увеличеніи играетъ желѣзно-дорожный сборъ, въ которомъ ожидается увеличеніе на около 10½ милл. р., вслѣдствіе усиливающагося движенія по московско-курской дорогѣ, ожидаемаго въ нынѣшнемъ году открытія желѣзной дороги отъ Кіева къ Балтѣ, и отъ ожидаемой уплаты въ казну 75% со свободнаго остатка чистаго дохода николаевской дороги, согласно условіямъ ея передачи. Затѣмъ важнѣйшее участіе въ возрастаніи суммы доходовъ принимаютъ: доходъ таможенный, въ которомъ предвидится увеличеніе на немного меньше 3½ милл., и питейный, въ которомъ ожидается увеличеніе почти до 2¼ милл. р. Сумма обыкновенныхъ расходовъ, по обыкновенію, тоже возрастаетъ, хотя возрастаніе ея предвидится и въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ возрастаніе доходовъ, а именно не на 20½, а всего на 14½ милл. р.; но такъ какъ значительныя сверхсмѣтныя назначенія у насъ остаются фактомъ нормальнымъ, то благопріятность этого отношенія исчезаетъ. Въ цифрѣ, представляющей возрастаніе обыкновенныхъ расходовъ, главное участіе, какъ и всегда, принадлежитъ военному министерству, которое снова увеличило свой бюджетъ на 4 милл. р.

вслѣдствіе внесенія въ смѣту суммъ на перевооруженіе и вслѣдствіе нормальнаго «возвышенія цѣнъ». Издержки на взиманіе доходовъ въ нынѣшней росписи возвышены противъ прошлогодней цифры 46½ милл. р. и показаны въ 54¼ милл., т.-е. въ сумму почти равную той, какая была внесена въ смѣту на 1868 годъ; превышеніе это зависитъ отъ нѣкоторыхъ новыхъ издержекъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Мы считаемъ лишнимъ входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе цифръ росписи. Существенная услуга, какую могло оказать обнародованіе ихъ—именно доставленіе обществу возможности ознакомиться, хотя приблизительно, съ системою государственнаго хозяйства — уже оказана. Со времени приведенія въ дѣйствіе новыхъ смѣтныхъ правилъ имѣется уже восемь росписей, сравненіе которыхъ достаточно уясняетъ то, что могло быть уяснено обнародованіемъ этихъ документовъ. Въ настоящее время существеннаго улучшенія въ положеніи нашихъ финансовъ слѣдуетъ уже ожидать не столько отъ правильности составленія смѣтъ и всякихъ формальныхъ въ нихъ улучшеній — что тоже было очень важно въ свое время—сколько отъ дѣйствительности средствъ, употребляемыхъ къ сдерживанію хозяйства всѣхъ отраслей администраціи въ границахъ бережливости и реальной пользы.

На нынѣшнюю весну, противъ обыкновенія, никто не пророчилъ войны и въ настоящую минуту никому у насъ и въ мысль не приходитъ, что что-нибудь могло бы помѣшать нашей мануфактурной выставкѣ. А между тѣмъ нашъ военный бюджетъ снова увеличился на 4 милліона рублей, мы только что окончили обычный наборъ, и вооружаемъ нашу армію усовершенствованными ружьями съ такой поспѣшностью, что заводы выставляютъ до срока данные имъ наряды. Настоящій моментъ таковъ, что всѣ главныя державы Европы заняты внутренними своими дѣлами; въ каждой изъ нихъ въ эту минуту во главѣ всѣхъ дѣлъ стоитъ такой внутренній вопросъ, который прямо противорѣчитъ возможности осуществленія какихъ-либо честолюбивыхъ видовъ. А между тѣмъ всѣ онѣ продолжаютъ вооруженіе и въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ хотя и сознаютъ, что правило para bellum разоряетъ Европу, новыя жертвы на развитіе или поддержаніе вооруженій оправдываютъ тѣмъ, что другіе такъ дѣлаютъ, что нельзя отставать отъ другихъ. У насъ самъ спеціальный органъ военнаго министерства называетъ это «нескончаемымъ рядомъ пожертвованій». Только что мы успѣли вооружить на-ново нашу полевую артиллерію, а артиллерію мѣстную снабдили болѣе чѣмъ тысячью новыхъ пушекъ, и съ огромными пожертвованіями ускоряемъ перевооруженіе пѣхоты, наконецъ заводимъ уже и скорострѣльныя пушки—самое новѣйшее повидимому изобрѣтеніе по военной части, какъ намъ говорятъ, что необходимы еще въ теченіи нѣскольких лѣтъ «усиленные расходы, чтобы

засыпать ту бездну, которую открыли въ артиллерійскомъ вооруженіи новѣйшія техническія усовершенствованія, дѣлающія сегодня слабымъ и недостаточнымъ то, что еще вчера казалось неодолимо-сильнымъ» (Р. Инв.). Намъ говорятъ уже о необходимости защитить гранитъ Кронштадта желѣзомъ, выдвинувъ такую оборону на нѣсколько верстъ впередъ брони гранитной. Кто знаетъ, какъ скоро потребуется прикрыть и эту новую желѣзную оборону какою-нибудь другою защитою еще нѣсколько верстъ впереди той? А между тѣмъ даже самые замѣчательные образцы фортификаціоннаго искусства, существующіе у насъ, оказываются уже недостаточными, и наконецъ даже г. Бергъ отвлекается отъ своихъ мирныхъ полу-историческихъ, полухореграфическихъ занятій порученіемъ построить для военныхъ цѣлей огромный аэростатъ.

Гдѣ причина, гонящая Европу все далѣе и далѣе по пути этой разорительной борьбы, этой непроизводительной конкурренціи? Со всѣхъ сторонъ слышатся увѣренія, что никто не помышляетъ о завоеваніяхъ, каждая держава объявляетъ, что она только стоитъ «на стражѣ своей чести и достоинства» и довольствуется этимъ. Внутреннихъ обстоятельствъ, которыя побуждали бы къ вооруженіямъ, нигдѣ нѣтъ; они исчезли даже во Франціи; даже правительство этой страны, вслѣдъ за правительствомъ австрійскимъ, сознало наконецъ полную истинность въ наше время той сентенціи, что хотя и можно опереться на штыки, но нельзя «усидѣть на нихъ».

Въ виду такого противорѣчія факта всеобщихъ вооруженій отсутствію видимыхъ къ нимъ причинъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, иные пришли къ убѣжденію, что вина въ этомъ чрезмѣрномъ развитіи вооруженій и заключается только въ нихъ самихъ, что тутъ дѣйствуетъ собственно только увлеченіе конкурренціею, желаніемъ не отстать, и что поэтому правительствамъ было-бы легко сговориться между собою и пріостановиться всѣмъ вмѣстѣ на этой пагубной дорогѣ, всѣмъ вмѣстѣ произвесть разоруженіе. Мысль о всеобщемъ одновременномъ разоруженіи высказывалась уже не разъ въ печати, и однажды даже оффиціально было заявлено предложеніе, о всеобщемъ мирномъ конгрессѣ. Тѣмъ не менѣе мысль эта неосуществима въ настоящее время потому, что не опирается на реальномъ основаніи. Основною причиною повсемѣстныхъ вооруженій служатъ не сами вооруженія, а весьма основательное взаимное недовѣріе. Къ возбужденію и поддержанію этого недовѣрія очень много способствовало внесеніе въ политику такъ-называемой «идеи національностей», которая уже сдѣлала то, что въ настоящее время въ Европѣ невозможны союзы. Какъ не вооружаться Европѣ, когда всѣ пограничныя черты въ ней колеблются отъ напора взаимно-противоположныхъ похотей пріобрѣтенія, возводимыхъ въ идею, въ священную обязанность? Нѣтъ, не «каждый ударъ молота» на ору-

жейныхъ заводахъ одной страны вызываетъ подобное эхо въ другой странѣ, а всѣми этими ударами молотовъ руководятъ возгласы объ «историческомъ призваніи», о необходимости «довершить національное единство», или предпринять «освобожденіе единовѣрцовъ», возгласы, которые за границами каждой страны тотчасъ вызываютъ страстное эхо такихъ же, только враждебныхъ первымъ, возгласовъ. И что всего хуже—уже не честолюбіе однихъ кабинетовъ оказывается въ этой полемикѣ, которая немедленно выливается въ чугунъ и свинецъ, а возбужденіе самого общества; кабинеты въ наше время могли бы поддаться общественному мнѣнію, но кому поддастся общественное мнѣніе? Вина этого зла, какъ и всякаго общественнаго зла, значитъ, заключается въ сущности въ томъ, что надъ политическими массами господствуетъ худшій изъ всѣхъ деспотизмовъ—деспотизмъ предразсудковъ.

Мы сейчасъ возвратимся къ этому вопросу, а теперь преклонимся предъ аргументомъ, на который мы не имѣемъ отвѣта, именно, что отставать отъ всѣхъ другихъ одной Россіи не приходится, и справимся съ положеніемъ нашихъ вооруженій. Въ настоящую минуту должно быть окончено производство набора 1870 года, о которомъ мы упоминали въ свое время, когда онъ былъ объявленъ. Въ прошломъ же мѣсяцѣ обнародованы оффиціальныя свѣдѣнія о результатахъ набора 1869 года, которымъ принято въ рекруты около 87 тыс. человѣкъ. Сравнивая результаты этого набора съ результами набора 1868 года, мы останавливаемся на утѣшительномъ фактѣ возрастанія процента грамотныхъ въ средѣ рекрутъ, именно: 9,02% изъ 1868 г. соотвѣтствуетъ теперь 9,76%. Такой результатъ, относящійся къ почти 90-тысячной массѣ людей, не можетъ быть случайнымъ. Составъ нашей арміи въ настоящее время выражается цифрою 726 тыс. чел. На пополненіе ея, по военнымъ штатамъ, нужно еще 430 чел.; но такъ какъ къ началу нынѣшняго года у насъ уже было въ резервѣ 518 т. человѣкъ отпускныхъ, да ожидались еще 35 т., то сверхъ пополненія арміи по военнымъ штатамъ, мы имѣли бы еще 120 тыс. отпускныхъ въ видѣ дополнительнаго резерва.

Что касается перевооруженія, то полевая артиллерія вся уже вооружена орудіями, заряжающимися съ казенной части и, какъ уже сказано, вводятся уже и скорострѣльныя орудія, которыми такъ хвалились французы. Вооруженіе же арміи скорострѣльными ружьями, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, должно быть кончено въ предстоящемъ апрѣлѣ, а къ концу года этого оружія будетъ уже и въ запасѣ, такъ какъ его будетъ 965 т. ружей. Значитъ, мы уже теперь *почти* готовы къ войнѣ.

Преобразованія, произведенныя въ нашей военной организаціи за послѣдніе годы, коснулись не только системы военнаго управленія, но

и нѣкоторыхъ важныхъ элементовъ строевой части, при чемъ цѣлью было возвысить боевую силу арміи, не обременяя, по мѣрѣ возможности, государства новыми расходами. Но какъ ни многообразны и ни значительны произведенныя реформы, совокупность ихъ далеко не представляетъ того полнаго преобразованія системы вооруженной защиты, какое осуществили у себя нѣкоторыя другія государства. Такое преобразованіе, предпринятое подъ вліяніемъ побѣдъ Пруссіи въ 1866 году, и совершенное болѣе или менѣе близко къ прусскому образцу, основано на мысли о подкрѣпленіи дѣйствующей арміи двумя степенями резерва, составленнаго изъ народнаго ополченія. Не прихоть, не склонность къ экспериментамъ могли побудить императора Наполеона къ подражанію прусскому устройству: во-первыхъ, мѣра эта должна была вызвать неудовольствіе страны; во-вторыхъ, основной смыслъ ея, именно приданіе арміи народнаго характера, прямо противорѣчилъ тому духу, который императоръ французовъ стремился вселить въ своей арміи, стараясь о постепенномъ превращеніи ея въ сонмище наемныхъ спеціалистовъ военнаго ремесла. Сильно должно было быть давленіе обстоятельствъ, если къ подражанію прусской народной арміи могли побудить такое государство какъ Австрія, и такой правитель, какъ императоръ французовъ.

Спрашивается, не распространяется ли дѣйствіе этихъ обстоятельствъ и на насъ? Другими словами, въ виду коренныхъ реформъ, въ огромной степени увеличившихъ военныя силы остальной Европы, не должна ли предстоять и намъ, быть можетъ въ недалекомъ времени, такая же радикальная реформа, т.-е. учрежденіе подвижного резерва и поголовнаго народнаго ополченія? Намъ кажется, что въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Коренная реформа въ этомъ смыслѣ, конечно, наложила бы на страну новыя, бо̀льшія тягости. Но въ тоже время противъ положенія: что такъ какъ всѣ державы увеличили свои силы, намъ придется не отставать—трудно возражать въ рѣшительно отрицательномъ смыслѣ. Можно имѣть весьма различное представленіе о внѣшнихъ потребностяхъ государства, что доказывается измѣненіями, какія порою оно само дѣлаетъ въ направленіи своей внѣшней политики. Но если намъ бы сказали: вотъ точный разсчетъ, во сколько Россія теперь слабѣе любой великой державы, то намъ осталось бы только признать необходимость увеличенія вооруженныхъ силъ Россіи. И при этомъ, всѣ наши возраженія обратились бы уже только въ совѣтъ: не преувеличивать напряженія, не класть въ основу новаго устройства обороны слишкомъ честолюбивую политическую мечту или слишкомъ пессимистское представленіе объ ожидающихъ насъ опасностяхъ.

Вотъ съ этой-то точки зрѣнія, мы намѣрены заняться вышедшею

недавно брошюрою генерала Фадѣева: «Мнѣніе о восточномъ вопросѣ». Хотя авторъ написалъ эту брошюру безъ всякаго отношенія къ какой-либо вѣроятности коренной военной реформы у насъ въ ближайшее время, тѣмъ не менѣе она важна именно потому, что излагаетъ цѣлую политическую схему, которая могла бы лечь въ основу такой коренной реформы, и притомъ реформы въ колоссальныхъ размѣрахъ. Въ помѣщенной въ нашемъ журналѣ въ прошломъ году статьѣ о сочиненіи г. Фадѣева «Вооруженныя силы Россіи», нашъ рецензентъ могъ главнымъ образомъ только возражать противъ пессимистскаго воззрѣнія почтеннаго автора, будто, при всякомъ малѣйшемъ случаѣ, непремѣнно осуществится извѣстный стихъ: «Европа противъ насъ». Но теперь авторъ такъ развилъ свою мысль и положилъ въ основу русской политики такую огромную задачу, что мы должны уже согласиться, что въ самомъ дѣлѣ при малѣйшемъ движеніи со стороны Россіи, когда эта задача будетъ сознана, вся Европа въ самомъ дѣлѣ будетъ противъ насъ. Принявъ политическую программу генерала Фадѣева, и полагая, что она могла бы показаться осуществимою настоящему или одному изъ будущихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, мы впередъ должны готовиться къ борьбѣ со всею Европою, а пока эта борьба настанетъ, вредъ произошелъ бы уже изъ того, что мы увлеклись бы болѣе или менѣе осуществимыми мечтами, къ наложенію на страну колоссальнаго военнаго бремени, принявъ тѣ мечты за основу коренной военной реформы.

Опасность положеній почтеннаго автора заключается въ томъ, что они основываются на идеѣ такъ-называемаго «историческаго призванія» націи, а въ наше время возбужденія всѣхъ крайностей идеи національностей, доктрина поставленная на этой основѣ многимъ кажется убѣдительною или покрайней мѣрѣ дѣйствуетъ на нихъ увлекательно, какъ бы произвольно ни толковалось при этомъ само «историческое призваніе націи». «Дѣла сложились такимъ образомъ, говоритъ, авторъ, что восточный вопросъ въ тѣсномъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимаютъ, представляетъ для насъ квадратуру круга, неразрѣшимую никакими средствами въ настоящемъ, не оставляющую никакой надежды въ будущемъ». А между тѣмъ дѣло это—«призракъ, стоящій надъ нашимъ изголовьемъ, противъ котораго ничего нельзя предпринимать» именно оттого, что онъ есть только «несамостоятельная половина другого, болѣе важнаго дѣла». И вотъ, чтобы разсѣять этотъ призракъ, авторъ совѣтуетъ намъ задаться такимъ планомъ, который вмѣщаетъ въ себя весьма реальное самопожертвованіе государства въ пользу одной идеи національностей, и не совѣтуетъ намъ имѣть дѣла съ одной «несамостоятельной половиной» вопроса потому, что «въ извѣстномъ случаѣ цѣлое можетъ оказаться легче половины». Въ чемъ же состоитъ тутъ цѣлое, по мнѣнію ген. Фадѣева? А въ

томъ, во-первыхъ, априорическомъ положеніи, что Россія *должна* рѣшить восточный вопросъ, и во-вторыхъ въ томъ, что такъ какъ восточный вопросъ означаетъ нынѣ уже не «Турція и подвластные ей христіане», а «Россія и ея главенство въ славянскомъ мірѣ», то, значитъ, вмѣсто напр. предстательства за болгаръ или кандіотовъ, Россія должна просто «распространить свое главенство до Адріатическаго моря». Вотъ что предлагаетъ авторъ, и внѣ такого распространенія онъ не видитъ для Россіи иной будущности, какъ только — «вновь отступить до Днѣпра». «Россія не можетъ упрочиться въ нынѣшнемъ своемъ видѣ», говоритъ онъ; «политическая исторія также какъ естественная не увѣковѣчиваетъ неопредѣлившихся, недоконченныхъ видовъ». А изъ словъ автора оказывается, что Россія останется «недоконченнымъ видомъ» до тѣхъ поръ, пока она не одержитъ побѣды надъ всею Европою, а главнымъ образомъ надъ нѣмецкимъ племенемъ, въ которомъ г. Фадѣевъ видитъ главнаго нашего врага, и не исполнитъ предпріятія, которое авторъ называетъ освобожденіемъ Востока и союзомъ славянскаго міра, и которое, выражаясь точнѣе, должно обнимать: уничтоженіе турецкой имперіи, присоединеніе къ Россіи Червонной Руси и Измаила и учрежденіе изъ всѣхъ славянскихъ земель Турціи и Австріи, а также изъ царства польскаго—государствъ вассальныхъ Россіи, то-есть союза изъ самостоятельныхъ частей, даже съ самостоятельными государями, но съ общимъ главою въ лицѣ русскаго царя, въ полномъ распоряженіи и управленіи котораго должны будутъ состоять войска союза, а также всѣ союзныя крѣпости и входы въ Черное море; при этомъ Константинополь былъ бы объявленъ вольнымъ городомъ «племенного союза», значитъ, тоже находился бы въ нашемъ распоряженіи. Изложивъ такой идеальный планъ, г. Фадѣевъ, забывая, что на его брошюру должны были взглянуть за границею преимущественно съ точки личнаго положенія автора, имѣлъ безтактность прибавить, что «единство великой восточной семьи упрочится только общностью семейныхъ престоловъ въ одной династіи», и прямо выразилъ желаніе, чтобы «преимущественно русскій царствующій домъ покрылъ своими вѣтвями освобожденную почву восточной Европы». Не говоря уже о неловкости примѣшивать къ игрѣ въ политическіе воздушные замки указанія такого рода, спросимъ только, вправѣ ли будемъ мы жаловаться, если враждебная Россіи печать станетъ снова говорить о нашей «агитаціи», когда русскій генералъ высказываетъ подобныя предложенія, напоминающія фатальную для Франціи наполеоновскую систему раздачи престоловъ?

Правда, генералъ Фадѣевъ не требуетъ немедленнаго осуществленія своего громаднаго плана, онъ говоритъ, что сначала дѣйствіе Россіи можетъ быть только нравственное. Но онъ тутъ же прибавляетъ, что первымъ нашимъ дѣйствіемъ должно быть «гласное (оффи-

ціальное?) признаніе права Россіи быть представительницею родственнаго міра», и успокоивши себя чисто воинскимъ соображеніемъ, что «въ благопріятныхъ случаяхъ не будетъ недостатка, девятнадцатый вѣкъ не есть вѣкъ мира и спокойнаго процвѣтанія (?) для Европы», онъ гонитъ насъ къ весьма настоятельному соображенію своего проекта напоминаніемъ, что если онъ осуществленъ не будетъ, «то Россія, какъ государство, едва ли устоитъ въ нынѣшнихъ предѣлахъ». Значитъ, дѣло не за горами, и надо если не спѣшить, то во всякомъ случаѣ приготовляться.

Мы не станемъ подробно разбирать той аргументаціи, на которой почтенный авторъ построилъ свой планъ. Для насъ важно въ немъ собственно то, что имъ авторъ оправдываетъ предлагаемую имъ систему военнаго устройства, важно опасеніе, чтобы въ случаѣ еслибы нашей военной системѣ въ самомъ дѣлѣ предстояли преобразованія, то въ основаніе ихъ не вкрались какимъ-либо образомъ химерическія представленія о политической задачѣ въ родѣ той, какую навязываетъ Россіи генералъ Фадѣевъ. Достаточно взглянуть на его принципъ, его исходную точку и конечную цѣль.

Принципъ автора есть крайнее развитіе «идеи національностей», со всѣми ея самопротиворѣчіями. Крайность «идеи національностей» представляется стремленіемъ ея перейти въ «идею расъ»; въ теоріи послѣдняя есть результатъ первой, на практикѣ же осуществленіе политическаго единства расы можетъ противорѣчить и интересамъ и даже чувству національностей. Въ крайнемъ смыслѣ «теоріи національностей» представлялось бы вполнѣ естественнымъ политическое единство не только Великобританіи съ Соединенными Штатами, что уже само по себѣ на практикѣ — абсурдъ, но и единство обоихъ названныхъ государствъ съ Германіею. Это—одна сторона дѣла, а вотъ другая: «идея національностей» можетъ оправдывать какія угодно крайности, ибо развитіе идеи опредѣляется только логичностью, но потому-то она и не можетъ быть руководящею мыслью въ политикѣ государства, такъ какъ политика имѣетъ дѣло со средствами, по существу своему ограниченными. Вопросъ политики въ томъ, какимъ наилучшимъ образомъ употреблять средства даннаго народа; а жертвовать всѣми интересами русскаго гражданина для основанія славянскаго государства на самой Адріатикѣ—это значитъ въ практическомъ смыслѣ слѣдовать за политикою не національною, а существенно—антинаціональною.

Таковы крайности идеи. Теперь о самопротиворѣчіяхъ ея. «Идея національностей», какъ она оказывается доселѣ въ примѣненіи, есть идея исключительно завоевательная. Что во имя родственныхъ связей, единства или хотя бы сходства языка или единства вѣры, она побуждаетъ къ распространенію предѣловъ или вліянія государства — это

мы видимъ; но мы не видимъ, чтобы она въ тоже время побуждала государства къ отказу отъ областей на основаніи племенной разности, неединства и несходства языка, неодинаковости вѣроисповѣданія, какъ бы слѣдовало по логикѣ, которая должна управлять идеею подъ опасеніемъ самоуничтоженія идеи. Напротивъ, «идея національностей» прекрасно уживается съ идеею государства относительно удержанія послѣднимъ того, что оно имѣетъ. Франція во имя идеи національностей освобождаетъ Италію, но не только не думаетъ объ отказѣ отъ Алжиріи, а еще у той Италіи беретъ себѣ чисто итальянское графство Ниццу и итальянскіе округи Савойи. Пруссія во имя той же идеи присоединяетъ къ себѣ всю Германію, но «національные либералы» ея не только не думаютъ объ отказѣ, на основаніи своего принципа, отъ Познани, напримѣръ, или отъ сѣвера Шлезвига, но они-то именно громче всѣхъ говорятъ о «прусскомъ государствѣ» по отношенію къ этимъ землямъ, забывая, что они же отрицаютъ идею государства по отношенію къ германскимъ странамъ. Тоже самопротиворѣчіе мы видѣли тамъ, гдѣ «идея національностей» являлась въ борьбѣ съ государствомъ: венгерскіе патріоты по отношенію къ славянамъ ссылаются уже не на идею національностей, а на историческое право, точно тоже дѣлаютъ поляки по отношенію къ границамъ 1772 года.

Нашъ авторъ хочетъ во имя идеи національностей распространить главенство Россіи на Константинополь и до Адріатики, но ему даже и въ мысль не приходитъ, что за такія пріобрѣтенія, предполагая ихъ возможными, мы должны были бы сдѣлать и уступки согласныя логикѣ той же идеи: напримѣръ, отказаться отъ Финляндіи, Балтійскаго края, Закавказья, Туркестана, такъ какъ тутъ нѣтъ ни общаго языка, ни общей вѣры.

Мы указали на логическую несостоятельность «идеи національностей» въ ея крайнемъ развитіи, подобномъ тому, которое предлагаетъ авторъ, и онъ не можетъ возразить намъ, что, доказавъ это, мы ничего не доказали противъ состоятельности его плана. Весь планъ его сооруженъ именно только въ силу этой идеи; онъ ставитъ апріори задачею Россіи «освобожденіе Востока и единство славянскаго міра». Еслибы онъ такой задачи не ставилъ, въ такомъ случаѣ и всѣ его опасенія общеевропейской коалиціи противъ Россіи и всѣ его громадныя соображенія о необходимости идти на встрѣчу опасности, дѣлать «цѣлое» вмѣсто того, чтобы дѣлать «половину» и т. д. — все это ни къ чему бы не годилось. Какая коалиція противъ Россіи, если Россія не стремится къ захватамъ? Почему именно одной Россіи угрожаетъ коалиція? А еслибы Франція или Австрія задумали каждая отдѣльно передѣлать по своему весь Востокъ или весь Западъ, развѣ противъ Франціи или Австріи точно также не составилось бы коалиціи?

Мы могли бы ограничиться этимъ разъясненіемъ внутренней само-

стоятельности принципа и исходной точки автора. Но взглянемъ еще и на его конечную цѣль. Что происходитъ изъ самопротиворѣчія «идеи національностей», во имя которыхъ г. Фадѣевъ зоветъ насъ на борьбу съ Европой, совѣтуетъ намъ освободиться отъ опасности коалиціи прямымъ вызовомъ коалиціи? Происходитъ то, что именно вслѣдствіе самопротиворѣчія «идеи національностей» полное осуществленіе ея является рѣшительною невозможностью. Серьезно ли думать, что намъ однимъ удастся вполнѣ примѣнить въ свою пользу всѣ ея крайности? Развѣ мы можемъ надѣяться въ союзѣ съ нестройными, разъединенными толпами славянъ одолѣть всѣ арміи Европы? Возможно ли думать, что Европа допуститъ, чтобы въ нашихъ рукахъ была военная сила, покрывающая пространство отъ Гималайскаго хребта до Альповъ, чтобы, врѣзываясь вооруженнымъ угломъ въ самый западъ Европы, за самыя Карпаты, мы владѣли и постами на границѣ Индіи, и Константинополемъ? А если намъ пришлось бы дѣлать тогда уступки, и въ угоду Пруссіи, Австріи, Франціи, Англіи, Швеціи отказываться отъ царства польскаго, Финляндіи, Балтійскаго поморья, Туркестана, Закавказья, взамѣнъ нашихъ новыхъ фантастическихъ пріобрѣтеній, то спрашивается еще, была ли бы въ самомъ дѣлѣ могущественнѣе Россія во главѣ племенного славянскаго союза изъ самостоятельныхъ частей, чѣмъ есть нынѣ русское государство?

Планъ, предлагаемый генераломъ Фадѣевымъ есть «восточный прожектъ», соединенный еще съ «западнымъ прожектомъ». Напрасно онъ доказываетъ намъ, что восточный вопросъ нынѣ уже не долженъ быть только вопросомъ о Турціи, а вопросомъ о главенствѣ Россіи надъ всѣмъ славянскимъ міромъ; по его прожекту дѣло сводится и не къ этому одному, а просто къ главенству Россіи надъ всею Европою; такъ оно и въ теоріи, ибо, сохраняя всѣ свои владѣнія и пріобрѣтая то, на что указываетъ авторъ, Россія положительно преобладала бы въ Европѣ; такъ оно и въ практикѣ, ибо для осуществленія этого «прожекта», пришлось бы прежде сломить всю Европу, и затѣмъ ужъ Европа, само собой разумѣется, была бы подчинена намъ.

Брошюра генерала Фадѣева произвела нѣкоторый шумъ въ заграничной прессѣ и уже поэтому необходимо, чтобы русская печать отреклась отъ ея преувеличеній. Сверхъ того, долгъ печати, по нашему мнѣнію—протестовать противъ псевдо-національныхъ возбужденій, какими хотятъ заслонить самое настоятельное для насъ дѣло — дѣло развитія внутреннихъ силъ и учрежденій. Надо пожелать, чтобы ни одна изъ основныхъ мыслей «восточно-западнаго прожекта» г. Фадѣева не оказала какого-либо вліянія на устройство нашей военной системы; истинно-національная политика Россіи должна ограничиваться однимъ строгимъ соблюденіемъ интересовъ русскаго государства,—и это вовсе не такая легкая задача: благополучное разрѣшеніе ея требуетъ госу-

дарственнаго ума, опытности и такта,—а для составленія «прожектовъ», будутъ ли они западные или восточные, и для установленія вопросительныхъ знаковъ, можно обойтись и съ одною фантазіею. Не даромъ сказано: одинъ неумный броситъ камень въ воду, и десятеро умныхъ не вытащутъ камня!

ЗЕМСКІЕ ИТОГИ.

IV *).

Разсматривая доходы земства, т.-е. тѣ средства, которыя оно получаетъ въ видѣ налога на недвижимое имущество, торговлю и промыслы, мы старались уяснить главнымъ образомъ характеръ распредѣленія налоговъ. Это распредѣленіе, какъ мы видѣли, частію по винѣ земства, а частію и безъ его вины, далеко неравномѣрно: большинство сборовъ падаетъ на крестьянскія земли, обремененныя уже государственными податями, помѣщичьими или выкупными платежами и натуральными повинностями, а бездоходность земель дѣлаетъ всѣ эти взносы весьма обременительными. Къ этимъ печальнымъ истинамъ слѣдуетъ еще прибавить, что весь земскій налогъ (размѣръ котораго въ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія, простирается теперь въ общей сложности отъ пятнадцати до двадцати милліоновъ)—есть налогъ новый, ибо послѣ его установленія прежніе налоги не уменьшились. Въ виду этого факта особенно интересно прослѣдить, что̀ дали намъ земскія учрежденія, т.-е. насколько производительно истрачены тѣ десятки милліоновъ, которые съ такими усиліями взнесены въ продолженіи пяти лѣтъ нашимъ бѣднымъ населеніемъ. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ слѣдуетъ обратиться къ анализу земскихъ расходовъ, опредѣлить какъ тѣ цѣли, для достиженія которыхъ предназначаются земскіе расходы, такъ и степень успѣшности въ достиженіи этихъ цѣлей.

Если мы сопоставимъ указанныя въ законѣ рубрики земскихъ расходовъ съ цифрами взятыми изъ раскладокъ любой губерніи, то убѣдимся, что въ числѣ этихъ расходовъ $^8/_{10}$ обязательныхъ,—это расходы на починку дорогъ, наемъ помѣщеній для разныхъ присутственныхъ мѣстъ и служащихъ лицъ и на содержаніе мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ и судебно-мировыхъ учрежденій; $^1/_{10}$ полуобязательныхъ—

*) См. выше, мар. 403 стр.

это расходы на содержаніе земскихъ управъ и ихъ канцелярій [1]); и наконецъ, *одна десятая* вовсе необязательныхъ — это расходы на содѣйствіе народному здравію, народному продовольствію и народному образованію. Что рубрики земскихъ расходовъ именно таковы, это можно видѣть, развернувъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, а что расходы распредѣляются приблизительно въ той пропорціи, какую мы указали, въ этомъ можно убѣдиться посмотрѣвъ на уѣздныя земскія смѣты Петербургской губерніи, дѣйствующія въ нынѣшнемъ году. Въ полумилліонномъ бюджетѣ земскихъ собраній этой губерніи болѣе пятидесяти тысячъ назначено на содержаніе управъ (только уѣздныхъ), почти столько же на народное здравіе и просвѣщеніе и четыреста тысячъ на обязательные расходы, изъ которыхъ едва десятая часть идетъ на устройство дорогъ и мостовъ, а все остальное на помѣщеніе, содержаніе и разъѣзды разныхъ служащихъ лицъ.

Эти цифры сами по себѣ весьма знаменательны; онѣ показываютъ, что собственно на *производительные* расходы, завѣдываніе которыми лежитъ на обязанности земскихъ учрежденій, идетъ едва одна четвертая часть всего земскаго сбора, въ остальныхъ же расходахъ земскія учрежденія не принимаютъ никакого активнаго участія, а слѣдовательно и не могутъ нести за нихъ отвѣтственности. Какого бы направленія ни держались земскія собранія и какими бы хозяйственными способностями ни отличались члены земскихъ управъ, они одинаково обязаны выплачивать жалованье подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ. Единственно, въ чемъ они проявляютъ здѣсь свое существованіе—это въ ходатайствахъ объ отнесеніи того или другого расхода на государственный земскій сборъ, но по счастію эти ходатайства удовлетворяются очень рѣдко. Мы говоримъ *по счастію*, потому что принятіе обязательнаго для земства расхода на государственный сборъ есть не какая-нибудь льгота, а только перенесеніе расхода, оплачиваемаго всѣми сословіями, на сословіе крестьянское, которое почти одно доставляетъ весь государственный земскій сборъ. Этой простой истины къ сожалѣнію никакъ не хотятъ понять тѣ земскія собранія, которыя такъ усердно хлопочутъ о принятіи «на счетъ государства», то какихъ-нибудь разъѣздныхъ или порціонныхъ денегъ, то моста или дороги. Другое значеніе имѣютъ ходатайства о совершенномъ упраздненіи какого-нибудь расхода, тутъ конечно выгода прямая, и подобныя ходатайства со стороны земства весьма похвальны, только жаль, что въ нихъ иногда проглядываетъ задняя мысль. Такъ, напримѣръ, чуть не всѣ земскія собранія ходатайствовали объ упраздненіи

[1]) Мы называемъ этотъ расходъ полуобязательнымъ потому, что хотя размѣръ содержанія управъ и не опредѣленъ закономъ, тѣмъ не менѣе законъ предписываетъ организовать ихъ, а слѣдовательно и ассигновать суммы на ихъ содержаніе.

должностей членовъ отъ правительства въ мировыхъ съѣздахъ и въ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ. При этомъ невольно рождается вопросъ: отчего слѣдуетъ упразднить членовъ *отъ правительства,* а не *отъ дворянства*, и невольно вспомнишь одно постановленіе уфимскаго губернскаго дворянскаго собранія, послѣдовавшее года четыре тому назадъ. Это собраніе также ходатайствовало, *въ видахъ сокращенія расходовъ*, объ упраздненіи членовъ отъ правительства на мировыхъ съѣздахъ, которыхъ во всей губерніи было три, и въ то же время просило назначить содержаніе предсѣдателямъ съѣздовъ, т.-е. уѣзднымъ предводителямъ дворянства, которыхъ, какъ извѣстно, въ уфимской губерніи девять... Къ чести земскихъ собраній должно сказать, что они до сихъ поръ еще не ходатайствовали о назначеніи содержанія предводителямъ дворянства, можетъ быть потому, что имъ легко произвести каждаго изъ этихъ предводителей въ предсѣдатели управъ и затѣмъ дать ему содержаніе какое угодно.

Перебирая рубрики земскихъ расходовъ, мы прежде всего должны остановиться на содержаніи земскихъ управъ, которое поглощаетъ въ каждой губерніи около шестидесяти или семидесяти тысячъ, т.-е. столько же, сколько среднимъ числомъ тратилось на всѣ производительные расходы. Это сопоставленіе постоянно давало поводъ нападать на земскія учрежденія, но такія нападенія опять не совсѣмъ справедливы, ибо, во-первыхъ, на обязанности земскихъ учрежденій, кромѣ всякихъ расходовъ, лежитъ распредѣленіе значительной части прямыхъ налоговъ идущихъ на потребности государственныя; во-вторыхъ, они наблюдаютъ за выполненіемъ натуральныхъ повинностей, и завѣдуютъ земскими больницами, и въ - третьихъ... они нисколько невиноваты въ томъ, что имъ отмѣренъ небольшой кругъ дѣятельности.

Говоря безотносительно, содержаніе земскихъ управъ стóитъ не особенно дорого и во всякомъ случаѣ дешевле, нежели содержаніе большей части правительственныхъ и судебныхъ учрежденій. Предсѣдатели и члены *уѣздныхъ управъ* въ большинствѣ случаевъ довольствуются содержаніемъ даже сравнительно скромнымъ (около 1,000 руб.); гораздо больше стóитъ содержаніе губернскихъ управъ, которое назначается губернскими собраніями. Съ одной стороны, здѣсь играетъ роль глубоко въѣвшійся бюрократическій принципъ, по которому чиновникъ въ губерніи долженъ получать больше чѣмъ чиновникъ въ уѣздѣ; а съ другой стороны, большое вліяніе имѣетъ, указанное уже нами, различіе въ составѣ уѣздныхъ и губернскихъ собраній. Въ первыхъ большинство очень часто составляютъ мѣщане и крестьяне, которые, привыкнувъ довольствоваться малымъ, не особенно охотно расходуютъ деньги на жалованье «господамъ»; въ собраніяхъ же губернскихъ засѣдаютъ почти исключительно эти самые «господа», которымъ бываетъ совѣстно обидѣть какого-нибудь

Ивана Ивановича или Петра Петровича, не давъ ему столько, сколько онъ желаетъ. Поэтому въ губернскихъ только собраніяхъ и возможны такіе странные случаи, какъ разсказанное нами назначеніе г. Бланку въ Тамбовѣ двойного содержанія за рѣчь о необходимости безвозмездной службы.

Кстати, что касается безвозмездной службы, то о ней уже забыли. Пропагаданда въ этомъ смыслѣ велась только въ первое время, и то съ извѣстной тенденціозной цѣлью. Такимъ путемъ надѣялись передать дѣла земства въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, которыхъ въ то-же время старались провести въ земскія собранія безъ выбора. Но эти стремленія крупныхъ землевладѣльцевъ навязать себя какъ неизбѣжное зло, какъ извѣстно, не имѣли успѣха въ нашемъ неаристократическомъ земствѣ, и толки о безвозмездной службѣ покончились сами собою, тѣмъ болѣе, что защитники этого начала выставляли его своимъ девизомъ большею частію до тѣхъ только поръ, пока не попадали въ члены управъ, а тамъ брали содержаніе точно также, какъ и всѣ другіе или еще выпрашивали прибавку. Находились и такіе ревнители безвозмездной службы, которые желали назначить членамъ управъ, выбраннымъ изъ дворянъ—одно содержаніе, а выбраннымъ изъ крестьянъ—другое, поменьше, но и эти доблестныя попытки вслѣдствіе ихъ явной противозаконности не увѣнчались успѣхомъ, и если въ нѣкоторыхъ уѣздахъ случались назначенія членамъ управъ изъ крестьянъ уменьшеннаго содержанія, то не иначе какъ по собственной волѣ послѣднихъ [1]).

Но какъ бы великъ или малъ ни былъ расходъ на содержаніе земскихъ управъ, это во всякомъ случаѣ расходъ непроизводительный, ничѣмъ не отличающійся отъ расходовъ на «содержаніе, помѣщеніе и отопленіе», которыми такъ богаты и земскій и государственный бюджеты. Затѣмъ, изъ всей громадной цифры обязательныхъ земскихъ расходовъ,—къ производительнымъ можно отнести только расходы по отправленію подводной и дорожной повинностей, и то конечно тамъ только, гдѣ эти повинности изъ натуральныхъ переложены въ денежныя. Эти расходы, какъ мы уже указывали въ предшествовавшей статьѣ, имѣютъ важное значеніе потому, что ими замѣнена тяжелая

[1]) Такъ въ первую-же сессію одинъ изъ членовъ Бирючевской управы—крестьянинъ заявилъ, что онъ считаетъ жалованье въ 1,200 р. для себя слишкомъ большимъ, и потому взялъ только 400 р., а остальные предоставилъ въ пользу земства. Тоже сдѣлалъ членъ тверской губернской управы крестьянинъ Ситновъ, который, по свидѣтельству корреспондента «Спб. Вѣд.», заявилъ, что изъ 1,800 р. содержанія онъ назначаетъ 1,000 р. на народное образованіе въ Корчевскомъ уѣздѣ и скромно помѣстился въ комнаткѣ у своего племянника сапожника. Подобныхъ примѣровъ отказа отъ *назначеннаго уже* содержанія со стороны лицъ привилегированныхъ сословій мы не знаемъ.

натуральная повинность, лежавшая исключительно на крестьянскомъ сословіи. О томъ, какихъ трудовъ и усилій стóитъ порядочнымъ людямъ провести переложеніе натуральныхъ повинностей въ денежныя, мы уже говорили, и читатели знаютъ, что у насъ это вопросъ не столько чисто хозяйственный, сколько соціальный. Что же касается того, насколько успѣшно идетъ въ рукахъ земства починка дорогъ и мостовъ, то само собою разумѣется, что отвѣтъ на подобный вопросъ можно сдѣлать только осмотрѣвши эти дороги и мосты, къ чему мы конечно не имѣемъ никакой возможности. Земскія управы въ своихъ отчетахъ обыкновенно говорятъ, что прежде всѣ мосты были сломаны и дороги непроѣздимы, а теперь мосты крѣпки и по дорогамъ ѣздить можно; напротивъ, нѣкоторые администраторы заявляютъ, что мосты теперь не чинятся и дороги оказываются менѣе исправны нежели въ то блаженное время, когда за починкой этихъ дорогъ и мостовъ смотрѣлъ одинъ становой, и смотрѣлъ особенно тщательно въ тѣхъ случаяхъ, когда по дорогамъ должно было проѣзжать начальство. Дать рѣшительный отвѣтъ, насколько правы обѣ стороны, мы не беремся; но думаемъ, что теперь дѣло должно идти нѣсколько лучше, ибо работы отбываются не только натурою, но и наймомъ, и представители мѣстной администраціи зорко смотрятъ, чтобы все было исправно и то, чтó они прощали своимъ подчиненнымъ, ни въ какомъ случаѣ не пропустятъ постороннимъ, да еще и антагонистамъ. Впрочемъ и при теперешнихъ порядкахъ жалобъ на состояніе дорогъ не мало. Полтора года тому назадъ гласный отъ Лугскаго уѣзда заявилъ въ губернскомъ собраніи, что у нихъ каждую весну отъ недостатка мостовъ люди тонутъ на перевозахъ. Конечно, и прежде ихъ тонуло не меньше, но утѣшительнаго тутъ все-таки мало.

V.

Переходя къ необязательнымъ расходамъ земства, которые для насъ имѣютъ гораздо болѣе серьезное значеніе нежели обязательные, мы преимущественно займемся дѣломъ народнаго образованія. Степень участія земства въ этомъ важномъ дѣлѣ только начинаетъ опредѣляться. Законодательство указало, что земство имѣетъ право способствовать народному образованію, но кàкъ и чѣмъ должно оно способствовать—этого законодательство не разъяснило, и рѣшать этотъ вопросъ пришлось самимъ земскимъ собраніямъ.

Почти въ одно время съ введеніемъ земскихъ учрежденій обнародовано «Положеніе о народныхъ училищахъ». Училища эти, управлявшіяся прежде различными вѣдомствами каждое по своему образцу, а всего чаще вовсе не управлявшіяся, подчинены общимъ правиламъ и переданы въ завѣдываніе уѣздныхъ и губернскихъ училищныхъ

совѣтовъ, гдѣ вмѣстѣ съ представителями административныхъ вѣдомствъ засѣдаютъ и члены отъ земскихъ собраній. Надо сознаться, что земскія собранія весьма мало обращаютъ вниманія на выборъ членовъ въ училищные совѣты. Обыкновенно это званіе принимаютъ на себя меценаты, имѣющіе возможность пожертвовать рублей сто въ годъ и этимъ доказать свои педагогическія способности. Такимъ образомъ, здѣсь повторяется давно знакомый порядокъ избранія почетныхъ попечителей гимназій и смотрителей уѣздныхъ училищъ, которые преображаются въ педагоговъ за опредѣленный денежный взносъ и пользуются служебными правами и преимуществами. Результатъ такого порядка можно видѣть въ петербургскомъ собраніи; оно, какъ извѣстно, избрало въ члены губернскаго училищнаго совѣта такое лицо, которое, когда зашла рѣчь объ учрежденіи школъ, заявило собранію, что видитъ въ грамотности средство къ поддѣлыванію фальшивыхъ векселей. Впрочемъ, даже при самомъ разборчивомъ выборѣ, надо много условій, чтобы избранные отъ земства члены училищныхъ совѣтовъ могли имѣть какое-нибудь значеніе, такъ какъ они составляютъ меньшинство въ средѣ представителей административныхъ вѣдомствъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ сдѣлать членъ отъ земства въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ, если его убѣжденія, положимъ самыя чистыя и прекрасныя; будутъ идти въ разрѣзъ со взглядами мѣстнаго архіерея и представителей губернской администраціи, которые засѣдаютъ въ училищномъ совѣтѣ? Что́, повторяемъ мы, можетъ сдѣлать членъ отъ земства въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ, когда этотъ совѣтъ иногда совсѣмъ и не собирается, какъ это было въ прошломъ году въ Черниговской губерніи? Въ нашей литературѣ до сихъ поръ былъ заявленъ только одинъ интересный фактъ изъ дѣятельности губернскихъ училищныхъ совѣтовъ, вообще совершенно неслышной, и то фактъ самаго печальнаго свойства. Въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, была учреждена помѣщикомъ Лесевичемъ школа, для которой онъ сдѣлалъ значительныя пожертвованія. Преподавателемъ въ этой школѣ былъ крестьянинъ Давидъ Безуглый, обучавшійся прежде въ кіевской педагогической семинаріи. Въ простотѣ сердца Безуглый объяснялся съ учениками-малоруссами по малорусски и училъ ихъ молитвамъ, и то и другое оказалось нарушеніемъ устава, и Безуглый былъ устраненъ. Впрочемъ, уѣздный училищный совѣтъ взглянулъ на дѣло по-человѣчески и, разъяснивъ Безуглому его обязанности, выдалъ свидѣтельство на преподаваніе. Дѣйствительно, преподаваніе пошло вполнѣ успѣшно и совершенно согласно установленнымъ правиламъ. Члены уѣзднаго училищнаго совѣта и уѣздной управы, ѣздившіе посмотрѣть на училище, расточали ему самыя лестныя похвалы; но вдругъ мѣстный священникъ, поссорившись съ преподавателемъ, сдѣлалъ донесеніе, и полтавскій губернскій совѣтъ, не ра-

зобравъ дѣла, лишилъ Безуглаго права преподавать за то, будто бы, что онъ преподавалъ безъ дозволенія, тогда какъ въ дѣйствительности дозволеніе было ему дано. Напрасно крестьяне составляли приговоръ о томъ, что они вполнѣ довольны преподаваніемъ Безуглаго и не пошлютъ своихъ дѣтей къ другому учителю, напрасно учредитель школы заявилъ, что онъ вынужденъ будетъ закрыть школу, если совѣтъ будетъ продолжать свои репрессивныя дѣйствія. Совѣтъ оставался неумолимъ и школа оставалась безъ преподавателя, пока права Безуглаго не были возстановлены сенатомъ.

Само собою разумѣется, что при подобномъ составѣ училищныхъ совѣтовъ члены отъ земства ничего не могутъ сдѣлать. Полтавское губернское земское собраніе принадлежитъ по своему направленію къ числу лучшихъ земскихъ собраній. Оно, несмотря на нѣсколько протестовъ начальника губерніи, успѣло отстоять переложеніе натуральныхъ повинностей въ денежныя; далѣе, оно заявило ходатайство о предоставленіи гласнымъ изъ крестьянъ средствъ быть губернскими гласными, т.-е. о назначеніи имъ пособія на проѣздъ въ губернскій городъ. Наконецъ, оно жертвуетъ значительныя суммы на дѣло народнаго образованія и конечно не оно виновато въ печальной судьбѣ школы г. Лесевича. О лубенскомъ уѣздномъ собраніи нечего и говорить, оно составило даже нѣчто въ родѣ адреса г. Лесевичу, поздравляя его съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла въ сенатѣ... И тѣмъ не менѣе школа, учрежденная въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи на частныя средства, была по волѣ губернскаго училищнаго совѣта два года закрыта, да и теперь ей рано или поздно грозитъ горькая участь, ибо губернскій совѣтъ, принужденный покориться сенатскому указу, тѣмъ не менѣе не оставляетъ школу г. Лесевича въ покоѣ и съ подозрительностію, достойной полицейскаго сыщика или корреспондентовъ «Московскихъ Вѣдомостей», предписываетъ тщательно искать: не завалялась-ли въ этой школѣ какая-нибудь книжка на южно-русскомъ нарѣчіи...

Въ уѣздныхъ совѣтахъ, гдѣ засѣдаютъ администраторы не столь крупные, положеніе членовъ отъ земства независимѣе. Этимъ только можно объяснить то, что лубенскій уѣздный совѣтъ, вопреки волѣ начальства, постоянно заступался за школу г. Лесевича; этимъ же объясняемъ и успѣшную дѣятельность члена александровскаго училищнаго совѣта барона Корфа, заботливости котораго обязаны своимъ успѣхомъ всѣ школы въ Александровскомъ уѣздѣ.

Говоря объ училищныхъ совѣтахъ, мы должны упомянуть, что въ послѣднее время возникъ вопросъ: могутъ ли земскія собранія избирать членовъ въ эти совѣты не изъ своихъ гласныхъ и имѣютъ ли они право назначать имъ содержаніе. Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе постановленія днѣпровскаго уѣзднаго собранія, которое было

опротестовано начальникомъ губерніи. Чѣмъ кончится дѣло, мы не знаемъ; но если право назначенія членовъ училищныхъ совѣтовъ не изъ однихъ гласныхъ можетъ быть признано спорнымъ, то о правѣ назначать членамъ совѣтовъ содержаніе, кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Во всякомъ случаѣ лучше, давая содержаніе, избирать умныхъ и полезныхъ людей, нежели давать возможность служить даромъ такимъ просвѣтителямъ, которые видятъ въ грамотности одинъ источникъ преступленій.

Избраніе членовъ въ училищные совѣты, конечно, не составляетъ главной задачи земства о дѣлѣ народнаго образованія. Земскія собранія и управы могутъ учреждать школы, оказывать помощь школамъ существующимъ, доставлять имъ учебныя пособія, способствовать приготовленію хорошихъ народныхъ учителей и т. п. На все земскими собраніями ассигнуются особыя суммы, размѣръ которыхъ вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія собраній. Сдѣлать общую характеристику этихъ пожертвованій невозможно, также какъ невозможно указать причины, почему одно земское собраніе жертвуетъ много, а другое мало. Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить, почему новгородское земское собраніе пожертвовало въ прошломъ году на дѣло народнаго образованія 45,000 р., московское 30,000, петербургское 5,000 р., а многія другія не пожертвовали ничего? Какъ объяснить, что въ одной и той же Петербургской губерніи Лугскій уѣздъ внесъ въ смѣту расходъ на пособіе школамъ въ размѣрѣ свыше 3,000 р., Петергофскій и Петербургскій въ размѣрѣ 2,000 р., а Шлиссельбургскій не назначилъ ни копѣйки? Какъ объяснить наконецъ, что одинъ и тотъ же Ямбургскій уѣздъ на 1869 г. назначилъ 375 р., а на 1870 г. 1,770 р.? Все это, очевидно, дѣло случая и разъясненіе подобныхъ вопросовъ можетъ имѣть покуда только мѣстный интересъ, а для насъ гораздо важнѣе тѣ общія начала, которыя выработываются въ этомъ отношеніи земскими собраніями.

Толки о способѣ участія земства въ дѣлѣ народнаго образованія начались въ первыя же сессіи по открытіи земскихъ собраній и продолжаются до сихъ поръ. Каждая управа считаетъ своимъ долгомъ помѣстить въ отчетѣ рубрику о народномъ образованіи и при этомъ, смотря по направленію лицъ, писавшихъ отчетъ, или попенять на крестьянское населеніе за равнодушіе къ грамотности, или указать на «отрадный фактъ» возникновенія десятка школъ въ уѣздѣ. Но само собою разумѣется, что отъ этого дѣло еще не много подвигается впередъ. Между тѣмъ во многихъ земскихъ собраніяхъ являются люди, которые отвергаютъ необходимость даже денежной помощи земства въ дѣлѣ народнаго образованія, объясняя, что иниціатива открытія школъ должна принадлежать сельскимъ обществамъ, которыя и должны тратить на нихъ свои собственныя средства. Враждебное отношеніе къ дѣлу народнаго образованія прикрывается здѣсь фразами о самоуправ-

женіи, и люди, проповѣдующіе эти сомнительной чистоты принципы, не стыдятся упрекать крестьянское сословіе въ равнодушіи къ его интересамъ, заявляя въ тоже время, что вторженіе въ эти интересы они считаютъ насильственнымъ нарушеніемъ свободы. Такъ какъ подобныя воззрѣнія къ сожалѣнію не составляютъ исключеній и иногда принимаются уѣздными управами и собраніями (какъ напримѣръ, харьковскими), то мы не можемъ пройти ихъ молчаніемъ. Мы не можемъ не сказать, что хоть въ нашемъ государственномъ бюджетѣ на дѣло народнаго образованія ассигнована довольно скромная цифра, тѣмъ не менѣе она, вмѣстѣ съ расходами на содержаніе министерства, составляетъ до десяти милліоновъ, къ которымъ еще слѣдуетъ приложить расходы на содержаніе спеціальныхъ училищъ по вѣдомству военному, морскому, путей сообщенія и т. п. Всѣ эти милліоны, получаемые, почти цѣликомъ, съ крестьянскаго населенія — и почти цѣликомъ идутъ на образованіе высшихъ классовъ. Собственно на народныя училища государство не тратитъ почти ничего, предоставляя дѣло частной иниціативѣ и земству; и при этихъ-то условіяхъ находятся такіе земскіе дѣятели, которые безцеремонно заявляютъ, что учрежденіе школъ есть обязанность самого крестьянскаго сословія и что они не хотятъ посягать на его самостоятельность. Насъ всегда особенно непріятно поражало это лицемѣріе, и мы готовы скорѣе извинить тѣмъ откровеннымъ врагамъ народнаго образованія, которые видятъ въ уничтоженіи школъ спасеніе отечества, нежели этимъ глубокомысленнымъ теоретикамъ, которые, дрожа надъ грошемъ, рѣшаются упрекать въ невѣжествѣ то крестьянское населеніе, которое часто не имѣетъ средствъ не только на заведеніе школы, но и на покупку хлѣба. Этимъ лицемѣрнымъ проповѣдникамъ невѣжества не слѣдовало бы забывать, что крестьянское населеніе, несмотря на всю свою бѣдность, все-таки иногда заводитъ школы на собственныя средства, между тѣмъ какъ представители высшихъ сословій очень рѣдко жертвуютъ денежныя средства на учрежденіе учебныхъ заведеній для своихъ дѣтей, а иногда учреждаютъ ихъ на тѣ же земскія деньги, т.-е. опять-таки пользуются средствами крестьянъ, которые оплачиваютъ весь государственный расходъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Рядомъ съ остроумными защитниками исключительнаго права крестьянскаго населенія нести на себѣ всѣ расходы на образованіе и высшихъ и низшихъ классовъ, мы можемъ поставить тѣхъ наивныхъ, или притворяющихся наивными, педагоговъ, которые видятъ разрѣшеніе вопроса о народномъ обученіи въ полномъ предоставленіи этого дѣла духовенству. Предложенія этого рода находили и находятъ до сихъ поръ очень много защитниковъ, отчасти потому, что на нихъ очень благосклонно смотритъ начальство, отчасти потому, что съ при-

нятіемъ такого предложенія не представляется необходимости разсуждать и принимать какія-нибудь мѣры. Достаточно во избѣжаніе скандала пожертвовать рублей пятьсотъ, раздѣлить ихъ между благочиніями и довольно. Съ другой стороны, люди, понимающіе дѣло и знающіе положеніе нашего духовенства, энергически возстаютъ противъ такихъ предположеній, вслѣдствіе чего возникаютъ споры и пренія. Ходъ этихъ преній извѣстенъ. Защитники духовной педагогіи распространялись о нравственномъ значеніи духовныхъ пастырей, говоря, что «утвержденіе въ народѣ религіозныхъ и нравственныхъ понятій», о которыхъ упоминается въ положеніи о народныхъ училищахъ, составляетъ и безъ того одну изъ обязанностей духовенства, что, слѣдовательно, искать другихъ наставниковъ было бы не только безполезно, но и грѣшно, и что въ народѣ существуетъ полное довѣріе къ духовенству, которое такимъ образомъ соединяетъ въ себѣ всѣ условія необходимыя для народныхъ учителей. На это возражаютъ, что обязанность народнаго учителя требуетъ спеціальной подготовки, что утвержденіе въ вѣрѣ и обученіе грамотѣ не одно и тоже, что духовенство не имѣетъ свободнаго времени для школьныхъ занятій и что религіозное вліяніе, — одно, а умѣнье пріохотить дѣтей къ ученью — другое. При этомъ часто подымается буря и сыплются обвиненія въ атеизмѣ и тому подобномъ. Мы не будемъ продолжать изложеніе этихъ споровъ, въ которыхъ обѣ стороны сознательно лицемѣрятъ; одна, чтобы настоять на введеніи такого порядка, неудовлетворительность котораго очевидна для всѣхъ, другая для того, чтобы не перейти въ своихъ возраженіяхъ за ту границу, которая поставлена общественными условіями. Для непредубѣжденнаго и знакомаго съ дѣломъ читателя вопросъ этотъ разрѣшается просто; къ счастію онъ также просто разрѣшается и самими крестьянами, которые по опыту знаютъ въ чемъ дѣло. Читатели помнятъ вѣроятно, что на это весьма рѣшительно указалъ два мѣсяца тому назадъ въ петербургскомъ губернскомъ собраніи гласный отъ Гдовскаго уѣзда г. Обольяниновъ, котораго вообще трудно упрекнуть въ излишнемъ либерализмѣ. «Я не считаю себя вправѣ умолчать о томъ весьма грустномъ фактѣ, сказалъ онъ, что во многихъ волостяхъ нашего уѣзда существуютъ мірскіе приговоры, гласящіе: если учителемъ будетъ священникъ, не дадимъ ни копѣйки, а если настоящій учитель, то дадимъ и по 10 коп. съ души».

Если большинство земскихъ собраній и пришло въ настоящее время къ убѣжденію, что школы нужны и нужны учителя для школъ, то споры о томъ, какую земство можетъ оказывать имъ помощь, до сихъ поръ продолжаются. Одни говорятъ, что оно должно устроивать школы вновь, другіе хотятъ ограничиться поддержкою школъ существующихъ, одни предлагаютъ давать только на первое обзаведеніе,

другіе — платить жалованье учителямъ, третіе — доставлять учебныя пособія, и т. д. Но какъ ни разнообразны эти мнѣнія, тѣмъ не менѣе теперь уже можно указать въ нихъ нѣкоторыя общія черты. Такъ въ послѣднее время все болѣе укореняется мысль, что роль губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій въ дѣлѣ народнаго образованія должна быть различна, что уѣздныя собранія и управы, находясь въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ населенію своего уѣзда, могутъ принимать непосредственное участіе въ средѣ народныхъ школъ, учреждать ихъ, поддерживать, давать пособія; что же касается губернскихъ собраній, то по самому существу ихъ обязанностей на ихъ долю должны выпадать заботы, имѣющія предметомъ не какую-нибудь мѣстность, а цѣлую губернію, это именно заботы объ образованіи способныхъ и знающихъ дѣло народныхъ учителей. Эта мысль, еще въ 1866 г. заявленная петербургскою управою, окончательно формулирована московскимъ собраніемъ въ сессіи 1868 г. и затѣмъ принята новгородскимъ и петербургскимъ земскими собраніями. Въ настоящее время она дѣлается уже общимъ достояніемъ. Но было время, когда вопросъ о народномъ образованіи ставился гораздо шире.

VI.

Мысль о различномъ способѣ участія губернскаго и уѣзднаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія была, какъ мы уже сказали, окончательно формулирована московскимъ губернскимъ собраніемъ. Но московское губернское собраніе не сразу остановилось на этой мысли; прежде вопросъ былъ поставленъ имъ гораздо шире: въ сессію 1866 г. большинство въ этомъ собраніи пришло къ убѣжденію въ необходимости *обязательнаго* народнаго обученія. Проектъ въ этомъ смыслѣ былъ выработанъ особой коммисіей, которая выразила въ своемъ докладѣ, что хотя и нельзя сдѣлать обязательнымъ посѣщеніе именно земскихъ училищъ, такъ какъ законъ предоставляетъ родителямъ полную свободу выбирать мѣсто и способъ обученія своихъ дѣтей, тѣмъ не менѣе въ силу того же закона самое обученіе должно быть обязательно. Право земства настаивать на обязательномъ обученіи коммисія основала на нашихъ гражданскихъ законахъ, гдѣ дѣйствительно мы находимъ указаніе, что «родители обязаны давать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе доброе и честное по своему состоянію» и что они «должны обращать вниманіе на нравственное образованіе своихъ дѣтей и стараться домашнимъ воспитаніемъ приготовить нравы ихъ и содѣйствовать видамъ правительства», хотя при этомъ имъ «предоставляется на волю воспитывать дѣтей своихъ дома или отдавать ихъ въ общественныя заведенія отъ правительства или отъ частныхъ лицъ учрежденныя».

(Ст. 172 и 173 св. зак. гр. т. X ч. 1.) Въ виду этихъ-то статей закона коммиссія пришла къ убѣжденію, что обязательное обученіе было бы только исполненіемъ закона, остававшагося мертвою буквою. Само собою разумѣется, что при этомъ коммиссія предполагала дать средства къ обученію даровыя, и съ этой цѣлью предлагала открыть необходимое число земскихъ школъ, предоставивъ воспитательную часть въ нихъ исключительно женщинамъ. Такимъ образомъ, кромѣ обязательности обученія коммиссія старалась провести принципъ широкаго примѣненія женскаго труда къ дѣлу первоначальнаго воспитанія и обученія. Она выразила убѣжденіе, что женщина, при равныхъ познаніяхъ, лучше мужчины умѣетъ передавать дѣтямъ все то, чему она училась, что у нея менѣе сухости и педантизма и гораздо болѣе терпѣнія и кротости, благотворно дѣйствующихъ на характеръ дѣтей. Къ этимъ соображеніямъ, оправдывающимъ предпочтеніе женщинъ, коммиссія прибавила еще, что существующія женскія заведенія могутъ въ довольно скорое время подготовить достаточное число учительницъ для сельскихъ школъ и что учительницы эти, хотя бы онѣ и невполнѣ соотвѣтствовали требованіямъ, во всякомъ случаѣ имѣютъ то преимущество, что не подвержены—пороку нетрезвости.

Начала, выраженныя въ докладѣ коммиссіи, были послѣ продолжительныхъ преній приняты собраніемъ, которое формулировало свое постановленіе слѣдующимъ образомъ:

«Земство учреждаетъ народныя училища, или, по усмотрѣнію уѣздныхъ земскихъ собраній, поддерживаетъ своими средствами училища уже существующія,—только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сельское общество мірскимъ приговоромъ постановитъ обязательность обученія, постановивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстное взысканіе съ родителей за неисполненіе такого приговора.

«Эта мѣра распространяется и на другія села и деревни, лежащія недалѣе 2-хъ верстъ отъ мѣста, гдѣ учреждено сельское училище.

«Дѣти, учащіяся внѣ народныхъ школъ, должны, передъ началомъ вакаціи, выдержать экзаменъ въ одной изъ мѣстныхъ школъ въ присутствіи члена училищнаго совѣта и родители тѣхъ дѣтей, которыя окажутся неумѣющими ни читать ни писать, подвергаются установленному взысканію за неученіе своихъ дѣтей».

Для приведенія своихъ предположеній въ исполненіе, губернское собраніе признало необходимымъ учредить учительскую семинарію для приготовленія учительницъ и открыть 180 народныхъ школъ. Программу для этихъ заведеній поручено было составить той-же коммисіи.

Несмотря на то, что всѣ эти предположенія были *окончательно* приняты собраніемъ,—ни одному изъ нихъ не суждено было сбыться. Это совершенно понятно, ибо, отдавая полную справедливость тѣмъ

благимъ намѣреніямъ, которыя имѣли составители проекта обязательнаго обученія, нельзя не видѣть, что примѣненіе этого проекта *при существующихъ условіяхъ* невозможно. Мы говоримъ не о томъ, что обязательное обученіе потребовало бы принудительныхъ правительственныхъ мѣръ, и что законъ, на который сослалось московское собраніе, какъ неопредѣляющій кары за его нарушеніе, не имѣетъ практическаго значенія,—все это дѣло поправимое; но самое главное препятствіе заключается въ финансовой сторонѣ дѣла. Обязательное обученіе должно быть даровое и легко доступное; чтобы дать его, надо учредить огромное число школъ, для этого нужны большія средства, а средствъ, какъ извѣстно, нѣтъ. Эти-то причины и повели къ тому, что всѣ прежнія предположенія были отвергнуты въ 1868 году тѣмъ же самымъ собраніемъ, которое приняло ихъ въ 1866. Собраніе приняло другой проектъ, по которому участіе земства въ дѣлѣ народнаго образованія ограничено поддержкою существующихъ и вновь создающихся школъ, содержимыхъ на частныя или общественныя средства, вызовомъ частныхъ лицъ или обществъ къ открытію новыхъ школъ оказаніемъ имъ матеріальной помощи, снабженіемъ школъ учебными средствами и, наконецъ, приготовленіемъ народныхъ учителей. Къ преимущественной обязанности губернскаго земства московское собраніе отнесло именно приготовленіе учителей и притомъ такихъ, «которые бы при возможной удовлетворительности въ нравственномъ и педагогическомъ отношеніяхъ, пришлись по вкусу крестьянъ, принялись между ними и возбудивъ въ нихъ охоту къ образованію, сами стали бы посредственною причиною открытія новыхъ школъ и увеличенія требованій на учителей». Для достиженія этой цѣли, по мнѣнію московской губернской управы, проектъ которой былъ принятъ собраніемъ, необходимо, чтобы образуемые земствомъ учителя принадлежали къ тому же сословію, для служенія которому они предназначаются, чтобы образованіе, которое они получатъ, отнюдь не ослабляло связи съ ихъ собственною средой и чтобы по окончаніи курса ученія они возвращались въ эту среду тѣмиже крестьянами, но крестьянами образованными. При этомъ условіи содержаніе школъ, по мнѣнію управъ, потребуетъ гораздо менѣе расходовъ, ибо народные учителя, вышедшіе не изъ крестьянскаго сословія, всегда будутъ тяготиться своимъ положеніемъ и потому потребуютъ бо́льшаго вознагражденія, тогда какъ учителя-крестьяне, возвратясь въ свою привычную среду, можетъ быть въ свое сельское общество, къ своему семейству, будутъ по всей вѣроятности довольствоваться и тою платою, которую назначитъ общество, особенно если эти учителя будутъ имѣть какое-нибудь занятіе или ремесло, которое, не отвлекая ихъ отъ учительскихъ обязанностей, будетъ служить подспорьемъ для существованія. Но при этомъ управа рѣшительно отвергла возможность допустить къ преподаванію

женщинъ, полагая, что сельскія общества будутъ смотрѣть на нихъ недовѣрчиво.

Принявъ проектъ управы, губ. собраніе ассигновало въ распоряженіе уѣздныхъ собраній 30,000 р., на устройство и поддержку школъ, и въ то же время поручило выработать окончательно проектъ учительской семинаріи, который въ настоящее время уже составленъ.

Предположенія московскаго земства были приняты въ общихъ чертахъ и другими собраніями. Такъ новгородское собраніе, пожертвовавъ, въ томъ же 1868 году, на дѣло народнаго образованія 45,000 рублей, оставшіеся отъ завѣдыванія почтовыми станціями, рѣшилось израсходовать большую часть этой суммы также на приготовленіе народныхъ учителей. При этомъ точно также высказано желаніе, чтобы народные учителя принадлежали къ крестьянскому сословію, чтобы во время воспитанія они оставались въ прежней обстановкѣ, т.-е. въ простой одеждѣ, на простой пищѣ, въ помѣщеніяхъ принаровленныхъ къ семейнымъ привычкамъ, чтобы всѣ домашнія работы отбывались воспитанниками училищныхъ семинарій безъ прислуги и чтобы они ежегодно были отпускаемы на лѣтнее рабочее время къ родителямъ для занятія полевыми работами. Подобная же мысль была высказана и въ 1868 и 1869 годахъ и въ петербургскомъ губернскомъ собраніи. Когда зашла рѣчь о народномъ образованіи, членъ училищнаго совѣта г. Якобсонъ заявилъ, что въ Петербургской губерніи считается 298 народныхъ школъ, но въ этихъ школахъ спеціальныхъ учителей и за тѣмъ священниковъ и діаконовъ всего 45, остальные же — безсрочные солдаты, бомбардиры и тому подобныя лица, не имѣющія права преподавать, и если министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило оставить школы при прежнихъ учителяхъ, чтобы не довести ихъ до закрытія, то съ тѣмъ только условіемъ, чтобы названные учителя были постепенно замѣнены новыми. Въ виду этого заявленія петербургское собраніе также пришло къ убѣжденію въ необходимости учредить школу для приготовленія учителей. При этомъ нѣкоторые изъ гласныхъ говорили, что педагогическая школа должна быть учреждена внутри губерніи, въ сельской обстановкѣ, что къ преподаванію въ народныхъ училищахъ должны быть допущены женщины, и что самыя училища должны быть устроены какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Но собраніе не приняло этихъ предположеній и ограничилось открытіемъ лѣтнихъ педагогическихъ курсовъ (которые открыты теперь уже въ нѣсколькихъ губерніяхъ) и установленіемъ двадцати стипендій при педагогическихъ курсахъ Андреевскаго училища. Но при этомъ признало необходимымъ нанять для воспитанниковъ общую квартиру, гдѣ помѣстить особаго надзирателя, снабдивъ его средствами на учебныя пособія и ремесленные инструменты.

Мы не будемъ приводить постановленій, состоявшихся по этому пред-

мету въ другихъ собраніяхъ, такъ какъ преобладающее начало въ нихъ одно и тоже. Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ губерніяхъ уже выработаны окончательно и проекты учительскихъ семинарій и открыты учительскіе курсы; но мы не будемъ излагать этихъ проектовъ и знакомить читателей съ педагогическими убѣжденіями того или другого собранія, такъ какъ цѣль нашей статьи заключается только въ указаніи общаго направленія, усвоеннаго земствомъ по тому или другому вопросу.

VII.

Передавъ читателямъ высказанныя большинствомъ земскихъ собраній предположенія земства, мы не можемъ съ своей стороны не сказать, что приготовленіе народныхъ учителей не должно составлять единственную заботу земства. Нужно, чтобы этимъ учителямъ было гдѣ преподавать, чтобы кто-нибудь платилъ имъ и доставлялъ учебныя пособія. Между тѣмъ огромное большинство уѣздныхъ собраній совершенно устраняетъ отъ себя заботы объ учрежденіи школъ, ограничиваясь передачей той или другой суммы въ распоряженіе училищныхъ совѣтовъ. Суммы эти большею частью оказываются весьма незначительны и ихъ едва можетъ хватить на поддержку существующихъ школъ; объ учрежденіи новыхъ — въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нѣтъ и помину. Такое отношеніе къ дѣлу конечно не можетъ принести благотворныхъ результатовъ. Сколько бы ни толковали о преимуществѣ частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія, изъ этихъ толковъ ничего не выйдетъ, ибо невозможно требовать отъ крестьянскаго сословія, чтобы оно, при своей крайней бѣдности, рѣшилось само жертвовать значительныя суммы для того, чтобы отрывать своихъ дѣтей отъ полевыхъ работъ, особенно теперь, когда оно не видитъ еще отъ школъ большой пользы. Чтобы крестьянское населеніе убѣдилось въ необходимости учить своихъ дѣтей, нужно прежде дать ему порядочныя школы. Надѣяться на благодѣянія частныхъ лицъ здѣсь также нечего, такихъ благодѣтелей очень мало, и смотрятъ на нихъ разныя власти недружелюбно. Кому же придетъ охота заводить школу для того, чтобы его же потомъ обвиняли въ сепаратизмѣ и т. п. и заставляли тратиться на гербовую бумагу для принесенія жалобъ. Въ этомъ отношеніи полтавскій училищный совѣтъ далъ ревнителямъ просвѣщенія такой урокъ, который вѣроятно не въ одномъ изъ нихъ охладитъ усердіе. Точно также нельзя разсчитывать и на пособія отъ правительства. Правительственныя средства расходуются у насъ на образованіе высшихъ классовъ, на народное образованіе только въ послѣднее время ассигновано триста тысячъ рублей, а на эту сумму конечно нельзя сдѣлать много. Такимъ образомъ очевидно, что только земскія учрежденія имѣютъ возможность заботиться объ открытіи школъ, если только они добросовѣстно возьмутся за это дѣло, и рѣшатся оказать

матеріальную помощь крестьянскому сословію. Отказываться отъ этой помощи на томъ основаніи, что земскія деньги собираются не съ однихъ крестьянъ, было бы недобросовѣстно потому, что крестьянскія деньги идутъ же на образованіе высшихъ классовъ и никто не видитъ въ этомъ ничего страннаго.

Само собою разумѣется, что еслибы земскія собранія серьезно отнеслись къ дѣлу народнаго образованія, то они не ограничились бы общей программой, которая признаетъ необходимымъ для народныхъ школъ только чтеніе, письмо и ариѳметику. Говоря откровенно, нельзя сказать, что пріобрѣтеніе такихъ ничтожныхъ познаній еще не можетъ принести большой пользы, и что оно желательно теперь потому только, что нѣтъ ничего бо̀льшаго. Земскія собранія могли бы смотрѣть на дѣло нѣсколько шире и позаботиться не только о томъ, чтобы учить народъ но и о томъ: чему его учить? Слишкомъ несправедливо отказывать крестьянскому сословію хотя въ томъ образованіи, которое у насъ обыкновенно называется низшимъ, и которое, благодаря уѣзднымъ училищамъ, дѣлается доступно для городскихъ сословій. Конечно, найдется много людей, которые будутъ утверждать, что книжное образованіе для народныхъ массъ не только безполезно, но и вредно, что для мужика за глаза достаточно (даже много) умѣть читать святцы и и знать «цифирь», и что все большее есть роскошь, несоотвѣтствующая той ролѣ, которую должно играть въ государствѣ крестьянское сословіе. Но всѣ эти толки составляютъ только варіацію на старую тему о вредѣ грамотности, съ которой пора была бы ужъ и покончить. Повторяемъ, еслибы земскія собранія захотѣли оказать дѣйствительную помощь народному образованію, они нашли бы возможность дать хотя немногимъ лицамъ изъ крестьянскаго сословія возможность научиться чему-нибудь, кромѣ чтенія по складамъ и писанія цифръ.

Къ сожалѣнію, подобныя попытки со стороны земскихъ учрежденій очень и очень рѣдки. Изъ губернскихъ земскихъ собраній, сколько намъ извѣстно, одно только вятское признало необходимымъ учрежденіе высшихъ земскихъ школъ, хотя его проектъ еще не приведенъ въ исполненіе, но въ принципѣ дѣло рѣшено. Такимъ образомъ, необходимость дать народу дѣйствительное образованіе прежде всего сознана въ такомъ земскомъ собраніи, гдѣ почти совершенно отсутствуетъ элементъ личнаго землевладѣнія. Этого конечно и слѣдовало ожидать, ибо здѣсь некому бояться истратить *«свой»* грошъ на *«чужое»* дѣло. Точно также и между уѣздными собраніями мысль объ учрежденіи высшихъ школъ осуществлена тамъ, гдѣ элементъ личнаго землевладѣнія былъ весьма слабъ и гдѣ предсѣдатель земской управы былъ крестьянинъ, это именно въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи. Новоузенское земство обратило на себя вниманіе съ самаго перваго времени; оно въ первой же сессіи постановило переложить натуральныя повинности на денежныя, устроило одну изъ первыхъ

земскихъ почтъ, выработало проектъ объ арендованіи казенныхъ земель крестьянскими артелями, и наконецъ едва не пріобрѣло покупкою всѣ казенныя земли въ уѣздѣ. Здѣсь-то впервые и были учреждены высшія народныя школы. Уставъ и программа этихъ школъ были утверждены министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въ нихъ предполагалось въ теченіи трехлѣтняго курса обучить закону Божію, практической грамматикѣ, ариѳметикѣ, геометріи (преимущественно землемѣрію), исторіи и географіи (преимущественно русской), чистописанію и черченію. Естественныя науки были исключены (?!) изъ программы министерствомъ. Школы были подчинены непосредственно министерству, помимо училищныхъ совѣтовъ; прежде предполагалось открыть приготовительные классы, гдѣ преподаваніе ввѣрялось учительницамъ.

Изъ отчета новоузенской управы за 1867 годъ видно, что на обзаведеніе и содержаніе школъ было израсходовано около 9,000 рублей что приготовительные классы были открыты въ 1866 году, а затѣмъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оказалось достаточно подготовленныхъ учениковъ или ученицъ, открывались постепенно и первые классы земскихъ школъ; въ приготовительныхъ классахъ обучалось 346 мальчиковъ и 115 дѣвочекъ, изъ нихъ перешло въ первые классы земскихъ школъ мальчиковъ 138, дѣвочекъ 39, во вторые классы мальчиковъ 67, дѣвочекъ 8. Успѣхъ преподаванія, по заявленію управы, превзошелъ ея ожиданія; заявившихъ желаніе учиться было такъ много, что нанятыя управою помѣщенія оказались недостаточны, несмотря на то, что прежніе сельскіе учителя, видя въ новыхъ школахъ подрывъ своего кредита, подстрекали населеніе и противъ школъ и особенно противъ учительницъ, о которыхъ управа съ своей стороны сдѣлала самый лестный отзывъ.

Коснувшись школъ Новоузенскаго уѣзда, мы не можемъ скрыть, что, несмотря на очевидный успѣхъ, половина ихъ была закрыта въ томъ-же 1867 году тѣмъ-же собраніемъ, которое съ такой энергіей хлопотало объ ихъ открытіи. Сколько можно видѣть изъ отчета о томъ засѣданіи, въ которое «пересматривался» вопросъ о школахъ, на большинство собранія подѣйствовало заявленіе одного изъ депутатовъ отъ дворянства г. Чембулатова, который былъ присланъ въ качествѣ предсѣдателя собранія и который, съ энергіею достойной лучшаго дѣла, напалъ какъ на самый проектъ высшихъ школъ, такъ и на способъ его осуществленія. Чтобы читатели могли видѣть, изъ какого лагеря шли эти нападенія, достаточно привести нѣсколько фразъ г. Чембулатова. Какъ тяжкое обвиненіе г. Чембулатовъ привелъ тотъ фактъ, что между школьными книгами оказались «Путевыя письма изъ Америки», «Жизнь Франклина» и нѣсколько книгъ по естественной исторіи; въ доказательство же того, что крестьянское населеніе «въ настоящее время не выражаетъ потребности высшаго умственнаго развитія»,

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е апрѣля, 1870.

ПАПСТВО И КАТОЛИЧЕСКІЙ МІРЪ.

Причина паденія папства въ его разладѣ съ европейскою цивилизаціею. — Слабость литературной пропаганды папства.—Отношеніе народныхъ массъ къ папству и кобленцское заявленіе. — Равнодушіе правительствъ къ папскому вопросу.—Внутренній разладъ въ средѣ духовенства: Дюпанлу, Маре и Гратри.— Іезуиты и курія.—Процедура собора и 12 апрѣля.

Папство погибаетъ. Провозглашеніе догмата о непогрѣшимости папы въ дѣлахъ религіи и нравственности будетъ послѣднею судорогою агоніи догматическаго католицизма. Это судорожное состояніе можетъ длиться много лѣтъ, но оно окончится навѣрное гибелью послѣдней христіанской теократіи въ Европѣ. Всѣ усилія поддержать эту теократію посредствомъ воззванія къ невѣжеству массъ въ католическихъ государствахъ, пропадутъ безплодно подъ напоромъ требованій и заботъ современной жизни: умственный складъ нынѣшнихъ европейскихъ народовъ имѣетъ въ себѣ слишкомъ мало такихъ элементовъ, которы способствовали бы поддержанію въ людяхъ слѣпой и безусловной религіозной восторженности. «Было время — говоритъ Лекки въ своей исторіи раціонализма въ Европѣ — когда голосъ Ватикана потрясалъ Европу до основанія, и посылалъ горделивыя арміи въ степи Сиріи. Было время, когда вся доблесть и рыцарство христіанскаго міра готовы были слѣдовать подъ знаменемъ церкви на любое поле битвъ и противъ какого угодно врага. Теперь же, на этотъ призывъ отвѣчаетъ лишь нѣсколько сотенъ французовъ, бельгійцевъ и ирландцевъ. Августѣйшая древность Рима, поклоненіе, окружающее его главу, воспоминаніе объ его несравненномъ вліяніи, геній, освящавшій его прошлое, частныя добродѣтели его правителей — все это

не можетъ спасти папскаго правительства отъ безповоротнаго и безнадежнѣйшаго паденія. Оно иногда принималось за реформы, но онѣ служили только къ ускоренію его гибели. Прибѣгли теперь къ насильственной политикѣ, но и она оказалась неспособною прекратить успѣхи разрушенія. Въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія, при всѣхъ правителяхъ и подъ вліяніемъ разныхъ системъ политики, оно падало безнадежно, постоянно и быстро. Наконецъ, вліянія, столь долго разъѣдавшія его, достигли въ 1849 г. своей цѣли. Оно пало подъ ударомъ революціи, и съ тѣхъ поръ можетъ существовать лишь при помощи иностранной арміи. Начало живучести покинуло его». Его слабость и безпомощность достигли такой степени, что недавно оно принуждено пускаться въ унизительныя объясненія съ министромъ покровительствующей державы даже по вопросамъ, касающимся его главной специальности,—провозглашенія тѣхъ или другихъ дисциплинарныхъ правилъ въ управляемой имъ церкви.

Папство погибаетъ, но не потому, что въ современной Европѣ нѣтъ поводовъ къ религіозному вдохновенію народныхъ массъ; — оно гибнетъ потому, что отвернулось отъ этихъ массъ и мечтаетъ лишь объ эгоистическихъ интересахъ касты. Папа не хочетъ признать всѣхъ великихъ пріобрѣтеній человѣческой мысли и богатыхъ результатовъ неусыпной дѣятельности народовъ; онъ проводитъ въ своихъ владѣніяхъ желѣзныя дороги и телеграфы, но благотворная идея о силѣ пара и электричества имѣетъ для него лишь матеріальное, но не мыслительное значеніе. Новыя изобрѣтенія и открытія онъ не можетъ отрицать, но они не производятъ на его умъ и чувство такого полнаго вліянія, чтобы оно могло вывести его изъ дебрей догматизма и обожанія физической силы. Какъ тысячу лѣтъ назадъ, такъ и теперь, папство старается поддержать свое существованіе ссылками на предписанія разныхъ соборовъ и старыхъ книгъ, на божественный источникъ происхожденія своей власти; — ему и въ голову не приходитъ, что этотъ источникъ давно изсякъ, что старыя книги слишкомъ устарѣли, и что постановленія соборовъ давно уже перестали считаться обязательными для всѣхъ. И теперь папство воображаетъ, что его вліяніе можетъ приносить громадную пользу разнымъ правительствамъ, въ признательность за которую послѣднія должны стараться, въ свою очередь, о сохраненіи независимости римскаго престола; многія европейскія правительства продолжали до новѣйшаго времени поддерживать въ папахъ эту пріятную иллюзію, которую, впрочемъ, они сами считали реальною дѣйствительностью. Вступая въ союзы съ разными правительствами, папство полагало, что конкордаты спасутъ его отъ вѣрной гибели, и что, играя роль орудія въ рукахъ свѣтской власти, оно обезпечиваетъ за собою право на свою собственную свѣтскую власть. Чего желали и требовали народныя массы — объ этомъ римскій пре-

столь давно уже перестал думать, и если онъ хлопоталъ о чемъ-нибудь, то лишь объ угнетеніи этихъ массъ, внушая имъ безпрекословное повиновеніе передъ установленными властями, кто бы онѣ ни были и чтобы онѣ ни дѣлали. Возставая противъ нѣкоторыхъ философскихъ, политическихъ и экономическихъ ученій, и торжественно осуждая ихъ, Римъ успѣлъ даже возбудить въ народныхъ массахъ вражду или презрѣніе къ своимъ проклятіямъ и благословеніямъ. Все, что есть живого и свободомыслящаго въ католическихъ государствахъ и даже въ самомъ католическомъ духовенствѣ, покидаетъ ряды защитниковъ папства, и если не переходитъ во враждебный лагерь, то остается вполнѣ равнодушнымъ къ судьбамъ не только римской іерархіи, но и всей догматики католицизма. Опасность можетъ грозить догматизму и въ другихъ церквахъ христіанской религіи, но нигдѣ она не возбуждаетъ столько шуму и столкновеній всевозможныхъ интересовъ, какъ въ католическомъ мірѣ, въ которомъ духовенство пользовалось весьма широкою властью почти надъ всѣми отраслями дѣятельности 200 милліоновъ человѣческихъ существъ.

Съ распространеніемъ знаній и увеличеніемъ благосостоянія въ народныхъ массахъ и высшихъ классахъ общества, религіозная догматика рѣшительно утратила почти всякій интересъ въ глазахъ всего читающаго и мыслящаго европейскаго человѣчества, а религіозные обряды и притязанія духовенства начинаютъ подвергаться не только насмѣшкамъ, но и рѣшительнымъ ограниченіямъ. Печать—этотъ вѣрный пульсъ общественнаго мнѣнія—представляется весьма равнодушною къ вопросамъ догматики. Еще въ 1858 году, одинъ строгій католикъ, Вентура, замѣтилъ: — «Всѣ, даже самые пустые интересы имѣютъ многочисленные органы въ періодической прессѣ и эти органы идутъ хорошо. Религія, этотъ первый и величайшій изъ всѣхъ интересовъ, имѣетъ лишь ничтожное, почти незамѣтное число органовъ, и всѣ они едва существуютъ. Въ католической Австріи (она была только средоточіемъ религіознаго деспотизма) на 135 періодическихъ изданій есть только одно, посвященное интересамъ христіанства, да и оно, въ своей ортодоксальности, оставляетъ желать весьма многаго... сказать правду, общественное мнѣніе и общественные интересы въ Европѣ перестали быть христіанскими». (Le pouvoir chrétien politique, стр. 139). И нынѣшнее «возрожденіе» католицизма вызвало лишь самое ничтожное оживленіе въ періодической литературѣ. Брошюръ духовнаго содержанія появилось множество, но газетъ, защищающихъ догматъ папской непогрѣшимости, оказывается не болѣе десяти на всю Европу. Другое орудіе общественнаго мнѣнія—сходки—почти не употребляются: въ мірянахъ нѣтъ потребности открыто пропагандировать догматъ католицизма. Мало того, міряне требуютъ, чтобы духовенство проповѣдовало имъ не папскія буллы, а то, что

можетъ принесть какую-либо пользу мірскимъ интересамъ или можетъ польстить національному самолюбію. Когда, въ Ирландіи, было обнародовано въ первой половинѣ нынѣшняго мѣсяца, новое папское посланіе, осуждающее феніянизмъ и тайныя общества, ирландцы, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, до того возмутились этимъ посланіемъ, что во время чтенія посланія стали выходить изъ церквей цѣлыми массами. Приглашеніе епископовъ на вселенскій соборъ вызвало во многихъ мѣстностяхъ Европы религіозную агитацію такого свойства, что не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ желаніи мірянъ оказать непосредственное давленіе на дѣятельность съѣзжавшихся въ Римъ вліятельныхъ лицъ церкви. Такъ, въ Кобленцѣ, на Рейнѣ, міряне даже составили кодексъ своихъ требованій отъ вселенскаго собора. Хотя на соборѣ дозволяется говорить только епископамъ — гласитъ этотъ любопытный документъ — однако соборъ долженъ принять въ соображеніе мысли и желанія всѣхъ членовъ церкви; міряне могутъ имѣть на соборѣ столь же доброе вліяніе, какъ и духовенство. Міряне ультрамонтанской партіи пользуются этимъ вліяніемъ чрезъ посредство пылкой пропаганды въ газетахъ. Развѣ у этой партіи въ Римѣ нѣтъ органа въ лицѣ «Civiltà Cattolica», стремящейся осуществить планы своихъ приверженцевъ? Мы же лишены правъ сказать:—«мы не раздѣляемъ ни ея взглядовъ, ни ея надеждъ и, напротивъ, боремся съ ними изо всѣхъ силъ». Далѣе, кобленцское заявленіе выставляетъ четыре пункта своихъ требованій. Оно желаетъ прежде всего, чтобы церковь отказалась отъ всякаго союза съ политическими властями. «Ничто такъ сильно не отвращаетъ людей отъ церкви—говорятъ эти прусскіе католики — какъ опасеніе того, что церковь употребляетъ насиліе въ видахъ религіозныхъ. Государство становится христіанскимъ лишь тогда, когда оно признаетъ необходимость ограничить свою власть вещами порядка природнаго, предоставляя церкви управленіе дѣлами порядка сверхъестественнаго и признавая такимъ образомъ полную свободу совѣсти и религіи». Во второмъ пунктѣ кобленцскіе нѣмцы высказывали надежду на скорое прекращеніе напрасныхъ и безсмысленныхъ проклятій, которыми римскій престолъ постоянно осыпаетъ цивилизацію и науку. Затѣмъ либеральные католики требовали допустить мірянъ къ участію въ дѣлахъ церкви и побудить духовенство прилежнѣе заняться облегченіемъ страданій нѣмецкаго народа. Наконецъ, четвертый пунктъ кобленцскаго заявленія протестовалъ противъ такъ-называемаго «Индекса», то-есть, списка книгъ, запрещаемыхъ папскою цензурою, и чтеніе которыхъ влечетъ за собою церковныя кары.

Что кобленцское заявленіе не есть исключительный фактъ — въ этомъ легко убѣдиться изъ газетъ, издаваемыхъ въ католическихъ государствахъ: въ газетахъ проповѣдуется тоже самое. Однимъ сло-

вомъ, общественное мнѣніе высказывается открыто и ясно противъ всякихъ притязаній догматики, коль скоро она забирается въ область мірскихъ интересовъ и государственныхъ нуждъ. А такъ какъ ни одно правительство не можетъ оставаться равнодушнымъ къ заявленіямъ и требованіямъ обществъ и его вліятельныхъ элементовъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что политическіе принципы, вошедшіе въ употребленіе почти повсюду, при всѣхъ европейскихъ дворахъ, находятся въ противорѣчіи съ принципами, которыми руководится обыкновенно та или другая догматическая церковь. Понятно также, почему духовенство, видя передъ собою подобный «соблазнъ», почти вездѣ кричитъ объ упадкѣ религіознаго чувства и благочестія въ современномъ обществѣ. Признать свою собственную отсталость и невѣжество въ новомъ строѣ общественной жизни не соглашается ни одна церковь,—напротивъ, каждая изъ нихъ даже чванится своимъ «постоянствомъ», вѣрнѣе сказать, застоемъ, неподвижностью. Но правительства, какъ мы сказали, не могутъ оставаться глухими къ общественнымъ требованіямъ и потому всякій разъ, когда имъ приходится разрѣшать какія-нибудь крупныя недоразумѣнія между духовенствомъ и мірянами, являются сторонниками послѣднихъ. Почти во всѣхъ католическихъ земляхъ, главные органы общественной и государственной жизни: семья, школы, политика, и даже религія постепенно освобождаются изъ-подъ внѣшняго авторитета духовной іерархіи, и становятся предметами общихъ заботъ всѣхъ гражданъ и самого государства. Бракъ, прежде считавшійся церковнымъ таинствомъ, признанъ теперь подлежащимъ опредѣленію обыкновенной законодательной власти по собственнымъ, мірскимъ соображеніямъ послѣдней; во Франціи, въ Италіи и въ Австріи, люди, вступая въ бракъ, могутъ заключить его безъ посредства духовенства, — какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ католическихъ государствахъ допускается разводъ въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Народныя школы изъяты изъ-подъ безусловнаго надзора духовенства тоже во многихъ католическихъ странахъ. Вездѣ, и даже въ Испаніи, переходъ изъ католицизма въ какую-либо другую религію, даже нехристіанскую, не подлежитъ никакимъ преслѣдованіямъ. Въ Испаніи и Австріи, гдѣ еще такъ недавно клерикальный деспотизмъ царилъ почти безконтрольно, главные вожди духовенства подвергаются судебнымъ преслѣдованіямъ за свои черезъ-чуръ страстныя проповѣди противъ государственныхъ властей и въ пользу устарѣлыхъ догматовъ, и не разъ уже современная Европа имѣла случай видѣть того или другого епископа или архіепископа въ той самой тюрьмѣ, гдѣ прежде сиживали люди, позволявшіе себѣ разныя выходки противъ догматическаго богословія. Свобода и терпимость торжествуютъ повсюду,—слѣпой догматъ теряетъ всякое значеніе въ жизни.

Равнодушіе европейскихъ правительствъ къ догматизму и ихъ увѣренность въ томъ, что столь же равнодушно относятся къ дѣламъ церкви и управляемые ими народы, достаточно объясняютъ отсутствіе пословъ на вселенскомъ соборѣ. Нѣкоторыя изъ державъ даже вовсе не имѣютъ своихъ посольствъ въ Римѣ, и къ числу ихъ принадлежитъ Россія. Есть слухи, что противъ нея готовятся буря и громы за преслѣдованіе католицизма въ польскихъ провинціяхъ, но эти громы и буря могутъ даже не дойти до Польши, да еслибъ они и дошли, они остались бы безъ всякаго существеннаго вліянія. Пруссія, которая тоже имѣетъ польскія провинціи и еще нѣмцевъ-католиковъ въ Прирейнскихъ земляхъ, оказала свое участіе въ соборѣ лишь присылкою въ подарокъ дорогихъ обоевъ для залы засѣданія. Англія, подъ властью которой находится слишкомъ шесть милліоновъ католиковъ въ одной Европѣ, не имѣетъ оффиціальнаго представителя при папскомъ дворѣ. Соединенные Штаты посылаютъ въ Римъ лишь такихъ государственныхъ людей, которымъ нужно дать отдыхъ отъ политической дѣятельности. И въ самомъ дѣлѣ, какихъ благъ можетъ искать эта республика или Англія отъ римскаго правительства, когда въ обѣихъ этихъ странахъ католицизмъ, подобно всѣмъ другимъ вѣроисповѣданіямъ, пользуется полною свободою проповѣди и прозелитизма? Присутствіе американскаго посла можетъ даже стѣснять папу, такъ какъ Соединенные Штаты служатъ представителемъ полнаго отдѣленія церкви отъ государства, то-есть, того именно принципа, который составляетъ прямую противоположность папству. Католическія державы: Австрія, Бельгія, Испанія, Италія и Франція, тоже отказались имѣть своихъ представителей на соборѣ, чтобы не возбуждать въ своихъ подданныхъ и мысли о соучастіи правительствъ въ рѣшеніяхъ собора. Бельгія не имѣетъ своего представителя на соборѣ по той простой причинѣ, что она придерживается въ дѣлахъ церкви американскихъ принциповъ. Австрія, Италія и Испанія тоже провозгласили принципъ «свободной церкви въ свободномъ государствѣ», но исполняютъ его лишь отчасти, такъ какъ эти три державы, подобно Франціи, признаютъ за духовенствомъ право на жалованье изъ государственной казны. Всѣ онѣ не явились на соборъ, зная напередъ, что тамъ пойдетъ рѣчь о нарушеніи конкордатовъ и конфискаціи церковныхъ имуществъ. Франція хотѣла-было принять участіе въ дѣятельности собора, но потомъ благоразумно одумалась, и теперь графъ Дарю требуетъ лишь дозволенія «національному епископу» излагать передъ соборомъ мнѣнія французскаго правительства по вопросамъ «смѣшаннаго» характера. Кардиналъ Антонелли отказывается отъ удовлетворенія этого требованія Франціи, ссылаясь на невозможность для какого-бы то ни было епископа исполнять двойную обязанность представителя духовной власти и представителя своей націи. По всей

вѣроятности, переписка французскаго правительства съ папскимъ дальше не пойдетъ, такъ какъ послать своего представителя на соборъ значило бы для Франціи присутствовать, въ лицѣ своего посла, при торжественномъ осужденіи своего собственнаго государственнаго права. Глава нынѣшняго французскаго правительства, Олливье, будучи простымъ депутатомъ, даже радовался отсутствію представителей державъ на соборѣ, какъ признаку того, что непреодолимое вліяніе современнаго духа, господствующаго въ Европѣ, приведетъ въ концѣ концовъ къ полному отдѣленію церкви отъ государства. Въ послѣднее время Олливье столь часто доказывалъ искренность своей преданности къ заявленнымъ однажды принципамъ, что едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ употребитъ всѣ свои старанія для того, чтобъ вычеркнуть изъ бюджета жалованье духовенству.

Въ средѣ самого католическаго духовенства произошелъ разладъ; многіе священники не могутъ оставаться равнодушными къ политическимъ судьбамъ своихъ націй и желали бы принять дѣятельное участіе въ общемъ либеральномъ движеніи. Есть священники, особенно въ Италіи, проповѣдывающіе необходимость лишенія папы свѣтской власти и отмѣны безбрачія духовенства; нѣкоторые изъ нихъ и дѣйствительно сочетались бракомъ. Такіе браки случались въ послѣднее время и въ Испаніи, и, если вѣрить варшавскимъ корреспондентамъ нашихъ газетъ, тоже требованіе заявляется нѣкоторыми польскими священниками, и мы рѣшительно не понимаемъ, почему бы не удовлетворить этому справедливому требованію. Во Франціи, протестующихъ противъ папской власти священниковъ всегда было не мало, хотя эти протесты рѣдко принимали такую энергическую форму, какъ подъ перомъ Ламенне или, въ наше время, въ устахъ извѣстнаго парижскаго проповѣдника Гіасинта. Въ Германіи и Австро-Венгріи тоже замѣчается широкая либеральная струя въ средѣ католическаго духовенства. Въ Пештѣ, съѣздъ либеральныхъ священниковъ прямо высказывался въ пользу современнаго хода вещей. «Евангеліе», сказалъ одинъ изъ нихъ, «вовсе не врагъ либерализма; напротивъ, какъ источникъ вѣчной любви, какъ лучъ божественнаго свѣта, оно само либерализмъ». Папа и римскій дворъ, какъ извѣстно изъ «Силлабуса», придерживаются совершенно иного образа мыслей, и потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что противъ догмата о папской непогрѣшимости составилась въ средѣ католическаго духовенства довольно сильная оппозиція, которая на соборѣ имѣетъ до 120 представителей, и въ числѣ ихъ есть не мало весьма талантливыхъ людей. Правда, что только немногіе изъ этихъ епископовъ отличаются искреннею преданностью либеральнымъ идеямъ, между тѣмъ какъ остальные противятся догмату непогрѣшимости лишь вслѣдствіе опасенія за свою собственную власть надъ мѣстнымъ духовенствомъ. Однако эти не-

многіе, если только они энергическіе люди, могутъ произвесть настоящій расколъ въ католицизмѣ, ибо элементы для подобнаго движенія существуютъ уже давно.

Весьма видное мѣсто въ либеральныхъ протестахъ католическаго духовенства противъ догмата папской непогрѣшимости занимаютъ серьезныя сочиненія нѣкоторыхъ ученыхъ догматиковъ. Въ числѣ ихъ, Франція выставила архіепископа Дюпанлу и аббатовъ Маре и Гратри, а Германія дала мюнхенскаго профессора Дёллингера, выступившаго въ походъ противъ папства подъ псевдонимомъ «Janus», въ цѣломъ рядѣ писемъ, сперва появившихся на столбцахъ аугсбургской «Allgemeine Zeitung» и потомъ отпечатанныхъ особою книжкою подъ заглавіемъ: «Der Pabst und das Concil». Что касается до протестовъ Дюпанлу, они служатъ лишь отвѣтомъ на догматику мехельнскаго архіепископа Дешана (Deschamps), сторонника папской непогрѣшимости, и въ нихъ незамѣтно никакого либерализма; аббатъ Гратри тоже занимается лишь обличеніемъ римской куріи въ поддѣлкѣ документовъ, которыми она старается схоластически доказать, что папы всегда признавались непогрѣшимыми рѣшителями вопросовъ религіи и нравственности. Маре идетъ еще дальше,—его книга: «Le concile général et la paix religieuse» преслѣдуетъ ультрамонтанское ученіе шагъ за шагомъ и рѣшительно возстаетъ противъ предписаній «Силлабуса», осуждающихъ весь современный прогрессъ. Въ томъ же духѣ, но еще съ бо́льшимъ авторитетомъ, ведетъ свою аттаку Дёллингеръ, требовавшій и прежде широкихъ реформъ въ католицизмѣ въ смыслѣ децентрализаціи духовной власти. «Для насъ — говоритъ онъ въ предисловіи къ своему послѣднему сочиненію — католическая церковь вовсе не отождествляется съ папизмомъ. Несмотря на внѣшнее клерикальное единство, мы, въ нашихъ основахъ, глубоко отличаемся отъ тѣхъ, клерикальный идеалъ которыхъ воплощается во всемірную имперію, управляемую духовнымъ и, если возможно, свѣтскимъ монархомъ — въ имперію принужденій и угнетенія, въ которой свѣтская власть предоставляетъ свою руку въ распоряженіе власти духовной въ видахъ подавленія и задушенія всякаго движенія, ей противнаго».

Замѣчательно, что въ этой полемикѣ противъ папства не приняли никакого участія ни англичане, ни американцы. Напротивъ, если не принять во вниманіе перевода книги «Janus'а», на англійскомъ языкѣ появились лишь одни сочиненія въ пользу непогрѣшимости папы. «Quarterly Review» (за январь) приводитъ цѣлый списокъ этихъ сочиненій, числомъ 13, написанныхъ 9-ю авторами. Несомнѣнно, что молчаніе англичанъ обусловливается политическими причинами, такъ какъ большинство англійскихъ католиковъ составляютъ ирландцы. Все, что есть либеральнаго въ средѣ ирландскаго католическаго духовенства, соединилось теперь если не прямо съ феніями, то съ пар-

тіею «націоналистовъ», требующихъ не только крайне широкой поземельной реформы, но и самостоятельнаго ирландскаго парламента. По весьма понятнымъ причинамъ это духовенство не желаетъ вступать въ пререканія съ папскимъ правительствомъ.

Какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, на сторонѣ догмата непогрѣшимости являются преимущественно іезуиты и разные религіозные ренегаты, въ числѣ которыхъ архіепископъ вестминстерскій, Мэннингъ, играетъ весьма видную роль, какъ по своимъ литературнымъ талантамъ, такъ и по изумительной ревности къ папскому дѣлу. Вмѣстѣ съ Дешаномъ и женевскимъ епископомъ Мермильовомъ, онъ составляетъ главный оплотъ папства; ультрамонтаны испанскіе и итальянскіе не отличаются ни знаніями, ни ораторскимъ талантомъ, и если преклоняются передъ всѣми велѣніями папы, то лишь по невѣжественнымъ разсчетамъ на возстановленіе политическаго и клерикальнаго деспотизма въ своемъ отечествѣ. Большую поддержку на соборѣ оказываютъ папѣ епископы Востока и южной Африки; — не отличаясь ни особеннымъ образованіемъ, ни силою воли, ни богатствомъ, они готовы преклоняться передъ всякою властью, лишь бы она обѣщала поддерживать ихъ и охранять отъ излишнихъ притязаній турецкаго правительства. До какой нравственной ничтожности доходятъ эти люди, показываетъ случай съ киликійскимъ патріархомъ Гассуномъ, котораго папа заставилъ подписать весьма важный актъ, подъ угрозою ареста въ Ватиканѣ,—актъ этотъ передавалъ патріаршество Гассуна почти въ безконтрольное управленіе Рима. Между тѣмъ, почти цѣлую треть членовъ нынѣшняго вселенскаго собора составляютъ именно эти восточные клерикалы и такъ-называемые архіепископы и епископы *«in partibus infidelium»*, которые суть не что иное, какъ миссіонеры, часто неимѣющіе ни одного подчиненнаго имъ священника, ни паствы даже, и проживающіе въ дальнихъ странахъ на счетъ пособій, получаемыхъ изъ Рима. Въ числѣ 500 членовъ собора, подписавшихъ недавно документъ о необходимости провозглашенія догмата папской непогрѣшимости, восточные епископы и *in partibus* составляли почти половину. Другую половину составляли отчасти серьезные ультрамонтаны, отчасти низкопоклонники разныхъ націй, отчасти же духовные люди, надѣющіеся въ авторитетѣ папы найти твердую руку помощи ихъ національнымъ стремленіямъ (поляки, ирландцы).

Ультрамонтанская партія нашла себѣ вѣрныхъ союзниковъ въ членахъ ордена Іисуса, число которыхъ въ послѣднія тридцать лѣтъ возрасло съ 2,500 до 7,529 [1]). Придерживаясь принципа безусловнаго по-

---

[1]) По цензу 1863 года, іезуиты составляли тогда 19 отдѣльныхъ учрежденій, изъ которыхъ пять было въ Италіи, пять въ Германіи и Бельгіи, три во Франціи, два въ Испаніи, и четыре въ Англіи и Америкѣ. Римъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи 344

виновенія своему «генералу», который живетъ въ Римѣ, этотъ орденъ составляетъ могущественное орудіе въ рукахъ ультрамонтановъ, и именно благодаря тому обстоятельству, что дальнѣйшее существованіе и процвѣтаніе ордена тѣсно связаны съ судьбою папскаго престола. И весь вопросъ о папской непогрѣшимости есть скорѣе вопросъ о существованіи іезуитизма и римской куріи, чѣмъ какихъ бы то ни было религіозныхъ убѣжденій. Читая нѣкоторыя заявленія папы, трудно не вѣрить искренности этого 78-лѣтняго чудака, которому весьма пріятно было бы стать непогрѣшимымъ: старики всегда любятъ если не быть, то по крайней мѣрѣ казаться непогрѣшимыми. Но для человѣка безпристрастнаго не менѣе трудно не понимать того, что несчастный Пій IX служитъ лишь орудіемъ въ интригахъ его собственнаго двора и іезуитскаго ордена. Что свѣтская власть папы должна составлять жизненный вопросъ для римской куріи — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Лишите папу Римской области, обратите его въ простого итальянскаго епископа,—куда же дѣнется тогда весь его дворъ? Бездѣтный епископъ можетъ жить хорошо и на тѣ средства, которыя останутся у папы въ распоряженіи, но этихъ средствъ не хватитъ на содержаніе всѣхъ лицъ, отправляющихъ теперь разныя служебныя обязанности въ Ватиканѣ. Неужели—спрашиваютъ себя люди, которымъ грозитъ несомнѣнная отставка, — неужели мы только для того состарѣлись въ разныхъ придворныхъ интригахъ, и терпѣли въ продолженіи нашей жизни столько униженій, ласкали тѣхъ, кого въ душѣ ненавидѣли, и гнали другихъ, которыхъ мы сами любили,—неужели все это мы дѣлали только для того, чтобы въ настоящую минуту, когда мы достигли высшихъ почестей и матеріальнаго довольства, все это довольство и почести рухнули бы безвозвратно въ рѣку времени, оставивъ насъ дряхлыми, хилыми и въ общемъ презрѣніи у новыхъ властителей? Ища спасенія въ старыхъ привычкахъ обмана и насилія, римскій дворъ напалъ на мысль о папской непогрѣшимости, съ цѣлью провозгласить потомъ и свѣтскую власть папы тоже дѣломъ существенной важности для религіи. Тогда отрицаніе свѣтской власти папы станетъ грѣхомъ въ глазахъ всего католическаго міра, и можетъ ли быть, чтобы въ числѣ 200 милліоновъ католиковъ не нашлось нѣсколькихъ сотъ тысячъ ревностныхъ сыновъ церкви, готовыхъ пролить свою кровь за ея интересы, и чтобы у этихъ 200 милліоновъ душъ не было столько денегъ, сколько необходимо для поддержанія новой папской арміи? Однимъ словомъ, курія и іезуиты поддерживаютъ догматъ не-

---

іезуита, 1,362 отправлены въ миссіи; въ Италіи число ихъ доходило до 1,617, въ Австріи — 362, въ Бельгіи — 576, въ Голландіи — 236, въ Германіи—584, во Франціи — 2,266, въ Испаніи—868, въ Англіи—270, въ Ирландіи—139, въ Америкѣ—350.—Ср. Statesman's Year-Book, by Fr. Martin, на 1870 годъ, стр. 321—2.

погрѣшимости, потому что этотъ догматъ кажется имъ единственнымъ якоремъ спасенія ихъ собственнаго ковчега отъ бури современнаго религіознаго движенія. Это не догматическая школа, это дипломатическій союзъ.

Дипломатическій характеръ нынѣшняго вселенскаго собора проявляется на каждомъ шагу, такъ какъ папское правительство употребляетъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы соборъ имѣлъ по возможности менѣе случаевъ къ проявленію ораторскихъ талантовъ, но соглашался бы скорѣе съ предписаніями разныхъ проектовъ, сочиняемыхъ папскими приверженцами. Даже сама зала, гдѣ происходятъ пренія епископовъ, устроена такимъ образомъ, что большинство рѣчей остается безъ всякаго вліянія на собраніе; рѣчи говорятся тамъ не въ отвѣтъ одна на другую, но безъ всякаго порядка. Всѣ предложенія, которыя дѣлаются отъ собора, составляются въ особой коммиссіи, члены которой назначены самимъ папою исключительно изъ ярыхъ сторонниковъ ультрамонтанизма. Ни одинъ изъ членовъ собранія не имѣетъ права представить свои собственныя предложенія безъ папскаго одобренія, то-есть, представители католическаго духовенства созваны на соборъ разсуждать лишь о томъ, о чемъ желаетъ самъ папа, но отнюдь не о томъ, чего требуютъ интересы самой церкви. Другія пять коммиссій составлены изъ членовъ собора, но въ нихъ не избрано ни одно лицо, извѣстное своею враждою къ догмату о непогрѣшимости. Всѣ проекты новыхъ постановленій, такъ-называемые *schemata*, предлагаются собранію не по отдѣльнымъ статьямъ, но въ полномъ составѣ;—понятно, какъ легко ошибиться въ толкованіи цѣлаго постановленія, когда его невозможно обсуждать по частямъ. Предсѣдательствуютъ во время преній кардиналы, назначаемые самимъ папою, а этимъ кардиналамъ предоставлено безусловное право распоряжаться преніями по собственному произволу, и этотъ произволъ употребляется главнымъ образомъ для того, чтобы пренія оставались въ самыхъ узкихъ предѣлахъ затронутаго вопроса.

Кромѣ стѣсненій въ залѣ собранія, члены собора подвергаются самому безобразному давленію въ своей домашней жизни. Имъ не позволено составлять частныя собранія для соглашенія по обсуждаемымъ въ соборѣ вопросамъ; имъ запрещено распространять какія-либо свѣдѣнія о преніяхъ (но это запрещеніе, какъ видно по корреспонденціямъ всѣхъ большихъ европейскихъ газетъ, осталось мертвою буквою); имъ недозволено имѣть при себѣ какихъ либо сочиненій, внесенныхъ въ «Индексъ». Такимъ образомъ, въ Римѣ свободно обращаются статьи Дешана и Мэннинга противъ архіепископа Дюпанлу, но протесты самого Дюпанлу не допущены; о сочиненіяхъ Дёллингера нечего и говорить: они запрещены безусловно. За епископами, какъ за книгами, учрежденъ тайный надзоръ. Переписка по почтѣ подвер-

гается, конечно, тщательному осмотру папскихъ чиновниковъ;—римскій корреспондентъ лондонской газеты «Times» (въ письмѣ отъ 15 марта) входитъ по этому поводу въ слѣдующія соображенія:—«Почта съ сѣвера, то-есть, со всей Европы, приходитъ сюда утромъ въ десять минутъ десятаго, а письма получаются лишь въ половинѣ втораго пополудни... Уходитъ почта вечеромъ не ранѣе 10-ти минутъ девятаго, но всѣ письма должны быть брошены не позже 5 часовъ вечера». «На что употребляются четыре съ половиною часа утромъ и почти три вечеромъ?...»—спрашиваетъ онъ, многозначительно подмигивая компрометтирующими точками.

Имѣя въ виду всѣ эти обстоятельства, не трудно повѣрить корреспонденту «Times», что провозглашеніе догмата непогрѣшимости— дѣло рѣшеное, и состоится никакъ не позже 12-го апрѣля. Римскіе плебеи уже подготовляются къ изъявленію своихъ восторговъ по поводу этого высокоторжественнаго случая. 25-го марта, когда папа отправился въ соборъ, густая масса черни, собравшаяся въ церкви и на площади передъ нею, привѣтствовала его криками:—«да здравствуетъ непогрѣшимый папа!» Самый догматъ о непогрѣшимости внесенъ въ соборъ 7-го марта.

Несомнѣнная рѣшимость папы добиться непогрѣшимости въ самомъ скоромъ времени произвела весьма непріятное впечатлѣніе на всѣ европейскіе дворы, и особенно на французскій, такъ что послѣдній счелъ нужнымъ даже отозвать изъ Рима своего посла, но пока неоффиціальнымъ образомъ только. Дипломатическая переписка, завязавшаяся между тюльерійскимъ кабинетомъ и римскою куріею окончилась, какъ мы упомянули выше, ничѣмъ, и императорскому правительству остается только произвесть какую-нибудь военную демонстрацію противъ безопасности римскаго престола. И очень можетъ быть, что извѣщенное сосредоточеніе на папской границѣ 22-тысячнаго отряда итальянской арміи, подъ начальствомъ генерала Куккіяри, имѣетъ цѣлью пригрозить папѣ вторженіемъ итальянцевъ. Какъ бы то ни было, судя по всѣмъ поступкамъ Пія IX и его двора въ послѣднее время, они едва-ли испугаются подобной угрозы. Дѣло о папской непогрѣшимости зашло такъ далеко, что остановиться невозможно. Но хуже всего для будущности папской власти то, что самое признаніе ея непогрѣшимости пройдетъ безслѣдно въ европейской исторіи, да и до сихъ поръ его ожидали, какъ ожидали бы всякаго курьеза, за исключеніемъ кардиналовъ и римской черни, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, опять не сердцемъ и головою, а желудкомъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

Парламентскія пренія о смертной казни.

Берлинъ, 24 (12) марта, 1870.

Въ проектѣ уголовнаго кодекса, внесенномъ въ сеймъ сѣверогерманскаго союза, въ параграфѣ 1-мъ сказано: «Дѣйствіе, за которое положена смертная казнь или заключеніе въ исправительномъ домѣ, или въ крѣпости, на срокъ не менѣе 5-ти лѣтъ, составляетъ преступленіе». Этотъ пунктъ соотвѣтствуетъ пункту прусскаго уголовнаго положенія 14 апрѣля, которое принято въ основаніе нынѣ внесеннаго кодекса, и въ которомъ сказано: «Дѣйствіе, за которое законъ караетъ смертью, содержаніемъ въ исправительномъ домѣ, или заключеніемъ на срокъ болѣе 5-ти лѣтъ, есть *преступленіе*» (затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе правонарушенія и проступка: délit, Vergehen — и contravention, Übertretung). Это подраздѣленіе, заимствованное изъ французскаго права, въ сущности совершенно произвольно и характеристика этихъ категорій наказуемыхъ дѣйствій не имѣетъ научнаго основанія, а можетъ быть сдѣлана именно только по степенямъ наказанія. Впрочемъ, приведенное подраздѣленіе не встрѣтило бы на сеймѣ противорѣчія, еслибы слова «смертная казнь» не навели его тотчасъ на соображеніе, желательно ли дальнѣйшее удержаніе смертной казни. Отсюда истекли пренія, которыя для исторіи культуры быть можетъ важнѣе всѣхъ когда либо бывшихъ доселѣ въ этомъ собраніи. Они происходили 28 февраля и 1 марта. Прежде, чѣмъ говорить о нихъ, я позволю себѣ кратко изложить развитіе вопроса о смертной казни въ Германіи.

Всѣмъ извѣстно, что первое отрицаніе права государства казнить людей смертью произнесено было миланскимъ юристомъ Беккаріа, въ вышедшемъ въ 1764 году сочиненіи его «Dei delitti e delle pene». Менѣе извѣстно, что въ томъ же году защищалъ эту мысль на публичномъ диспутѣ, а потомъ въ малораспространенномъ сочиненіи своемъ, австрійскій профессоръ политики фонъ-Зонненфельсъ; что Зонненфельсу при этомъ не было извѣстно сочиненіе итальянскаго ученаго, извѣстно съ достовѣрностью. Духъ времени внушилъ эту мысль обоимъ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ быстрое распространеніе сочиненія Беккаріи, которое вскорѣ пріобрѣло такое вліяніе, что всѣ образованные люди признали необходимость ограниченія и облегченія

смертной казни. Великій герцогъ тосканскій Леопольдъ I, сынъ Маріи-Терезіи, уже въ 1765 году, т.-е. черезъ годъ, по появленіи книги Беккаріи, практически отмѣнилъ казнь въ своемъ владѣніи (юридическая отмѣна послѣдовала въ 1786 году, въ знаменитомъ его Codice Leopoldino). Его примѣру послѣдовалъ, въ 1767 году, маркграфъ Карлъ Фридрихъ баденъ-дурлахскій. Въ 1769 году, Екатерина II вписала въ §§ 210—212 своего знаменитаго Наказа положеніе, что «при обыкновенныхъ государственныхъ обстоятельствахъ, смерть гражданина не можетъ быть ни нужна, ни полезна». Въ 1787 году, Іосифъ II отмѣнилъ въ Австріи смертную казнь въ обыкновенномъ уголовномъ судопроизводствѣ.

Страхъ, наведенный французскою революціею, повелъ къ распространенію примѣненія смертной казни въ Германіи, да и во Франціи партія гуманистовъ не оказалась достаточно сильною, чтобы провесть ея отмѣну. Но въ печати защита мысли Беккаріи продолжалась и составила цѣлую литературу. Въ ноябрьской книгѣ «Вѣстника Европы» прошлаго года (стр. 448) я указалъ на книгу пастора Гетцеля, гдѣ историческое развитіе смертной казни проведено ab ovo, и представленъ каталогъ соотвѣтствующей литературы, начиная съ 1764 года. Мало-по-малу число противниковъ казни возрастало и доросло наконецъ до большинства мыслящихъ людей. Противниками казни являются почти всѣ либералы, защитниками — почти всѣ консерваторы. Самый фанатическій въ числѣ послѣднихъ—графъ де-Местръ, который въ своихъ «Soirées de St.-Pétersbourg», вышедшихъ въ Парижѣ въ 1821 году, говоритъ: «Казни можетъ подвергнуться невинный — это только несчастіе, какъ всякое другое несчастіе, то-есть общее всѣмъ людямъ [1]). Всякое величіе, всякая власть, всякое подчиненіе основано на палачѣ; онъ служитъ устрашеніемъ и связью человѣческаго общества. Устраните изъ міра этотъ непостижимый факторъ, и тотчасъ на мѣсто порядка явится хаосъ, падутъ престолы и общество исчезнетъ».

Графъ де-Местръ остается учителемъ и риторическимъ образцомъ для нынѣшнихъ реакціонеровъ. Къ нимъ принадлежитъ во Франціи Ромьё, Вёльо, въ Германіи Лео, Герлахъ и ихъ сподвижники. Эти люди—ученики де-Местра. Герлахъ, въ только-что изданной брошюрѣ, прочитъ Пруссіи паденіе за излишній либерализмъ ея правительства и называетъ смертную казнь «фундаментомъ нашего уголовнаго права и фундаментомъ всякаго права». Впрочемъ, въ Германіи не было недостатка и въ самобытныхъ реакціонерахъ. Одинъ изъ нихъ—Юстусъ Мёзеръ, авторъ «Патріотическихъ фантазій» и «Оснабрюкской исто-

---

[1]) Лапласъ и Пуассенъ остроумно вывели по вычисленію вѣроятностей, что во Франціи на 257 казненныхъ, по обвиненію присяжными, приходится одинъ невинный.

pin» также защищалъ нѣкогда смертную казнь, и въ своемъ сочиненіи «Объ улучшеніи исправительныхъ домовъ» высказалъ мысль, что слѣдовало бы возстановить кару *ослѣпленія*. Онъ совѣтовалъ вмѣсто казни ослѣплять преступника и *продавать* его для приведенія въ дѣйствіе колесъ, «на что мы нынѣ употребляемъ лошадей, которыя дороги, между тѣмъ, какъ ослѣпленный исполнялъ бы эту работу съ гораздо меньшимъ расходомъ. Убѣжать отъ своего господина онъ не можетъ и всегда можетъ быть имъ наказываемъ».

Полагаю, еслибы кто сказалъ нѣчто подобное теперь, то подвергся бы исключенію изъ общества. Лѣтъ еще 90 — и въ смертной казни будутъ видѣть нѣчто столь же варварское, какъ теперь намъ представляется ослѣпленіе. Но возвратимся къ историческому очерку. Іюльская революція во Франціи и другихъ странахъ, на которыхъ отразилась, вновь возбудила вопросъ о казни. Во французской палатѣ депутатовъ де-Траси предложилъ отмѣну ея, но безуспѣшно. Вообще съ 1830 до 1848 г. за исключеніемъ одной, *венгерской* палаты, которая рѣшила отмѣну смертной казни, оказались безуспѣшными всѣ парламентскія усилія въ этомъ смыслѣ. За нѣсколько недѣль до февральской революціи, именно 20 января, собранная въ Берлинѣ «соединенная коммиссія» ландтаговъ высказалась за удержаніе смертной казни въ обыкновенномъ судопроизводствѣ, большинствомъ 63 противъ 34. Тогдашній министръ Савиньи сказалъ въ коммисіи: «отмѣна казни въ настоящее время произвела бы опасное впечатлѣніе на нравственное отношеніе націи къ праву; ее поняли бы не въ смыслѣ удовлетворенія требованій гуманности, а въ такомъ смыслѣ, что законодательство утратило долю своей серьезности. И въ самой благородной націи всегда найдутся заблужденія, которыя окажутся открыто врагами общества. Я предвижу время, когда будетъ безопасно отмѣнить казнь, но это предполагаетъ достиженіе такой ступени нравственнаго развитія, которая еще не достигнута въ настоящемъ». Я привелъ эти слова потому, что они почти тѣже, какими и теперь, спустя 22 года, оправдываетъ удержаніе смертной казни нынѣшній министръ юстиціи.

Февральская революція вновь возбудила и этотъ вопросъ, и притомъ оказалось, что понятіе о немъ въ обществѣ уже сдѣлало значительный успѣхъ. Въ прусскомъ *Національномъ собраніи* депутатъ Лисецкій внесъ, 29 іюня 1848 года, предложеніе о полной и совершенной отмѣнѣ смертной казни, независимо отъ рода преступленій. Пренія по этому предложенію имѣли возвышенный характеръ и навсегда сохранятъ мѣсто въ исторіи цивилизаціи. Три направленія обнаружились въ собраніи по этому вопросу. Одни защищали вообще смертную казнь, и предводитель ихъ Рейхеншпергеръ и теперь въ сѣверогерманскомъ сеймѣ защищалъ тоже самое. Другіе хотѣли сохранить казнь только въ военномъ кодексѣ и при осадномъ положеніи,

а нѣкоторые требовали безусловной отмѣны. Министромъ юстиціи былъ тогда либералъ Мэркеръ, который (въ засѣданіи 4 августа) объявилъ свое убѣжденіе, что отмѣна смертной казни настоятельно необходима, отрицая какъ доказанность системы устрашенія, такъ и справедливость казнить человѣка для того, чтобы устрашить другихъ; онъ указалъ также на вѣроятность, что удержаніе смертной казни поведетъ въ большинствѣ случаевъ къ оправданію виновныхъ присяжными, чтобы избѣгнуть примѣненія казни, которую онъ назвалъ «ужаснымъ явленіемъ» и «юридическимъ убійствомъ». Самую же замѣчательную рѣчь въ этомъ засѣданіи произнесъ пасторъ Іонасъ, который исходилъ изъ принципа, что законная кара не должна калѣчить человѣка, лишать его возможности исправленія и быть мѣрою невозвратною. Онъ отрицалъ также обязательность Моисеева уголовнаго принципа въ наше время, и въ заключеніе требовалъ полной отмѣны казни, во имя религіи, человѣчности и всего того, что дорого безсмертному духу. Пасторъ Зидовъ также настаивалъ на необходимости, чтобы кара, налагаемая на преступника, оставляла ему возможность къ исправленію, а демократъ Бухеръ (нынѣ состоящій въ чинѣ тайнаго легаціонс-совѣстника и одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ гр. Бисмарка) замѣтилъ, что подать голосъ противъ отмѣны кары и при военномъ или осадномъ положеніи значило бы подписать рядъ послѣдующихъ смертныхъ приговоровъ, что́ вскорѣ и оправдалось, когда съ наступленіемъ реакціи пол-Европы было объявлено въ военномъ и осадномъ положеніи. Тѣмъ не менѣе совершенная отмѣна казни была отвергнута большинствомъ 193 голосовъ противъ 164, и затѣмъ, большинствомъ 294 голосовъ противъ 37 былъ только провозглашенъ принципъ отмѣны казни, и затѣмъ незначительнымъ большинствомъ принята добавка, исключавшая примѣненіе этого принципа при военномъ и осадномъ положеніяхъ.

Вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни былъ возбужденъ и въ *германскомъ* національномъ собраніи, засѣдавшимъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, почти одновременно съ обсужденіемъ «основныхъ правъ». Меньшинство коммисіи предложило внести въ статью II-ю этихъ «основныхъ правъ» слова: «смертная казнь за политическія преступленія отмѣняется». Въ засѣданіи 3 августа, Шеллеръ, президентъ аппелляціоннаго суда во Франкфуртѣ на Одерѣ поддерживалъ предложеніе меньшинства, оспаривая возможность реакціи въ нравственности народа за отмѣною казни, возставая въ особенности противъ казни за политическія преступленія, которая даетъ измѣнчивымъ политическимъ взглядамъ право лишать жизни человѣка, и предсказывая, что не пройдетъ 20 лѣтъ, какъ смертная казнь будетъ отмѣнена. Шеллеръ, человѣкъ высокой честности, въ прошломъ году умеръ на своемъ посту во Франкфуртѣ, не дождавшись самимъ имъ предсказаннаго срока.

Я не стану однако отрицать, что мнѣнія относительно отмѣны казни и доселѣ раздѣлены, и что есть даже люди несомнѣнно либеральныхъ убѣжденій, которые признаютъ ее необходимою; такъ, въ германскомъ національномъ собраніи извѣстный патріотъ Эрнстъ-Морицъ Арндтъ и депутатъ Симсонъ, нынѣшній президентъ сейма, подали голоса за удержаніе смертной казни. Собраніе это, большинствомъ 288 противъ 146, включило въ текстъ основныхъ правъ слова: «смертная казнь отмѣняется, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ она опредѣляется по военному положенію». Въ засѣданіи 8 декабря 1848 г., при второмъ чтеніи, большинствомъ 256 противъ 176 утверждена была такая редакція: «Смертная казнь, за исключеніемъ случаевъ, когда она опредѣляется военнымъ или военно-морскимъ положеніемъ и при мятежахъ, а равно выставка къ позорному столбу, клейменіе и тѣлесное наказаніе отмѣняются». Въ этомъ видѣ текстъ вошелъ и въ союзное уложеніе 1849 года. Затѣмъ смертная казнь была отмѣнена мѣстнымъ законодательствомъ во всѣхъ тѣхъ государствахъ союза, которыя признали «основныя права», именно въ 16 государствахъ, но при наступившей реакціи тотчасъ была возстановлена во всѣхъ ихъ, за исключеніемъ четырехъ, именно: Ольденбурга, Ангальтъ-Дессау, Ангальтъ-Кётена и Нассау. Въ Пруссіи же (гдѣ правительство не согласилось съ рѣшеніемъ прусской палаты), а также въ Австріи, Баваріи, Ганноверѣ, королевствѣ Саксоніи и Саксен-Альтенбургѣ, казнь не была отмѣнена даже и на время. Въ Пруссіи издано было, 14 апрѣля 1851 года, новое уголовное положеніе, которое дѣйствуетъ до сихъ поръ; оно по крайней мѣрѣ ограничило примѣненіе смертной казни 14-ю родами преступленій и ввело совершеніе казней въ закрытомъ мѣстѣ.

Вопросъ объ отмѣнѣ казни былъ возбуждаемъ и въ другихъ странахъ и вездѣ послѣдовало значительное ограниченіе случаевъ ея примѣненія. Въ Англіи, въ началѣ столѣтія, смертная казнь, несмотря на послѣдовавшее уже ограниченіе, полагалась еще за 160 различныхъ видовъ преступленій, между прочимъ и за *кражу въ лавкахъ*, начиная съ суммы 5 шиллинговъ (около 1½ рубля). По одному этому виду воровства въ теченіи 22 лѣтъ казнено было 109 человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, когда въ 1810 году послѣдовала отмѣна казни за этотъ видъ преступленія, то лордъ верховный судья—лордъ Элленборо, архіепископъ и 6 епископовъ всѣми силами противились этой отмѣнѣ и первый изъ нихъ (Элленборо) сказалъ: «Милорды, если мы пропустимъ этотъ билль, то можно будетъ спросить себя, на чемъ мы стоимъ: на ногахъ или на головѣ». Теперь въ Англіи казнь полагается только за убійство и государственную измѣну, а между тѣмъ англичане безъ сомнѣнія стоятъ на ногахъ.

Замѣчательно, что за смертную казнь особенно стоятъ юристы,

воспитавшіеся на римскомъ правѣ, и что вообще палаты исходящія изъ выборовъ, т.-е. дѣйствительно представляющія народъ, высказываются *противъ* казни, а палаты состоящія изъ членовъ по наслѣдству или назначенію стоятъ *за* казнь. Такъ было въ Веймарѣ въ 1862 и 1865, въ Баденѣ въ 1863, въ Виртембергѣ въ 1865, въ Италіи въ 1865, въ Баваріи въ 1867, въ Саксоніи въ 1868, Швеціи въ 1867 и 1868 годахъ. Въ Саксоніи впрочемъ казнь все-таки была отмѣнена вслѣдствіе того закона, что предложеніе правительства, принятое хотя бы одною второю палатой, получаетъ законную силу, если только въ верхней палатѣ не состоялось противъ него большинства, по меньшей мѣрѣ двухъ третей голосовъ. Король Іоаннъ, въ своей рѣчи при закрытіи саксонскихъ палатъ 30 мая 1868 года, выразивъ, что по глубинѣ этого вопроса въ немъ нелегко придти къ рѣшенію, сослался на то, что практика въ Саксоніи не оправдывала долѣе удержанія казни въ виду существующихъ противъ нея возраженій и высказалъ надежду, что примѣръ поданный Саксоніею «найдетъ себѣ подражаніе и въ болѣе обширной средѣ». Надежда эта не оправдалась въ томъ смыслѣ, что въ проектѣ уголовнаго устава для сѣверогерманскаго союза, составленномъ подъ руководствомъ прусскаго министра юстиціи Леонгардта, смертная казнь была удержана для четырехъ родовъ преступленій, именно: преднамѣреннаго убіенія человѣка собственно съ цѣлію убійства; преднамѣреннаго убіенія при предпринятіи другого преступленія; того вида государственной измѣны, который представляется посягательствомъ на жизнь или свободу, или способность къ правленію одного изъ государей — членовъ союза; и наконецъ—тяжкое нападеніе дѣйствіемъ на особу одного изъ тѣхъ же государей. Въ томъ же проектѣ полагается уже только пожизненное заключеніе за многіе виды преступленій, которыя по нынѣшнему прусскому законодательству еще наказуются смертью, какъ напр., за разныя менѣе важныя государственныя преступленія, за измѣну странѣ, отцеубійство, поджогъ, сопровождавшійся случаемъ смерти и т. д. Для подкрѣпленія своего проекта, г. Леонгардтъ представилъ пространную записку, въ которой основательно изложены какъ историческая сторона вопроса, такъ и всѣ мнѣнія pro и contra, при чемъ мнѣнія противниковъ казни, изложенныя съ полнымъ безпристрастіемъ, такъ поражаютъ своею убѣдительностію, что непонятно, какимъ образомъ этою запискою мотивировалась не отмѣна казни, а удержаніе ея. Всѣ признаютъ также, что самъ г. Леонгардтъ заступался за удержаніе казни, относительно говоря, вовсе не усердно, да и вообще истинный поводъ къ удержанію ея слѣдовало искать не въ мотивахъ изложенныхъ въ запискѣ министра, а *между строками.* Дѣло въ томъ, что съ отмѣною смертной казни устранилось бы *«право жизни и смерти»*, которое заключается въ принадлежащемъ государю

правъ помилованія. Въ устраненіи его консерваторы видятъ ограниченіе правъ верховной власти, и мнѣніе это, по всей вѣроятности, раздѣляется и въ высшей сферѣ, хотя король вообще широко пользовался правомъ помилованія. Записка представляетъ интересныя данныя по статистикѣ смертныхъ приговоровъ, помилованій и исполненій казни, съ 1818 г. до конца 1865 г. Въ теченіи тридцати лѣтъ—1818—1847, ежегодная цифра смертныхъ приговоровъ колебалась между 14 (1811) и 39 (1812), а цифра исполненныхъ казней между 14 (1821) и 2 (въ 1832, 33, 34 и 41). Помилованія особенно умножались въ тридцатыхъ годахъ. Такъ, въ 1832 году совершены 2 казни, и 26 смертныхъ приговоровъ смягчены; въ 1833 г. отношеніе это 2 къ 28; 1834—2 къ 19; 1835—7 къ 29, и т. д.

При Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV сперва были тоже часты помилованія, хотя помянутое отношеніе при немъ никогда не становилось столь благопріятно, какъ при его отцѣ. Правда, въ 1848 году исполненъ смертный приговоръ 1, а 25 смягчены, но это объясняется особыми обстоятельствами того времени, а когда наступила реакція, то отношеніе сильно измѣнилось въ смыслѣ строгости. Въ 1851 году произнесено 60 приговоровъ, исполнено 20, смягчено 34 [1]); въ 1852 году произнесено 40, исполнено 25, смягчено 10; въ 1853—произнесено 40, исполнено 30, смягчено 8; въ 1854 г. произнесено 37, исполнено 28, смягчено 6; въ 1855 г. произнесено 46, исполнено 28, смягчено 13; въ 1856 г. произнесено, 36, исполнено 26, смягчено 9. Въ 1857 году, король заболѣлъ и принцъ регентъ, нынѣшній король, тотчасъ ввелъ менѣе суровую практику, которой держится и до сихъ поръ. Въ его правленіе, самое неблагопріятное отношеніе между числомъ приговоровъ и помилованій представляетъ 1863 годъ: изъ 30 приговоровъ исполнено 12, смягчено 17.

Изъ той же таблицы несомнѣнно слѣдуетъ, что число преступленій, за которыя законъ караетъ смертью, въ теченіи почти 50-ти-лѣтняго періода не увеличилось; какъ напр. въ 1860 году было 60 случаевъ тяжкихъ преступленій, то-есть ровно столько, какъ въ 1819 году. Средняя цифра, правда, увеличилась въ два послѣдніе десятка лѣтъ, но вѣдь и населеніе значительно возрасло. Статистика доказываетъ также, что цифра помилованій нисколько не производила умноженія преступленій, а ограниченіе числа помилованій не уменьшало числа преступленій. Вообще теорія устрашенія, составлявшая въ криминалистикѣ столь важную сторону, оказалась чистымъ предразсудкомъ. О ней собственно уже и не спорятъ, и въ дѣлѣ замѣшанъ теперь только вопросъ о томъ, до какой степени имѣетъ государство право

---

[1]) Итогъ не выходитъ потому, что исполненію многихъ приговоровъ за политическія преступленія помѣшали смерть, или бѣгство осужденныхъ.

ш обязанность обезпечивать себя и своихъ гражданъ, и сверхъ того—религіозное воззрѣніе на весь вопросъ. Защитники и противники казни извлекаютъ аргументы изъ библіи, о которой давно уже сказано:

Hic liber est, in quo quaerit sua dogmata quisque
Atque in quo reperit dogmata quisque sua.

Защитники казни ссылаются на тексты гласящіе, что «за кровь да прольется кровь» (Кн. Моисея), «кто изыметъ мечъ, отъ меча погибнетъ», и «власти не всуе вооружены мечомъ». Противники казни видятъ въ этихъ текстахъ только указаніе на фактъ, а не освященіе его. Несомнѣнно впрочемъ, что первобытная христіанская церковь рѣшительно отвергала смертную казнь, и въ католической церкви до сихъ поръ признается принципъ: Ecclesia non sitit sanguinem; хотя никто чаще ея не нарушалъ этого принципа. Наоборотъ, строго-консервативная партія въ евангелическомъ духовенствѣ выступаетъ усерднѣйшею защитницею смертной казни.

Было бы напрасно предпринимать здѣсь описаніе преній сейма 28-го февраля и 1-го марта, какъ потому, что очеркъ могъ бы быть только неполный, такъ и потому, что онъ воспроизводилъ бы многіе извѣстные уже аргументы. Итакъ, я остановлюсь только на двухъ ораторахъ, принявшихъ участіе въ этихъ преніяхъ, именно на графѣ Бисмаркѣ и Ласкерѣ [1]), между которыми то различіе, что значеніе Бисмарка обусловливалось его личностью и положеніемъ, а Ласкера—его аргументами.

---

[1]) *Ласкеръ*, котораго имя на сеймѣ упоминается чаще другихъ—еврей изъ одного познанскаго мѣстечка, человѣкъ съ высокими дарованіями и огромною способностью къ работѣ. Въ законодательныхъ дѣлахъ сѣверогерманскаго союза никто не принимаетъ равнаго ему участія. Собственно политическаго *таланта* у него не такъ много, какъ то оказалось и изъ недавняго безтактнаго запроса его по отношенію къ Бадену. Ласкеръ занимаетъ скромное мѣсто безплатнаго засѣдателя при здѣшнемъ городовомъ судѣ и состоитъ старшимъ по времени изъ всѣхъ засѣдателей въ Пруссіи, что зависитъ какъ отъ еврейскаго происхожденія его, такъ и отъ либеральныхъ убѣжденій, препятствующихъ производству. Впрочемъ, можетъ быть придетъ и его очередь, такъ какъ нынѣшній министръ юстиціи уже допустилъ нѣсколькихъ евреевъ на судебныя должности. Въ нынѣшней должности онъ остается изъ принципа, ибо легко бы получить иное, вполнѣ обезпеченное положеніе: Ласкеръ малъ ростомъ, неутомимъ и имѣетъ чисто-еврейскій типъ, вслѣдствіе чего служитъ мишенью для сатирическихъ листковъ. О немъ много анекдотовъ. Прошу позволенія привести одинъ изъ многихъ. У Эдуарда Ласкера живъ отецъ, который очень гордится своимъ Эйзакомъ (Эйзакъ — Эдуардъ). Разъ, когда родственникъ сталъ разспрашивать объ Эйзакѣ, отецъ началъ хвалиться его высокимъ положеніемъ, славою и т. д. Но родственникъ все допытывался, сколько Эйзакъ заработываетъ. А Эйзакъ заработываетъ немного, такъ какъ должность его безплатная, а званіе депутата не даетъ ему вознагражденія. Наконецъ, отецъ, доведенный до крайности желаніемъ уяснить безденежное величіе сына, выразился такъ: «А вотъ, когда мейлокъ (по-еврейски—король) говоритъ: ja! а Эйзакъ скажетъ: nein! ну такъ и будетъ Nein!

Рѣчь Ласкера была важнѣйшею и наиболѣе дѣйствительною изъ всѣхъ произнесенныхъ во время этихъ преній. За то рѣчь саксонскаго прокурора Шварце представляла то особенное значеніе, что ораторъ привелъ богатый матеріалъ изъ своей практики въ доказательство, что смертная казнь недѣйствительна какъ средство устрашенія. Шварце сказалъ, что изслѣдованіемъ, произведеннымъ въ Англіи, дознано, что изъ 167 казненныхъ 164 прежде присутствовали уже при исполненіи смертныхъ приговоровъ, а изъ своей практики указалъ между прочимъ на случай, что одинъ молодой человѣкъ имѣлъ свиданіе съ женщиной у самого эшафота, чтобы условиться на счетъ убіенія мужа послѣдней. Онъ доказывалъ, что не сама *кара* охраняетъ государство, ибо еслибы преступникъ зналъ, что его дѣло непремѣнно будетъ открыто, то страхъ пожизненнаго заключенія точно также удержалъ бы его отъ совершенія преступленія, какъ страхъ смерти; но дѣло въ томъ именно, что каждый надѣется не быть открытымъ, а потому безопасность гораздо дѣйствительнѣе будетъ охраняема заботливостью о раскрытіи всѣхъ преступленій, чѣмъ жестокостью положенной за нихъ кары. Ласкеръ разъяснялъ, между прочимъ, огромное значеніе отмѣны казни въ отношеніи къ прогрессу. Общество, въ которомъ казнь удерживается, хотя бы для немногихъ случаевъ, стоитъ еще на второстепенномъ мѣстѣ въ отношеніи нравственнаго развитія, и отмѣна ея будетъ значительнымъ шагомъ впередъ, много возвыситъ уваженіе къ человѣческой личности и, наконецъ, внушитъ народамъ даже сомнѣніе относительно законности вообще поддержанія понятія о правѣ цѣною крови, и мысли—нельзя ли и международные споры рѣшать какъ-либо иначе, а не цѣною безчисленныхъ жизней? (*Налѣво одобреніе, направо смѣхъ*). «Господа, когда противникъ еще смѣется, это значитъ, что дѣло наше еще только подготовляется, но мысль дѣйствуетъ непрерывно и неодолимо. До тѣхъ поръ пока вы не укоренили въ государствѣ принципъ неограниченнаго уваженія къ жизни человѣка, вы остаетесь безъ одного изъ вѣрныхъ средствъ для улучшенія отношеній и между народами. У всѣхъ націй нынѣ переработывается уголовный кодексъ, и я могу сказать, что вся западная Европа смотритъ теперь на сѣверогерманскій союзъ въ ожиданіи, какое рѣшеніе внесетъ онъ въ свою уголовную книгу. Въ Голландіи, во Франціи, въ Баденѣ: вездѣ мы видимъ движеніе противъ смертной казни, и тѣ изъ насъ, кому понятны знаменія времени, кто умѣетъ изъ массы движеній извлекать сущность народнаго сознанія, тѣ съ увѣренностью могутъ утверждать, что народная совѣсть въ образованныхъ странахъ уже противъ смертной казни. Укажите путь впередъ, и мы быть можетъ не услышимъ въ этомъ случаѣ, что сѣверогерманскій союзъ недостоинъ приглашать другія части Германіи слѣдовать за собою. Нашъ приговоръ надъ казнью послужитъ вѣрнымъ выраженіемъ убѣжденія нашего народа и

сильнодѣйствующимъ примѣромъ для народовъ всего свѣта. Отъ вашего рѣшенія теперь зависитъ по крайней мѣрѣ нравственно уничтожить принципъ смертной казни во всей Европѣ, и потому, прошу васъ, дайте свидѣтельство дѣльное, крѣпкое, нравственное: наши нравственныя условія поднялись уже до того уровня, что о необходимой оборонѣ для государства не можетъ быть рѣчи, что казнь уже неумѣстна, что она болѣе не оправдывается необходимостью, а потому и составляетъ грѣхъ передъ Богомъ и людьми».

Подъ впечатлѣніемъ этой рѣчи, принятой съ громкимъ одобреніемъ, заключились пренія перваго дня. Во второй день на поле преній выступилъ самъ графъ Бисмаркъ и объявилъ, что заявленные аргументы не побудятъ большинство союзныхъ правительствъ отступить отъ рѣшенія ихъ удержать смертную казнь, такъ какъ рѣшеніе это принято послѣ тщательнаго техническаго и политическаго изслѣдованія этого вопроса. Объявленіе это произвело неблагопріятное впечатлѣніе уже потому, что у Пруссіи 17 голосовъ въ союзномъ совѣтѣ, то-есть почти большинство, и что, слѣдовательно, все дѣло зависитъ существенно отъ прусскаго правительства. Аргументы, къ которымъ прибѣгнулъ канцлеръ союза, не были удачны. Онъ намекнулъ сперва, что противники казни потому такъ преувеличиваютъ цѣну человѣческой жизни, что не вѣрятъ въ жизнь загробную; потомъ онъ доказывалъ, что отвращеніе къ казни происходитъ отъ сантиментальности и постоянно возрастающаго нерасположенія принимать на себя открыто отвѣтственность за свои дѣла. Онъ заключилъ повтореніемъ, что Пруссія употребитъ все свое вліяніе въ союзномъ совѣтѣ противъ отмѣны казни, и прибавилъ, что на союзный совѣтъ не подѣйствуютъ ораторскіе эффекты. Рѣчь произвела самое неблагопріятное впечатлѣніе и не имѣла вліянія на результатъ. Изъ 200 присутствовавшихъ 118 подали голосъ за отмѣну, а 81 за удержаніе смертной казни—результатъ превзошедшій ожиданія, такъ какъ извѣстно, какъ сильны въ сеймѣ элементы аристократическій и консервативный.

Я возвращусь далѣе къ послѣдующей судьбѣ этого рѣшенія, а теперь докончу разсказъ о преніяхъ, которыя коснулись вскорѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктовъ, имѣющихъ общій интересъ. Такъ, въ проектѣ закона допускалось одиночное заключеніе, съ тѣмъ, чтобы оно длилось не болѣе 6 лѣтъ безъ согласія самого заключеннаго. Были сдѣланы предложенія о сокращеніи этого максимума (*Кирхманъ*, *Микель*), а также объ учрежденіи общей инспекціи надъ мѣстами заключенія во всемъ союзѣ (*Фрисъ*). Противъ послѣдняго предложенія возсталъ остроумный депутатъ *Циглеръ* (который самъ послѣ 1848 года былъ приговоренъ къ многолѣтнему заключенію въ крѣпости; многіе либералы нынѣ сидящіе въ союзномъ сеймѣ имѣли ту же тяжкую судьбу, въ особенности докторъ *Беккеръ* и *Вигерсъ*). Циглеръ ска-

залъ, что онъ принадлежитъ къ партіи, которая можетъ похвалиться многими «экспертами» по этому вопросу, и прибавилъ, что въ заключеніи «хуже всего мнѣ приходилось отъ юристовъ, чиновники обращались со мной уже лучше, а одни военные обращались со мной по-джентльменски *(Общій смѣхъ)*. Поэтому, ради Бога, не поручайте вы юристамъ устанавливать общіе тюремные порядки». Затѣмъ онъ указалъ, что въ новѣйшее законодательство внесено усугубленіе нѣкоторыхъ наказаній, напр. сопряженіе съ лишеніемъ чести даже преступленій политическихъ, чего прежде не было и что свидѣтельствуетъ о нѣкоторой степени жестокости, порожденной политическою борьбою новаго времени.

Вигерсъ, просидѣвшій много лѣтъ въ одиночномъ заключеніи, краснорѣчиво изложилъ его страданія и увѣщалъ собраніе не ограничиться отмѣною только смертной казни, а отмѣнить также и эту «сухую гильотину», именно долговременное одиночное заключеніе. Сеймъ назначилъ максимумомъ одиночнаго заключенія 3 года и принялъ также предложеніе Фриса, несмотря на возраженія Циглера. Однако, вѣроятно, до установленія однообразной системы заключенія въ союзѣ пройдетъ не мало времени, такъ какъ такой системы нѣтъ еще даже и въ самой Пруссіи. Въ вышедшемъ недавно оффиціальномъ обозрѣніи [1]) мѣстъ заключенія, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ исправительныхъ заведеній и слѣдственныхъ тюремъ) находится много интересныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ.

Лишеніе свободы въ Пруссіи, какъ и въ иныхъ странахъ, приведено было въ систему только въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. До введенія общаго гражданскаго права въ монархіи, изъ нынѣшнихъ мѣстъ заключенія существовали только шесть, а для тяжкаго заключенія служили крѣпости; еще въ двадцатыхъ годахъ числилось 722 крѣпостныхъ рабочихъ арестантовъ, изъ мѣщанскаго сословія. Со введеніемъ общаго гражданскаго права расширилось примѣненіе кары—лишенія свободы, но не ранѣе какъ съ 1818 года построено было значительное число новыхъ мѣстъ заключенія, именно съ 1818—1840 г. 11, которыхъ было все-таки недостаточно для 9,785 (цифра 1838 г.) арестантовъ. При Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV, съ 1842 г. принята была пенсильванская система, съ измѣненіями, сдѣланными въ Пентонвиллѣ, и возведены были тюрьмы въ Моабитѣ, близъ Берлина, Мюнстерѣ, Ратиборѣ и Бреславлѣ, построенныя по паноптическому плану (т.-е. лучеобразно). Въ 1843 г. заключенныхъ числилось 13,361. Число это вскорѣ значительно возрасло подъ вліяніемъ введенія суда присяжныхъ, измѣненій въ порядкѣ судебнаго доказатель-

---

[1]) Die preussischen Gefängnisse. Berlin, 1870.

ства, и установленія минимума въ 2 года для заключенія. Въ 1856 г. заключенныхъ было уже 28,546. При такомъ ходѣ дѣлъ стали всякое сколько-нибудь подходящее зданіе обращать въ тюрьму, не обращая уже вниманія на систему. Въ настоящее время мѣстъ заключенія въ Пруссіи—55, и 9 прибавочныхъ: вмѣстить они могутъ 26,560 чел.

Отсюда уже видно, что единства системы не могло быть. Вообще въ этихъ тюрьмахъ преобладаетъ принципъ большихъ палатъ для работы и спанья, иногда чел. на 80—100, даже болѣе. Принципъ распредѣленія арестантовъ по категоріямъ осуществляется только по мѣрѣ возможности. Въ немногихъ арестанты, работая вмѣстѣ, спятъ раздѣльно. Одиночное заключеніе днемъ и ночью систематически примѣняется только въ новыхъ тюрьмахъ, въ Моабитѣ, Мюнстерѣ, Гамельнѣ, и особыхъ отдѣленіяхъ въ Кёльнѣ и Бреславлѣ. Впрочемъ и въ нихъ, за исключеніемъ только Моабита, Гамельна и отдѣленія въ Кёльнѣ, арестанты сообщаются въ церкви, школѣ и отдыхѣ. Что такое положеніе дѣлъ неудовлетворительно, это сознается всѣми, но средство для улучшенія его еще не придумано.

Новый интересъ пріобрѣли пренія объ уголовномъ кодексѣ, когда коснулись *политическихъ преступленій* (измѣна государю, странѣ, оскорбленіе государя и союзныхъ владѣтелей и непріязненныя дѣйствія противъ дружественныхъ государствъ). Еще въ началѣ преній обнаружился одинъ характеристическій признакъ настроенія палаты. При обсужденіи ст. 28, которая постановляетъ, что наказаніе, сопряженное съ штрафною работой лишаетъ на долгое время права служить въ войскахъ и въ общественныхъ должностяхъ, либералы стали возражать противъ освобожденія штрафованныхъ отъ военной службы. На это отвѣчали генералы фонъ-Молтке и фонъ-Штейнмецъ, которые, хотя не особенные ораторы, имѣютъ большое вліяніе на палату въ вопросахъ военныхъ. Они доказывали, что *честь* есть жизненный принципъ арміи, что недозволеніе понесшимъ штрафныя работы вступать въ армію существуетъ столь же давно, какъ сама прусская армія, что званіе солдата считалось отличіемъ, что допущеніе въ армію штрафованныхъ ослабило бы дисциплину, уронило бы достоинство арміи. Хотя оппозиція и доказывала, что постановленіе это неправильно (напр. за тяжкое увѣчье положенъ штрафной трудъ, а человѣкъ, въ изступленіи, можетъ совершить это преступленіе и не будучи безчестнымъ), но большинство утвердило мнѣніе генераловъ. При этомъ перевѣсъ обусловился присоединеніемъ къ нему умѣренныхъ либераловъ. Но при этомъ одинъ изъ нихъ, графъ *Шверинъ* замѣтилъ, что затѣмъ надо уже имѣть въ виду, чтобы при дальнѣйшемъ обсужденіи не допустить примѣненія штрафной работы къ какому-либо правонарушенію, какъ-то именно политическимъ, которое не заключаетъ въ себѣ ничего позорящаго человѣка. Эти слова были приняты съ огром-

нымъ одобреніемъ, и значеніе ихъ было тѣмъ больше, что графъ Шверинъ (бывшій министръ при «новой эрѣ») пользуется большимъ уваженіемъ у всѣхъ партій.

Что политическія преступленія по самой сущности своей совершенно различны отъ частныхъ, въ этомъ убѣждены всѣ. Въ послѣдніе 22 года, особенно же въ 1866 году, у насъ произошли такія политическія перемѣны, что во многихъ случаяхъ, очевидно, только фактъ побѣды рѣшаетъ вопросъ, преступно или добродѣтельно такое-то политическое дѣяніе. Такъ, по существовавшимъ законамъ, стремленія къ осуществленію единства Германіи были преступленіями противъ единичныхъ государствъ, и члены «національферейна», который подготовилъ почву для Пруссіи, видѣли постоянно надъ собою дамокловъ мечъ. Новый проектъ уголовнаго кодекса удерживаетъ правило прусскаго кодекса 1851 г. о заключеніи со штрафною работой (Zuchthausstrafe) за политическія преступленія, и только при облегчающихъ обстоятельствахъ допускаетъ за нихъ простое заключеніе въ крѣпости. Либералы требовали, чтобы за всѣ политическія преступленія полагалось только крѣпостное заключеніе и сверхъ того, предлагали подчиненіе политическихъ процессовъ суду присяжныхъ (это отмѣнено закономъ 1853 года); попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ, но либералы были безуспѣшны не во всемъ.

Борьба началась (15) 3 марта, предложеніемъ депутата лѣвой стороны *Мейера*, чтобы къ ст. 28 сдѣлана была добавка въ томъ смыслѣ, что въ случаяхъ, когда законъ предоставляетъ выборъ между заключеніемъ въ рабочемъ домѣ и крѣпостью, первое наказаніе могло быть примѣняемо только къ такому дѣйствію, которое истекло изъ «безчестнаго побужденія». Эта добавка была принята значительнымъ большинствомъ. Затѣмъ, при обсужденіи статей 78 и 79, трактующихъ о видахъ политическихъ преступленій и наказаніяхъ по нимъ, либеральной партіи удалось измѣнить текстъ такимъ образомъ, что и за государственную измѣну можетъ быть назначено заключеніе въ рабочемъ домѣ *или* въ крѣпости, а также и допущеніе облегчительныхъ обстоятельствъ. Но побѣда одержана столь незначительнымъ большинствомъ (104 противъ 99), что не представляется прочною. При обсужденіи же ст. 85, полагающей пожизненное заключеніе или на срокъ не менѣе 5-ти лѣтъ, въ рабочемъ домѣ, за участіе подданнаго сѣверогерманскаго союза въ возбужденіи другого участія къ войнѣ съ союзомъ, допущеніе одного крѣпостного заключенія было устранено большинствомъ 101 противъ 100.

Таковы важнѣйшіе пункты происходившихъ доселѣ преній. Но пренія эти происходятъ по второму чтенію «закона, а такихъ чтеній должно быть три». Послѣ второго чтенія правительство объявитъ, съ которыми рѣшеніями сейма оно согласно и съ которыми оно несо-

гласно. Главнымъ затрудненіемъ будетъ именно вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни, на которую правительство не соглашается. Поэтому, еще за двѣ недѣли многіе депутаты желали, чтобы правительство высказалось опредѣлительно по этому предмету, дабы избѣгнуть напрасныхъ долговременныхъ преній. Но графъ Бисмаркъ сказалъ, что правительства могутъ объявить свое рѣшеніе не раньше, какъ по окончаніи преній. Во всякомъ случаѣ, пренія эти безплодными не останутся, хотя бы для уголовной теоріи.

Хотя я можетъ быть и слишкомъ утомляю вашихъ читателей законодательными предметами, но долженъ еще поговорить о преніяхъ союзнаго сейма относительно *защиты правъ авторовъ*, которая по союзному уложенію принадлежитъ къ предметамъ союзной власти. Относительно литературной и вообще умственной собственности въ законодательствахъ разныхъ государствъ союза господствуютъ разныя постановленія; нѣтъ ничего единаго и полнаго; а вопросъ этотъ является тѣмъ значительнѣе, что за послѣдніе 20 лѣтъ, въ дѣлѣ умственной собственности возникли важные практическіе вопросы. Внесенный на сеймъ проектъ закона основанъ на очень старательномъ и многостороннемъ изслѣдованіи вопроса, по прежнимъ проектамъ, рѣшеніямъ экспертовъ и сочиненіямъ Жолли, Вехтера, Клостермана, а также по иностраннымъ законодательствамъ. Этотъ проектъ закона опредѣлилъ, что «письменное произведеніе» (Schriftwerk) составляетъ полную собственность автора, воспрещаетъ всякое безъ дозволенія автора механическое воспроизведеніе его, признавая это контрафакціею (Nachdruck), въ томъ числѣ, между прочимъ, и отпечатаніе издателемъ бо́льшаго числа экземпляровъ, чѣмъ какое было условлено. Не считается контрафакціею перепечатка оффиціальныхъ и обыкновенныхъ газетныхъ извѣстій и корреспонденцій съ непремѣннымъ указаніемъ источника, небольшія буквальныя выдержки изъ изданныхъ уже сочиненій, наконецъ напечатаніе публично-произнесенныхъ рѣчей. Контрафакціею считается и произвольное изданіе перевода, если авторъ оговорилъ за собою право перевода или издалъ самъ переводъ на томъ языкѣ. По § 8, покровительство закона обезпечиваетъ авторскую собственность на все время жизни автора и затѣмъ его наслѣдникамъ еще на 30 лѣтъ. За контрафакцію полагаются пени отъ 50 до 1,000 талеровъ, сверхъ вознагражденія за причиненный убытокъ.

Противъ этого проекта возсталъ уже въ засѣданіи 21 (9) февраля, при первомъ чтеніи, извѣстный національный либералъ Браунъ, отрицая не только давній посмертный срокъ собственности, но и вообще законность авторской собственности, какъ принципа. Таково въ самомъ дѣлѣ убѣжденіе крайней фракціи экономистовъ, увлекающихся свободою торговли: перепечатку они считаютъ правомъ свободной торговли. Въ засѣданіи 26 (14) февраля здѣшняго экономическаго обще-

ства, требованіе это было заявлено со всѣми его мотивами, на которыхъ стоитъ остановиться, въ виду парадоксальности самого требованія. Эти экономисты доказываютъ, что перепечатка, то-есть контрафакція, есть только поправка къ фальшивому разсчету книгопродавца, который напечаталъ книгу въ слишкомъ маломъ числѣ экземпляровъ и назначилъ ей слишкомъ высокую цѣну. Они разсчитываютъ такъ: книга изъ 20 листовъ стоитъ въ наборѣ, все равно будетъ-ли тиражъ ея 1,000 или 50,000 экземпляровъ; на наборъ же при изданіи въ 1,000 экз. приходится по 4½ зильбергроша, а при 50,000 экз. — только 1 пфеннигъ. Гонораръ въ 20 талеровъ съ листа, при изданіи въ 1,000 экз. составляетъ на экземпляръ 12 зильберг., а гонораръ даже въ 88 талеровъ съ листа, при изданіи въ 50,000 экз. составляетъ на экземпляръ всего *одинъ* зильбергрошъ. Итакъ, при большихъ изданіяхъ можно платить гораздо высшій гонораръ, не увеличивая замѣтно цѣны книги. Чтобы предупредить контрафакцію—говорятъ эти господа—надо назначать такую цѣну, чтобы книга быстро разошлась. Едва-ли нужно доказывать, что эти соображенія невѣрны, ибо не всякая книга можетъ разойтись въ 50,000 экземплярахъ, особенно ученое сочиненіе, которое между тѣмъ требуетъ огромныхъ приготовительныхъ работъ.

Теорію г. Брауна и экономическаго общества дальше всѣхъ завела «Везерская газета». Она доказываетъ, что проектъ закона составленъ въ пользу однихъ «производителей и торговцевъ», безъ всякаго вниманія къ пользѣ «потребителей» (чисто-экономическое воззрѣніе, вводимое совсѣмъ въ иную область), что *умственная собственность*, какъ то доказываютъ и юристы, вовсе не существуетъ, ибо не имѣетъ всѣхъ признаковъ дѣйствительной собственности. Это кажется мнѣ похожимъ на положеніе того философа, который утверждалъ, что «Ахиллесъ не можетъ догнать черепаху». Философическій аргументъ въ пользу этого положенія въ самомъ дѣлѣ неопровержимъ (какъ недавно еще Дюрингъ доказалъ это), но противникъ элеата перегналъ черепаху и тѣмъ фактически опровергъ положеніе. Умственная собственность несомнѣнно существуетъ, и противники отрицаютъ ее только потому, что *не могутъ опредѣлить ее*. Но кому нужны опредѣленія? Возраженія противъ литературной собственности — чистые софизмы. Такъ говорятъ: мысль вольна и не принадлежитъ никому, самъ авторъ желаетъ ея распространенія, а въ интересѣ общества должно осуждать всякую привилегію изданія; правда, авторы лишились бы гонорара, но еще спрашивается, велика ли была бы бѣда? Тогда сочинялись бы только такія книги, которыя вызваны внутреннею, мыслительною потребностью. Все-таки всѣ творенія, коими дорожитъ человѣчество, были бы написаны, а пропали бы только горы посредственныхъ и плохихъ книгъ, что само по себѣ было бы большимъ благодѣяніемъ.

Такъ разсуждаютъ эти господа и разсужденія ихъ кажутся остроумными, а между тѣмъ, все это — чистый вздоръ, ибо міръ не переходитъ прямо отъ Гомера къ Виргилію, а отъ Виргилія къ Данте или отъ Аристотеля къ Спинозѣ, а отъ Спинозы къ Канту, но между этими высокими явленіями лежитъ бездна скромной, однако полезной работы. Лессингъ, авторъ «Натана», образцоваго произведенія, которое вы представили русскимъ читателямъ въ переводѣ, говаривалъ, что нѣтъ такой плохой книги, изъ которой нельзя чему-нибудь научиться, и въ этомъ гораздо болѣе гуманности и мудрости чѣмъ въ парадоксахъ экономистовъ. Имъ остается одинъ шагъ до того халифа, который сжегъ александрійскую библіотеку на томъ основаніи, что во всѣхъ ихъ могло быть или то, что уже находилось въ коранѣ, или не находилось въ немъ, стало быть онѣ были или безполезны, или вредны.

Тотчасъ послѣ рѣчи Брауна появилось заявленіе наиболѣе уважаемыхъ нѣмецкихъ писателей, въ томъ числѣ: Густава Фрейтага, Берт. Ауэрбаха, Теод. Моммзена (историка) и Юліяна Шмидта, которое, возставая противъ рѣчи Брауна, отдаетъ проекту закона, внесенному на сеймъ, полную справедливость какъ въ отношеніи продолжительности срока литературной собственности, такъ и въ отношеніи ограниченія ея такимъ срокомъ. Черезъ нѣсколько дней явилось подобное же заявленіе Карла Гуцкова. Борьба продолжалась съ особеннымъ оживленіемъ въ газетахъ, и защитники литературной собственности одержали полнѣйшую побѣду. И нѣтъ сомнѣнія, что проектъ закона пройдетъ при второмъ чтеніи, быть можетъ съ неважными измѣненіями. Только газеты возстаютъ противъ излишняго покровительства относительно ихъ самихъ, потому именно, что въ газетномъ дѣлѣ, въ противоположность издательскому, перепечатка въ концѣ концовъ непремѣнно губитъ того, кто основываетъ на ней изданіе своей газеты.

Чтобы несовсѣмъ отступить на этотъ разъ отъ моего обыкновенія сообщать вамъ о новостяхъ литературы, я выберу изъ массы лежащихъ предо мною новыхъ книгъ лишь тѣ, которыя особенно меня заняли.

Извѣстный политикъ Яковъ *Венедей* издалъ, по указаніямъ своего отца, интересную книгу [1]) о томъ времени, когда въ нѣмецкихъ прирейнскихъ земляхъ дѣйствовала пропаганда французской революціи. Какъ извѣстно, революція эта вызвала восторженное эхо въ лучшихъ умахъ въ Германіи, а потомъ, своими ужасами, вызвала въ нихъ реакцію противъ себя; все это особенно сильно отразилось на рейн-

---

[1]) Die deutschen Republikaner und französische Republik. Leipzig, 1870.

скихъ земляхъ, которыхъ населеніе страдало подъ игомъ духовныхъ владѣтелей и одарено сверхъ того болѣе подвижными характерами. Восторгъ смѣнился тамъ разочарованіемъ, когда убѣдились, что за обѣщаніями равенства и братства скрываются часто завоевательныя цѣли. Но было уже поздно.

Одною изъ трогательнѣйшихъ жертвъ этого заблужденія былъ Адамъ Луксъ, о которомъ писали уже немало въ прозѣ и стихахъ, но никто такъ вѣрно и рельефно, какъ Венедей. Луксъ, восторженный почитатель Руссо, будучи женатъ, и имѣя 27 лѣтъ отъ роду, отправился въ Парижъ съ Георгомъ Форстеромъ, въ качествѣ уполномоченныхъ. Видя, насколько дѣйствительность несоотвѣтствовала идеалу, онъ смѣло бросился въ борьбу съ господствующимъ направленіемъ и возымѣлъ мысль вступить въ конвентъ, обличить совратителей и затѣмъ вонзить себѣ въ сердцѣ кинжалъ. Онъ однако оставилъ эту мысль, но зато тотчасъ послѣ казни Шарлотты Кордэ издалъ брошюру въ отмщеніе за нее, въ которой требовалъ, чтобы ей поставили памятникъ съ надписью «она выше Брута». Онъ могъ бѣжать, но остался на мѣстѣ и, въ заключеніи, отказался отъ пощады обѣщанной подъ условіемъ не писать болѣе о французскихъ событіяхъ; онъ хотѣлъ умереть и умеръ геройски. Историческое значеніе книги Венедея заключается въ томъ, что онъ разъясняетъ, что рейнскіе республиканцы желали вовсе не включенія своей родины въ французскую республику, а учрежденія цис-ренанской республики, въ союзѣ съ Франціею. Такова и въ настоящее время конечная мысль южно-германскихъ республиканцевъ, мысль, которая высказывается очень громко органами «народной партіи» въ Виртембергѣ. Событія 1793—1797 гг. могли бы доказать неудобоисполнимость этой мысли.

Другое сочиненіе, котораго заглавіе не вполнѣ передаетъ высокій интересъ содержанія, это — исторія мелкихъ ремеслъ въ Германіи, галльскаго профессора Шмоллера [1]). Авторъ извлекъ изъ огромнаго статистическаго матеріала и своихъ поѣздокъ подробное изложеніе условій быта ремесленнаго сословія, въ видѣ матеріала къ основанію національной экономіи на нравственныхъ началахъ. Профессоръ Шмоллеръ вышелъ изъ той школы экономистовъ, которая считаетъ непреложнымъ девизъ: Laissez faire, laissez aller; но близкое ознакомленіе его съ ремесленнымъ вопросомъ лишало этотъ девизъ въ его глазахъ безусловной несомнѣнности. Изученіе быта ремесленниковъ показываетъ, что онъ зависитъ не столько отъ законодательства, сколько отъ экономическихъ условій, съ ихъ постепенными, а иногда и внезапными перемѣнами.

---

[1]) Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19 Jahrhundert. Statistische und nationalökonomische Untersuchungen, von Gustav Schmoller. Halle, 1870.

Главный пунктъ изслѣдованія Шмоллера, это—отношеніе мелкаго ремесленнаго труда къ крупному ремесленному и фабричному. Огромныя измѣненія въ системѣ сообщеній, въ техникѣ, въ распредѣленіи силъ участвующихъ въ производительности, возрастаніе населенія и т. д. самымъ кореннымъ образомъ измѣнили и названное отношеніе. Возрастаніе населенія вызываетъ крупное производство, которое производитъ дешевле или лучше, чѣмъ отдѣльный ремесленникъ. По англійскому разсчету, машинная работа дешевле ручной въ 90 разъ, по нѣмецкому разсчету все-таки въ 36 разъ дешевле ручной. Ремесленники и ихъ рабочіе идутъ болѣе и болѣе къ упадку. Автора это ужасаетъ, и онъ мрачнымъ перомъ описываетъ, какъ Круппъ въ Эссенѣ командуетъ 8,000-ми рабочихъ, Борзигъ въ Берлинѣ 3,000-ми и т. д. У Круппа или Борзига рабочій гораздо болѣе независимый человѣкъ, чѣмъ прежній подмастерье, имѣетъ гораздо болѣе наслажденій, и въ нравственномъ отношеніи нехуже, даже лучше, своего предшественника. Впрочемъ г. Шмоллеръ и не думаетъ о возстановленіи «добраго, стараго времени», а только требуетъ, чтобы болѣе дѣлалось для умственнаго образованія рабочихъ, чему никто противорѣчить не будетъ. Особенно интересны многіе, совсѣмъ новые статистическіе матеріалы. Приведу примѣръ. Домъ, въ которомъ родился Александръ Гумбольдтъ, стоилъ, въ 1746 году, 4,350 талеровъ; въ 1761—8,000 тал.; 1796—21,000; 1803—35,200; 1824—40,000; 1863—92,000; 1865—140,000 талеровъ. Такихъ интересныхъ данныхъ въ книгѣ множество, и всякъ поблагодаритъ автора за нее, даже кто, какъ я, невполнѣ согласится съ его тенденціею.

Въ области бельлетристики господствуетъ затишье, но есть слухи о готовящихся трудахъ замѣчательныхъ писателей и поэтовъ. Извѣстно, что нѣмецкая книжная торговля открываетъ свои шлюзы только послѣ Лейпцигской пасхальной ярмарки. Въ то время навѣрно опять наступитъ наводненіе!

К.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ВЫСТАВКИ
ПЕТЕРБУРГА.

Картина профессора Ге, въ академіи художествъ.—Выставки Общества поощренія художниковъ: 1) Состязаніе на преміи за картины русскаго быта и русскіе виды; и 2) историческіе портреты.

Художественная жизнь рѣшительно начинаетъ биться въ дѣловыхъ жилахъ Петербурга. Не успѣли закрыться двери Академіи художествъ за картинами г. Айвазовскаго и фигурами г. Каменскаго, какъ вотъ ужъ онѣ открываются снова для картины г. Ге. Вѣчно стоящая на-стежь дверь—«для званныхъ и незванныхъ»—Общества поощренія художниковъ, на этотъ разъ показываетъ крайне утѣшительное зрѣлище успѣховъ русскихъ живописцевъ, все почти молодыхъ, состязающихся на преміи картинъ родного быта и пейзажа. Наконецъ, выставка портретовъ вводитъ какъ-бы за кулисы нашей исторіи, къ ея главнымъ дѣйствующимъ лицамъ... Такимъ образомъ, извѣстныя подъ названіемъ «живыхъ», великопостныя картины театральной живности нашли себѣ неожиданныхъ соперницъ въ картинахъ жизни и природы.

Начну по чинамъ—съ Академіи и ея профессора. Экспонентъ Академіи и профессоръ, г. Ге, принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливцевъ, которымъ выпало на долю поднимать шумъ и споры первыми-же своими работами. Большой его холстъ, «Предательство Іуды», былъ признанъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, событіемъ, почти переворотомъ; академическому-же міру показался отрицаніемъ, чуть не нигилизмомъ по части священно-исторической живописи. Картина, яко-бы атеистическая, а въ сущности только реальная (да еще съ придачею представителя совершенно-романтической, растрепанной школы В. Гюго въ ходульной фигурѣ Іуды) вызвала даже вопросъ: можно-ли *такъ* трактовать церковные сюжеты и не значитъ-ли это — проповѣдовать невѣріе кистью? Никто не замѣтилъ, что трактованіе *такъ* только въ томъ и заключалось, что событіе изъ жизни Христа передано согласнѣе съ правдою, чѣмъ оно передавалось прежде; а невѣріе было развѣ въ отрицаніи французскихъ булокъ и тульскихъ ножей, которые украшали прежнія тайныя вечери, никому не представлявсь игривыми. Новизна картины проявлялась собственно во внѣшности — въ обстановкѣ: скромная, почти убогая, какъ то и было въ дѣйствительности,

комната, озаренная одною светильнею, простые глиняные сосуды на столѣ, покрытомъ грубою скатертью; апостолы несимметрически разсаженные по обѣимъ сторонамъ Іисуса, и онъ самъ не преломляющій хлѣба и не указующій на чашу, но въ тяжкомъ раздумьи опустившій голову на руку. Іуда всталъ, — онъ рѣшился и собирается на предательство. Его длинная сухая фигура, на первомъ планѣ, обращена спиною ко Христу и лицомъ изъ картины — къ зрителю. Отбрасывая свѣтъ позади себя и усиливая освѣщеніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ, эта фигура-абажуръ, хотя почти главная, остается такимъ образомъ въ полномъ мракѣ, и можно различить однѣ руки, напяливающія (иначе нельзя передать ихъ движенія) хитонъ на плечи, да общее черное пятно человѣческаго очерка. Такая замѣна руками лица, въ которомъ, по понятію всѣхъ понимавшихъ, прежде, и продолжающихъ понимать донынѣ, условія экспрессіи, только и могутъ выразиться движенія души, — несомнѣнно нова, и если художникъ не стремился ни къ чему иному, то цѣль его достигнута. Разъ задавшись — поставить новизну на мѣсто требованій искусства, г. Ге уже совершенно послѣдовательно употребилъ тотъ же пріемъ и въ отношеніи второго главнаго лица: у него Іисусъ, убитый измѣною одного изъ учениковъ, опустилъ свою голову до того низко, что глазъ не стало видно. Мудрено-ли, что недоумѣніямъ по поводу картины не было конца? Затѣять обойтись безъ видимыхъ формъ въ изображеніяхъ пластическихъ, то-есть дѣйствующихъ именно посредствомъ формъ видимыхъ,— это почти тоже, что разсчитывать передать звукъ—молчаніемъ, свѣтъ—темнотою.

Занявшись менѣе лицами второстепенными, художникъ оказалъ имъ тѣмъ самымъ большую услугу. Такъ, апостолъ Петръ, оставленный по-старому, съ глазами и лицомъ и даже щедрѣе всѣхъ озаренный лампою, и Іоаннъ, тоже одаренный образомъ и подобіемъ всѣхъ вообще людей,—вышли лучшими фигурами картины. Будучи въ сущности второстепенными, они выступили ярче и полнѣе главныхъ, безъ всякихъ усилій со стороны автора и даже напротивъ, вопреки имъ. Самъ того не видя, реформаторъ собственными руками поражаетъ въ нихъ свои преобразованія и доказываетъ именно тѣ общіе законы искусства, которые взялся опровергнуть! [1])

Однакожъ и сквозь путаницу понятій и задачъ, волновавшихъ г-на Ге при исполненіи «предательства Іуды», въ картинѣ этой обнаружился талантъ недюжинный, смѣлый (даже черезъ-чуръ!), художникъ мыслящій и по многому заслуживающій вниманія. Еслибы обна-

---

[1]) Любопытно еще одно лицо — въ глубинѣ картины; оно все состоитъ изъ подбородка и короткаго, точно откушеннаго носа,—больше ничего нѣтъ: ни черепа, ни глазъ, ничего!

руженныя имъ похвальныя стремленія — сбросить рутину и устарѣлыя требованія (а не требованія *вѣчныя* искусства), получили въ послѣдующихъ работахъ более устойчивости, а вниманіе къ исполненію и формѣ болѣе строгости; еслибъ его рисунокъ сталъ тверже, письмо выработаннѣе, а, главное, еслибъ онъ проникся убѣжденіемъ, что задумать еще не значитъ выполнить, что идея или замыселъ, прекрасные въ головѣ или живомъ словѣ, выходятъ часто непонятными или странными въ пластикѣ, — то изъ г. Ге могъ бы выйти весьма замѣтный дѣятель на избранномъ имъ поприщѣ. Къ прискорбію всѣхъ дорожившихъ развитіемъ этого счастливаго дарованія, вторая работа его «Вѣстники Воскресенія» показала, что г. Ге способенъ идти еще далѣе по невѣрному пути, гнаться за оригинальностью во что бы то ни стало, что, по его мнѣнію, непередаваемыя кистью сложныя комбинаціи мышленія должны проявиться въ картинѣ независимо отъ техническихъ условій и средствъ живописи, которыя были здѣсь уже совершенно плохи... Еслибъ «Вѣстниковъ» сама Академія не скрыла отъ глазъ петербургской публики, какъ грѣхъ своего новаго профессора (многіе объяснили это дѣйствительною грѣховностью картины, что однако не помѣшало ей, безъ видимой опасности, искушать благочестивыя очи москвичей!), то заблужденіе художника стало бы для всѣхъ очевидно. Но картина прошла тайно и куда-то исчезла — миръ ей, и, какъ о покойницѣ, не скажемъ о ней ничего дурного, за совершенной невозможностью сказать что нибудь-хорошее.

Неудача второй работы нашего преобразователя была такъ велика, общее разочарованіе въ надеждахъ на проявившійся недавно талантъ его до такой степени овладѣло всѣми, даже фанатическими поклонниками г. Ге (а ихъ родилось не мало вмѣстѣ съ первою его картиною), все это выражалось столько разъ и такими компетентными судьями, покуда отверженные Академіею «Вѣстники» стояли въ залахъ клуба художниковъ, что автору, казалось, не было возможности не прозрѣть и не обратиться на настоящій путь. Третьей работѣ предстояло рѣшить: быть или не быть г. Ге и его направленію? «Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду»—передъ нашими глазами; посмотримъ-же, какъ онъ рѣшаетъ судьбу художника?

Подобно прежнимъ, послѣдней работѣ г. Ге сопутствовали довольно обстоятельные комментаріи въ газетахъ. Въ этомъ нѣтъ еще ничего дурного,—дурно одно, если они через-чуръ широкими обѣщаніями сводятся къ рекламамъ, а лишнею заботливостью о покровительствуемомъ художникѣ служатъ ему медвѣжью услугу...

Одна изъ газетъ, напримѣръ, представляетъ дѣло такъ:

«На небольшой каменистой площадкѣ, среди оливковаго лѣса, въ какомъ-то тяжеломъ, зловѣщемъ ночномъ освѣщеніи, стоитъ одиноко, опустившись на колѣно, Спаситель. Представленъ онъ лицомъ къ зри-

телямъ. Одна рука его опущена внизъ, другая плотно лежитъ на согнутомъ колѣнѣ. По сторонамъ его страдальческаго, изможжоннаго лица, падаютъ сбившіеся мокрыми прядями волосы. Грубое рубище хитона не совсѣмъ прикрываетъ грудь. По всей этой фигурѣ и окружающей ее мѣстности скользитъ сквозная тѣнь оливковыхъ деревъ. Страдалецъ молится.... Всматриваясь въ лицо Христа, вы не замѣчаете того напряжоннаго, порывистаго выраженія, какое свойственно просьбѣ, мольбѣ; голова его не обращена къ небу, глаза не подняты вверхъ. Онъ смотритъ прямо впередъ, но не глядитъ ни на что; взоръ его, который какъ бы заволокло мглою скорби, *ушолъ внутрь себя...* Вотъ сейчасъ встанетъ онъ и безтрепетно пойдетъ на встрѣчу враговъ своихъ...

«Таково впечатлѣніе, производимое новою картиною г. Гэ, насколько мы съумѣли передать его. Въ виду высокихъ достоинствъ этого произведенія какъ-то не хочется даже упоминать о тѣхъ особенностяхъ, или, пожалуй, странностяхъ картины, на которыя сужденіе *толпы* указываетъ, какъ на недостатки...

«Новую картину г. Ге, по силѣ замысла и *совершенству исполненія*, мы ставимъ выше *всѣхъ* прежнихъ его произведеній».

Неправда-ли, хорошо? Но такъ-ли оно на самомъ дѣлѣ? Даетъ-ли все это произведеніе, такое какъ оно есть, вышедшее изъ-подъ кисти художника, а не какимъ оно могло быть въ его головѣ, куда никому не открыта дверь, кромѣ проницательности газетныхъ авторовъ...

Такое какъ есть, произведеніе г. Ге, это просто темный, сѣрый, большой холстъ. По серединѣ — такая-же сѣрая фигура на одномъ колѣнѣ. Вѣтви деревъ кладутъ на каменистую землю сѣтку тѣней, тономъ еще темнѣе. И такъ какъ вся картина одноцвѣтная, писанная въ тѣнь, то совершенно одинаковаго цвѣта отблескъ скользитъ по землѣ и по лицу фигуры, которая такимъ образомъ съ перваго взгляда кажется каменнымъ или глинянымъ изваяніемъ среди лѣса. Отсутствіе въ ней глазъ (старый пріемъ г. Ге) и толстая, шире головы, точно вырубленная шея, дополняютъ подобіе. Всматриваясь пристальнѣе въ темноту, различаете однако цвѣта одежды и, не безъ особеннаго усилія, доискиваетесь глазъ. Первая загадка разсѣяна: передъ вами не камень, а человѣкъ. Но что этотъ человѣкъ дѣлаетъ? зачѣмъ онъ присѣлъ на одно колѣно и что выражаетъ это лицо, все состоящее изъ одного сѣраго клякса или блика и одной сильно выдавшейся скулы—остается загадкою: такъ темно, что разсмотрѣть нельзя.

Вотъ совершенно точный отчетъ о картинѣ, безъ всякихъ красотъ газетнаго вдохновенія. Что это дѣйствительно такъ, что въ залахъ Академіи стоитъ именно *эта* непонятная картина, а вовсе не тотъ ясный, какъ правда, образъ, о которомъ повѣствовано выше, мо-

гутъ удостовѣрить, между прочимъ, споры, постоянно окружающіе темный холстъ.

Начнемъ съ положенія фигуры. Оно такъ неопредѣленно, что можно доказывать, какъ въ этомъ я могъ убѣдиться, будто Христосъ молится, сто́я на одномъ колѣнѣ и будто онъ пересталъ молиться и, упершись правою рукою въ колѣно, сейчасъ встанетъ на ноги; наконецъ будто онъ просто изнемогъ отъ продолжительной молитвы и готовится сѣсть на́-земь. Я видалъ даже, какъ въ подтвержденіе каждаго изъ этихъ мнѣній, защищавшіе ихъ прибѣгали къ видимымъ знакамъ, присѣдали на колѣни, дѣлали книксены, пробовали вставать и садиться, причемъ нѣкоторые, только благодаря предупредительности сосѣдей, избавились ушибовъ и увѣчій... Правдоподобнѣе же всего, что Христосъ и не молится, и не встаетъ, и не садится: не молится потому, что смотритъ прямо на посѣтителей выставки; не встаетъ потому, что при положеніи, данномъ носку ноги (обутой, замѣтимъ кстати, въ *сапогъ*!), встать невозможно, какъ бы ни гнуть для этого колѣно: носокъ выдается болѣе впередъ, чѣмъ колѣно; не садится потому, что, не опершись другою рукою о землю, можно упасть только навзничь, а не сѣсть. Значитъ, кистью задача остается неразрѣшенною и надо обращаться къ семидесяти толковникамъ, чтобы понять намѣреніе художника. А хоры не полагаются въ помощь живописи...

Но если положеніемъ *всей* фигуры художникъ не съумѣлъ выразить своего намѣренія, то посмотримъ, не удалось-ли ему достигнуть этого частностями—лицомъ, напримѣръ—этимъ зеркаломъ души. Вѣдь картина написана именно съ цѣлью раскрыть душу молящагося, или молившагося страдальца...

Не видя лица на разстояніи, вы подходите какъ можно ближе и вперяете въ него пытливый взглядъ. Вотъ оно, едва-едва выдаваемое ночною темнотою... Но не призракъ-ли этотъ сѣрый обликъ, не привлекательный, просто грубый, съ мутными, безъ зрачковъ, какъ у статуи, глазами? Неужто это реальная фигура реальнаго живописца? Неужто этой, яснѣе прочаго видимой, плоской щекѣ, съ единственнымъ, непріятнымъ возвышеніемъ скулы, этимъ въ войлокъ сбитымъ пасмамъ волосъ, этой аляповатой, ненарисованной шеѣ, этому усѣченному туловищу на короткихъ ногахъ,—неужто всему этому поручено подѣйствовать притягательно на зрителя? Есть-ли какая-нибудь возможность почти силуэтомъ головы, безъ игры мышцъ на лицѣ, безъ глазъ, ясно различаемыхъ, выразить пытку души, призванной отозваться во всякой душѣ? Забудьте только газетное повѣствованіе, и вы навѣрное ничего не доищетесь въ картинѣ, кромѣ темной ночи, темной фигуры и темныхъ, хотя, можетъ быть, самыхъ лучшихъ намѣреній художника! Хорошими намѣреніями вѣдь и адъ вымощенъ, а въ немъ, какъ слышно, нѣтъ ничего хорошаго.

— За то это ново! кипятился при мнѣ одинъ юноша, очевидно художникъ.

— Чтó ново-то? охлаждалъ его другой, скептикъ: что ничего не видно на холстѣ? Такъ поставьте совсѣмъ пустой холстъ—будетъ еще новѣе: ужъ тамъ ровно ничего не будетъ.

— Вамъ образà нужны!! кричалъ юноша.

— Не образà, а óбразы, — отвѣчалъ спокойно оппонентъ. Вотъ вы теперь насмóтритесь этого, да и пойдете чернить холсты — такъ-то конечно легче, ни рисунка, ни лѣпки не надо—не видать вѣдь, все равно! Эхъ, господа! легко васъ поддѣвать на новинки! Да только посмотрите, не поддѣлъ-бы самого себя нововводитель! Человѣку данъ талантъ, а онъ изъ него чтò дѣлаетъ? Заслонки пишетъ.

Если приговоръ скептика и строгъ немножко, то, правду сказать, значительно заслуженъ. Таланту много дается—съ него много и взыскивается. Всѣ эти споры, всѣ неудовольствія на г. Ге именно указываютъ, что ему хотятъ дать роль въ нашемъ искусствѣ. Онъ несетъ въ отношеніи къ нему извѣстныя обязанности; онъ не вправѣ такъ злоупотреблять своими способностями. Вреда отъ его картинъ я собственно не предвижу,—напротивъ, я замѣчаю даже пользу,—отрицательную, правда, но все же пользу: глядя на нихъ, будутъ учиться тому, какъ дѣлать не слѣдуетъ; узнаютъ грань, раздѣляющую мысль или тенденцію отъ формы или пластическаго выраженія. Но жалко ограничить добровольно свой талантъ на пассивную роль и отказаться отъ прямой пользы на поприщѣ весьма еще нуждающемся въ живыхъ, положительно дѣйствующихъ силахъ. Пусть ваше *направленіе* остается отрицательнымъ (если уже принято такъ называть его); но заставьте-же исполненіе—форму—сдѣлаться положительною,—безъ этого вашъ реализмъ — такой-же лже-реализмъ, какъ былъ нѣкогда разогрѣтый вчерашній классицизмъ, какъ была у насъ недавно народность... Не слушайте тѣхъ, кто вамъ говоритъ, будто какая-то «толпа» находитъ недостатки въ вашихъ картинахъ, — знайте, напротивъ, что не она ихъ хорошо видитъ; гоните льстецовъ, подвигающихъ васъ выставлять пейзажи, какіе вы выставили и какихъ не прощаютъ нынче восемнадцатилѣтнимъ мальчикамъ въ классахъ, и если вамъ случилось сдѣлать такіе глаза, что ихъ не видно, то ужъ такъ и знайте, что ихъ не видно, а не вѣрьте тому, будто это взоръ ушелъ куда-то «внутрь себя». Убѣдитесь, что не все то серьезно, что замысловато и только то глубоко, что просто; а главное, рѣшитесь отнестись къ себѣ строго, забудьте, если можете, вашу «знаменитость», и въ тишинѣ студіи развейте въ себѣ живописца, не только способнаго мыслить, но сортировать и воплощать свои мысли, откидывая все невоплотимое въ сторону... Повѣрьте, обновленные водою ученія и труда, вы сами увидите, что вышли на свѣтъ, и устыдитесь тѣхъ потемокъ, въ какихъ теперь

блуждаете; истину-же вамъ здѣсь высказываемую, и можетъ быть непріятную пока, не назовете ни ложью, ни обидою, а сущею и доброю правдою...

Трактовать сюжеты изъ исторіи Христа по старому, избитому преданію давно перестали художники современные,—это совсѣмъ не такая новость, какъ думаютъ у насъ. Блаженной памяти Корнеліусы и Овербеки (даже еслибъ кто-нибудь изъ нихъ еще и не успѣлъ умереть), усиливавшіеся въ Римѣ возводить въ догматъ, вмѣстѣ съ папою, непогрѣшимость всего отжившаго, не помѣшали гораздо ранѣе реалисту Поль-де-Ларошу быть новымъ на этомъ поприщѣ. И достигаетъ онъ этого очень просто, прилагая къ сюжетамъ изъ такъ-называемой священной исторіи, взглядъ и пріемъ общеисторическихъ картинъ. Это и незатѣйливо и практично. Реализмъ не можетъ проявиться иначе, какъ въ формѣ совершенно реальной, т.-е. совершенно вѣрной дѣйствительности, до такой степени, чтобъ не было по возможности различія между произведеніемъ искусства и дѣломъ рукъ природы. Это первое, непреложное условіе: кто не доросъ до способности состязаться съ натурою въ воплощеніи тѣхъ идей и представленій, какія его волнуютъ,—тому и помышлять нельзя о высотѣ реальнаго художника; тотъ лучше сдѣлаетъ, если попробуетъ передавать свои мысли и взгляды какъ-нибудь иначе, только не формами пластики, отливающими хорошо и понятно одни образы окончательно изготовленные... Все неясное, раскиданное, несосредоточенное въ одномъ опредѣленномъ центрѣ, въ одномъ моментѣ, должно быть откинуто, какъ неподдающееся передачѣ; потому что у искусства пластическаго имѣются средства только на одинъ моментъ для одного произведенія, на одинъ центръ для одного сочиненія. Также точно не все реальное можетъ служить предметомъ для картины: что темною ночью ничего не видно, это, напримѣръ, очень реально; однако слѣдуетъ-ли изъ этого, что ночная картина, гдѣ только и будетъ видно, что ничего не видно, можетъ назваться картиною?

Вся бѣда русскаго человѣка заключается въ томъ, что надѣли его только природа способностями, онъ уже сейчасъ море зажечь собирается. Ему никакого нѣтъ дѣла до того, что море не загорится; онъ не знаетъ, да и знать не хочетъ, что таланты народовъ, хозяйничающихъ цѣлые вѣка тамъ, гдѣ онъ ступаетъ первыми шагами, часто не спроеясь броду, все это давно испробовали, все это прежде его открыли,—онъ, какъ деревенскій самоучка-механикъ, изобрѣтаетъ старую новость, успѣвшую обновиться, усовершенствоваться, сдѣлать свое и смѣниться другою.... Отсюда эта удаль «птицы-тройки», ломающая шеи, или задоръ гоголевскаго учителя, кидающаго стулья.... Смѣшно, кажется, и объяснять, что настоящее наше, историческое мѣсто, во всемъ, какъ и въ искусствѣ, которое есть утонченнѣйшій плодъ раз-

витія народнаго, — что это мѣсто отнюдь не впереди, не въ головѣ передовыхъ народовъ человѣчества, а и то хорошо еще, что не въ самомъ хвостѣ ихъ....

Мнѣ представляется истинно-здравымъ только тотъ сверчокъ, который знаетъ свой шестокъ, надежнымъ то дарованіе, которое не выдумываетъ выдуманнаго, а учится прилагать искусство тѣхъ, кто поискуснѣе къ своей скромной долѣ — производителя на поприщѣ едва початомъ, невоздѣланномъ, гдѣ все въ будущемъ, а пока есть надежды, и хорошія надежды, порой, хоть изрѣдка, достигающіе осуществленія.

Такимъ-то простымъ, здравымъ дарованіемъ я считаю г. Перова. Онъ началъ тихо, небольшими, тщательно-отдѣланными, но сразу полными юмора и наблюдательности, картинками вседневнаго быта, имѣя передъ собою Ѳедотова; продолжалъ все по тому же пути, дѣльно и настойчиво учась у жизни, просиживая въ Эрмитажѣ долгіе дни надъ копіями отдѣльныхъ кусочковъ картинъ большихъ мастеровъ, особенно его поражавшихъ; онъ, я увѣренъ, и во снѣ не видѣлъ себя зажигателемъ не только моря, даже Фонтанки, — и вотъ этотъ скромный, невѣдомый міру русскій Кнаусъ, съ выдержаннымъ, крѣпкимъ и чистымъ, какъ алмазъ талантомъ, шагъ за шагомъ приходитъ къ такому произведенію, какимъ, пожалуй, не посрамился бы и самъ настоящій, нѣмецкій Кнаусъ....

Возьмемъ на выдержку нѣкоторыя изъ прежнихъ работъ г. Перова.

«Первый чинъ»: старикъ дьячокъ, съ комическою косичкою на затылкѣ, комически и вмѣстѣ трогательно упивается зрѣлищемъ примѣриваемаго сыномъ вицъ-мундира и щупаетъ съ вожделѣніемъ ворсу его сукна. «Крестный ходъ въ деревнѣ», съ бойкими, мѣткими типами слишкомъ усердно закусившихъ въ избѣ зажиточнаго мужика доброхотными участниками въ процессіи; съ хозяиномъ, бережно сводящимъ подъ руку священника съ крылечка; съ однимъ изъ гостей, особенно поусердствовавшихъ и тутъ же окатываемыхъ холодною водою для приведенія въ чувство, съ другимъ, уже совсѣмъ безчувственнымъ, подъ крыльцомъ.... «Деревенскія похороны»: унылая, простая, но хватающая за душу элегія. На дровняхъ стоитъ гробъ; вдова правитъ лошаденкой и везетъ свою подпору, свою защиту — свой кусокъ хлѣба, въ мерзлую могилу. Два мальчика, еще махонькихъ, сидятъ по сторонамъ гроба. Ихъ надо ростить и кормить; а оно ей бѣдной, одинокой бабѣ, не такъ-то легко....

Все это, какъ видите, не замысловато, а съ мыслью; и отъ того все это хорошо и живетъ; это — поступательное движеніе по одной дорогѣ, всегда приводящее къ цѣли; потому что дорога эта проложена по самой жизни, а не гдѣ-то тамъ — въ мозгу....

Но проще, лучше и жизненнѣе всего — послѣдняя картина г. Перова. Выступила она, какъ и другія, представленныя на соискательство премій, безъ имени и безъ названія; и ни то, ни другое не оказалось нужными: всякій сразу угадываетъ подъ маскою пріемъ и талантъ г. Перова; всякому ясно, что на картинѣ весна, что по этимъ почкамъ деревъ, по этимъ маслянистымъ первымъ листикамъ на кустахъ, по этой сочной, воскресшей изъ отогрѣтаго дерна травкѣ, только-что брызнуло утро, задѣвъ гдѣ древесный стволъ, гдѣ потонувшее еще въ разсвѣтломъ холодѣ очертаніе облака.... Никто не спроситъ, кто этотъ старый здоровякъ, блаженно растянувшійся на животѣ и предательскими трелями своей дудочки заманивающій меломановъ-птичекъ въ силки? чѣмъ потрясенъ этотъ блѣдный и страстный мальчикъ у большой покрытой клѣтки?... Сейчасъ видно, что воспріимчивая натура его иначе принимаетъ впечатлѣнія и этой лѣсной чащи, и этого раздражающаго ранняго тепла, и этой тьмы, которая борется съ утромъ.... Вы съ одного взгляда понимаете, что ловля птицъ и наслажденіе отъ нея проистекающее не одинаковы для добродушнаго здоровяка и болѣзненнаго мальчика. Тутъ не нужно газетъ, со взорами, «ушедшими внутрь», — тутъ все говоритъ само за себя, стоитъ за себя, и взоръ птицелова, если уже куда ушелъ, то весь и цѣликомъ въ его птицъ; самое лицо старика сдѣлалось какое-то птичье — особенно брови и носъ. Невинный обманъ тѣшитъ и вдохновляетъ охотника; въ эти минуты онъ творитъ, и около него создается особый міръ — птичій и весенній, чиликающій и грѣющій его сѣдую голову, чарующій слухъ и наполняющій давно пустую душу...

Мотивъ этотъ, не взирая на чрезвычайную незамысловатость, такой же поэтическій эпизодъ изъ жизни природы и самыхъ близкихъ къ природѣ—простыхъ сердцемъ людей, какъ большая часть мотивовъ и эпизодовъ въ «Запискахъ Охотника». Онъ представляется какъ бы иллюстраціей прелестнѣйшихъ изъ страницъ Тургенева; и хотя буквально *такой* страницы нѣтъ въ его книгѣ, но она могла быть, и картина какъ-бы ее подшиваетъ туда....

Задумавъ хорошо, художникъ и исполнилъ хорошо. Пейзажъ, фигуры, отъ малѣйшихъ подробностей небритой съ воскресенья сѣдой щетины на бородѣ птицелова, до его плисовыхъ сапогъ и стеганной подкладки длиннополаго сюртука, раздавшагося по швамъ,—все окончено какъ миніатюръ. Главная фигура, — а она не мала: около четверти натуральной величины,—можетъ быть разсматриваема въ упоръ и не кажется засушенною, какъ лилипуты г. Рицпони, напримѣръ, но сохраняетъ всю сочность, пріятность и свѣжесть письма. Типъ доживающаго на боку свой вѣкъ стараго управителя, бывшаго дворецкаго, въ призракѣ барской еще ливреи и въ плисовыхъ сапогахъ,— типъ этотъ до того общій, такой знакомый, что невольно припоми-

наешь: гдѣ этого человѣка видѣлъ и когда его зналъ? Между тѣмъ, его и не видѣлъ и вовсе не зналъ. Это-то и доказываетъ, что онъ именно типъ. *Такихъ* всякій видѣлъ, всякій зналъ: передъ нами въ одномъ фокусѣ собранныя черты всѣхъ ихъ. Таланты истинные — въ литературѣ-ли, на сценѣ или въ живописи, въ ваяніи, словомъ въ искусствѣ, — одни умѣютъ дѣлать такія воплощенія, — отъ того они и истинные таланты.

Не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что своею картиною г. Перовъ кладетъ за Ѳедотовымъ камень зданію русской живописи. Можетъ быть, это покажется отрицаніемъ слишкомъ многаго прежде сдѣланнаго? Можетъ быть! Но вѣдь пора-же начать смотрѣть на вещи строже. Вѣчно снисходить къ подающимъ надежды дѣтямъ и гладить ихъ по головкѣ перестаютъ, когда у нихъ пробьется первый пухъ на подбородкѣ.... По той же самой причинѣ, никто изъ экспонентовъ на состязаніе не долженъ обижаться, если работы, въ большинствѣ весьма удовлетворительныя, а нѣкоторыя и прекрасныя, кажутся подростками рядомъ съ этимъ взрослымъ произведеніемъ искусства. Одна «Княжна Тараканова» выступала также выпукло, нѣсколько лѣтъ назадъ, изъ ряда всего бывшаго на академической выставкѣ....

Нѣтъ никакой возможности, отойдя отъ «Птицелова», разсматривать подробно, напримѣръ, «Сборъ недоимки» г. Пукерева, съ отживающею въ живописи тенденціозностью, которая гораздо раньше отжила въ литературѣ, съ обязательною непреклонностью становаго, выражаемою сигарою въ зубахъ, въ то время, какъ старшина, украшенный медалью на шеѣ, тащитъ рыжую корову за рога, а бабы и мужики воютъ и валяются въ непреклонныхъ ногахъ начальства.... Все это, безъ сомнѣнія, бываетъ, бываетъ и хуже этого. Вой бабъ и валянье мужиковъ, сигары (да хорошо еще, когда однѣ сигары!) становыхъ, послѣдняя корова, отнятая за недоимку, — разумѣется, драма, да еще какая! но все это надо сперва увидѣть, почувствовать, а потомъ передать такъ, какъ оно есть, чтобъ почувствовали другіе. Между тѣмъ, нельзя никакъ согласиться, чтобъ эти свѣтлыя краски были краски натуры, чтобъ эти слезы и горе были горемъ и слезами, а не извѣстными, весьма благонамѣренными, но нисколько не почувствованными движеніями людскихъ душъ; чтобъ это была представлена драма, наконецъ, а не комедія, какъ то часто выходитъ у плохихъ актеровъ.... Когда же узнаешь, что за все это назначена цѣна 550 р., а за «Птицелова» 800, то думаешь, не произошло ли тутъ ошибки, и не слѣдуетъ ли нуль отдѣлить отъ г. Пукерева и приставить къ г. Перову?

Трудно сказать много похвальнаго и о картинкѣ г. Корзухина, гдѣ пріѣхавшій домой мужикъ надѣляетъ баранками дѣтей и гдѣ одно изъ нихъ, на полу, совсѣмъ не удалось; удалась же собственно ста-

руха-мать, которая наставляетъ большой, мѣдный самоваръ въ сторонѣ.... Можно похвалить развѣ эту старуху, какъ за ея заботливость о сынѣ, такъ и за всю ея позу, очень вѣрно подмѣченную и хорошо переданную.... Похвально и со стороны самовара, что онъ вышелъ такой хорошій — совсѣмъ какъ живой.

У г. Журавлева—уличный контрабасистъ, осыпанный снѣгомъ, вернулся вечеромъ домой; жена кормитъ убогимъ ужиномъ меньшого ребенка; старшій всталъ и помогаетъ отцу освободиться отъ тяжелаго хрипуна, мозолившаго весь божій день ему руки и оттягивавшаго плечо.... Контрабасъ съ контрабасистомъ вышли лучше всего на картинѣ....

Г. Маковскій написалъ очень старательно, но не особенно удачно, уличную продавщицу апельсиновъ зимою и мальчика, который задумалъ ими полакомиться.... Прежнія его сцены въ этомъ родѣ куда лучше!

Успѣшнѣе всѣхъ предсталъ на состязаніе молодой г. Пелевинъ. Послѣ работъ академической выставки, гдѣ онъ явился талантомъ начинающимъ, онъ выступаетъ уже художникомъ въ своей новой сценѣ. Въ убогой избѣ, при обстановкѣ, высмотрѣнной и выполненной съ большимъ вкусомъ и оконченностью, лежитъ больной ребенокъ, покрытый тулупомъ. Полусвѣтъ изъ тѣснаго окошка скользитъ по его привлекательной, но нисколько не идеализированной головкѣ. Слѣпой старикъ, освѣщенный вѣрно и написанный прекрасно, ощупывающею поступью направляется къ больному, держа деревянный ковшъ воды въ одной рукѣ; другая трогаетъ воздухъ, удивительно наглядно передавая движенія, свойственныя слѣпотѣ.... Тулупъ, сума, ковшъ, ветхая одежда старика и всѣ подробности написаны превосходно. Если г. Пелевинъ пойдетъ такъ, то изъ него можетъ выработаться современемъ товарищъ г. Перову....

Пейзажи конкурса, не имѣя въ своей средѣ ничего подобнаго по достоинству «Птицелову», вообще удовлетворительны. Есть мотивы почти одинаковые. Болотистая вода, подернутая зеленой плесенью; болотныя травы, лѣсная чаща: и г. Шишкинъ и г. Гюне плѣнились этимъ дѣйствительно интереснымъ и русскимъ мотивомъ и оба передали его очень хорошо. Г. Гюне обнаружилъ больше вкуса, а г. Шишкинъ больше оконченности, особенно въ травѣ, даже уже черезчуръ отчеканенной.

Но кто отчеканилъ всю свою картину, такъ это профессоръ баронъ Клодтъ. Еслибъ не это, да не тонъ, нѣсколько невѣрный, то задача—превратить въ картину некартинную околицу русской деревни, съ выгономъ, на которомъ пасется лошаденка, съ круглыми буграми, курчавыми березками, сѣрымъ, скучнымъ рядомъ удаляющихся избъ и неприглядною, мутною, прямолинейною далью,—такая задача могла

бы считаться выполненною однимъ изъ особенно сильныхъ пейзажистовъ нашихъ. Но художникъ, добиваясь самой наисущей правды, перешелъ мѣру. А мѣра въ исполненіи—что соль въ пищѣ: недосолить нехорошо и пересолить дурно....

Г. Куинджи, такъ мало пообѣщавшій Исаакіемъ при лунномъ освѣщеніи, на академической выставкѣ, обнаружилъ большое чутье къ явленіямъ сѣверной природы и даже какой-то особенный, самобытный пріемъ письма въ представленномъ на соисканіе пейзажѣ. Ливные дожди глубокой осени изборoздили колеями распустившуюся дорогу, напоили глинистыя горки, какъ губку; вотъ они переходятъ въ иней. Вьюжитъ и подмораживаетъ, заволакивая окрестность бѣлою, волнующеюся дымкою новорожденнаго снѣга.... Телѣга, бороздя новую колею, рѣжется поперегъ старыхъ, гдѣ уже стынетъ ледяная слюдка.... Гололедь начинаетъ одѣвать горку.... пѣшеходъ ступаетъ и скользитъ.... Сыро, холодно — скверно. Дохнула идущая зима.... Эту прелюдію морозовъ и вьюгъ—подмѣтилъ и передалъ очень счастливо художникъ.

Большою даровитостью отличается работа г. Васильева. Плоско-возвышенная мѣстность, обсыпающіеся песчаные края оврага; нѣсколько сосенъ подъ вѣтромъ.... тучи и заволоченная ими даль — мотивъ чисто-русскій, незатѣйливый, но поэтически-понятый и очень даровито переданный. Особенно хороши воздухъ и даль; песокъ такъ почувствованъ, что просто сыплется.... Когда же вспомнишь, что этотъ самый г. Васильевъ, годъ назадъ, представилъ на это же самое состязаніе работу еще почти ученическую, и что ему едва минуло двадцать лѣтъ, то принужденъ согласиться, что онъ шагаетъ необыкновенно быстро. Надо желать только одного, чтобъ эти шаги не остановились или не пошли вспять въ той же прогрессіи, какъ это на бѣду случается съ черезчуръ прыткими изъ нашихъ отечественныхъ талантовъ, — какъ то случилось съ г. Поповымъ, который блеснулъ было колоритнымъ и живымъ «Складомъ чая на нижегородской ярмаркѣ», да и пошелъ потомъ утомлять насъ деревянными, сѣрыми фигурками своихъ картинъ.... Молодому Васильеву слѣдуетъ побывать въ Дюссельдорфѣ, и пусть онъ тамъ увидитъ въ студіи у А. Аахенбаха, что талантъ еще не все, что это — нѣжное и рѣдкое растеніе, которое надо выходить и выростить, чтобъ оно давало плодъ. Остаться безплодною смоковницею всего легче—доказательства кругомъ.... Подъ руководствомъ настоящихъ мастеровъ, даровитый юноша скоро и легко убѣдится, что до полнаго художника еще пути много, и что ему еще не картины писать, а учиться надо, учиться и учиться.... Тогда изъ него, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ выйдетъ отличный пейзажистъ....

Третье художественное зрѣлище Петербурга—«выставка *русскихъ* портретовъ извѣстныхъ *лицъ* XVI—XVIII вѣковъ», какъ сказано въ каталогѣ (хотя *портретовъ*-то именно и много не-русскихъ),—можетъ быть названо исторіею въ лицахъ. Художество сюда собственно допущено изъ любезности,—все прочее поглощено исторіею: исторія увѣшала стѣны и окна, простѣнки и самую лѣстницу обширнаго помѣщенія бывшей квартиры министра внутреннихъ дѣлъ; она завладѣла семью-стами работами кисти и палитры, уступивъ изъ этого громаднаго капитала едва 5% собственно художеству. Три вѣка потрудились для нея, но не для искусства.... Сильно надо оттоптать ноги, утомить шею, вытягивая ее во всѣ стороны, поработать пальцами, перевертывая листы каталога, чтобы чего-нибудь добиться отъ перемѣшанной и сбитой въ кучу нумераціи... словомъ, надо поработать въ потѣ лица для снисканія крупицы художественнаго хлѣба....

Первое впечатлѣніе выставки рѣшительно — спиноломное, тоже самое, какое одинъ знатокъ картинъ, и еще болѣе знатокъ хорошихъ разказцевъ, по собственному увѣренію, испыталъ отъ картины Перова.

— Представьте себѣ, разсказываетъ онъ: нагнулся я надъ картиною, чтобы только взглянуть на нее — и чувствую вдругъ — у меня жестоко разболѣлась спина.... Смотрю на часы: я простоялъ ровно $4^1/_2$ часа!

Если одному холсту суждено производить такія опустошенія надъ здоровьемъ человѣческихъ спинъ, то судите-же, чего ждать, когда ихъ наберется семьсотъ!

Очнувшись кое-какъ отъ исторіи и отъ спины, приходишь въ себя и тутъ только изъ этой толпы сначала темныхъ, почти образныхъ ликовъ царей, бояръ и патріарховъ, изъ-за бородъ и шапокъ, потомъ изъ-за ботфортъ, французскихъ кафтановъ, париковъ и бритыхъ подбородковъ, изъ-за фижмъ и пудры — между Петромъ, Лефортомъ, плоскимъ лицомъ Тредьяковскаго, южнымъ орлинымъ взглядомъ Растрелли, между типическою хохлушкою Разумихою, съ хитроватою малороссійскою усмѣшкою въ умныхъ глазахъ и великорусскою красавицею Строгановою, съ круглыми карими глазами на выкатѣ,—изъ-за всего этого и сквозь всѣ эти страницы исторіи,—начинаютъ мало-по-малу выступать и выглядывать одна за другою—то изнѣженныя, мягкія, точно пуховыя, но изящныя головки Лампи, то могучія, полныя самой жизненной правды, работы Боровиковскаго, то яркая, нѣсколько изысканная и манерная, но красивая кисть г-жи Лебрёнъ, то безъ всякой изысканности, дѣйствительно-нѣжная и прелестная кисть Левицкаго, то, наконецъ, сочное, широкое письмо Доу... И художественная жажда удовлетворяется. Если съ нею вмѣстѣ напоено неодинаково и патріотическое чувство,—ибо обрусить Лампи, Лебрёнъ, и Доу даже теперь, при настоящемъ усовершенствованіи способа

обрусенія, нелегко,—то можно утѣшиться и тою отечественною славою, какая есть—Боровиковскимъ и Левицкимъ...

Да, такихъ работъ, какъ группа Боровиковскаго, представляющая графиню Кушелеву-Безбородко съ дочерьми, какъ эта Глафира Алымова, Левицкаго, — во весь ростъ, съ арфою, — донесшая до насъ, черезъ пространство болѣе ста лѣтъ, свою молодую улыбку и всю свѣжесть нѣжнаго, совсѣмъ живого лица, — такихъ, какъ эти другія, танцующія и позирующія фрейлины двора того времени, — такихъ, и множества имъ подобныхъ произведеній совсѣмъ «русскихъ» художниковъ, современный патріотизмъ, къ сожалѣнію, указать не можетъ... «Нынче ужъ такъ не пишутъ!» приходится говорить вмѣстѣ со стариками.

Этимъ я и оканчиваю. О выставкѣ «извѣстныхъ лицъ» надо говорить или также много, какъ много ихъ самихъ, — а отмежованное скромному обозрѣвателю художествъ мѣсто занято предыдущими выставками, — или не говорить вовсе. О томъ-же, что думаетъ про коллекцію своихъ героевъ и героинь исторія, чего она въ ней не досчитывается и что находитъ лишнимъ, разговоръ уже совсѣмъ другой... Я же ограничусь однимъ замѣчаніемъ—собственно по своей части.

Можетъ быть, кому-нибудь другому оно и было бы ничего, но едва-ли позволительно обществу поощренія «художествъ»—нѣкоторыя изъ лучшихъ картинъ-портретовъ Екатерины—одинъ даже Левицкаго,—ставить противъ свѣта безъ всякаго наклона, такъ, чтобъ они изъ картинъ превратились въ зеркала. Даже рѣдкіе (покуда за входъ платился рубль) больше французскіе, посѣтители и посѣтительницы выставки, отражавшіе въ этихъ неожиданныхъ зеркалахъ свои собственныя лица, даже и тѣ выражали,—не безъ нижегородскаго ударенія, конечно, свои жалобы: «mais c'est qu'on ne voit rien! *absôlument* rien!» Многіе при этомъ громко обвиняли какого-то «главнаго распорядителя» который будто-бы «ne fait que bavarder!» Кто онъ, этотъ распорядитель, зачѣмъ болтаетъ и что болтаетъ? мы не знаемъ. Онъ-ли виновникъ тому, что Екатерина блеститъ, а Мордвиновъ (одна изъ образцовыхъ работъ Доу) попалъ въ какой-то темный корридоръ, прелестныя-же фрейлины Левицкаго освѣщены фальшиво,—и оттого ли все это произошло, что распорядитель «ne fait que bavarder», или отъ чего другого,—намъ въ точности неизвѣстно; винить въ этомъ исторію тоже не приходится: положимъ, еще Мордвиновъ и фрейлины... но вѣдь Екатерина — лицо таки-достаточно «извѣстное», — за нее исторія вѣрно заступилась-бы... Словомъ, преступленіе совершено, но виноватыхъ не оказывается...

П. Ковалевскій.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ XV И XVI ВѢКОВЪ.

Исторія русской церкви. Макарія, архіепископа литовскаго и виленскаго. Томъ VI. Спб. 1870.

Велико, или мало, значеніе и роль исторіи нашей церкви въ исторіи нашего общества,—это вопросъ; но неоспоримо одно, что литературная и научная разработка исторіи русской церкви стоитъ еще ниже общественнаго ея значенія. Такой фактъ весьма знаменателенъ, такъ какъ онъ можетъ служить свидѣтельствомъ о состояніи нашего не-мірскаго духовенства. Оно не могло дать изъ своей сферы, безсемейной, свободной отъ мірскихъ заботъ (мы разумѣемъ высшія сферы этой среды), обезпеченной въ матеріальномъ отношеніи, достаточнаго числа рукъ, которыя посвятили бы себя научнымъ и литературнымъ изслѣдованіямъ по такому близкому къ нимъ предмету, какъ исторія церкви. Кто-то утверждалъ, что *otium*—досугъ, есть первое условіе для интеллектуальнаго и литературнаго труда; наше духовенство до сихъ поръ мало подтверждало эту истину. Въ западной Европѣ, такіе монахи, какъ напр. Болландисты, обезсмертили свое имя литературными подвигами по исторіи церкви; у насъ мы не встрѣчаемъ и тѣни подобнаго. Между тѣмъ, при такой скудости церковной литературы, ни у кого, какъ у насъ, не дѣйствуетъ духовная цензура. Мы охотно вѣримъ, что ея сторонники имѣютъ, съ своей точки зрѣнія, отличные помыслы—оберегать церковь; но, во-первыхъ, они должны сознаться, что церковь имѣетъ болѣе силы оберегать ихъ, нежели они ее; а во-вторыхъ, оберегать иногда можно такъ, какъ оберегался пустынникъ. И дѣйствительно, у насъ духовная цензура во многомъ отвѣтственна за плохое состояніе церковной литературы вообще.

Въ настоящее время мы имѣемъ въ преосвященномъ Макаріѣ почти единственнаго церковнаго историка, сложившагося въ авторитетъ, и потому новое продолженіе давно уже начатой имъ исторіи русской церкви принадлежитъ къ числу весьма крупныхъ событій современной литературы. Шестой томъ этого почтеннаго труда обнимаетъ собою едва ли не самый важный періодъ исторіи русской церкви, именно XV и XVI вѣка, когда, съ одной стороны, русское государство, освободившееся отъ княжеской междуусобицы, сбрасываетъ съ себя и мон-

гольское иго, получая возможность сосредоточить свое вниманіе на внутреннемъ благоустройствѣ, съ другой — русская церковь, долгое время находившаяся въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, избиравшаго и постановлявшаго для нея первосвятителей преимущественно изъ грековъ, также получила самостоятельность и начинаетъ избирать, поставлять и судить своихъ архипастырей безъ всякихъ сношеній съ патріархомъ. Естественно ожидать, что церковь и свѣтская власть пойдутъ рука объ руку, потому что и та и другая нуждаются еще въ укрѣпленіи своего авторитета; но этотъ союзъ произойдетъ не безъ борьбы и споровъ, не безъ стремленій воспользоваться слабостью союзника въ свою пользу. Преимущественно практическое направленіе московскихъ князей выдержитъ роль свою до конца, и церковь явится послушнымъ сотрудникомъ для утвержденія ихъ власти. Но въ то же время она получитъ отъ московскихъ князей поддержку для утвержденія своего авторитета и выработаетъ себѣ идеалы, далѣе которыхъ не пойдетъ и въ послѣдующіе вѣка. Все это окончательно совершилось именно въ то время, церковную исторію котораго разсказываетъ намъ преосвященный Макарій въ VI-мъ томѣ.

Освобожденіе государства и церкви отъ чужеземнаго владычества не могло оставаться совершенно безслѣднымъ на тогдашнемъ обществѣ; умноженіе монастырей и вслѣдствіе этого умноженіе книгъ, путешествія русскихъ за границу съ спеціальною цѣлью пріобрѣтенія книжной мудрости, пріѣзды къ намъ иностранцевъ, сильное умственное и религіозное движеніе на Западѣ, которое не могло не коснуться насъ хотя мимоходомъ, особенно вслѣдствіе прикосновеній нашихъ съ Литвою, гдѣ протестантскія идеи находили себѣ многочисленныхъ приверженцевъ—все это вмѣстѣ должно было подѣйствовать на умственный кругозоръ передовыхъ русскихъ людей XV и XVI вѣка и вызвать явленія, противоположныя тому формальному, обрядовому ученію, въ которомъ исключительно вращалась до того времени русская церковь. Въ началѣ XV вѣка все идетъ по старому: соблюденіе постовъ, хожденіе посолонь и тому подобные интересы занимаютъ нашихъ іерарховъ и князей. Митрополитъ Θеодосій, въ бытность свою ростовскимъ епископомъ, едва не лишается сана за то, что позволилъ мірянамъ вкушать мясо, а инокамъ рыбу и молоко въ навечеріе богоявленія Господня, которое случилось въ день воскресный. Митрополитъ Іона собралъ соборъ, обличилъ виновнаго и готовъ уже былъ снять съ него санъ, но ходатайство великой княгини спасло его, при чемъ Θеодосій долженъ былъ отдать ей за это ходатайство село Покровское. Великія княгини не хотѣли давать даромъ своего заступничества.

Черезъ нѣсколько лѣтъ повторяется такое же происшествіе: въ навечеріе крещенія Господня, случившееся въ воскресенье, чудовскій

архимандритъ Геннадій разрѣшаетъ своей братіи пить богоявленскую воду, поѣвши. Митрополитъ посылаетъ схватить Геннадія, который укрывается къ великому князю. Митрополитъ идетъ къ князю и говоритъ, что Геннадій «обезчестилъ священную воду, повелѣвши пить ее по принятіи пищи». Противъ такого аргумента великій князь не устоялъ и выдалъ митрополиту Геннадія, который былъ закованъ въ цѣпи и посаженъ въ ледникъ подъ палату. Въ то время, какъ подобные интересы поглащали вниманіе іерарховъ, въ Новгородѣ, еще не такъ давно смутившемъ церковь ересью стригольниковъ, начинаетъ сильно распространяться такъ-называемая ересь жидовствующихъ, занесенная евреемъ Схаріей. Нашъ авторъ не находитъ «ни нужды, ни основанія» останавливаться на предположеніяхъ — не была ли ересь жидовствующихъ одною изъ тогдашнихъ христіанскихъ ересей, только близкая къ іудейству, или не была ли она смѣсью разныхъ христіанскихъ ересей съ раціоналистическимъ направленіемъ, или даже не выработалась ли она въ самомъ Новгородѣ подъ вліяніемъ вольномыслія? Ученый авторъ утверждаетъ, что «Схарія и его товарищи проповѣдывали у насъ свою собственную, іудейскую вѣру и отверженіе христіанской, изъ чего уже неизбѣжно слѣдовали всѣ возможныя христіанскія ереси, т.-е. отверженіе всѣхъ христіанскихъ догматовъ и установленій». Такое положеніе очень просто и совсѣмъ не ново, потому что преосвященный Макарій слѣдуетъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ изложеніи всей ереси, современнику ея, Іосифу Волоцкому. Какія же причины породили ересь, почему нашла она себѣ многочисленныхъ приверженцевъ и такъ долго держалась, несмотря ни на какія внѣшнія мѣры и силу убѣжденія? Преосвященный и на этотъ разъ отвѣчаетъ просто — невѣжество новгородскихъ священниковъ въ истинахъ христіанской религіи, астрологія и чернокнижіе, которымъ Схарія научилъ своихъ учениковъ и первыхъ пропагандистовъ ереси, поповъ Діонисія и Алексѣя. Но если Діонисій и Алексѣй были невѣжды, чѣмъ объяснить, что Иванъ III одного опредѣлилъ протоіереемъ въ Успенскій соборъ, а другого—священникомъ въ Архангельскій соборъ? Чѣмъ объяснить приверженность къ ереси образованнаго по своему времени дьяка Өедора Курицына, невѣстки великаго князя Елены, наконецъ, симпатію къ ереси самого Ивана III? Онъ ей несомнѣнно симпатизировалъ, если не только терпѣлъ ее, но приблизилъ къ себѣ ея представителей, зная, какой ереси они держатся, поставилъ даже митрополитомъ одного изъ ея защитниковъ, по мнѣнію ученаго автора, симоновского архимандрита Зосиму? Неужели серьезно можно допустить, что самъ глава государства склоненъ былъ перейти въ жидовство, принять гонимую вѣру и исключить себя и народъ свой изъ христіанства?

На всѣ эти вопросы, по нашему мнѣнію, весьма существенные,

преосвященный Макарій заставляетъ насъ искать отвѣта снова въ «звѣздозаконіи, астрологіи, чародѣйствѣ и чернокнижіи». Но чародѣйство и чернокнижіе — понятія слишкомъ неопредѣленныя, и почтенный авторъ это очень хорошо знаетъ, прибавляя, что Схарія «въ состояніи былъ увлечь и прельстить, какъ своими *познаніями и умною рѣчью*, такъ особенно какими либо необычайными дѣйствіями, которыя онъ могъ совершать при пособіи темныхъ (?) наукъ и которыя для невѣждъ могли показаться совершенными чудесами». Положимъ, что чудесами можно прельстить невѣждъ, но «познаніями и умной рѣчью» можно прельстить не однихъ невѣждъ. Схарій, обративъ Діонисія и Алексѣя, исчезъ; Діонисій и Алексѣй сдѣлались главами ереси; значитъ, и они обладали «познаніями и умной рѣчью», ибо прельстили не однихъ невѣждъ? По крайней мѣрѣ, они должны были вносить въ свое ученіе такой нравственный элементъ, который приходился по сердцу массѣ и передовымъ людямъ. Вѣдь еврейство само по себѣ не могло заключать въ себѣ ничего привлекательнаго, а мы видимъ, что ересь Схаріи съ изумительною быстротою проникаетъ всюду, тогда какъ православіе прививалось къ русскому обществу довольно туго. Не слѣдовало ли историку русской церкви подвергнуть критическому анализу «Просвѣтителя» Іосифа Волоцкаго и поискать причинъ распространенія ереси не въ одномъ невѣжествѣ и чернокнижіи, но и въ томъ, что въ русскомъ обществѣ просыпалась мысль, придавленная византійскою обрядностью, которая поглощала нравственное ученіе Христа и отодвигала его на столь темный планъ, что приготовила удобную почву для отрицателей. Сведенное на одну обрядность, православіе падало тѣмъ быстрѣе, что представители его, духовныя лица, подавали многочисленные поводы къ неудовольствію пьянствомъ, развратомъ, стяжаніемъ, безграмотностью, продажностью священныхъ должностей, потачкою власти. «Полонъ міръ поповъ, а дѣлателей мало. Многіе не умѣютъ книгъ читать.... и учащихъ ненавидятъ». «Не всѣ глаголеміи епископы суть: словомъ убо мнози епископы, нравомъ же мали, образомъ ученицы Христовы, нравомъ же предатели, словомъ благочестиви, дѣломъ же нечестиви, словомъ кротци, нравомъ же лукавіи, именованіемъ святители, дѣлесы же язычницы». Прибавимъ къ этому страшныя моровыя повѣтрія, голодъ, неправосудіе, нелюбовь къ Москвѣ, которая уничтожала старыя вольности, и солидарность духовенства съ московскою политикою, которая, гораздо прежде западныхъ публицистовъ проповѣдывала: «Богъ въ законѣ говоритъ: дамъ вамъ князя по сердцу вашему. Нѣкоторые изъ царей или князей поставляются достойными такой чести отъ Бога, а недостойные поставляются за недостойныхъ людей, по злобѣ ихъ, по божію попущенію и хотѣнію. Итакъ, когда видишь недостойнаго, злаго царя или князя, или епископа, не дивися, не порицай божьяго промысла, но научися и вѣруй,

что по беззаконію нашему такимъ мучителямъ предаешься». Такая мораль не могла, однако, примирить народъ съ крутыми мѣрами правительства, и онъ охотнѣе довѣрялъ апокрифическимъ сказаніямъ о неправомъ государевомъ управленіи, объ его желаніи управлять одному безъ совѣта выборныхъ отъ каждой области, уѣзда и города: «правда взлетѣла на небо, и кривда начала ходить по землѣ». Религіозное движеніе, помимо всего другого, имѣло связь съ соціальной почвой, и надо предполагать, что въ ученіи жидовствующихъ была сильная нравственная, свободная струя. Но воображать, что ересь угрожала опасностью самому христіанству — нѣтъ никакого основанія, и едвали кто изъ нашихъ изслѣдователей найдетъ основаніе серьезно утверждать такое шаткое положеніе. Правда, движеніе было сильно, если принять на вѣру слова Іосифа Волоцкаго: «съ тѣхъ поръ, какъ возсіяло солнце православія въ землѣ нашей, у насъ никогда не было такой ереси. Нынѣ и въ домахъ, и на дорогахъ, и на рынкахъ, всѣ — иноки и міряне — съ сомнѣніемъ разсуждаютъ о вѣрѣ». И споры касались самыхъ существенныхъ догматовъ и установленій христіанскихъ: отрицается божественность Христа, поклоненіе иконамъ, таинства, посты, монашество. Но очень естественно, что это не голое отрицаніе: люди спорятъ, высказываютъ свои мнѣнія, болѣе или менѣе выработанныя, спорятъ для того, чтобы доискаться истины, и крайніе результаты принимаются, конечно, либо слишкомъ смѣлыми, либо слишкомъ легковѣрными. Остальные мирились на серединѣ, или ограничивались отрицаніемъ несущественныхъ обрядностей, порицали продажность іерархическихъ должностей и т. п. Вырвать христіанство было невозможно, но пробудившійся духъ критицизма, еслибъ онъ не былъ насильственно остановленъ, а направленъ какимъ-нибудь сильнымъ и образованнымъ человѣкомъ въ духѣ реформы, могъ бы выработать русскую, національную церковь, которая, быть можетъ, не имѣла бы впереди десятимилліоннаго сонмища раскольниковъ. Соборы смотрѣли на всѣ послѣдующія ереси, какъ на развитіе того же жидовства; нравственной стороны ереси мы не видимъ, потому что соборы исключительно занимались одною догматическою стороною, а насколько высказывалась нравственная сторона самими еретиками, мы также достовѣрно знать не можемъ, потому что въ тотъ вѣкъ не существовало искусства стенографіи, и соборныя пренія и допросы могли быть записаны такъ или иначе. Что постановленія соборовъ и допросы не отличались полнымъ безпристрастіемъ, это видно, напр., въ дѣлѣ Вассіана Косого и Максима Грека, которые жестоко были наказаны не за еретичество, котораго не было, а главнымъ образомъ за то, что не оставляли своей идеи о неприличіи монастырямъ владѣть имѣніями, и за то, что не умѣли понравиться митрополиту Даніилу и нѣкоторымъ другимъ власть имущимъ. Уже одна эта идея, родившаяся въ

сѣверныхъ скитахъ, у такъ-называемыхъ заволжскихъ старцевъ, представителями которыхъ являются Нилъ Сорскій, Вассіанъ Косой, а впослѣдствіи и Максимъ Грекъ, говоритъ въ пользу умственнаго движенія, впервые высказавшагося въ періодъ ереси жидовствующихъ. Они же, эти заволжскіе старцы, высказывались противъ казней раскаявшихся еретиковъ и вели по этому поводу съ представителемъ противоположнаго направленія, Іосифомъ Волоцкимъ, горячую полемику, въ которой не щадятъ этого строгаго аскета, напоминающаго своей нетерпимостью французскихъ монаховъ, писавшихъ противъ альбигойцевъ. Независимо отъ тѣхъ убѣжденій, они не останавливались ни передъ хулами [1]), ни передъ ироніей, и иногда иронія эта была ядовита. Іосифъ, вообще любившій приводить ветхозавѣтные примѣры въ подтвержденіе необходимости казнить еретиковъ, сослался на Льва Катанскаго, въ первые вѣка христіанской церкви сжегшаго своей епитрахилью еретика Ліодора.

— А ты, господинъ Іосифъ, отвѣчали ему заволжскіе старцы, отчего не испробуешь своей святости? Ты бы связалъ архимандрита Кассіана (одного изъ жидовствующихъ) своей мантіей и подержалъ бы его въ пламени, пока онъ бы сгорѣлъ, а мы бы пріяли тебя, какъ одного изъ трехъ отроковъ, вышедшаго изъ пламени.

У Іосифа были другія средства для противодѣйствія ереси: онъ настойчиво убѣждалъ великаго князя, что еретиковъ казнить не грѣхъ и что Богъ за это проститъ ему даже прежніе грѣхи. Иванъ III уступилъ: однихъ сожгли, а многихъ другихъ отправили въ заточеніе и по монастырямъ. Понятно, что ереси продолжали существовать, ибо такими мѣрами убѣжденія не искореняются, а на запросы, безпокоившіе духовныхъ дѣтей, отцы духовные отвѣчали подобно старцу Филофею: «Я эллинскихъ и риторскихъ астрономій не читалъ, ни съ мудрыми философами въ бесѣдѣ не бывалъ, учуся буквамъ благодатнаго закона, дабы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣховъ» (Прав. Соб. 1861). Отъ этого жалкаго смиренія умамъ безпокойнымъ было не легче; но хорошо еще если дѣло ограничивалось смиреніемъ; иногда же сомнѣвающійся, рискнувшій откровенно высказаться передъ отцомъ духовнымъ, попадалъ въ еретики. Такъ было съ Башкинымъ при Иванѣ Грозномъ. Это былъ человѣкъ книжный и богатый. Явившись на исповѣдь къ придворному священнику, Симеону, онъ сказалъ ему:

— Ваше дѣло великое; *больше сего слова никто же имать*, какъ

---

[1]) Само собою разумѣется, что Іосифъ не отличался умѣренностью рѣчи, и митрополита Зосима, котораго онъ подозрѣвалъ въ ереси, называлъ Іудою предателемъ, предтечею антихриста, первенцемъ сатаны, злодѣемъ, какого не бывало даже между вѣроотступниками.

написано, *да кто душу свою положитъ за други своя*; а вы полагаете за насъ души свои, и бдите о душахъ нашихъ.

Въ другой разъ Башкинъ пріѣзжалъ къ Симеону, читалъ бесѣды евангельскія и говорилъ:

— Ради Бога, пользуй меня духовно; надобно не только читать написанныя въ бесѣдахъ тѣхъ, а и совершать на дѣлѣ. А все начало отъ васъ: прежде вамъ, священникамъ, слѣдуетъ показать начало собою и насъ научить; да тутъ же въ евангеліи и написано: *научитесь яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*. А кому нужно быть кроткимъ и смиреннымъ? То все на васъ лежитъ; прежде вамъ должно творить, да и насъ учить.

Черезъ нѣсколько времени Башкинъ призвалъ къ себѣ Симеона и говорилъ ему:

— Въ Апостолѣ написано, что весь законъ заключается въ словахъ: *возлюби искренняго своего, яко самъ себе*; а мы христовыхъ же рабовъ у себя держимъ. Христосъ называетъ всѣхъ братіею, а у насъ на иныхъ кабалы нарядныя (фальшивыя), на иныхъ—полныя, а иныя бѣлыя держатъ. Я благодарю Бога моего: какія были у меня кабалы полныя—всѣ изодралъ и держу у себя людей добровольно: кому хорошо у меня, тотъ живетъ, а кому не хорошо, идетъ себѣ, куда хочетъ. А вамъ, отцамъ, надобно посѣщать насъ почаще и наставлять, какъ самимъ намъ жить и какъ людей у себя держать и не томить ихъ.

«Всѣ эти рѣчи Башкина—замѣчаетъ преосвященный Макарій—были, очевидно, очень хороши, и не заключали въ себѣ ничего предосудительнаго». Если были очень хороши, то о предосудительности едва ли надлежало упоминать, такъ какъ предосудительное не можетъ быть очень хорошимъ, и наоборотъ. Но дѣло не въ томъ, а въ выводахъ, къ какимъ пришелъ почтенный авторъ, разсказывая о Башкинѣ. Попу Симеону показались рѣчи Башкина «недоумѣнными» и онъ сказалъ ему: «я самъ того не знаю, о чемъ ты спрашиваешь».—«Такъ спроси у Сильвестра; онъ тебѣ скажетъ, а ты пользуй мою душу». Симеонъ сказалъ Сильвестру, Сильвестръ царю Ивану Грозному; царь, отправляясь изъ Москвы, приказалъ посадить Башкина у себя въ подклѣть и поручить его двумъ іосифовскимъ старцамъ, т.-е. монахамъ изъ Волоколамскаго монастыря Іосифа Волоцкаго, гдѣ традиціи основателя продолжали процвѣтать. Башкинъ не сознавался въ ереси и исповѣдовалъ себя христіаниномъ; «но, говоритъ преосвященный Макарій, скоро былъ настигнутъ гнѣвомъ божіимъ и началъ, какъ свидѣтельствуютъ современники, бѣсноваться и, извѣсивъ свой языкъ, долгое время кричалъ разными голосами и говорилъ «непотребная и нестройная». Потомъ онъ пришелъ въ разумъ и слышалъ будто бы голосъ: «нынѣ ты исповѣдуешь меня Богородицею, а враговъ моихъ, своихъ единомышленниковъ таишь». Устрашенный этимъ голосомъ,

Башкинъ началъ каяться предъ своимъ отцомъ духовнымъ. Извѣстилъ митрополита, и, по его приказанію, Башкинъ «своею рукою исписа и свое еретичество и свои единомышленники о всемъ подлинно».

Мы не знаемъ, долго ли держали Башкина въ подклѣти царской, каково было ему, человѣку богатому и честному, неожиданно попасть въ это помѣщеніе за то, что онъ такъ довѣрчиво открылся своему духовнику и ждалъ духовной помощи отъ сильнаго любовью царя попа Сильвестра; не знаемъ также, какъ увѣщевали его строгіе іосифовскіе старцы. Но есть всѣ основанія думать, что положеніе его было невыносимо, если онъ началъ бѣсноваться, извѣсилъ языкъ, говорилъ нестройныя рѣчи и слышалъ голосъ Богородицы. Очевидно, онъ впалъ въ сумасшествіе, именно въ тотъ родъ его, который въ клиникахъ душевныхъ болѣзней извѣстенъ подъ именемъ mania religiosa. Современное сказаніе, которое повторяетъ преосвященный Макарій, напротивъ, свидѣтельствуетъ, что Башкинъ именно тогда и пришелъ въ разумъ, когда услышалъ голосъ Богородицы, то-есть, у него сильный припадокъ сумасшествія прошелъ, но несчастный оставался тѣмъ не менѣе съ поврежденнымъ разумомъ. Въ этомъ-то состояніи онъ и написалъ свое показаніе, которое не дошло до насъ, но сущность его, быть можетъ произвольно выбранная въ ряду «нескладныхъ» рѣчей, когда помѣшанный могъ и Бога хулить, дошла до насъ въ грамотѣ тогдашняго митрополита Макарія и въ письмѣ Ивана IV къ Максиму Греку, котораго онъ приглашалъ на имѣющійся открыться соборъ для разбора ереси Башкина и его единомышленниковъ. Злополучный Максимъ, десятки лѣтъ высидѣвшій въ заточеніи, безъ книги, лишенный даже причастія, за то, что, по незнанію русскаго языка, допустилъ нѣкоторыя ошибки въ переведенныхъ имъ книгахъ, благоразумно отказался отъ предложенной ему чести, не безъ основанія предполагая, что, пожалуй, изъ судей его обратятъ на соборѣ въ обвиненнаго.

Показанія Башкина, по свидѣтельству митрополита Макарія и Ивана IV, состояли въ томъ, что онъ будто бы исповѣдовалъ Христа не равнымъ Богу Отцу, считалъ хлѣбъ и вино въ евхаристіи не за тѣло и кровь Христа, а за хлѣбъ и вино, выражался объ исповѣди такъ: «какъ перестанетъ человѣкъ грѣшить, хотя бы и не каялся передъ священникомъ, ему нѣтъ болѣе грѣха»; церковью считалъ собраніе вѣрныхъ, а не вещественные храмы; отрицалъ поклоненіе иконамъ, называлъ преданія и житія святыхъ баснословіемъ и упрекалъ вселенскіе соборы въ гордости. Изложивъ это ученіе, преосв. Макарій, совершенно неожиданно для насъ, говоритъ: «Можно сказать, какъ сходно это лжеученіе съ бывшимъ лжеученіемъ жидовствующихъ!» Намъ кажется, напротивъ, что это лжеученіе, особенно если сравнить то, что̀ Башкинъ говорилъ въ здравомъ разсудкѣ, далеко не подобно ученію жидовствую-

щихъ, какъ излагалъ его Іосифъ Волоцкой. Впрочемъ, г. Костомаровъ сдѣлалъ превосходный критическій анализъ ереси Башкина въ томъ видѣ, въ какомъ вошла она въ упомянутое письмо Грознаго, точно также, какъ и соборнаго опредѣленія надъ Артеміемъ, котораго Башкинъ оговорилъ (Ист. Мон. и изслѣд. ч. I, «Религіозные вольнодумцы XVI вѣка»). Намъ кажется, что причина, почему, безъ достаточнаго основанія [1]), преосв. Макарій принимаетъ показаніе Башкина и считаетъ его ересь жидовствующею, заключается въ томъ, что на соборъ приносили книгу Іосифа Волоцкаго—«Просвѣтителя», стало быть соборъ считалъ это лжеученіе жидовствующимъ, а для ученаго автора «Исторіи Русской церкви» соборныя опредѣленія составляютъ какъ бы документы неопровержимые. Мы думаемъ, что соборныя опредѣленія также подлежатъ критикѣ, какъ и разныя сказанія, невѣдомо кѣмъ и подъ чьимъ вліяніемъ составленныя, и отъ историка русской церкви, живущаго въ XIX столѣтіи, можно было бы ожидать, что онъ съ евангельскою любовью и снисходительностью отнесется къ заблуждавшимся дѣтямъ православія, которыхъ современники, при господствѣ другихъ понятій, карали слишкомъ строго. Въ указанной выше статьѣ г. Костомарова необыкновенно ясно доказана невиновность Артемія, находившагося въ дружескихъ связяхъ съ просвѣтителемъ лопарей, Ѳеодоритомъ, старцемъ столь безукоризненной жизни и столь строго относившимся къ монашескимъ обѣтамъ, что онъ удалилъ изъ своего монастыря всѣхъ животныхъ женскаго пола, чтобъ не вводить братію въ соблазнъ. (Онъ также былъ осужденъ соборомъ единственно за то, что показывалъ въ пользу Артемія). Самъ преосвящ. Макарій сознается, что «Артемій не былъ еретикомъ» и, однако, считаетъ своимъ долгомъ одобрить соборное постановленіе, которымъ Артемій ссылался въ уединенную келью Соловецкой обители и былъ лишенъ тамъ всякой возможности не только лично сноситься съ кѣмъ-нибудь, но даже съ кѣмъ бы то ни было переписываться, не исключая монаховъ. «Артемій не былъ еретикомъ», говоритъ почтенный авторъ, «но онъ любилъ вообще повольничать о священныхъ предметахъ вѣры, и хотѣлъ казаться, какъ нынѣ выражаются, либераломъ и на словахъ и въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ; что этимъ своимъ вольничаньемъ, еслибы оно ограничивалось даже тѣмъ немногимъ, въ чемъ онъ сознался, онъ не могъ не оказывать вреднаго вліянія на православныхъ, особенно людей простыхъ, и что потому Артемій осужденъ отнюдь не неповинно, а ссылка его въ Соловецкій монастырь была мѣрою благоразумною, если не необходимою» (стр. 261). Можно подумать, что почтенный авторъ относится также строго къ «вольномыслію», т.-е. ко всему тому, что запрещено канонами и отеческими преданіями, какъ отно-

---

[1]) Соборнаго опредѣленія о Башкинѣ не дошло до насъ.

сились къ этому въ XV—XVI вѣкахъ. О Вассіанѣ Косомъ (Патрикѣевѣ), одномъ изъ самыхъ горячихъ противниковъ Іосифа Волоцкаго, онъ говоритъ: «Онъ былъ дерзкій вольнодумецъ и упорный противникъ православной церкви (?), былъ даже еретикъ (?), *по крайней мѣрѣ*, держался нѣкоторыхъ еретическихъ мнѣній и, *очень вѣроятно*, не былъ чуждъ ереси жидовствующихъ». Эти «по крайней мѣрѣ» и «очень вѣроятно» достаточно показываютъ, что самъ авторъ не убѣжденъ вполнѣ въ ереси Вассіана и, однако, вѣсы своего приговора, склоняетъ въ пользу осужденія. Вмѣстѣ съ соборомъ онъ заподозрѣваетъ отчасти въ ереси и Максима Грека и произноситъ о немъ такой приговоръ: «Всякъ согласится, что судить о Максимѣ на основаніи только его собственныхъ свидѣтельствъ о себѣ и отзывовъ о немъ его друзей было бы несправедливо; что нужно принимать во вниманіе и отзывы о немъ его недоброжелателей, особенно дѣянія бывшихъ на него соборовъ, которые нельзя считать вымышленными или намѣренно искаженными. А если такъ: то мы не можемъ признать за истину, будто Максимъ пострадалъ у насъ совершенно невинно, или будто онъ перенесъ свои многолѣтнія страданія безропотно, чисто по-христіански, съ полною покорностію волѣ Божіей».

Къ сожалѣнію, эту мѣрку для оцѣнки историческихъ лицъ преосвященный Макарій прилагаетъ не ко всѣмъ. Такъ, говоря о митрополитѣ Даніилѣ, характеръ котораго строго судилъ Карамзинъ и Филаретъ, и съ точки зрѣнія государственной пользы защищалъ г. Бѣляевъ, преосвященный Макарій почти не принимаетъ въ соображеніе неблагопріятныхъ отзывовъ, какъ онъ выражается, «либераловъ того времени». Самый способъ защиты избралъ почтенный авторъ довольно оригинальный: «Взысканный милостію государя и пользуясь его неизмѣннымъ благоволеніемъ, митрополитъ Даніилъ, естественно, долженъ былъ платить государю взаимною совершенною преданностію и старался во всемъ угождать ему, хотя иногда, быть можетъ, и болѣе надлежащаго». При такомъ гибкомъ характерѣ митрополитъ Даніилъ ужился бы во время опричнины и, конечно, былъ бы «взысканъ милостію» Грознаго. Что касается нравственныхъ идеаловъ, насколько они видны были изъ сочиненій Даніила, то они отличаются крайнею узкостью.

Сдѣлаемъ еще замѣчаніе относительно другой защиты, которую принимаетъ на себя преосвященный, это—защита правилъ Стоглаваго собора противъ тѣхъ писателей, которые совершенно основательно говорятъ, что эти правила были старыя, что ими соборъ хотѣлъ поворотить русскую церковь назадъ, тогда какъ жизнь рвалась впередъ, требовала обновленія. «Старыми», отвѣчаетъ почтенный историкъ церкви, «можно назвать мѣры, указанныя Стоглавымъ соборомъ, развѣ въ томъ смыслѣ, что онѣ были заимствованы, большею частію, изъ

древнихъ постановленій церкви, изъ правилъ св. апостоловъ, св. соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, и св. отцовъ. Но эти-то, а не другія, мѣры и требовались для искорененія зла, у насъ существовавшаго, которое именно и состояло въ нарушеніи означенныхъ древнихъ постановленій и правилъ, въ забвеніи ихъ, въ пренебреженіи ими; эти-то мѣры, испытанныя вѣками, и могли обновить русскую церковь, освободить ее отъ тѣхъ недостатковъ и безпорядковъ, какіе въ ней существовали, и могли подвинуть ее впередъ изъ худшаго состоянія въ лучшее и совершеннѣйшее». Очевидно, тутъ между историками народа, стоящими на почвѣ жизненныхъ требованій, и историками церкви, опирающимися на каноны, не можетъ никогда произойти согласія. Однакожъ, преосвященный Макарій признаетъ, что «главными началами для русскаго раскола» сдѣлались именно нѣкоторыя правила собора, огражденныя имъ анаѳемою.

Здѣсь будетъ у мѣста сказать, что русскій расколъ есть выводъ, результатъ церковной и соціальной жизни народа въ XV и XVI вѣкахъ, онъ есть въ значительной степени слѣдствіе того направленія, которое особенно ярко выражено «іосифлянами», этою первою нашею монашеско-полицейскою или, вѣрнѣе, монашеско-бюрократической партіей, основанною знаменитымъ Іосифомъ Волоцкимъ. Разсадникомъ ея, ея университетомъ и академіей, сдѣлался Волоколамскій монастырь, изъ котораго выходили дѣятели для высшихъ іерархическихъ степеней. Наукъ тамъ не преподавалось, но тамъ умѣли соединить житейскую мудрость съ фетишизмомъ передъ буквою и преданіями, искательство съ постничествомъ и подвижническими трудами, проповѣдь о рабствѣ съ желаніемъ помочь народу въ его матеріальныхъ нуждахъ. Основатель этой партіи умѣлъ примирить христіанскія добродѣтели съ угодничествомъ и объяснить, что «прехищренія и коварство», употребляемыя для достиженія извѣстныхъ цѣлей,—не пороки, а заслуга передъ Богомъ. Въ своемъ «Просвѣтителѣ» онъ доказываетъ эту іезуитскую мораль на нѣсколькихъ страницахъ примѣрами св. писанія, гдѣ самъ Богъ будто употреблялъ прехищренія и коварство, вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать одною своею всемогущею волею. Такъ, онъ перехитрилъ діавола чрезъ воплощеніе, перехитрилъ Фараона, Саула, «прехищреніемъ», съ помощью Юдифи, погубилъ Олоферна, и проч. Такая мораль была весьма спасительна въ тотъ вѣкъ, когда, для объединенія Руси, приходилось очень часто прибѣгать къ прехищреніямъ и коварствамъ. Несомнѣнныя и важныя заслуги іосифлянъ заключаются именно въ помощи князьямъ въ дѣлѣ объединенія. Но и въ дѣла церковныя они вносили тоже направленіе. Мы видимъ въ кельяхъ заволжскихъ иноковъ, этихъ «тогдашнихъ либераловъ», іосифлянъ въ качествѣ смиренныхъ старцевъ, которые приходили затѣмъ, чтобъ поразвѣдать въ откровенной бесѣдѣ, нѣтъ ли «вольномыслія», и потомъ неожиданно

являлись обличителями на соборахъ противъ тѣхъ, съ кѣмъ вели душеспасительныя бесѣды, и такъ какъ искусство стенографіи въ то время было неизвѣстно, то не можемъ сказать, насколько они лжесвидѣтельствовали; мы видимъ ихъ въ качествѣ приставниковъ къ заключеннымъ еретикамъ и въ качествѣ непреклонныхъ гонителей всего того, что отступало отъ буквы, всѣхъ тѣхъ, кто осмѣливался разсуждать о предметахъ религіозныхъ съ цѣлью доискаться истины. Мы видимъ іосифлянина же и притомъ племянника Іосифа Волоцкаго, Вассіана Топоркова, который даетъ царю Ивану Грозному мудрый совѣтъ: «Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника умнѣе себя, потому что ты самъ лучше всѣхъ; тогда будешь твердъ на царствѣ, и все будешь имѣть въ своихъ рукахъ. А если станешь держать близъ себя совѣтниковъ, которые умнѣе тебя, то по неволѣ долженъ будешь ихъ слушаться». Іосифляне подавили «тогдашнихъ либераловъ» и эта заслуга сказалась расколомъ, который выражалъ ихъ же мнѣніе, когда говорилъ, что православному слѣдуетъ «умирать за едину букву азъ». Это было только крайнее развитіе идей, которыя не допускали никакого отступленія отъ церковныхъ преданій, хотя бы жизнь требовала обновленія. «Тогдашніе либералы» и «вольнодумцы», нечно, не допустили бы на Стоглавомъ соборѣ тѣхъ правилъ, которыя, по словамъ преосвященнаго Макарія, «сдѣлались главными началами для русскаго раскола»; подвергнутый многолѣтнему заключенію, Максимъ Грекъ принесъ бы на свободѣ церкви своею дѣятельностью гораздо больше пользы, чѣмъ тѣ, которые способствовали его заточенію. Духъ нетерпимости, внесенный іосифлянами и ими возведенный въ систему, поборовшій духъ критики, рождавшійся въ обществѣ, перешелъ потомъ и на расколъ, въ преслѣдованіяхъ котораго сказывались ученики Іосифа Волоцкаго. Результаты этой системы извѣстны, но и самая очевидность не убѣдила еще многихъ въ ея вредѣ, и она продолжаетъ жить въ безправіи раскольниковъ и духовной цензурѣ. Къ счастью, традиціи заволжскихъ старцевъ также жили въ нашей церкви, все болѣе и болѣе подходя къ общечеловѣческому просвѣтительному движенію, которое примиряетъ церковь съ наукою и заставляетъ видѣть въ ближнемъ всякаго человѣка, не нарушая мира его совѣсти и ничего силою ему не навязывая. Все, что есть духъ, можетъ процвѣтать только на свободѣ; совершенствованіе религіознаго духа, проникновеніе въ массы истинной религіозности, основанныхъ на великихъ началахъ Евангелія, можетъ совершиться только свободно же. Америка — самая свободная страна въ мірѣ, Америка же — самая религіозная страна въ мірѣ.

По поводу двухъ новыхъ романовъ Джузеппе Гарибальди.

Cantoni il volontario, romanzo storico. Milano. E. Politti editore 1870.
Clelia. Il governo del monaco (Roma nel secolo XIX), romanzo storico politico. Milano. Fratelli Rechiedei editore. 1870.

Романы генерала Гарибальди, подобно его героическимъ побѣдамъ, слѣдовали у насъ одинъ за другимъ съ неимовѣрной быстротой. Между тѣмъ какъ его *Клелія* почти въ одинъ и тотъ же день выходила въ свѣтъ въ различныхъ городахъ Европы, — въ Миланѣ, хотя и съ меньшимъ шумомъ и торжественностью, появлялось другое его произведеніе подъ заглавіемъ: *Волонтеръ Кантони*. Авторъ такимъ образомъ серьезно намѣренъ привести въ исполненіе данное имъ обѣщаніе друзьямъ—напечатать цѣлый рядъ историческихъ романовъ. Слава Гарибальди такъ велика, что будь произведенія его пера дѣйствительно замѣчательны, они не прибавили бы ей ни одного новаго луча въ сіяніи, которымъ окружено имя освободителя обѣихъ Сицилій; но за то будемъ утѣшаться, что и слабость ихъ не умалитъ заслугъ героя предъ его отечествомъ, извѣстныхъ всему міру. Благодаря этимъ заслугамъ, и подъ вліяніемъ ихъ обаянія, литературная дѣятельность Гарибальди возбудила всеобщее вниманіе и новые его романы тысячами разошлись по Италіи.

Трудно, конечно, отдѣлить въ Гарибальди литератора отъ историческаго героя, и при оцѣнкѣ дѣятельности его пера совсѣмъ забыть дѣятельность его меча; но при всемъ томъ нельзя не назвать его романовъ ошибкою въ томъ смыслѣ, что Гарибальди дѣйствительно могъ оказать громадную литературную услугу, болѣе однородную съ его историческими подвигами, если бы онъ, вмѣсто романовъ, подарилъ европейской публикѣ описаніе своей жизни.

Гарибальди въ полномъ смыслѣ слова герой нашего вѣка, и подвиги его носятъ на себѣ чисто эпическій характеръ. Разсказанные имъ самимъ съ простотой и наивностью, съ какими отцы повѣствуютъ дѣтямъ о событіяхъ своей бурной, исполненной трудовъ и опасностей молодости, эти подвиги составили бы нѣчто въ родѣ цѣлаго ряда новыхъ, не менѣе средневѣковыхъ чудесныхъ легендъ *о красной рубашкѣ*. Но чтобы написать подобную книгу, съ такимъ же всемірнымъ значеніемъ, какое имѣютъ его подвиги, необходимо стать выше «злобы дня», забыть всякую личную вражду и дѣйствительно отдаться тому безмятежному, и вмѣстѣ величественному, спокойствію, какимъ могъ быть окруженъ Гарибальди.

Отъ великаго поэта, вызвавшаго на сценѣ страшные образы Калибана и Яго, до Байрона, отъ Байрона до В. Гюго и отъ В. Гюго

до Гверацци замѣтенъ постоянный упадокъ драматическаго искуства въ европейской литературѣ. Чѣмъ болѣе поэтъ удаляется отъ простоты и естественности, тѣмъ напыщеннѣе становится его языкъ, тѣмъ ярче и пестрѣе употребляемыя имъ краски. Дѣйствующія лица у Шекспира говорятъ, у Байрона мечтаютъ, у В. Гюго декламируютъ, а у Гверацци только проклинаютъ. Послѣднему роду всего легче подражать, и потому Гверацци имѣетъ между итальянскою молодежью наибольшее число послѣдователей. Начиная съ 1848 г., наша литература постоянно наводнялась множествомъ романовъ, драмъ, лирическихъ стихотвореній, политическихъ и соціальныхъ статей, авторы которыхъ неизмѣнно шли по стопамъ автора *Осады Флоренціи*. Гарибальди въ своихъ романахъ избралъ тотъ же пріемъ, который отъ частаго повторенія порядочно наскучилъ нашей публикѣ, и утратилъ всю прелесть новизны. Щадя однихъ своихъ волонтеровъ, Гарибальди безпощадно нападаетъ въ своихъ романахъ на всѣхъ и на все.

Итальянское правительство въ его глазахъ не заслуживаетъ ничего кромѣ презрѣнія: онъ упрекаетъ его въ лицемѣріи и испорченности. На каждомъ шагу Гарибальди оскорбляетъ итальянскую армію, говоря, что она принесла въ жертву матеріальнымъ выгодамъ *всякое честное чувство*. Евреевъ онъ называетъ не иначе какъ *бродягами* и *ростовщиками*, а новѣйшую цивилизацію *бездной разврата*. Онъ жалуется на то, что народныя неудовольствія въ Италіи часто разрѣшаются безъ пролитія крови и произноситъ строгій приговоръ надъ мадзинистами, всѣми безъ исключенія *зараженными самонадѣянностью самого Мадзини, который, не умѣя управлять, тѣмъ не менѣе не терпитъ совѣтовъ и не хочетъ подчиняться другимъ*. Но главный предметъ его нападокъ, и уже болѣе справедливыхъ, составляетъ духовенство, но онъ безусловно in corpore клеймитъ его самыми позорными наименованіями. Онъ поочереди сравниваетъ католическаго священника съ вампиромъ, волкомъ, крокодиломъ, ехидной, гееной, нечистымъ насѣкомымъ,—называетъ его чумой, язвой, убійцей, врагомъ Италіи и человѣческаго рода, оплотомъ тиранніи, служителемъ діавола, исчадіемъ ада и т. д. и т. д. Почти половина всего романа *Волонтеръ Кантони* написана въ этомъ тонѣ. Пороки и недостатки католическаго духовенства слишкомъ извѣстны, но къ уврачеванію ихъ такой литературный пріемъ не окажетъ никакого дѣйствія, тѣмъ болѣе, что трудно соединить подобный пріемъ съ величіемъ души Гарибальди, какъ оно невольно представляется каждому.

Кромѣ гарибальдійцевъ, избѣгли нападокъ автора еще женщины; такъ, напр., онъ между прочимъ говоритъ: «мужчины въ своей самонадѣянности выдумали, изображая Бога, придавать ему собственныя черты и формы. А между тѣмъ, еслибъ Всемогущій имѣлъ осязательный образъ, онъ непремѣнно походилъ бы на женщину. Когда бы

вмѣсто существа, представляющаго безобразное смѣшеніе обоихъ половъ, во главѣ нашего правленія стояла женщина, она конечно не довела бы насъ до такого униженія. Иноземецъ все еще можетъ быть попиралъ бы насъ ногами, но по крайней мѣрѣ женщина-правительница не была его сообщницей и не измѣняла бы собственнымъ гражданамъ».

Вообще весь романъ *Кантони* отличается рѣзкимъ, нетерпимымъ тономъ, который съ трудомъ смягчается дѣйствительно теплыми симпатичными страницами, которыя посвящаетъ авторъ одному изъ сподвижниковъ. Герой, именемъ котораго онъ назвалъ свой романъ, спасъ ему жизнь при Велетри, и Гарибальди задумалъ обезсмертить его — мысль великодушная, но надобно сознаться, слабо выполненная. Кантони, спасши жизнь генералу, рѣшительно ничего болѣе не совершаетъ, чтобы хоть сколько-нибудь оправдывало его званіе героя романа. Впрочемъ, романа въ строгомъ смыслѣ слова здѣсь и вовсе нѣтъ. На первомъ планѣ стоятъ нападенія автора на деспотизмъ итальянскаго правительства, которое, впрочемъ, можетъ приводить въ свое оправданіе тотъ фактъ, что романъ тѣмъ не менѣе свободно продается и читается въ Италіи.

Почти все сказанное о *Волонтерѣ Кантони* можетъ быть отнесено и къ другому историко-политическому роману Гарибальди, съ тремя титулами. Онъ называется: *Клелія*, или *Правительство монаха* или *Римъ въ XIX столѣтіи*, и отличается отъ *Кантони* только болѣе интересной завязкой и болѣе тщательной отдѣлкой. Въ немъ тѣже тенденціи, тѣже взгляды, но обращенные уже не къ одной итальянской, а и къ иностранной публикѣ; авторъ становится сдержаннѣе въ своихъ выраженіяхъ, болѣе заботится о внѣшней формѣ романа, и въ тоже время старается придать болѣе полноты и округленности его содержанію. Можно безъ преувеличенія сказать, что нѣкоторыя страницы его книги не лишены ни интереса, ни художественности. Но за то, съ другой стороны, проповѣдуемыя авторомъ нравственныя начала въ этомъ романѣ, какъ и въ предыдущемъ, нерѣдко поражаютъ своей парадоксальностью и грѣшатъ не мало противъ самаго обыкновеннаго здраваго смысла. Его собственные вкусы и убѣжденія подъ часъ оказываются весьма несостоятельными. Привожу для примѣра слѣдующее странное признаніе: «Я чувствую», говоритъ Гарибальди, «большую симпатію къ разбойникамъ. Конечно, она у меня не простирается на тѣхъ изъ нихъ, которые, подобно кровожадной гіенѣ, прежде чѣмъ убить свою жертву, мучатъ ее,—для которыхъ жечь, разорять и грабить есть потребность дикаго животнаго инстинкта. Нѣтъ! эти послѣдніе возбуждаютъ во мнѣ ужасъ. Но разбойники, ненавидящіе правительства, подобныя тому, во главѣ котораго стоитъ духовенство,—разбойники, ведущіе въ лѣсу жизнь бродячую, но незапятнанную ни грабежемъ, ни убійствомъ

(но какъ могутъ разбойники, если они разбойники, жить, не грабя и не убивая,—остается необъясненнымъ)—такіе разбойники обладаютъ всей моей симпатіей. Если же они съ независимостью духа соединяютъ львиную храбрость и мужественно противостоятъ тому, кто хочетъ ихъ покорить, — тогда они заслуживаютъ не только симпатію, но и удивленіе. Признаюсь, въ настоящій моментъ упадка нашей военной славы, я съ гордостью думаю о томъ небольшомъ числѣ итальянцевъ, которые такъ успѣшно борются съ соединенными силами полиціи, карабинеровъ, національной гвардіи и арміи, что тѣ не могутъ, ни побѣдить ихъ, ни укротить [1])».

Но какая надобность воспѣвать разбойниковъ съ тою только цѣлью, чтобы напасть на вопіющія злоупотребленія католическаго духовенства? Гораздо было бы проще сказать, что духовенство дѣйствуетъ иногда хуже разбойниковъ. Впрочемъ, никто конечно не приметъ à la lettre сказаннаго въ романѣ, особенно у насъ, въ Италіи, которая до сихъ поръ носитъ на себѣ слѣды язвъ, оставленныхъ въ ней разбойничествомъ.

Или вотъ еще образчикъ: «Я влюбленъ въ разбойниковъ, и еслибъ былъ женщиной, то вѣроятно не преминулъ бы сдѣлаться разбойницей».

Кромѣ парадоксальности, романы Гарибальди страдаютъ невыдержанностью и сбивчивостью въ понятіяхъ. Авторъ въ своихъ романахъ является поочереди атеистомъ и вѣрующимъ, аристократомъ и плебеемъ; то мы видимъ въ немъ приверженца масонскаго ученія, то съ удивленіемъ замѣчаемъ, что онъ отвергаетъ, какъ ненужную формальность, даже самый гражданскій бракъ и въ замѣнъ произносимыхъ священникомъ словъ предлагаетъ какую-то свою собственную формулу. Онъ провозглашаетъ себя жаркимъ поборникомъ ученія Христа и проповѣдуетъ всеобщій миръ и прощеніе, и немедленно вслѣдъ затѣмъ выражаетъ желаніе, чтобъ весь шаръ земной былъ преданъ огню и мечу.

Въ заключеніе волей-неволей приходится сознаться, что попытки Гарибальди на литературномъ поприщѣ не имѣютъ ничего общаго съ его дѣяніями. Лучше бы онъ, оставаясь глухъ къ дурнымъ совѣтамъ черезъ-чуръ услужливыхъ друзей, вовсе не принимался за перо. Авторъ «Клеліи» и «Кантони» скорѣе можетъ бросить тѣнь на величавый образъ героя, который, свершивъ великіе подвиги, добровольно отказался отъ принадлежавшихъ ему по праву почестей и скромно удалился доканчивать дни свои въ Капрерское уединеніе. Герой, превратясь въ посредственнаго писателя, какъ будто сошелъ съ своего пьедестала, между тѣмъ, какъ вовсе не писаніе романовъ можетъ снова

[1]) «Клелія», стр. 118, 119.

водинмать его величавый образъ, стоящій и безъ того весьма высоко, а простое и честное, какъ онъ самъ, дѣло. D. G.

Флоренція. — 5 марта, 1870 г.

Медико-топографическій Сборникъ. Съ картами, планами, графическими таблицами и рисунками въ текстѣ. Изданіе медицинскаго департамента подъ редакціей д-ра мед. *С. Е. Ловцова.* Спб. 1870. Стр. XIV и 844. Ц. 3 р.

Мысль объ изданіи этого Сборника принадлежитъ директору медицинскаго департамента, Е. В. Пеликану; она возникла вслѣдствіе накопленія большого числа медико-топографическихъ сочиненій, относящихся къ разнымъ мѣстностямъ Россіи и присланныхъ въ редакцію превосходнаго, но, къ сожалѣнію, мало распространеннаго въ публикѣ, журнала, «Архива судебной медицины и общественной гигіены», который издается медицинскимъ же департаментомъ. По объему своему, эти сочиненія не могли быть помѣщены въ самомъ журналѣ, и министръ внутреннихъ дѣлъ, по ходатайству г. Пеликана, испросилъ въ ноябрѣ 1868 г. разрѣшеніе издавать медико-топографическія сочиненія на сумму министерства внутреннихъ дѣлъ, назначенную для «полезныхъ изданій». Въ виду нашего малаго знакомства съ родиной, матеріальнымъ и нравственнымъ состояніемъ народа,—лучшаго употребленія для упомянутой суммы трудно придумать.

Читатели очень ошибутся, если, взглянувъ на заглавіе объемистой книги, подумаютъ, что это нѣчто крайне-сухое, назначенное исключительно для врачей и спеціалистовъ. Медико-топографія есть описаніе извѣстной мѣстности съ санитарно-врачебными цѣлями; съ перваго взгляда, такое опредѣленіе ничего не обѣщаетъ, но, принявъ въ соображеніе взаимодѣйствіе человѣка и природы, зависимость его и его здоровья отъ почвы, жилища, воздуха, пищи, припомнивъ ту общепринятую теперь истину, что болѣзни часто зависятъ отъ самого человѣка, мы придемъ къ заключенію, что медико-топографія обнимаетъ собою обширную и во всѣхъ отношеніяхъ интересную и поучительную область знанія. Задача ея, по словамъ редакціи «Сборника»— «представить картину состоянія природы и человѣческаго общества въ данной мѣстности, показать взаимнодѣйствія между ними, результаты разумнаго (и, конечно, неразумнаго) обращенія человѣка съ природой, ту пользу, которую изъ нея онъ можетъ извлечь, и какъ онъ можетъ предохранить себя отъ губительныхъ ея дѣйствій; съ другой стороны — представить картину общественной жизни, преимущественно тѣхъ ея явленій, которыя служатъ во вредъ самимъ жителямъ, а равно и бытовыхъ условій, измѣняющихъ природу данной мѣстности въ ущербъ ея жителямъ, начертать надлежащія санитарныя мѣры». Та-

кимъ образомъ, удовлетворяя врачебнымъ цѣлямъ, медико-топографія даетъ весьма существенные матеріалы для изученія внутренней жизни государства.

Если министерство внутреннихъ дѣлъ назначитъ хорошее вознагражденіе за подобные труды и дѣятельно станетъ продолжать изданіе ихъ, какъ бы публика ни взглянула на нихъ, то-есть стала бы ихъ раскупать, или нѣтъ, то, съ теченіемъ времени, у насъ составился бы богатый матеріалъ для изображенія современнаго быта Россіи. Извѣстно, что военное министерство, для своихъ цѣлей, задумало широкое предпріятіе въ такомъ же родѣ и издало описанія нѣсколькихъ губерній, составленныя офицерами генеральнаго штаба, которые командировались для этого въ предназначенныя ихъ изслѣдованію губерніи, съ усиленнымъ содержаніемъ; къ сожалѣнію, предпріятіе это остановилось, да оно и не могло идти вполнѣ удовлетворительно, отчасти вслѣдствіе малой подготовки гг. изслѣдователей, отчасти отъ срока, въ который они обязаны были доставить свои описанія, отчасти и отъ такихъ условій, которыя не зависѣли отъ доброй воли военнаго министерства и исполнителей его предначертаній. Врачъ поставленъ гораздо лучше: по самому положенію своему (къ сожалѣнію, матеріальная жизнь его плохо обезпечена) онъ можетъ проникнуть всюду, вездѣ найти полное довѣріе и, не торопясь, глубоко вникая въ окружающую среду, доставить драгоцѣнныя указанія для правильнаго взгляда на условія народной жизни. Доказательство этому мы находимъ и въ первой попыткѣ, которую представилъ медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ названномъ Сборникѣ.

Первое, по порядку, изслѣдованіе относится къ Восточной Сибири и составлено докторомъ медицины Эдуардомъ Шперкомъ. Г. Шперкъ изслѣдовалъ болѣзни въ Охотскомъ и Гижигинскомъ краяхъ, въ Приморской, Амурской и отчасти Якутской областяхъ. Наиболѣе интересный очеркъ касается исторіи распространенія сифилиса въ при-амурской странѣ. Извѣстно, что эта страшная болѣзнь въ сильной степени развита и во внутренней Россіи и требуетъ радикальныхъ мѣръ для своего искорененія; къ сожалѣнію, у насъ самый механизмъ приведенія санитарныхъ мѣръ въ исполненіе еще плохо выработанъ, а о народѣ мы начали заботиться болѣе или менѣе серьезно чуть не со вчерашняго дня. Г. Шперкъ справедливо замѣчаетъ, что существуетъ убѣжденіе, что городъ и крестьянское селеніе безъ сифилитическихъ болѣзней — все равно, что крестьянская семья безъ таракановъ; другими словами: этому явленію не придается особенной важности, хотя на самомъ дѣлѣ оно имѣетъ самое пагубное вліяніе на народонаселеніе. Во всѣхъ отчетахъ эта болѣзнь занимаетъ почетное мѣсто въ ряду болѣзней, преобладающихъ численностію заболѣвающихъ; для примѣра можно указать на отчетъ за 1866 годъ по морскому

вѣдомству, гдѣ на 1,000 человѣкъ больныхъ нижнихъ чиновъ въ портахъ и на судахъ приходится болѣе 73 процентовъ сифилитиковъ, а по вѣдомости о больныхъ, пользованныхъ въ лечебныхъ заведеніяхъ Петербурга, за январь, февраль и мартъ 1865 года, приходится на 10 больныхъ 1 сифилитикъ. Недавняя исторія съ этою болѣзнію въ Полтавской губерніи, гдѣ она получила по истинѣ колоссальное развитіе, еще у всѣхъ въ памяти. На Амурѣ болѣзнь эта существовала, въ незначительныхъ размѣрахъ, еще до русской колонизаціи, у гиляковъ, которые получили ее отъ китайскихъ купцовъ и чиновниковъ, издавна ѣздившихъ большими партіями на низовья Амура для взиманія податей и торговли. Съ 1855 года, то-есть со времени начала колонизаціи казацкой и крестьянской, она получила значительное развитіе. Мы не передаемъ возмутительныхъ фактовъ проституціи въ нѣкоторыхъ приамурскихъ городахъ и отсылаемъ читателя къ самой статьѣ г. Шперка, въ особенности указываемъ къ 75 страницу. Факты эти порождены малочисленностію женскаго населенія, что́ и положило особый отпечатокъ на нравы. Въ Николаевскѣ, напр., гдѣ въ 1866 г. на 4,023 мужчинъ приходилось 822 женщины, проституціей занимаются замужнія женщины, и этотъ постыдный торгъ выгоденъ даже для пожилыхъ 45—50-лѣтнихъ женщинъ. Замѣчательно, что изъ пришлаго на Амуръ населенія самый строгій и серьезный взглядъ на женщину принадлежитъ крестьянамъ, хотя двухгодичное путешествіе съ родины къ мѣсту переселенія, со всѣми дорожными случайностями и зимовками близъ большихъ губернскихъ городовъ, неосталось безъ вліянія какъ на мужчинъ, такъ и на женщинъ. За то казаки отличаются въ этомъ отношеніи большимъ индиферентизмомъ. По общему мнѣнію, переселеніе изъ забайкальскихъ казачьихъ семей доставило плохой фундаментъ для колонизаціи и гражданственности на Амурѣ. Забайкальскій казакъ — смѣсь русскаго выходца съ забайкальскимъ бурятомъ; эта помѣсь сказалась не только въ чертахъ лица, но и въ психической сферѣ: казакъ сдѣлался болѣе звѣропромышленникомъ и пастухомъ, чѣмъ домовитымъ человѣкомъ и хлѣбопашцемъ; картина поселеній ихъ крайне неприглядна: по берегу рѣки тянутся правильнымъ рядкомъ построенные батальонными солдатами деревянные домики; какъ они были построены, такъ и застыли; ни жилой, ни хозяйственной пристройки; только, по настоянію начальства, дома обнесены, на живую руку, изгородью. Хлѣбопашество идетъ такъ плохо, что въ иныхъ станицахъ до сихъ поръ не могутъ прокормить себя хлѣбомъ. Женщины не подготовлены ни къ какой работѣ, свойственной крестьянскому быту; ткать свое полотно — неслыханное дѣло; за то, если позволяютъ средства, казачка ходитъ въ платьѣ и надѣваетъ кринолинъ. Какъ же добываются эти средства? Взглядъ на дѣвушку, вынесенный изъ Забайкалья, ясенъ изъ такого изреченія: «пусть погуляетъ, пока молода», и дѣвушка начинаетъ *гулять* въ силу обычая;

нужда придала этому гулянью еще другое назначеніе. Солдатскія жены въ городахъ составили низшій разрядъ проститутокъ, а казацкія дочери—высшій. Это дѣлается такимъ образомъ. Въ станицахъ, большею частію расположенныхъ по фарватеру Амура, въ навигаціонное время, устраиваются вечеринки, гдѣ присутствуютъ желающіе познакомиться съ дѣвушками; тутъ производится выборъ, и дѣвушка отправляется съ излюбленнымъ, съ которымъ живетъ болѣе или менѣе продолжительное время, потомъ переходитъ къ другому, къ третьему и вѣрна въ сущности никому не остается. Родители не только поощряютъ этотъ развратъ, но и сами «продаютъ» своихъ дочерей, нерѣдко 14—15-тилѣтнихъ, на содержаніе, за извѣстную плату. Эта продажа въ особенности сильно развита въ уссурійскомъ казачьемъ батальонѣ, потому что тамъ нужда сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Скопивъ себѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ достатокъ, казачка или возвращается въ станицу, гдѣ выходитъ замужъ, или находитъ афериста, который женится на ней въ городѣ, разсчитывая на средства, добываемыя ея развратомъ, или переходитъ въ низшій разрядъ проститутокъ—въ кабакъ. Правильно организованной проституціи въ домахъ на Амурѣ нѣтъ, и она совсѣмъ не прививается, поэтому извѣстнымъ болѣзнямъ здѣсь большой просторъ.

Г. Францъ Шперкъ описалъ мало знакомый Верхоленскій округъ, занимающій начало бассейна рѣки Лены. Населенъ округъ рѣдко, такъ что 1 человѣкъ приходится на $1\frac{1}{2}$ кв. версты: въ Европѣ на такомъ же точно пространствѣ живетъ отъ 60—120 душъ. О благосостояніи жителей можно судить по средней продолжительности ихъ жизни, которая равняется только 13 лѣтъ. Г. Францъ Шперкъ по этому поводу замѣчаетъ, что такъ какъ средняя продолжительность жизни въ Европѣ въ текущемъ столѣтіи отъ 25 до 45 лѣтъ, въ средніе же вѣка была она 18 лѣтъ, то, значитъ, жители Верхоленскаго округа живутъ не въ XIX столѣтіи, а въ средніе вѣка. Впрочемъ, выводы свои г. Шперкъ сдѣлалъ только за три года, а потому ихъ нельзя признать вполнѣ правильными. Съ цифрами и выводами изъ нихъ надо обращаться осторожнѣе, а этого качества, повидимому, нѣтъ у г. Шперка. Напр., онъ вычислилъ, неизвѣстно какимъ образомъ, что крестьяне трехъ волостей получаютъ въ годъ своими заработками 348,000 р.; изъ нихъ, податей платятъ 170,346 р. (эту огромную цифру, поглощающую половину крестьянскаго заработка, г. Шперкъ, конечно, могъ узнать точнѣе, чѣмъ предыдущую); въ 1862 г., во времена откуна, продано въ Верхоленскомъ округѣ $22,285\frac{3}{7}$ ведра полугара, по 7 р. за ведро, всего на сумму 156,000 р.; изъ этихъ цифръ г. Шперкъ заключилъ, что пьянство въ округѣ развито чрезвычайно, что на него идетъ столько же, какъ и на подати, и крестьянину нечѣмъ покрыть необходимыхъ потребностей своего быта. Положимъ, что авторъ

имѣлъ нѣкоторое право сдѣлать такой выводъ, но затѣмъ, ужъ безъ всякихъ цифръ, онъ говоритъ, что послѣ упраздненія откупа расходъ крестьянъ на водку, пожалуй, увеличился. Въ такихъ вопросахъ нельзя произносить сужденія «въ наглядку». Г. Шперкъ обращаетъ вниманіе на страшныя злоупотребленія волостныхъ писарей и старшинъ при наймѣ рабочихъ на золотые пріиски и тяжелое положеніе рабочихъ на нихъ; объ этомъ уже много разъ говорилось въ нашей литературѣ, но видно дѣло остается въ прежнемъ положеніи, и г. Шперкъ рисуетъ такую картину при выходѣ рабочихъ изъ олекминскихъ пріисковъ: «Вокругъ кишитъ масса людей оборванныхъ, съ подбитыми глазами, неопрятныхъ, нечесаныхъ, едва держащихся на ногахъ; крикъ и пѣсни не умолкаютъ день и ночь, въ продолженіи двухъ недѣль; ежедневно масса мѣняется въ своемъ составѣ, такъ какъ однихъ полиція гонитъ изъ селенія, а другіе вновь являются изъ пріисковъ. Пропившійся поселенецъ возвращается обратно на пріиски (резиденцію) и проситъ нанять его на работы слѣдующаго года; но такъ какъ на зимнее время оставляютъ на пріискахъ небольшое число рабочихъ, то многимъ и не удается вновь наняться, и вотъ они отправляются въ путь за 2,000 верстъ безъ копѣйки, христорадничая, или занимаясь по деревнямъ воровствомъ. Рѣдкій, очень рѣдкій изъ поселенцевъ возвращается хотя съ небольшими деньгами. Такъ проводятъ почти всѣ поселенцы остатокъ своей жизни въ Сибири, шатаясь ежегодно за 1,000 или 2,000 верстъ на пріиски, пока разстроенное здоровье или подошедшая старость не прекратятъ его странствій по пріискамъ». Между тѣмъ, при лучшей организаціи труда на пріискахъ, при лучшей обстановкѣ ихъ, они могли бы сдѣлаться однимъ изъ источниковъ благосостоянія крестьянъ.

Болѣе отрадную картину положенія рабочаго даетъ намъ докторъ З. Говорливый на Чернолукомъ заводѣ (Пермской губ., Соликамскаго уѣзда), принадлежащемъ Х. А. Лазареву. Заводъ началъ строиться въ 1761 г. и въ первое время имѣлъ всего 331 д. м. п.; по свѣдѣніямъ за 1867 г. на заводѣ считается 2,225 м. и 3,125 ж. Поденная плата рабочимъ, смотря по цѣнамъ, колеблется между 30 и 65 к. въ день, малолѣтки—отъ 10 до 16 к. Въ теченіи 1866 г. рабочимъ выдано 86,000 р., то-есть среднимъ числомъ каждый рабочій, считая въ томъ числѣ стариковъ и малолѣтковъ, заработалъ въ годъ около 80 р. (всѣхъ рабочихъ 1,171 г.). Служащіе при заводѣ и мастеровые, не могущіе работать по старости лѣтъ или вслѣдствіе увѣчій, полученныхъ на заводскихъ работахъ, пользуются пенсіями отъ заводовладѣльца. Въ 1866 г., пенсій выдано 10,431 р. 14 к.; онѣ распредѣлены были между 371 человѣкомъ такимъ образомъ: 7,092 р. 22 к. бывшимъ служителямъ при заводѣ (30 м. и 101 ж.) и 3,338 р. 92 к. мастеровымъ (131 м. и 240 ж.) Кромѣ того, сироты, бѣднѣйшія вдовы, страдающіе неизле-

чимыми болѣзнями—падучею, потерей глазъ и проч., помѣщаются въ два пріюта, причемъ пріютскія дѣти получаютъ образованіе въ заводской школѣ. При заводѣ существуютъ хорошо устроенная больница и двѣ школы, одна 3-хъ-классная, другая одноклассная; въ обѣихъ воспитываются до 150 дѣтей. Первая содержится вполнѣ на счетъ заводовладѣльца, вторая имѣетъ только одного учителя отъ волости, а остальныя потребности удовлетворяются заводовладѣльцемъ. Съ 1868 г. открыто тамъ и женское училище по подпискѣ служащихъ, также не безъ пособія со стороны владѣльца. Въ виду крайней бѣдности нашей литературы на свѣдѣнія подобнаго рода, они любопытны, но для надлежащей оцѣнки ихъ статья г. Говорливаго даетъ очень мало объясненій. Рабочій, по его словамъ, получаетъ 80 р. въ годъ, но плата эта, конечно, распредѣляется чрезвычайно неравномѣрно, такъ какъ есть мастера, получающіе болѣе 700 р. въ годъ; пища мастеровыхъ нисколько не отличается отъ обыкновенной пищи русскаго мужика, и говядина на его столѣ — явленіе рѣдкое; число работающихъ на трудныхъ заводскихъ работахъ малолѣтковъ поразительно велико— 226, тогда какъ взрослыхъ 848, да 97 стариковъ, то-есть малолѣтковъ одна четверть!... Любопытно было бы знать, съ какого возраста дѣти работаютъ на заводѣ и сколько часовъ: такія свѣдѣнія были бы во сто разъ назидательнѣе, чѣмъ подробное объясненіе, сообщаемое вообще скупымъ на слова г. Говорливымъ, о томъ, какъ рабочіе ѣдятъ пельмени изъ свиного сала. Мы не видимъ на заводѣ ни одного изъ тѣхъ экономическихъ учрежденій, которыя обезпечиваютъ рабочаго, болѣе или менѣе независимо отъ щедрости заводовладѣльца, сберегательныхъ кассъ, взаимнаго кредита, и проч. Для надлежащей оцѣнки пожертвованій заводовладѣльца на больницу, школы и пенсіи, у насъ не достаетъ также суммы выручки, получаемой имъ. Впрочемъ, заводовладѣлецъ все-таки кое-что сдѣлалъ для своихъ рабочихъ, тогда какъ сколько у насъ такихъ хозяевъ, на фабрикахъ и заводахъ которыхъ, вмѣсто больницы — кабакъ, вмѣсто школы — трактиръ, вмѣсто пріюта — другой кабакъ, и т. д.

Инспекторъ иркутской врачебной управы, докторъ Н. И. Кашинъ, сообщилъ обстоятельное изслѣдованіе объ эндеміи зоба и кретинизма въ приленской долинѣ и по другимъ мѣстностямъ Иркутской губерніи. Оказывается, что нигдѣ такъ не распространена зобатость, какъ въ Иркутской губерніи, которая представляетъ много мѣстностей, гдѣ зобъ господствуетъ эндемически между населеніемъ въ болѣе или менѣе значительной степени развитія. Самое большое распространеніе зоба замѣчено по рѣкѣ Ленѣ, въ округахъ Верхоленскомъ и преимущественно въ Киренскомъ. Гмелинъ, во время своего путешествія по Сибири, замѣтилъ зобы только по рѣкѣ Киренгѣ, притокѣ Лены; въ 1857 г., 120 лѣтъ спустя послѣ Гмелина, зобы распростра-

нились и заняли пространство на 1,606 верстъ, считая по теченію Лены. По изслѣдованіямъ г. Кашина, произведеннымъ въ 1868 г., зобы распространились еще больше, уже не внизъ по теченію, а вверхъ по Ленѣ и по многимъ ея притокамъ. Изъ таблицъ зобатости и кретинизма, составленныхъ г. Кашинымъ для Верхоленскаго, Киренскаго, Балаганскаго и Иркутскаго округовъ, видно, что на 68,000 населенія муж. и женщ., 3,310 зобатыхъ (1,144 м. и 2,126 ж.) и 123 кретина (82 м. и 41 ж.) По селеніямъ эта болѣзнь развита неравномѣрно, есть такія, гдѣ она встрѣчается рѣдко, есть и такія, гдѣ на сотню жителей приходится 20 зобатыхъ. Причина этого недуга наука не разъяснила еще въ достаточной степени, но нѣтъ сомнѣнія, что она въ значительной степени зависитъ отъ вѣчно сырой атмосферы Лены.

Кромѣ этихъ, болѣе или менѣе объемистыхъ статей, въ «Сборникѣ» помѣщены «Метеорологія города Самары», соч. г. Укке, и весьма обширное изслѣдованіе доктора Ольдекопа «Медико-топографія города Астрахани и его ближайшей окружности». Объемистая монографія эта даетъ весьма опредѣленное понятіе объ этомъ полуазіатскомъ, полурусскомъ городѣ, въ историческомъ, этнографическомъ, топографическомъ, медицинскомъ и другихъ отношеніяхъ. Начавъ съ исторіи и географическаго положенія Астрахани, г. Ольдекопъ разсматриваетъ племена и народности, составляющія населеніе Астрахани, статистику народонаселенія и его нравы, общественную и домашнюю жизнь, орографію, гидрографію, естественную исторію астраханскаго края, господствующія болѣзни съ статистической и климатологической точекъ зрѣнія и, наконецъ, метеорологію. Относительно полноты мы ничего подобнаго не имѣемъ даже о нашихъ столицахъ.

Рядомъ со многими темными сторонами астраханской жизни, г. Ольдекопъ останавливается и на свѣтлой, именно на очень развитомъ и просвѣщенномъ «среднемъ сословіи», состоящемъ изъ чиновниковъ, военныхъ, преимущественно флотскихъ, немногочисленнаго дворянства и крупнаго купечества: «Обстоятельство это слѣдуетъ принимать за слѣдствіе многихъ политическихъ, административныхъ мѣръ правительства; ибо, не говоря объ офицерахъ флота, повсюду отличающихся eo ipso высшимъ научнымъ образованіемъ, сюда присылали въ былыя времена много такъ-называемыхъ «безпокойныхъ людей», невзлюбленныхъ въ другихъ мѣстахъ начальниками по службѣ,—лицъ, отличающихся большею частію образованіемъ и нравственнымъ достоинствомъ отъ людей, поставленныхъ наравнѣ съ ними. Равнымъ образомъ, польскимъ политическимъ ссыльнымъ, даровитымъ людямъ съ выработаннымъ характеромъ, приходилось здѣсь нести кару за ихъ проступки. Такимъ образомъ, занесены сюда стремленіе къ совершенствованію и потребность образованія...» Извѣстно, что это общій законъ развитія для многихъ нашихъ провинціальныхъ городовъ.

Медицинской части монографіи г. Ольдекопа мы не касаемся, но считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе спеціалистовъ на особое явленіе во время холерныхъ эпидемій. «Явленіе это—особый холерный запахъ, не распространяемый самымъ больнымъ, какъ при нѣкоторыхъ сыпныхъ болѣзняхъ, но предшествующій появленію эпидеміи, который, слѣдовательно, какъ бы свидѣтельствуетъ, что почва мѣстности содержитъ въ себѣ много такихъ условій, какія могутъ способствовать развитію холернаго яда. Уже докторъ Витте, имѣющій здѣсь обширную практику, замѣтилъ этотъ запахъ предъ появленіемъ эпидеміи въ 1847 году, и это повторялось предъ всѣми послѣдующими эпидеміями. По свидѣтельству его, запахъ появляется приблизительно за двѣ недѣли до начала эпидеміи. Онъ вѣрно предсказалъ мнѣ наступленіе эпидемій 1859 и 1860 годовъ, и одинъ разъ, мнѣ кажется (?!), я самъ замѣтилъ этотъ запахъ. Этотъ запахъ чрезвычайно похожъ на запахъ гніющей падали, но все-таки его легко отличить отъ послѣдняго... Запахъ этотъ отнюдь не постояненъ, но какъ бы внезапно появляется и затѣмъ снова исчезаетъ?» (Стр. 596—7).

Заключимъ нашъ обзоръ самымъ искреннимъ желаніемъ, чтобы этотъ превосходный «Сборникъ» не ограничился первымъ опытомъ; если же въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ имѣются суммы на «полезныя изданія», то едва ли скоро представится другой случай изданія болѣе полезнаго.

О значеніи врачей-экспертовъ въ уголовномъ судопроизводствѣ. Л. Владимірова. Харьковъ. 1870 г. Стр. 136.

Чѣмъ чаще призываются въ новый судъ врачи-эксперты для дачи своихъ словесныхъ заключеній—старый судъ нашъ имѣлъ дѣло только съ письменными заключеніями—и подвергаются, наравнѣ съ свидѣтелями, перекрестному допросу по спорнымъ вопросамъ о состояніи умственныхъ способностей подсудимаго, о причинахъ послѣдовавшей смерти или болѣзни, о послѣдствіяхъ для жизни или здоровья ранъ или тѣлесныхъ поврежденій, тѣмъ настоятельнѣе становится для всѣхъ участвующихъ въ судѣ уяснить себѣ истинное значеніе на судѣ врачей-экспертовъ. Авторъ, хорошо знакомый съ литературой избраннаго имъ предмета, посвящаетъ первую половину своего труда разбору многоразличныхъ воззрѣній на экспертизу, по которымъ одни (Миттермайеръ, Цахаріэ) считаютъ ее особымъ самостоятельнымъ видомъ уголовныхъ доказательствъ; другіе относятъ ее то къ личному осмотру (Бонье), то къ свидѣтельскимъ показаніямъ (англійскіе процессуалисты); и наконецъ, третьи видятъ во врачахъ-экспертахъ не истолкователей только, но рѣшителей или по-просту судей тѣхъ вопросовъ, для разъясненія которыхъ они приглашаются. Этого послѣдняго мнѣнія

держится и самъ авторъ, разсматривающій во второй половинѣ своего труда (съ 61 стр.) дѣятельность врачей-экспертовъ на предварительномъ и судебномъ слѣдствіи. Хотя противъ этого взгляда, отождествляющаго положеніе на судѣ врачей-экспертовъ съ положеніемъ присяжныхъ, рѣшающихъ спорные факты, и можно многое возразить—напр., какъ быть въ томъ случаѣ, когда по извѣстному замѣчанію, приводимому самимъ авторомъ (с. 28), *двухъ* медиковъ, призванныхъ къ больному, будетъ *три* мнѣнія; или когда, напр. (это уже не анекдотъ) авторитетъ въ дѣлѣ токсикологіи, англійскій химикъ Тейлоръ, въ процессѣ Сметерста (у автора вслѣдствіе опечатки напечатано стр. 44: Смитгерета), объявилъ послѣ изслѣдованія, что нашелъ мышьякъ, а потомъ долженъ былъ сознаться, что сдѣлалъ ошибку,—наконецъ, противорѣчивыя показанія первыхъ знаменитостей по химіи въ процессѣ Лафаржъ — тѣмъ не менѣе изслѣдованіе г. Владимірова будетъ прочтено нашими юристами не безъ интереса, такъ какъ онъ вездѣ, гдѣ представляется случай, касается статей нашего устава уголовнаго судопроизводства и соотвѣтствующихъ рѣшеній кассаціоннаго сената.

Post-scriptum. — Въ дополненіе къ сказанному нами выше, во Внутреннемъ Обозрѣніи, стр. 811, мы должны присоединить обнародованную «Правительственнымъ Вѣстникомъ» 24-го марта, и состоявшуюся 25-го февраля, Высочайшую резолюцію на прошеніе Лифляндскаго дворянства: «*Такъ какъ законы общіе и мѣстные заимствуютъ силу свою отъ единой Власти Самодержавной, то рѣшительно отказать Лифляндскому дворянству въ ходатайствахъ, изложенныхъ въ семъ прошеніи, и тѣмъ болѣе, что они несогласны съ самымъ введеніемъ къ Своду мѣстныхъ узаконеній*».

ПОПРАВКА.

Въ мартовской книгѣ, стран. 457, строч. 9 сн., напечатано: *съ политурой;* слѣдуетъ: съ палитрой.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

МАРТЪ — АПРѢЛЬ, 1870.

Книга третья. — Мартъ.

Книга четвертая. — Апрѣль.

...гданъ Хмельницкій. Сочиненіе *Н. Костомарова*. Въ трехъ томахъ. Изданіе 3-ье, исправл. и дополн. Спб. 1870. Стр. 217, 433 и 359. Ц. 5 руб. съ перес.

...Какъ важность эпохи Богдана Хмельницкаго ...общихъ судьбахъ европейскаго сѣверо-востока, ...къ и несомнѣнныя достоинства труда, посвя...ннаго на разработку факта присоединенія Ма...россіи къ Россіи, давно уже обратили вниманіе ...монографію Н. И. Костомарова о Богданѣ ...мельницкомъ, занявшую почетное мѣсто въ клас...ческой литературѣ отечественной исторіи. Намъ ...тается только указать на новую переработку, ...торой авторъ подвергъ свой трудъ при третьемъ ...даніи. Обширное введеніе о состояніи Малорос...и до Богдана Хмельницкаго, начиная отъ осно...нія казачества и въ теченіе всего литовскаго ...еріода, — написано вновь. Тоже можно сказать ...первой и послѣдней главахъ монографіи, кото...ыя переработаны въ цѣлости, на основаніи ру...описей здѣшней Публичной Библіотеки и бумагъ ...осковскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ. Въ ...онцѣ третьяго тома помѣщены, въ большомъ ...слѣ народныя пѣсни историческаго и политиче...каго характера, изъ эпохи Богдана Хмельницкаго.

...преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву. Изслѣдованіе *Н. С. Таганцева*. Спб. 1870.

Изслѣдованіе г. Таганцева, не смотря на свою ...пеціальность, представляетъ, по живости изложе...ія и литературной обработкѣ, значительный ин...ересъ для большинства образованной публики, ..., безъ сомнѣнія, будетъ отнесено къ числу серьез...ыхъ пріобрѣтеній для нашей юридической лите...атуры. Настоящій выпускъ посвященъ изложенію ...ченія объ убійствѣ вообще. Продолженіе труда, ...бѣщанное авторомъ вскорѣ, обниметъ собою раз...смотрѣніе особенныхъ видовъ преступнаго лише...ія жизни.

...олное собраніе законовъ, въ извлеченіи къ законамъ о безмездномъ пріобрѣтеніи имуществъ и о наслѣдствѣ, Изд. *Грибовскаго* и *Островскаго*. М. 1870. Стр. 634. Ц. 2 р.

Цѣль издателей—сдѣлать общедоступнымъ изу...еніе Полн. Собр. Законовъ, которое по своей ...дороговизнѣ рѣдко встрѣчается въ библіотекѣ ...астныхъ лицъ, между тѣмъ какъ новая судебная ...рактика дѣлаетъ часто необходимымъ историче...ское толкованіе закона. Въ настоящей книгѣ авто...ры ограничились однимъ изъ наиболѣе интересныхъ ...тдѣловъ русскаго гражданскаго права, отлагая ...подобную же работу для прочихъ отдѣловъ до ...ругого времени.

Овцеводство въ Россіи. *С. П. Щепкина*. Спб. 1870. Стр. 172.

О важности овцеводства въ Россіи можно судить по одному тому, что въ числѣ сырыхъ предметовъ, вывозимыхъ за границу, шерсть, послѣ хлѣба, занимаетъ у насъ первое мѣсто. Такъ, наприм., въ 1864 г. было вывезено шерсти почти на 20 мил., а сала на 9 м., пеньки—на 8 м., лѣса—на 7 мил., и т. д. Развитію овцеводства у насъ предстоитъ еще большое поприще, если судить по тому, что въ Россіи пока приходится полъ-овцы на человѣка. Для общихъ мѣръ къ улучшенію этого дѣла необходимы точныя свѣдѣнія о современномъ положеніи овцеводства, а ихъ-то именно и не было. Потому министерство госуд. им. оказало значительную услугу, издавъ въ свѣтъ новѣйшія наблюденія инспектора сельскаго хозяйства С. П. Щепкина по такой важной отрасли сельскаго хозяйства, какъ овцеводство.

Политическое призваніе Остзейскаго края. Очеркъ *Б. И. Г.* Спб. 1870. Стр. 54 Ц. 50 к.

Отдавая справедливость умѣренному тону автора брошюры, мы не можемъ не замѣтить, что самое заглавіе ея ставитъ какъ бы внѣ вопроса то, что и составляетъ публицистическое яблоко раздора. Собственно, «политическое» призваніе Остзейскаго, какъ и всякаго другого края, есть политическое призваніе Россіи. Авторъ полагаетъ: «Быть гаванью и Великою Греціею (т. е. южною Италіею) Россіи — таково политическое призваніе нашего Остзейскаго края». Но тутъ нѣтъ ровно ничего политическаго: тутъ можетъ представиться экономическое, стратегическое и какое угодно значеніе, но не политическое. Точно также напрасно авторъ говоритъ (с. 51) о какомъ-то «Остзейскомъ (?) просвѣщеніи», которое мы должны будто бы догнать. Въ крестьянскомъ вопросѣ, въ судебныхъ и мировыхъ учрежденіяхъ, русское просвѣщеніе несравненно ближе къ европейскому, чѣмъ «остзейское».

Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой. Историческая монографія. *Н. И. Костомарова*. Спб. 1870. Стр. 870. Ц. 3 р.

Нашимъ читателямъ вполнѣ извѣстенъ этотъ новѣйшій и весьма обширный трудъ почтеннаго историка, изданный «Вѣстникомъ Европы» въ прошедшемъ году. Появленіе его въ особомъ изданіи тѣмъ болѣе кстати, что экземпляры нашего журнала за 1869 г. давно уже разошлись, и монографія оставалась недоступною для большинства читающей публики.

ПОДПИСКА

НА ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ"

въ 1870 году.

---

1. *ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—**15 руб.**;—2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ*, и *въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева*—**15 р. 50 к.**; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ—**16 р. 50 к.**, въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) *Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ*, желающіе получать журналъ съ доставкою или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять свой адрессъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ.—Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

б) *Городскіе подписчики въ Москвѣ*, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желающіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

в) *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;—2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія* и *Германія*—18 руб.; *Бельгія, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества*—19 руб.; *Франція* и *Данія*—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція* и *Греція*—21 руб.; *Швейцарія*—22 руб.; *Италія и Римъ*—23 рубля.

Примѣчаніе.—«Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ—шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ—въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца въ порядкѣ трактовъ. Городскимъ подписчикамъ журналъ доставляется въ глухой обложкѣ; иногороднымъ и иностраннымъ—въ бандероляхъ; экземпляры иногородные имѣютъ на себѣ адрессъ подписчика и отправляются при особой *именной картѣ* для росписки получателей, съ обозначеніемъ дня сдачи книгъ въ Газетную Экспедицію.

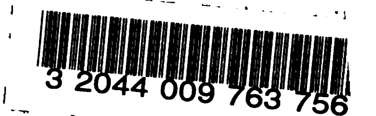
2. *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала.

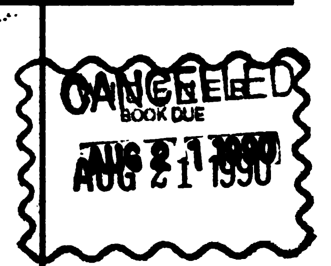
3. *ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно снооситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.

3 2044 009 763 756

CANCELLED
BOOK DUE
AUG 21 1990

